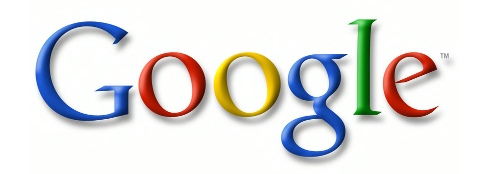


This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

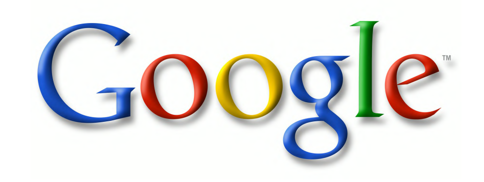
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/



Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ипринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

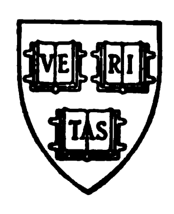
Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

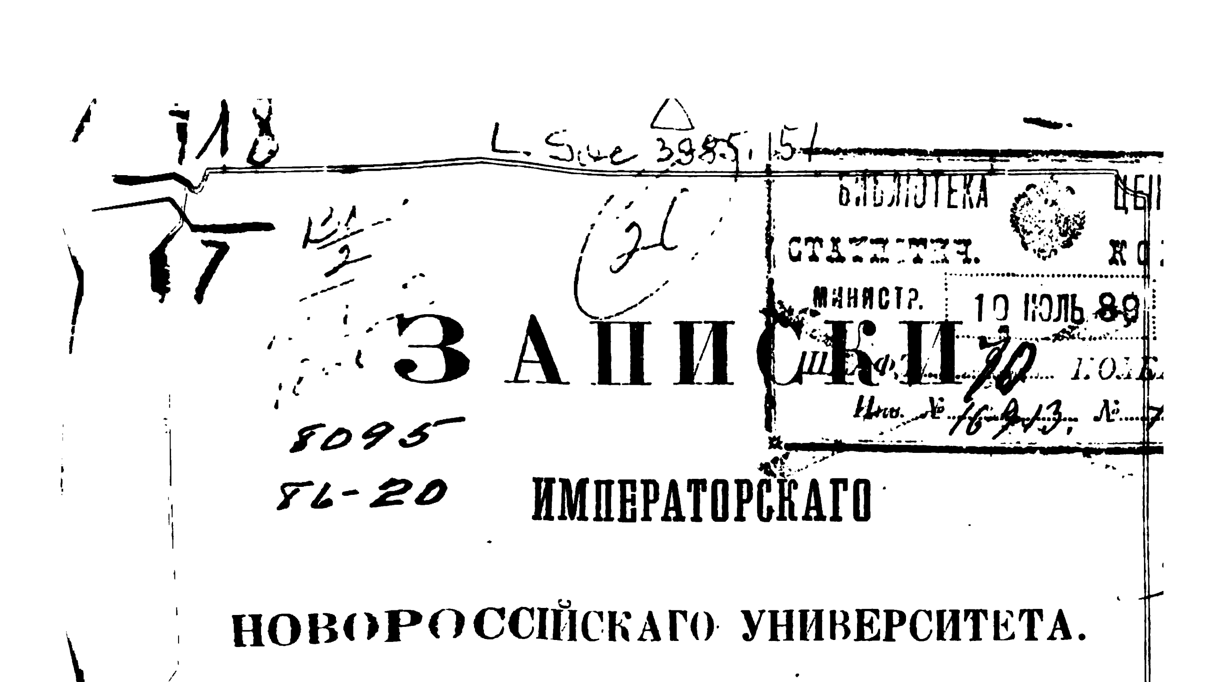
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

Doc 5985.131



HARVARD
COLLEGE
LIBRARY


L. Soc 3985.151
БИБЛИОТЕКА ЦЕН
СТАТИСТИЧ. КО
МИНИСТР. 10 ИЮЛЬ 89
Инв. № 16913.
8095
86-20

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Годъ второй.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Выпуски 1—6.

ОДЕССА,

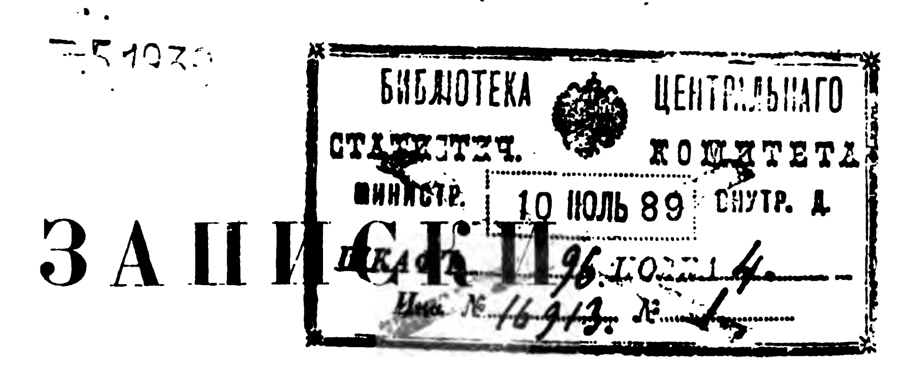
ВЪ ТИПОГРАФІИ П. ФРАНЦОВА.

1868.

86-39
HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 31 JAN 1968

4967 MO

5 1030



ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Годъ второй.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Выпуски 1—6.

102128

ОДЕССА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ П. ФРАНЦОВА.
1868.

4967 MO

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Годъ второй.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Выпуски 1—6.

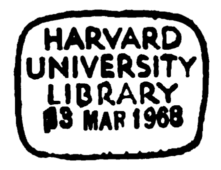
102128

ОДЕССА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ П. ФРАНЦОВА.
1868.

LSoc 3985.151 (II, 1-6)

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Новороссійскаго университета.

Секретарь Совѣта *В. Орловъ*.



Содержаніе.

ЯГЕЛЛО-ЯКОВЪ-ВЛАДИСЛАВЪ

и

ПЕРВОЕ СОЕДИНЕНІЕ ЛИТВЫ СЪ ПОЛЬШЕЮ.

М. СМИРНОВА.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Коренное литовское племя, какъ должно предполагать, весьма немногочисленное, населяло небольшое пространство, которое отдѣлялось отъ родственныхъ литовцамъ, пруссовъ, семигаловъ и куроновъ дремучими лѣсами, низинами и рѣками, текущими въ болотистыхъ берегахъ и со всѣхъ другихъ сторонъ соприкасалось съ поселеніями славянъ, мазуровъ и русскихъ, преимущественно кривичей. Это небольшое пространство въ глубокой древности дѣлилось на четыре части или области: *Пелузія*, между рѣками Пелузой, Дитвой, Жижмой, и Сольчей, *Нерома* далѣе къ Виліи до Невѣжи, отъ Невѣжи на востокъ, со включеніемъ стараго励 вилькомирскаго повѣта, *Аукстете* или верхняя Литва, а часть, обращенная къ морю Литва нижняя (żomaicia Zieme или żmojdz) или *Жмудь*. Населеніе первыхъ трехъ почти тождественно и по особенностямъ быта и по языку, Жмудь представляетъ гораздо болѣе отличій и имѣетъ свое особенное нарѣчіе. Запертая на сѣверѣ и западѣ рыцарями и Польшею, Литва естественно не могла расширяться въ тѣ стороны, за то востокъ и югъ были для нея открыты: раздоры, обезсиливавшіе русскихъ князей, татарское иго, тяготѣвшее надъ народомъ и побуждавшее его къ перемѣнѣ своего положенія, облегчали литовскія завоеванія на Руси. Важнѣйшія изъ нихъ относятся ко времени Гедимина и Ольгерда. Они добыли Пинскъ, Витебскъ, Полоцкъ, Минскъ, Берестье, Волынь, Кіевъ съ Черниговымъ, Сѣверскомъ и Брацлавомъ т. е. всю Украйну за Очаковъ до Чернаго моря и

отъ Путивля до Дона. На сѣверовостокѣ литовское государство приблизилось къ границамъ Новгорода и Пскова, что̀ поставило эти города подъ сильное вліяніе Гедиминовичей, а завоеваніе у татаръ Подоліи прибавило къ Литвѣ богатую, текущую медомъ и млекомъ, область. Присоединеніе Крыма по всей вѣроятности было временнымъ; по словамъ извѣстнаго Михалона, «литовцы, освободивъ народы, земли и крѣпости рутенскія отъ ига татаръ и баскаковъ, распространили свое владычество отъ моря самогитскаго, что́ называется балтійскимъ, до Понта эвксинскаго, гдѣ устье Днѣпра и до предѣловъ Валахіи, другой римской колоніи, занявъ земли волынскую, кіевскую, сѣверскую и степи до границъ Тавриды и Тованскаго перевоза чрезъ Днѣпръ... но и въ Тавридѣ распространили свои владѣнія: доселѣ (т. е. въ XVI вѣкѣ) существуютъ тамъ Гедиминовы и Витовтовы валы, холмы, колодцы, мосты, дороги, рвы, лагери и стѣны, разгромленныя орудіями туземцевъ, а иныя разрушенныя даже палками Литовцевъ». [1] Послѣднія слова Михалона относятся равно къ Московіи и къ Тавридѣ, вотъ почему рядомъ съ Витовтомъ, котораго походы на Крымъ несомнѣнны, помѣщенъ Гедиминъ, никогда не бывавшій въ Крыму. Очень странно, что Михалонъ не говоритъ объ Ольгердѣ, который взялъ Херсонъ и опустошилъ Крымъ въ 1363 году.

Изъ этого краткаго очерка расширенія Литвы очевидно, что главная ея сила заключалась въ русскихъ областяхъ и русскомъ народѣ, собственная Литва могла сообщить очень не многое для житейскихъ удобствъ своего населенія: «Литовцы, говоритъ Длугошъ, довольствуясь мясомъ дикихъ звѣрей и рыбъ, пренебрегаютъ земледѣліемъ и всѣмъ, что можетъ служить для пользы и удобства человѣка»; по его мнѣнію земледѣліе было даже невозможно въ Литвѣ: «вслѣдствіе суровости климата, хлѣбъ тамъ не дозрѣваетъ, такъ

что ему придаютъ зрѣлость искуственно, посредствомъ огня» [2]. Онъ же, желая представить скудныя средства литовцевъ, говоритъ, что покоренные русскими они платили имъ дань дубовыми вѣниками, [3] но это, конечно, едва ли справедливо: дремучіе лѣса и обиліе звѣрей могли доставить очень выгодную дань русскимъ; за вѣниками не стоило присылать сборщиковъ, а между тѣмъ извѣстно, что они жили въ городѣ, который литовцами назывался Khurgani, а русскими, тамъ поселившимися названъ Троки [4], отъ слова торочить, что указываетъ на постоянное занятіе всего населенія охотою. Это занятіе было единственнымъ средствомъ къ жизни, а потомъ сдѣлалось любимымъ удовольствіемъ всѣхъ классовъ народа; когда охотились князья, тысячи народа окружали извѣстную часть лѣса и богатая добыча изъ зубровъ, туровъ, лосей, дикихъ коней, соболей, куницъ, горностаевъ и бѣлокъ, сама бѣжала на стрѣлы и ружья охотниковъ. Литовцы отличались высокимъ ростомъ и темными, рѣдко вполнѣ черными волосами [5], важнѣйшая черта ихъ, съ которою они являются въ древнѣйшее уже время, есть ихъ воинственность, «они бѣгутъ на службу, по первому призыву князя, не спрашивая о жалованьи и стараются выступить хорошо одѣтыми [6]. Оружіе выдаетъ имъ князь, который также заботится объ ихъ прокормленіи».[7] «Литовецъ, говоритъ первый католическій епископъ Литвы, родится рыцаремъ; ему нуженъ только извѣстный возрастъ, естественное укрѣпленіе тѣла, чтобы высказать свои военныя способности». [8] Въ исторіи литовской мы можемъ наглядно замѣтить ту дикую страсть, съ которою литовцы бросаются въ наѣзды на непріятеля; правильную войну они любятъ гораздо менѣе и хотя, съ теченіемъ времени, мы замѣчаемъ успѣхи въ ихъ военномъ искуствѣ, но все таки должны сказать, что литовцы всегда оставались лихими наѣздниками, способными разгромить непріятеля смѣ-

лымъ ударомъ и не отличались стойкостью въ регулярномъ сраженіи съ хорошо устроеннымъ войскомъ. [9] Въ случаѣ нападенія на нихъ непріятеля съ силами, превышавшими ихъ собственныя средства, они и не думали защищаться: немедленно, съ своимъ имуществомъ, скрывались въ лѣсахъ, оставляя пустыми свои деревянные дома, выстроить которые, при обиліи лѣса, ничего не стоило. Непріятель находилъ безлюдную пустыню, въ которой могъ умереть съ голоду, такъ какъ все было спрятано и потому все необходимое долженъ былъ везти съ собою; при отступленіи же его, изъ лѣсовъ выходили толпы и вступали въ открытый бой, если непріятель казался истощеннымъ, въ противномъ случаѣ уничтожали его внезапными нападеніями и засадами.

Въ домашней жизни литовецъ изображается самыми противуположными чертами, дурными и хорошими; нѣкоторые источники называютъ его нравственнымъ, но въ тоже время находятъ, что онъ лѣнивъ, склоненъ къ пьянству и потому мало достаточенъ. [10] Извѣстія о пьянствѣ представляютъ его порокомъ всеобщимъ и глубоко укоренившимся: «до полудня народъ трезвъ, говорятъ лѣтописи, занимается и работаетъ, остальную же часть дня проводитъ за полными чашами, въ бесѣдахъ и пирахъ, которые тянутся до поздней ночи и въ которыхъ принимаютъ участіе не только мущины, но и женщины. Пьютъ медъ, пиво и привозное вино» [11]. Съ пьянствомъ не разлученъ развратъ, литовскія женщины склонны нарушать свои обязанности къ мужу, [12] жены важнѣйшихъ лицъ явно держатъ любовниковъ, мужья позволяютъ это и любовниковъ обыкновенно называютъ помощниками въ бракѣ; мужьямъ же считается за стыдъ при женахъ держать наложницъ. Браки легко уничтожаются и потому часто женятся вновь. [13] Гостепріимство также является поразительною чертою народнаго характера. «Чужеземецъ, прибывшій

въ Литву и его имущество также безопасны, какъ и въ его собственномъ домѣ; въ этомъ краѣ съ незапамятныхъ временъ, ведется обычай, изобрѣтеніе мудрой политики, по которому чужеземецъ, ступившій на землю литовскую, лишь только войдетъ въ первый попавшійся домъ, дѣлается лицомъ священнымъ для его владѣльца, послѣдній считаетъ своею обязанностью оберегать и покровительствовать гостю; если онъ пожелаетъ идти далѣе, литовецъ до тѣхъ поръ его не оставитъ, пока не доведетъ до слѣдующаго дома и не сдастъ на попеченіе другаго хозяина; такъ отъ дома до дома, отъ деревни до деревни, путешествіе совершается съ полною безопасностью и удобствомъ. Насиліе, совершенное надъ чужеземцемъ, вызываетъ мщеніе, обращаемое на того, кто въ это время былъ его покровителемъ и проводникомъ, а мстителями являются всѣ тѣ, которые уже принимали у себя пришельца, но такіе случаи весьма рѣдки, рѣдки и преданія о нихъ. Поселившійся въ домѣ литовца иностранецъ дѣлается членомъ его семейства, хозяинъ мститъ за оказанную ему несправедливость и отвѣчаетъ за его проступки, если гость не пожелаетъ сдѣлать этого самъ»...... «Гостепріимство литовцевъ тѣмъ еще пріятнѣе, что гость у нихъ совершенно свободенъ, дѣлаетъ что хочетъ, никто безъ нужды къ нему не является, нѣтъ этой излишней, навязчивой предупредительности, а между тѣмъ всякое желаніе немедленно и охотно исполняется», [14], «одно только у нихъ непріятно: гостя принимаютъ съ полными кубками и такъ приневоливаютъ пить, не только просьбами, но и подарками, что гость скоро теряетъ и голову и ноги» [15].

Лѣнивые и преданные грубымъ удовольствіямъ литовцы не могли бы собственнымъ трудомъ удовлетворить своимъ нуждамъ, еслибъ у нихъ не было особенно развито сословіе рабовъ, которые работали въ то время, когда господа ихъ предавались пьянству; они занимались земледѣліемъ и домашними

работами. Число ихъ постоянно возрастало, какъ чрезъ естественное размноженіе, такъ и вслѣдствіе того, что литовцы никогда не отпускали ихъ на волю. [16]. Весьма немногія ремесла и издѣлія приписываются прямо литовцамъ; между прочимъ женщины ихъ занимались тканьемъ полотенъ и пряжею шерсти, особенно хорошо дѣлали онѣ очень изящные ковры, которыми украшались стѣны. [17]. «Рѣчь въ Литвѣ славянская, говоритъ Эней Сильвій въ своемъ краткомъ описаніи Литвы, [18] языкъ этотъ широко распространился и дѣлится на нѣсколько разныхъ нарѣчій; одни славяне исповѣдуютъ римскую вѣру, таковы поляки, чехи, кроаты, другіе держатся греческаго суевѣрія: москали, русины, болгаре и много литовцевъ». Приводя это мѣсто, мы вовсе не желаемъ утверждать, что всѣ литовцы говорили по русски, мы ссылаемся на него только для доказательства того важнаго значенія, которое имѣла въ Литвѣ русская народность, о чемъ мы говорили уже выше. Тоже самое можно подтвердить множествомъ другихъ фактовъ, которые мы опускаемъ, по причинѣ ихъ общеизвѣстности. Не смотря на различіе исповѣданій, литовцы и русскіе уживались мирно, что́ особенно странно, такъ какъ литовцы изображаются заклятыми врагами христіанства» [19] Въ то время, какъ они ведутъ ожесточенную борьбу со всѣми окружающими ихъ христіанами, не терпятъ у себя проповѣдниковъ, пришедшихъ съ запада, оскорбляютъ, едва не убиваютъ и изгоняютъ Вита, епископа любчанскаго, [20] когда они избиваютъ францисканов, поселившихся въ Вильнѣ и въ Лидѣ, подъ покровительствомъ Ольгерда, обвиняя ихъ въ общественныхъ бѣдствіяхъ, въ тоже время они спокойно принимаютъ русское православіе, русскій языкъ и нравы. Только однажды встрѣчаемъ извѣстіе объ умерщвленіи нѣсколькихъ литовцевъ, принявшихъ православіе; это, конечно, было дѣломъ жрецовъ, которыхъ обязанность заключалась въ сохраненіи

древней религіи, но и въ этой катастрофѣ мы замѣчаемъ извѣстную постепенность, не сразу рѣшились на столь жестокое наказаніе, сначала новообращенныхъ посадили въ тюрьму и только тогда, когда ихъ проповѣдь къ народу, собиравшемуся у окна темницы, обращала цѣлыя толпы въ православіе, жрецы потребовали ихъ смерти. [21] Такое, столь различное отношеніе къ двумъ почти одинаковымъ религіямъ объясняется жестокою и хищническою войною, которую внесли въ Литву рыцари, причемъ жестокость литовцевъ является, какъ отвѣтъ на жестокость рыцарей; весьма естественно, что народъ долженъ былъ ненавидѣть ту религію, которую проповѣдывали ему мечемъ и пожарами, между тѣмъ, какъ русскіе, всегда отличавшіеся терпимостью, [22] никому не навязывали своей вѣры и предоставляли времени и естественному развитію быть главными побудителями литовцевъ къ переходу въ православіе. Умѣренность и терпимость русскихъ въ самихъ же католическихъ источникахъ противуполагается образу дѣйствій католическихъ миссіонеровъ, которые сами портили свое дѣло [23].

Въ отношеніи умственномъ и нравственномъ русскіе стояли несравненно выше литовцевъ, они трезвы и дѣятельны [24] и могутъ похвалиться отсутствіемъ тѣхъ свободныхъ нравовъ, [25] которые были замѣчены нами у литовцевъ; по видимому всѣ занятія сосредоточиваются въ ихъ рукахъ: они строятъ замки, такъ замокъ лидскій былъ выстроенъ въ 1323 году при Гедиминѣ трудами русскихъ, призванныхъ изъ Кіева и изъ Волыни;[26] В. К. Витовтъ, предпринимая постройки въ Вильнѣ, выписываетъ ремесленниковъ изъ Луцка; [27] русскіе хорошіе артиллеристы [28] и отличаются стойкостью въ сраженіяхъ; изъ нихъ же набираютъ цѣлый оркестръ прекрасныхъ лютнистовъ и флейтистовъ для Ягелла, когда онъ былъ уже королемъ польскимъ. [29] Въ Вильнѣ, гдѣ они

поселились съ весьма давняго времени, процвѣтаютъ торговля и ремесла, вносящія удобства и даже нѣкоторую роскошь въ жизнь населенія. Въ концѣ XIV вѣка производство стекла было уже такъ развито, что всѣ, богатые и бѣдные, имѣли стеклянныя окна въ своихъ домахъ; въ этомъ производствѣ русскимъ принадлежитъ только его усовершенствованіе, потому что есть свидѣтельства, доказывающія, что оно было извѣстно литовцамъ въ глубокой древности. [30] Въ отпускной торговлѣ, кромѣ товаровъ, которыми и въ древности изобиловала Литва, мѣховъ, меду, воску, и лѣсныхъ издѣлій, позднѣе встрѣчаемъ ленъ и разные хлѣба, что слѣдуетъ приписать трудолюбію русскихъ; въ торговлѣ внутренней они захватили наиболѣе доходныя статьи, такъ напр. продажу напитковъ, очень выгодную при наклонности литовцевъ къ пьянству. [31] Они же занимаютъ разныя и немаловажныя должности; даже пограничные, слѣдовательно очень важные по своему положенію, замки ввѣряются ихъ начальствованію, ими же замѣщены всѣ должности, требующія нѣкотораго образованія, по крайней мѣрѣ умѣнья читать и писать; послѣднее понятно, такъ какъ въ Литвѣ употреблялаеь исключительно русская письменность; литовскія письмена существовали когда то, по крайней мѣрѣ о нихъ упоминаютъ источники, [32] но въ историческое время они не употреблялись. Тѣ изъ литовцевъ, которые не хотѣли ограничиться одною, чисто военною карьерой, должны были пріобрѣсть русское образованіе и для этого выѣзжали въ города литовской Руси, гдѣ при монастыряхъ были устроены училища, [33] но понятно, что они, послѣ того, обращались въ русскихъ.

При такихъ свойствахъ русскаго племена весьма естественно, что оно имѣло громадное вліяніе на литовцевъ во всѣхъ отношеніяхъ; только этимъ вліяніемъ объясняются многіе, крупные факты литовской исторіи, какъ напр. измѣ-

неніе въ характерѣ и значеніи княжеской власти, по отношенію къ власти Криве-Кривейто. Безъ всякаго сомнѣнія литовцы совершенно бы обрусѣли, еслибъ не соединились съ Польшею въ 1386 году. Какъ произошелъ этотъ поворотъ въ литовской исторіи и личность Ягелла, его произведшаго, будетъ предметомъ нашего изслѣдованія.

ГЛАВА I.

Ольгердъ, сынъ Гедимина, великій князь литовскій, имѣлъ 12 сыновей; въ этомъ согласны всѣ источники, какъ польскіе, такъ и литовско-русскіе, что же касается до женъ его, то о нихъ встрѣчаемъ разногласіе. Польскіе лѣтописцы не знали первой жены Ольгерда, а вторую, княжну тверскую, называли Маріей. [34] Стрыйковскій поправилъ ихъ ошибку, зналъ двухъ женъ литовскаго князя, первую — княжну витебскую и вторую — княжну тверскую, но перемѣшалъ ихъ имена [35] и только лѣтопись, изданная Нарбутомъ, сообщаетъ настоящія имена ихъ, Маріи, княжны витебской и Юліанны, княжны тверской, [36] чтó подтверждается и надписью на одномъ древнемъ евангеліи, которое видѣлъ неутомимый Нарбутъ. [37] Вопросъ о престолонаслѣдіи, очевидно, не былъ рѣшенъ въ Литвѣ теоретически, отчего и практика въ этомъ отношеніи отличается разнообразіемъ. Повидимому уважаемое всѣми право первородства опредѣляло порядокъ наслѣдованія, но не рѣдко встрѣчаются и случаи его нарушенія. Такъ по смерти Гедимина ему наслѣдовалъ младшій сынъ Явнутъ, тогда какъ старшіе братья должны были довольствоваться второстепеннымъ и даже подчиненнымъ положеніемъ. Далеко не блестящія качества Явнута были причиною, что братья свергли его съ великокняжескаго престола, который отдали старѣйшему и мудрѣйшему Ольгерду. Въ этомъ нельзя видѣть, однакожъ, желаніе поправить порядокъ наслѣдованія, по которому старшій сынъ дѣлается наслѣдникомъ умершаго

отца, потому что Ольгердъ не былъ старшимъ, старшій Наримунтъ сидѣлъ въ Новгородѣ и русскія лѣтописи положительно говорятъ, что онъ, какъ старшій, добивался великокняжескаго достоинства. Съ другой стороны, Кейстутъ, посадивъ Ольгерда въ Вильнѣ, говоритъ ему: «ты старшій между нами,»[38] о Наримунтѣ онъ не упоминаетъ и едва ли потому, что Наримунтъ, какъ князь Великаго Новгорода, казался княземъ иноземнымъ и какъ бы уже лишеннымъ правъ, принадлежавшихъ членамъ литовскаго княжескаго рода. Скорѣе можно думать, что литовское государство, образовавшееся еще такъ недавно, пе выработало пока прочнаго порядка во многихъ отношеніяхъ, а между прочимъ и въ вопросѣ наслѣдованія, который такимъ образомъ предоставлялся произволу князей. Самовольный поступокъ Гедимина, заставившій братьевъ дѣйствовать насиліемъ противъ брата, повлекшій за собою выселеніе Явнута въ московское государство и весьма затруднительное положеніе для Наримунта, не остановилъ Ольгерда также самовольно распорядиться своимъ наслѣдствомъ. Подъ вліяніемъ второй жены своей Юліанны, онъ устранилъ все потомство Маріи витебской и назначилъ своимъ преемникомъ Ягелла, старшаго сына отъ Юліанны. Предполагаютъ несомнѣннымъ,[39] что Ольгердъ, умирая, обязалъ своего брата и вѣрнаго сподвижника Кейстута содѣйствовать исполненію его завѣщанія. Это обстоятельство могло бы привести къ мысли о наслѣдованіи по праву старѣйшинства, но предъидущіе факты литовской исторіи уничтожаютъ возможность подобнаго заключенія, такъ напр Гедиминъ умеръ въ то время, когда младшій братъ его Воинъ, кн. Полоцкій, былъ еще живъ,[40] слѣдовательно обращаясь къ Кейстуту, очевидно не имѣвшему никакого права на достоинство великаго князя, Ольгердъ цѣнилъ въ немъ человѣка дѣятельнаго, предпріимчиваго, искуснаго воина и, чтó особенно важно, князя любимаго народомъ,

который, если бы пожелалъ, всегда могъ нарушить распоряженіе Ольгерда. [41] Если такъ объяснять это обращеніе, то мы еще болѣе убѣдимся, что въ Литвѣ не было точно опредѣленнаго порядка наслѣдованія, но, кажется, право первородства было предпочитаемо праву старѣйшинства въ цѣломъ родѣ. Какъ Наримунтъ возсталъ противъ Ольгерда, такъ теперь Андрей, старшій сынъ Ольгерда, возстаетъ противъ Ягелла; такимъ образомъ княженіе Ягелла открывается борьбою съ старшимъ братомъ.

Прошедшее Андрея, указывая на средства, которыми онъ располагалъ, объясняетъ намъ его рѣшимость заявить свои притязанія. Онъ тѣсно связанъ съ исторіей русскаго народа; около половины XIV вѣка произошелъ разрывъ между Новгородомъ и Псковомъ; угрожаемые меченосцами и лишенные поддержки своихъ старшихъ братьевъ, псковичи обратились къ Ольгерду и просили его помощи, появленіе его съ войскомъ заставило рыцарей снять осаду Изборска и выступить изъ предѣловъ псковской области. Обрадованные псковичи усильно просили своего избавителя, тогда еще князя витебскаго, креститься и остаться княжить у нихъ. Ольгердъ отказался и вмѣсто себя далъ старшаго сына Андрея, который тогда же былъ окрещенъ въ соборной, святотроицкой церкви; [42] по неизвѣстнымъ причинамъ молодой князь скоро оставилъ Псковъ и уѣхалъ въ Литву, [43] тогда псковичамъ пришлось мириться съ Новгородомъ [44] и самимъ воевать съ рыцарями. Впослѣдствіи мы видимъ Андрея въ Полоцкѣ, гдѣ прежде княжилъ братъ Гедимина Воинъ. Намѣреваясь разорвать съ братомъ, Андрей сблизился съ ливонскимъ орденомъ и вошелъ въ прежнія отношенія къ Пскову, который снова призналъ его своимъ княземъ, [45] но все еще не считая себя достаточно сильнымъ, онъ удалился въ Москву и отдался подъ покровительство Димитрія Донскаго; съ этого времени начинаются

его враждебныя дѣйствія противъ Ягелла и литовскаго государства. Димитрій Донской, предполагая въ Литвѣ безпорядки по смерти Ольгерда, отправилъ своего двоюроднаго брата, Владиміра Андреевича на Стародубъ и Трубчевскъ, гдѣ княжилъ Димитрій Ольгердовичъ; великокняжескому войску долженъ былъ помогать Андрей полоцкій. [46] За этимъ первымъ, открытымъ возстаніемъ противъ брата и великаго князя, скоро послѣдовало другое: въ 1380 г. на полѣ куликовомъ, рядомъ съ Донскимъ, бились съ татарами два литовскихъ князя: Андрей полоцкій и псковскій и Димитрій Корибутъ, брянскій. [47] Въ этомъ участіи ихъ въ борьбѣ христіанъ съ невѣрными, конечно, не было еще ничего преступнаго, но дѣло въ томъ, что великій князь Ягелло, не смотря на свое православіе, соединился не съ христіанами, а съ невѣрными. Странно видѣть въ этомъ слѣдствіе той ненависти къ московскому князю, которую, будто бы, Ягелло всосалъ съ молокомъ матери, происходившей изъ извѣстнаго своею ненавистью къ Москвѣ, дома тверскихъ князей. Не скорѣе ли слѣдуетъ видѣть въ этомъ противуестественномъ союзѣ съ татарами продолженіе той завоевательной дѣятельности противъ Руси вообще, которою давно уже отличались литовскіе князья? Не забудемъ къ тому же, что Ягелло былъ раздраженъ противъ московскаго князя за недавнее отобраніе Трубчевска и за дружескій пріемъ, оказанный въ Москвѣ поссорившимся съ нимъ братьямъ. Хотя на этотъ разъ не было прямаго столкновенія между братьями, потому что Ягелло, по излишней осторожности, не принималъ участія въ битвѣ, стоялъ поодаль отъ куликова поля, но тѣмъ не менѣе верховный государь Литвы долженъ былъ считать за бунтъ то обстоятельство, что войска его брата бились съ его союзниками. Энергія Андрея вызвала наконецъ рѣшительныя мѣры со стороны Ягелла, онъ лишилъ его Полоцка и отдалъ послѣдній другому своему брату Скиргеллу, но лишь

только Скиргелло явился въ Полоцкъ, какъ граждане схватили его, посадили на старую клячу и, повозивъ такимь образомъ по городу, среди брани и ругательствъ, выгнали и погрозили жестокимъ наказаніемъ, въ случаѣ его возвращенія. [48] Въ отмщеніе жестокой обиды Ягелло двинулъ русско литовское войско подъ начальствомъ того же Скиргелла, который осадилъ городъ, но мщеніе должно было замедлиться: явились болѣе сильные враги и новыя опасности для Ягелла въ лицѣ Кейстута. Когда вѣсть о торжествѣ послѣдняго достигла осаждающихъ, они оставили Скиргелла на произволъ судьбы и пошли на соединеніе съ Кейстутомъ. [49] Союзъ Скиргелла съ ливонскими рыцарями и помощь ихъ, купленная обѣщаніемъ уступить имъ часть полоцкаго княжества, также не имѣли послѣдствій: 14 недѣль стояли рыцари подъ Полоцкомъ и отступили, не взявъ его. [50]

То немногое, что сказано нами о первыхъ дѣйствіяхъ Ягелла, не можетъ дать высокаго понятія объ этой личности. Первые годы своего княженія онъ остается недѣятельнымъ, его не слышно въ литовской исторіи; сосѣднее государство, ободренное этою недѣятельностью, отрываетъ часть его владѣній, принимаетъ въ свое подданство его родныхъ братьевъ и Ягелло все таки молчитъ и пока ничѣмъ не обнаруживаетъ своего гнѣва. Какая разница между сыномъ и отцомъ, который идетъ на новгородцевъ только потому, что «лаялъ его посадникъ ихъ Евстафій дворянинецъ» [51] Въ Ягеллѣ нѣтъ этой открытой, благородной рѣшимости наказать оскорбителя, онъ въ тайнѣ приготовляетъ мщеніе и здѣсь дѣлаетъ новую ошибку. Мы довольно говорили уже о томъ, какую важную роль играло въ Литвѣ русское племя, самая простая политика заставляла князей литовскихъ отчасти сообразовать свои дѣйствія съ его видами и симпатіями, мы видѣли также, что одною изъ причинъ охотнаго подчиненія рус-

скихъ Литвѣ была достигаемая такимъ образомъ свобода отъ ига татаръ и вотъ литовскій государь рѣшается теперь мстить Москвѣ въ союзѣ съ этими татарами. Намъ кажется, что подобный образъ дѣйствій не могъ нравиться даже литовцамъ, привыкшимъ бить татаръ, не говоря уже о русскихъ, которымъ онъ представлялся противуестественнымъ. Всѣ тѣ порицанія и укоризны, которыхъ не щадятъ для Ягелла русскія лѣтописи, [52] конечно, находили громкій отголосокъ въ сердцахъ русскихъ подданныхъ этого князя. Мы можемъ допустить, что блескъ побѣды, разгромъ врага и слава осіявшая Ягелла, еслибы онъ побѣдилъ съ татарими московскаго князя, могли бы еще нѣсколько ослабить этѣ непріятное впечатлѣніе или, по крайней мѣрѣ, побудили бы уважать Ягелла, считать его славнымъ, побѣдоносныиъ, что, какъ извѣстно, сильно дѣйствуетъ на массу, но и этого не было: Ягелло тихо прокрался въ московское государство, не имѣлъ достаточно храбрости, чтобы вступить въ битву и поддержать своихъ союзниковъ и, когда они были разбиты, онъ быстро направился къ своимъ предѣламъ. Понесенныя неудачи тѣмъ болѣе раздражили его, что въ войскѣ врага онъ встрѣтилъ родныхъ братьевъ, ихъ слѣдовало наказать, Ягелло пылаетъ мщеніемъ, но прежде всего любя спокойствіе, онъ поручаетъ это Скиргеллу. Такимъ образомъ первыя дѣйствія Ягелла составляютъ ошибку, потому что, оставаясь безплодными, не достигая цѣли, они производятъ весьма непріятное впечатлѣніе на большую часть населенія; но, пока живъ Кейстутъ, великому князю не страшны никакія невзгоды, никакія ошибки не пошатнутъ его престола, въ дядѣ онъ имѣетъ крѣпкую, нерушимую опору и мы вполнѣ поймемъ это, если вспомнимъ главныя черты его прекрасной личности.

Горячо преданный своему старшему брату, охотно признавая его превосходство, Кейстутъ поступилъ благородно и благора-

зумно, передавъ ему великокняжеское достоинство, обязанности котораго едва ли соотвѣтствовали характеру Кейстута. Не смотря на то, что онъ владѣлъ обширнымъ княжествомъ (Троки, Берестье, Гродно, Ковно, Веллона, Онкаймъ и друг.) онъ оставался въ теченіи своей долгой жизни, не столько государемъ, осторожно и постоянно стремившимся къ своей цѣли, сколько лихимъ наѣздникомъ, котораго главною заботою было обмануть бдительность врага, развлечь его вниманіе и нежданно нанести ему тяжелый ударъ. Въ такой дѣятельности трокскаго князя мы видимъ всѣ черты, характеризующія средневѣковаго воина; онъ рыцарь въ лучшемъ значеніи этого слова, онъ всегда исполняетъ данное обѣщаніе и вѣритъ обѣщанію даже врага, онъ храбръ до безразсудства и великодушенъ къ побѣжденнымъ. Всего ожидая отъ внезапнаго, нечаяннаго удара, онъ тѣмъ не менѣе заранѣе объявляетъ о своемъ нападеніи и такимъ образомъ самъ уничтожаетъ или по крайней мѣрѣ уменьшаетъ возможность успѣха. [53] Его чрезмѣрная храбрость, достойная уваженія въ простомъ воинѣ, но безразсудная, если ею отличается государь, всего лучше видна изъ исторіи его многочисленныхъ плѣновъ. Въ первый разъ Кейстутъ лишился свободы въ войнѣ съ поляками за Волынь въ 1350 [54] г., 11 лѣтъ спустя рыцарь нѣмецкаго ордена Генрихъ ф. Кранихфельдъ, и по другимъ Гекерсбекъ, опустошая Литву, столкнулся съ литовскими князьями Ольгердомъ, Кейстутомъ и Патрикіемъ, охотившимися съ небольшою свитою въ 500 коней; въ произшедшей свалкѣ Кейстутъ вторично лишился свободы. Легко можемъ представить, какъ былъ обрадованъ орденъ этимъ событіемъ, во всѣхъ прусскихъ храмахъ отслужены были благодарственныя молебствія, а плѣнника, котораго обыкновенно называли «validissimus christianorum impugnator» привезли въ Маріенбургъ, гдѣ содержали прилично его званію,

употребивъ, конечно, всѣ мѣры, чтобы пресѣчь ему возможность къ побѣгу. Одну только ошибку сдѣлалъ великій магистръ и этою ошибкою Кейстутъ немедленно воспользовался. Для большаго удобства въ услуженіе ему отдали Альфа или Адольфа, крещеннаго литовца, который пользовался полною довѣренностью магистра; полагали, что онъ неспособенъ измѣнить облагодѣтельствовавшему его ордену, но родной языкъ, на которомъ говорилъ съ нимъ плѣнникъ, разсказы объ отечествѣ, пробудили заснувшее на время чувство народности и Альфъ рѣшился освободить Кейстута и бѣжать вмѣстѣ съ нимъ. По тщательномъ осмотрѣ стѣнъ занимаемой ими комнаты, они нашли небольшую нишъ, образовавшуюся отъ закладки окна, которое выходило на крѣпостной ровъ. Альфъ досталъ необходимыя орудія и въ тишинѣ ночи они приступили къ работѣ, результатомъ которой было значительное отверстіе, чрезъ которое легко было пролѣзть человѣку. Улучивъ благопріятную минуту, они оба спустились въ ровъ и, накинувъ на себя рыцарское платье, спокойно, не торопясь, выѣхали изъ крѣпости, на лошадяхъ, которыхъ Альфъ заблаговременнно досталъ изъ конюшни великаго командора. Стража безъ всякаго затрудненія отворила имъ ворота, потому что слышала нѣмецкую рѣчь и видѣла рыцарскіе плащи; весьма естественно было ей подумать, что выѣзжаютъ рыцари для исполненія какого нибудь порученія, что, конечно, случалось не рѣдко. Встрѣчные рыцари также спокойно и довѣрчиво ихъ привѣтствовали и такимъ образомъ Кейстутъ достигъ Мазовіи, князь которой былъ женатъ на дочери его, Данутѣ. Изъ Либштедта Кейстутъ отправилъ обратно лошадей великаго командора, а изъ Трокъ написалъ великому магистру письмо, въ которомъ насмѣшливо благодарилъ за оказанное гостепріимство и обѣщалъ въ случаѣ, если магистръ или какой либо сановникъ ордена попадется въ его руки, вы-

91164

брать имъ помѣщеніе, изъ котораго не такъ легко будетъ уйти.[55] Слѣдовало бы ожидать, что двукратный плѣнъ сдѣлаетъ Кейстута болѣе осторожнымъ, научитъ его заботиться о своей безопасности, столь необходимой для его подданныхъ, но удалая натура истиннаго литовца была недоступна для подобныхъ впечатлѣній; напротивъ успѣхъ, съ которымъ удалось Кейстуту два раза освободиться изъ рукъ непріятеля, только заохочивалъ его къ новымъ подвигамъ. Едва воротившись въ Литву, онъ собралъ войско и бросился опустошать Судавію и Галиндію; замки Іоганнисбургъ и Экнерсбергъ были взяты и сожжены, ихъ начальники попались въ плѣнъ или погибли, немногіе бѣжали, и уже литовскіе наѣздники возвращались съ добычей домой, какъ неожиданно попали въ засаду; въ происшедшей битвѣ Кейстутъ, сброшенный съ коня, снова былъ взятъ. Не имѣемъ основанія сомнѣваться въ справедливости этого извѣстія, сообщеннаго Вигандомъ и Стрыйковскимъ,[56] хотя объясненіе его третьяго освобожденія небрежностью, съ которою стерегли его рыцари, невольно внушаетъ недовѣріе. Проведя всю жизнь свою въ постоянной, ожесточенной борьбѣ съ орденомъ, Кейстутъ не отличался тою ненавистью къ рыцарямъ, которую такъ справедливо питали къ нимъ литовцы, онъ даже любилъ тѣхъ изъ нихъ, которые по его мнѣнію были истинными рыцарями т. е. были храбры, смѣлы и благородны,[57] плѣнные крестоносцы дѣлались его друзьями и оставались у него навсегда[58] и не разъ мягкосердечный князь спасалъ своихъ враговъ отъ законной или, по крайней мѣрѣ, понятной ярости своихъ подданныхъ; такъ при взятіи Іоганнисбурга озлобленная до нельзя Литва требовала смерти всего гарнизона, начальникъ замка Оттонъ, старикъ съ деревянною ногою, умолялъ Кейстута о пощадѣ своихъ подчинненыхъ и предлагалъ свою жизнь, какъ цѣну ихъ спасенія. Пораженный такимъ

великодушіемъ Кейстутъ далъ свободу Оттону и четыремъ рыцарямъ по его выбору, остальныхъ же лишилъ свободы, но поклялся имъ сохранить жизнь. Въ другой разъ попался въ плѣнъ неумолимый и крайне жестокій врагъ Литвы, командоръ Сурбахъ, народъ былъ въ восторгѣ, вайделоты рѣшили, что сожженіе плѣнника будетъ самою угодною и пріятною богамъ жертвою; Кейстутъ, не желая быть жестокимъ, отважился идти противъ общаго желанія и командоръ былъ спасенъ. [59] Постоянныя сношенія съ орденомъ и знакомство съ западною Европой [60] не произвели на Кейстута ни малѣйшаго вліянія, онъ остался истымъ литовцемъ, строгимъ хранителемъ народныхъ обычаевъ и языческой вѣры предковъ. Справедливо утверждаютъ, что Кейстутъ былъ послѣднею опорою отживающаго свой вѣкъ язычества; его женитьба на вайделоткѣ Бирутѣ не можетъ служить доказательствомъ противнаго, она скорѣе указываетъ на крайнюю его впечатлительность, чѣмъ на неуваженіе предписаній религіи. Увлеченный красивою жрицею богини Прауримы, Кейстутъ, какъ всѣ люди, стоящіе внѣ умѣряющаго вліянія цивилизаціи, забываетъ все и даже рѣшается нарушить религіозные уставы, такъ какъ они идутъ на перекоръ его личному влеченію.

Подобныя качества и жизнь, исполненная славныхъ подвиговъ въ борьбѣ съ заклятымъ врагомъ Литвы снискали Кейстуту уваженіе и глубокую преданность всего литовскаго народа; по смерти Ольгерда эти чувства должны были еще усилиться, вслѣдствіе слишкомъ замѣтной разницы между Ягелломъ и Кейстутомъ. Послѣдній, несмотря на свои 80 лѣтъ, вѣрно сторожилъ родную землю въ то время, когда первый предавался бездѣйствію и удовольствіямъ или дѣйствовалъ, оскорбляя большую часть своихъ подданныхъ. [61] Конечно орденъ расчитывалъ на эти качества великаго князя и потому семь разъ нападалъ на Литву въ теченіе 1378 г.

и три раза въ слѣдующемъ 1379 г., [62] такъ что въ первые два года, по смерти Ольгерда, огромное пространство— весь запущанскій край и часть Руси отъ лѣваго берега Нѣмана, почти до самаго Буга—было окончательно раззорено и обратилось въ пустыню. [63] Трудно вѣрить, что Ягелло оставался спокойнымъ зрителемъ подобныхъ успѣховъ ордена, но источники ничего не сообщаютъ о мѣрахъ, которыя были приняты имъ для защиты государства; одинъ только Кейстутъ мстилъ рыцарямъ, отвѣчая на ихъ походы внезапными вторженіями въ Пруссію, гдѣ между прочимъ онъ раззорилъ Инстербургъ и плѣнилъ извѣстнаго намъ Сурбаха. [64] Бездѣйствіе Ягелла, конечно, должно было сдерживать дѣятельность Кейстута, потому что однихъ его силъ было недостаточно, чтобы сдержать орденъ, подъ знаменемъ котораго сражались не только его рыцари, но и многочисленные гости, приходившіе биться съ невѣрными и войско, наятое въ западной Европѣ, преимущественно въ Германіи. [65] Весьма естественно поэтому, что Кейстутъ охотно присталъ къ договору, помощью котораго робкій Ягелло хотѣлъ купить спокойствіе хотя для части своихъ подданныхъ. Сначала онъ пытался заключить миръ, котораго условія распространялись бы на все литовско-русское государство и на всѣ владѣнія ордена, но рыцари не соглашались, отговариваясь тѣмъ, что они обязаны вести вѣчную, неустанную борьбу съ невѣрными, они готовы были оставить въ покоѣ только русскія области Литвы, т. е. тѣ, которыя исповѣдывали христіанство, съ своей стороны и литовскіе князья обязались не нападать на извѣстную только часть владѣній ордена. Такимъ образомъ въ мирный дороворъ, со стороны Литвы, были включены Волковыйскъ, Суражъ, Дрогичинъ, Мельникъ, Вѣльскъ, Берестье, Каменецъ и Гродно, а со стороны ордена—Остерроде, Ортельсбургъ, Алленштейнъ, Гунлаукенъ и Зеебургъ. Миръ за-

ключенъ былъ на 10 лѣтъ. [66] Этотъ трактатъ есть явленіе странное и, должно признаться, мало понятное; насъ удивляетъ не самое заключеніе мира, такъ какъ и прежде встрѣчаемъ подобный фактъ, [67] но его условія, которыя вполнѣ благопріятны Литвѣ и не приносятъ особенной выгоды ордену. Значительная часть литовской Руси, какъ мы видѣли, была въ конецъ опустошена въ теченіи 1378, 79 годовъ, такъ что, если бы вторженія рыцарей продолжались, гибель ея была бы несомнѣнна. Очень трудно объяснить готовность ордена оставить ее въ покоѣ, тогда какъ требовалось очень немного усилій, чтобъ, разоривъ ее въ конецъ, такъ сказать вычеркнуть ее изъ владѣній князей литовскихъ. Объясненія, приводимыя Фойхтомъ и повторяемыя всѣми историками, писавшими послѣ него, кажутся намъ совершенно неосновательными: страна, обозначенная въ трактатѣ, говоритъ Фойхтъ, издавна занималась пчеловодствомъ, охотою и рыбною ловлею, необходимо было обезпечить ей спокойное отправленіе этихъ занятій, въ противномъ случаѣ населеніе выселится и край обратится въ пустыню. По нашему мнѣнію, чѣмъ бы ни занималось населеніе извѣстной мѣстности, война вредно подѣйствуетъ на всякаго рода занятіе, названныя выше еще менѣе всего отъ нея страдаютъ; положимъ, что непріятель можетъ раззорить пасѣки, но онъ не истребитъ рыбы въ рѣкахъ и озерахъ и не перестрѣляетъ всей дичи, которою изобиловали лѣса литовской Руси; еслибы населеніе занималось земледѣліемъ, вредъ нанесенный войною былъ бы несравненно ужаснѣе. Но даже соглашаясь, что̀ очень трудно, съ мнѣніемъ Фойхта, мы не видимъ никакого побужденія для ордена пріостанавливать войну изъ опасенія обратить страну въ безлюдную пустыню, напротивъ мы видѣли, что орденъ положительно къ этому стремился и, благодаря непростительному бездѣйствію Ягелла, значительно уже достигнулъ цѣли. Ска-

жутъ, пожалуй, что спокойствіе было необходимо тѣмъ орденскимъ краямъ, которые были поименованы въ трактатѣ, но вѣдь военное счастье было на сторонѣ ордена: онъ обращалъ въ пустыню владѣнія враждебныхъ князей, а ему отвѣчали двумя неважными набѣгами. Было совершенно несогласно и съ благоразуміемъ и съ крайне расчетливою политикою ордена останавливаться передъ цѣлью, когда для достиженія ея оставалось сдѣлать одинъ только шагъ. Необходимо было, говоритъ далѣе нашъ авторъ, прекратить въ означенныхъ странахъ эту хищническую и разбойничью войну, которая нигдѣ не могла быть ведена съ такимъ успѣхомъ: широкая, въ 12 миль, полоса лѣса разграничивала враждебныя стороны и представляла полное удобство какъ для внезапнаго нападенія, такъ и спасенія отъ преслѣдованія: но мы видѣли, какъ хорошо воспользовался этими удобствами орденъ и тѣмъ страннѣе для насъ, что онъ согласился на заключеніе мира. Совершенно справедливо объясняетъ Фойхтъ побужденія, которыми руководствовались князья литовскіе, предлагая миръ ордену: спокойствіе было рѣшительно необходимо для литовскаго государства и еще болѣе нуждался въ немъ молодой великій князь, неувѣренный въ дружбѣ братьевъ, самъ, какъ увидимъ, разрывающій съ дядею и потому державшій скипетръ еще слабою, неокрѣпшею рукою;— это совершенно справедливо, но едва ли кто согласится, что и великій магистръ хотѣлъ покончить эти хищническіе наѣзды изъ отвращенія къ подобному способу веденія войны, покончить въ то время, когда они оказали такое ужасное дѣйствіе и повлекли такія страшныя послѣдствія для непріятельскаго края. Тѣмъ болѣе нельзя согласиться съ этимъ, что орденъ и впослѣдствіи держался такой тактики. И такъ всѣ выгоды на сторонѣ Литвы, орденъ великодушно отступается отъ своихъ успѣховъ и прекращаетъ войну, какъ

кажется, только для того, чтобы дать врагу время собраться съ силами. [68] Мы откровенно сознались, что не понимаемъ вполнѣ побужденій, которыми руководствовался орденъ, но все таки позволяемъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя предположенія. Во всякое смутное время, а первые годы княженія Ягелла имѣемъ полное право считать смутными, по отношеніямъ его къ братьямъ и дядѣ, населеніе государства дѣлится всегда на партіи; такъ было и въ Литвѣ, въ ней образовались партія русскихъ и партія литовская; нѣтъ сомнѣнія, что первые тяготѣли къ Ягеллу, православіе котораго несомнѣнно, а литовцы стѣснились около Кейстута, какъ послѣдняго защитника и представителя язычества. На первыхъ порахъ своего правленія, Ягелло, дѣйствуя необдуманно, оскорбилъ русское чувство, но, кажется, скоро понявъ свою ошибку, онъ захотѣлъ примириться съ ними и, конечно, достигъ своей цѣли, заключивъ миръ, который доставлялъ русскимъ спокойствіе и возможность пользоваться богатствами своей страны. Излишняя уступчивость ордена можетъ быть объяснена только тѣмъ, что уже въ то время начались съ нимъ сношенія Ягелла въ видахъ совокупнаго дѣйствія противъ Кейстута; предположеніе это очень вѣроятно, такъ какъ въ слѣдующемъ 1380 году заключенъ былъ формальный трактатъ съ этою цѣлью, а точное опредѣленіе начала сношеній невозможно. Участіе Кейстута въ мирномъ договорѣ тоже понятно, потому что одинъ онъ не могъ противиться ордену; кромѣ того есть основаніе предполагать о заключеніи въ тоже время мира съ цѣлою Литвою, хотя подобное условіе не было внесено въ написанный договоръ. [69].

Теперь въ литовской исторіи, на первый планъ, выдвигаются отношенія Ягелла къ Кейстуту; послѣдній, посадившій Ягелла на виленскомъ столѣ въ то время, какъ могъ легко присвоить себѣ великокняжеское достоинство, по спра-

ведливости долженъ считаться благодѣтелемъ Ягелла, тѣмъ болѣе, что онъ не ограничился одною этою услугой: вѣчно занятый борьбою съ орденомъ, которая сдѣлалась такъ упорна въ первые годы княженія Ягелла, Кейстутъ помогалъ ему и въ управленіи государствомъ; подобно тому, какъ онъ, при жизни Ольгерда, пріѣзжалъ въ Вильну засѣдать въ его совѣтѣ, такъ и теперь продолжалъ онъ ѣздить къ «старымъ радамъ»[70] т. е. къ старымъ, ольгердовымъ совѣтникамъ и думалъ съ ними о дѣлахъ правленія. Какъ ни лѣнивъ былъ Ягелло, подобное вмѣшательство дяди въ управленіе его княжествомъ не могло ему нравиться, а еще болѣе его любимцамъ и мы вполнѣ понимаемъ, что Кейстутъ засѣдающій въ совѣтѣ Ольгерда и онъ же думающій съ старыми радами, въ то время, какъ молодой Ягелло предавался удовольствіямъ представлялъ собою двѣ совершенно различныя личности. Въ первомъ случаѣ, какъ добрый и притомъ младшій братъ, вполнѣ вѣрившій въ превосходство Ольгерда, онъ являлся только исполнителемъ его плановъ, во второмъ его богатая опытомъ старость и молодость Ягелла, его неустанная дѣятельность на пользу отечества и лѣность Ягелла, должны были внушить ему весьма невысокое представленіе о племянникѣ и убѣдили его, что благо отечества заключается въ немъ, что онъ одинъ можетъ направить его по истинной дорогѣ. Безъ тѣни властолюбія, безъ малѣйшаго желанія господствовать въ чужихъ владѣніяхъ, онъ долженъ былъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ распоряжаться въ Вильнѣ по своему произволу и потому сдѣлался сначала непріятнымъ, а потомъ и ненавистнымъ Ягеллу, въ характерѣ котораго рано проявляются властолюбіе и честолюбіе.[71] Эти непріятныя отношенія между дядей и племянникомъ съ особенною ревностью должны были поддерживаться любимцами послѣдняго, потому что Кейстутъ своимъ вмѣшательствомъ ограничивалъ ихъ вліяніе, не поз-

волялъ имъ сдѣлаться первыми людьми въ государствѣ; нѣтъ сомнѣнія, что всѣ они ненавидѣли Кейстута, но лѣтописи оставили намъ разсказъ только объ одномъ Войдыллѣ, конечно, потому что онъ былъ ближе всѣхъ къ Ягеллу и слѣдовательно болѣе другихъ долженъ былъ ненавидѣть стараго князя. Этотъ Войдылло, человѣкъ низкаго происхожденія, пекарь или сынъ пекаря, потомъ постельничій и кравчій Ольгерда, наконецъ бояринъ и намѣстникъ лидскій, достигъ при Ягеллѣ всего, на что могъ расчитывать подданный; довѣренное лице государя, занимая одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ, онъ даже породнился съ Ягелломъ, женясь на родной сестрѣ его Маріи, вдовѣ князя Давида. Подобная честь, оказанная подданному до нельзя разсердила Кейстута, онъ громко выражалъ свое негодованіе на то, что племянницу его, дочь Ольгерда, выдали, какъ говорилъ онъ, за холопа. Обиженный Войдылло рѣшился мстить; для этого ему слѣдовало только возможно болѣе возстановить великаго князя противъ дяди, что было очень легко, такъ какъ вся предшествовавшая дѣятельность Кейстута произвела уже весьма непріятное впечатлѣніе на Ягелла, сдѣлала его готовымъ къ враждѣ; нѣтъ сомнѣнія, что и орденъ, которому были такъ выгодны междуусобія въ Литвѣ, употребилъ всѣ старанія, чтобы раздуть начинающуюся вражду между важнѣйшими литовскими князьями. [72] Есть много доказательствъ, что такова была политика ордена, [73] но въ настоящемъ разсказѣ особенно важное мѣсто занимаетъ письмо великаго командора Вильгельма Гельфенштейна къ великой княгинѣ Юліаннѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Нарбутъ ошибся, относя его къ другой половинѣ 1382, [74] тонъ письма и именно того мѣста, гдѣ говорится о Кейстутѣ, позволяетъ заключать, что оно было написано еще въ то время, когда Ягелло сидѣлъ въ Вильнѣ, а Кейстутъ въ Трокахъ и когда еще не было между ними открытой

вражды. Письмо это, содержа много пріятнаго для Юліанны и ея сыновей, относится крайне сурово къ Кейстуту, называетъ его бѣшенной собакой и прямо приписываетъ ему намѣреніе лишить Ягелла всѣхъ его владѣній и одному управлять Литвою. При извѣстныхъ уже намъ отношеніяхъ дяди къ племяннику, послѣдній былъ склоненъ повѣрить клеветѣ, такъ рѣшительно выраженной Гельфенштейномъ и отношенія эти, конечно, должны были ухудшиться; но прежде чѣмъ приступить къ рѣшительному образу дѣйствій, Ягелло долженъ былъ сосчитать свои силы и хорошо приготовиться къ борьбѣ. Онъ слабою и неокрѣпшею еще рукою держалъ скипетръ, а Кейстутъ былъ крѣпокъ на своемъ престолѣ, вслѣдствіе тѣхъ чувствъ, которыя питало къ нему литовское племя. Очевидно, что Ягеллу былъ нуженъ союзникъ, найти котораго было не трудно, такъ какъ орденъ выражалъ такое горячее сочуствіе къ его положенію и такъ искренно сожалѣлъ объ опасностяхъ, которыя грозили ему со стороны бѣшеной собаки; но всѣмъ, а тѣмъ болѣе Ягеллу, было извѣстно, что орденъ заклятой врагъ Литвы, что онъ не можетъ желать ей добра и что единственная цѣль его заключается въ ея гибели; въ литовской исторіи весьма рѣдки примѣры соглашеній съ орденомъ въ чемъ бы то ни было; ненавидя рыцарей, литовцы въ большей части случаевъ предпочитали смерть плѣну, тѣмъ менѣе возможна была для нихъ измѣна Весьма немногіе частные случаи, конечно не опровергаютъ нашего мнѣнія: точно такъ, какъ были рыцари, измѣнявшіе своему обѣту и своей національности, бѣжавшіе въ Литву, гдѣ обыкновенно занимали должности переводчиковъ и учителей, такъ были и литовцы, перебѣгавшіе въ Пруссію, гдѣ ихъ принимали съ величайшимъ радушіемъ, чтобъ и другихъ заохотить къ измѣнѣ отечеству; [75] эти немногіе примѣры не измѣняютъ общаго тона отношеній Литвы къ ордену. Миндовгъ,

вошедшій въ сношенія съ рыцарями, какъ извѣстно, не былъ искреененъ и, лишь только обстоятельства потребовали, сдѣлался изъ друга врагомъ. Коригелло и Буттавъ, первые прибѣгаютъ къ ихъ покровительству, поссорившись съ отцомъ, слѣдовательно расчитывая на помощь ихъ противъ него, но орденъ рѣшительно ничего для нихъ не сдѣлалъ и Коригелло скоро возвратился къ отцу, а Буттавъ, которому понравилась роль странствующаго рыцаря, отправился ко двору императора Карла IV. Несравненно болѣе князей переходило въ сосѣднюю Русь, таковы Андрей полоцкій, Наримунтъ, Явнутъ, Димитрій Ольгердовичъ и др., но тутъ дѣло объясняется тѣмъ важнымъ вліяніемъ, которое имѣлъ въ Литвѣ элементъ русскій, самою значительностью русскихъ земель, входившихъ въ составъ литовскаго государства, что постепенно подготовило взглядъ на сосѣднюю Русь, не какъ на чуждую страну, но какъ на продолженіе литовско-русскаго отечества, имѣющее въ скоромъ времени окончательно слиться съ Литвою. Объясняя такимъ образомъ переходы литовскихъ князей въ московское государство, мы вовсе не желаемъ сказать, что, поступая такъ, они не измѣняли своему отечеству и своему верховному государю, измѣна была, но во всякомъ случаѣ менѣе усилій требовалось литовскому князю, ему было легче перейти въ Москву, Новгородъ, Псковъ, чѣмъ жить во владѣніяхъ ордена Такимъ образомъ Ягелло, рѣшаясь на союзъ съ рыцарями, поступалъ противно преданіямъ литовской исторіи, противно интересамъ и чувствамъ народа и вводилъ въ Литву тотъ порядокъ вещей, который погубилъ Пруссію, что̀ у всѣхъ еще было въ свѣжей памяти

Въ началѣ 1380 года заключенъ былъ договоръ съ ливонскимъ магистромъ, въ которомъ прямо сказано, что миръ, установленный этимъ договоромъ не распространяется на Кейстута и его владѣнія; [76] за тѣмъ слѣдовало извѣстное

свиданіе подъ Давидишками, подготовленное предварительными переговорами, которыя велись чрезъ посредство Войдылла. Въ этомъ свиданіи, кромѣ Ягелла и его придворныхъ участвовали также Витовтъ и Иванъ, сынъ и внукъ Кейстута. Князья съѣхались съ великимъ командоромъ и другими чинами ордена, казалось, только для того, чтобы свиданіемъ упрочить дружественныя отношенія, начавшіяся со времени заключенія трактата 1379 г. Повидимому они не хотѣли заниматься дѣлами; время проходило въ охотѣ и пирахъ, которые давались поочередно обѣими сторонами. Но въ то время, когда князья и между ними сынъ Кейстута охотились и пировали, довѣренныя лица были заняты заключеніемъ новаго договора между Ягелломъ и орденомъ, который закрѣплялъ между ними союзъ, направленный противъ Кейстута; въ немъ прямо говорится, что если орденъ вторгнется во владѣнія трокскаго князя, то Ягелло можетъ вывести въ поле свои войска, но не долженъ вступать въ битву съ рыцарями, изъ этого слѣдуетъ, что войска должны были выводиться только для усыпленія подозрительности Кейстута.[77] Обѣ стороны, заключившія договоръ 1380 г., очевидно, одна другую обманывали: орденъ, сближаясь съ Ягелломъ, расчитывалъ на скорую гибель Кейстута, послѣ чего, владѣя уже его обширнымъ княжествомъ, онъ могъ ласкать себя надеждою безъ особеннаго труда справиться съ Ягелломъ. Сбудутся или нѣтъ его надежды, во всякомъ случаѣ, онъ поступалъ въ высшей степени послѣдовательно, раздувая вражду литовскихъ князей и подготовляя междуусобіе, которое могло сулить только выгоды всѣмъ непріятелямъ литовскаго государства; съ своей стороны Ягелло рѣшительно не могъ въ такой же степени вѣрно расчитывать на послѣдствія совершаемаго имъ шага; онъ, конечно, предполагалъ, что рыцари въ скоромъ времени такъ ослабятъ Кейстута, что нетрудно

будетъ лишить его власти и такимъ образомъ соединить въ своихъ рукахъ все литовско-русское государство, но въ такомъ случаѣ онъ думалъ загребать жаръ руками ордена, а едвали его предъидущая исторія могла оправдывать подобныя на него надежды; если же онъ заключалъ миръ, руководясь только ненавистью къ Кейстуту, не сознавая, какія послѣдствія могутъ выйти изъ того для Литвы, то онъ, естественно, подвергается обвиненію въ непростительномъ легкомысліи и послѣднее, какъ кажется, вѣрнѣе. Оправдывать поведеніе Ягелла страхомъ, придавать значеніе тѣмъ толкамъ, которые ходили въ Пруссіи, будто Кейстутъ намѣревается отнять его владѣнія и сосредоточить всю Литву подъ своею властью — нѣтъ основанія. Кейстутъ добровольно уступившій великокняжеское достоинство племяннику, является въ такой степени некорыстнымъ и нечестолюбивымъ, что ему невозможно приписывать подобныя намѣренія, тѣмъ болѣе, что толки о стремленіи его къ единодержавію выходили изъ источника слишкомъ подозрительнаго, изъ одной только Пруссіи. Слишкомъ недальновидѣнъ былъ бы Ягелло, еслибъ повѣрилъ подобнымъ внушеніямъ ордена, да по всей вѣроятности, онъ и не вѣрилъ имъ; лѣнивый и малодушный, онъ чувствовалъ себя неловко подлѣ дѣятельнаго и доблестнаго Кейстута, подлѣ его сына Витовта, который, не смотря на молодость, обѣщалъ уже весьма много. Сознаніе ихъ превосходства было невыносимо и Ягелло рѣшается на все, чтобы отъ нихъ избавиться.

Желая воспользоваться всѣми выгодами, которыя доставлялъ имъ заключенный трактатъ, рыцари въ слѣдующемъ же году направили всѣ свои силы на княжество Кейстута; они совершили пять походовъ въ одинъ годъ и немилосердно разорили земли Кейстута, преимущественно Жмудь. Необыкновенное упорство, съ которымъ орденъ сыпалъ на него удары, оставляя въ покоѣ Ягелла, и полная недѣя-

тельность послѣдняго, были обстоятельствами, невольно возбуждавшими подозрѣніе. Три раза пытался Кейстутъ отвѣтить рыцарямъ, но ни одно изъ его нападеній не увѣнчалось успѣхомъ, потому что рыцари, какъ будто знавшіе о грозившей опасности, ни разу не дали напасть на себя врасплохъ; что̀, конечно, было новымъ поводомъ къ подозрѣнію. Желая испытать Ягелла, Кейстутъ осадилъ крѣпость Байербургъ и потребовалъ его помощи, Ягелло не пришелъ, но вмѣсто себя прислалъ брата, Корибута; отсутствіе великаго князя и малочисленность присланнаго имъ войска были причиною, что гарнизонъ успѣлъ отбить всѣ нападенія и держался до тѣхъ поръ, пока не пришелъ ему на помощь орденскій маршалъ; Кейстутъ отступилъ, обвиняя Ягелла въ неудачѣ предпріятія.[78] Вѣроятно къ этому времени слѣдуетъ отнести письмо остеродскаго командора, Куно ф. Либштейна, который доводясь Кейстуту кумомъ, такъ какъ крестилъ дочь его Дануту, при выходѣ ея за мазовецкаго князя, счелъ своимъ долгомъ увѣдомить его объ измѣническомъ образѣ дѣйствій Ягелла и о сношеніяхъ его съ орденомъ, [79] чрезъ посредство Войдылла. Старый князь обратился къ своему любимому сыну Витовту, котораго совѣты, очевидно, много для него значили, если онъ не рѣшался безъ нихъ предпринять что нибудь противъ Ягелла, несмотря на увѣренность въ измѣнѣ послѣдняго. На бѣду, Витовтъ находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ къ Ягеллу; вполнѣ вѣря въ его дружбу, онъ былъ убѣжденъ, что Ягелло ничего отъ него не скрываетъ, какъ будто можно было сообщить сыну о замышляемой гибели отца.[80] Несмотря, однакожъ, на увѣренія сына, Кейстутъ рѣшился дѣйствовать,[81] онъ внезапно напалъ на Вильну, захватилъ Ягелла со всѣмъ его дворомъ и между различными бумагами, нашелъ въ его канцеляріи подлинный текстъ договора, заключеннаго съ орденомъ. Тогда уже не

оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія и Витовту пришлось упрекать себя, что онъ ранѣе не повѣрилъ отцу. [82] Вполнѣ убѣжденный въ виновности племянника Кейстутъ поступилъ съ обычнымъ ему великодушіемъ, онъ не коснулся его частнаго имѣнія, его скарбовъ, какъ говоритъ лѣтопись, [83] тогда какъ присвоеніе его себѣ, не было бы ни кѣмъ, въ то время, поставлено въ вину Кейстуту, мало того, онъ не велѣлъ сковать его по рукамъ и по ногамъ и не бросилъ его въ мрачную тюрьму, что также можно было ожидать, судя по духу времени; Ягелло, напротивъ, остался почти на свободѣ, за нимъ только наблюдала небольшая стража и прошло очень немного времени, когда онъ былъ вполнѣ освобожденъ и получилъ все то, чѣмъ владѣлъ его отецъ, не будучи еще великимъ княземъ, т. е. Витебскъ и Крево. Нимало не сознавая своего великодушія, Кейстутъ считаетъ еще необходимымъ оправдываться передъ сыномъ, который былъ въ тѣсной дружбѣ съ Ягелломъ: «все это я сдѣлалъ, говоритъ онъ, спасая свою голову, слыша, что онъ замышляетъ на меня лихо. [84] Ягелло, конечно, былъ очень радъ, что отдѣлался такъ дешево и, уѣзжая въ свой удѣлъ, охотно далъ обѣщаніе быть вѣрнымъ и послушнымъ Кейстуту и не соединяться ни съ кѣмъ противъ него; улика въ измѣнѣ не измѣнила дружескихъ отношеній къ нему Витовта и онъ доѣхалъ до Крева въ сопровожденіи своего двоюроднаго брата. Единственнымъ важнымъ слѣдствіемъ открытаго преступленія Ягелла была перемѣна великаго князя, которымъ теперь сдѣлался Кейстутъ и единственнымъ насиліемъ, допущеннымъ въ теченіе этого времени, было повѣшеніе Войдылла. Въ этомъ случаѣ Кейстутъ только отчасти руководился ненавистью, которую онъ давно уже питалъ къ этому любимцу Ольгерда и Ягелла. Поведеніе Войдылла въ послѣднихъ событіяхъ можетъ служить достаточнымъ объясненіемъ постигшаго его

наказанія: ему, быть можетъ, принадлежитъ первая мысль о союзѣ съ орденомъ, онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ сношеніяхъ съ магистромъ и орденскими чиновниками, вообще онъ велъ все это дѣло, за что и получилъ вознагражденіе не только отъ Ягелла, но и отъ магистра, который пожаловалъ ему землю въ окрестностяхъ Рагниты.[85] Такимъ образомъ онъ является послѣ Ягелла главнымъ измѣнникомъ предъ Литвою, почему и пало на него столь тяжелое наказаніе.

Недолго однакожъ продолжалось торжество Кейстута; уже въ 1382 году онъ долженъ былъ отправиться противъ другаго своего племянника, Димитрія Корибута, князя новгородсѣверскаго, нежелавшаго признавать дядю своимъ верховнымъ государемъ. Согласно данному обѣщанію никогда не быть противъ Кейстута и помогать ему на всѣхъ, Ягелло также долженъ былъ вывести свои войска, но онъ повелъ ихъ не въ Новгородъ Сѣверскій, а въ Вильну, гдѣ преданный ему городничій Ганулонъ составилъ значительную партію, захватилъ замки и отдалъ столицу государства въ руки Ягелла. Обрадованные этою вѣстью рыцари съ сильнымъ войскомъ двинулись на помощь Ягеллу въ его дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ противъ Кейстута; соединившись съ ними Ягелло осадилъ и взялъ Троки, гдѣ хранились всѣ богатства Кейстута; жившій тамъ Витовтъ бѣжалъ съ матерью въ Гродно, а Троки были отданы Скиргеллу. Получивъ такія печальныя вѣсти, Кейстутъ снялъ осаду Новгородсѣверска и пріѣхалъ въ Гродно, откуда, несчитая этого города достаточнымъ убѣжищемъ, перевезъ жену въ Берестье, расположенное вблизи владѣній его зятя Іоанна мазовецкаго; но напрасно расчитывалъ Кейстутъ на помощь родственника; едва успѣлъ онъ выѣхать на Жмудь для сбора войска, какъ Іоаннъ бросился на принадлежавшее ему Подлясье, овладѣлъ землею дроги-

чинскою и мельницкою, раззорилъ округи суражскій, бѣльскій, каменецкій и только пощадилъ Берестье, изъ уваженія къ матери своей жены. Такъ со всѣхъ сторонъ новыя бѣды окружали Кейстута, но старый герой не слабѣлъ, поспѣшно собралъ значительное войско и, соединившись у Ковна съ сыномъ, пошелъ къ Трокамъ. [36] Не замедлилъ и Ягелло съ своими и орденскими войсками прибыть на помощь къ осаждаемому городу, но не отваживаясь на рѣшительный образъ дѣйствій, онъ предпочелъ коварство и измѣну открытому и честному бою. По старой дружбѣ обратился онъ къ Витовту и пригласилъ его къ себѣ, чтобы уладить ссору къ общему удовольствію и предотвратить пролитіе крови. По желанію Витовта къ нему долженъ былъ пріѣхать Скиргелло и поручиться въ его безопасности, послѣ чего, не колеблясь, онъ отправился въ лагерь Ягелла. Послѣдній принялъ его съ радостью, усильно просилъ помирить его съ Кейстутомъ и, такъ какъ для этого нужно было обсудить много важныхъ вопросовъ, звалъ ихъ обоихъ къ себѣ, честнымъ словомъ ручаясь въ ихъ неприкосновенности. Положеніе Витовта было трудное: старая дружба, какъ видно, еще не окончательно погасшая, побуждала его согласиться на просьбу Ягелла, но сильнѣе еще должна была занимать его безопасность отца. Его молодость и довѣріе къ Ягеллу и открытая, простодушная натура Кейстута достаточно высказываются въ томъ средствѣ, на которомъ они остановились для огражденія себя отъ возможной измѣны. Они удовольствовались прибытіемъ Скиргелла и его торжественнымъ ручательствомъ, что они, покончивъ переговоры, могутъ свободно возвратиться къ своимъ войскамъ. Разочарованіе наступило слишкомъ скоро: лишь только показались они въ лагерѣ Ягелла, ихъ окружили и Ягелло холодно замѣтилъ, что неудобно вести переговоры въ полѣ; тогда для нихъ сдѣлалось ясно, что они

въ плѣну и, дѣйствительно, какъ плѣнники, въ сопровожденіи значительнаго отряда, они были доставлены въ Вильну[87]. Ихъ войско осталось безъ вождей и даже въ неизвѣстности, что сдѣлалось съ князьями; конечно, не трудно было увѣрить его въ чемъ бы то ни было, съ одной стороны пришла изъ Вильны вѣсть, что Кейстутъ заключилъ миръ съ Ягелломъ, съ другой пронесся слухъ, что недовольные этимъ миромъ рыцари грозятъ пограбить Литву въ вознагражденіе своихъ издержекъ; понятно, что при такихъ слухахъ войско разошлось, спѣша защищать свои домы и семьи и такимъ образомъ Кейстутъ и Витовтъ были вполнѣ во власти Ягелла. [88] Достигнувъ измѣною торжества надъ дядей, Ягелло поступилъ съ нимъ крайне жестоко, какъ видно, забывъ кроткое обращеніе съ нимъ Кейстута въ то время, когда самъ былъ въ его рукахъ. Слишкомъ 80 лѣтній старикъ, близкій родственникъ, посадившій Ягелла на виленскомъ престолѣ, былъ закованъ въ тяжелыя цѣпи, отвезенъ въ кревскій замокъ и тамъ брошенъ въ темное и смрадное подземелье. Четыре ночи провелъ онъ въ Кревѣ, а на пятую «удавили его коморники великаго князя Ягелловы, на имя: Прокша, что воду ему давалъ, и были иншіе: Мостеръ братъ, а Кучукъ, а Лисица Жибентяй» [89]. И такъ убійцами Кейстута были приближенные Ягелла и, конечно, нельзя думать, что они совершили преступленіе безъ его согласія; такъ открывается новая черта въ характерѣ Ягелла, которая часто отличаетъ людей слабыхъ, безъ твердыхъ убѣжденій, безъ опредѣленныхъ нравственныхъ правилъ. Слабость и жестокость легко уживаются вмѣстѣ; человѣкъ слабый, истощивъ, какъ кажется ему, всѣ средства для достиженія цѣли и не добившись ея, приходитъ въ сильное раздраженіе и прибѣгаетъ къ столь отчаяннымъ мѣрамъ, на которыя не скоро рѣшился бы характеръ болѣе твердый. Въ послѣдующей своей

жизни Ягелло кажется намъ болѣе слабымъ, чѣмъ жестокимъ, но его способность сильно раздражаться и вслѣдствіе того поступать съ крайнею, всегда безполезною жестокостью, также засвидѣтельствована источниками. [90] Эти соображенія и согласное свидѣтельство источниковъ не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ виновности Ягелла въ насильственной смерти дяди, [91] тѣмъ болѣе, что умерщвленіе Кейстута было только первымъ насиліемъ, за которымъ послѣдовали другія, совершенныя по его приказанію, вѣроятно, подъ вліяніемъ сестры его Маріи, вдовы Войдылла, которая по понятіямъ времени считала себя обязанною мстить за смерть мужа. Неизвѣстно какому преслѣдованію подверглась Бирута; современные слухи, сохраненные лѣтописцами, [92] говорили даже объ ея утопленіи, что̀ очевидно невѣрно, такъ какъ она умерла несравненно позднѣе, [93] за то, ея дядя, почтенный старикъ, Видимунтъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ на Жмуди, былъ колесованъ, а жена его выгнана изъ всѣхъ его имѣній, [94] такой же участи подверглись многіе знатные жмудины, виновные только въ томъ, что приходились сродни Бирутѣ и, чрезъ нее, Кейстуту. Попытка оправдать Ягелла въ этомъ случаѣ невозможна, желаніе облегчить его виновность совершенно напрасно, потому что, едва ли можно извинять преступника слабостью его характера, но тѣмъ не менѣе мы замѣчаемъ подобное желаніе въ Нарбутѣ. Онъ, какъ будто, ставитъ въ заслугу Ягеллу то отвращеніе, которое онъ почувствовалъ со времени убійства къ главному его виновнику Прокшѣ или Прорѣ и котораго съ тѣхъ поръ онъ не хотѣлъ видѣть. Хотя въ нашихъ глазахъ подобное обстоятельство нисколько не уменьшаетъ виновности Ягелла, но мы приводимъ его только потому, что намъ извѣстны факты, въ иномъ свѣтѣ выставляющіе отношенія великаго князя къ убійцамъ Кей-

стута: такъ въ 1409 году Ягелло пожаловалъ Науэнпилле (гдѣ прежде находился Новогрудекъ литовскій) Лиссну Жибинтѣ (Lissko Żybinta), который основалъ здѣсь поселеніе и назвалъ его по своему имени Лишковымъ. Мы, конечно, не могли оставить безъ вниманія огромнаго сходства въ этомъ имени съ именемъ одного изъ убійцъ и если оба они принадлежатъ одному и тому же лицу, то едвали можно извлечь что нибудь хорошее для Ягелла изъ отвращенія, которое онъ почувствовалъ къ одному убійцѣ и награды, которую онъ далъ другому.[95]

Чувство самосохраненія, которое было такъ сильно развито въ Ягеллѣ, грозило Витовту такою же участью, какая постигла Кейстута. Тѣмъ опаснѣе казался Витовтъ, что уже рано выказалъ замѣчательныя способности и не было сомнѣнія, что при извѣстной любви его къ отцу, онъ поставитъ священною обязанностью достойно отомстить за его убійство. Его душевное состояніе внушало сильныя опасенія: онъ былъ раздраженъ до нельзя, въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ говорилъ объ измѣнѣ Ягелла, упрекалъ цѣлый народъ, который допустилъ совершеніе такого злодѣянія и грозилъ мщеніемъ. Нужно было предупредить его и, какъ всегда преступленіе вызываетъ преступленіе, такъ и теперь смерть Кейстута сдѣлала необходимымъ убійство Витовта. Однакожъ, трудно было рѣшиться на умерщвленіе двухъ столь близкихъ родственниковъ, изъ которыхъ послѣдній, по свидѣтельству источниковъ, жилъ прежде въ дружбѣ съ Ягелломъ, [96] который даже послѣ открытой его измѣны, провожая его въ Крево, возобновилъ съ нимъ союзъ братской дружбы [97] и ходатайство котораго отклонило отъ него вполнѣ заслуженное наказаніе. Очевидно Ягелло колебался, а между тѣмъ Витовтъ, больной, въ горячкѣ, былъ перевезенъ въ кревскій замокъ, гдѣ его содержали подъ крѣпкою стражей, допуская къ нему только жену его, княгиню Анну и двухъ

служанокъ, приготовлявшихъ на ночь постели. Болѣзнь истощила его силы и убила его энергію; вмѣсто того, чтобы грозить, онъ сталъ умолять Ягелла отдать ему отцовское наслѣдіе и обѣщалъ быть ему вѣрнымъ и преданнымъ. Ягелло не исполнилъ его желанія по той простой причинѣ, что рѣшился погубить его, также, какъ погубилъ его отца. Прокша, комендантъ кревскаго замка, довѣренное лице Маріи, получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она приказывала ему поскорѣе покончить съ Витовтомъ, такъ какъ Ягелло начинаетъ слабѣть въ предпринятомъ намѣреніи; значитъ, намѣреніе было принято и хотя Ягелло началъ колебаться, не видно, однакожъ, чтобы онъ отдалъ какія нибудь приказанія для отмѣненія составленнаго плана; въ противномъ случаѣ сестра его не смѣла бы дѣлать такія порученія кревскому коменданту. [98] Любовь жены и преданность служанки, какъ извѣстно, спасли заключеннаго князя; княгиня Анна уговорила его помѣняться платьемъ съ одной изъ служанокъ и выйти такимъ образомъ изъ заключенія: невысокій ростъ и женоподобное лице [99] помогли Витовту воспользоваться этимъ средствомъ и скоро онъ былъ на свободѣ, во владѣніяхъ своего шурина; но мазовецкій князь могъ доставить ему весьма ненадежное убѣжище и потому Витовтъ еще разъ сдѣлалъ попытку къ примиренію съ Ягелломъ [100] и, такъ какъ не былъ удостоенъ даже отвѣтомъ, рѣшился на отчаянное средство — прибѣгнулъ къ покровительству ордена. Осенью 1382 года онъ былъ уже въ Маріенбургѣ. [101] Эта постепенность въ чувствахъ Витовта, сначала сильный гнѣвъ, затѣмъ состояніе болѣе спокойное, откуда явилось желаніе примиренія, нѣсколько попытокъ безобидно для себя покончить споръ съ Ягелломъ, все это достаточно показываетъ, какъ трудно было Витовту рѣшиться на союзъ съ орденомъ. Сыну Кейстута было осо-

бенно странно искать помощи злыхъ враговъ своего отца, но съ одной стороны не оставалось инаго средства, а съ другой примѣръ уже былъ показанъ Ягелломъ и, конечно, Витовтъ понималъ, что орденъ, не отказавшій Ягеллу уничтожить Кейстута, не найдетъ особенныхъ выгодъ въ его единодержавіи и въ свою очередь соединится со всякимъ, кто замыслитъ гибель или по крайней мѣрѣ ослабленіе Ягелла.

Отъѣздъ Витовта во владѣнія ордена грозилъ Ягеллу многими, весьма непріятными послѣдствіями и совершенно измѣнялъ его положеніе; полная удача сопровождала до сихъ поръ всѣ его начинанія; съ помощью ордена удалось ему уничтожить Кейстута и поставить все его потомство, по видимому, въ безвыходное положеніе; спокойный со стороны рыцарей, онъ, конечно, поладилъ бы съ своими братьями и, давъ имъ удѣлы, могъ спокойно владѣть литовскимъ государствомъ. Бѣгство Витовта все измѣнило: благосклонный пріемъ, оказанный ему новымъ магистромъ, Конрадомъ Цольнеромъ заставлялъ предполагать весьма вѣроятное измѣненіе отношеній къ ордену, а эта перемѣна вызывала опасности отовсюду; старая, литовская партія, оскорбленная и раздраженная убіеніемъ Кейстута, легко могла быть подавлена, еслибъ вниманіе Ягелла не развлекалось внѣшними врагами, при возможной же враждѣ съ орденомъ и она могла причинить важныя затрудненія. Мазовецкій князь, захватившій русскія владѣнія Кейстута, казался прежде врагомъ ничтожнымъ, но начнись война съ орденомъ, и онъ получитъ значеніе, потому что будетъ развлекать силы великаго князя. Несчастіе, разразившееся въ то время надъ сосѣднею Русью, нашествіе Тохтамыша, могло не остаться безъ послѣдствій и для Литвы: возможно было предполагать, что орда захочетъ попробовать счастья и попытается покорить Литву, что будетъ нетрудно, при ея настоящихъ затрудненіяхъ.

Таковы были послѣдствія бѣгства Витовта и такъ какъ сила его заключалась въ содѣйствіи ордена, то Ягелло долженъ былъ употребить всѣ средства, сдѣлать всѣ возможныя уступки, дать болѣе, чѣмъ могъ дать Витовтъ, только бы удержать орденъ отъ оказанія дѣятельной помощи послѣднему. На островѣ р. Дубиссы, начался торгъ, въ которомъ орденъ могъ расчитывать на хорошіе барыши и 1-го ноября были заключены три договора, которые собственно составляютъ одинъ трактатъ, наполненный многими важными уступками и обѣщаніями ордену. Во 1) орденъ получалъ всю западную часть Жмуди по теченіе р. Дубиссы отъ ея истока до впаденія въ Нѣманъ; извѣстно, что, покоривъ Пруссію, орденъ особенно добивался подчинить себѣ Жмудь, но пока всѣ усилія его разбивались о неутомимое мужество населенія; въ конецъ раззоренная Жмудь все таки оставалась свободною и не упускала случая платить ордену опустошительными набѣгами; теперь значительная часть ея отдается ордену безъ всякихъ трудовъ съ его стороны, отдается съ согласія великаго князя, его матери и братьевъ, при чемъ устраняются возможныя притязанія потомковъ Ягелла. Затѣмъ заключается между Литвою и орденомъ оборонительный и наступательный союзъ на 4 года, причемъ великій князь обязывается не начинать, въ теченіе этого времени, войны, безъ вѣдома и согласія ордена, слѣдовательно принимаетъ на себя однимъ обязательствомъ болѣе и даетъ рыцарямъ законное право вмѣшиваться въ дѣла своего государства, по крайней мѣрѣ, контролировать его внѣшнія отношенія. Не довольствуясь этимъ, Ягелло и его братья, конечно, расчитывая на главную цѣль ордена, именно распространеніе христіанства, обѣщаются креститься въ теченіе означенныхъ 4 лѣтъ, со всѣми своими подданными. [102] Такимъ образомъ сдѣлано было все, чтобы отвлечь орденъ отъ принятія

искренняго участія въ судьбѣ Витовта и, конечно, этотъ князь, лишенный владѣній и богатствъ своего отца, безъ опоры и друзей, не могъ соперничать съ своимъ братомъ въ покупкѣ добрыхъ отношеній ордена. Прибывъ въ Пруссію и встрѣченный въ Инстербургѣ орденскимъ маршаломъ, Конрадомъ Валленродомъ, онъ не могъ ничего предложить ордену въ выраженіяхъ точныхъ и опредѣленныхъ, только обѣщалъ вѣрныя услуги и благодарную преданность, если магистръ будетъ ходатайствовать у Ягелла о возвращеніи ему отцовскаго наслѣдія. Магистръ сначала неблагопріятно принялъ его просьбу, «за чѣмъ не искалъ, князь, союза съ орденомъ въ то время, когда имѣлъ въ своихъ рукахъ Вильну», говорилъ онъ, но послѣ совѣта съ орденскими чинами онъ объявилъ полную готовность заступиться за Витовта. За тѣмъ начинается цѣлый рядъ дѣйствій, почти враждебныхъ для великаго князя Литвы: мазовецкій князь, съ которымъ Ягелло началъ войну для возвращенія захваченной имъ русско-литовской области, нашелъ поддержку въ орденѣ, который далъ ему 7,000 венгерскихъ золотыхъ подъ залогъ его замка Визны (на Наревѣ); безъ этого мазовецкому князю не съ чѣмъ было воевать съ Ягелломъ. Принявъ подъ свое покровительство Витовта, орденъ помогаетъ ему привлечь на свою сторону Жмудь: магистръ посылаетъ знатнымъ жмудинамъ оружіе, лошадей и одежды. Есть даже извѣстіе, что Конрадъ Валленродъ уговаривалъ населеніе Трокъ отдаться подъ покровительство ордена. Принимая во вниманіе недавно заключенный трактатъ и соображая послѣднія дѣйствія ордена, мы видимъ, что онъ нарушилъ его; обѣщавшись имѣть общихъ враговъ и друзей, онъ одному врагу Ягелла далъ средства для веденія съ нимъ войны, дѣятельно покровительствовалъ другому и даже посягнулъ на владѣнія своего союзника. Грѣхъ

тайный, прикрытый, всегда считался въ политикѣ менѣе важнымъ, чѣмъ открытое нарушеніе принятыхъ на себя обязательствъ, но орденъ, погрѣшивъ уже тайно противъ Ягелла, не задумался явиться и явнымъ покровителемъ его враговъ. Какъ бы не помня содержанія заключенныхъ договоровъ, онъ ходатайствуетъ предъ Ягелломъ за Витовта и брата его Товтивила, прося позволить имъ возвратиться въ отечество и удѣлить хоть часть ихъ наслѣдственныхъ владѣній; въ тоже время магистръ предлагаетъ пріостановить военныя дѣйствія съ Мазовіей и войти въ переговоры для заключенія мира, упрекая при этомъ Ягелла въ томъ, что, начавъ войну безъ вѣдома и совѣта ордена, онъ нарушилъ условія трактата [103]. Подобный образъ дѣйствій магистра ясно показываетъ, что онъ не довѣрялъ Ягеллу и это понятно, такъ какъ размѣръ и качество сдѣланныхъ уступокъ невольно возбуждали предположеніе, что онѣ сдѣланы неискренно, а подозрѣвая Ягелла, магистръ и себя считаетъ необязаннымъ сохранять принятыя обязательства и съ безстыдствомъ шлетъ своему союзнику упреки, которые вполнѣ заслужены имъ самимъ. Понятно, какъ былъ раздраженъ Ягелло, но вмѣстѣ съ гнѣвомъ онъ чувствовалъ и настоятельную необходимость остаться въ добрыхъ отношеніяхъ съ орденомъ; онъ долженъ былъ въ свою очередь упрекать магистра, но въ тоже время, во чтобы то ни стало, долженъ былъ не разрывать съ нимъ, что было очень трудно безъ нанесенія ущерба собственному достоинству. Нельзя не отдать чести дипломатическимъ чиновникамъ Ягелла, они написали отвѣтъ очень искусно: «получивъ ваше письмо, въ которомъ просите о принятіи въ милость нашу бывшихъ князей литовскихъ (olim duces Littoviae), Витовта и Товтивила и объ удѣленіи имъ части ихъ наслѣдственнаго достоянія, отдаемъ на ваше разсужденіе, можемъ ли мы ис-

полнить эту просьбу, не имѣя къ означеннымъ князьямъ никакого довѣрія; вѣдь, это значило бы отогрѣвать змѣю на собственной груди; при этомъ не можемъ не напомнить вашему господству (dominatio vestra), должны ли вы принимать и поддерживать бѣглецовъ нашихъ? Что же касается до князей мазовецкихъ, съ которыми ваша милость желаете заключенія нами перемирія до праздника пасхи, то по дружбѣ къ вамъ мы готовы исполнить это желаніе, готовы даже продлить перемиріе на годъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобы имущество и товары, отнятые у нашихъ купцовъ, были возвращены въ цѣлости и плѣннымъ была бы дана свобода. Мы не печалимся, что замокъ Визна принятъ, какъ говорятъ, вами въ залогъ, но намъ кажется страннымъ и не приличнымъ, что вы помогаете нашимъ врагамъ и противникамъ, тогда какъ мы обѣщались не только не вредить ни въ чемъ другъ другу, но одинъ другому помогать противъ всякаго врага. Также просимъ васъ, чтобы вы не старались привлечь къ себѣ жмудиновъ, такъ какъ они поддались намъ и любезному нашему брату Скиргеллу; и безъ того уже имѣемъ мы много непріятностей отъ нашихъ людей и отъ литовцевъ.» Подпись: «Ягелло, великій король (magnus rex) Литвы, вашъ искренній другъ,» вполнѣ соотвѣтствуетъ мягкому, дружественному тону письма.[104] Не смотря, однакожъ, на ловкость, съ которою было написано письмо, оно не перемѣнило, да и не могло перемѣнить отношеній къ ордену, такъ какъ онъ, очевидно, рѣшилъ, что для него выгоднѣе поддерживать Витовта и такимъ образомъ ослаблять Ягелла, нежели оставлять его спокойнымъ и сильнымъ обладателемъ Литвы. Скорѣе, отвѣтъ великаго князя ухудшилъ взаимныя отношенія, потому что сказанное въ немъ о жмудинахъ сильно обезпокоило великаго магистра. Нужно замѣтить, что жмудины вовсе не желали

подчиняться рѣшенію, принятому относительно ихъ, безъ ихъ вѣдома, въ трактатѣ 1382 года и не пускали къ себѣ рыцарей, а тутъ еще Ягелло пишетъ, что они поддались ему и его брату Скиргеллу, слѣдовательно также ни во что не ставитъ уступки ихъ ордену. Для устраненія подобныхъ недоразумѣній и для скрѣпленія союза вообще, магистръ просилъ Ягелла назначить время и мѣсто для личнаго свиданія, на которомъ, какъ онъ надѣялся, устранятся всѣ поводы къ обоюднымъ непріятностямъ. Два раза заставилъ себя просить Ягелло и только въ третій разъ согласился, назначивъ прежнее мѣсто, т. е. островъ на р. Дубиссѣ и конецъ мая для требуемаго съѣзда. Очевидно, что въ это время обѣ стороны рѣшительно не довѣряли другъ другу; Ягелло, назначая время и мѣсто для свиданія съ своимъ союзникомъ, вѣроятно по его требованію, завѣряетъ, что въ продолженіе предстоящихъ переговоровъ, его подданные не нарушатъ мира съ орденомъ,— [105] довольно странное завѣреніе со стороны друга и союзника. Еще болѣе недовѣрія и затаенной вражды высказывается въ обстановкѣ съѣзда: Ягелло выѣхалъ въ сопровожденіи братьевъ, бояръ и значительнаго отряда, который сталъ по берегу Дубиссы; магистръ съ епископами варминскимъ и помезанскимъ, съ орденскимъ маршаломъ Конрадомъ Валленродомъ и другими чинами приплылъ на корабляхъ до Христомемля, въ трехъ миляхъ отъ острова, на которомъ условились съѣхаться. Присутствіе епископовъ и значительнаго числа духовныхъ лицъ въ его свитѣ было обстоятельствомъ довольно страннымъ, остановка его въ Христомемлѣ также внушала подозрѣнія. Дѣло разъяснилось, когда магистръ прислалъ Конрада Валленрода просить Ягелла пріѣхать къ нему въ Христомемель по той причинѣ, что магистръ не можетъ плыть далѣе по мелководью, а лошадей у него нѣтъ; въ тоже время магистръ просилъ великаго князя,

немедля, принять крещеніе. Неосновательность причины, объясняющей неприбытіе магистра въ условленное мѣсто и требованіе немедленнаго крещенія, на которое онъ не имѣлъ права, такъ какъ Ягелло обязался окреститься въ теченіе 4 лѣтъ, вызвали рѣшительный отказъ, причемъ первая просьба была отвергнута безъ всякаго объясненія, а на вторую не согласились, по причинѣ нежеланія литовскихъ бояръ.

Намѣреніе магистра окрестить Ягелла несомнѣнно; [106] трудно только понять, почему онъ, именно въ это время, такъ добивался его крещенія. Съ одной стороны мы убѣждены, что онъ былъ вполнѣ холоденъ къ вѣроисповѣданію Ягелла, ему даже было выгоднѣе, еслибъ послѣдній оставался въ язычествѣ, а съ другой мы не видимъ, какія выгоды могъ онъ извлечь изъ принужденнаго крещенія великаго князя. По всей вѣроятности это требованіе было только пробнымъ камнемъ готовности Ягелла сдѣлать все для сохраненія мира съ орденомъ; въ самомъ дѣлѣ, еслибы онъ согласился креститься, то это согласіе могло бы служить лучшимъ доказательствомъ его преданности, чѣмъ всѣ возможные трактаты. Въ свою очередь Ягелло и его окружающіе должны были сильно оскорбиться этою настойчивостью, очевидно направленною къ испытанію ихъ терпѣнія, въ особенности мать его, извѣстная своею ревностью къ православію, должна была съ неудовольствіемъ смотрѣть на желаніе обратить ея сына въ католичество и потому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ ходившихъ тогда слухахъ, что она задумала захватить магистра и всю его свиту. [107] Понятно теперь, что съѣздъ не могъ состояться, рыцари хотѣли обмануть литовцевъ, послѣдніе не дались въ обманъ, отсюда сильное раздраженіе обѣихъ сторонъ и желаніе открыто разорвать миръ. Излишняя горячность, съ которою сдѣлалъ это магистръ, невольно приводитъ къ заключенію, что гнѣвъ

его былъ притворнымъ, чтобы тѣмъ легче оправдать себя въ глазахъ общественнаго мнѣнія и сложить на одного Ягелла вину новаго кровопролитія. Посланіе его написанное (30-го іюля 1383) по этому поводу, отличается совершеннымъ отсутствіемъ тѣхъ вѣжливыхъ и дружественныхъ выраженій, которыми изобилуетъ приведенное письмо Ягелла; вспоминая все изложенное нами, оно сообщаетъ два новыхъ преступленія противъ ордена, именно говоритъ о продажѣ плѣнныхъ рыцарей въ дальнюю Русь и о невниманіи, съ какимъ былъ принятъ орденскій посолъ, командоръ Рагниты, котораго не допустили къ великому князю и не дали никакого опредѣленнаго отвѣта. Выставляя подобное поведеніе крайнимъ для себя оскорбленіемъ, магистръ прибавляетъ, что другія дѣйствія Ягелла даже нарушаютъ его доброе имя, такъ какъ онъ преслѣдуетъ и безпощадно разворяетъ христіанъ въ Мазовіи, а всѣмъ извѣстно, что онъ не можетъ начинать войны безъ вѣдома и согласія магистра; посланіе заканчивается такими грозными словами: «такова дружба, которую оказываешь ты намъ взамѣнъ за наши услуги, но мы не можемъ уже долѣе сносить твое высокомѣріе и твою несправедливость. Знай же, Ягелло, ты и твои братья, что, не находя въ тебѣ ни вѣры, ни вѣрности, мы отказываемъ тебѣ въ нашей дружбѣ и съ тѣхъ поръ, какъ убѣдились въ твоемъ вѣроломствѣ, никогда уже не будемъ съ тобою въ мирѣ».[108] Не довольствуясь этимъ объявленіемъ полнаго разрыва, магистръ обнародовалъ и разослалъ по всей Европѣ длинное посланіе, въ которомъ подробно изложилъ всѣ споры ордена съ Ягелломъ, со времени заключенія трактата 1382 года; обнародованіе имѣло цѣлью возложить на великаго князя всю отвѣтственность за начинающееся кровопролитіе; самими рѣзкими чертами изображены его неблагодарность, его вѣроломство и нарушеніе договоровъ, наконецъ его вы-

сокомѣріе, гордость и недостатокъ вниманія, который онъ оказалъ магистру и орденскому маршалу, чѣмъ оскорбилъ весь орденъ. Въ 8 пунктахъ изложены основанія, которыя заставляютъ разорвать съ Литвою: 1) не смотря на всѣ просьбы, Ягелло и Скиргелло помѣшали состояться съѣзду на островѣ р. Дубиссы, 2) Ягелло изъ гордости не хотѣлъ сдѣлать короткаго, въ 3 мили, пути къ магистру въ Христомемль, хотя послѣднему невозможно было прибыть на условленное мѣсто, 3) Ягелло продавалъ нѣмецкихъ плѣнниковъ русскимъ, между тѣмъ какъ магистръ отдалъ даромъ его плѣнниковъ, выкупная цѣна которыхъ простиралась до 1200 шокъ грошей, а самъ получилъ 21 человѣка, при чемъ каждаго слѣдуетъ считать не дороже 4 копъ. 4) Ягелло поддерживаетъ жмудиновъ, которые отданы во власть ордена, 5) Ягелло опустошалъ Мазовію во время мира, вслѣдствіе чего орденъ пришелъ въ великое подозрѣніе у венгерскаго короля, такъ какъ извѣстно, что Ягелло не можетъ начинать войны, безъ вѣдома и согласія ордена, 6) Ягелло не далъ никакого отвѣта посланному къ нему командору Рагниты, 7) онъ не хотѣхъ выслушать орденскаго маршала и 8) не прислалъ мирнаго договора, тогда какъ получилъ его отъ магистра. [109]

Такимъ образомъ опредѣлились отношенія ордена къ обоимъ братьямъ и если кто могъ считать себя оскорбленнымъ, то это, конечно, Ягелло. Исполнивъ все, что требовалъ отъ него орденъ, давъ всѣ возможныя обѣщанія, сдѣлавъ весьма значительныя уступки, Ягелло тѣмъ самымъ возбудилъ сомнѣніе въ искренности своего образа дѣйствій; орденъ же, съ своей стороны, разъ почувствовавъ сомнѣніе, разъ не повѣривъ Ягеллу, конечно долженъ былъ склониться на сторону Витовта, потому что, какъ мы уже говорили, ему было выгоднѣе поддерживать въ Литвѣ междуусобіе, чѣмъ быть

въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ къ ея единодержавному государю. Но разорвавъ теперь съ Ягелломъ и намѣреваясь дѣятельно поддерживать Витовта, орденъ долженъ былъ обстоятельно условиться, какое получитъ онъ вознагражденіе за оказываемую ему помощь. Прежде всего Витовтъ долженъ былъ креститься, потому что неловко было ордену, имѣвшему цѣлью неустанную борьбу съ язычествомъ, помогать языческому князю. Крещеніе произошло въ Таплавѣ, при чемъ языческое имя Витовта было замѣнено христіанскимъ именемъ Виганда, [110] затѣмъ онъ обѣщался владѣть отцовскимъ княжествомъ, которое хотѣлъ возвратить ему магистръ, какъ леномъ ордена, и быть ему всегда вѣрнымъ и послушнымъ вассаломъ; [111] Витовтъ не могъ дать болѣе надежныхъ гарантій и магистръ долженъ былъ повѣрить ему на слово. Дѣятельно начались и производились вооруженія въ Пруссіи; особенное вниманіе было обращено на жмудиновъ, съ которыми Витовтъ имѣлъ постоянныя сношенія и которые, помня Кейстута, рѣшились наконецъ взять сторону его сына и помочь ему добиться наслѣдственнаго удѣла; ихъ расположеніе было поддержано магистромъ, который не переставалъ посылать имъ одежды, коней и оружіе. [112] Согласно данному обѣщанію возстановить Витовта на отцовскомъ престолѣ, первые удары ордена были направлены противъ Трокъ; городъ былъ взятъ и, снабженный гарнизономъ изъ орденскаго войска, подъ начальствомъ двухъ рыцарей, отданъ Витовту. Событіе это имѣло важныя послѣдствія: многіе литовцы и жмудины, до сихъ поръ колебавшіеся, теперь открыто стали на сторону кейстутова сына и стекались къ нему со всѣхъ сторонъ. Четыре командора (изъ Эльбинга, Балги, Христбурга и Бранденбурга) были посланы противъ Вильны, съ приказаніемъ сжечь ее; почти подъ ея стѣнами, они вступили въ отчаянную битву съ литовцами,

преградившими имъ дорогу, три раза отбрасывали литовцы орденское войско съ важною для него потерей и три раза выбивали ихъ рыцари изъ занимаемой позиціи; наконецъ имъ удалось зажечь городъ. Довольствуясь пожаромъ столицы, командоры не отважились оставаться долѣе среди непріятельской земли и отступили. Собравъ свои войска, магистръ двинулся въ обратный путь; на дорогѣ онъ взялъ заложниковъ отъ Жмуди, чтобъ обезпечить себѣ ея вѣрность и, по совѣту своихъ чиновниковъ, далъ Витовту замокъ Маріенбургъ, построенный близъ Ковна, какъ убѣжище для тѣхъ литовцевъ, которые толпами сбѣгались къ нему. Казалось, что Витовтъ достигъ своей цѣли, но, какъ скоро удалось ему пріобрѣсти Троки, такъ же скоро онъ потерялъ ихъ. Еще не началась зима (1383 года), какъ столица Кейстута снова перешла во власть Ягелла и Скиргелла, такъ что походъ 1383 года не принесъ ему никакой, осязательной выгоды. Дальнѣйшія обстоятельства слагались крайне неблагопріятно: зима $13^{83}/_{84}$ года была очень слабая и, несмотря на значительное стеченіе заграничныхъ гостей въ Пруссію, не рѣшились предпринять похода въ страну, гдѣ только суровая зима дѣлала дороги проходимыми. Живя съ своими боярами въ Маріенбургѣ, Витовтъ употреблялъ всѣ усилія, чтобъ возбудить магистра къ новому походу и, такъ какъ участіе ордена могло быть подогрѣто только новыми уступками, онъ рѣшился на новыя жертвы: подтвердивъ въ началѣ 1384 года, прежде данное обѣщаніе, что онъ принимаетъ свое троцкое княжество, какъ ленъ ордена, который, въ случаѣ бездѣтной смерти его и его потомковъ, переходитъ въ полную собственность рыцарей, онъ уступилъ еще имъ значительное пространство, въ томъ числѣ Жмудь, что составляло давнюю и любимую цѣль ордена, такъ какъ обладаніе этою страною весьма облегчало веденіе войны съ

Литвою и тѣснѣе связывало съ Пруссіей Ливонію. [113] Какъ тяжело было положеніе Витовта, видно изъ того, что такія важныя уступки имѣли результатомъ только незначительный набѣгъ на Литву, который, кромѣ добычи, ничего не доставилъ несчастному князю. Впрочемъ, скоро за этимъ набѣгомъ послѣдовало предпріятіе, имѣвшее болѣе важныя послѣдствія: вознамѣрились построить близъ Ковна крѣпкій замокъ, подъ защитою котораго должны были собираться рыцари для похода на Литву и который долженъ былъ сдерживать литовцевъ на случай ихъ покушенія опустошать владѣнія ордена. Съ удивительною быстротою, въ 4 недѣли, построенъ былъ крѣпкій замокъ, который внушилъ магистру горделивую надежду легко покорить съ такими замками всю Литву, его назвали Маріенвердеръ, потому что онъ былъ расположенъ на островѣ и посвященъ Пречистой Дѣвѣ. Отдѣльные отряды были посланы во всѣ стороны, чтобы грабить и держать въ отдаленіи непріятеля, который могъ бы помѣшать постройкѣ. Не посчастливилось одному изъ нихъ подъ начальствомъ командора изъ Рагниты, храбраго Виганда Бальдерсгейма; проникнувъ до Кернова, опустошивъ въ конецъ пройденное пространство, онъ уже возвращался съ богатою добычей, какъ былъ настигнутъ значительными силами, подъ предводительствомъ Ягелла и Скиргелла; въ ожесточенномъ бою погибъ Бальдерсгеймъ съ нѣсколькими рыцарями, остальные попались въ руки непріятеля, къ которому перешла и добыча. Это несчастіе значительно уменьшило радость, съ которою смотрѣлъ магистръ на грозную твердыню, поднявшуюся на языческой землѣ и предназначенную для ея завоеванія. [114] Жалкія отношенія союзниковъ или лучше покровителя къ покровительствуемому ярко обрисовываются тѣмъ, что магистръ, сдѣлавъ этотъ новый шагъ для достиженія цѣли Витовта, счелъ необходимымъ заключить съ нимъ новый договоръ, который долженъ былъ

скрѣпить то, что было обѣщано и даже подтверждено клятвою два раза. Витовтъ снова обязался признавать Троки леномъ ордена, который окончательно завладѣетъ всѣмъ его княжествомъ, когда онъ или его потомки не оставятъ послѣ себя наслѣдниковъ. Въ случаѣ, если послѣ него останется дочь, орденъ обязуется выдать ее за человѣка, равнаго ей по рожденію и, когда она умретъ бездѣтною, принимаетъ ея владѣнія, на которыя мужъ не будетъ имѣть никакого права Если же Витовтъ умретъ безъ потомства, а братъ его Сигизмундъ приметъ христіанство, наслѣдство переходитъ къ нему съ тѣми же обязательствами.[115] Съ такими подробностями опредѣлилъ орденъ всѣ случаи, когда владѣнія Витовта не переходили прямо въ его руки. Нельзя не удивляться тому, что орденъ, такъ усердно связывавшій своего союзника множествомъ договоровъ, изъ которыхъ послѣдующій только повторялъ предъидущій, противурѣчилъ своему взгляду натрактатывообще, такъ какъ изъ предшествовавшей его дѣятельности очевидно, что онъ не имѣлъ въ обычаѣ стѣсняться письменными обязательствами, когда обстоятельства требовали ихъ нарушенія. И такъ война затягивалась, орденъ выказывалъ намѣреніе энергически поддерживать Витовта, Ягеллу приходилось трудно и постепенно созрѣвало въ немъ убѣжденіе, что въ своемъ двоюродномъ братѣ, когда то бывшемъ его другѣ, онъ нашелъ опаснаго врага, одолѣть котораго трудно, а потому благоразумнѣе бы было съ нимъ помириться. Тѣмъ скорѣе долженъ былъ придти къ такому заключенію Ягелло, что въ то время готовились важныя событія, для яснаго пониманія которыхъ мы должны перейти къ исторіи сосѣдней съ Литвою Польши.

ГЛАВА II.

Въ описываемое время, въ Польшѣ, рѣшался важный вопросъ о престолонаслѣдіи, начавшійся еще при жизни Людовика, короля венгерскаго и польскаго. Въ его рѣшеніи, для нашего разсказа очень важномъ, первую роль играютъ магнаты, шляхта и тѣсно съ ними связанное духовенство; вотъ почему не безъинтересно будетъ представить краткій историческій очеркъ постепеннаго расширенія правъ и привилегій обоихъ сословій, которыя дали имъ возможность рѣшить занимающій насъ вопросъ по своему произволу.

Въ исторіи Пястовъ не разъ замѣтно стремленіе къ образованію самодержавной монархіи, на подобіе существовавшей уже на западѣ. Въ этомъ отношеніи особенно важна дѣятельность Владислава изгнанника и еще болѣе — Мешка стараго. Ихъ усилія, однакожъ, остались тщетны: духовные и рыцари не позволили обратить себя въ покорныхъ вассаловъ, они хотѣли быть и были соправителями своихъ государей, часто принуждаемыхъ поступать противъ своего и сообразно ихъ желанію. Владиславъ изгнанникъ, Мешко старый, Казиміръ справедливый, Лешко бѣлый, Владиславъ ласконогій, многіе изъ Пястовъ силезскихъ и, наконецъ Владиславъ Локетекъ, сверженіемъ съ трона поплатились за желаніе поставить себя выше названныхъ сословій, считавшихъ своимъ правомъ и привилегіей, чтобы все въ государствѣ совершалось по ихъ совѣту и мысли. Это право, ставившее ихъ выше государя, не разъ было признаваемо: Мешко старый жаловался императору не на то, что его выгнали, но на то,

что изгнали безъ суда; въ этомъ видно признаніе за панами духовными и свѣтскими права изгонять своего государя, подвергнувъ его дѣйствія обсужденію. Казиміръ справедливый объявилъ, что рѣчь посполитая имѣетъ право заботиться объ огражденіи себя отъ злоупотребленій. Рыцари и духовные, сами наслѣдственно владѣя городами и вольными поселеньями, не могли отказать Пястамъ въ наслѣдственномъ правѣ на землю и доходы съ нея, но не хотѣли сообщать имъ права на наслѣдованіе власти. Пясты распоряжались краемъ въ своихъ завѣщаніяхъ, дѣлили свои княжества между сыновьями и зятьями, дарили и мѣняли земли, выдѣляли части для своихъ женъ и матерей, но все это они дѣлали только, какъ наслѣдственные землевладѣльцы или, лучше сказать, владѣльцы доходовъ съ земли. Сыновья Владислава изгнанника не требовали власти, но только земель, которыя остались послѣ отца. Казиміръ великій отказалъ въ завѣщаніи Казиміру щецинскому и своимъ побочнымъ сыновьямъ только тѣ города, которые онъ разсматривалъ, какъ наслѣдственное владѣніе своей линіи. По смерти Казиміра справедливаго, когда престола добивались для Лешка бѣлаго, возникъ вопросъ, какъ разсматривать власть князя, какъ наслѣдственную или избирательную. Но вопросъ не былъ рѣшенъ теоретически, а на практикѣ состоялось избраніе, потому что самый споръ былъ заглушенъ криками избиравшими Лешка. Главный сторонникъ его, епископъ краковскій Пелка, возражая противнику его избранія, за малолѣтствомъ, окончилъ рѣчь свою словами: «никто не можетъ препятствовать соизволенію начальниковъ, рѣшенію пановъ и народа». [116] На жалобы Мешка стараго императоръ отвѣтилъ, что нельзя отнять у поляковъ право избирать себѣ князей. Казиміръ справедливый, Владиславъ ласконогій, Генрихъ глоговскій, Вячеславъ чешскій и др. были избраны на престолъ, помимо

наслѣдственныхъ правъ. Владиславъ Локетекъ имѣлъ одного только сына, а при смерти, усильно просилъ пановъ, чтобы избрали его. Эти примѣры доказываютъ, что вельможи и паны могли сдѣлать все безъ князей, а князья безъ нихъ очень немногое; въ особенности власть князя была ограничена при изданіи законовъ. Интересъ династическій былъ ничто въ сравненіи съ интересами рыцарства; это ясно видно въ разныхъ мѣстахъ вислицкаго статута. Право засѣданія въ сенатѣ не столько основывалось на занимаемомъ въ іерархіи мѣстѣ, не столько было связано съ званіемъ епископа, каштеляна, воеводы и др., сколько зависѣло отъ числа вооруженныхъ сторонниковъ. Самое устройство родовъ шляхетскихъ сообщало имъ грозную силу, потому что всѣ родственники, ближайшіе и отдаленные, составляли одну общину, дѣйствующую въ интересахъ всѣхъ членовъ. Во главѣ ихъ стоялъ рыцарь, которому оказывали полнѣйшее повиновеніе всѣ члены рода и слуги; по его приказу грабили и убивали даже безъ отвѣтственности передъ закономъ. Только вислицкій статутъ постановилъ, что послушаніе господину не можетъ простираться до совершенія преступленія по его приказанію и всякій подобный преступникъ будетъ наказанъ также, какъ совершившій его по собственному произволу; впрочемъ и по вислицкому статуту панъ, если хотѣлъ, могъ брать на себя отвѣтственность за своихъ слугъ. На шляхетскомъ же сословіи лежала оборона края, а изъ этой обязанности вытекало право шляхтича собирать различные доходы съ вольнаго поселенца (кметя), даже горожанина, пошлины и мыта съ перевозовъ, мостовъ и т. п. Этимъ съ одной стороны объясняется значеніе шляхетскаго сословія, по отношенію къ князю, который безъ его содѣйствія, не могъ собрать войска, а съ другой по отношенію къ народу, который такимъ образомъ становился подъ его вліяніе, тѣмъ болѣе, что

въ селахъ, рядомъ съ кметемъ, вольнымъ поселенцемъ, скоро появился и рабъ, военноплѣнный; такъ постепенное усиленіе высшаго сословія шло рядомъ съ постепеннымъ лишеніемъ всѣхъ правъ нисшаго. Статутъ вислицкій постановилъ крѣпость кметей землѣ и далъ право одному, много двумъ, переходить ежегодно изъ деревни въ другое мѣсто жительства, общее же переселеніе могло быть только въ немногихъ чрезвычайныхъ случаяхъ: если панъ учинитъ насиліе надъ чьею либо женою или дочерью, или если по винѣ его крестьяне подвергнутся судебному преслѣдованію, или цѣлый годъ пробудутъ подъ церковной клятвой. Даже въ управленіи городовъ шляхетскій элементъ имѣлъ важное значеніе, такъ какъ войтомъ города обыкновенно былъ рыцарь; занимая свою должность наслѣдственно, передавая ее своимъ дѣтямъ, онъ, при извѣстныхъ доходахъ съ промысловъ и торговли, могъ расчитывать, что, современемъ, родъ его сдѣлается богатымъ и могущественнымъ. Едва ли не выше шляхетства стояло въ краѣ духовенство; значеніе епископовъ было велико: епископъ краковскій Гетко, въ присутствіи многочисленнаго народа, осмѣлился сказать Мешку старому, что скоро будетъ работа сѣкирѣ и что его унесутъ, какъ пѣтуха; въ этихъ словахъ думаютъ видѣть угрозу отрубить князю голову. Епископы поразили церковнымъ проклятіемъ Владислава изгнанника, Мешка стараго, Конрада мазовецкаго, Пшемыслава I, Болеслава благочестиваго, Конрада глоговскаго и разныхъ Пястовъ силезскихъ, даже Владислава Локетка и Казиміра великаго. Несмотря на то, что судебная власть главнымъ образомъ сосредоточивалась въ рукахъ князей, духовенство считало своимъ правомъ и обязанностью наблюдать, чтобы князь не пользовался этою властью изъ личныхъ своихъ видовъ. Такъ въ Познани епископъ и пробощъ выдавали охранные листы тѣмъ, которые подвергались

преслѣдованію правительства безъ приговора суда. Бывали примѣры, что высшіе духовные чины, конечно, при слабомъ князѣ, заключали трактаты съ иноземными государями на пользу своихъ епархій и даже цѣлаго края. Такъ Прандота, епископъ краковскій, исходатайствовалъ для себя у Пшемыслава—Оттокара чешскаго оборону противъ русскихъ и татаръ и договорился съ нимъ, что поляки освободятъ всѣхъ плѣнныхъ чеховъ, а Пшемыславъ, съ своей стороны, не только сдѣлаетъ тоже относительно поляковъ, но постарается освободить и тѣхъ изъ нихъ, которые уже проданы мадьярамъ, куманамъ и русскимъ. Синоды провинціальные, на которые издавна собиралось духовенство, дали ему новую силу, потому что эти собранія, на которыхъ сначала рѣшались только чисторелигіозные вопросы, скоро получили характеръ законодательныхъ не только для духовенства, но и для народа. Но не въ этомъ одномъ заключалось превосходство духовной власти надъ свѣтскою. Первая чрезъ разнообразныхъ и крайне многочисленныхъ своихъ представителей проникала до послѣдней хаты и, подчиняя своему нравственному вліянію народъ, на немъ основывала свою силу; подчиненность же народа духовенству въ то время, когда первый былъ неразвитъ, а второе было единственнымъ сословіемъ, которое опредѣляло различіе между добромъ и зломъ, была несомнѣнна и прочна. Съ другой стороны Пясты и богатые вельможи, для спасенія душъ своихъ, жертвовали церкви города и села безъ всякихъ обязательствъ къ краю и правительству на томъ основаніи, что принадлежащее Богу не должно подчиняться власти свѣтской. Позднѣе сами духовные прикупали себѣ земель, богатѣли и успѣли добиться привилеевъ на право суда и чеканъ монеты; право суда, конечно слѣдуетъ понимать, только по отношенію къ мѣстностямъ, находившимся въ ихъ владѣніи, по рѣшенію духовныхъ судовъ,

въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подчинялось и высшее сословіе, таковы дѣла по духовнымъ завѣщаніямъ, объ оскорбленіи церкви и ея служителей, о святотатствѣ, богохульствѣ и даже угнѣтеніи народа. Если не забудемъ десятины, которую духовенство, не смотря на противудѣйствіе шляхты, удержало за собою, то, сообразивъ все, поймемъ, что первое мѣсто въ краѣ принадлежало ему. [117].

Эти то столь могущественныя сословія должны были рѣшить вопросъ о престолонаслѣдіи, который, какъ мы сказали, начался еще при жизни Людовика, короля венгерскаго и польскаго. Людовикъ, сѣвшій на польскомъ престолѣ въ 1370 году, когда со смертью Казиміра великаго прекратилась одна изъ нѣскольких линій, на которыя дѣлились Пясты, — личность, столь замѣчательная въ свое время, что объ немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Онъ былъ сынъ Карла Роберта, который, владѣя королевствами неаполитанскимъ и и венгерскимъ, женатый на Елисаветѣ, сестрѣ неимѣвшаго мужескаго потомства Казиміра великаго, могъ расчитывать на три короны для трехъ сыновей своихъ: Людовика, Стефана и Андрея. Первому назначалъ онъ корону польскую, второму — венгерскую, третьему — неаполитанскую, но — человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ — Стефанъ умеръ, не дождавшись короны, Андрей погибъ въ далекомъ Неаполѣ, такъ что Людовикъ, переговорами отца съ Казиміромъ пріобрѣвшій польскую корону, наслѣдовалъ и остальныя владѣнія Карла Роберта. *) Государь Польши и Венгріи, завоеватель Далмаціи, суверенъ нѣсколькихъ государствъ придунайскихъ,

*) Карлъ Робертъ, отъискивая корону Польши для сына, обѣщалъ въ 1339 году возвратить ей тѣ земли, которыя были захвачены бранденбургскими маркграфами и нѣмецкимъ орденомъ и прежде всего обязывался выгнать рыцарей изъ занятаго ими Поморья. Казиміръ согласился, во 1) потому что онъ былъ дядя Людовику, а во 2) потому что такія предложенія были очень выгодны для Польши; самъ же онъ, какъ извѣстно, не любилъ войны. Важнѣйшія лица духовныя и свѣтскія, безъ воли которыхъ нельзя было сдѣлать

онъ только въ Неаполѣ встрѣтилъ противудѣйствіе, непризнаніе своихъ правъ, въ лицѣ королевы Іоанны, согласившейся на насильственную смерть мужа, брата Людовика, Андрея. Къ обширности владѣній присоединились ихъ богатства; рудники венгерскіе были неисчерпаемы и доставляли королю всѣ средства для осуществленія его величавыхъ плановъ. Передъ такимъ могуществомъ склонился византійскій императоръ, надѣясь найти въ немъ помощь противъ турокъ. Папы не знали, какими словами выразить свое къ нему уваженіе, они называли его благочестивѣйшимъ, любезнѣйшимъ, первороднымъ сыномъ св. церкви, христіаннѣйшимъ королемъ. Когда же Людовикъ объявилъ войну Босніи, исповѣдывавшей греческое православіе и потому считавшейся еретическою, * Папа Инокентій VI наименовалъ его знаменоносцемъ церкви (signifer ecclesiae), но, вмѣсто Босніи, новый знаменоносецъ повелъ свое крестоносное войско на Истрію и Далмацію, завоеваніе которыхъ должно было умножить его силу и богатство, а не содѣйствовать интересамъ церкви. Его благочестіе главнымъ образомъ состояло въ ненависти къ евреямъ и въ совершенномъ изгнаніи ихъ изъ государства, и въ неутомимомъ преслѣдованіи славянъ, исповѣдывавшихъ греческое православіе. Его названіе любезнаго, перворoccurrence первороднаго сына церкви вовсе не соотвѣтствовало тѣмъ отношеніямъ, въ которыя онъ поставилъ себя къ служителямъ алтаря; положеніе духовенства въ его время было тяжелое, никто не имѣлъ права

передачи наслѣдственнаго права, были подкуплены деньгами или другими земными благами и согласились, выговоривъ, что Людовикъ совершитъ присоединеніе означенныхъ земель на свой счетъ, не будетъ присылатьвъ Польшу иноземцевъ для занятія старостинскихъ урядовъ и что духовенство и шляхта, съ ихъ селами и людьми, будутъ вольны отъ всѣхъ податей, за исключеніемъ такъ называемаго „krolevstwa“ или „lanove“, подати незначительной. Въ послѣдствіи Казиміръ великій договорился, что трактатъ этотъ теряетъ свою силу, если у него родится сынъ, но сына не было.

* Впрочемъ въ Босніи были послѣдователи секты Патареновъ— Богомиловъ.

отдать или завѣщать ему свою землю, всѣ духовныя должности и бенефиціи раздавалъ Людовикъ по своему произволу, не обращая ни малѣйшаго вниманія на права духовной власти. Не разъ венгерское духовенство жаловалось папѣ и папа рѣшался только умолять королеву Елисавету, мать Людовика, о прекращеніи «такого тиранства». Въ Польшѣ не прекращались споры его съ духовенствомъ о податяхъ съ церковныхъ имѣній и ни одинъ изъ королей того времени не нанесъ столько убытковъ монастырямъ, какъ Людовикъ. Такая постоянная, никогда не устающая заботливость о своей прибыли сдѣлала изъ него отличнаго администратора; ни одному польскому королю не удавалось такъ правильно собирать подати и разные доходы; въ его финансовыхъ распоряженіяхъ мы видимъ новый духъ, новыя понятія, которыя ставятъ его выше вѣка. Вполнѣ понимая значеніе торговли и промышленности, онъ относился съ особеннымъ участіемъ къ купечеству и городамъ вообще, среди ожесточенныхъ войнъ заботился онъ о безопасности дорогъ и о безпрепятственномъ ходѣ торговли. Тевтонскіе магистры, въ своихъ письмахъ къ Ядвигѣ, не могли достаточно восхвалить Людовика за покровительство, какое оказывалось, въ Польшѣ, купцамъ въ его царствованіе. [118] Такое направленіе, конечно, шло въ разрѣзъ съ духомъ и притязаніями рыцарства, но Людовикъ мало о томъ заботился и всѣ его любимцы принадлежали къ нисшему сословію. Не однихъ, впрочемъ, рыцарей непріятно поражало такое направленіе короля, но, какъ всѣ поляки въ Польшѣ, такъ и всѣ венгры въ Венгріи, были имъ недовольны; для насъ это будетъ понятно, если вспомнимъ, что города, въ то время, особенно въ Польшѣ, были переполнены иностранцами, преимущественно нѣмцами, такъ что покровительство городамъ было покровительствомъ элементу пришлому, иноземному, что не могло нравиться туземцамъ.

Для Польши, къ трону которой онъ былъ предназначенъ съ 1339 года, онъ былъ совершенно чуждъ, также, какъ и она ему; болѣе 30 лѣтъ ожидая ея короны, онъ не постарался научиться польскому языку и говорилъ съ поляками чрезъ переводчика; въ противность извѣстной антипатіи поляковъ къ нѣмцамъ, онъ очень любилъ ихъ, и ненавистный для всей страны нѣмецкій орденъ называлъ его своимъ благодѣтелемъ и покровителемъ. Оторванная отъ Польши Силезія, которую онъ, по обѣщанію, данному на коронаціи, обязанъ былъ возвратить, послужила ему средствомъ пріобрѣсти доброе расположеніе люксембургскаго дома и, когда, какъ увидимъ сейчасъ, ему пришлось искать жениховъ для своихъ дочерей, онъ обратился къ тому же люксембургскому и другому, также вполнѣ нѣмецкому, именно австрійскому дому. Весьма естественно, что такой король не могъ довѣрять своимъ подданнымъ и этимъ только чувствомъ мы объясняемъ то обстоятельство, что, вскорѣ послѣ коронаціи, возвращаясь въ Венгрію, онъ увезъ съ собою польскую корону и другія королевскія регаліи; онъ опасался, чтобъ поляки не короновали кого нибудь другаго, въ его отсутствіе. Онъ не хотѣлъ жить въ Польшѣ и вся его дѣятельность, по отношенію къ этой странѣ, имѣла цѣлью его собственные, фамильные интересы, а не благо государства, управлять которымъ онъ былъ призванъ. Главная цѣль, къ которой стремился онъ въ Польшѣ заключалась въ стараніяхъ обезпечить ея корону за одною изъ своихъ дочерей. Не имѣя мужскаго потомства, онъ былъ отцемъ трехъ дочерей, Катерины, Маріи и Ядвиги и, подобно отцу своему, имѣвшему трехъ сыновей, онъ думалъ оставить каждой изъ нихъ по коронѣ. Не мало трудностей представляло осуществленіе этого плана, потому что, съ одной стороны, нужно было возстановить свое право въ Неаполѣ, а съ другой, слѣдовало уничтожить до-

говоръ, заключенный съ поляками въ 1355 году, по которому Людовикъ обязался даже не думать о передачѣ короны одной изъ своихъ дочерей; въ случаѣ смерти Людовика, безъ мужскаго потомства, сказано въ этомъ договорѣ, данная въ вѣрности присяга, также, какъ и всѣ обязательства уничтожаются и остаются безъ послѣдствій. [119] Впрочемъ, еслибы даже поляки, вообще враждебно относившіеся къ женскому правленію, и согласились замѣстить тронъ свой женщиной, то оставшіяся послѣ Казиміра В. дочери, Анна и Ядвига, имѣли большее на него право, чѣмъ дочери Людовика. Привыкнувъ упорно стремиться къ своей цѣли и не разбирать средствъ для ея достиженія, Людовикъ, справедливо считая сиротъ Казиміра опасными соперницами для своихъ дочерей, тотчасъ послѣ коронаціи, увезъ ихъ въ Венгрію; но, конечно, этого было недостаточно для уничтоженія ихъ правъ. Тогда прибѣгли къ средству, которое считали болѣе дѣйствительнымъ и которое мало говоритъ въ пользу нравственности Людовика и его совѣтниковъ: дочери Казиміра на судѣ, нарочно для этого составленномъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, были объявлены незаконными и потому не имѣющими никакихъ правъ на польскую корону. [120] Устранивъ одно препятствіе, стали стараться объ устраненіи другаго, именно объ уничтоженіи договора 1355 года; этимъ занялась мать Людовика, королева Елисавета, которой сынъ, уѣзжая въ Венгрію, поручилъ управленіе Польшей. Назначеіе Елисаветы для управленія Польшей, при чемъ она дѣйствовала, какъ казалось, вполнѣ самостоятельно, что отчасти видно изъ ея титула «старшей королевы венгерской и правительницы Польши» [121], имѣло цѣлью пріучить поляковъ видѣть женщину во главѣ правленія; ей же особенпо поручилъ Людовикъ стараться объ уничтоженіи договора 1355 года, который заграждалъ его дочерямъ дорогу къ трону. Все

искусство Елисаветы должно было состоять въ выборѣ людей, которые были бы довольно ловки и сильны, чтобы помочь ей въ этомъ трудномъ дѣлѣ; такимъ оказался Завиша, молодой архидіаконъ и канцлеръ краковскій, сынъ воеводы краковскаго Добѣслава, привлеченный на сторону правительницы обѣщаніемъ доставить ему первое открывшееся епископство. Онъ принадлежалъ къ знатной и вліятельной фамиліи Курожвенковъ, происходившей изъ малой Польши; отецъ его Добѣславъ былъ воеводою краковскимъ, братъ Креславъ, каштеляномъ сандецкимъ, епископъ краковскій Бодзанта принадлежалъ къ тому же роду, бывшій впослѣдствіи епископомъ познанскимъ, Николай изъ Курника, хоть и не родственникъ, былъ, въ теченіе всей жизни Завиши, его искреннимъ другомъ и такъ какъ Николай славился своимъ умомъ, то дружба его была очень полезна. Съ помощью этихъ родственниковъ и друзей успѣлъ Завиша склонить многихъ пановъ къ исполненію королевскаго желанія; одни изъ нихъ, по родственнымъ отношеніямъ, другіе подкупленные золотомъ и богатыми обѣщаніями, согласились на уничтоженіе документа 1355 года и на сеймѣ въ Кошицахъ старшая дочь Людовика, Екатерина была признана наслѣдницею польской короны; это совершилось около 1373 года. [122] Но въ то время, когда съ такими трудами и пожертвованіями была достигнута цѣль, смерть Екатерины (1374) обратила въ ничто всѣ усилія. Въ самомъ дѣлѣ, если документъ 1355 года былъ нарушенъ на кошицкомъ сеймѣ, то это нарушеніе не окончательно его уничтожало; было только сдѣлано исключеніе въ пользу Екатерины и, какъ скоро Екатерина умерла, документъ пріобрѣталъ все прежнее значеніе. Нужно было начинать дѣло съизнова; опять сталъ работать Завиша, встрѣчая сочувствіе и поддержку въ малополянахъ и сильное противудѣйствіе въ великой Польшѣ, которая строже

первыхъ хранила древнія преданія и отвращалась отъ женскаго правленія; дѣло опять рѣшилось на съѣздѣ въ Кошицахъ въ 1374 году. Замѣчательно, однакожъ, что совершенно противуположное средство дало побѣду королевской партіи: прежде король раздавалъ деньги, теперь онъ потребовалъ ихъ и, нѣсколько поторговавшись съ панами и шляхтою, склонилъ ихъ къ исполненію своего желанія. Намъ уже извѣстно изъ договора 1339 года, которымъ корона польская передавалась Людовику по смерти Казиміра великаго, что шляхта была избавлена отъ всѣхъ податей, за исключеніемъ такъ называемаго «królewstwa» въ другихъ актахъ «królewszczizna» или «lanowe», а древнѣе тоже самое называлось «poradlne», что, конечно слѣдуетъ производить отъ радла, древнѣйшаго земледѣльческаго орудія. Къ концу XIV вѣка это было единственною податью, которую еще платили паны и шляхта, между тѣмъ, какъ въ прежнія времена было болѣе десяти названій различныхъ повинностей, таковы pomocne, podworowe, poradlne, podymne, sep, nastawa, narzaz, wol, crowa, wieprz, czasza (меду), scòrki lisie и cunie и др. [123] Съ давняго уже времени паны и шляхта стремилась къ уничтоженію всѣхъ этихъ податей и такъ успѣвали въ этомъ, что, со временъ Казиміра справедливаго, князья постепенно теряли свое право то на одну, то на другую подать, такъ что въ 1339 году, какъ мы уже сказали, остался только одинъ родъ денежной повинности, старое poradlne или lanowe, которое въ XIV вѣкѣ начинаетъ называться kròlewstwo или krolewszczizna, т. е. подать, исключительно принадлежавшая королю, такъ какъ всѣ остальныя были переданы шляхтѣ. Стремленіе господствующаго сословія избавиться отъ всякихъ податей объясняется не только съ точки зрѣнія экономической, но еще болѣе расширеніемъ его правъ, усиленіемъ его значенія, которое сдѣлалось такъ важно, что повлекло за собою ограниченіе королевской власти. Цар-

ствованіе Казиміра великаго не было особенно благопріятно шляхетству; покровительство, которое оказывалъ онъ земледѣльческому сословію, было весьма непріятно панамъ, давшимъ ему насмѣшливое прозваніе короля крестьянъ (rex rusticorum) [124]); немало было нужно трудовъ, чтобъ подчинить ихъ закону, втолковать имъ убѣжденіе, что законъ одинаково обязателенъ, какъ для бѣднаго крестьянина, такъ и для богатаго, вельможнаго пана; тѣмъ не менѣе, король не могъ остановить давно начавшееся стремленіе шляхетства къ постепенному, все большему и большему, расширенію его правъ и привилегій. Вопросъ о кролевщизнѣ, которая одна только дѣлала шляхту сословіемъ податнымъ, конечно, долженъ былъ рѣшиться при Казомірѣ великомъ. Извѣстно, что паны просили его уничтожить эту подать, но не извѣстно, что отвѣчалъ король; по мнѣнію пановъ, позднѣе высказанному, онъ исполнилъ ихъ желаніе, но документъ, освобождающій шляхту отъ этой повинности, не былъ написанъ; несомнѣнпо, однакожъ, что, при Казимирѣ, poradlne фактически уже не существовало. [125]. Основываясь на отсутствіи законнаго акта, которымъ шляхта юридически освобождалась отъ кролевщизны и зная ея отвращенія къ платежу податей, Людовикъ составилъ планъ, требованіемъ этой подати, привести поляковъ къ исполненію своихъ желаній. Неожидано пронесся слухъ, что король требуетъ сбора кролевщизны; какъ громомъ была поражена шляхта, привыкшая уже считать себя сословіемъ неподатнымъ; она возстала противъ королевскаго приказанія, считая исполненіе его наносящимъ ущербъ своей чести. Прибавимъ къ этому, что въ причинахъ сопротивленія непослѣднее мѣсто занимали и финансовыя соображенія: съ каждаго дыма или плуга требовалось по 12 грошей и по мѣрѣ хлѣба и овса, что, принимая въ основаніе расчисленіе цѣнности денегъ по таблицѣ Чацкаго, составитъ 12 злотыхъ, кромѣ

хлѣба и овса. [126] Такимъ образомъ и оскорбленіе чести и значительные матерьяльные убытки были послѣдствіемъ королевскаго распоряженія; рѣшились послать пословъ въ Венгрію съ протестомъ, но Людовикъ твердо стоялъ на своемъ и всѣ увѣренія пословъ объ уничтоженіи кролевщизны еще Казиміромъ великимъ устранилъ, ссылаясь на отсутствіе документа, которымъ это уничтоженіе было бы закрѣплено. Доказавъ свои права, онъ тѣмъ не менѣе высказалъ готовность отказаться отъ нихъ, если поляки, въ свою очередь, исполнятъ его желаніе, т. е. уничтожатъ исключеніе женскаго его потомства отъ наслѣдства польской короны и передадутъ эту корону одной изъ оставшихся у него дочерей. Такъ какъ послы не имѣли полномочія на обсужденіе этихъ требованій короля, то назначенъ былъ новый съѣздъ въ Кошицахъ. Малополяне, между которыми преобладали немногіе роды, успѣвшіе достигнуть громадныхъ богатствъ и соединеннаго съ ними вліянія, не думали противиться желанію короля и готовы были признать наслѣдницею одну изъ дочерей его, тѣмъ болѣе, что это признаніе увольняло ихъ отъ послѣдней денежной повинности, которой имѣла еще право требовать отъ нихъ королевская казна; напротивъ великая Польша, гдѣ преобладала бѣдная шляхта, особенно консервативная, ревниво берегущая свои права и старые обычаи родины, рѣшительно не хотѣла помириться съ мыслью о подчиненіи женщинѣ и всѣ усилія сторонниковъ двора были тщетны. Великополяне скорѣе были готовы на открытое сопротивленіе, чѣмъ на признаніе за женщиною права быть королемъ польскимъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ было великополянамъ согласиться на признаніе за женщиною наслѣдственнаго права на корону, когда они не признавали за нею права на наслѣдство даже и въ частномъ быту. Въ малой Польшѣ это право было признано вислицкимъ статутомъ, но, не смотря на это, еще

нѣсколько столѣтій спустя, польская женщина разсматривалась какъ несовершеннолѣтняя и была въ постоянной опекѣ, все равно дѣвица или замужняя, а вдовы всегда имѣли попечителей. [127] Подобный взглядъ на женщину есть, слѣдовательно, взглядъ народный и великая Польша должна была сильнѣе противиться его измѣненію, потому что ея многочисленная, убогая шляхта ближе подходила къ понятію о народѣ, всегда твердо отстаивающемъ свои обычаи, нежели небольшое число малопольскихъ магнатовъ.

По пріѣздѣ въ Кошицы великополяне, по обычаю, отдѣлились отъ малополянъ и составили свое особенное вѣче; въ этомъ случаѣ раздѣленіе какъ нельзя лучше сотвѣтствовало различію взглядовъ на подлежащее обсужденію дѣло. Король (чрезъ переводчиковъ, такъ какъ онъ не умѣлъ говорить по польски), доказавъ свое право на кролевщизну, выразилъ согласіе на значительное ея уменьшеніе, именно съ 12 на 2 гроша съ каждаго лана земли, если только поляки признаютъ за его дочерями право на польскій тронъ и отдадутъ корону той изъ нихъ, которую выберетъ онъ самъ или королева бабка, или, наконецъ, королева мать. Малополяне согласились, великополяне отказали на отрѣзъ и рѣшились «сорвать сеймъ», т. е. уѣхавъ съ него, уничтожить его законность, такъ какъ не видѣли другаго средства воспрепятствовать ненавистному для нихъ рѣшенію столь важнаго вопроса. Но намѣреніе ихъ не могло быть исполнено: когда они, ночью, подъѣхали къ городскимъ воротамъ, то нашли ихъ запертыми и волей-неволей должны были присутствовать при составленіи «того печальнаго привилея, по которому шляхта получила право неплатить податей и въ своихъ только границахъ защищать отечество». [128]

Этотъ привилей, написанный 17 сентября 1374 года, можетъ служить доказательствомъ, какъ легко смотрѣлъ Лю-

довикъ на свои обязанности по отношенію къ Польшѣ и какъ мало думалъ онъ о ея благѣ. Всѣ его взгляды, которые старался онъ проводить въ Венгріи, его покровительство городамъ, т. е. торговлѣ и промышленности, его замѣтная холодность къ рыцарству,—все это рѣшительно не вяжется съ тѣми громадными привилегіями, которыя были даны шляхтѣ въ Кошицахъ. При Казимірѣ великомъ начинается если не ограниченіе шляхетскихъ правъ, то, по крайней мѣрѣ, стремленіе положить предѣлъ разнузданности этого сословія, удержать его въ границахъ законности, ослабить то вліяніе, которымъ оно угнѣтало простой народъ и стараніе дать послѣднему средства къ дальнѣйшему, хотя бы матерьяльному развитію Никто другой, какъ сильный и богатый Людовикъ, могъ продолжать это дѣло и такимъ образомъ остановить излишнее развитіе правъ одного сословія, излишнее стѣсненіе другаго, вытекающее отсюда ослабленіе королевской власти и тѣмъ вывести Польшу на дорогу, которая не такъ бы скоро привела ее къ паденію. Но Людовикъ очень мало объ этомъ заботился, онъ весь былъ поглощенъ единственною мыслью обезпечить польскую корону за одною изъ своихъ дочерей и, когда ему удалось достигнуть этой цѣли, онъ такъ обрадовался, что́, даже, повидимому безъ просьбы шляхты, далъ ей и другія важныя привилегіи, кромѣ окончательнаго почти уничтоженія кролевщизны. Кошицкій договоръ освободилъ пановъ и шляхту отъ всѣхъ податей и повинностей, какъ денежныхъ, такъ и въ натурѣ и сообщилъ имъ полнѣйшую свободу относительно королевской власти; единственнымъ обязательствомъ, которое еще оставалось за ними, была уплата двухъ грошей (которыхъ въ польской гривнѣ считалось 48), съ каждаго лана земли, въ знакъ признанія себя подданными короля, и защита отечества, въ случаѣ если непріятель вторгнется въ его предѣлы; въ войнѣ

же заграничной, которая будетъ ведена подъ личною командою короля, шляхта, обязанная сопровождать его, получитъ вознагражденіе за понесенные ею убытки, т. е. проще сказать будетъ на жалованьѣ, будетъ нанимаема. Старые замки, во время мира, исправляются бургграфами или державцами, т. е. на счетъ правительства; во время войны пограничные только замки исправляются окрестнымъ населеніемъ. Если который замокъ будутъ строить съ вѣдома и соизволенія пановъ, тогда они должны помогать въ его постройкѣ, если же король задумаетъ строить замокъ безъ совѣта и воли шляхты, то строитъ его на собственный счетъ. Всѣ должности и достоинства воеводъ, каштеляновъ, судей, подкоморіевъ и т. д. должны быть ввѣряемы природнымъ полякамъ, именно уроженцамъ той мѣстности, гдѣ открывается вакансія; иностранцы не имѣютъ на нихъ никакого права. Точно также всѣ главнѣйшіе замки, числомъ 23, должны быть поручаемы родовитой шляхтѣ и только остальные, гораздо меньшаго значенія, могутъ быть отдаваемы въ управленіе иностранцамъ. Княжеское происхожденіе лишаетъ даже природнаго поляка права быть старостою народа польскаго или начальствовать замкомъ. Въ путешествіяхъ своихъ по краю, король не долженъ останавливаться въ имѣніяхъ пановъ и шляхты, если же по необходимости остановится, то долженъ покупать на собственныя деньги всѣ припасы для себя и свиты. [129]

Вотъ какія широкія права предоставлялись кошицкимъ договоромъ шляхтѣ и какъ ограничивали королевскую власть сдѣланныя имъ уступки. Это тѣмъ страннѣе, что, повидимому, не поляки вымогли ихъ у короля, но самъ король свободно на нихъ согласился; [130] по крайней мѣрѣ въ источникахъ нѣтъ указанія на то, чтобы паны просили Людовика о новыхъ льготахъ. Почти полная свобода отъ по-

датей и значительное ограниченіе военной повинности ставили шляхту въ положеніе сословія, которое пользуется всѣми возможными правами и несетъ за то слишкомъ легкую службу государству; — и все таки великополяне, недовольные, со стыдомъ, выѣхали изъ воротъ кошицкихъ. Ихъ недовольство объясняется не только отвращеніемъ къ женскому правленію, но и тѣмъ еще, что льготы кошицкія, не смотря на ихъ значеніе, все таки оставляли ихъ въ податномъ состояніи; богатымъ малопольскимъ магнатамъ ничего не стоило приказать своимъ крестьянамъ уплачивать неотяготительную двухгрошевую подать, но бѣдному шляхтичу великопольскому, который собственными руками обработывалъ небольшой, принадлежащій ему, кусокъ земли, помимо матерьяльнаго ущерба, было больно видѣть себя обязаннымъ податью, т. е. въ томъ же положеніи, въ которомъ находились крестьяне малопольскихъ магнатовъ. Тѣмъ не менѣе, однако, присяга дана была всею шляхтою, Людовикъ достигъ своей цѣли и теперь могъ посадить на польскомъ тронѣ ту изъ дочерей, которую онъ самъ пожелаетъ. Умирая, онъ завѣщалъ польскую корону Маріи, обрученной съ Сигизмундомъ, маркграфомъ бранденбургскимъ, сыномъ императора Карла IV, а венгерскую — Ядвигѣ, сговоренной за Вильгельма, герцога австрійскаго. Поляки не исполнили своей присяги и не подчинились распоряженію короля и съ самой смерти его, съ конца 1382 года, въ Польшѣ начинаются смятеніе и безпорядокъ, о которыхъ мы также должны вспомнить, хотя бы въ краткихъ чертахъ.

Еще при жизни Людовика, поляки не были довольны его правленіемъ, потому что, какъ мы говорили уже, онъ вовсе не заботился о своемъ новомъ государствѣ и не питалъ ни малѣйшаго расположенія къ его населенію. Живя постоянно въ Будахъ, онъ сначала предоставилъ управленіе

Польшей своей матери Елисаветѣ, потомъ выбралъ въ намѣстники Владислава, князя опольскаго и наконецъ назначилъ трехъ правителей: Добѣслава, каштеляна краковскаго, его сына, епископа краковскаго Завишу и Сендзивоя изъ Шубина, воеводу калишскаго и старосту краковскаго. Всѣ эти личности не нравились полякамъ; Елисавета даже подверглась проклятію архидіакона гнѣзненскаго, Іоанна изъ Чарнкова и въ извѣстной лѣтописи его обрисована самыми черными красками; [131] вѣроятно слѣдуя Іоанну, и Длугошъ выставляетъ королеву не съ хорошей стороны. [132] Въ ея управленіе высказалась ненависть поляковъ къ венграмъ и въ 1376 году 160 изъ нихъ поплатились жизнью за дерзость, съ какою они вели себя въ Краковѣ Потрясенная общимъ къ себѣ нерасположеніемъ и въ особенности послѣднимъ событіемъ, Елисавета оставила Польшу и уѣхала въ Венгрію, гдѣ и жила до самой смерти (1380). Владиславъ опольскій сдва ли не болѣе еще былъ непріятенъ полякамъ; принадлежа къ линіи пястовъ силезскихъ, которые совершенно онѣмечились, т. е подчинились вліянію народа, къ которому поляки не питали ни малѣйшей симпатіи, [133] онъ, подобно Людовику, отличался ненавистью къ шляхетству и оказывалъ особенное расположеніе горожанамъ, занимавшимся торговлею и промыслами, что, по его мнѣнію, было главнымъ основаніемъ народнаго благосостоянія. Крайняя скупость, заставлявшая его дѣйствовать съ излишнею строгостью при сборѣ податей, непріятно поражала поляковъ привыкшихъ къ щедрости своихъ королей и, въ концѣ концовъ, привела его къ церковному проклятію, которое изрекъ противъ него Добѣславъ, епископъ плоцкій за отягощеніе церковныхъ имѣній неправыми сборами При такихъ качествахъ своего новаго губернатора не могли не вспомнить поляки, что онъ не имѣетъ права на управленіе Польшей,

такъ какъ договоръ кошицкій прямо устраняетъ отъ него всѣхъ лицъ княжескаго происхожденія. Великополяне выслали посольство въ Венгрію и требовали отозванія Владислава; Людовикъ, все еще опасавшійся за права своихъ дочерей, нашелъ неблагоразумнымъ противиться ихъ желанію и опольскій князь былъ отозванъ. Его замѣнили названные тріумвиры, но едва ли поляки выиграли отъ этой перемѣны. Тотчасъ по ихъ назначеніи, они со всѣхъ сторонъ были завалены жалобами шляхты на королевскихъ старостъ; послѣдніе, по приказу короля, должны были озаботиться приведеніемъ въ прежнее состояніе государственной казны и ея доходовъ и для этого должны были отобрать тѣ коронныя имѣнія, которыя, со смерти Казиміра, подъ разными предлогами, были захвачены шляхтою; при совершеніи этой операціи не обошлось безъ нанесенія ущерба праву собственности, отсюда многочисленныя жалобы. Для разсмотрѣнія ихъ тріумвиры предприняли объѣздъ всѣхъ спорныхъ земель, надѣясь, что личнымъ разбирательствомъ претензій на мѣстѣ, они найдутъ возможнымъ удовлетворить шляхту, не нарушая интересовъ короны. Но въ то время, какъ Добѣславъ и Сендзивой усердно отдались этому дѣлу, молодой епископъ Завиша, по примѣру многихъ духовныхъ сановниковъ того времени, былъ исключительно занятъ своими удовольствіями и никогда не могъ поспѣть во время къ назначаемому въ извѣстномъ мѣстѣ съѣзду правителей и шляхты; жалобы выслушивались, въ доказательства ихъ были представляемы многочисленные и разнообразные документы, но никакого рѣшенія не могло послѣдовать; потому что не было Завиши, а безъ него товарищи не могли ничего сдѣлать, потому что ему особенно довѣрялъ Людовикъ, какъ можно заключать изъ присвоеннаго ему званія вице-короля. [134] Бѣдная шляхта, не получивъ удовлетворенія своихъ претензій, из-

державшись на путешествіе за тріумвирами и въ назначаемые ими сборные пункты, озлобленная возвращалась домой, конечно, не чувствуя къ новому правительству бо́льшаго расположенія, чѣмъ къ двумъ прежнимъ. Смерть Завиши, послѣдовавшая (12 января 1382) отъ паденія въ одномъ изъ многочисленныхъ его любовныхъ похожденій, положила конецъ правленію тріумвировъ. Самая дурная слава осталась въ потомствѣ о всѣхъ этихъ правительствахъ: «никто не могъ добиться справедливости въ то время», говоритъ Іоаннъ изъ Чарнкова, «когда королевѣ Елисаветѣ хотѣлось оттянуть рѣшеніе какого нибудь дѣла, тогда она отсылала его на разсмотрѣніе своему сыну въ Венгрію, а тотъ снова пересылалъ ей. Тогда, потерявъ всякую надежду, сами истцы прекращали дѣло, отдавая его въ опеку и милосердіе Божіе». Позднѣе, по той же причинѣ, по отсутствію короля и недоступности его для убогихъ и бѣдныхъ, «неизрѣченныя бѣды пали на цѣлую Польшу, не было ни порядка, ни справедливости. Королевскіе старосты и ихъ бургграфы позволяли себѣ обдирать людей бѣдныхъ и слабыхъ; великіе магнаты, которымъ усмѣхалась судьба, закрывъ глаза и уши и не желая замѣчать несправедливостей и обидъ, наносимыхъ нисшему классу, имѣли цѣлью только свое собственное и родныхъ своихъ благо и безстыдно увѣряли короля, что въ Польшѣ все также спокойно, какъ было при Казимірѣ великомъ; но не такъ было на дѣлѣ: не было справедливости, не было спокойствія». [135]

Между всѣми чиновными лицами, которые отличались такими качествами, замѣтнѣе всѣхъ выдается Домаратъ, генеральный староста великой Польши; убогая шляхта великопольская, много терпѣвшая отъ его притѣсненій, тѣмъ болѣе ненавидѣла его, что онъ былъ ревностнымъ сторонникомъ двора, усердно помогалъ ему во всѣхъ его начинаніяхъ

и между прочимъ въ дѣлѣ кошицкомъ, которое оставило столь непріятное впечатлѣніе въ великой Польшѣ; кромѣ того онъ отличался привязанностью къ нѣмцамъ, чего не могла перенести великопольская шляхта, ведшая постоянную войну съ нѣмецкимъ орденомъ. Дальнѣйшія распоряженія Людовика относительно управленія Польшею, не только не улучшили, но даже ухудшили ея положеніе; анархія, казалось, надолго въ ней водворилась. Обручивъ свою старшую дочь Марію съ Сигизмундомъ, маркграфомъ бранденбургскимъ и предназначивъ ей корону Польши, Людовикъ рѣшилъ теперь послать Сигизмунда въ Польшу, какъ будущаго ея короля и настоящаго ея правителя. Въ венгерскомъ мѣстечкѣ Зволенѣ собрались, по приглашенію короля, духовные и свѣтскіе магнаты, во главѣ которыхъ находился архіепископъ гнѣзненскій Бодзанта; всѣ они безпрекословно присягнули 14 лѣтнему Сигизмунду, послѣ чего онъ отправился въ Польшу съ цѣлью занять королевскіе замки и города и смирить тѣхъ, которые вздумали бы противиться его назначенію. Краковяне приняли его съ радостью, королевскіе старосты со всѣхъ сторонъ сходились къ нему съ значительными отрядами, съ ними соединилось не малое войско венгерское; архіепископъ Бодзанта, Сендзивой изъ Шубина и Домаратъ, по особенной просьбѣ короля, наблюдали за каждымъ шагомъ будущаго его зятя и постоянно были готовы служить ему совѣтомъ. При такихъ обстоятельствахъ, которыя обѣщали полный успѣхъ Сигизмунду, получена была вѣсть о смерти Людовика; король скончался, повторяя желаніе, чтобы Марія съ Сигизмундомъ сѣла на тронѣ польскомъ, а Ядвига съ Вильгельмомъ на венгерскомъ. Несомнѣваясь и не безпокоясь о своихъ правахъ, отправился теперь бранденбургскій маркграфъ, какъ законный наслѣдникъ короны польской, въ великую Польшу, чтобы принять присягу

въ вѣрности отъ ея шляхты. Великополяне готовы были подчиниться распоряженію Людовика, къ чему обязывалъ ихъ заключенный съ нимъ договоръ, хотя будущій король, какъ нѣмецъ, не могъ возбудить особеннаго въ нихъ расположенія. Города, населеніе которыхъ въ значительной части состояло изъ иностранцевъ, съ удовольствіемъ приняли Сигизмунда и присягнули ему; съ тою же цѣлью съѣхалась шляхта въ Познань. Она соглашалась признать Сигизмунда, если только онъ будетъ жить въ Польшѣ, окружитъ себя польскими совѣтниками и смѣститъ ненавистнаго всѣмъ старосту Домарата. Сигизмундъ не хотѣлъ входить въ переговоры, не хотѣлъ смѣстить Домарата и, не обращая вниманія на постановленіе шляхты присягнуть только тогда, когда будетъ смѣненъ староста, выѣхалъ далѣе въ Гнѣзно. Принятый съ величайшимъ торжествомъ въ каѳедральномъ соборѣ, гдѣ была отслужена панихида по умершемъ Людовикѣ, онъ долженъ былъ снова выслушать требованіе прибывшей депутаціи шляхетской объ отставкѣ Домарата и, отказавъ опять, поѣхалъ въ Куявію. Въ Брестѣ Куявскомъ въ третій разъ явилась депутація съ тою же просьбой; раздраженный такимъ упорствомъ Сигизмундъ не только отказалъ, но погрозилъ наказаніемъ тѣмъ, которые возбуждаютъ шляхту къ неповиновенію законной власти. Такое поведеніе испортило дѣло Сигизмунда и было причиною измѣненія распоряженій Людовика. Великополяне пожелали дѣйствовать рѣшительно, но, понимая значеніе малой Польши и не желая идти по разнымъ съ нею дорогамъ, они, собравшись въ Милославѣ, выслали посольство къ шляхтѣ краковской и приглашали ее на общій съѣздъ, имѣющій быть въ Радомскѣ 25 ноября (1382), гдѣ слѣдуетъ серьезно обсудить настоящее положеніе дѣлъ Малополяне не хотѣли или не могли пріѣхать въ Радомскъ, такъ что рѣшительный шагъ въ вопросѣ объ на-

слѣдствѣ послѣ Людовика принадлежитъ великополянамъ. На съѣздѣ радомскомъ, въ самомъ началѣ, большинствомъ голосовъ рѣшили, что Сигизмундъ не можетъ быть избранъ королемъ польскимъ. Не одно уже нежеланіе смѣнить Домарата, извѣстнаго покровителя нѣмцовъ, было причиною этого постановленія, но и то, что онъ самъ болѣе склоненъ къ иностранцамъ, особенно чехамъ, нежели къ полякамъ. Затѣмъ упрекали его въ гордости и высокомѣріи, нисколько не сочувствуя тому придворному этикету, который окружалъ Сигизмунда, какъ и другихъ западныхъ государей, и былъ рѣшительно непонятенъ полякамъ. Приказаніе, которое не разъ дѣлалось на основаніи этого этикета, очистить столовую залу отъ собравшейся въ ней шляхты, разсматривалось какъ оскорбленіе; говорили, что шляхта была изгоняема изъ комнатъ короля, который, конечно, могъ также хорошо обѣдать въ ея присутствіи. Сами малополяне, не столько враждебные иноземному элементу, были очень недовольны Сигизмундомъ, когда онъ отдалъ званіе пробоща звѣжинецкаго какому то заѣзжему чеху, въ противность ходатайству пановъ, которые просили за поляка. Такимъ образомъ во всѣхъ углахъ Польши были люди, которые косо смотрѣли на избраніе Сигизмунда; но кого же избрать на его мѣсто? Болѣе враждебно къ нему относившіеся хотѣли совсѣмъ уничтожить договоръ кошицкій и устранить отъ престола дочерей Людовика, перенеся ихъ права на природнаго поляка, родовитаго Пяста, Земовита или, какъ обыкновенно его называли, Семка, князя мазовецкаго; другіе члены радомскаго съѣзда выражали мнѣніе, что онъ, женившись на одной изъ дочерей Людовика, не исключитъ такимъ образомъ ихъ изъ права наслѣдства. Но оба эти мнѣнія встрѣтили многочисленныя возраженія, главнымъ основаніемъ которыхъ было соображеніе, что вѣрные двору малополяне, главные виновники кошицкаго договора, никогда

несогласятся нарушить права королевенъ и такимъ образомъ избраніе Семка можетъ раздѣлить народъ на двѣ части и возбудить между ними вражду, которая окончится его гибелью. Несогласіемъ двухъ этихъ партій объясняется образованіе третьей, правда ничтожной, которая стояла за Сигизмунда. Продолжительныя пренія привели наконецъ къ слѣдующему постановленію, которое можно разсматривать какъ средній терминъ между двумя приведенными мнѣніями: рѣшили въ точности соблюдать права дочерей Людовика и присягнуть той изъ нихъ, которую выберетъ королева мать, конечно, съ тѣмъ условіемъ, прибавляетъ радомскій документъ, чтобы избранная королева жила постоянно въ Польшѣ. Эта прибавка составляетъ самое важное въ приговорѣ радомскаго собранія и, конечно, была сдѣлана по соображеніи событій, происшедшихъ въ то время въ Венгріи Венгры также не исполнили послѣдней воли Людовика и, не желая имѣть королевой слишкомъ молодую, только 12 лѣтнюю Ядвигу, на другой же день по смерти короля, провозгласили старшую его дочь Марію, слѣдовательно требованіе великополянъ, чтобъ будущая королева жила постоянно въ Польшѣ, исключало уже Марію и Сигизмунда изъ права на польскій тронъ, потому что избраніе венгровъ привязывало ихъ къ Венгріи; предполагать же, что обѣ короны соединятся на головѣ Маріи, было невозможно, потому что подобное соединеніе было противъ желанія какъ Людовика, такъ и поляковъ. Сообразивъ все это, члены радомскаго собранія говорятъ далѣе, что Марія не можетъ отвѣчать требованію постояннаго жительства въ Польшѣ, но если королева мать успѣетъ устранить это препятствіе, поляки готовы, признаніемъ Маріи, исполнить обязательства, принятыя на себя кошицкимъ договоромъ. Такое постановленіе согласило всѣ мнѣнія, примирило всѣ партіи; оно успокоило малополянъ готовностью точно со-

блюсти условія кошицкаго договора и было пріятно великополянамъ, потому что устраняло ненавистнаго Сигизмунда; только Бодзанта и Домаратъ несогласились съ нимъ, отговариваясь присягою Сигизмунду и желаніемъ остаться ему вѣрными. Домаратъ при этомъ прибавилъ, что въ силу этой присяги онъ поспѣшитъ сдать ему старостинскіе замки. Такое сопротивленіе со стороны лицъ, которые, по своему положенію, распоряжались значительными средствами, побудило шляхту къ рѣшительному шагу, именно къ образованію конфедераціи. Скрѣпленное такимъ образомъ постановленіе радомскаго съѣзда объявляло, что шляхта будетъ разсматривать, какъ общаго врага, всякаго, кто помѣшаетъ осуществленію ея приговора и если таковой найдется, то будетъ дѣйствовать противъ него совокупными силами. [136]

Разъѣзжаясь изъ Радомска, шляхта отправила составленный ею документъ въ малую Польшу, одобренія которой она желала, и въ Венгрію. Королевѣ матери было очень пріятно извѣстіе о новомъ подтвержденіи вѣрности поляковъ ея дочерямъ, нерасположеніе же къ Сигизмунду, очевидно, мало ее трогало, если, не говоря ни слова объ удаленіи его отъ польскаго трона, она выслала пословъ съ благодарностью полякамъ за соблюденіе присяги дочерямъ ея. Послы венгерскіе пріѣхали въ малую Польшу тогда, когда всѣ паны собрались на съѣздъ въ Вислицу (6 декабря 1382 года) и гдѣ находились также депутаты, привезшіе радомское постановленіе. Вислицкое собраніе было многочисленнѣе радомскаго, на немъ находились послы всѣхъ областей королевства, [137] тутъ же былъ и Бодзанта съ Домаратомъ и подъ ихъ покровительствомъ и защитою прибылъ самъ маркграфъ бранденбургскій. Не стѣсняясь его присутствіемъ, послы выразили полякамъ благодарность королевы за вѣрность, оказанную въ Радомскѣ дочерямъ ея, за тѣмъ чрезъ тѣхъ же

пословъ Елисавета просила сохранить эту вѣрность до тѣхъ поръ, пока она не назначитъ одной изъ нихъ на тронъ польскій и ни съ кѣмъ другимъ, даже съ Сигизмундомъ, не входить ни въ какія обязательства. Выслушавъ пословъ, всѣ члены вислицкаго собранія отступились отъ Сигизмунда и подтвердили радомское постановленіе; по всему государству были разосланы приказы, чтобы города не впускали къ себѣ бранденбургскаго маркграфа; вѣрными ему, по прежнему, оставались Домаратъ и Бодзанта, но подъ конецъ и они убѣдились въ невозможности возведенія его на престолъ и рѣшились примириться съ шляхтою; Домаратъ даже предлагалъ оправданіе въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ, но шляхта, увлеченная торжествомъ побѣды, не хотѣла его слушать до тѣхъ поръ, пока онъ не сложитъ старостинскаго уряда; Домаратъ не согласился и отважился на борьбу. Между тѣмъ оставленный всѣми Сигизмундъ, послѣ безуспѣшной попытки привлечь на свою сторону Краковъ, увидѣлъ, что ему ничего болѣе не остается, какъ уѣхать изъ Польши; шляхта, желавшая скорѣйшаго его удаленія, приняла на себя его путевыя издержки и такимъ образомъ избавилась отъ бранденбургскаго маркграфа.

Вислицкій съѣздъ, повидимому, окончательно рѣшилъ вопросъ о наслѣдованіи, примирилъ всѣ партіи и свелъ всѣ мнѣнія въ единогласное желаніе, соблюдая статьи кошицкаго договора, остаться вѣрными дочерямъ Людовика. Но это было только повидимому; въ странѣ еще много было горючаго матеріала и спокойствіе могло наступить не ранѣе, какъ по сожженіи этого матерьяла. Великополяне, побѣдившіе нѣмца Сигизмунда, въ силу своихъ народныхъ началъ, руководствуясь тѣми же началами и невысоко чтя память Людовика, позволили разростись между собою ничтожному числу сторонниковъ Семка мазовецкаго въ довольно значительную

партію. Эта партія, разъ образовавшись, должна была или дѣйствовать наступательно, или защищаться отъ радомскихъ конфедератовъ, обязанныхъ враждебно смотрѣть на всякаго иного кандидата, кромѣ королевенъ. Съ другой стороны, конфедераты имѣли еще старые счеты съ Домаратомъ и, когда онъ снова отказался оставить свою должность, они пригласили всю шляхту не признавать его генеральнымъ старостою, неплатить ему податей и судебныхъ пѣней и не принимать его судебныхъ позывовъ; это приглашеніе было сдѣлано подъ угрозой лишенія жизни и чести. Домаратъ, раздраженный до нельзя такимъ упорнымъ преслѣдованіемъ, объявилъ войну всей великой Польшѣ и грозилъ съ помощью Сигизмунда и съ наемнымъ нѣмецкимъ войскомъ, нанести столько вреда и бѣдствій шляхетству, что оно и въ два вѣка его не забудетъ. Такъ образовались въ великой Польшѣ три партіи: Домаратъ, стоявшій за Сигизмунда, мазуры за Семка и конфедераты, вѣрные той изъ дочерей Людовика, которую назначитъ королева мать и которая поселится на постоянное жительство въ Польшѣ. Двѣ послѣднія, которыя, въ отличіе отъ чужеземнаго направленія Домарата, могутъ быть названы народными, скоро слились, чтобъ защищать отечество отъ нѣмецкой наемной силы, которую велъ на него генеральный староста. Сильно пострадалъ край отъ начавшейся ожесточенной борьбы; Домаратъ раззорялъ села и владѣнія враговъ, враги платили ему тѣмъ же, и тотъ и другіе вмѣстѣ раззоряли села и деревни духовенства. Кромѣ нихъ, какъ всегда бываетъ въ смутное время, появились многочисленныя шайки разбойниковъ, которые нападали съ цѣлью грабежа, такъ что крестьянинъ пересталъ заниматься земледѣліемъ, купецъ боялся пуститься въ дорогу съ своими товарами и раззоренный, на половину сожженый край тщетно ждалъ избавителя; несмотря, однакожъ, на верхъ, который,

съ помощью наемнаго войска, одержалъ Домаратъ, никто не думалъ о признаніи Сигизмунда, роль его въ Польшѣ была окончательно съиграна.

Между тѣмъ королева Елисавета, которой было сообщено постановленіе вислицкаго съѣзда, хотя и неблагопріятное, по обстоятельствамъ, Маріи, но тѣмъ не менѣе ясно свидѣтельствующее о вѣрности поляковъ королевнамъ, принявъ благосклонно это сообщеніе, выслала новое посольство. Послы застали третій съѣздъ въ великопольскомъ городѣ Серадзѣ, хотя не отличавшійся многочисленностью членовъ, но за то составленный изъ найболѣе могущественныхъ польскихъ магнатовъ (конецъ февраля 1383 г.). Они объявили собравшимся панамъ, что королева Елисавета освобождаетъ ихъ отъ присяги и всякихъ обязательствъ относительно королевны Маріи и, по присвоенному ей кошицкимъ договоромъ праву, назначаетъ наслѣдницей своего мужа въ Польшѣ младшую дочь свою Ядвигу. Королева обѣщалась скоро прислать ее въ Польшу для коронованія, но просила, чтобы паны, изъ уваженія къ ея молодости, обязались отослать ее послѣ коронаціи еще на три года въ Венгрію. Паны согласились, расчитывая на согласіе всей Польши, потому что одинъ только Домаратъ продолжалъ стоять за Сигизмунда и не мирился съ своими врагами. Теченіе дѣлъ и обстоятельства дѣлали его, однакожъ, безсильнымъ, несмотря на его наемное войско; вся Польша единодушно признала Ядвигу, но вопросъ о томъ, кто будетъ ея мужемъ и, слѣдовательно, королемъ польскимъ, вопросъ, очевидно, очень важный для всѣхъ поляковъ, не былъ еще затронутъ и, по всей вѣроятности, долженъ былъ послужить новымъ яблокомъ раздора. Распоряженіе Людовика относительно его дочерей, столько разъ уже нарушенное, конечно, не могло заставить поляковъ безпрекословно согласиться на бракъ ея съ избраннымъ ей въ

мужья Вильгельмомъ, герцогомъ австрійскимъ; [138] для великополянъ въ особенности не симпатиченъ былъ этотъ союзъ съ членомъ нѣмецкаго дома, потому уже ненавистнаго, что онъ былъ нѣмецкимъ; крѣпко привязанные къ своей старинѣ, предпочитающіе все народное, они, успѣвъ устранить Марію съ ея нѣмецкимъ мужемъ, не хотѣли теперь принимать Ядвигу съ мужемъ также нѣмецкаго происхожденія. Имъ казалось, что всѣ затрудненія будутъ отлично улажены, если Ядвига выдетъ за Семка и такимъ образомъ соединитъ двѣ династіи, и старую польскую и новую иноземную, а Польша не подвергнется иноземному, именно нѣмецкому вліянію. Но такъ казалось великополянамъ, нужно еще было узнать мнѣніе малополянъ.

Запутанныя отношенія Польши начинаютъ разъясняться на новомъ съѣздѣ, назначенномъ на 28 марта для того, чтобы послы могли высказать извѣстное уже намъ желаніе королевы представителямъ всей шляхты, которые одни только могли дать оффиціальный отвѣтъ, а не небольшое число магнатовъ, засѣдавшихъ въ Серадзѣ, въ концѣ февраля. Усиліями малопольскихъ пановъ было достигнуто временное прекращеніе борьбы партій, такъ что въ Серадзѣ, дѣйствительно собрались депутаты со всѣхъ концовъ Польши. Съ перваго же дня, по открытіи засѣданій, всеобщее сочувствіе выразилось въ пользу Земовита и, какъ часто бываетъ при рѣшеніи какого нибудь вопроса многочисленнымъ собраніемъ, всѣ прежнія постановленія были забыты; стали думать о Семкѣ не какъ о женихѣ Ядвиги, но какъ о будущемъ королѣ. Симпатія великопольской мелкой шляхты къ мазовецкому князю намъ уже извѣстна; она надѣялась найти въ немъ то, отсутствіе чего такъ болѣзненно поражало ее въ Казимірѣ великомъ, Людовикѣ и его правителяхъ; она была увѣрена, что Земовитъ не заслужитъ названія короля крестьянъ, подобно

Казиміру, не будетъ въ такой степени покровительствовать мѣщанству и не будетъ выбирать себѣ любимцевъ изъ нисшаго сословія, какъ Людовикъ или кратковременный намѣстникъ его въ Польшѣ Владиславъ опольскій, прямо ненавидѣвшій шляхетство; не могъ дѣйствовать такимъ образомъ князь Мазовіи, сплошь заселенной мелкой шляхтою, которая слѣдственно, составляла его главную силу. Законодательство мазовецкое всегда имѣло главнымъ образомъ въ виду интересы шляхты, а не мѣщанъ или купцовъ; Владиславъ опольскій въ одномъ изъ изданныхъ имъ привилеевъ постановляетъ, что, въ случаѣ если шляхтичъ не заплатитъ денегъ, занятыхъ имъ у мѣщанина, то подлежитъ суду мѣщанъ, а не кого либо другаго, т. е. не шляхты. Если же шляхтичъ захочетъ поселиться въ городѣ, то не будетъ разсматриваться, какъ болѣе свободный, чѣмъ прочіе его сограждане, и будетъ нести равныя съ ними повинности. Въ противность такого рода постановленіямъ, мазовецкое законодательство ясно говоритъ, что если шляхтичъ совершитъ преступленіе въ городѣ или его окрестностяхъ, то мѣщане не имѣютъ ни малѣйшаго права судить его; судитъ его князь или трибуналъ, составленный изъ шляхты. Естественнымъ послѣдствіемъ этихъ столь различныхъ взглядовъ были любовь городовъ и ненависть шляхты къ Владиславу и, на оборотъ, преданность шляхты Земовиту и страхъ къ нему со стороны мѣщанъ, которые боялись его, какъ *молніи*. Къ нему же склонялось и сочувствіе духовенства, глава котораго архіепископъ гнѣзненскій, Бодзанта, по многимъ причинамъ, готовъ былъ принять его сторону; во 1) онъ этимъ спасалъ отъ разоренія принадлежавшіе ему города, деревни и села, которыхъ было много въ Мазовіи и еще болѣе близъ ея границъ и во 2) признаніемъ народнаго князя справедливо расчитывалъ упрочить будущее могущество и силу духовенства, которымъ

уже былъ нанесенъ нѣкоторый ущербъ нѣмецкимъ вліяніемъ. Это вліяніе, особенно усилившееся съ конца XIII вѣка, принесло въ Польшу обычай уплачивать десятину деньгами, а не зерномъ; при весьма низкой оцѣнкѣ хлѣба подобный способъ уплаты разсматривался духовными, какъ разореніе. Когда нѣмецкій орденъ захватилъ Поморье и, слѣдуя нѣмецкому правилу, замѣнилъ десятину въ натурѣ денежною, архіепископъ гнѣзненскій, епископы познанскій и куявскій, собиравшіе тамъ десятину, понесли огромныя потери и стали получать въ 20 разъ менѣе дохода, чѣмъ прежде. Весьма естественно было ожидать, что, съ избраніемъ короля-нѣмца, подобный обычай введенъ будетъ повсемѣстно въ Польшу и духовенство обнищаетъ; слѣдовательно ему нужно было держаться князя, принадлежавшаго къ древней, чисто народной династіи, которая, въ теченіе долговременнаго управленія, не переставала осыпать духовенство всѣми возможными пожалованіями. Бодзанта, обязанный своимъ избраніемъ въ архіепископа Людовику, изъ чувства благодарности и еще болѣе изъ опасенія враговъ, отъ которыхъ могъ защитить его король, былъ сначала сторонникомъ Сигизмунда, но утвердившись на архіепископскомъ престолѣ и замѣтивъ пристрастіе Сигизмунда къ иностраннымъ людямъ и обычаямъ, онъ нашелъ удобнымъ и выгоднымъ перейти на сторону мазовецкаго князя; увидимъ, впрочемъ, что Бодзанта не былъ изъ тѣхъ людей, которые умѣютъ направлять событія и руководить толпою.

Собраніе открылось и, прежде всего, были выслушаны послы, объявившіе извѣстное желаніе королевы видѣть на престолѣ польскомъ младшую дочь Ядвигу; по удаленіи пословъ, когда началось совѣщаніе, прежде всего поставленъ былъ вопросъ не о будущей королевѣ, а о будущемъ ея супругѣ; большинство присутствующихъ высказывало мнѣніе,

что лучше всего выдать королевну за мазовецкаго князя. Возраженіе, сдѣланное противъ этого мнѣнія Владиславомъ опольскимъ, едва не стоило ему жизни, шляхта уже бросилась на него и только магнаты, непріязненные Земовиту, успѣли успокоить ее и остановить насиліе. Тогда, расчитывая на общее согласіе и не упоминая вовсе о Ядвигѣ, громкимъ голосомъ спросилъ Бодзанта, желаютъ ли имѣть королемъ польскимъ Земовита, князя мазовецкаго? «Желаемъ, желаемъ», раздалось со всѣхъ сторонъ и тутъ же было выражено требованіе, чтобы архіепископъ немедленно приступилъ къ коронованію избраннаго. Торжество Земовита казалось несомнѣннымъ, въ его пользу состоялось рѣшеніе и окончаніе дѣла передано было въ руки Бодзанты, но тутъ то и выразилась слабость архіепископа и его неумѣнье вести дѣла. Одинъ магнатъ, Ясско изъ Тенчина, сынъ прежняго воеводы краковскаго Андрея, каштелянъ войницкій, успѣлъ остановить все собраніе и поддержать права Ядвиги. Въ краткой, но энергической рѣчи представилъ онъ собравшейся шляхтѣ всю поспѣшность и неосновательность сдѣланнаго ею шага, указалъ на присягу, обязывавшую поляковъ признать Ядвигу, если только она согласится жить въ Польшѣ и требовалъ, чтобы права ея ненарушимо соблюдались, по крайней мѣрѣ до предстоящаго праздника св. Троицы, когда, если Ядвига не пріѣдетъ, можно будетъ приступить къ новому избранію. Рѣшительное слово каштеляна произвело сильное впечатлѣніе, сперва малопольскіе магнаты, а за ними и все собраніе согласились въ обязательности для всѣхъ присяги, данной Людовику относительно его дочерей, Бодзанта не нашелся, чѣмъ бы уничтожить произведенное впечатлѣніе и такимъ образомъ, избраніе Земовита, такъ быстро совершившееся, такъ же быстро было отсрочено и поставлено въ зависимость отъ того, пріѣдетъ или нѣтъ, Ядвига въ назна-

ченный ей срокъ. Съ печалью и гнѣвомъ на слабость шляхты уѣхали изъ Серадза Земовитъ и Бодзанта; не желая подчиняться общему рѣшенію, они искали средствъ доставить торжество своему дѣлу и наконецъ остановились на насиліи, они рѣшились захватить Ядвигу на дорогѣ къ Кракову и насильно сочетать ее бракомъ съ Земовитомъ, послѣ чего поляки, конечно, должны будутъ признать его своимъ королемъ. Вмѣстѣ съ краковскими панами, которые толпами ѣхали на встрѣчу Ядвиги, отправился и архіепископъ съ многочисленною, вооруженною свитой, среди которой скрывался Земовитъ. Они подъѣхали къ Кракову, желая сначала захватить столицу государства, но ворота его были заперты и не раскрывались, несмотря на всѣ просьбы. Репутація Земовита, котораго мѣщане боялись, какъ молніи, поселила въ нихъ рѣшимость на все, чтобы только помѣшать осуществленію его плановъ. Невпущенные въ городъ, мазовецкій князь и архіепископъ, остановились на предмѣстьѣ, но и оттуда должны были уѣхать, потому что мѣщане настойчиво требовали ихъ удаленія и грозили, въ случаѣ упорства, нападеніемъ. Нужно было уступить и скоро послѣдовало передвиженіе заговорщиковъ въ новый Корчинъ, гдѣ они рѣшились ожидать пріѣзда Ядвиги. Ядвига не пріѣхала; прибывшіе вмѣсто нея венгерскіе послы объявили собравшимся на границѣ панамъ, что королева съ дочерью давно уже выѣхала въ дорогу, достигла даже Кошицъ, но что дальнѣйшій путь не безопасенъ, по причинѣ весенняго разлитія водъ. Если поляки непремѣнно того желаютъ, королева даже съ опасностью жизни будетъ продолжать путешествіе, но съ своей стороны проситъ, если только возможно, дать ея дочери новую отсрочку, а пановъ приглашаетъ для необходимыхъ переговоровъ въ Кошицы. Нельзя было не замѣтить, что королева употребляетъ всѣ усилія не ускорить,

а замедлить прибытіе Ядвиги въ Польшу. Подобное поведеніе на первый только взглядъ кажется страннымъ: въ Венгріи очень хорошо знали, въ какомъ безпокойствѣ находится Польша, какъ сильна партія Земовита и думали, что не безопасно будетъ отпустить туда Ядвигу, которой только что исполнилось 12 лѣтъ: разъ отпустивъ ее, необходимо будетъ обратить полное вниманіе на польскія дѣла, держать въ готовности значительныя силы, чтобы смирить партію, враждебную молодой королевѣ, а между тѣмъ можно было ожидать непріятностей и затрудненій со стороны австрійскаго дома, съ принцемъ котораго была обручена Ядвига, и котораго, какъ видно было, поляки никогда не признали бы своимъ королемъ. Положеніе было очень трудное; королева, не зная на что рѣшиться, тянула время; паны, которыхъ она приглашала къ себѣ въ Кошицы, очень хорошо понимали ея намѣренія, но тѣмъ не менѣе приняли ея приглашеніе. Они поступили такъ, во первыхъ потому, что имъ были обѣщаны богатые подарки, а во вторыхъ потому, что, руководясь въ своихъ дѣйствіяхъ по большей части личными видами, они не хотѣли такъ скоро выпустить изъ своихъ рукъ коронные доходы, которые, во время безкоролевья, находились въ ихъ полномъ распоряженіи. Съ другой стороны имъ было извѣстно намѣреніе Земовита; и такъ, самымъ лучшимъ во всѣхъ отношеніяхъ средствомъ было согласиться на желаніе королевы и дать новую отсрочку Ядвигѣ. Постановили, что она должна пріѣхать въ ноябрѣ, на праздникъ св. Мартина; не ограничиваясь этою уступкою, паны, хотя не имѣли права нарушать прежде заключенные договоры, вошли, однакожъ, въ ближайшее опредѣленіе нѣкоторыхъ подробностей относительно наслѣдства короны польской. Безъ вѣдома и воли шляхты, они согласились, что польская корона, въ случаѣ смерти Ядвиги, перейдетъ къ Маріи, су-

пругѣ Сигизмунда, въ случаѣ же смерти Маріи, корона венгерская соединится съ польскою и останется нераздѣльною до тѣхъ поръ, пока у царствующей четы не будетъ потомства, между которымъ можно будетъ подѣлить оба государства. Такимъ образомъ отсрочка пріѣзда Ядвиги въ Польшу и возможность соединенія Венгріи и Польши въ одно государство были плодомъ переговоровъ королевы съ панами въ Кошицахъ; не всѣ они были одинаково виновны въ нарушеніи прежде заключенныхъ договоровъ, нѣкоторые, при всемъ своемъ корыстолюбіи, находили, что поступаютъ незаконно, но большинство согласилось и рѣшеніе его было принято всѣми. Измѣнившіе народному дѣлу паны были достойно наказаны: по словамъ современнаго лѣтописца, имъ дали весьма небольшіе и не цѣнные подарки, за то обѣщали очень много, [139] а шляхта, между тѣмъ, потеряла самое дорогое для нея право распоряжаться короною, которая переходила теперь въ собственность дочерей Людовика и ихъ потомства. Было, впрочемъ, еще одно условіе, которое представляло уступку со стороны королевы: она позволила, чтобы избраніе мужа ея дочери было сдѣлано съ совѣта сословій государства, [140] но и эту уступку вымогли паны только для того, чтобы извлечь изъ нея возможно большія выгоды лично для себя, такъ какъ многіе государи согласились бы щедро вознаградить ихъ за руку Ядвиги и ея приданое—польскую корону.

Между тѣмъ Земовитъ, узнавъ, что прибытіе Ядвиги отсрочено еще на полгода, обманутый въ своихъ надеждахъ и потому до-нельзя раздраженный, рѣшился, не дожидаясь ея, овладѣть польскимъ трономъ. Онъ чувствовалъ особенную ненависть къ малопольскимъ магнатамъ, которые, какъ онъ скоро узналъ, были виновниками новаго кошицкаго договора. Первый пострадалъ важнѣйшій изъ нихъ, Спытко

изъ Мельштына воевода краковскій; его наслѣдственный городъ Хіа[*] былъ обращенъ въ развалины. Совершивъ этотъ подвигъ, Земовитъ привлекъ на свою сторону шляхту земли ленчицкой и бросился на Куявію; 22 мая 1383 года онъ захватилъ Брестъ, за тѣмъ Крушвицу, другую главную крѣпость страны, послѣ чего, принявъ титулъ князя Куявіи и овладѣвъ, съ согласія шляхты, Ленчицей, онъ разослалъ по цѣлому королевству приказъ всей шляхтѣ собраться къ 15 іюня въ Серадзѣ, гдѣ должно было происходить его коронованіе; кто не пріѣдетъ и выставитъ себя такимъ образомъ противникомъ Земовита, подвергнется окончательному разоренію, покорные ему получатъ богатыя награды. Только бѣдная шляхта мазовецкая и великопольская, а изъ магнатовъ—Бодзанта и два епископа, плоцкій и кіевскій, послушались Земовита и пріѣхали въ Серадзъ, гдѣ онъ, безъ обычныхъ при коронаціи обрядовъ, былъ провозглашенъ королемъ, при чемъ собравшаяся шляхта, по военному обычаю, подняла его вверхъ на своихъ рукахъ.[141] Обрядъ этотъ не могъ быть названъ коронаціей, потому что не было короны, она хранилась въ Венгріи, а приверженцы Земовита были такъ бѣдны или такъ невнимательны, что не позаботились сдѣлать новую. Тѣмъ энергичнѣе продолжалъ Земовитъ захватывать коронные замки; усилія его обратились теперь на Калишъ, населеніе котораго, расчитывая на крѣпкія стѣны и, какъ всѣ горожане, ненавидя Земовита, сопротивлялось съ замѣчательною храбростью и упорствомъ; кромѣ того оно было увѣрено, что малая Польша не оставитъ его безъ помощи. Малополяне, дѣйствительно, съ негодованіемъ и страхомъ смотрѣли на усиливающееся значеніе Земовита; нельзя было терять времени и нужно было употребить всѣ средства, чтобы остановить его успѣхи, которые уничтожали ихъ расчеты и надежды. Тогда особенно ярко выказался тонкій характеръ ма-

лопольскихъ магнатовъ и ловкость, съ которою они умѣли загребать жаръ чужими руками. Справедливо расчитывая, что неблагоразумно будетъ тратить собственныя силы на остановку успѣховъ Земовита, которые также были опасны имъ, какъ и королевѣ Елисаветѣ, они отправили въ Венгрію пословъ съ объявленіемъ, что, если королева не пришлетъ немедленно войска, дѣло Ядвиги будетъ проиграно. Маркграфъ Сигизмундъ, тотъ самый, котораго такъ безцеремонно выгнали поляки, былъ посланъ теперь въ Польшу, чтобъ поддержать Ядвигу противъ Земовита; но, прежде, чѣмъ онъ придетъ, Земовитъ можетъ захватить цѣлую Польшу и тогда венгерское войско должно будетъ возвратиться домой; слѣдовало усыпить его подозрительность и путемъ переговоровъ, въ которыхъ были такъ искусны малопольскіе магнаты, склонить его къ временному прекращенію военныхъ дѣйствій. Земовитъ и Бодзанта получили отъ нихъ ласковое приглашеніе пріѣхать въ Краковъ, чтобы сообща подумать о благѣ отечества, раздираемаго междуусобіемъ. Земовитъ былъ слишкомъ простъ, чтобы съ успѣхомъ играть въ игру обмана и притворства съ малопольскими магнатами, онъ съ радостью принялъ ихъ предложеніе, которое разсматривалъ какъ шагъ къ примиренію и не хотѣлъ слушать болѣе проницательныхъ изъ своихъ сторонниковъ, которые предупреждали его о возможности и вѣроятности измѣны. Не сомнѣваясь, что и малополяне, современемъ, признаютъ его своимъ королемъ, онъ согласился на всѣ ихъ предложенія; по договору, заключенному 28 іюня, онъ снялъ осаду Калиша, распустилъ войско и, самъ связавъ себѣ руки, спокойно ждалъ дальнѣйшихъ дѣйствій со стороны малопольскихъ магнатовъ, т. е. ждалъ того, какъ они его связаннаго предадутъ въ руки венгровъ. Недолго продолжалось его блаженное невѣдѣніе, скоро раздался слухъ о вступленіи венгровъ въ предѣлы Польши и, конечно, они

скорѣе дошли до Мазовіи, чѣмъ онъ успѣлъ собрать новое войско и приготовиться къ отпору. Краковскія совѣщанія и заключенный договоръ оказались просто измѣною; дѣло казалось такъ непревлекательнымъ, что сами малополяне едва не поссорились между собою за подобный, отвратительный образъ дѣйствія; особенно сильно укоряло краковянъ населеніе сендомирской области, но тѣмъ не менѣе, краковскіе и сендомирскіе отряды, за-одно съ венграми, опустошали Мазовію, жгли города и села, допускали страшную жестокость къ населенію и все это безъ всякаго сопротивленія, благодаря ловкости и дипломатическому искусству, выказаннымъ на краковскомъ съѣздѣ. Домаратъ, вѣрный сторонникъ Сигизмунда, съ своими наемными нѣмцами опустошалъ недавнее пріобрѣтеніе Земовита, Куявію и усугублялъ бѣдствіе несчастнаго края. Не малополяне, призвавшіе эту грозу на собственное отечество, но Владиславъ опольскій, сдѣлавшійся почти чуждымъ Польшѣ, сжалился надъ ея несчастіемъ и, при его посредничествѣ, было заключено полугодовое перемиріе между воюющими или, лучше сказать, разоряющею и разоряемою сторонами; отягченные богатою добычею и всеобщими проклятіями возвратились венгры за Карпаты.

Польша была близка теперь къ полному успокоенію; кратковременное перемиріе, устроенное измѣною малополянъ, могло превратиться въ прочный миръ, если королева исполнитъ свои обѣщанія и пришлетъ Ядвигу; но не такъ разсуждала Елисавета, которой, какъ матери, было больно отпустить свою еще слишкомъ молодую дочь въ страну, значительная часть которой была противъ нея; она не понимала, что измученный край ищетъ спокойствія и что пріѣздъ Ядвиги можетъ уничтожить партію Земовита. Дѣйствуя до сихъ поръ переговорами и дарами, она рѣшилась дѣйствовать теперь насиліемъ, рѣшила занять своимъ войскомъ важ-

нѣйшіе польскіе замки и тогда требовать отъ поляковъ не соглашеній, а безусловнаго повиновенія. Тѣмъ менѣе имѣла она право на такой образъ дѣйствія, что въ означенное время, одинъ изъ малопольскихъ пановъ, представилъ ей достаточное ручательство въ готовности поляковъ исполнить ея желаніе и отослать Ядвигу обратно въ Венгрію, тотчасъ послѣ коронаціи. Сендзивой изъ Шубина, воевода калишскій и генеральный староста краковскій собралъ значительное число молодыхъ людей, по большей части, своихъ родственниковъ, составлявшихъ цвѣтъ малопольской аристократіи и отвезъ ихъ въ Венгрію, какъ заложниковъ до возвращенія Ядвиги. На столь благородный поступокъ королева отвѣтила самымъ недостойнымъ образомъ: арестовавъ Сендзивоя и привезенныхъ имъ заложниковъ, она вошла въ соглашеніе съ Ясскомъ изъ Тенчина, безусловно преданнымъ венгерскому двору и уговорила его воспользоваться отсутствіемъ Сендзивоя, захватить краковскій замокъ и выдать его венгерскому войску, которое вслѣдъ за нимъ будетъ послано въ Польшу. Отъ Сендзивоя не укрылось намѣреніе королевы, начинающее новый, насильственный образъ дѣйствія; онъ обманулъ стражу, въ 24 часа проскакалъ 60 миль и, предупредивъ Ясска въ Краковѣ, помѣшалъ исполненію желанія королевы. Насиліе, на которое она рѣшилась, разсердило наконецъ и малопольскихъ магнатовъ, которые всегда выказывали такую готовность; за извѣстное вознагражденіе, конечно, исполнять малѣйшее ея желаніе; быть можетъ, они вспомнили также, что ихъ послѣднія, кошицкія уступки заплачены болѣе обѣщаніями, чѣмъ дѣйствительными цѣнностями, и потому поняли необходимость энергическаго образа дѣйствій по отношенію къ венгерскому двору; но таково было отвращеніе ихъ къ сильнымъ мѣрамъ, что они согласились на новую отсрочку пріѣзда Ядвиги. Поощряемая ихъ слабостью,

королева позволяла себѣ все болѣе и болѣе и наконецъ отправила въ Польшу Сигизмунда бранденбургскаго, въ качествѣ своего намѣстника. Это должно было переполнить чашу и, дѣйствительно, Польша пришла въ такое волненіе и разстройство, въ какомъ никогда еще не бывала. [142] Сигизмунду дали рѣшительный отпоръ, рѣзко высказавъ, что не желаютъ имѣть его ни королемъ, ни намѣстникомъ и, принудивъ его удалиться, стали думать о замѣщеніи польскаго престола, помимо Ядвиги. Партія Земовита, конечно, усилилась, но рядомъ съ нею, вѣроятно въ малой Польшѣ, явилась другая, которая иначе думала устроить правленіе Польши. «Магнаты и шляхта жгутъ и грабятъ другъ друга», говоритъ современный лѣтописецъ,[143] «и есть между ними такіе, которые вовсе не желаютъ короля, а стремятся овладѣть коронными имѣніями и обратить ихъ въ свою пользу». Слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ извѣстіи указаніе на анархію только или на основаніи его предполагать желаніе пановъ основать аристократическую республику — рѣшить трудно, но нельзя не замѣтить, что послѣднее намѣреніе хорошо соотвѣтствуетъ могуществу и горделивымъ замысламъ малопольскихъ магнатовъ. Вся эта буря, едва не погубившая Польши, стихла съ пріѣздомъ Ядвиги въ концѣ 1384 года; королева Елисавета должна была отпустить ее, потому что, въ противномъ случаѣ, корона польская могла перейти къ Земовиту или совершенно уничтожилось бы королевское достоинство 15 октября совершилось коронованіе 14 лѣтней королевы, а въ началѣ 1385 г. въ Краковъ пріѣхали сваты отъ великаго князя литовскаго, Ягелла. [144]

Событіе это, очевидно, громадной важности и заслуживаетъ полнаго нашего вниманія; считая необходимымъ разсмотрѣть его со всѣхъ сторонъ, указать всѣ причины, содѣйствовавшія его совершенію, мы должны рѣшить много

вопросовъ. Такъ на первомъ планѣ стоитъ вопросъ объ отношеніяхъ Литвы къ Польшѣ, который долженъ уяснить намъ, какимъ образомъ рѣшился Ягелло сватать молодую королеву, что приносилъ онъ ей своею личностью и въ какой степени отвѣчалъ потребностямъ польскаго королевства. Съ другой стороны, такъ какъ намъ извѣстно огромное вліяніе пановъ и духовенства, кромѣ того знаемъ, что послѣдніе не дѣлали ничего, не имѣя въ виду своихъ личныхъ интересовъ, то не безъ значенія является вопросъ и о томъ, чѣмъ успѣлъ Ягелло склонить на свою сторону два этихъ могущественныхъ сословія.

ГЛАВА III.

Съ древнѣйшаго времени, т. е. по крайней мѣрѣ, съ начала XIII вѣка, мы видимъ постоянныя нападенія литовцевъ на Польшу, преимущественно на Мазовію и сендомирскую и краковскую земли. Разсказъ о послѣднихъ событіяхъ подобнаго рода поможетъ намъ лучше обрисовать отношенія обоихъ сосѣдей и потому мы считаемъ необходимымъ упомянуть о нихъ вкратцѣ.

Едва умеръ Казиміръ великій, Кейстутъ и Любартъ напали на Владиміръ, гдѣ заботами короля, рядомъ съ старымъ, деревяннымъ, былъ почти уже выстроенъ новый кирпичный замокъ. Малодушіе, а, можетъ быть, измѣна польскаго коменданта, Петраша Турскаго доставила литовцамъ возможность овладѣть замками, при чемъ новый былъ разрушенъ до основанія. [145] Не довольствуясь этимъ, князья Ольгердъ, Кейстутъ, Любартъ и Юрій белзскій, чрезъ Люблинъ, вторглись въ сендомирскую область и предали ее опустошенію; главнѣйшая святыня края, монастырь бенедиктиновъ, на лысой горѣ, славный хранящеюся въ немъ частью животворящаго древа, особенно привлекалъ литовскихъ хищниковъ. Имъ хорошо былъ извѣстенъ обычай польскихъ богачей складывать свои богатства на храненіе въ монастыряхъ, которые, по общему къ нимъ уваженію, считались наиболѣе сохраннымъ мѣстомъ. Эти богатства, въ соединеніи со множествомъ драгоцѣнныхъ вещей, принадлежавшихъ самому монастырю, представляли великолѣпную добычу, ко-

торая безъ всякаго затрудненія перешла въ руки литовцевъ, захватившихъ и часть животворящаго древа. Лѣтописи, разсказывая объ этомъ событіи, передаютъ намъ чудо, тогда совершившееся: когда возъ, на который положили украденную святыню, направленъ былъ къ границамъ литовскимъ, никакая сила не могла сдвинуть его съ мѣста, волы и лошади, вмѣстѣ съ помогавшими имъ людьми, погибали внезапною смертью, лишь только были впрягаемы; [146] по другимъ извѣстіямъ, мѣшокъ, въ который брошено было животворящее древо вмѣстѣ съ другими вещами, наносилъ смерть всякому, кто къ нему прикасался. [147] Совѣтъ жрецовъ, а по другимъ, просьбы польской плѣнницы изъ рода Габданковъ, возвратить украденную святыню на прежнее мѣсто, прекратили это бѣдствіе; помянутой плѣнницѣ было поручено отвезти ее на лысую гору и она поѣхала, въ сопровожденіи взявшаго ее въ плѣнъ литовца Довойны, который принялъ въ Польшѣ христіанство и женился на ней. Такимъ образомъ, сама вражда сѣяла сѣмена, изъ которой могли выросги дружественныя отношенія. [148] Въ такомъ же направленіи слѣдуютъ всѣ позднѣйшія набѣги литовцевъ; Мазовія купила спокойствіе, войдя въ родственныя связи съ литовскимъ княжескимъ домомъ еще при Гедиминѣ—его дочь Данмила-Елисавета была за Вацлавомъ, княземъ мазовецкимъ — и впослѣдствіи постоянно возобновляя эти отношенія дружбы и родства (Данута-Анна Кейстутовна была за Іоанномъ мазовецкимъ, дочь Ольгерда, Александра была за Земовитомъ мазовецкимъ, и т. д.) Попытка Владислава Локетка тою же цѣною купить миръ и спокойствіе своимъ подданнымъ не увѣнчалась успѣхомъ; какъ извѣстно, онъ женилъ своего сына Казиміра на дочери Гедимина Альдонѣ, принявшей при крещеніи имя Анны, но Анна Гедиминовна скоро умерла, не оставивъ мужскаго потомства и съ нею совершенно пре-

кратились дружескія отношенія, удерживавшія нападенія литовцевъ, да и при жизни ея эта дружба не была особенно крѣпкою и искреннею, если, въ 1330 году, Владиславъ Локетекъ просилъ у папы денегъ и крестоваго похода противъ татаръ и литовцевъ. [149] Какъ бы то ни было, по смерти Анны и, еще болѣе, по смерти Гедимина, вражда между сосѣдями разгарается все болѣе и болѣе. Въ этомъ виноваты были Казиміръ и его завоевательная дѣятельность, направленная на Галицію и Волынь, которыя считалъ своею собственностью Любартъ, женатый на дочери одного изъ послѣднихъ князей югозападной Руси. Сендомирская область поплатилась страшнымъ опустошеніемъ за присоединеніе Галиціи къ Польшѣ. Могущество Казиміровa преемника, короля польскаго и венгерскаго, столь извѣстное въ Европѣ, нимало не устрашало литовцевъ; въ то время (1375), когда сендомирскіе паны, встрѣчая пріѣхавшую королеву Елисавету, со страхомъ передавали ей слухи о готовящемся нападеніи литовцевъ и когда Елисавета горделиво отвѣчала, что у ея сына сильныя и длинныя руки, — въ то самое время Кейстутъ и Любартъ перешли Санъ и разослали свои загоны по Вислѣ, до самаго Тарнова; они разоряли все, встрѣчавшееся имъ на пути и особенно изливали свою ярость на латинскія церкви и священниковъ, которыхъ безпощадно вѣшали. Послѣднее обстоятельство заставляетъ насъ согласиться съ однимъ изъ польскихъ историковъ, [150] который объясняетъ помянутыя неистовства присутствіемъ въ литовскомъ войскѣ значительной массы русскихъ, выведенныхъ изъ терпѣнія тѣми преслѣдованіями, которымъ подверглось православіе въ завоеванной Польшею части Руси. Ужасъ напалъ на малую Польшу; не наученная прежнимъ опытомъ, она не подумала о мѣрахъ защиты и теперь, безоружная, должна была выносить жестокость литовцевъ. Паны ея, ѣхавшіе встрѣчать

королеву съ вооруженными, но малочисленными свитами, попадали въ руки враговъ и теряли жизнь или свободу; вдова вислицкаго каштеляна едва успѣла спастись, бросивъ свои экипажи, а свита ея большею частью попала въ неволю. Петрашъ изъ Баранова, племянникъ гнѣзненскаго архіепископа, спасся, благодаря только мужеству, которое не оставило его въ минуту опасности: почти уже окруженный литовцами, онъ схватилъ жену съ новорожденнымъ, еще некрещеннымъ сыномъ и бросился вплавь черезъ Вислу, множество стрѣлъ полетѣло за нимъ, но ни одна не попала и добрый конь счастливо вынесъ его на другой берегъ. Весь край между Вислою и Саномъ былъ разоренъ въ конецъ, населеніе частію избито, частію попало въ неволю, скотъ уведенъ, запасы хлѣба и всякаго рода имущество истреблены или пограблены и только тогда, какъ совершились всѣ эти несчастія, шляхта выступила противъ непріятеля. Но съ литовцами было трудно бороться; грабя и разоряя страну, они не считали нужнымъ вступать въ открытое сраженіе и лишь только настигало ихъ войско, они скрывались въ недоступныхъ мѣстахъ, выжидали его удаленія и снова выходили на грабежъ. Королева-правительница, во время этого бѣдствія, пирами и танцами старалась развлечь пановъ, собравшихся въ краковскомъ замкѣ, завѣряя ихъ, что Людовикъ немедленно выступитъ противъ литовцевъ и принудитъ ихъ возвратить плѣнныхъ и пограбленное имущество. Дѣйствительно, въ 1377 году, венгерское войско, подъ личнымъ начальствомъ короля, явилось въ червонную Русь, чтобы въ соединеніи съ ея правителемъ, Владиславомъ опольскимъ, ударить на ближайшіе литовскіе города. Особенно имѣли въ виду два замка Холмъ и Белзъ, принадлежавшіе одному изъ предводителей прошлогодняго набѣга на Польшу, князю Юрію. Еще Казиміромъ принужденный къ покорности, онъ

владѣлъ этими замками, признавая верховную власть польскаго короля, но это признаніе, сдѣланное въ трудную минуту, нисколько не препятствовало ему быть злымъ врагомъ Польши и участвовать въ ея разореніи. Въ наказаніе за такое вѣроломство предположено было обратить оружіе прежде всего на его замки. Приглашенные королемъ поляки, съ особенною радостью и готовностью собирались мстить своимъ разорителямъ, духовенство согласилось на сборъ податей для военныхъ издержекъ, шляхта со всѣхъ сторонъ высылала свои хоругви, архіепископъ гнѣзненскій, по пріѣздѣ короля въ Сендомиръ, предложилъ ему 200 копъ грошей, [151] одинъ гербъ Топора выставилъ семь хоругвей. Одушевленіе поляковъ привело ихъ къ блистательнымъ успѣхамъ; они взяли Холмъ и въ то время, какъ король съ венграми тщетно осаждалъ Белзъ, присоединеніемъ своимъ къ нему заставили князя Юрія войти въ переговоры и сдать замокъ. Не строго, однакожъ, былъ наказанъ вѣроломный князь: король возвратилъ ему Белзъ на ленномъ правѣ, придалъ еще Любачевъ и 100 гривенъ доходу изъ соляныхъ копей Бохніи. [152] Для довершенія разочарованія поляковъ, червонная Русь, пріобрѣтеніе Казиміра великаго, отданная еще прежде Владиславу опольскому и теперь снова возвращенная королю, такъ какъ Владиславъ не могъ защитить ее отъ набѣговъ литовскихъ, была присоединена королемъ не къ Польшѣ, а къ Венгріи и въ крѣпкихъ замкахъ ея, выстроенныхъ трудами и иждивеніемъ поляковъ, сѣли венгерскіе гарнизоны и венгерскіе старосты. [153] Такъ отомстилъ король опустошеніе малой Польши; чрезъ нѣсколько лѣтъ, тотчасъ послѣ его смерти, венгерскіе старосты, справедливо считая червонную Русь совершенно для себя чуждою, продали значительное число ея городовъ, именно: Кременецъ, Олеско, Перемышль, Лопатинъ, Снятинъ и друг. Любарту, князю Владиміра и

Луцка [154] и тогда вліяніе польское должно было почти прекратиться. И прежде оно было слабо, такъ какъ литовскіе князья всегда смотрѣли на червонную Русь, какъ на свою собственность и вели изъ за нея постоянную борьбу съ Казиміромъ и Людовикомъ; ихъ опустошительные набѣги рѣшительно не позволяли полякамъ воспользоваться богатствомъ и плодородіемъ страны и пожалованные Казиміромъ имѣнія приносили ихъ владѣльцамъ незначительные доходы; не даромъ заботился Казиміръ объ укрѣпленіи червонно-русскихъ замковъ, не даромъ, умирая уже, назначалъ большую сумму на укрѣпленіе Кременца. [155] Новыя пріобрѣтенія литовцевъ дѣлали сомнительнымъ самое господство поляковъ въ червонной Руси.

Закончимъ краткій приведенный нами очеркъ отношеній двухъ сосѣднихъ государствъ разсказомъ о нашествіи, которое было предпринято подъ начальствомъ великаго князя Ягелла; оно начинается съ Мазовіи, князь которой, пользуясь враждою Ягелла съ Кейстутомъ, захватилъ литовско-русскія области послѣдняго, ни сколько не стѣсняясь тѣмъ, что былъ женатъ на его дочери. Важнѣйшая изъ захваченныхъ крѣпостей, Дрогичинъ, была взята при помощи измѣны русскихъ, которые, по предварительномъ сношеніи съ Ягелломъ, зажгли ночью городъ и такимъ образомъ содѣйствовали успѣху штурма, начатаго во время пожара. За Дрогичиномъ скоро сдались Суражъ, Мельникъ, Каменецъ и друг., и такъ измѣннически оторванный край снова соединился съ литовскорусскимъ государствомъ. [156] Не довольствуясь этимъ, Ягелло считалъ необходимымъ достойно наказать вѣроломныхъ князей Мазовіи, а также и поляковъ, помогавшихъ имъ въ завоеваніи Подлясья. Въ 1384 году, съ значительнымъ войскомъ двинулся онъ къ Пултуску и, разоривъ мазовецкія земли, прошелъ до Вислы и правымъ берегомъ ея

достигъ устья Сана. Паны и шляхта, по обычаю, неприготовленные къ отпору, бѣжали предъ литовцами и искали спасенія въ завихостскомъ замкѣ и потому на этотъ замокъ направилось литовское войско. Не имѣя лодокъ, оно вплавь перешло Вислу, и, какъ сообщаетъ преданіе, занесенное въ лѣтопись, [157] взяло городъ безъ помощи артиллеріи. По приказу Ягелла, каждый воинъ бросилъ въ Завихостъ палку и, такъ какъ войско было очень многочисленно, онъ скоро былъ засыпанъ палками; тогда литовцы зажгли его. Какъ бы то ни было, городъ былъ взятъ и сожженъ и войско литовское потянулось далѣе, предавая все страшному разоренію; такъ дошло оно до Вислицы, расположенной только въ 9 миляхъ отъ Кракова, отсюда повернуло назадъ, сожгло по дорогѣ Опатовъ и возвратилось въ Литву. Снова пострадала малая Польша и, занятая въ то время своими дѣлами, ожидая пріѣзда Ядвиги, она не могла и думать о мщеніи, о возвращеніи множества плѣнныхъ и о той богатой добычѣ, которою воспользовались литовцы.

Вотъ характеръ отношеній, въ какихъ Литва, съ давняго уже времени, находилась къ Польшѣ; мы видимъ, что великая Польша почти не подвергалась набѣгамъ сосѣдей, ее спасало удаленное положеніе и весь ужасъ и разореніе, сопровождавшіе въ то время военныя дѣйствія, падали исключительно на малую Польшу, между тѣмъ, какъ эта богатая и плодородная страна нуждалась только въ спокойствіи, чтобы достигнуть полнаго благосостоянія. Владиславъ Локетекъ, какъ мы уже знаемъ, не могъ оружіемъ воспрепятствовать нашествіямъ Литвы, женилъ своего сына на Аннѣ Гедиминовнѣ и, какъ ни коротокъ былъ періодъ дружескихъ сношеній, все таки онъ принесъ благія послѣдствія. Поля, обработкѣ которыхъ никто не мѣшалъ, стали давать обильную жатву, помѣщики и крестьяне богатѣли, развилась тор-

говля и, какъ результатъ всего, безпрестанно являлись новыя поселенія, увеличивавшія численность народа и еще болѣе содѣйствовавшія благосостоянію края. Постоянная опасность со стороны Литвы, огромныя потери, которыя несли отъ нея малополяне, конечно должны были возбудить въ нихъ страшную ненависть и обратить всю ихъ дѣятельность на защиту своего достоянія и жизни отъ хищныхъ сосѣдей; въ такомъ случаѣ должна была образоваться вѣчная, неустанная война не только по берегамъ Вислы, которую Ягелло положилъ границею своего государства, но и далѣе, въ глубь страны, въ пустынныхъ пространствахъ Волыни и червонной Руси, обладаніе которыми Литва оспаривала у Польши. Но жизнь, исполненная военныхъ опасностей, дѣятельность не обогащающая, а разоряющая, не улыбалась малопольскимъ магнатамъ, которые, какъ мы видѣли, вовсе не были склонны къ войнѣ и обратили всѣ свои помыслы исключительно на пріобрѣтеніе возможно большихъ богатствъ. Искусные дипломаты, они должны были отъискать мирныя средства, которыя защитили бы ихъ отъ Литвы и обезпечили имъ спокойное пользованіе ихъ обширными помѣстьями, особенно тѣми, которыми жаловалъ ихъ въ червонной Руси Казиміръ великій. Въ данномъ случаѣ имъ даже излишне было долго трудиться, примѣръ Локетка былъ у нихъ передъ глазами и, въ самомъ дѣлѣ, цѣль вполнѣ достигалась, если Ягелло женится на Ядвигѣ и соединитъ Литву съ Польшею. Тогда паны не только спокойно будутъ пользоваться тѣмъ, что имѣли, но справедливо могутъ расчитывать, что литовскій князь, которому они доставятъ прекрасную жену съ короной въ приданое, отблагодаритъ ихъ новыми пожалованіями и новыми богатствами. Вотъ какимъ образомъ изъ ненависти, порожденной литовскими разореніями, явилась мысль о дружеской связи съ Литвою чрезъ бракъ ея государя съ польскою

королевой. Важныя выгоды, вытекавшія изъ этого брака для Польши, хорошо прикрывали корыстныя цѣли малопольскихъ магнатовъ и придавали ихъ усиліямъ характеръ патріотическаго дѣла. Для всѣхъ было ясно, что Польша, разрывая съ Венгріей, со всѣхъ сторонъ окруженная сильными врагами, къ тому же ослабленная внутреннимъ раздоромъ, должна была въ мужѣ своей королевы, пріобрѣсть короля, который имѣлъ бы достаточно средствъ, чтобъ утишить домашнія распри и дать надлежащій отпоръ сосѣдямъ. Предполагаемое соединеніе съ Литвою вполнѣ отвѣчало этому требованію, такъ какъ совокупныя силы Литвы и Польши представляли надежное ручательство въ славномъ будущемъ обоихъ соединенныхъ государствъ. Подобные виды магнатовъ вполнѣ раздѣлялись и другимъ господствующимъ сословіемъ, духовенствомъ, которое особенно горячо должно было ухватиться за эту мысль, потому что бракъ Ягелла на Ядвигѣ былъ возможенъ только подъ условіемъ перехода его въ католичество, а обращеніе языческаго государя и съ нимъ всего его народа было столь великимъ и, въ то же время, столь выгоднымъ подвигомъ, что онъ не могъ не увлечь польскихъ прелатовъ. Такимъ образомъ не трудно было панамъ согласить духовенство къ содѣйствію для достиженія предположенной цѣли, послѣ чего они стали слать пословъ къ Ягеллу, приглашая его креститься, сочетаться бракомъ съ Ядвигою и принять польскую корону. [158] Лаконизмъ источниковъ не даетъ возможности подробнѣе изложить самое зарожденіе и развитіе этой мысли у магнатовъ малой Польши; она, конечно, не могла явиться разомъ у всѣхъ, а была высказана тѣми, которые ближе знали Ягелла и даже находились съ нимъ въ сношеніяхъ. Было бы очень интересно ознакомиться съ этими личностями, но, къ сожалѣнію, исторія не сохранила ихъ именъ. Все, что до сихъ поръ о нихъ знали, ограничивалось

одними предположеніями; такъ указывали на того Довойну, который ѣздилъ въ Польшу и женился на своей плѣнницѣ изъ рода Габданковъ, но Довойна, никогда, ни прежде, ни послѣ брака Ягелла, не былъ столь значительнымъ лицемъ, чтобы можно было считать его виновникомъ этого союза. Указываютъ также на молодаго краковскаго воеводу Спытка изъ Мельштына, который, будто бы, особенно содѣйствовалъ браку, но это указаніе основывается только на тѣхъ богатыхъ подаркахъ, которыми осыпалъ впослѣдствіи Ягелло Спытка, что, впрочемъ, ничего не доказываетъ, потому что Ягелло вообще былъ щедръ и если былъ щедрѣе къ Спытку, чѣмъ къ другимъ, то просто потому, что Спытко ему болѣе нравился. Мы можемъ указать только на одно лице, участіе котораго въ описываемомъ дѣлѣ подтверждается несомнѣнными свидѣтельствами; это былъ Андрей Василло, первый католическій епископъ Литвы. Родившись отъ людей достаточныхъ, принадлежавшихъ къ шляхетскому сословію, [159] будущій епископъ провелъ свою молодость при архикаеедрѣ гнѣзненской, изучая науки подъ надзоромъ дяди своего Николая схоластика, потомъ былъ при дворѣ епископа краковскаго, Петра Фальковскаго, гдѣ принялъ свѣтскую тонзуру и исправлялъ должность секретаря. Епископъ очень любилъ его, бралъ съ собою въ Римъ и Авиньонъ, откуда, послѣ внезапной смерти Фальковскаго, Андрей возвратился въ Римъ и, по благословенію папы Климента VI, вступилъ въ орденъ францисканова, на 27 году жизни. Въ 1354 году онъ возвратился въ отечество и скоро прославился какъ отличный и краснорѣчивый проповѣдникъ, но недовольствуясь своею мирною и спокойною дѣятельностью, онъ скоро отправился въ языческую Литву, чтобъ обратить ее въ христіанство. Между литовскими боярами того времени, говоритъ францисканская рукопись, изъ которой мы заимствуемъ эти подроб-

нести, были многіе, исповѣдывавшіе православіе или явно ему сочувствовавшіе, но и язычниковъ было довольно. Проповѣдуя, въ одной деревнѣ, слово Божіе, Андрей былъ схваченъ какимъ то бояриномъ и обвиненъ передъ великимъ княземъ Ольгердомъ въ томъ, что возбуждаетъ народъ къ неповиновенію, внушая, что съ принятіемъ христіанства, всѣ люди будутъ равны предъ Богомъ. Зная языки литовскій и славянскій, Андрей произвелъ самое выгодное впечатлѣніе на великаго князя, который призналъ его вполнѣ невиннымъ и скоро почувствовалъ къ нему уваженіе. Желая имѣть при себѣ людей разумныхъ и ученыхъ, онъ не препятствовалъ Андрею помѣститься въ конвентѣ францисканцевъ, при церкви св. Дѣвы Маріи на пескахъ, часто съ нимъ совѣтовался и даже ночью призывалъ его для обсужденія различныхъ дѣлъ. «Его то стараніями, говоритъ далѣе означенная рукопись, возвысился нашъ конвентъ и числомъ монаховъ и доходами послѣ недавней своей бѣды».[160] Въ 1374 году Андрей отправился въ Венгрію, ко двору Елисаветы, супруги Людовика, по волѣ ли Ольгерда или по другой причинѣ — неизвѣстно. Провидѣніе и тамъ его не оставило: въ короткое время получилъ онъ должности секретаря, проповѣдника и милостынераздавателя этой благочестивой королевы; нѣсколько разъ ѣздилъ онъ съ дипломатическими порученіями въ Литву и даже оставался нѣкоторое время въ Вильнѣ, всегда высоко уважаемый при дворѣ Ольгерда. Исполняя одно порученіе королевы, былъ въ 1377 г. въ Римѣ, гдѣ посвященъ въ епископа серетскаго (Серетъ въ Валахіи) папою Григоріемъ. Папа хотѣлъ удержать его при себѣ, но скорая смерть его, любовь новаго епископа къ отечеству, малые доходы серетской епархіи и желаніе королевы заставили его возвратиться къ ея двору, гдѣ онъ принялъ обязанность канцлера по дѣламъ иностраннымъ, такъ какъ зналъ много языковъ. По волѣ королевы и

вельможъ онъ попалъ въ послѣдствіи въ число совѣтниковъ, приданыхъ молодой королевнѣ Ядвигѣ и сопровождалъ ее въ Польшу; живя въ такомъ званіи въ Краковѣ, онъ не мало сдѣлалъ для призванія на тронъ польскій Ягелла, котораго онъ давно уже зналъ и отцу котораго былъ многимъ обязанъ; тѣмъ болѣе трудился онъ для этой цѣли, что искренно любилъ Литву и усердно заботился объ ея обращеніи. «Смѣло можно утверждать (продолжаемъ словами рукописи), что первый прочный шагъ къ обращенію Литвы принадлежитъ епископу Андрею; заслуга эта, скрываемая имъ, вслѣдствіе христіанскомонашеской скромности, несправедливо остается въ забвеніи у отечественныхъ историковъ и это тѣмъ несправедливѣе, что ея послѣдствія столь благи и очевидны».[161] Такимъ образомъ мы знаемъ хоть одного человѣка, который, можетъ быть, первый, навелъ поляковъ на мысль о призваніи Ягелла; въ этомъ случаѣ онъ руководствовался отчасти личными своими отношеніями къ литовскому князю и его отцу и еще болѣе желаніемъ обратить Литву въ католичество, что, очевидно, не удалось ему при первой попыткѣ. Его образованіе, его глубокій умъ и особенная привлекательность его характера [162] располагали къ нему всѣхъ его знавшихъ и труды его въ пользу Ягелла, быть можетъ, не пропали бы даромъ, еслибъ даже не было тѣхъ благопріятныхъ для того условій, о которыхъ мы уже говорили. И такъ, личныя выгоды магнатовъ и духовенства, также какъ и интересы цѣлой Польши (если только Ягелло согласится креститься и соединитъ Литву съ Польшею), при усильномъ ходатайствѣ Андрея, обратили вниманіе поляковъ на великаго князя и они, по приведенному извѣстію литовскаго лѣтописца, стали слать къ нему пословъ, предлагая ему корону и руку польской королевы.

Со стороны Ягелла странно было бы отказываться отъ

такого выгоднаго предложенія; угрожаемый орденомъ, неувѣренный въ своихъ собственныхъ подданныхъ, которые толпами бѣжали къ Витовту и вмѣстѣ съ нимъ разоряли его государство, онъ долженъ былъ съ радостью ухватиться за представлявшуюся возможность усилиться и обратить въ ничто враждебные ему замыслы; будущее, прежде смутное и даже грозное, теперь представлялось славнымъ и блестящимъ. Сильно развитое самолюбіе вполнѣ удовлетворялось соединеніемъ на головѣ его двухъ коронъ, изъ которыхъ польская не послѣднею считалась въ то время въ Европѣ; чего съ величайшими усиліями не могъ добиться сынъ императора, то безъ всякихъ пожертвованій и трудовъ предлагалось ему. Молодость и красота Ядвиги, о которой слава гремѣла по цѣлой Европѣ и о которой онъ узналъ чрезъ людей, нарочно для того посланныхъ въ Краковъ, не могла также не сдѣлать на него сильнаго впечатлѣнія и, конечно, онъ не долго думалъ, чтобы согласиться на предложеніе краковскихъ пановъ. Согласіе его, однакожъ, не было еще достаточно для осуществленія задуманнаго плана; съ одной стороны малопольскіе магнаты пригласили Ягелла безъ вѣдома Ядвиги и не посовѣтовавшись съ великополянами, съ другой Ягелло былъ такъ занятъ своими отношеніями къ ордену и Витовту, что не могъ и думать о какомъ либо новомъ и серьезномъ предпріятіи; съ обѣихъ сторонъ, слѣдовательно, нужно было много поработать, чтобъ устранить препятствія. Прежде всего Ягелло долженъ былъ позаботиться о безопасности своего государства со стороны ордена; всего лучше казалось ему примириться съ Витовтомъ и такимъ образомъ лишить орденъ весьма полезнаго руководителя и вмѣстѣ значительной силы, потому что, не говоря уже о многочисленныхъ бѣглецахъ, послѣдовавшихъ за Витовтомъ въ Пруссію, вся Жмудь приняла его сторону и чрезъ него вошла въ дружественныя

связи съ заклятымъ своимъ врагомъ. Мы рѣшительно не знаемъ подробностей этого примиренія, понимаемъ только, что Ягелло, умертвившій Кейстута, покушавшійся на жизнь самого Витовта, не могъ пользоваться его довѣренностью и долженъ былъ представить надежное ручательство въ вѣрности своего слова. Бояре, посланные въ Пруссію, убѣдили Витовта повѣрить брату и склонили его къ примиренію, подъ условіемъ возвращенія ему отцовскихъ владѣній. Витовтъ, обстоятельствами своей жизни поставленный въ весьма тяжелое положеніе, принужденный вымаливать покровительства и помощи ордена, который, какъ онъ хорошо понималъ, имѣлъ въ виду только собственныя выгоды, долженъ былъ рискнуть и дать вѣру обѣщаніямъ Ягелла, который нисколько незаслуживалъ вѣры. Что Витовтъ вѣрилъ, доказывается прощаніемъ его съ орденомъ: являясь подъ личиной друга, онъ захватилъ замки Юргенбургъ и Маріенбургъ и обратилъ ихъ въ развалины, избивъ или взявъ въ плѣнъ ихъ гарнизоны и только поднявшаяся тревога спасла Маріенведеръ, Рагниту, Нейгаузъ, которымъ грозила такаяже участь. Дѣйствуя такимъ образомъ, Витовтъ сожигалъ свои корабли, окончательно разрывалъ съ орденомъ и вполнѣ отдавался въ руки Ягелла, характеръ котораго на столько уже намъ извѣстенъ, что мы не удивимся, встрѣчая доказательства того, что онъ обманулъ Витовта. На первыхъ порахъ, однакожъ, Витовтъ получилъ владѣнія своего отца[163] и, какъ троцкій князь, издавалъ грамоты, заключавшія въ себѣ пожалованія для города Трокъ и для существовавшаго въ немъ православнаго монастыря, [164] но въ томъ же году (1384) онъ издалъ документъ, въ которомъ объявлялъ, что получилъ отъ Ягелла Гродно, Волковыйскъ, Брестъ и Полѣсье, съ городами Дрогичиномъ, Мельникомъ, Суражемъ, Каменцемъ, Бѣльскомъ и др., значитъ, только русскія владѣнія своего отца; [165] о Тро-

кахъ не говорится ни слова, тогда какъ самъ Витовтъ утверждалъ, что былъ отозванъ подъ условіемъ возвращенія ему всего княжества Кейстута.[166] Весьма естественно, что Скиргелло, которому были отданы Троки, послѣ бѣгства Витовта, былъ весьма недоволенъ, когда пришлось отказываться отъ такого хорошаго города; очень можетъ быть, что его настоянія заставили Ягелла обмануть Витовта, но какъ бы то ни было, послѣдній былъ обманутъ и изъ этого факта вытекаютъ новыя непріятности для обѣихъ сторонъ и новыя для нихъ затрудненія. Уже въ помянутомъ документѣ 1384 года Витовтъ обязуется не высылать ни къ кому пословъ и не домогаться отцовскихъ владѣній. Естественно вытекавшая изъ обмана подозрительность уже окружаетъ его сѣтью шпіонства и документально лишаетъ его правъ, принадлежащихъ каждому государю, связываетъ его руки, что доставляетъ намъ новый матерьялъ для обрисовки нравственной личности Ягелла. Но вѣроятно Витовтъ зналъ пословицу: «худой миръ лучше доброй ссоры» и потому рѣшился довольствоваться пока своимъ положеніемъ и даже содѣйствовать двоюродному брату въ достиженіи короны польской, расчитывая, что тогда у него будетъ много земель, которыхъ часть, можетъ быть, перейдетъ въ его руки.

Прежде всего усилія литовскихъ князей обратились противъ ордена; построенный близъ Ковна, Маріенвердеръ справедливо считался ключомъ къ Литвѣ и потому нужно было вырвать этотъ ключъ изъ рукъ ордена. Съ необыкновенною быстротою было собрано весьма значительное войско, которое, подъ начальствомъ Скиргелла, Витовта и еще другихъ одиннадцати князей, двинулось къ названному замку; въ концѣ сентября его обложили со всѣхъ сторонъ, прекративъ всѣ подвозы и бдительно стерегли Нѣманъ, такъ что никто не могъ подать помощи осажденнымъ; днемъ и ночью гремѣли

орудія и дѣйствовали огромныя осадныя машины. Четыре недѣли уже длилось облежаніе и хотя осаждающіе не достигли еще видимаго успѣха, но гарнизонъ уменьшался, слабѣлъ, помощь не приходила и геройскія усилія коменданта, Генриха Кле, не надолго могли удержать непріятеля. Блеснула, было, на время надежда на спасеніе: осажденные увидали приближеніе орденскаго маршала Конрада Валленрода, но литовцы не допустили его къ Маріенвердеру и скоро начавшіеся морозы заставили его возвратиться назадъ. Наконецъ отличные артиллеристы Ягелла, набранные изъ русскихъ, извѣстныхъ своимъ искуствомъ въ этомъ дѣлѣ,[167] пробили стѣну, нѣмцы закрыли брешь бомбардою, русскіе сбили ее своими мѣткими выстрѣлами и начались штурмы. Генрихъ Кле былъ убитъ и гарнизонъ, безъ предводителя, съ ужасомъ видя, что непріятель обкладываетъ стѣны соломою и другими легко горящими веществами, не рѣшался противиться долѣе и сдалъ городъ. Ягелло былъ сильно раздраженъ такимъ энергическимъ сопротивленіемъ, онъ собственными руками отрубилъ голову одному рыцарю и приказалъ умертвить нѣсколько другихъ, несмотря на то, что обѣщался сохранить жизнь оставшимся защитникамъ сдавшагося города. Орденъ понесъ огромныя потери: однихъ рыцарей погибло 150 и 50 было взято въ плѣнъ, не говоря уже о простыхъ солдатахъ; долго не могъ онъ оправиться отъ своего пораженія и, понятно, какія чувства питалъ онъ къ Витовту, такъ отблагодарившему его за оказанное покровительство. Ягелло торжествовалъ; съ одной стороны онъ сдѣлалъ невозможнымъ новое сближеніе Витовта съ орденомъ, съ другой онъ захватилъ три пограничныхъ замка, которые такъ облегчали впаденія рыцарей въ Литву; но орденъ не долго предавался отчаянью, съ свойственною ему дѣятельностью, онъ немедленно сталъ искать средствъ поправить свои обстоятельства, т. е. снова облегчить себѣ

возможность набѣговъ на литовскую землю. Онъ вошелъ въ сношенія съ Земовитомъ, княземъ мазовецкимъ, который, вслѣдствіе недавняго разоренія Мазовіи, а, можетъ быть, и вслѣдствіе дошедшихъ до него слуховъ о замыслахъ Ягелла на корону и руку Ядвиги, къ тому же побуждаемый нуждою въ деньгахъ заложилъ ордену за 3600 копъ чешскихъ грошей, часть области, называвшейся Skarsze (Sackrze). Въ актѣ, написанномъ по этому случаю, прямо сказано, что означенная мѣстность уступается ордену, потому что она прилежитъ къ языческимъ странамъ и оттуда удобно дѣлать на нихъ нападенія, вслѣдствіе чего орденъ даже имѣетъ право строить въ ней замки. [169] Не обращая вниманія на увеличивающіяся такимъ образомъ средства ордена и пока считая себя безопаснымъ съ его стороны, Ягелло выслалъ торжественное посольство въ Краковъ. Во главѣ посольства, въ качествѣ «главнаго, начальнаго посла» стоялъ Скиргелло, [170] родной братъ и наиболѣе дѣятельный и усердный сотрудникъ Ягелла. Съ самого вступленія на престолъ послѣдняго мы видимъ крѣпкую связь между нимъ и Скиргелломъ: Скиргелло ведетъ переговоры съ рыцарями и даже ѣздитъ въ Ливонію и Пруссію [171], онъ же является посредникомъ между Ягелломъ и Кейстутомъ, онъ сопровождаетъ Кейстута въ кревское заключеніе и также несетъ отвѣтственность за измѣнническій съ нимъ поступокъ, онъ главнымъ образомъ предводительствуетъ войскомъ въ борьбѣ съ орденомъ, послѣ бѣгства Витовта. Не всегда, какъ мы знаемъ, удавалось ему, случалось и терпѣть за преданность брату; такъ Полочане, не желавшіе имѣть его своимъ княземъ, нанесли ему тяжелое оскорбленіе, но за то преданность его была награждена лучшимъ удѣломъ въ Литвѣ, княжествомъ троцкимъ. [172] Главнѣйшее событіе въ жизни Ягелла совершается также при его участіи, ему главнымъ образомъ поручено это дѣло и ему собственно даны

всѣ необходимыя полномочія. Вторымъ членомъ посольства былъ Борисъ, князь суздальскій, женатый на сестрѣ Ягелла Агриппинѣ; [173] ихъ сопровождали Ольгимунтъ, князь гольшанскій [174] и Ганулонъ, староста виленскій, тотъ самый, котораго мы уже видѣли сторонникомъ Ягелла въ борьбѣ съ Кейстутомъ. Послы везли богатые подарки для Ядвиги и краковскихъ пановъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такія обѣщанія отъ имени Ягелла, которыя должны были расположить къ нему всѣ партіи: 1) великій князь обязывался вмѣстѣ съ своими братьями и родственниками, которые еще не окрестились, боярами и земянами принять римско-католическую вѣру; 2) обратить свои сокровища на отъискапіе и восполненіе потерь и утратъ обоихъ государствъ, литовскаго и польскаго; 3) освободить всѣхъ польскихъ плѣнниковъ, взятыхъ во время войнъ Литвы съ Польшею и 4) наконецъ соединить свои литовскія и русскія земли на вѣчныя времена съ короною польской. [175] Въ этихъ обѣщаніяхъ было все, чего могла желать Польша: и расширеніе грапицъ, и безопасность отъ враговъ, которые не будутъ такъ грозны послѣ соединенія съ Литвою и наконецъ вѣчная слава обращенія въ христіанство цѣлой страны. Было чѣмъ увлечься и, хотя до сихъ поръ великополяне не выразили своего согласія на призваніе Ягелла, можно было расчитывать, что они не будутъ противиться въ виду такихъ блестящихъ обѣщаній. Теперь требовалось только согласіе Ядвиги и ея матери и потому намъ слѣдуетъ пристальнѣе взглянуть на Ягелла, какъ на человѣка, опредѣлить точнѣе, что онъ приносилъ собою своей будущей супругѣ, которая, по молодости, едва ли понимала значеніе сдѣланныхъ имъ обѣщаній и, конечно, хотѣла найти въ немъ не матерьяльное усиленіе своего государства, а человѣка достойнаго любви.

Въ описываемое время Ягелло достигъ уже полной зрѣ-

лости: ему было около 34 лѣтъ [176]; онъ отличался наружностью, которая производила пріятное впечатлѣніе: [177] средняго роста, съ маленькой, къ верху заостренной головой, почти обнаженной, онъ имѣлъ продолговатое, худое, съуженное къ подбородку лице, освѣщенное маленькими черными глазами, которыхъ особенность заключалась въ томъ, что они никогда не оставались спокойными, а постоянно бѣгали изъ стороны въ сторону; большія уши, при худомъ тѣлѣ и длинной шеѣ не могли, по нашему мнѣнію, придать особенной красоты его фигурѣ, съ легкостью которой вовсе не согласовались грубый голосъ и быстрая рѣчь, отрывисто вырывавшаяся изъ устъ, осѣненныхъ длинными, но тонкими усами. Въ характерѣ его видимъ соединеніе самыхъ разнородныхъ крайностей: много дурнаго, отчасти хорошее и наконецъ такія черты, которыя по неопредѣленности своей затрудняютъ изслѣдователя, иногда просятся въ первую категорію, иногда во вторую. Что постоянно поражаетъ въ Ягеллѣ, это его лѣнь, полная и безграничная; сначала, когда онъ управлялъ только Литвою, большую часть трудовъ онъ возлагалъ на Скиргелла, впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался королемъ польскимъ, всѣ дѣла сосредоточились въ рукахъ магнатовъ и сеймовъ, гораздо чаще собиравшихся при немъ, чѣмъ при его предшественникахъ и тѣмъ болѣе важныхъ, что имъ уже предшествуютъ сеймики т. е. мѣстные съѣзды шляхты. Отданный лѣни Ягелло спитъ до полудня, потомъ нѣжитъ свое тѣло въ банѣ и остальную часть дня проводитъ за столомъ, неумѣренно потребляя всякія яства и разговаривая съ своими любимцами; труды военные и управленіе государствомъ онъ сваливаетъ на другихъ и вовсе не заботится о томъ, какъ идутъ дѣла въ подвластномъ ему краѣ. Лѣнь тѣлесная соотвѣтствуетъ умственной, умъ его отличается тою же недѣятельностью, какъ и тѣло: онъ не

глупъ, но пониманіе его слабо и, какъ всѣ недалекіе люди, онъ очень долго не замѣчаетъ сдѣланной ошибки, а замѣтивъ, не сознается въ ней. Одно только выводитъ его изъ бездѣйствія: страстный охотникъ съ дѣтства до самой смерти, онъ ежегодно охотится отъ начала октября до конца января; эти четыре мѣсяца онъ не выходитъ изъ лѣсовъ, не сообщается съ остальнымъ міромъ и живетъ съ медвѣдями, турами, зубрами и другимъ населеніемъ дремучихъ литовскихъ лѣсовъ; случается ему охотиться и въ другое время года. Въ лѣсахъ и пущахъ Ягелло преображается, это уже не прежній, лѣнивый и тяжелый человѣкъ, это атлетъ, съ удивительнымъ терпѣніемъ переносящій зной и холодъ, голодъ, жажду и чрезмѣрную усталость; онъ весь отдается охотѣ, которая для него не простая забава, а страсть, охватывающая все его существо, заставляющая забывать все остальное. Видъ тура, гонимаго собаками приводитъ его въ восхищеніе, онъ мчится за нимъ, ободряя своихъ спутниковъ, обѣщаніемъ богатыхъ наградъ заставляя ихъ забывать усталость и приходитъ въ блаженный восторгъ, когда измученный звѣрь, со всѣхъ сторонъ окруженный, падаетъ подъ смертельнымъ ударомъ. Поразившій звѣря дѣлается самымъ любезнымъ ему человѣкомъ и нѣтъ награды, въ которой бы Ягелло отказалъ ему. Такимъ горячимъ охотникомъ Ягелло остался и въ глубокой старости: въ 1426 году, когда ему было уже около 75 лѣтъ, охотясь въ Бѣловѣжской пущѣ и гоня звѣря по непроѣзднымъ мѣстамъ, онъ упалъ съ лошади и сломалъ себѣ ногу, что, впрочемъ, неотъучило его отъ подобныхъ подвиговъ. Другая черта, побѣждавшая его физическую и нравственную лѣнь, заставлявшая его думать о пріисканіи мѣръ, безпокоившая и волновавшая его, была забота о своей безопасности. Какъ всѣ слабые и неразвитые умы, Ягелло чувствовалъ себя подъ

вліяніемъ какихъ то грозныхъ, таинственныхъ силъ, которыя могли повредить ему, могли нарушить его благосостояніе и разрушалъ ихъ враждебное дѣйствіе средствами столь же безсознательными, сколь темно и сбивчиво было понятіе о грозившей откуда то опасности. Много заботился онъ, чтобъ, вставая съ постели, не стать прежде лѣвою, а непремѣнно правою ногою; брѣя бороду, онъ собиралъ срѣзанные волосы и обмывалъ ихъ чистою водою, что должно было имѣть какое то благодѣтельное послѣдствіе; выходя изъ дома, онъ всегда три раза повертывался на одной ногѣ и три же раза бросалъ за себя сломанную соломенку. Кромѣ этихъ, конечно, мало дѣйствительныхъ средствъ, которыя онъ, по свидѣтельству польскихъ лѣтописей, заимствовалъ у своей матери, были и другія, имѣвшія, можетъ быть, нѣкоторое разумное основаніе. Часто господствовавшая въ то время зараза и такъ называемое моровое повѣтріе породили множество лѣкарствъ, которыя предохраняли, дѣйствительно или нѣтъ, отъ зараженія. Ягелло постоянно употреблялъ одно изъ нихъ и не боялся повальныхъ болѣзней. [178] Легкость, съ которою, въ средніе вѣка, отправляли на тотъ свѣтъ людей посредствомъ яда, также возбудила его вниманіе, тѣмъ болѣе, что многіе изъ его родныхъ погибли такимъ образомъ. Въ 1392 г. внезапно умеръ его любимый братъ Александръ Вигунтъ и молва приписывала смерть его яду, [179] въ 1395 году погибъ такимъ же образомъ другой, не менѣе любимый братъ, Скиргелло; [180] въ 1393—Генрихъ мазовецкій, женатый на сестрѣ Витовта и [181] сыновья послѣдняго, какъ кажется, были отравлены рыцарями; [182] въ сосѣднихъ странахъ, съ которыми Ягелло былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, очень часто случались подобныя преступленія, такъ что было много примѣровъ, которые указывали на возможность внезапной, насильственной смерти и заставляли подумать о средствахъ

предотвратить ее. Ягелло тѣмъ болѣе долженъ былъ ея опасаться, что первый вступилъ на путь насилія и погубилъ родного дядю. Постоянно окруженный преданными людьми, онъ не боялся внезапнаго нападенія, но ядъ, какъ ему было извѣстно, могъ проникнуть такъ незамѣтно, что никакая преданность не остановитъ его и вотъ составляется цѣлая система, цѣлый рядъ правилъ, слѣдуя которымъ, Ягелло надѣется избѣгнуть отравленія. Онъ не пьетъ вина и никакихъ охмѣляющихъ напитковъ, потому что часто отравляли, пользуясь опьяненіемъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ хотѣли избавиться; онъ любитъ хорошія, сладкія груши, но ѣстъ ихъ украдкою, самъ срывая съ дерева или убѣдившись; что онѣ приготовлены не для него, это онъ дѣлаетъ потому, что часто отравляли посредствомъ плодовъ; по той же причинѣ онъ принимаетъ одежду, посуду, ножи и все необходимое для стола только изъ рукъ особо для того назначенныхъ, вполнѣ ему преданныхъ людей. Къ довершенію своей безопасности онъ приказываетъ ежедневно ставить на своемъ столѣ, въ сосудѣ изъ чистаго золота, растеніе Ophioglossum vulgatum (langue de serpent), которое должно было парализировать губительное дѣйствіе яда, если онъ, какъ нибудь, будетъ имъ принятъ, не смотря на всѣ означенныя предосторожности. Сколько извѣстно, это растеніе вовсе не имѣетъ той силы, какую приписывалъ ему Ягелло; какъ кажется, оно имѣетъ свойство заживлять, затягивать раны, но, конечно, Ягелло ошибался, потому что ошибались его современники. [183]. Очень можетъ быть, что подобная, вѣчная забота о предотвращеніи какой то невидимой опасности внушена была ему матерью, вліяніе которой вообще сильно отзывается на любимомъ сынѣ; ея то излишней нѣжности и заботливости о физическомъ только воспитаніи обязанъ Ягелло полнѣйшимъ отсутствіемъ всякаго образованія, всякихъ свѣдѣній: онъ не умѣлъ ни

читать, ни писать, кромѣ русскаго (и, конечно, литовскаго) не зналъ никакихъ языковъ и даже по польски невыучился говорить хорошо; а между тѣмъ литовскіе князья имѣли достаточно средствъ для образованія и не нуждались въ учителяхъ, которыхъ легко находили въ плѣнныхъ или добровольно бѣжавшихъ къ нимъ рыцаряхъ. Отецъ Ягелла былъ воспитанъ рыцаремъ, который, попавъ въ неволю, девять лѣтъ жилъ при дворѣ Гедимина, въ качествѣ учителя его сыновей. [184] Двоюродный братъ его Витовтъ, кромѣ чтенія и письма, зналъ языки нѣмецкій и отчасти латинскій, чему научился у своего воспитателя, орденскаго рыцаря, Ганно Ф. Винденгейма, сперва плѣнника, а потомъ друга Кейстутова, жившаго въ Трокахъ, до самой смерти; [185] есть даже извѣстіе, что Витовтъ не былъ чуждъ тѣхъ научныхъ познаній, которыми располагала Европа XIV и XV вѣковъ: извѣстный англійскій богословъ, Томасъ Вальденъ, знаменитый своими спорами съ Гусситами и Виклефистами, котораго король англійскій Генрихъ V употреблялъ для переговоровъ между орденомъ и Ягелломъ, пробылъ нѣкоторое время при дворѣ Витовта, наставляя его въ истинахъ христіанства и, что весьма вѣроятно, передавалъ ему и другія свои свѣдѣнія. [186] Странно было бы предполагать послѣ этого, что Ягелло, любимый сынъ, предназначенный царствовать, лишенъ былъ средствъ къ образованію и дѣйствительно, мы встрѣчаемъ свидѣтельство, что при дѣтяхъ Ольгерда были учители и учительницы по разнымъ предметамъ. [187] Ничего, однакожъ, не вышло изъ ихъ усилій и Ягелло остался ничего незнающимъ, не умѣющимъ даже читать и писать, вѣроятно потому, что нѣжная мать, не желая утомлять любимаго сына ученіемъ, избавляла его отъ трудовъ, которые, даже по мнѣнію язычника Кейстута, были необходимы и полезны его дѣтямъ. Эта безпорядочность воспитанія и

разслабляющее вліяніе безразсудной материнской любви объясняетъ излишнее суевѣріе Ягелла и многія неопредѣленныя черты въ его характерѣ. Говорятъ, что онъ имѣлъ превосходное сердце, былъ добръ и мягокъ, но доброта его весьма страннымъ образомъ уживалась съ жестокостью и деспотизмомъ; на первыхъ порахъ своего самодержавнаго правленія въ Литвѣ, самъ создавъ себѣ рядъ безпокойствъ и тревогъ своимъ поведеніемъ относительно Кейстута, онъ съ рѣшительностью, часто отличающею слабыхъ людей, берется за самыя жестокія средства, чтобы устранить имъ же порожденныя затрудненія: онъ умерщвляетъ дядю и покушается на жизнь брата, съ которымъ, кромѣ родства, былъ связанъ дружбою. Раздражаясь до бѣшенства, онъ поступаетъ такъ, какъ никогда бы не поступилъ въ спокойномъ состояніи. [188] Сдѣлавшись королемъ польскимъ, королемъ ограниченнымъ, онъ тяжело сноситъ это ограниченіе и когда крестьяне одного изъ селъ, принадлежавшихъ гнѣзненской архіепископіи, отказываютъ ему, на основаніи привилеевъ, въ стаціи, онъ приказываетъ силою забрать у нихъ все необходимое для него и многочисленной свиты. Впрочемъ, во второй половинѣ своей жизни Ягелло дѣйствительно дѣлается мягче и снисходительнѣе, что объясняется съ одной стороны необыкновеннымъ счастіемъ, необыкновенными успѣхами, которыхъ онъ достигаетъ безъ всякаго труда, а съ другой и тѣмъ, что польскіе паны, не желая имѣть государя самодержавнаго, сдерживали въ немъ его деспотическіе и жестокіе порывы. Легко проливавшій сначала даже кровь родственниковъ, онъ ужасается впослѣдствіи лишить жизни осужденнаго на смерть преступника, потому что его мучитъ воспоминаніе о смерти Кейстута; онъ отлично награждаетъ всякую заслугу и своею щедростью дѣлаетъ воиновъ болѣе храбрыми, а администраторовъ — болѣе искусными, потому что онъ самъ недѣятеленъ

и радъ награждать тѣхъ, которые дѣлаютъ его дѣло, а ему позволяютъ лѣниться; но и щедрость его, не управляемая разсудкомъ, впадаетъ въ вредную крайность, переходитъ въ расточительность. Польскіе лѣтописцы прямо говорятъ, что онъ давалъ болѣе, чѣмъ позволяли средства страны и истощая такимъ образомъ государственную казну, не имѣлъ денегъ на необходимое. Замки и крѣпости, защищавшіе населеніе, разваливались, потому что не было средствъ ихъ поддерживать; кромѣ того щедрость его часто обращалась на людей недостойныхъ, ничего не принесшихъ на пользу общую. Довольно было принадлежать къ его кружку, къ числу людей, вездѣ его сопровождавшихъ, подобно ему лѣнивыхъ и недѣятельныхъ, чтобы получить всѣ возможныя награды; еще болѣе осыпались милостями товарищи его охотничьихъ подвиговъ. Польскіе паны и прежде отличавшіеся корыстолюбіемъ, дорого продававшіе свои услуги, сдѣлались еще жаднѣе при Ягеллѣ и безцеремонно выпрашивали у него различныя пожалованія правъ или денегъ; большая часть грамотъ, изданныхъ отъ имени Ягелла, непремѣнно содержитъ въ себѣ какое нибудь пожалованіе. [189] Легкость полученія подачки развила въ тогдашнемъ польскомъ обществѣ безнравственную привычку безпрестанно просить себѣ разныхъ милостей и даже Ягелло, неотличавшійся проницательностью, замѣтилъ такое направленіе и положилъ себѣ за правило давать только половину того, что просили; разумѣется, послѣ этого, стали запрашивать вдвое. Отсюда же можетъ быть объясненъ другой обычай, вкоренившійся въ Польшѣ, обычай дѣлать подарки: особенно любили паны приносить что нибудь въ даръ Ягеллу, потому что онъ всегда отдаривалъ втрое и вчетверо; также щедро вознаграждалъ онъ и за оказываемое ему гостепріимство. Расточительность Ягелла доходила даже до такой степени и сдѣлалась такъ общеизвѣстна, что папа

Мартинъ V счелъ своею обязанностью напомнить ему о бережливости въ расходованіи государственнаго достоянія. [190] Не смотря, однакожъ, на это неумѣлое распоряженіе щедростью, въ вѣчную заслугу ему можно поставить, что онъ всегда благодѣтельствовалъ вдовамъ, сиротамъ и всѣмъ истинно нуждающимися, которые приходили къ нему за помощью, о чемъ согласно свидѣтельствуютъ всѣ источники. Соображая все сказанное объ этой чертѣ характера Ягелла, невольно приходимъ къ заключенію, что онъ старался задарить всѣхъ и тѣмъ привязать къ себѣ сердца своихъ подданныхъ, такъ какъ въ собственной личности самъ не находилъ качествъ, которыя внушаютъ любовь и уваженіе. Въ этомъ случаѣ онъ составлялъ совершенную противуположность съ Витовтомъ, который «любилъ обязывать болѣе личною благосклонностью и предупредительностью, нежели дарами [191]». Тѣмъ вѣроятнѣе подобное предположеніе, что Ягелло, вѣроятно сознавая свою умственную скудость и постоянно опасаясь уронить свое достоинство, былъ очень требователенъ и взыскателенъ въ дѣлѣ выраженія внѣшнихъ знаковъ вниманія и почтительности; орденъ имѣлъ много непріятностей оттого, что нѣкоторыя выраженія въ письмахъ его къ Ягеллу, показались послѣднему грубыми и оскорбительными; [192] потому же любилъ онъ лесть, такъ какъ собственное, на половину затаенное, скрытое сознаніе недостатковъ пріятно поражалось рѣчами, не только не упоминавшими о недостаткахъ, но превозносившими небывалыя достоинства. Эта черта характера Ягелла объясняетъ многія его качества: вытекавшая изъ нея подозрительность ставила его подъ особенно сильное вліяніе людей, чѣмъ нибудь снискавшихъ его довѣріе, сдѣлавшихся его приближенными; разъ увѣровавъ въ нихъ, часто сомнѣвающійся и колеблющійся, онъ поступалъ такъ, какъ они желали, а не какъ требовали обстоятельства;

отсюда ясно видно, какъ часто бывалъ Ягелло игрушкою своихъ приближенныхъ и какъ легко было послѣднимъ опутать его своими интригами. Смерть Кейстута, по ясному смыслу источниковъ, есть дѣло довѣренныхъ лицъ Ягелла, но это нисколько не уменьшаетъ его виновности, потому что одинъ онъ могъ дать послѣднее, окончательное приказаніе. А сколько терпѣли отъ его несамостоятельности и подозрительности его жены; даже необыкновенно строгая жизнь Ядвиги, которую вела она послѣ брака, не спасла ея отъ обвиненія въ невѣрности; доказанная несправедливость этого обвиненія не помѣшала Ягеллу наложить такое же пятно на честь своей второй и, позднѣе, четвертой супруги. Эта легкость, съ которою онъ относился къ ихъ доброму имени можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, что онъ не любилъ ихъ, да и едва ли онъ былъ способенъ любить? Въ отношеніяхъ къ женщинамъ Ягелло отличался только излишнею чувственностью: переживъ четырехъ женъ, онъ награждалъ своею благосклонностью и многихъ любовницъ; вторую жену свою, Анну, онъ не любилъ только потому, что она была не довольно хороша собой, хотѣлъ развестись съ нею и долго сердился на тѣхъ, которые посовѣтовали ему на ней жениться.

Вліяніе замѣченнаго нами невысокаго представленія о своихъ способностяхъ проглядываетъ и въ политическихъ распоряженіяхъ Ягелла; онъ обыкновенно держался выжидательнаго, не рѣзкаго образа дѣйствій, а любимой его поговоркой, съ которой онъ обращался на войнѣ къ солдатамъ, было: «напередъ не порывайся, назади не оставайся», т. е. не бросайся на врага съ порывистою, все забывающею храбростью, но выжидай случая поразить его такъ, чтобы самому остаться цѣлымъ. Другое его любимое присловье: «слово вылетаетъ воробьемъ, а возвращается воломъ», не соотвѣтствовало его привычкѣ къ болтливости, вслѣдствіе которой онъ не могъ

ничего утаить и часто выбалтывалъ важныя государственныя тайны. [193]

Такова нравственная личность человѣка, котораго поляки призывали на тронъ, хотя въ немъ не было ничего, чѣмъ долженъ отличаться король; не должно, однакожъ думать, что поляки ошиблись, не разсмотрѣли хорошо, съ кѣмъ имѣютъ дѣло; напротивъ, они знали, что призываемый ими князь, человѣкъ простаго, даже слабаго ума, [194] человѣкъ безхарактерный, но это то и было имъ нужно, потому что при такомъ королѣ они смѣло могли расчитывать на еще большее расширеніе своихъ, и безъ того широкихъ, правъ и вольностей. Не смотря на состоявшееся призваніе, современники весьма неуважительно относились къ Ягеллу и находили его недостойнымъ занимаемаго имъ положенія; извѣстный Янъ Кропидло, епископъ куявскій и князь опольскій, пируя однажды во Вроцлавѣ съ императоромъ Сигизмундомъ, такъ отвѣчалъ ему, когда императоръ, разгорячённый виномъ, слишкомъ уже много хвалился своими заслугами церкви и государству: «что ты говоришь о своихъ заслугахъ, когда также, какъ Ягелло, ничего не имѣешь въ себѣ королевскаго, кромѣ титула; оба вы недостойны своихъ коронъ и мѣсто ваше между слугами, потому что оба вы невольники своихъ страстей, онъ къ охотѣ, а ты къ тѣлеснымъ утѣхамъ, государства же христіанскія пропадаютъ подъ вашимъ управленіемъ. Если бы я имѣлъ власть отъ Бога, то никогда бы не творилъ Сигизмундовъ или Ягелловъ, а всегда однихъ только Витовтовъ». [195]

Къ довершенію характеристики Ягелла мы должны прибавить, что извѣстія, приводимыя всѣми лѣтописями о простотѣ его одежды, о нелюбви къ украшеніямъ изъ золота и дорогихъ каменьевъ, не совсѣмъ вѣрны; съ одной стороны, мы знаемъ, что онъ подарилъ Спытку свои сандаліи, богато

украшенныя каменьями, съ другой regestr'ы scarbow'ые изданные Швейдецкимъ, доказываютъ разнообразіе и богатство его гардероба: его кафтаны шились изъ бархата, англійскаго и брюсельскаго сукна, штука котораго въ то время стоила 22 гривны, что, по вычисленію Чацкаго, составляетъ 1056 польскихъ злотыхъ, (принимая цѣнность монеты конца XVIII столѣтія), на подкладку употреблялась тафта, а другія части костюма дѣлались изъ атласа и разныхъ шелковыхъ матерій; встрѣчаются даже, совершенно въ противность утвержденію Длугоша, кафтаны, шитые золотомъ. Его окружающіе были литовцы и еще болѣе русскіе; сдѣлавшись королемъ польскимъ, онъ не забылъ своего прежняго государства, ежегодно проводилъ онъ въ немъ по нѣскольку мѣсяцевъ и сохранилъ вкусъ ко всему русскому, внушенный ему матерью: около него мы видимъ русскихъ писарей, т. е. секретарей, работавшіе на него ремесленники — русскіе и даже въ искусствѣ онъ остается вѣренъ тому, къ чему привыкъ, живя между русскими: такъ, по свидѣтельству Длугоша, онъ украшалъ построенныя имъ въ Польшѣ церкви греческою скульптурой, т. е. такой, которая предпочиталась русскими; его придворные музыканты, лютнисты и флейтисты были также русскіе. [196]

Такому жениху доставалась невѣста, поражавшая своею молодостью, красотою и образованіемъ, которое было доступно въ то время; ей шелъ 15-й годъ; въ цѣломъ мірѣ, говоритъ Длугошъ, не было подобной красавицы, а, по мнѣнію Ваповскаго, ее можно было сравнить только съ знаменитой Еленой греческой; [197] но не одни поляки восхищались своей королевой, и за границей прославляли ея наружность; въ Италіи гдѣ даже не знали ея имени и называли ее по имени отца, говорили, что во всѣхъ странахъ свѣта была громкая молва о блистательной красотѣ королевы *Людвики*. Эта молва была причиною, что краковскій дворъ былъ постоянно переполненъ

иностранцами, которые нарочно пріѣзжали, чтобъ посмотрѣть на королеву красавицу. [198] Воспитана она была въ Вѣнѣ, гдѣ получила чисто свѣтское, т. е. болѣе или менѣе, внѣшнее воспитаніе. Вліянія, которыя окружали ее въ столицѣ Австріи, могутъ быть названы вполнѣ неблагопріятными; примѣръ австрійскаго князя, Альбрехта, при дворѣ котораго жила Ядвига, едва ли могъ научить ее чему нибудь. Альбрехтъ не занимался дѣлами правленія, онъ проводилъ свое время или наблюдая теченіе небесныхъ свѣтилъ, или строя себѣ роскошные дворцы, окружая ихъ прекрасными садами, устраивая звѣринцы и водопроводы или, наконецъ, запираясь въ картезіанскій монастырь, гдѣ сокрушался о грѣхахъ своихъ, при чемъ никто не смѣлъ называть его иначе, какъ «братъ Альбрехтъ». Религіозный фанатизмъ, раздуваемый картезіянами, заставлялъ его, по выходѣ изъ монастыря, съ благочестивою яростью набрасываться на евреевъ и тѣхъ, которые были извѣстны своею нетвердостью въ вѣрѣ и еретическими мнѣніями. Несчастные погибали на кострахъ или вѣчнымъ заключеніемъ платились за свободу религіозныхъ убѣжденій. Такимъ образомъ, князю Альбрехту рѣшительно не было времени заняться маленькою Ядвигой, да и по существовавшимъ въ въ то время понятіямъ, женскому воспитанію не придавали большаго значенія: для лицъ высокопоставленныхъ оно скорѣе было дрессировкой, пріучавшей ихъ держаться въ ихъ будущемъ высокомъ положеніи, сообразно требованіямъ придворнаго этикета. Съ другой стороны, самое общество вѣнское не могло подѣйствовать на нее благотворнымъ и развивающимъ образомъ; это общество, поставившее своею задачей возможно веселѣе проводить время, отличалось далеко не нравственнымъ характеромъ, оно оказало бы положительно вредное вліяніе, если бъ его безнравственность, его страсть къ удовольствіямъ не искупались

нѣсколько тою религiозностью, тѣмъ благочестiемъ, которыя, не смотря на видимое противурѣчiе, составляютъ одну изъ чертъ, характеризующихъ средніе вѣка. Подобно тому, какъ князь Альбрехтъ вдругъ оставлялъ свои любимыя занятія и запирался въ монастырь, такъ и свѣтскіе люди смѣняли свои шумныя и безнравственныя удовольствія благочестивыми подвигами молитвы и покаянія. [199] Знакомые подробно съ жизнью Ядвиги, мы можемъ смѣло утверждать, что окружавшая ее съ дѣтства безнравственность не коснулась ея чистой природы, напротивъ временная религіозность веселаго населенія Вѣны привилась къ ней такъ сильно, что уже на 15 году ее называютъ особенно благочестивой и преданной вѣрѣ. [200].

Въ веселой Вѣнѣ и еще раньше въ столицѣ отца слыхала Ядвига о дикихъ, суровыхъ язычникахъ литовцахъ, которыхъ въ Европѣ XIV вѣка, обыкновенно, называли сарацинами; извѣстія объ ихъ жестокихъ набѣгахъ на Польшу, о причиняемомъ ими разореніи, не могло возбудить въ ея молодомъ сердцѣ добрыхъ къ нимъ чувствованій, и побѣдная пѣснь вѣнскаго поэта Сухенвирта, который самъ участвовалъ въ крестоносномъ походѣ на Литву, воспѣвавшая подобное же звѣрство рыцарей, была выслушиваема Ядвигой съ сочувствіемъ и удовольствіемъ. [201] Понятно, что мысль о бракѣ съ княземъ этихъ безбожныхъ сарациновъ никогда не приходила ей въ голову, тѣмъ болѣе, что уже въ 1378 г. совершился предварительный брачный обрядъ, соединявшій ее съ австрійскимъ княземъ Вильгельмомъ. По обычаю среднихъ вѣковъ, отецъ Вильгельма, герцогъ Леопольдъ, почти тотчасъ по рожденіи сына, сталъ пріискивать ему невѣсту, которая своимъ приданымъ и родственными связями содѣйствовала бы къ возвышенію и усиленію австрійскаго дома. Прежде всего онъ обратилъ свои исканія къ одной изъ дочерей Людовика и именно той, которой назна-

чалась венгерская корона; бракъ Вильгельма съ этою дочерью Людовика соединилъ бы австрійскія владѣнія съ сосѣднею Венгріей и такимъ образомъ послужилъ бы къ основанію могущественнаго и обширнаго государства. Обоюдность выгодъ увѣнчала успѣхомъ старанія Леопольда, потому что Людовикъ также находилъ полезнымъ выдать Ядвигу за австрійскаго герцога и чрезъ то соединить его владѣнія съ своею Венгріей. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ, въ 1378 году, когда Вильгельмъ и Ядвига достигли 7-ми лѣтняго возраста, въ австрійскомъ городѣ Гаймбургѣ послѣдовала брачная церемонія. Торжественный религіозный обрядъ заключился роскошнымъ пиромъ и баломъ, по окончаніи котораго семилѣтніе супруги были отведены въ брачную комнату и положены, одинъ подлѣ другаго, на брачномъ ложѣ. Съ обѣихъ сторонъ было назначено приданое въ суммѣ 200000 червонныхъ злотыхъ и сдѣлано распоряженіе, что, въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ, оставшійся въ живыхъ получитъ всю суму, въ 400000 злотыхъ. Этотъ брачный обрядъ былъ только внѣшней церемоніей, такъ какъ бракъ между семилѣтними супругами не могъ возъимѣть дѣйствительнаго значенія и потому условились возобновить его чрезъ 5 лѣтъ, когда обвѣнчанная пара достигнетъ 12 лѣтъ, т. е. возраста, который, въ средніе вѣка, особенно въ семействахъ государей, считался достаточнымъ для заключенія супружескаго союза. Какъ бы не довѣряя данному обѣщанію, выраженному документально, обѣ стороны рѣшили воспитывать Ядвигу въ Вѣнѣ, гдѣ она могла присмотрѣться къ нѣмецкимъ обычаямъ, также родственникамъ и вельможамъ своего мужа, а Вильгельма въ Будахъ, гдѣ онъ могъ ознакомиться съ венгерскимъ строемъ и порядками Прошло пять лѣтъ, Людовикъ умеръ; его вдова, королева Елисавета не исполнила даннаго обѣщанія и бракъ заключенъ не былъ вслѣдствіе

ея нерасположенія къ австрійскому зятю и нѣкоторыхъ обстоятельствъ, о которыхъ мы считаемъ лишнимъ распространяться; [202] тѣмъ не менѣе обязательства оставались въ полной силѣ и религіозная Ядвига тѣмъ болѣе должна была считать себя супругою Вильгельма, что союзъ ея съ нимъ былъ освященъ церковью.

Сообразивъ все разсказанное, мы понимаемъ, что литовскіе сваты должны были произвести на Ядвигу непріятное впечатлѣніе, но нисколько не потревожили ея: союзъ съ Вельгельмомъ казался столь крѣпкимъ, что заключеніе новаго, конечно, было невозможно. Ни богатые дары, ни громадное значеніе сдѣланныхъ отъ имени Ягелла обѣщаній, ни краснорѣчіе пословъ, [203]—ничто не могло измѣнить взгляда молодой королевы на ея положеніе и на обязательства, связывавшія ее съ Вильгельмомъ. Указавъ на нихъ, она въ тоже время предложила посольству обратиться къ ея матери, которая, также связанная обѣщаніями, данными австрійскому дому, по ея мнѣнію, не могла согласиться на просьбу Ягелла, потому что ея согласіе было бы вѣроломствомъ. По естественному чувству уваженія къ матери своей королевы, польскіе паны не противились передачѣ дѣла на рѣшеніе вдовы Людовика, съ которою, какъ мы видѣли, они уже сговорились относительно жениха ея дочери. Къ литовскому посольству, для ускоренія переговоровъ, были приданы польскіе паны: Влодко изъ Огродзенца, Николай Богорія и Кристинъ изъ Острова. Князь Борисъ, которому Скиргелло, по обстоятельствамъ отозванный въ Литву, передалъ свое полномочіе, обратился къ королевѣ Елисаветѣ съ торжественною рѣчью, въ которой говорилъ о желаніи многихъ государей войти въ родственную связь съ Ягелломъ и обратить его въ католичество; неудавшееся ихъ усильнымъ стараніямъ всемогущій Богъ предоставляетъ теперь королевѣ, согласіе которой ум-

ножитъ славу Божію, принесетъ честь обоимъ народамъ и усилитъ польское государство. Повторивъ извѣстныя уже намъ обѣщанія, между которыми было также обязательство выплатить Вильгельму 200000 червонныхъ злотыхъ, посолъ выразилъ надежду, что королева не будетъ препятствовать союзу, влекущему за собою столь благотворныя послѣдствія. Королевѣ Елисаветѣ, которая отлично понимала всѣ выгоды литовскаго брака, оставалось или защищать интересы Вильгельма и въ такомъ случаѣ, при извѣстномъ ей могуществѣ польскихъ магнатовъ и духовенства, поставить свою дочь въ опасность потерять корону, или, отказавшись отъ австрійскаго зятя, сдѣлаться нарушительницею заключенныхъ договоровъ. По зрѣломъ и продолжительномъ обсужденіи, она рѣшилась на послѣднее и отвѣчала литовскопольскому посольству, что она согласна на все, что можетъ послужить ко благу религіи и королевства польскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ выразила желаніе, чтобъ королева Ядвига и польскіе паны поступали согласно съ требованіемъ этихъ важныхъ интересовъ.[204] Возвращеніе пословъ съ такимъ благопріятнымъ отвѣтомъ послужило причиною созванія сейма въ Краковѣ для окончательнаго обсужденія предполагаемаго союза съ Литвою. На этомъ сеймѣ присутствовали почти исключительно малополяне, шляхта великой Польши выслала очень немногихъ представителей, отчасти потому, что страна ея все еще не успокоилась отъ внутреннихъ раздоровъ, а отчасти и потому, что, благопріятствуя Земовиту, она не могла сочувственно отнестись къ Ягеллу. Зная, какъ давно уже велась въ пользу его интрига, мы имѣли бы полное право предполагать, что обсужденіе совершится быстро и кандидатура его не встрѣтитъ сопротивленія, но на дѣлѣ вышло иначе: сеймъ продолжался неожиданно долго и высказаны были самыя противуположныя мнѣнія. Очевидно не всѣ были въ пользу

Ягелла; противникамъ его казалось тяжело избрать на польскій престолъ чужеземца и варвара, когда еще есть представители старой польской династіи и когда, кромѣ нихъ, католическій принцъ домогается польской короны. Приближенные Ядвиги поддерживали это мнѣніе, потому что знали ея отвращеніе къ литовскому князю; но большая и благоразумнѣйшая, по словамъ Длугоша, часть членовъ сейма энергически стала на его сторону, къ чему побуждали ее необыкновенно благія послѣдствія, вытекавшія изъ его обѣщаній и особенно распространеніе христіанства между послѣдними язычниками Европы. Она опровергла все, что было сказано въ пользу другихъ кандидатовъ: Вильгельмъ австрійскій и Земовитъ мазовецкій, по ея мнѣнію, не могли принести особенной пользы королевству, потому что владѣнія ихъ малы, средства ихъ очень ограничены и не могутъ увеличить могущества Польши; Владиславъ опольскій, за котораго также было нѣсколько голосовъ, нарушилъ цѣлость государства и болѣе заботился объ интересахъ чешскаго короля, чѣмъ о своемъ отечествѣ, литовскій же князь, заканчивали его сторонники, обѣщается употребить всѣ свои силы и неисчерпаемыя богатства на пользу рѣчи посполитой. Повторенное ими убѣжденіе, что Польша пріобрѣтетъ вѣчную, неувядаемую славу распространеніемъ христіанства между язычниками, побѣдило всѣхъ противниковъ Ягелла и избраніе его состоялось единогласно. О согласіи Ядвиги говорится такъ мало въ польскихъ лѣтописяхъ, что легко придти къ заключенію, что о немъ почти не заботились. [205]

Рѣшеніе сейма должно было передать Ягеллу тройное посольство: его послы, бывшіе въ Краковѣ и Венгріи, польскіе паны, сопровождавшіе ихъ къ королевѣ Елисаветѣ и наконецъ венгерскіе, назначенные послѣднею къ литовскому князю, чтобъ они могли лично удостовѣриться въ искренно-

сти его обѣщаній. Въ Кревѣ, гдѣ они были приняты Ягелломъ, они получили отъ него письменное подтвержденіе всего сдѣланнаго его послами, въ которомъ заключалось и повтореніе его обѣщаній. [206] Скиргелло, Корибутъ, Витовтъ и Лингвеній приложеніемъ своихъ печатей выразили согласіе съ волею брата. Такъ постепенно уничтожались на пути Ягелла всѣ препятствія къ браку его съ прекраснѣйшею женщиною своего времени, которая еще приносила ему такое богатое приданое, но именно въ то время, когда все уже казалось конченнымъ и Ягеллу оставалось только пріѣхать въ Краковъ, туда явился опасный для него соперникъ, на время, совершенно испортившій его дѣло.

Слухъ о предполагаемомъ бракѣ не могъ не достигнуть Вильгельма и, конечно, возбудилъ его гнѣвъ и опасенія. Онъ гнѣвался на пановъ, насильно выдававшихъ Ядвигу, находилъ ихъ вѣроломными нарушителями заключенныхъ договоровъ и считалъ необходимымъ лично претестовать противъ такого насилія. Онъ явится въ Краковъ, какъ мужъ королевы и настоитъ на повтореніи брачной церемоніи, послѣ чего сдѣлается дѣйствительнымъ обладателемъ Ядвиги и ея короны. [207] Но это предпріятіе, казавшееся столь легкимъ въ Вѣнѣ, оказалось почти неисполнимымъ въ Краковѣ: паны, которыхъ Вильгельмъ расчитывалъ поразить, смутить своимъ прибытіемъ, дѣйствительно были поражены, но совершенно иначе, чѣмъ онъ расчитывалъ. Они испугались за своего кандидата и не смотря на званіе прибывшаго, на его прежнія отношенія къ ихъ королевѣ, они рѣшились даже силою воспрепятствовать осуществленію его намѣреній; стоявшій во главѣ ихъ, Добѣславъ изъ Курожвенкъ, каштелянъ краковскій, заперъ предъ австрійскимъ герцогомъ ворота краковскаго замка и отвѣчалъ суровымъ отказомъ на всѣ его просьбы. Но насильственный образъ дѣйствей, возможный

съ иностраннымъ принцемъ, былъ бы слишкомъ дерзокъ по отношенію къ королевѣ и потому Добѣславъ долженъ былъ спокойно смотрѣть, какъ сама Ядвига отправлялась на свиданіе съ герцогомъ, остановившимся въ одномъ частномъ домѣ, внѣ стѣнъ замка. Она рѣшилась на этотъ, повидимому, неосторожный поступокъ, сколько изъ отвращенія къ навязываемому ей Ягеллу, столько по сознанію крѣпости и законности своего союза съ Вильгельмомъ, который долженъ былъ быть ея мужемъ по волѣ покойнаго отца и по совершившемуся уже благословенію церкви. Эти свиданія устраивались однимъ изъ придворныхъ пановъ, Гнѣвошемъ изъ Далевицъ, который особенно благопріятствовалъ Вильгельму, расчитывая, что воля Ядвиги побѣдитъ упорство магнатовъ и Вильгельмъ, сдѣлавшись королемъ, достойно вознаградитъ его преданность. Монастырь францисканoвъ, расположенный на предмѣстьѣ, охотно предложилъ свое помѣщеніе для свиданій номинальныхъ супруговъ, которые приходили въ сопровожденіи многочисленныхъ свитъ. Рыцари Вильгельма смѣшивались съ многочисленными дѣвицами, сопровождавшими Ядвигу и, такъ какъ всѣ они были молоды, то монастырскій рефекторіумъ оглашался звуками музыки и начинались танцы. Средневѣковые монастырскіе нравы легко сносили подобные соблазны, монастыри имѣли болѣе соприкосновенія съ мірскими людьми и, часто принимая ихъ въ своихъ стѣнахъ, поневолѣ дѣлали имъ уступки, допускали у себя свѣтскія забавы и развлеченія. Молодой, красивый Вильгельмъ, отличавшійся блестящимъ, по времени, воспитаніемъ, не могъ не сдѣлать пріятнаго впечатлѣнія на Ядвигу и такимъ образомъ ихъ прежняя связь, основанная на чувствѣ долга, на уваженіи къ памяти Людовика, еще болѣе крѣпла подъ вліяніемъ любви, которая, очевидно, дѣлала быстрые успѣхи. Съ обѣихъ сторонъ постепенно усиливалось желаніе новымъ брач-

нымъ обрядомъ подтвердить гаймбургскую церемонію и такимъ образомъ заключить настоящее дѣйствительное супружество; сохранилось не мало свидѣтельствъ, доказывающихъ, что желаніе это было исполнено и, хотя мы не можемъ указать, гдѣ произошла вторичная брачная церемонія, но почти увѣрены, что она состоялась и Ядвига сдѣлалась дѣйствительною супругою Вильгельма [208]. Краковскіе паны, раздраженные его успѣхами, употребили противъ него насиліе, они съ позоромъ выгнали его изъ замка и отдали приказаніе стражѣ при воротахъ не только не впускать австрійскаго герцога, но и не выпускать королевы; такимъ образомъ королева сдѣлалась плѣнницею въ своемъ собственномъ замкѣ. Не покоряясь насилію, Ядвига собственными руками хотѣла проложить себѣ дорогу къ мужу, она вырвала изъ рукъ стража сѣкиру и стала рубить ворота, которыхъ не хотѣли отворить передъ нею, но руки ея были слабы и не могли справиться съ тяжелою сѣкирой, а краковскій подскарбій, Димитрій изъ Горайя такъ убѣдительно доказывалъ ей все неблагоразуміе ея поступка, что бѣдной дѣвушкѣ не оставалось ничего болѣе, какъ покориться печальной необходимости и возвратиться въ свои комнаты. Въ самомъ дѣлѣ, что могла сдѣлать Ядвига, окруженная суровыми и непреклонными панами, которые рѣшились, во что бы то ни стало, выдать ее за Ягелла; въ другомъ государствѣ, гдѣ королевская власть не была такъ ограничена, энергическая, хотя и молодая королева съумѣла бы преодолѣть препятствія, которыя воздвигали ей подданные на пути къ самой дорогой цѣли ея жизни, но въ Польшѣ, магнаты которой были такъ могущественны, дочь, оставленная даже матерью, должна была покориться, хотя она была королевой. Придя къ такому рѣшенію и чувствуя истинную любовь къ Вильгельму, она сама посовѣтовала ему уѣхать, такъ какъ дальнѣйшее пребываніе въ

Краковѣ могло быть для него опаснымъ. Австрійскій герцогъ хорошо понималъ свое положеніе; опасаясь преслѣдованія, онъ нѣсколько уже разъ мѣнялъ свое помѣщеніе и переодѣвался въ платье купца, наконецъ отчаявшись въ успѣхѣ, онъ принялъ совѣтъ Ядвиги и печальный и оскорбленный, съ ненавистью къ Польшѣ, возвратился въ свою Вѣну 4-го марта 1386 г. [209].

Не успѣла еще миновать эта гроза, устраненная дѣятельностью вѣрныхъ союзниковъ Ягелла, какъ онъ долженъ былъ напрягать свои силы противъ новой бѣды, воздвигаемой на него сторонниками Вильгельма. Нѣмецкій орденъ съ особеннымъ удовольствіемъ узналъ о распоряженіяхъ Людовика, по которымъ польская корона должна была достаться его дочери Маріи и ея мужу Сигизмунду; утвержденіе на польскомъ престолѣ нѣмецкаго принца обѣщало ордену однѣ только выгоды и позволяло расчитывать на спокойствіе со стороны Польши. Послѣдовавшее послѣ смерти Людовика измѣненіе его воли въ пользу Ядвиги и Вильгельма встрѣчено было орденомъ еще съ большею радостью, потому что онъ находился въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ австрійскимъ домомъ и извѣстный намъ герцогъ Альбрехтъ сражался, подъ его знаменами, съ невѣрными сарацинами. Но орденъ сталъ безпокоиться, когда до него дошло извѣстіе, что польскіе паны не хотятъ Вильгельма и вынуждаютъ у королевы Елисаветы позволеніе самимъ распорядиться судьбою ея дочери. Опасеніе перешло въ сильнѣйшее безпокойство, когда орденъ, вслѣдъ за тѣмъ, узналъ, что Ягелло—тотъ счастливецъ, которому съ короною польскою достанется рука Ядвиги. Соединеніе Литвы съ Польшею было величайшимъ ударомъ для рыцарей: они не боялись Литвы, тѣмъ менѣе Литвы, раздираемой междуусобіемъ, но они будутъ трепетать ея, когда къ ея силамъ присоединятся силы поляковъ, уже имѣющихъ до-

статочно поводовъ самымъ враждебнымъ образомъ относиться къ ордену. Еще зимою $13^{84}/_{85}$ года, пытался магистръ напасть па Литву и, занявъ такимъ образомъ вниманіе Ягелла, помѣшать осуществленію его видовъ на Польшу, но слабая и вялая зима этого года помѣшала ему исполнить это намѣреніе, тѣмъ не менѣе, побуждаемый близкою опасностью, онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы достаточно къ ней приготовиться. Заключивъ извѣстный договоръ съ Земовитомъ мазовецкимъ, по которому князь уступалъ ордену значительную область, съ правомъ строить въ ней замки для успѣшнѣйшей борьбы съ язычниками, Конрадъ Цольнеръ заключилъ подобное же условіе съ князьями щецинскими Вардиславомъ и Богуславомъ и, давъ имъ 3000 марокъ, подъ залогъ тухимскаго округа, обязалъ ихъ постоянно помогать ордену въ войнахъ съ Литвою и Польшею[210]; въ тоже время магистръ пытался вступить въ переговоры съ самимъ Ягелломъ, но безуспѣшно[211]. Между тѣмъ событія въ Краковѣ шли совершенно противно желаніямъ и симпатіямъ ордена; одна за другою получались въ Маріенбургѣ печальныя вѣсти: поляки съ радостью приняли сватовъ Ягелла, королева мать выразила согласіе на бракъ его съ Ядвигою и наконецъ—самое горькое извѣстіе: Вильгельмъ, пріѣхавшій за женою и короной, со срамомъ изгнанъ, ничего не достигнувъ. Терпѣніе ордена истощилось, при дворахъ всѣхъ христіанскихъ государей раздались жалобы магистра на кровную обиду, нанесенную австрійскому герцогу[212] и въ тоже время, по всей Пруссіи, началось дѣятельное вооруженіе. Всячески возстановляя Европу противъ «дикаго язычника», орденъ привлекалъ къ себѣ много богатой и храброй молодежи, которая хотѣла заслужить свои шпоры въ борьбѣ съ невѣрными. Такимъ образомъ, значительное войско было готово къ августу (1385); для большаго одушевленія устроили, подъ стѣнами

Кенигсберга, почетный столъ и, отпраздновавъ эту суетную церемонію, двинулись въ глубь Литвы. Переправа черезъ Вилію, храбро защищаемая Скиргелломъ, была куплена дорогою цѣною: погибли многіе почетные гости и орденскіе рыцари, прежде чѣмъ литовцы были принуждены къ отступленію. Вслѣдъ за тѣмъ рыцари раздѣлились на шесть отрядовъ, которые направились въ разныя стороны, все предавая разоренію, и углубились такъ далеко, что достигли мѣстностей, гдѣ еще никогда не ступала нога крестоносца. Три недѣли длилось опустошеніе; литовскіе князья, не рѣшаясь на открытую битву, не противились и только заняли сильными отрядами всѣ переправы чрезъ Нѣманъ и Вилію. Съ большими потерями завладѣли рыцари одною изъ нихъ, близъ Румшишекъ, и ушли въ Пруссію съ богатою добычей [213]. Не успѣлъ еще магистръ отдохнуть послѣ похода, какъ пріѣхалъ къ нему гонецъ отъ Андрея Ольгердовича, князя полоцкаго и вручилъ ему два документа отъ своего князя; въ одномъ «король полоцкій», Андрей, сынъ Ольгерда отдавалъ свое королевство ливонскому ордену и принималъ его обратно на ленномъ правѣ, въ другомъ, извѣщая объ этомъ великаго магистра, Андрей просилъ его покровительства и защиты отъ враговъ для себя и своихъ дѣтей [214]. Вражда родныхъ братьевъ заставила Андрея рѣшиться на мѣру, грозившую Литвѣ новыми бѣдствіями; къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны подробности, побудившія его броситься въ объятія ордена, но весьма вѣроятно, что слухъ объ избраніи Ягелла королемъ польскимъ, слѣдовательно о бо́льшемъ его усиленіи, испугалъ Андрея, потерявшаго надежду удержаться въ Полоцкѣ, откуда разъ уже изгнанный, онъ успѣлъ возвратиться, пользуясь временнымъ несчастіемъ Ягелла въ борьбѣ его съ Кейстутомъ. Мы не находимъ никакихъ доказательствъ въ источникахъ, что у Андрея снова отобрали его княжество,

хотя Скиргелло и продолжалъ подписываться княземъ троцкимъ и полоцкимъ; именно это обстоятельство, при увѣренности, что скоро послѣдуетъ соединеніе Литвы съ Польшею, и заставило Андрея искать опоры, которая обезпечила бы ему обладаніе Полоцкомъ. Примѣръ Ягелла и потомъ Витовта, соединявшихся съ орденомъ противъ своихъ родственниковъ, указалъ Андрею, гдѣ онъ можетъ найти эту опору. Магистръ съ радостью принялъ его просьбу и искренно обѣщалъ ему свое покровительство; въ отношеніяхъ ордена къ Литвѣ готовились такія важныя, даже грозныя событія, что ему было въ высшей степени выгодно имѣть союзника въ непріятельской странѣ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что орденъ, отъискивая подобнаго союзника, дѣлалъ какія то предложенія Витовту, не смотря на недавнюю его измѣну, и даже заключилъ съ нимъ какое то условіе, которымъ обязался помогать ему въ его усиліяхъ возвратить себѣ отцовское достояніе, т. е. Троки[215]. Какъ ни недостаточны извѣстія объ этомъ соглашеніи, но нельзя отказать имъ въ вѣрѣ, такъ какъ Витовтъ, помирившійся съ Ягелломъ, подъ условіемъ возвращенія ему всей его вотчины, получилъ только русскія владѣнія своего отца. Несомнѣнно только то, что Витовтъ не нашелъ для себя удобнымъ воспользоваться помощью ордена въ 1385 году и, конечно, неуспѣшность попытки соглашенія съ нимъ дѣлала еще болѣе пріятнымъ предлагаемый союзъ съ княземъ Андреемъ, который, какъ увидимъ, былъ очень полезенъ ордену.

Задержанный этими событіями, Ягелло, не ранѣе конца 1385 года, могъ выѣхать въ Польшу, откуда его извѣщали, что всѣ препятствія уже устранены. Въ Волковыйскѣ, въ первыхъ числахъ января 1386 года, встрѣтило его польское посольство съ новымъ извѣщеніемъ объ избраніи его женихомъ польской королевы и, чрезъ бракъ съ нею, коро-

лемъ польскимъ. Изъ Сендомира, куда скоро прибылъ Ягелло, выслалъ онъ пословъ къ великому магистру съ просьбою присутствовать при его крещеніи и быть его крестнымъ отцомъ. Конечно, никто болѣе не имѣлъ права на это званіе, какъ глава общества, образовавшагося съ цѣлью просвѣщенія Литвы и не мало уже пролившаго крови для достиженія этой цѣли. Цѣль достигалась теперь безъ всякой борьбы и, конечно, ордену оставалось только радоваться, а магистру — съ благодарностью принять предлагаемую ему почетную роль; но въ концѣ XIV вѣка орденъ былъ уже не тѣмъ, чѣмъ былъ онъ при своемъ основаніи, его интересы пошли въ разрѣзъ съ интересами христіанства, это было уже не духовное братство, а свѣтское государство, которое стремилось только къ матерьяльному усиленію. Ему было выгодно оставлять Литву въ язычествѣ, потому что язычество, устраняя идущую за христіанствомъ цивилизацію, условливало ея слабость и давало ордену надежду въ скоромъ времени поработить ее, подчинить ее, какъ Пруссію, своей власти и народности. Понятно теперь, что просьба Ягелла, короля польскаго и великаго князя литовскаго, соединившаго подъ своею властью, на страхъ ордену, два государства, показалась ордену насмѣшкой или была ему крайне непріятна, если даже онъ признавалъ ее вполнѣ искреннею. Магистръ не принялъ предложенія, какъ объяснялъ послѣ, потому, что присутствіемъ своимъ при крещеніи Ягелла и потомъ при бракѣ его съ Ядвигой и наконецъ при его коронаціи, онъ оскорбилъ бы австрійскаго принца, которому, по убѣжденію ордена, принадлежали и рука Ядвиги, и польская корона. Кромѣ того измѣнническій и вѣроломный характеръ Ягелла, по словамъ магистра, заставлялъ его опасаться, не нарочно ли его приглашаютъ въ Краковъ, чтобы тѣмъ удобнѣе, напасть, въ его отсутствіе, на Пруссію и разорить ее. Такъ

понимая предложеніе Ягелла, магистръ даже хотѣлъ отвѣтить на него опустошеніемъ Литвы, тѣмъ болѣе, что въ Маріенбургѣ уже жили нѣкоторое время пріѣхавшіе изъ разныхъ странъ рыцари, съ цѣлью участвовать въ походѣ на язычниковъ, и между ними Вильгельмъ, герцогъ Гельдерна, курфюрстъ пфальцскій Рупрехтъ, и др., но, къ счастію Ягелла, слабая зима опять сдѣлала походъ невозможнымъ [216].

Между тѣмъ Ягелло, продолжая путь, приблизился къ монастырю на лысой горѣ, который пользовался всеобщимъ уваженіемъ въ Польшѣ, по причинѣ хранившейся въ немъ части животворящаго древа. Монастырь этотъ такъ недавно еще опустошенный литовцами, принималъ теперь князя этихъ хищниковъ, который вступалъ въ него съ намѣреніемъ почтить и одарить его, какъ будущій католическій государь католической Польши. Легенда польская разсказываетъ, что, когда Ягеллу показали главное сокровище монастыря, и онъ, протянувъ къ нему руку, спросилъ по русски: «что это?» рука его немедленно высохла; рука язычника, какимъ считали поляки Ягелла, должна была понести наказаніе за желаніе оскорбить святыню своимъ прикосновеніемъ и только горячая молитва и принесеніе въ даръ золотаго ковчежца возвратили ему здоровье [217].

До монастыря Ягелло ѣхалъ въ сопровожденіи своихъ родственниковъ и бояръ; изъ польскихъ пановъ только Спытко мельштынскій и Димитрій изъ Горайя встрѣтили его въ Сендомирѣ; другіе магнаты, какъ свѣтскіе, такъ, особенно, духовные оставались въ Краковѣ, продолжая убѣждать Ядвигу не противиться литовскому браку. Принужденная отказаться отъ Вильгельма, Ядвига не дала еще согласія на бракъ съ Ягелломъ и оставалась глухою ко всѣмъ увѣщаніямъ и просьбамъ. Корысть не могла дѣйствовать на ея невинное и благородное сердце и потому разсказы о необыкновенныхъ

драгоцѣнностяхъ, которыя везетъ ей женихъ, не производили ни малѣйшаго впечатлѣнія; слава и благоденствіе Польши, вытекавшія изъ этого брака также не могли смягчить ее и даже великая заслуга обращенія языческаго народа долго не могла вырвать ея согласіе. Будучи женою Вильгельма, высоконравственная и религіозная Ядвига съ величайшимъ отвращеніемъ думала о заключеніи новаго брака; такой поступокъ возмущалъ ее, какъ преступленіе противъ религіи и естественнаго чувства стыдливости. Очевидно, въ эту сторону направило свои убѣжденія духовенство, оправдывая преступленіе изъ уваженія вытекающихъ изъ него благихъ послѣдствій для христіанства; магнаты свѣтскіе, поддерживая духовныхъ, рисовали предъ Ядвигою печальное положеніе народа, со всѣхъ сторонъ угрожаемаго сильными врагами, постоянно страдающаго отъ разорительныхъ литовскихъ набѣговъ и которому ея согласіе обезпечитъ полное спокойствіе и довольство. Ядвига попрежнему упорно отказывалась; не упоминая уже о главной причинѣ своего отвращенія къ предлагаемому браку, она говорила, что не хочетъ выйти за человѣка, умертвившаго своего роднаго дядю и благодѣтеля; ей отвѣчали, что слухи о виновности Ягелла въ смерти Кейстута несправедливы, что мать ея, королева Елисавета, никогда бы не согласилась выдать ее за убійцу, но, очевидно, эти увѣренія мало подѣйствовали на Ядвигу, потому что, впослѣдствіи, она обратилась къ Витовту, какъ человѣку, лучше всѣхъ знавшему обстоятельства смерти отца; конечно, Витовтъ не могъ сказать ей правды [218]. Не смотря, однакожъ, на выказанную твердость, исходъ борьбы былъ несомнѣненъ; мы опять повторяемъ, что могла сдѣлать неопытная, слабая женщина, окруженная людьми, нисколько нерасположенными оставить ей свободу дѣйствія, непреклонными, готовыми на все; со всѣхъ сторонъ видѣла она суровыя,

укоряющія лица и даже въ собственной матери не находила никакого сочувствія. Очень можетъ быть, что она и не дала своего согласія, но утомившись продолжительною борьбою и невольно принявъ роль страдательную, она своимъ молчаніемъ позволила предать себя въ руки жениха, «не ужасавшагося грѣха любодѣянія» [219]. Не видя для себя исхода и принужденная примириться съ мыслью о новомъ мужѣ, она захотѣла собрать о немъ болѣе точныя свѣдѣнія; какъ кажется, ей представили его грубымъ, дикимъ и свирѣпымъ язычникомъ, болѣе звѣремъ, чѣмъ человѣкомъ и потому понятно, что она обратилась къ одному изъ своихъ приближенныхъ, Завишѣ Олесницкому и послала его на встрѣчу Ягелла съ тѣмъ, чтобъ осмотрѣть его наружность и собрать о немъ подробныя свѣдѣнія; зная продажность польскихъ пановъ, она поставила непремѣннымъ условіемъ, чтобы Завиша не принималъ никакихъ подарковъ отъ ея будущаго мужа. Извѣщенный о цѣли посольства Завиши, Ягелло принялъ его весьма благосклонно и, желая доставить всѣ средства для возможно лучшаго исполненія даннаго ему порученія, пригласилъ его съ собою въ баню. Наружность и сложеніе его очень понравились посланному и, по возвращеніи въ Краковъ, онъ совершенно успокоилъ на этотъ счетъ Ядвигу, увѣривъ ее, что, кромѣ привлекательной внѣшности, Ягелло отличается прекрасными, чисто княжескими манерами и обхожденіемъ.

Спокойно, не употребляя никакихъ усилій для устройства своего дѣла, двигался Ягелло далѣе къ Кракову, сопровождаемый многочисленною свитою, которая все увеличивалась вновь прибывающими панами: для него не существовало никакихъ заботъ и опасеній, все было разглажено и расчищено на его пути; но не таково было состояніе духа магнатовъ: ихъ началъ безпокоить вопросъ о томъ, дѣстви-

тельно ли выполнитъ свои обѣщанія Ягелло послѣ того, какъ женится на Ядвигѣ и сдѣлается королемъ польскимъ, захочетъ ли онъ соединить съ Польшею свое литовскорусское государство, употребитъ ли на пользу рѣчи посполитой свои богатые скарбы, окреститъ ли свой народъ? Все это были вопросы самого тревожнаго и безпокойнаго свойства, положеніе Ягелла было несравненно выгоднѣе, чѣмъ положеніе пановъ: онъ долженъ былъ получить все прежде, чѣмъ дать чтобы то ни было и, при невысокой нравственности того времени, извинительно было, со стороны поляковъ, сомнѣваться и искать какихъ нибудь гарантій въ вѣрномъ исполненіи данныхъ обѣщаній. Но каковы же могли быть эти гарантіи? Паны остановились, наконецъ, на средствѣ, которое, за неимѣніемъ лучшаго, могло, хотя нѣсколько, ихъ успокоить: они потребовали, чтобы сопровождавшіе Ягелла князья, его родственники, не только поручились бы за него, но и отдались бы имъ, какъ заложники, лишающіеся свободы располагать своими дѣйствіями и обязанные оставаться въ Польшѣ до тѣхъ поръ, пока Ягелло не исполнитъ обѣщаннаго. Такое обязательство приняли на себя Скиргелло, Витовтъ, Михаилъ, князь заславскій, Θеодоръ Любартовичъ луцкій, Иванъ Юрьевичъ, белзскій и даже два князя мазовецкихъ, Іоаннъ и Земовитъ, изъ которыхъ послѣдній убѣдился наконецъ въ безплодности своихъ домогательствъ и сдѣлался сторонникомъ Ягелла [220]. Удовольствовавшись заложниками, поляки ввели избраннаго ими короля въ Краковъ, 12 февраля 1386 года; 15-го послѣдовало его крещеніе, 18-го бракъ, а 4-го марта—коронація. [221] Въ описаніи этихъ послѣднихъ событій особенно интереснымъ представляется намъ вопросъ о вѣроисповѣданіи Ягелла до крещенія въ Краковѣ; нашъ взглядъ на это естественно вытекаетъ изъ того, что сказано нами о важномъ значеніи въ Литвѣ

русской народности, для насъ совершенно ясно, что любимый сынъ княгини Юліанны, извѣстной своею ревностью къ православію, долженъ былъ исповѣдывать христіанство по грекороссійскому обряду, но такъ какъ мы встрѣтили въ исторической литературѣ упорное отрицаніе подобнаго рѣшенія вопроса и особенныя усилія доказать противное, то считаемъ своею обязанностью войти въ болѣе подробное его разсмотрѣніе, для чего небезполезнымъ будетъ представить судьбы христіанства на Литвѣ, и грекороссійскаго, и римскаго, съ древнѣйшаго времени.

ГЛАВА IV.

Уже съ конца X вѣка стали появляться въ Литвѣ первые проповѣдники католицизма, но разсматривая ихъ дѣятельность, мы не можемъ не замѣтить во первыхъ, малочисленности попытокъ распространить это ученіе, и во вторыхъ трагической судьбы, постигшей большую часть миссіонеровъ. Первымъ изъ нихъ былъ св. Войцѣхъ, епископъ пражскій, который много вытерпѣлъ отъ своихъ соотечественниковъ и удалился въ сѣверныя страны съ цѣлью обратить ихъ въ христіанство. Снявъ съ себя епископскія одежды, онъ надѣлъ простую, монашескую рясу и прибылъ въ прусскую землю, откуда, осмѣянный и оскорбленный, отправился въ Литву, и тамъ, въ 997 г., близъ Ромнова, погибъ пораженный стрѣлами вайделотовъ. Вскорѣ послѣ него св. Бруно, изъ значительной нѣмецкой фамиліи, воспитанный при дворѣ императора Оттона III, вступивъ въ орденъ св. Бенедикта, съ 18 товарищами тогоже ордена, пришелъ обращать пруссовъ и литовцевъ и въ такихъ мѣстахъ проповѣдывалъ евангеліе, гдѣ никогда еще не слыхали объ истинномъ Богѣ. Его святая ревность также заслужила ему вѣнецъ мученика: язычники отсѣкли ему сначала руки, потомъ ноги, а наконецъ и голову. Таже участь постигла его товарищей въ 1009 году. Около того же времени св. Олай, король Норвегіи и нѣкоторые духовные изъ Германіи проповѣдывали христіанство между устьями Нѣмана и западной Двины, но ихъ

усилія не увѣнчались никакими успѣхами; это тѣмъ страннѣе, что св. Олай былъ, кажется, единственный католическій миссіонеръ, снискавшій уваженіе литовцевъ, которые, не смотря на свое язычество, долго, съ религіозными церемоніями, вспоминали его смерть, послѣдовавшую въ одной изъ междуусобныхъ войнъ, въ его отечествѣ [222]. Неуспѣхъ первыхъ проповѣдниковъ объясняетъ совершенное отсутствіе ихъ послѣдователей; нѣтъ никакого сомнѣнія, что до XIII вѣка, значитъ въ теченіе болѣе, чѣмъ 2-хъ столѣтій, не явился ни одинъ проповѣдникъ съ запада. Вооруженная проповѣдь крестоносцевъ удавалось только тогда, когда сила ихъ оружія подчиняла имъ какое нибудь племя; пруссы, по причинѣ своей разрозненности, скоро покоренные рыцарями, должны были принять христіанство и ихъ многочисленныя возстанія, соединявшіяся обыкновенно съ возвращеніемъ къ вѣрѣ отцовъ, были наказываемы немилосерднымъ опустошеніемъ, послѣ котораго слѣдовало новое насильственное обращеніе. Весьма естественно, что подобный способъ проповѣди не могъ быть успѣшенъ; литовцы, наученные примѣромъ пруссовъ, общими силами отражали нападенія ордена и весьма не многіе, отдѣльные случаи перехода ихъ въ католичество доказываютъ недѣйствительность мѣръ, употребляемыхъ крестоносцами. Въ половинѣ XIII вѣка, обстоятельства заставили Миндовга искать спасенія въ сближеніи съ Римомъ. Римъ возрадовался, а орденъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ поживиться на счетъ новобращеннаго, большая часть владѣній котораго была постепенно передана въ собственность рыцарей монаховъ. Для дальнѣйшихъ успѣховъ сочли необходимымъ основаніе епископскихъ каѳедръ; неточность въ выраженіяхъ источниковъ была причиною, что вдругъ явились два литовскихъ епископа Христіанъ и Витъ. Подробности, сообщаемыя рукописями изъ извѣстнаго собра-

нія Нарбута, даютъ возможность устранить это видимое противурѣчіе; несомненно, что епископомъ литовскимъ былъ Христіанъ, прославившійся своими подвигами въ Пруссіи [223], а Витъ, вышедшій изъ членовъ краковской капитулы, получилъ другое назначеніе. Вступивъ въ орденъ доминикановъ, онъ пытался проповѣдывать католицизмъ на Руси и былъ въ Кіевѣ, изгнанный оттуда онъ нашелъ убѣжище въ въ Руси литовской, въ Любчѣ, лежащемъ надъ Нѣманомъ. Этотъ Любчъ принадлежалъ кіевскому боярину, Андрею Васильевичу, который ушелъ изъ Кіева, спасаясь отъ татаръ, и вступилъ въ службу Миндовга. Рукопись разсказываетъ, что онъ принялъ католицизмъ, построилъ въ Любчѣ костелъ и при немъ основалъ миссію доминикановъ, въ которой поселился и Витъ. Изъ дальнѣйшей его жизни извѣстно, что онъ присутствовалъ на коронаціи Миндовга, который, принявъ католицизмъ, по всей вѣроятности, содѣйствовалъ апостольской его ревности и наконецъ счелъ его достойнымъ епископскаго сана. Архіепископъ гнѣзненскій Фулько посвятилъ его въ епископа любчанскаго и, хотя Длугошъ называетъ его литовскимъ, но это очевидно ошибка, потому что, какъ мы видѣли, такимъ епископомъ былъ Христіанъ. Епархію Вита составляла не собственная Литва, а Русь литовская и столица его была въ Любчѣ; отсюда понятно, что легко было ошибиться, называя его епископомъ литовскимъ, а не руссколитовскимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, тѣмъ болѣе, что и оффиціальный его титулъ былъ «Episcopus Litoniensis» или «in partibus Lithuaniae». Другое его названіе епископа любусскаго есть просто невѣрный переводъ съ латинскаго «lubcensis». Опредѣлить съ точностью степень успѣховъ его дѣятельности невозможно, потому что отъ нея осталось слишкомъ мало слѣдовъ, одно только извѣстно, что Витъ, вскорѣ по назначеніи его епископомъ, отправилъ

къ папѣ Иннокентію IV отчетъ о состояніи католицизма въ Литвѣ, котораго мы знаемъ только заглавіе: «De Christianorum in Lithovia conditione deplorabili ad sanctissimum et beatissimum patrem, dominum Innocentium papam quartum, fr. Viti, ordine Praedicatorum, Episcopi litoniensis epistola»[224]. Заглавіе доказываетъ, что успѣхи были малы, а когда Витъ пріѣхалъ въ свою епархію, по смерти Миндовга, въ 1264 году, то онъ нашелъ, что всѣ труды его пропали даромъ: литовцы и русскіе оказались въ такой степени враждебными римскому католицизму, что оскорбили своего епископа, порывались убить его и раненнаго выгнали изъ предѣловъ Литвы. Окончательно разстроивъ здоровье, епископъ долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшихъ подвиговъ и прожилъ конецъ своей жизни въ Краковѣ; онъ умеръ въ 1269 году[225]. Представленное изъ жизни Вита событіе можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, что отреченіе Миндовга и еще болѣе послѣдовавшая за его смертью дѣятельность его сына Войшелга, не только православнаго, но даже монаха, сопровождались гоненіемъ на римскихъ католиковъ и самый отъѣздъ епископа могъ воспослѣдовать только вслѣдствіе убѣжденія, что дѣло католицизма въ Литвѣ и на Руси окончательно проиграно. Не ранѣе княженія Витенеса блеснула нѣкоторая надежда утвердить тамъ ненавистное народу вѣроисповѣданіе: этотъ князь былъ союзникомъ рижскаго архіепископа въ борьбѣ его съ крестоносцами и, если только вѣрить подлинности извѣстныхъ писемъ Гедимина[226], просилъ архіепископа прислать къ нему двухъ францисканскихъ монаховъ, при чемъ извѣщалъ, что для нихъ уже построенъ католическій костелъ, но крестоносцы топили или вѣшали высылаемыхъ монаховъ, а костелъ, неизвѣстно гдѣ построенный, сожгли въ одномъ изъ своихъ набѣговъ. Намѣреніе Витенеса, не осуществившееся вслѣдствіе замѣчательно без-

нравственной политики ордена, приписываютъ и Гедимину, который введеніемъ христіанства и цивилизаціи думалъ сблизить свою Литву съ западною Европой и тѣмъ сдѣлать излишнимъ существованіе ненавистнаго ордена. Въ письмахъ своихъ отъ 1323 года къ папѣ Іоанну XXII, къ орденамъ доминиканскому и францисканскому и къ ганзейскимъ городамъ, онъ ясно высказываетъ желаніе креститься съ цѣлымъ своимъ народомъ, объясняя, что остается до сихъ поръ язычникомъ только потому, что орденъ мѣшаетъ ему принять христіанство; приглашаетъ къ себѣ учителей вѣры и вообще христіанъ, въ особенности ремесленниковъ, и объявляетъ, что въ Вильнѣ и Новгородкѣ уже есть два францисканскихъ костела, а третій для доминикановъ будетъ выстроенъ въ скоромъ времени. Крестоносцы и въ этомъ случаѣ воспрепятствовали осуществленію намѣреній литовскаго князя, такъ какъ знали, что съ обращеніемъ Литвы ихъ призваніе совершится и сдѣлается излишнимъ самое существованіе ордена. Они старались представить Гедимина обманщикомъ передъ папою и цѣлою Европой, нападали на Литву, прежде чѣмъ въ Авиньонѣ обсудили его посланіе и дали ему отвѣтъ, разоряли его владѣнія, перехватывали посылаемыхъ къ нему монаховъ и наконецъ убили его посла, который ѣхалъ въ Ригу для свиданія съ ожидавшими его тамъ папскими легатами.[227] Все это можетъ объяснить намъ, почему Гедиминъ такъ рѣзко отказался отъ выраженнаго имъ желанія и прервалъ всѣ сношенія съ Римомъ; но если будемъ признавать подлинность его писемъ, то должны также признать и существованіе при немъ въ Литвѣ францисканскихъ миссій, которыхъ дѣятельность, впрочемъ, не имѣла никакого успѣха, такъ какъ источники ничего не говорятъ о распространеніи, въ то время, католицизма между литовцами Мы должны во всякомъ случаѣ согласиться, что литовскіе князья

были весьма склонны къ принятію католицизма и въ этомъ ихъ желаніи нельзя не видѣть сознанія въ необходимости сближенія съ западомъ, чтобы такимъ образомъ избавиться отъ вѣчной кровавой борьбы съ орденомъ. Слѣдовавшій за Гедиминомъ Ольгердъ былъ также не прочь креститься и завелъ по этому поводу сношенія съ императоромъ Карломъ IV, но побужденія къ крещенію и у него были чисто политическія: онъ приглашалъ императора быть посредникомъ въ спорѣ его съ орденомъ и обѣщалъ принять христіанство, если рыцари возвратятъ Литвѣ оторванныя отъ нея земли, но такъ какъ рыцари этого не сдѣлали, то напрасно пріѣзжалъ императоръ въ назначенный для крещенія городъ Вроцлавъ, Ольгердъ высказалъ рѣшимость остаться въ язычествѣ, потому что, какъ говорилъ онъ, орденъ желаетъ не обращенія его, а подчиненія себѣ его владѣній и могущественнѣйшій государь католической Европы не можетъ принудить его сообразовать свои дѣйствія съ требованіями справедливости [228]. Тѣмъ не менѣе Ольгердъ не воздвигалъ гоненій на проповѣдниковъ христіанства и въ тѣхъ случаяхъ, когда они дѣлались жертвами народной ненависти къ католицизму, онъ являлся государемъ, не терпящимъ произвола своихъ подданныхъ и наказывалъ ихъ за совершенное ими насиліе, какъ за нарушеніе своей воли, дававшей въ Литвѣ убѣжище всѣмъ исповѣданіямъ; такъ поступилъ онъ послѣ извѣстнаго избіенія францисканов въ Вильнѣ. Подробности этого событія, какъ разсказывается оно въ лѣтописяхъ, всего лучше доказываютъ неуспѣшность миссій, о которыхъ упоминаютъ письма Гедимина; литовскорусскій лѣтописецъ даже не знаетъ объ ихъ существованіи и, приступая къ разсказу о первомъ появленіи францисканов въ Литвѣ при Ольгердѣ, считаетъ себя въ правѣ сказать: «а римское вѣры въ Литвѣ пакъ уже не было» [229]. Бояринъ Ольгерда Гаштольдъ,

призвавшій францисканов въ Вильну, принялъ католичество совершенно случайно и при томъ не въ Литвѣ: будучи старостою въ Каменцѣ подольскомъ, онъ познакомился съ паномъ Бучацкимъ, управлявшимъ польскою частью Подоліи, часто къ нему ѣздилъ и, плѣнясь красотою его дочери, просилъ ея руки. Красивая польская панна и ея отецъ были согласны подъ тѣмъ только условіемъ, чтобы Гаштольдъ оставилъ язычество и позволилъ окрестить себя. Гаштольдъ принялъ католицизмъ, женился и скоро переѣхалъ въ Вильну, гдѣ, по волѣ Ольгерда, занялъ важное и вліятельное мѣсто княжескаго намѣстника. Туда призвалъ онъ изъ Польши 14 францисканов, построилъ для нихъ монастырь и такимъ образомъ повторяетъ лѣтописецъ, «наипервѣе принялъ вѣру римскую и до Литвы принесъ». Народъ относился крайне неблагопріятно и враждебно къ прибывшимъ монахамъ; та самая ненависть къ католицизму, которая такъ жестоко прекратила апостольскую дѣятельность епископа Вита, побудила народъ еще жесточе поступить съ францисканами. Когда Ольгердъ и Гаштольдъ отправились въ походъ на московское государство и когда остававшійся правителемъ, сынъ великаго князя, Владиміръ тоже куда то выѣхалъ, въ городѣ появилась зараза, отъ которой люди умирали съ необыкновенною быстротою. Это несчастіе было объяснено тѣмъ, что францискане, стремясь погубить весь народъ, разбрасывали повсюду ядовитое вещество. Городскія власти повѣрили такому объясненію и, признавъ виновность бѣдныхъ монаховъ, осудили ихъ на изгнаніе, но монахи не хотѣли подчиниться такому рѣшенію и просили, чтобы власти обождали возвращенія кн. Владиміра. Это неблагоразумное упорство произвело сильное волненіе въ городѣ; народъ, собираясь толпами, настойчиво домогался изгнанія монаховъ, власти, не желая дѣйствовать насиліемъ, противились и

довели толпу до крайняго раздраженія, которое, наконецъ, испугало монаховъ и заставило однихъ искать спасенія въ бѣгствѣ, другихъ же укрѣпиться въ монастырѣ. Народъ выбилъ двери и вытащилъ несчастныхъ на рынокъ, гдѣ семеро изъ нихъ были изрублены, остальные, схваченные подъ Антоколемъ, подверглись не менѣе мучительной смерти: трехъ распяли на крестахъ, а четырехъ бросили въ рѣку, причемъ народъ приговаривалъ: «вы пришли съ захода солнца, на заходъ и пойдете». Все это случилось 6 марта 1365 года. Ольгердъ, возвратившись изъ похода, былъ сильно раздраженъ самоуправствомъ народа, онъ разсматривалъ избіеніе францисканов. какъ мятежъ, и наказалъ его достойнымъ образомъ: одинъ изъ главныхъ жрецовъ, шесть членовъ городскаго управленія, болѣе двадцати чиновниковъ и служителей начальника замка, тридцать мѣщанъ, какъ литовцевъ, такъ и русскихъ, всѣ, какъ виновные въ мятежѣ и убійствѣ, были наказаны смертью, чрезъ отрубленіе головы или черезъ повѣшеніе, гарнизонъ замка былъ смѣненъ и назначенъ новый начальникъ, многіе осуждены на изгнаніе изъ города. [230] Гаштольдъ призвалъ новыхъ францисканов и построилъ имъ новый монастырь, такъ какъ первый былъ, очевидно, разрушенъ народомъ; вновь прибывшіе поселились въ Вильнѣ и въ Лидѣ, но въ послѣднемъ городѣ повторились убійства, совершенныя въ Вильнѣ и въ 1369 году пришедшіе монахи были избиты. [231] Очевидно, наказаніе, понесенное зачинщиками виленскаго мятежа, не произвело особенно сильнаго впечатлѣнія, литовцы продолжали враждебно относиться къ тѣмъ немногимъ проповѣдникамъ запада, которые осмѣливались приходить къ нимъ во второй половинѣ XIV вѣка, [232] и если не подвергали ихъ открытому гоненію, то старались всячески повредить имъ, напр. схватывали во время проповѣди и обвиняли предъ княземъ какъ бунтовщиковъ,

возбуждающихъ народъ къ неповиновенію. Конечно, только покровительство, оказываемое христіанамъ Ольгердомъ и его крѣпкая власть спасали несчастныхъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія. Примѣръ, подтверждающій наши слова мы уже видѣли въ Андреѣ, будущемъ епископѣ виленскомъ: Ольгердъ полюбилъ его, оказывалъ ему довѣріе и никто не смѣлъ его тронуть, но что усилія его распространить католицизмъ были тщетны, и это доказывается его скорымъ отъѣздомъ изъ литовскаго государства.

Такимъ образомъ въ исторіи католицизма въ Литвѣ мы видимъ или безплодныя попытки распространить его или жестокую расправу народа съ незванными просвѣтителями, не смотря на то, что правительство, руководимое политическими соображеніями, желавшее сближенія съ западнохристіанскою Европой, принимало ихъ подъ свое покровительство и строго наказывало народное самоуправство. Обращаясь теперь къ исторіи греческаго православія, мы видимъ совершенно иное: литовцы иначе относятся къ русскимъ проповѣдникамъ, чѣмъ къ католикамъ, хотя религія тѣхъ и другихъ отличается не особенно важными различіями; такое противурѣчіе объясняется тѣмъ огромнымъ вліяніемъ, которое имѣли въ Литвѣ русскіе; по справедливому замѣчанію польскаго историка многочисленные браки, заключаемые ими съ литовскими женщинами, произвели совершенное смѣшеніе обоихъ народовъ, при чемъ русскіе обычаи, русское право и, конечно, русское православіе взяли верхъ надъ языческою цивилизаціей; [233] съ другой стороны жестокость представителей католицизма—крестоносцевъ и отчасти направленіе католическаго духовенства, «болѣе занимающагося политикой, нежели заботящагося объ интересахъ религіи», [234] достаточно объясняютъ намъ ненависть, которую питали литовцы къ западному христіанству. Между тѣмъ они оказывались весьма

внимательными къ проповѣди и сочувственно принимали евангельскія истины, проникавшія къ нимъ путемъ мира и такихъ то проповѣдниковъ, убѣждающихъ, а не насилующихъ высылала къ нимъ Русь, что и объясняетъ необыкновенно быстрые успѣхи православія, современи перваго его появле- въ Литвѣ. Первыхъ прозелитовъ оно нашло въ членахъ княжескаго рода, которые изъ политическихъ соображеній и собственныхъ интересовъ охотно принимали русскую вѣру, потому что съ нею они получали возможность жениться на дочеряхъ сосѣднихъ русскихъ князей и брали въ приданое русскія княжества. Изъ такихъ побужденій позволили окрестить себя два племянника Миндовга, Арвитъ или Довмонтъ и Товтивилъ, а третій, Тройнатъ, если и остался въ язычествѣ, то сынъ его не только принялъ православіе, но даже произнесъ монашескіе обѣты и, подъ именемъ Елисея, былъ настоятелемъ основанной имъ близъ Новогродка лавры св. Иліи. Братья Тройдена также извѣстны, какъ принявшіе крещеніе, а братъ Гедимина, Воинъ, кн. полоцкій послѣдовалъ ихъ примѣру; но эти и еще многіе другіе случаи отреченія литовскихъ князей отъ язычества (болѣе или менѣе извѣстные) еще ничего не доказываютъ, они были слишкомъ малочисленны сравнительно съ массою остававшихся въ язычествѣ и не могли вліять на измѣненіе религіозныхъ понятій цѣлаго народа, тѣмъ болѣе, что многіе изъ такихъ князей, дѣлаясь правителями русскихъ княжествъ, оставляли Литву и становились совершенно для нея чуждыми. Большими послѣдствіями сопровождалось обращеніе Войшелга или Войсилька, сына Миндовга; принявъ православіе, онъ постригся сначала въ монастырѣ полонинскомъ, а потомъ жилъ въ упомянутой лаврѣ св. Иліи и когда, послѣ трагической смерти отца, онъ взялся, на время, за управленіе, тогда онъ пожелалъ распространить въ своемъ государствѣ ту вѣру,

которую самъ исповѣдывалъ. Съ этою цѣлью, въ 1265 году, онъ сносился съ княземъ новгородскимъ Святославомъ Ярославичемъ, который обѣщалъ прислать къ нему духовныхъ изъ Пскова, хорошо знакомыхъ съ языкомъ и обычаями литовцевъ и, слѣдовательно, владѣвшихъ всѣми качествами, необходимыми для успѣшной проповѣди слова божія языческимъ подданнымъ Войшелга[235]. Но и безъ этихъ духовныхъ, о которыхъ не знаемъ навѣрно, дѣйствительно ли они были присланы, было много такихъ, которые, при усилившихся сношеніяхъ съ Русью, переходили изъ нея въ Литву и просвѣщали ее свѣтомъ христіанства. Самое преслѣдованіе, которому подвергъ Войшелгъ убійцъ своего отца, увеличило число литовскихъ христіанъ, такъ какъ 300 Литовцевъ съ женами и дѣтьми, спасаясь отъ гоненія, бѣжали въ Псковъ и тамъ крестились; туда же бѣжалъ Довмонтъ, также принявшій крещеніе съ именемъ Тимоѳея и, въ качествѣ псковскаго князя, оставившій о себѣ славную память въ лѣтописяхъ[236]. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ этихъ бѣглецовъ, воротившись на родину по смерти Войшелга, сохранили свою новую вѣру до смерти и могли склонить многихъ своихъ соотечественниковъ послѣдовать ихъ примѣру; впослѣдствіи, мы встрѣчаемъ еще болѣе случаевъ, когда бѣгство въ сосѣднюю Русь литовскаго князя съ многочисленною дружиною вело за собою крещеніе его и его спутниковъ; таковъ напр. Явнутъ[237]. Браки литовскихъ князей съ русскими княжнами, естественно приводившіе первыхъ къ православію, но вмѣстѣ съ тѣмъ отрывавшіе ихъ отъ Литвы, съ начала XIV вѣка заключаются такимъ образомъ, что не князья уѣзжаютъ въ Русь, а русскія княжны переселяются въ Литву; полагаютъ, что двѣ послѣднія жены Гедимина, Ольга и Ева были русскія; примѣру отца послѣдовалъ и Ольгердъ, котораго первая жена была Марія, княжна витебская, а вторая

Юліанна тверская. Такіе браки непремѣннымъ послѣдствіемъ своимъ имѣли увеличеніе числа христіанъ въ Литвѣ: невѣсты великихъ князей литовскихъ ѣхали въ свое новое отечество въ сопровожденіи многихъ лицъ духовнаго званія, которыя должны были отправлять богослуженіе въ ихъ церквахъ, сначала домовыхъ, а потомъ открыто воздвигаемыхъ на площадяхъ Вильны и другихъ городовъ. Лѣтописецъ, изданный Даниловичемъ, упоминаетъ подъ 1347 году церковь св. Николая и, конечно, не будетъ произвольнымъ и неосновательнымъ предположеніе, что она существовала и раньше [238]; изъ рукописи священника Лодзяты извѣстно, что еще ранѣе, около 1331 года, была построена церковь св. Параскевы — Пятницы, на мѣстѣ древняго языческаго храма бога Рагутиса. Усердное чествованіе этого литовскаго Бахуса, въ соединеніи съ горячимъ обожаніемъ его спутницы, богини Рагутине — Пати, могло не понравиться извѣстному своею воздержностью Ольгерду и оскорбляло стыдливость первой его супруги, такъ что храмъ былъ уничтоженъ и на мѣстѣ его воздвигнута православная церковь. [239] По словамъ Лодзяты. это была первая христіанская святыня въ Вильнѣ, но изъ извѣстныхъ писемъ Гедимина видно, что подобное утвержденіе ошибочно. Благочестивая ревность той же супруги Ольгерда создала и третью православную церковь въ столицѣ литовскаго государства, во имя Успенія пречистой Дѣвы Маріи. [240] Принимая во вниманіе вліяніе женъ великихъ князей, уваженіе къ православію, которое должны были выказывать князья, такъ какъ большая часть ихъ подданныхъ его исповѣдывала и наконецъ присутствіе при дворѣ значительнаго числа православныхъ духовныхъ, конечно, имѣемъ полное право предполагать, что эти духовные не оставались равнодушными зрителями язычества и многихъ язычниковъ обращали въ христіанство; тѣмъ не менѣе господ-

ствующею, государственною религіей оставалось язычество и если новообращенные открыто отрекались отъ него и исповѣдывали превосходство христіанства, то они могли подвергнуться гоненіемъ. Такъ слѣдуетъ объяснять сохранившееся извѣстіе о трехъ мученикахъ православія въ Литвѣ, въ первые годы княженія Ольгерда. Не смотря на то, что этимъ фактомъ, обыкновенно, пользуются для доказательства преслѣдованія православія въ Литвѣ, намъ кажется, что онъ доказываетъ только паденіе язычества и скрытое покровительство, которымъ пользовалось православіе отъ литовскихъ князей. Два родныхъ брата, Куклей и Михлей, приближенные Ольгерда, пользовавшіеся особеннымъ его расположеніемъ, были обращены въ православіе монахомъ Несторомъ, духовникомъ великой княгини Маріи и при крещеніи приняли имена Іоанна и Антонія. Исполняя съ ревностью новообращенныхъ всѣ предписанія новой религіи, они перестали присутствовать при языческомъ богослуженіи, при жертвоприношеніяхъ и другихъ, подобныхъ же церемоніяхъ и обрядахъ, перестали употреблять мясо въ постные дни и этою перемѣною въ образѣ жизни обратили на себя всеобщее вниманіе; то что проходило незамѣченнымъ для тысячей литовцевъ, переходившихъ въ православіе, не могло остаться въ тайнѣ, такъ какъ лица, о которыхъ идетъ рѣчь, занимали весьма высокое положеніе и были, такъ сказать, на виду у всѣхъ. Для соблюденія приличій слѣдовало наказать отступниковъ отеческой вѣры и Ольгердъ послалъ своихъ любимцевъ въ тюрьму, пригрозивъ имъ, что они выйдутъ оттуда не иначе, какъ подъ условіемъ возвращенія къ язычеству. Іоаннъ не вытерпѣлъ заключенія и, выразивъ желаніе исполнить волю великаго князя, былъ немедленно освобожденъ; Антоній же, оставшійся вѣрнымъ новой религіи, былъ переведенъ въ другую, болѣе тѣсную и мрачную темницу; несмотря, однакожъ, на ухудшеніе

своей участи, онъ былъ очень ею доволенъ, прославлялъ Бога и убѣждалъ креститься народъ, который подходилъ къ окну его темницы сначала изъ любопытства, а потомъ, привлекаемый его проповѣдью, стекался все большими массами и толпами обращался въ православіе. Іоаннъ, возвратившійся къ язычеству не долго могъ выносить сознаніе своего отступничества; будучи, съ одной стороны, свидѣтелемъ святой ревности брата, а съ другой, потерявъ уваженіе всѣхъ его знавшихъ, литовцевъ язычниковъ и православныхъ русскихъ, какъ человѣкъ измѣнившій двумъ религіямъ, онъ впалъ въ немилость у самаго Ольгерда, который говорилъ, что измѣнившій двумъ религіямъ не можетъ быть вѣренъ своему государю. Онъ воротился въ заключеніе и соединенныя усилія братьевъ, ихъ одушевленная проповѣдь, обращающая цѣлыя толпы, стали грозить всему литовскому язычеству; только тогда, когда дѣло дошло уже до такой крайности, взволновались жрецы и, испытавъ надъ заключенными всѣ средства угрозы и обольщенія, обратились къ великому князю съ просьбою выдать ихъ на смерть. Положеніе Ольгерда было весьма затруднительно, онъ, очевидно, не желалъ смерти прежнихъ своихъ любимцевъ, но, отказавъ въ просьбѣ жрецовъ, могъ возстановить противъ себя язычниковъ, которые продолжали разсматривать свою вѣру, какъ господствующую, открытое противудѣйствіе которой должно было быть наказано; онъ согласился и Антоній и Іоаннъ, вытерпѣвъ различныя муки, были повѣшены. Примѣръ ихъ не остался безъ подражанія, даже въ той высшей сферѣ, къ которой они принадлежали: ихъ родственникъ Нижило, также изъ придворныхъ Ольгерда, подобно имъ принялъ православіе съ именемъ Евстафія и, не довольствуясь этимъ, сталъ открыто его исповѣдывать; конечно, послѣ избіенія первыхъ двухъ нельзя было иначе поступить съ третьимъ и онъ подвергся

той же участи [241]. Разсказанный случай можетъ служить доказателььствомъ, что литовское язычество, значительно уже ослабѣвъ къ половинѣ XIV вѣка, относилось къ православію безъ всякой ненависти; народъ охотно слушалъ христіанскую проповѣдь и охотно принималъ крещеніе и только, когда переходъ въ православіе совершался цѣлыми толпами, жрецы выходили изъ апатіи и принимали мѣры противъ главныхъ виновниковъ; толпа же обратившихся никакому преслѣдованію не подвергалась. Высокое положеніе трехъ названныхъ личностей и слишкомъ горячая ревность ихъ къ православію была причиною ихъ мученической смерти, люди простые, исполнявшіе обряды новой религіи, не открыто передъ всѣми, а у себя на дому, были спокойны отъ всякихъ гоненій. Да иначе не могло и быть, если вспомнимъ, что большая часть подданныхъ литовскихъ князей были русскіе, исповѣдывавшіе православіе и, конечно, желавшіе его распространенія, князья остаются въ язычествѣ, но оказываютъ къ нему полнѣйшую холодность и, женясь на русскихъ княжнахъ, ставятъ себя въ довольно странное положеніе явныхъ пред ставителей и защитниковъ государственной языческой религіи и тайныхъ покровителей православія. Ихъ дѣти, выростая подъ надзоромъ матерей, рано привыкаютъ къ христіанскимъ понятіямъ и представленіямъ и научаются съ отвращеніемъ или, покрайней мѣрѣ, съ холодностью относиться къ язычеству; въ особенности дочери, какъ болѣе подвергающіяся вліянію матерей, должны были исповѣдывать православіе; доказательство тому можно видѣть въ извѣстіяхъ лѣтописей, которыя сообщаютъ о замужствѣ дочерей Ольгерда съ русскими князьями, при чемъ имена этихъ дочерей христіанскія и ничего не говорится о крещеніи ихъ передъ бракомъ, что было бы необходимо, еслибъ онѣ оставались въ язычествѣ [242]; случаи крещенія ихъ, при выходѣ за

князей католическихъ, мазовецкихъ и польскихъ, объясняются тѣмъ, что западное духовенство, признавая православныхъ не истинными христіанами, почти язычниками, требовало, при заключеніи браковъ, ихъ новаго крещенія или, какъ выражается Длугошъ, дополненія крещенія, до начала XV вѣка. [243] Что же касается мужскаго потомства, то, кажется, всѣ сыновья Гедимина, за исключеніемъ Кейстута, были православными. Для насъ важнѣе всего вопросъ о православіи Ольгерда, котораго, обыкновенно, выставляютъ язычникомъ; извѣстіе литовскорусскаго лѣтописца, который прямо говоритъ, что Ольгердъ, женившись на княгинѣ Юліаннѣ, принялъ для нея русскую вѣру, [244] отвергается на томъ шаткомъ основаніи, что лѣтописецъ былъ введенъ въ заблужденіе ложными слухами о вѣроисповѣданіи великаго князя, которые распускались русскими; но если не вѣрятъ этому точному и выразительному свидѣтельству, повѣрятъ, можетъ быть, надписи на русскомъ евангеліи XV вѣка, принадлежавшемъ виленской, пречистенской церкви, въ которой объ Ольгердѣ говорится: «великій князь Андрей Гедиминичь, во святой схимѣ Алексѣй, усопше на память св. мучениковъ Платона и Романа». [245] Если же и эту надпись разсматривать, какъ отголосокъ невѣрныхъ слуховъ, ходившихъ по Руси (такъ напр. объясняетъ вообще всѣ русскія свидѣтельства Шайноха), то эти слухи, занесенные въ лѣтописи, становятся для насъ, покрайней мѣрѣ, положительнымъ фактомъ, послѣ того, какъ мы находимъ подтвержденіе ихъ въ чисто католическомъ источникѣ. Графъ Кибургъ, главный начальникъ гошпиталей нѣмецкаго ордена, бывшій въ послахъ у великаго князя Витовта и оставившій весьма любопытныя извѣствія о Литвѣ, говоритъ, что Ольгердъ, въ 1365 году, уже исповѣдывалъ православіе, которое онъ принялъ по настоянію своей жены Юліанны. [246] Согласно съ выраженнымъ уже нами мнѣніемъ

о холодности и равнодушіи литовскихъ князей въ дѣлѣ религіи, Кибургъ прибавляетъ, что Ольгердъ принялъ бы, можетъ быть, католичество, но дѣйствія католическаго духовенства, слишкомъ соблюдающаго свои мірскія выгоды, отвратили его отъ западнаго христіанства и склонили къ принятію восточнаго, сообразно желанію великой княгини. Послѣ этого ряда извѣстій не критично будетъ утверждать что русскіе источники были введены въ заблужденіе невѣрными слухами; свидѣтельство Кибурга придется опровергать развѣ прямымъ обвиненіемъ его во лжи, на что никто неимѣетъ права, тѣмъ менѣе можно доказывать язычество Ольгерда языческимъ обрядомъ его погребенія, [247] потому что Ольгердъ, будучи православнымъ христіаниномъ въ нѣдрахъ своего семейства, въ глазахъ народа оставался язычникомъ; онъ участвовалъ въ различныхъ церемоніяхъ, которыя, имѣя свое начало въ языческой религіи, вошли въ народную жизнь и не участвовать въ которыхъ значило отстраняться отъ народа, дѣлаться для него чуждымъ, чего, конечно, не могъ желать великій князь; стремиться же къ обращенію всѣхъ литовцевъ не было особыхъ побужденій? Ольгердъ не отличался горячностью къ вѣрѣ, онъ долго колебался, какое принять исповѣданіе, западное или восточное, къ первому тянули его политическія соображенія и отвратили рыцари, не допустившіе осуществленія этихъ соображеній, ко второму привлеченъ онъ былъ своею женою и, принявъ его, не думалъ дѣлать его обязательнымъ для народа, не хотѣлъ производить переворота, который могъ бы отозваться сильнымъ потрясеніемъ государственнаго организма и самъ продолжалъ, по внѣшности, оставаться язычникомъ. Слѣдовательно, нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что тѣло его, по древнему обычаю, было сожжено на кострѣ съ различными, принадлежавшими ему вещами. Мы такъ объясняемъ извѣстіе

Длугоша, хотя не имѣемъ никакого основанія предпочитать его свидѣтельству русскихъ лѣтописей, которыя говорятъ, что онъ погребенъ въ Вильнѣ, въ имъ же построенной церкви пресвятой Богородицы[248]. Убѣжденные такимъ образомъ въ православіи родителей, мы должны признать и православіе дѣтей; не о всѣхъ ихъ сохранились извѣстія, но такое мнѣніе объ ихъ исповѣданіи такъ естественно вытекаетъ изъ исповѣданія ихъ родителей, что только непонятное предубѣжденіе нѣкоторыхъ историковъ, преимущественно польскихъ, оставляетъ вопросъ до сихъ поръ открытымъ и заставляетъ доказывать то, что, собственно, не нуждается въ доказательствахъ. Извѣстія русскихъ лѣтописей отвергаются означенными писателями, независимо оттого, что ихъ подтверждаетъ Длугошъ, сообщающій, что 12 сыновей Ольгерда были воспитаны въ греческомъ православіи[249]. Впрочемъ главное вниманіе польской исторической литературы обращено на Ягелла, исповѣданіе другихъ Ольгердовичей мало ее занимаетъ и такъ какъ мы вовсе не желаемъ раздвигать предѣлы спора, то займемся теперь только вопросомъ о религіи, которую исповѣдывалъ Ягелло до крещенія въ Краковѣ.

Его мать, тверская княжна Юліанна Александровна извѣстна своею религіозною ревностью; переживъ мужа, она постриглась и погребена въ кіевскихъ пещерахъ. Бракъ ея съ Ольгердомъ, весьма выгодный въ политическомъ отношеніи, безпокоилъ ее только потому, что будущій мужъ ея былъ язычникомъ и ей непріятна была мысль, что дѣти ея также будутъ язычниками. Вслѣдствіе этого имѣемъ полное право принимать извѣстіе, что она вышла за мужъ подъ условіемъ воспитывать дѣтей своихъ въ христіанской вѣрѣ[250]. Зная притомъ, что вліяніе ея на мужа было такъ сильно, что она и его обратила въ православіе, никакъ не можемъ допустить, чтобы любимый сынъ ея оставленъ былъ ею въ

язычествѣ. Обыкновенно объясняютъ это противурѣчіе тѣмъ, что Ольгердъ, предназначая Ягелла къ наслѣдованію себѣ на великокняжескомъ престолѣ, т. е. намѣреваясь сдѣлать его государемъ языческаго народа, приказалъ воспитывать его въ язычествѣ; но это объясненіе удовлетворяетъ только тѣхъ, которые не признаютъ православія Ольгерда, для насъ же убѣжденныхъ въ этомъ послѣднемъ фактѣ, не существуетъ самое противурѣчіе. Ягелло былъ православнымъ такимъ же, какъ и его отецъ, т. е. православнымъ дома, въ своемъ семействѣ и язычникомъ въ глазахъ своего народа, а потому и въ глазахъ Европы. Впрочемъ, еслибъ даже Европа знала, что литовскій князь принялъ греческое православіе, то и это свѣдѣніе не удержало бы ея отъ названія его язычникомъ, такъ какъ вообще она имѣла очень невѣрное понятіе о литовскорусскомъ государствѣ. Говорили же и вѣрили на западѣ, что Литва населена сарацинами [251], могло ли съ этимъ убѣжденіемъ слиться представленіе, что государь этихъ сарациновъ исповѣдуетъ христіанство, хотя бы по неправильному греческому обряду? Неправильное свѣдѣніе, вращавшееся между рыцарями, не отличавшимися образованностью, конечно, еще ничего не доказываетъ и мы напередъ соглашаемся съ тѣми, которые сдѣлаютъ намъ подобное возраженіе, но мы имѣемъ доказательства, что сама высокопросвѣщенная столица апостольская считала, не позднѣе половины XIII вѣка, язычниками тѣхъ русскихъ, которые сосѣдили съ Литвою и скоро потомъ вошли въ составъ ея владѣній, такъ рѣшительно и ясно называетъ ихъ булла отъ 6 марта 1255 года, которою папа Александръ IV даровалъ Миндовгу всѣ земли, завоеванныя имъ или могущія быть завоеванными у язычниковъ русиновъ [250], сосѣдящихъ съ его владѣніями. Такъ какъ мы положительно знаемъ, что всѣ русскіе въ означенное время были

христіанами, то и приходимъ къ убѣжденію, что Папа или не зналъ этого или ставилъ греческое православіе наравнѣ съ язычествомъ, а взглядъ папы есть взглядъ всѣхъ католиковъ. Имѣя въ виду это послѣднее соображеніе, мы не удивимся, встрѣчая, напр. въ польскихъ лѣтописяхъ, мѣста, въ которыхъ онѣ, прямо, безъ всякихъ оговорокъ, называютъ греческое православіе идолослуженіемъ. Такъ Длугошъ[253], подъ 1268, разсказывая о русинѣ Теодорикѣ, который, будучи державцею замка Быдгощи, измѣннически сдалъ его Болеславу, князю калишскому, говоритъ, что онъ «idolatria relicta, fidem rectam professus erat». Католицизмъ есть правая вѣра, а православіе идолослуженіе. Существованіе на западѣ подобнаго взгляда на нашу религію доказывается еще и тѣмъ, что римская церковь, при переходѣ православныхъ въ католицизмъ, требовала ихъ новаго крещенія, о чемъ есть свидѣтельства также у Длугоша.[254] Конечно, подобный взглядъ объясняется невѣжествомъ и когда вопросъ о перекрещиваніи русскихъ, вслѣдствіе большей образованности и большаго развитія, былъ поднятъ и предложенъ на обсужденіе людей свѣдущихъ, то они, не затрудняясь, рѣшили, что достаточно принять св. крещеніе только однажды, а при переходѣ русскихъ въ католицизмъ слѣдуетъ только основательно преподать имъ правила св. римской церкви. Но такое рѣшеніе состоялось довольно поздно, не ранѣе начала XV вѣка. Извѣстный своею ученостью богословъ Іеронимъ Пражскій, навѣстивъ Литву въ первыхъ годахъ означеннаго вѣка, былъ спрошенъ Витовтомъ и епископами, слѣдуетъ ли крестить русскихъ, при переходѣ ихъ въ католицизмъ? Вопросъ этотъ показываетъ, что великій князь и особенно епископы, ближе присмотрѣвшись къ греческому православію, нашли несправедливымъ вновь перекрещивать русскихъ, когда они принимали католицизмъ, т. е. религію, близко подходящую къ ихъ

вѣроученію. Іеронимъ, конечно, былъ противъ повторенія крещенія. Но каковы бы ни были мнѣнія Іеронима о вѣрѣ русскихъ, эти мнѣнія не могли имѣть большой силы, потому что авторъ ихъ былъ признанъ еретикомъ и сожженъ въ Констанцѣ, въ 1416 г., они не распространялись и потому еще, что Европа начала XV вѣка не могла похвалиться большимъ числомъ людей, подобно Іерониму, развитыхъ и свѣдущихъ; въ массѣ и даже среди людей образованныхъ все еще оставалось прежнее ложное понятіе о православіи. Графъ Конрадъ Кибургъ, пріѣзжавшій въ Вильну въ 1397 году, въ качествѣ посла къ великому князю Витовту, съ горестью говоритъ, что рядомъ съ литовцами, изъ которыхъ многіе уже приняли правую вѣру, живутъ русины, которыхъ вѣра есть ничто иное, «какъ мерзкая ересь, манихеизмъ»[255]. Одно изъ неизданныхъ сочиненій кардинала Петра d'Ailli, который жилъ между 1350 и 1419 или 1425 годами[256], даетъ намъ возможность опредѣлить смыслъ этого отзыва: «русскіе, говоритъ кардиналъ, первые занесли христіанство въ Литву, около первой половины XI вѣка, но впослѣдствіи эти христіане, заразившись неправымъ ученіемъ манихеизма, въ такой степени сблизили свое христіанство съ язычествомъ, что трудно было сказать, что преобладало въ образовавшейся смѣси, христіанство ли, принявшее въ себя языческія начала или язычество, поглотившее христіанское вѣроученіе? Невѣжество духовенства, отдѣленіе его отъ общенія съ церковью (т. е. католическою) и паденіе кіевскаго княжества до такой степени исказили *эту секту восточнаго христіанства*, *что нѣкоторые считали ихъ* (т. е. русскихъ, жившихъ въ Литвѣ) *скорѣе язычниками, чѣмъ христіанами*. Священники не поставлялись епископами, а передавали свое достоинство дѣтямъ, какъ бы по наслѣдству; бѣглые изъ Руси монахи, женясь на дочеряхъ ихъ, сами принимали манихеизмъ и по-

могали его распространенію. Людъ сельскій посѣщалъ церкви, если таковыя были по близости, и принималъ св. крещеніе, большая же часть держалась стараго язычества, или, смѣшавъ обѣ религіи, въ одно время поклонялась идоламъ и признавала истиннаго Бога. Князья и бояре, уже съ XIII вѣка принявшіе обычаи, языкъ и вѣру русскую, но пользуясь наставленіями подобныхъ священниковъ, сдѣлались такими же манихеями, какъ и они, вѣрящими во множество старыхъ предразсудковъ» .Разоблаченіе неправды и пріувеличеннаго порицанія, которыми страдаетъ этотъ образъ литовскаго православія, я полагаю, не лежитъ на моей обязанности, такъ какъ я пишу не исторію церкви, но въ рѣшеніи вопроса о взглядѣ, какой католики имѣли на православіе въ Литвѣ, этотъ отзывъ имѣетъ важное значеніе. Изъ него видно, что даже образованные люди XV вѣка представляли себѣ исповѣданіе литовскихъ русскихъ особою сектою восточнаго христіанства, которая, будучи сначала чистымъ православіемъ, съ теченіемъ времени приняла въ себя заблужденія манихеизма, заимствовала очень много изъ литовскаго язычества и составила вѣроученіе, которое, по словамъ кардинала, многими признавалось скорѣе за языческое, чѣмъ за христіанское. При такомъ взглядѣ понятны и приведенная булла папы Александра IV, и названіе православія идолослуженіемъ, которое встрѣчаемъ у Длугоша, и перекрещиваніе русскихъ. Шайноха, который съ особенною силою старается доказать язычество Ягелла до крещенія въ Краковѣ, вѣроятно не зналъ этихъ свидѣтельствъ, потому что въ ряду его доказательствъ важное мѣсто занимаетъ утвержденіе, что русскихъ никогда не называли на западѣ язычниками, а всегда схизматиками или христіанами неправдивыми, неистинными[257]. Это утвержденіе опирается на письмѣ, которымъ рыцари нѣмецкаго ордена извѣщали кардиналовъ о литовскихъ со-

бытіяхъ, но прежде чѣмъ будемъ говорить о его значеніи въ разсматриваемомъ вопросѣ, считаемъ не безполезнымъ вспомнить, какъ вообще относились рыцари къ христіанству въ Литвѣ.

Несомнѣнно, что скорое обращеніе литовцевъ было не въ интересахъ ордена и изъ краткаго, представленнаго нами очерка распространенія тамъ христіанства мы видѣли, что они употребляли не мало усилій къ воспрепятствованію его развитія; если же они такъ относились къ католицизму, то еще менѣе церемонились съ православіемъ: имѣя всѣ средства хорошо ознакомиться съ этою религіей и замѣтить ея близкое сходство съ римскимъ католичествомъ, они не сообщали пріобрѣтенныхъ свѣдѣній западной Европѣ, сначала даже умалчивали о русскихъ христіанахъ и благочестивые западные рыцари, приходившіе сражаться съ язычниками подъ знаменами ордена, вдругъ случайно открывали, что они проливаютъ христіанскую кровь; такъ, въ 1363 г. собралось въ Пруссію много гостей изъ Германіи, Англіи и Шотландіи, которые, подъ предводительствомъ орденскаго маршала направились къ Гродну, городу, какъ извѣстно, русскому, но лишь только они приблизились, на встрѣчу къ нимъ вышли граждане съ хлѣбомъ и солью, въ сопровожденіи духовенства, которое несло кресты, иконы и хоругви. Разочарованіе крестоносцевъ было полное; съ большимъ неудовольствіемъ, упрекая магистра въ обманѣ, они отошли отъ города, такъ какъ цѣлью ихъ была только битва съ невѣрными [258]. Какъ мало можно довѣрять извѣстіямъ ордена, доказывается тѣмъ, что, когда началось крещеніе Литвы въ 1387 г., рыцари разослали по всей Европѣ письма, содержащія въ себѣ свѣдѣнія, вполнѣ противорѣчащія тѣмъ, которыя шли отъ Ягелла и поляковъ. Не Литва крестится, писали они, а Польша переходитъ въ язычество, что, между прочимъ, доказывается всевозможными препят-

ствіями, которыя поляки ставятъ благочестивымъ пилигримамъ и рыцарямъ, идущимъ въ Пруссію для борьбы съ невѣрными и тѣмъ еще, что, презрѣвъ церковныя права, разорвали супружество Вильгельма и Ядвиги и насильно отдали послѣднюю язычнику, что, наконецъ, все дѣло крещенія Литвы есть театральное представленіе. Старая прусская хроника откровенно говоритъ объ этихъ письмахъ, что орденъ, посредствомъ ихъ, старался разузнать образъ мыслей западныхъ государей и отъ нѣкоторыхъ дѣйствительно получилъ благопріятные отвѣты, но ни одинъ изъ нихъ и даже папа не хотѣли помогать ордену въ его усиліяхъ остановить дѣло крещенія. Вскорѣ, при западныхъ дворахъ появилось письмо отъ имени дерптскаго епископа и населенія его епархіи, наполненное жалобами на то, что орденъ встрѣчаетъ клеветою дѣло, которымъ, напротивъ, первый долженъ былъ бы восхищаться. Письмо это возбудило сильный гнѣвъ рыцарей и они съ такою яростью набросились на епископа, что, опасаясь всего, онъ объявилъ письмо неподлиннымъ, написаннымъ безъ его вѣдома [259]. Не признавая, такимъ образомъ, крещенія Литвы, они вездѣ, гдѣ только могутъ, называютъ литовцевъ язычниками, такъ въ 1397 году послы великаго магистра, высланные на сеймъ имперскихъ князей, во Франкфуртъ на Майнѣ, графъ Конрадъ Кибургъ и др., жалуясь на помощь, оказываемую Ягелломъ Литвѣ, выражаются объ ея населеніи: «невѣрные литовцы и русины» [260]. Въ началѣ 1397 г. король венгерскій Сигизмундъ, желая быть посредникомъ между орденомъ и Польшею, предлагаетъ великому магистру съѣздъ въ Гнѣзнѣ; тотъ, очевидно, не желающій мира, выражаетъ недовѣріе къ Ягеллу и жалуется, что «невѣрные русины и литовцы начальствуютъ надъ замками» [261]. Такъ говорили рыцари, но такъ же они и дѣйствовали: въ 1394 г., осаждая Вильну, они расположились

на окружающихъ ее высотахъ, такъ, что съ удобствомъ могли видѣть все, что дѣлается въ городѣ; католическое виленское духовенство, которому небезъизвѣстно было, что рыцари не вѣрятъ обращенію литовцевъ, желая убѣдить ихъ, въ торжественной процессіи, съ крестами и хоругвями вышло изъ каѳедральнаго собора и направилось къ церкви св. Анны. Рыцари, нисколько не стѣсняясь, стрѣляли въ эту католическую процессію ядрами и убили одного францисканскаго монаха, а многихъ ранили [262]. Приведенныхъ примѣровъ достаточно для доказательства, что рыцари обманывали всю Европу и своими клеветами поддерживали въ ней совершенно ложное понятіе о религіи, которую исповѣдывало населеніе литовскорусскаго государства; тѣ же примѣры, я думаю, положительно опровергаютъ утвержденіе Шайнохи, что русскихъ никогда не называли язычниками, а схизматиками; приводимое имъ въ доказательство письмо великаго магистра къ кардиналамъ, гдѣ литовцы названы «pagani», а русскіе «scismatici», теряетъ свою силу, будучи сопоставлено съ двумя приведенными свидѣтельствами, въ которыхъ рыцари, смѣшивая русскихъ и литовцевъ, равно и къ тѣмъ и къ другимъ, прилагаютъ эпитетъ: «невѣрные», «infideles», что по мнѣнію самого Шайнохи, означаетъ язычниковъ [263]. Впрочемъ Шайноха не останавливается на этомъ, онъ хочетъ доказать намъ, что рыцари, никогда не называя русскихъ язычниками, признавали ихъ религію христіанскою и радовались, когда язычники принимали ее; въ подтвержденіе этого новаго мнѣнія, онъ ссылается на письмо одного важнаго орденскаго сановника къ великой княгинѣ Юліаннѣ, гдѣ орденъ выражаетъ свою радость и поздравляетъ великую княгиню съ тѣмъ, что ей удалось обратить въ православіе ея сына Скиргелла [264]. Мы считаемъ эту ссылку совершенно непозволительною: никто, лучше Шайнохи, не зналъ, что въ то

время, когда было написано это письмо, орденъ заискивалъ расположенія великой княгини и, конечно, не достигъ бы своей цѣли, еслибъ выразилъ на православіе тотъ взглядъ, который распространялся имъ въ Европѣ. Письмо это доказываетъ только, что орденъ очень хорошо зналъ чисто христіанское значеніе православія, но знанія своего не сообщалъ Европѣ, потому что тогда не получалъ бы отъ нея помощи въ борьбѣ съ литовскимъ государствомъ, большую часть котораго составляли русскія области. Въ такой же степени непозволительно ссылаться на памятникъ XVI вѣка для доказательства мнѣній и взглядовъ XIV-го. «Tractatus de sacramentis», напечатанный въ Краковѣ въ 1512 году, говоритъ: «когда крестится язычникъ, іудей, взрослый русинъ»...., слѣдовательно различаетъ русскаго отъ язычника, но этимъ вовсе не доказывается, что и въ XIV вѣкѣ на русскаго смотрѣли не какъ на язычника. Какъ всегда бываетъ, когда усиливаются доказать предвзятую мысль, Шайноха самъ себѣ противурѣчитъ, потому что рядомъ съ приведеннымъ мѣстомъ изъ «Трактата о таинствахъ», у него же приводятся выраженія латинскихъ актовъ, гдѣ русскіе прямо противуполагаются христіанамъ или, что все равно, ихъ національное названіе является синонимомъ язычника [265]. Мы также сошлемся на образъ мыслей XVI столѣтія, но только для того, чтобъ показать, какъ постепенно выяснялся взглядъ на православіе, столь ложный и невѣрный въ XIV и, благодаря успѣхамъ образованности, довольно уже близкій къ истинѣ, въ концѣ XVI вѣка. Мартинъ Кромеръ, епископъ варминскій, умершій въ 1589 г., говоря о легкости, съ какою входила въ Польшу всякая ересь, признаетъ бо́льшую твердость въ вѣрѣ русскихъ, которые держатся греческаго исповѣданія. «Они, продолжаетъ епископъ, такъ настойчиво враждуютъ съ св. римскою и католическою церковью, что

не хотятъ имѣть ничего общаго съ латинянами, хотя мы (т. е. латиняне), за одно съ мудрыми и святыми предками самихъ грековъ, признаемъ достоинство римскаго папы и власть его надъ всѣми христіанскими народами. И разница между нами заключается болѣе въ обычаяхъ и обрядахъ церковныхъ, нежели въ основаніяхъ вѣры» [266]. На сколько вѣкъ XVI развитѣе и просвѣщеннѣе XIV-го, на столько же Кромеръ ближе къ истинѣ, чѣмъ папа Александръ IV и кардиналъ d'Ailli, не говоря уже о рыцаряхъ нѣмецкаго ордена.

И такъ несомнѣнно, что въ западныхъ источникахъ XIV и XV столѣтій русскихъ называли язычниками или почти язычниками, но также несомнѣнно, что къ нимъ же прилагалось названіе схизматиковъ; это противурѣчіе можно помирить предположеніемъ, которое имѣемъ право сдѣлать на основаніи приведеннаго сочиненія кардинала d'Ailli: схизмою или расколомъ называлось исповѣданіе русскихъ, населявшихъ Русь восточную или московское государство, русскіе же западной Руси или литовскіе, державшіеся сначала того же вѣроученія, съ теченіемъ времени «составили особую секту восточнаго христіанства», которую, по словамъ, d'Ailli такъ исказили принятіемъ въ нее заблужденій язычества и манихейства, что многіе считали ихъ за язычниковъ и дѣйствительно такъ ихъ и называли. Нельзя сказать, что такое предположеніе можетъ быть строго проведено по всѣмъ западнымъ источникамъ, въ которыхъ говорится о вѣрѣ русскихъ, такъ какъ нельзя было требовать, чтобы весь западъ непремѣнно зналъ о двухъ различныхъ религіозныхъ партіяхъ русскихъ, но во всякомъ случаѣ оно подтверждается большинствомъ свидѣтельствъ.

Убѣдившись такимъ образомъ, что въ западной Европѣ господствовалъ взглядъ на русскихъ литовскаго государства какъ на язычниковъ, мы не можемъ, послѣ этого, придавать

никакого значенія западнымъ свидѣтельствамъ о язычествѣ Ягелла; мы не въ правѣ принять буквально показаніе Людольфа, аббата жеганскаго монастыря, а тѣмъ менѣе четырехъ лѣтописцевъ австрійскихъ, на которыхъ ссылается Шайноха [267]; особенно послѣдніе не могутъ быть достойными вѣры свидѣтелями въ разсматриваемомъ вопросѣ, такъ какъ отъ нихъ, очевидно сочувствовавшихъ австрійскому дому, невозможно ожидать безпристрастнаго отзыва о Ягеллѣ, который такъ жестоко оскорбилъ австрійскаго герцога. Отвергая на изложенномъ основаніи западныя и, конечно, орденскія извѣстія, мы должны такимъ же образомъ поступить и съ Длугошемъ, который, очевидно зараженный западнымъ взглядомъ на православіе, прямо называлъ послѣднее язычествомъ (idolatria). Но, такъ какъ Длугошъ былъ секретаремъ Збигнѣва Олесницкаго и при составленіи своей исторіи пользовался его бумагами, а Збигнѣвъ былъ очень близокъ къ Ягеллу и могъ узнать полную истину о его крещеніи, то, во уваженіе этихъ отношеній, мы находимъ необходимымъ внимательнѣе обсудить свидѣтельство Длугоша. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ говоритъ онъ объ этомъ предметѣ; такъ, по словамъ его всѣхъ сыновей Ольгерда воспитывала мать, которая старалась привить имъ греческое православіе[268]; хотя и трудно представить, чтобы дѣти, съ самаго рожденія воспитывающіяся въ православіи, впослѣдствіи исповѣдывали язычество, но изъ дальнѣйшаго изложенія Длугоша можно заключать и такимъ образомъ. Разсказывая о крещеніи Ягелла въ Краковѣ, онъ говоритъ, что литовскій князь принялъ св. правую вѣру, оставивъ языческія заблужденія; [269] изъ приведенной фразы ясно слѣдуетъ, что Длугошъ предполагалъ въ вѣроисповѣданіи Ягелла языческія заблужденія, но вовсе не слѣдуетъ, что онъ считалъ его вполнѣ язычникомъ. Еслибъ таково было его мнѣніе, отчего не употре-

билъ онъ выраженіе «paganus», какъ говорятъ западные лѣтописцы, отчего не назвалъ онъ прежней вѣры Ягелла «idolatria», какъ онъ сдѣлалъ, разсказывая о русинѣ Федорѣ (Theodericus)? Что понятіе его о язычествѣ Ягелла крайне условно, доказывается другими мѣстами, гдѣ онъ говоритъ о томъ же предметѣ, такъ въ разсказѣ о причинахъ предсмертной болѣзни Ягелла, любовь его къ пѣнію соловья Длугошъ объясняетъ привычкою, которая коренится въ обычаяхъ язычества [270]. Насъ удивляетъ та разница въ выраженіяхъ, которыя употребляются польскимъ лѣтописцемъ въ изложеніи одного и того же предмета: сначала, рѣзкое, безусловное отождествленіе православія съ язычествомъ, а потомъ какія то странныя фразы, непрямо называющія предметъ и составленныя, очевидно, съ цѣлью придать имъ двоякій смыслъ. Употребляя подобныя фразы, лѣтописецъ угождалъ всѣмъ взглядамъ на русское православіе: и тѣмъ, которые видѣли въ немъ чистое язычество и тѣмъ, которые, подобно d'Ailli, признавая его христіанствомъ, находили въ немъ столько языческой примѣси, что, вмѣстѣ съ Длугошемъ, сказали бы объ отрекающемся отъ него, что онъ оставляетъ языческія заблужденія. Нерѣшительность выраженій польскаго лѣтописца объясняется тою борьбою, которая происходила въ немъ, относительно точнаго опредѣленія православія; старое представленіе о немъ, какъ о язычествѣ, уже слабѣло во время Длугоша, а между тѣмъ, роясь въ старыхъ бумагахъ, описывая старое время, онъ невольно склонялся къ его понятіямъ и взглядамъ; отсюда нерѣшительность самой мысли и, конечно, ея выраженія.

Подобною же неточностью и нерѣшительностью отличаются слова самого Ягелла, польскихъ пановъ и литовскихъ бояръ, когда имъ приходится говорить о прежнемъ исповѣданіи своего государя [271]; въ грамотѣ, данной польскими

панами въ Радомскѣ, въ 1401 году, такое двусмысленное, неточное выраженіе: «de gentilitatis tenebris educentes» (выведя изъ мрака язычества)[272] отнесено одинаково къ Ягеллу и къ Витовту, котораго крещеніе сперва въ католицизмъ и потомъ переходъ въ православіе до новаго крещенія въ Краковѣ, несомнѣнны и подтверждаются, какъ русскими, такъ и иностранными источниками[273]. Не доказываетъ ли это обстоятельство справедливости нашей оцѣнки всѣхъ подобныхъ выраженій, если современные акты относятъ ихъ одинаково къ Ягеллу и Витовту, а послѣдній, какъ мы положительно знаемъ, былъ православнымъ, то не въ правѣ ли мы думать тоже и о первомъ; по крайней мѣрѣ, при всѣхъ приведенныхъ нами соображеніяхъ, имѣемъ право не отказываться отъ своего мнѣнія только на основаніи этихъ свидѣтельствъ. Мы не считаемъ нужнымъ опровергать такихъ доказательствъ нашихъ противниковъ, которыхъ несостоятельность видна съ перваго взгляда: Малиновскій свое мнѣніе о язычествѣ Ягелла основываетъ, между прочимъ и на томъ, что онъ подтвердилъ свое обѣщаніе креститься предъ послами королевы Елисаветы, слѣдственно самъ призналъ себя язычникомъ; но послѣдние вовсе не слѣдуетъ изъ перваго и съ какой стати было Ягеллу непремѣнно выразить, что онъ переходитъ въ католицизмъ изъ православія, когда ему было извѣстно, что православныхъ крестятъ также, какъ и язычниковъ? Тѣмъ страннѣе, что такой почтенный ученый приводитъ подобное доказательство, что самъ онъ, тутъ же, какъ новый доводъ, приводитъ его опроверженіе, именно говоритъ, что Ягелло и Скиргелло, въ 1382, обѣщали великому магистру креститься, а Скиргелло былъ православнымъ[274] Обѣщаніе креститься съ тѣми братьями, которые еще не окрестились, хотя на первый взглядъ и заставляетъ предполагать, что окрещенные въ Краковѣ были язычниками,

также ничего не доказываетъ, потому что, принявшіе католицизмъ вмѣстѣ съ Ягелломъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ были православными. Вмѣстѣ съ нимъ перешелъ въ новую вѣру Витовтъ, бывшій уже православнымъ, Вигандъ или Вигунтъ, названный Александромъ, а прежде называвшійся Ѳедоръ-Василій, какія имена, по свидѣтельству Стрыйковскаго, онъ получилъ при крещеніи въ православіе[275], Коригелло, названный Казиміромъ и Свидригелло-Болеславомъ [276]. О православіи двухъ послѣднихъ мы не имѣемъ прямыхъ свѣдѣній, хотя вся послѣдующая дѣятельность Свидригелла, любовь къ нему русскихъ, и то, что онъ постоянно былъ во главѣ ихъ, достаточно доказываютъ его православіе; первый же игралъ незначительную роль въ исторіи и такъ рано умеръ, что естественно отсутствіе почти всякихъ о немъ свидѣтельствъ. Что же означаетъ это обѣщаніе креститься только съ тѣми братьями, которые еще не окрестились, когда мы убѣдились, что и крещенные перекрещивались? Вѣроятно это былъ предлогъ, которымъ хотѣли прикрыть, сдѣлать менѣе рѣзкимъ отказъ братьевъ Ягелла перейти въ римскую вѣру.

Пересматривая всѣ приведенныя извѣстія, доказывающія православіе Ягелла, мы замѣчаемъ, что большая часть ихъ отличается характеромъ отрицательнымъ; хотя эта особенность нисколько не уменьшаетъ ихъ значенія, но мы можемъ подтвердить ихъ и свидѣтельствами положительными. Г. Шайнохѣ обязаны мы указаніемъ на одно сочиненіе XVI вѣка, въ которомъ прямо говорится, что Ягелло былъ призванъ на тронъ польскій, съ условіемъ оставить *схизму* и сдѣлаться истиннымъ христіаниномъ. Схизмою называлось вѣроученіе русскихъ московскаго государства, русскихъ литовскихъ, какъ мы видѣли, чаще называли язычниками, но иногда, смѣшавъ послѣднихъ съ первыми, и къ нимъ при-

лагали названіе схизматиковъ. Къ XVI вѣку понятіе о тождествѣ и единствѣ исповѣданія всѣхъ русскихъ распространялось все болѣе и болѣе и только, благодаря этому расширенію свѣдѣній и уясненію взгляда на православіе, писатель XVI вѣка уже не рѣшился слѣдовать примѣру писателей XIV и, подобно имъ, называть прежнюю религію Ягелла язычествомъ. Зная, что всѣ русскіе исповѣдуютъ одну вѣру и что на западѣ она называется схизмою или расколомъ, онъ такъ и обозначилъ то вѣроученіе, оставивъ которое, Ягелло принялъ католицизмъ [277]. Устранять такое прямое и ясное свидѣтельство на томъ только основаніи, что это, по всей вѣроятности, ошибка и въ доказательство того приводить ошибки, встрѣчающіяся у разныхъ лѣтописцевъ, можетъ только такой писатель, какъ Шайноха, который очень искусно толкуетъ источники, сообразно съ своею предвзятою мыслью. При всемъ уваженіи къ его громадной учености и замѣчательному историческому таланту, мы не послѣдуемъ его примѣру и очень благодарны ему за указаніе на сочиненіе, которое намъ не было извѣстно. Это сочиненіе окончательно убѣждаетъ насъ, что Ягелло перешелъ въ католицизмъ изъ православія.

Для полноты нашего изслѣдованія не лишнимъ будетъ упомянуть и о тѣхъ пластическихъ доказательствахъ нашего мнѣнія, которыя были извѣстны неутомимому труженику на пользу литовской исторіи, Нарбуту и которыя рѣшительно отвергаются Шайнохой. Почтенный историкъ Литвы напалъ на слѣдъ небольшаго мраморнаго барельефа, найденнаго въ одной изъ польскихъ церквей; на немъ изображены пять или шесть особъ, съ одной стороны архіепископъ и епископъ, съ другой Ягелло и подлѣ него, нѣсколько отступя, по лѣвую руку женская фигура, а по правую—мужеская (вѣроятно крестная мать и крестный отецъ). Великій князь, скло-

нивъ голову, держитъ въ опущенной правой рукѣ греческій крестъ, какъ бы намѣреваясь бросить его на ступени возвышенія, на которомъ стоятъ прелаты, а лѣвую руку прижимаетъ къ груди. Архіепископъ льетъ на голову его воду, а епископъ возноситъ надъ нимъ распятіе. Такъ описалъ наружность барельефа нашедшій его графъ Іосифъ Куропатницкій, предполагавшій, что онъ изображаетъ крещеніе Ягелла изъ православія въ католицизмъ и въ такомъ же смыслѣ сдѣлано сообщеніе объ этой находкѣ обществу любителей наукъ, въ Варшавѣ, его президентомъ. Мы совершенно согласны, что ссылка на памятникъ, отыскать который и снова разсмотрѣть теперь очень трудно, не можетъ служить особенно сильнымъ доказательствомъ нашего мнѣнія, еслибъ оно не имѣло другихъ, болѣе твердыхъ основаній, но убѣжденные въ его справедливости, мы считали себя не въ правѣ умолчать объ этомъ памятникѣ, хотя бы для того, чтобъ обратить на него вниманіе безпристрастныхъ ученыхъ. Такимъ же характеромъ отличается и другое пластическое доказательство, приводимое Нарбутомъ: въ извѣстной ему рукописи, найденной въ троцкомъ монастырѣ бернардиновъ упоминается о древнемъ колоколѣ этого монастыря, на которомъ церковными буквами была сдѣлана слѣдующая надпись: «Се азъ рабъ Божій, Яковъ Ондревичъ с матерою своею Ульяною Александровною ... В. К. Л. дали есмо сей колоколъ улитъ въ церковь св.... еве... Параск... въ Вильни, во вики 6887». На другой сторонѣ греческій крестъ, на которомъ была какая то надпись, но прочесть ее невозможно, потому что она совершенно стерлась. Здѣсь очевидно говорится о великой княгинѣ Юліаннѣ и объ одномъ изъ ея сыновей, котораго отчество «Андреевичъ» не должно вводить насъ въ сомнѣніе, послѣ приведенной надписи на древнемъ евангеліи, гдѣ Ольгердъ называется Андреемъ, имя же Яковъ, по свидѣ-

тельству русскихъ лѣтописей, было принято Ягелломъ, при крещеніи его въ православіе [278].

Мы ласкаемъ себя надеждою, что, послѣ приведенныхъ доказательствъ, нѣтъ уже никакой возможности сомнѣваться въ православіи Ягелла; заключая такимъ образомъ наше изслѣдованіе, мы опять повторяемъ, что распространились въ такой степени объ этомъ предметѣ только потому, что встрѣтили въ исторической литературѣ особенныя усилія доказать противное. Нельзя было оставить безъ вниманія приводимыхъ доказательствъ, потому что, не уничтоживъ ихъ значенія, мы тѣмъ могли ослабить выраженное нами мнѣніе о томъ важномъ значеніи, которое имѣла въ Литвѣ русская народность. Литва вполнѣ подчинилась русскому вліянію въ XIV вѣкѣ и, не случись ея соединеніе съ Польшею, открывшее послѣдней несравненно болѣе путей къ вліянію на первую, она, несомнѣнно, обрусѣла бы окончательно. Князья ея, потомки Ольгерда, сыновья русскихъ княженъ, были православными, такимъ же былъ Ягелло; непризнающіе его православія остановятся въ недоумѣніи предъ многими фактами его времени и не съумѣютъ объяснить ихъ; для нихъ непонятны будутъ, напр., несомнѣнныя свидѣтельства о томъ, какъ спокойно и безпрепятственно распоряжался въ интересахъ православія въ Литвѣ, Кипріанъ, митрополитъ всея Руси, бывшій тамъ лѣтомъ 1378 года, проѣздомъ въ московское государство: не скрываясь, не изподтишка, а открыто, на виду у всѣхъ, обращалъ онъ язычниковъ въ православіе, строилъ церкви, заботился объ улучшеніи участи православныхъ, возобновилъ уплату десятинъ московской митрополіи и даже поднялъ вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ, которыми неправильно завладѣли князья и бояре. Изъ этого видно, какими быстрыми шагами шло православіе въ Литвѣ: если Ольгердъ считалъ еще нужнымъ скрываться, то Ягелло, замѣчая все бо́льшее

ослабленіе язычества, не боится, подъ вліяніемъ своей матери, открыто покровительствовать православію и даже позволяетъ архипастырю враждебнаго ему государства дѣлать распоряженія для его пользы и процвѣтанія [279].

Мы назвали князей, которые крестились вмѣстѣ съ Ягелломъ, труднѣе указать на тѣхъ литовскихъ бояръ, которые приняли крещеніе въ Краковѣ, потому что въ источникахъ встрѣчается только общее выраженіе: «и много бояръ литовскихъ»; между ними мы знаемъ только Радзивилла, который, оставляя язычество, принялъ имя Николая, сдѣлавшееся наслѣдственнымъ въ его родѣ [280].

18 февраля новоокрещенный былъ соединенъ брачными узами съ прекрасной Ядвигой и въ тотъ же день отблагодарилъ пановъ и шляхту за оказанное ему предпочтеніе, даровавъ имъ новыя, весьма важныя льготы. Получивъ съ ихъ помощью руку первой въ Европѣ красавицы и уже касаясь польской короны, Ягелло, въ чаду восторга, не могъ сообразить, что послѣднія событія слишкомъ достаточно развили права и привилегіи польской шляхты и ограничили королевскую власть, а вмѣстѣ съ нею ослабили и самое государство; вмѣсто того, чтобъ положить предѣлъ дальнѣйшему развитію этихъ вредныхъ отношеній, Ягелло самъ идетъ на встрѣчу требованіямъ шляхты и такимъ образомъ продолжаетъ политику, приведшую Польшу къ раннему паденію. Особымъ документомъ (18 февраля 1385) онъ расширяетъ тѣ права и привилегіи, которыми пользовалась шляхта, на основаніи документа кошицкаго; сравненіе обоихъ документовъ яснѣе покажетъ намъ значеніе того, что было дано Ягелломъ. Оба они, и краковскій и кошицкій, обѣщаютъ, что всякого рода должности и достоинства будутъ замѣщаться шляхтою, осѣдлою въ той же мѣстности, гдѣ открывается вакансія, но краковскій документъ прибавляетъ, что назна-

ченіе будетъ дѣлаться *по совѣту окольной шляхты*. Первый обязуетъ короля непремѣнно отдавать подъ начальство шляхты двадцать три главнѣйшихъ замка, второй же ясно говоритъ, что всѣ замки, безъ исключенія, должны находиться во власти шляхты. Въ Кошицахъ шляхта получила обѣщаніе, что король будетъ платить ей за убытки, понесенные въ заграничной войнѣ, но если врагъ вторгнется въ предѣлы королевства, то она обязана изгнать его безъ всякаго вознагражденія, въ Краковѣ же господинъ и опекунъ Польши (таковъ титулъ Ягелла до коронаціи) соглашается вознаградить шляхту за *значительные* убытки, понесенные ею даже во внутренней войнѣ. И такъ все равно, за границей ли ведется война, или врагъ зайдетъ въ самую глубь Польши, шляхта будетъ биться съ нимъ только потому, что ей обѣщана уплата за понесенные убытки. Второй документъ уничтожаетъ королевскихъ судей, называвшихся оправцами и такимъ образомъ совершенно прекращаетъ непосредственную судебную власть короля надъ народомъ, который всецѣло отдается въ волю и распоряженіе шляхты. Кошицкій документъ налагаетъ на шляхту обязанность поправлять, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, замки, краковскій молчитъ объ этомъ и, слѣдственно, даетъ право предполагать, что шляхта избавлена и отъ этой повинности [281]. Такимъ образомъ шляхта получила отъ своихъ королей право замѣщать всѣ почетныя и выгодныя мѣста, она добилась, что военная ея служба оплачивалась, какъ въ заграничпой, такъ и во внутренней войнѣ, она захватила въ свои руки полное управленіе народомъ, она держала въ своей власти главную защиту страны и главную опору королевской власти—замки, она располагала короной, потому что, предложивъ ее Ягеллу, ни слова не сказала о правахъ его потомства и за все это она платила только 2 гроша съ каждаго лана земли, которая на-

ходилась въ ея владѣніи. Королю оставалось только право суда надъ шляхтою, предводительство ею, право объявлять войну и заключать миръ и распоряженіе коронными имѣніями. Такіе, изумительно быстрые успѣхи шляхты; на пути развитія ея правъ и ограниченія королевской власти объясняются эгоистическимъ отношеніемъ Людовика къ Польшѣ, наставшимъ послѣ его смерти безкоролевьемъ и отсутствіемъ характера и сообразительности въ Ягеллѣ. Получивъ, по словамъ Длугоша, [282] въ одно и тоже время, три неоцѣненныхъ дара: св. крещеніе, прекрасную жену и благородную корону, онъ потерялъ голову и дѣйствовалъ безъ всякаго расчета. На пановъ польскихъ, которые пренебрегли своею старою династіей и иностраннымъ католическимъ принцемъ и предпочли имъ варвара, изъ щедрыхъ рукъ его полились такія богатства, что прежняя, отличавшая ихъ скромность совершенно исчезла, они сдѣлались жадными и корыстными, не стыдились выпрашивать у короля новыхъ милостей, недовольствуясь тѣмъ, что онъ самъ давалъ имъ, и такъ какъ ихъ алчность могла быть удовлетворяема только на счетъ государственныхъ доходовъ, то, въ концѣ концовъ, казна потерпѣла въ такой степени, что ея средствъ не доставало даже на необходимое. Подобный образъ дѣйствія былъ тѣмъ опаснѣе, что, пріучая шляхту къ безпрестаннымъ пожалованіямъ, не умѣя или, лучше сказать, не смѣя ни въ чемъ отказать ей, Ягелло и преемниковъ своихъ ставилъ въ необходимость слѣдовать его безразсудному примѣру, такъ какъ невозможно уже было сдержать пановъ, владѣвшихъ столь широкими правами. Осыпая ихъ драгоцѣнностями, изъ которыхъ знаемъ только подарокъ его Спытку Мельштынскому, состоявшій изъ золотыхъ сандалій, съ восточною роскошью украшенныхъ дорогими каменьями, [283] Ягелло не забылъ и князей, которыхъ права на польскую корону были имъ попраны. Владиславъ ополь-

скій, не столько самъ добивавшійся престола, сколько стоявшій за Вильгельма, долженъ былъ получить вознагражденіе за то, что оставилъ сторону австрійскаго принца и примкнулъ къ партіи Ягелла; Земовитъ мазовецкій, съ такою энергіею искавшій руки Ядвиги и соединенной съ нею короны, послѣ неимовѣрныхъ усилій убѣдившійся въ несбыточности своихъ надеждъ, отказался отъ своей цѣли и изъ ревности къ Вильгельму, который такъ весело танцовалъ съ Ядвигою въ францисканскомъ монастырѣ, сдѣлался сторонникомъ Ягелла. Первый былъ вознагражденъ бракомъ своей дочери Ядвиги съ королевскимъ братомъ Александромъ Вигунтомъ, получившимъ впослѣдствіи княжество керновское [284], второй женился на родной сестрѣ короля, Александрѣ и получилъ въ приданое богатую и плодородную область белзскую [285]. Другой мазовецкій герцогъ, Іоаннъ женился на Аннѣ, сестрѣ Витовта и такимъ образомъ заключенные брачные союзы должны были содѣйствовать закрѣпленію связи между Литвою и Польшею, соединеніе которыхъ было торжественно заявлено Ягелломъ на коронаціи.

Шумное веселье послѣдовало въ Краковѣ за обрядомъ коронованія, великолѣпные пиры смѣнялись танцами, рыцарскими турнирами и разнообразились пѣніемъ придворныхъ пѣвцовъ и выходками скомороховъ. Недолго, однакожъ, продолжалось это веселье; съ одной стороны, положеніе великой Польши, все еще терзаемой внутреннею усобицей и непріязненно смотрѣвшей на избраніе Ягелла, съ другой литовскія событія смущали всѣхъ участниковъ краковскихъ банкетовъ. Духовенство и многіе изъ важнѣйшихъ пановъ великой Польши сами обратились къ новому королю и его супругѣ съ просьбою успокоить несчастную страну и личнымъ присутствіемъ положить конецъ ея бѣдствіямъ. Просьба ихъ была исполнена, но въ какой степени опаснымъ находили положеніе

дѣлъ въ великой Польшѣ, видно изъ того, что дворъ отправился туда въ сопровожденіи значительной вооруженной силы, составленной изъ сендомирской и краковской шляхты. Печальная встрѣча ожидала короля и королеву: вмѣсто шумныхъ пировъ и разнаго рода оваций, повсюду находили они угрюмое молчаніе и суровыя, почти угрожающія лица; общее нерасположеніе высказалось весьма непріятнымъ событіемъ, которое случилось почти тотчасъ, по прибытіи ихъ въ великую Польшу: остановившись въ Гнѣзнѣ, король потребовалъ отъ капитулы такъ называемой стаціи, т. е. доставленія всѣхъ жизненныхъ припасовъ, необходимыхъ для него и его свиты. Собственно говоря, онъ не имѣлъ на это никакого права и не могъ не сознавать своего безправія, потому что недавно изданный имъ привилей былъ только подтвержденіемъ и расширеніемъ кошицкаго, прямо отказывавшаго королю въ правѣ на стацію. Въ этомъ случаѣ Ягелло дѣйствовалъ по наущенію своихъ приближенныхъ, между которыми были желавшіе оскорбить гнѣзненскую капитулу, но начальствующій въ ней прелатъ, Николай Строзбергъ отказалъ на отрѣзъ, ссылаясь на кошицкое постановленіе; тогда Ягелло вспомнилъ литовскіе порядки и приказалъ пограбить все необходимое въ деревняхъ, принадлежавшихъ капитулѣ. Послѣдствія вышли плачевныя: за пригнаннымъ скотомъ на дворъ королевскій прибѣжали толпы крестьянъ, ихъ жены и дочери и съ плачемъ и воплями требовали возвращенія своего имущества, а Николай Строзбергъ, за нарушеніе правъ церкви, наложилъ интердиктъ на Гнѣзно и удалился изъ него, прекративъ, такимъ образомъ, богослуженіе предъ самымъ праздникомъ свѣтлаго воскресенья. Вмѣшательство Ядвиги поправило дѣло, скотъ былъ возвращенъ крестьянамъ, хотя прекрасное сердце королевы находило, что они не вознаграждены достаточнымъ образомъ: «кто возвратитъ имъ

слезы», говорила она, когда, успокоивая ее, ей сообщали, что все захваченное отдано назадъ. Удовлетворенный Строзбергъ снялъ запрещеніе, богослуженіе снова открылось, но дворъ не хотѣлъ уже праздновать свѣтлое воскресенье въ Гнѣзнѣ и, печальный, выѣхалъ въ Познань. [286]

Съ немалыми трудами удалось Ягеллу успокоить волненіе, терзавшее великую Польшу; жалуя однихъ вліятельными должностями, другихъ изгоняя или заключая въ темницы, онъ достигъ наконецъ своей цѣли. Порожденныя смутнымъ временемъ, многочисленныя шайки разбойниковъ, которыя разоряли край, были уничтожены пришедшими съ королемъ отрядами и такимъ образомъ было возстановлено полное спокойствіе. Въ послѣднихъ числахъ іюля Ягелло былъ уже въ Краковѣ и въ концѣ лѣта уѣхалъ на сеймъ, въ новый Корчинъ; здѣсь, какъ коронованный государь Польши, онъ подтвердилъ собравшимся прелатамъ, магнатамъ и всей шляхтѣ тѣ права и привилегіи, которыя были даны имъ въ Краковѣ, въ качествѣ «господина и опекуна королевства польскаго» и тутъ же выразилъ желаніе приступить къ исполненію важнѣйшаго изъ своихъ обѣщаній, къ крещенію Литвы. Сеймъ кончился 29 сентября [287]; наступившая осень не благопріятствовала путешествію въ Литву, которое было возможно только подъ условіемъ морозовъ, обращавшихъ литовскія болота въ хорошую проѣзжую дорогу и такъ отъѣздъ Ягелла по неволѣ замедлился, хотя происшествія, случившіяся въ Литвѣ настоятельно требовали его присутствія.

ГЛАВА V.

Еще въ февралѣ мѣсяцѣ, когда Ягелло былъ занятъ въ Краковѣ своимъ крещеніемъ и празднованіемъ своей свадьбы, орденъ внесъ огонь и опустошеніе въ Литву, оставшуюся на время безъ государя, вмѣсто того, чтобы, какъ писалъ епископъ дерптскій, восхищаться его обращеніемъ. Князь Андрей полоцкій, который отдался подъ покровительство ордена и сдѣлался его ленникомъ, нашелъ, что время отсутствія Ягелла наиболѣе удобно для осуществленія его намѣреній. Ливонскій магистръ прислалъ ему войско и, какъ писалъ впослѣдствіи Ягелло къ папѣ [288], уговорилъ смоленскаго князя Святослава также напасть на Литву. Положеніе ея было опасное; въ ней, очевидно, начиналось сильное броженіе, преимущественно между русскимъ ея населеніемъ, которому, конечно, не нравились переходъ Ягелла въ католицизмъ и союзъ съ Польшею. Позднѣе мы увидимъ, что Юліанна и православные сыновья ея сами тревожились за свободу ихъ вѣроисповѣданія [289], тѣмъ естественнѣе было сомнѣніе и безпокойство въ низшемъ классѣ. Этимъ состояніемъ захотѣли воспользоваться съ одной стороны рыцари и Андрей, чтобъ захватить, въ его пользу, всю русскую часть Литвы и съ другой Святославъ, чтобъ оторвать отъ нея что нибудь, особенно Мстиславль, который прежде принадлежалъ смоленскому княжеству. Соединенныя войска ихъ три недѣли гостили въ Литвѣ и предали ее немилосердному разоренію на пространствѣ болѣе 60 миль [290]; послѣ неслыханныхъ жестокостей, совер-

шенныхъ надъ беззащитнымъ населеніемъ, Святославъ обложилъ Оршу, но не могъ принудить ее къ сдачѣ. Счастливѣе дѣйствовали рыцари съ Андреемъ: они взяли Лукомль и Полоцкъ, которые отдали Андрею, какъ леннику ордена [291], опустошили 18 волостей до самыхъ Ошмянъ, захватили 3000 плѣнныхъ и истребили множество народа. Ободряемый ихъ успѣхами, Святославъ отправился въ Смоленскъ и, возвратившись съ новонабраннымъ войскомъ, началъ осаду Мстиславля и опустошеніе его волости. Такія печальныя вѣсти получены были въ Краковѣ во время банкетовъ и баловъ, которыми праздновались свадьба и коронація Ягелла; самъ онъ не могъ отлучиться изъ Польши и рѣшилъ послать, вмѣсто себя, Скиргелла и Витовта, но они были въ закладѣ у польскихъ пановъ, какъ поручители за Ягелла и не могли выѣхать изъ Польши ранѣе исполненія его обѣщаній; паны уступили, однакожъ, требованіямъ обстоятельствъ и дали обоимъ князьямъ позволеніе отправиться въ Литву, съ обязательствомъ возвратиться по первому востребованію [292]. Въ страстную пятницу подошли полки Скиргелла, Витовта и ихъ братьевъ, Корибута, Константина и Лингвенія къ осажденному городу. Святославъ долженъ былъ принять сраженіе и потерялъ его, вмѣстѣ съ жизнью; сыновья его, Юрій и Глѣбъ попались въ плѣнъ. Скиргелло очень милостиво обошелся съ первымъ, такъ какъ онъ былъ женатъ на его племянницѣ; весьма искусный въ медицинѣ, онъ вылѣчилъ его отъ ранъ и посадилъ на смоленскомъ столѣ, вмѣсто погибшаго Святослава, Глѣбъ же остался въ плѣну [293]. Покончивъ такимъ образомъ съ Смоленскомъ, князья выступили противъ Андрея; скоро отобрали они Лукомль и Полоцкъ и, захвативъ самого Андрея, отослали его къ королю, который приказалъ посадить его въ хенцинскій замокъ, гдѣ этотъ князь высидѣлъ около 8 лѣтъ [294].

Зимою $13^{86}/_{87}$ года, въ сопровожденіи королевы Ядвиги, архіепископа гнѣзненскаго, епископа краковскаго, князей Іоанна и Земовита мазовецкихъ, Конрада олесницкаго и многихъ магнатовъ, выѣхалъ Ягелло въ Литву для того, чтобъ приступить къ крещенію ея, по обряду римской церкви. Въ самомъ началѣ 1387 г. созванъ былъ сеймъ въ Вильнѣ, на которомъ, кромѣ пріѣхавшихъ изъ Польши, были Скиргелло троцкій, Витовтъ гродненскій, Владиміръ кіевскій, Корибутъ новгородскій и много литовскихъ бояръ. На этомъ сеймѣ прежде всего постановлено: «всѣхъ природныхъ литовцевъ, обоего пола и всякаго званія, къ вѣрѣ католической и къ послушанію св. римской церкви привлечь и даже приневолить, къ какому бы вѣроисповѣданію они прежде ни принадлежали»[295]. Такимъ образомъ, какъ и слѣдовало ожидать, русскіе оставлены при своей старой вѣрѣ и только литовцы, хотябы исповѣдывавшіе православіе, должны были принять католицизмъ; но и относительно литовцевъ должно замѣтить, что не всѣ они были принуждаемы перемѣнить вѣру, а только тѣ, которые жили въ княжествахъ виленскомъ и троцкомъ, т. е. тѣ, которые были подъ непосредственною властью Ягелла и Скиргелла[296]; остальные продолжали исповѣдывать прежнее язычество или принятое ими православіе; Жмудь также сохранила вѣру предковъ. Выраженія: «привлечь» и «приневолить», употребленныя въ помянутомъ постановленіи, указываютъ на два различныхъ характера средствъ и мѣръ, помощью которыхъ насаждалась въ Литвѣ новая религія. Выраженіе «привлечь», указывая на мягкія побужденія къ крещенію, соотвѣтствуетъ документу, которымъ сообщались литовскому боярству многія новыя права. Принявъ св крещеніе, они получали право распоряжаться своимъ имуществомъ, «какъ шляхта короны польской»; это было очень важной привилегіей, потому что прежде, и сами бояре и ихъ

имѣнія составляли полную собственность князя; кромѣ того имъ обѣщано скорѣйшее отправленіе правосудія, для чего назначены въ каждомъ округѣ судьи и чиновники, приводившіе въ исполненіе ихъ приговоры. Вмѣстѣ съ правомъ собственности, бояре получали право распоряжаться участью своихъ дочерей и родственницъ, могли выдавать ихъ замужъ по произволу, на что прежде должны были испрашивать позволенія князя. Ихъ жены обезпечивались на случай смерти мужей, имѣніе покойнаго поступало во владѣніе пережившей его и только, при вторичномъ ея замужствѣ, должно было перейти къ дѣтямъ или другимъ родственникамъ. Постройка княжескихъ замковъ и военная служба на собственномъ иждивеніи составляла отнынѣ единственную обязанность литовскихъ боярѣ, конечно тѣхъ, которые приняли католичество. Само собою разумѣется, что измѣнившіе ему теряли означенныя права [297]. Таковы были мѣры, которыми склоняли литовское боярство къ принятію новой вѣры; горожанамъ Вильны обѣщали магдебургское право [298], а простой народъ заохочивали бѣлыми суконными одеждами. Лѣтописцы говорятъ, что многіе крестились только для того, чтобъ получить такую хорошую одежду и это не должно удивлять насъ: въ Литвѣ, какъ и въ другихъ странахъ, многіе принимали христіанство, вслѣдствіе корыстныхъ побужденій; въ Литвѣ оно и не могло быть принято сознательно и разумно, потому что язычники допускались къ св. крещенію безъ надлежащаго приготовленія, безъ усвоенія евангельскихъ истинъ; послѣднее объясняется, съ одной стороны, краткостью времени, а съ другой отсутствіемъ проповѣдниковъ, знающихъ литовскій языкъ и, слѣдственно, понятныхъ народу. Только Ягелло и Витовтъ и, можетъ быть, немногіе изъ ихъ приближенныхъ, служили переводчиками для священниковъ, говорившихъ по польски и сами сообщали народу важнѣйшія истины

христіанства; духовныя лица, дѣйствовавшія безъ ихъ помощи, должны были ограничиваться уничтоженіемъ идоловъ, священныхъ гадовъ, священныхъ дубравъ и другихъ предметовъ, чтимыхъ язычниками. Послѣ краткаго поученія, язычниковъ, толпами, разставляли по берегамъ Виліи; архіепископъ раздѣлялъ ихъ на отдѣлы и, окропляя каждый св. водою, давалъ всѣмъ людямъ, его составляющимъ, одно какое нибудь имя; такимъ образомъ тысячи язычниковъ съ самыми разнообразными именами мгновенно обращались въ христіанъ, Павловъ, Петровъ, Ивановъ и т. д.

Нѣтъ сомнѣнія, что права, обѣщанныя боярству и бѣлые суконные кафтаны были достаточно побудительнымъ средствомъ къ крещенію всѣхъ классовъ народа; о сопротивленіи язычниковъ, за исключеніемъ кроткихъ сѣтованій литовскихъ женщинъ, не упоминается, но тѣ литовцы, которые уже исповѣдывали православіе, не такъ охотно исполняли приказаніе Ягелла, и были даже такіе, которые рѣшительно не хотѣли ему подчиниться. Вѣроятно подобное упорство предполагали возможнымъ на виленскомъ сеймѣ и, обсудивъ его, пришли къ заключенію, что такихъ, противящихся волѣ своего государя, можно принуждать и «тѣлесными мученіями»; сеймъ принялъ столь энергическое рѣшеніе по слѣдующимъ соображеніямъ: «если прежде попущеніемъ божіимъ, говорится въ сеймовомъ постановленіи, злые имѣли возможность принуждать ко злу добрыхъ, тѣмъ болѣе теперь добрые могутъ и должны склонять къ добру злыхъ». При несомнѣнности такого рѣшенія, странно было бы отвергать свидѣтельство лѣтописца о мученической смерти двухъ знатныхъ литовцевъ, исповѣдывавшихъ православіе и не хотѣвшихъ принимать «латинскую вѣру», къ которой приневоливалъ ихъ Ягелло; такимъ образомъ введеніе католицизма въ Литвѣ не обошлось безъ мучениковъ православія [299]. Подобные

примѣры ясно указывали на важное значеніе этой религіи и потому необходимо было оградить насаждаемое католичество отъ ея вреднаго вліянія; согласно съ этимъ въ неразъ уже упомянутомъ документѣ читаемъ: «все, могущее повредить распространенію католической вѣры, сурово запрещаемъ; запрещаются браки съ русинами и русинками до принятія послѣдними католицизма, если же таковые будутъ заключены, то разводить ихъ не слѣдуетъ, но супругъ или супруга греческой вѣры должны принять католицизмъ». Въ этомъ случаѣ виленскій сеймъ и Ягелло только повторяли запрещеніе браковъ между католиками и русскими, изданное еще въ 1231 году въ буллѣ папы Григорія IX, гдѣ побужденіемъ къ этому запрещенію выставляется то обстоятельство, что русскіе, женясь на католичкахъ, обращаютъ ихъ въ православіе [300].

Число окрещенныхъ литовцевъ простиралось, по свидѣтельству Стрыйковскаго, до 30,000 человѣкъ; это свидѣтельство подтверждается словами кардинала Юліана, который во время торжественнаго богослуженія за упокой Ягелла, въ Базелѣ, прославляя заслуги его церкви, говорилъ, что со времени его обращенія болѣе 30,000 язычниковъ просвѣтились свѣтомъ христіанства [301]. Прибавка «болѣе» находитъ себѣ объясненіе въ словахъ Стрыйковскаго же, потому что въ означенную цифру онъ не включаетъ тѣхъ, которые крестились въ Краковѣ и въ Вильнѣ, во время бывшаго тамъ сейма.

На мѣстѣ бывшей святыни Перкуна, гдѣ день и ночь, не угасая, горѣлъ священный Зничъ, рѣшили воздвигнуть каѳедральный соборъ и Доброгостъ, епископъ познанскій былъ отправленъ къ папѣ Урбану VI, чтобъ испросить его разрѣшеніе и вмѣстѣ сообщить ему о совершившемся обращеніи Литвы. Еще ранѣе, тотчасъ послѣ своего крещенія, отправилъ къ нему Ягелло каноника Николая Тронбку, чтобъ извѣстить

его о принятіи имъ католицизма и опровергнуть тѣ клеветы, которыя распускали, на этотъ счетъ, рыцари нѣмецкаго ордена. По неизвѣстнымъ побужденіямъ посолъ заѣхалъ въ Вѣну и, въ разговорѣ съ Вильгельмомъ, предложилъ привезти ему изъ Рима разрѣшеніе брака его съ Ядвигой. Это предложеніе очень разсердило Вильгельма, окончательный разводъ его съ Ядвигою лишалъ его всѣхъ правъ на Польшу, отъ которыхъ онъ никогда не отказывался и желая наказать каноника за его неумѣстную услужливость, онъ приказалъ посадить его въ заключеніе, гдѣ продержалъ четыре года[302]. Такимъ образомъ, папа не имѣлъ еще никакого увѣдомленія отъ самого Ягелла и тѣмъ пріятнѣе было ему посольство Доброгоста; буллою отъ 11 марта 1388 года выразилъ онъ свою радость по поводу обращенія Литвы, въ другой буллѣ отъ 7 апрѣля, онъ поздравлялъ Ягелла, христіанина и короля польскаго, съ тѣмъ, что онъ разомъ получилъ двѣ короны, временную и вѣчную. Довольно продолжительное пребываніе Доброгоста въ Римѣ было причиною, что оконченный постройкою соборъ былъ освященъ до его пріѣзда архіепископомъ Бодзантою, во имя пресв. Троицы, пречистой Дѣвы Маріи, св. мученика Святослава и Владислава исповѣдника[303]; кромѣ него были построены приходскія церкви въ Вилькомирѣ, Мейшаголѣ, Нѣменчинахъ, Мѣдникѣ, Кревѣ, Болцяхъ и Гайнѣ. Всѣ онѣ были богато одарены священными сосудами и одеждами, которые пожертвовала благочестивая королева Ядвига. Съ еще большею щедростью было одарено духовенство богатыми имѣніями и разными пошлинами и налогами, при чемъ все его имущество, по словамъ Ягелла, освобождалось отъ всякихъ тягостей, такъ что, какъ говоритъ онъ въ грамотѣ, «ни намъ самимъ, ни потомкамъ нашимъ не оставляемъ надъ нимъ никакого права»[304].

Послѣ постройки церквей самымъ серьезнымъ и труд-

нымъ дѣломъ было учрежденіе іерархіи и замѣщеніе различныхъ духовныхъ должностей людьми, достойными своего званія; папа Урбанъ VI въ буллѣ отъ 12 мая 1388, врученной Доброгосту, утвердилъ виленское епископство и обозначилъ число служащихъ въ немъ канониковъ и прелатовъ[305]; большая часть ихъ была призвана изъ Мазовіи, Познани и Богеміи, и, какъ кажется, выборъ былъ удаченъ, по крайней мѣрѣ наблюдательный Кибургъ, бывшій въ Вильнѣ только 9 лѣтъ спустя, послѣ ея крещенія, говоритъ о нихъ: «нужно отдать имъ справедливость, все это люди ученые и праведной жизни; гордость, такъ свойственная, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ духовенству и корысть, часто отличающая лѣнивое монашество, какъ кажется, имъ чужды, конечно, потому что выборъ ихъ основанъ не на ласкательствѣ и придворныхъ интригахъ, а на сознаніи необходимости добрыхъ дѣлателей въ этомъ новомъ вертоградѣ господнемъ. Всѣ они нѣмцы или поляки, владѣютъ мѣстнымъ языкомъ и знаютъ духъ народа». Но выше ихъ всѣхъ ставитъ Кибургъ епископа виленскаго, въ санъ котораго былъ посвященъ, по ходатайству Ягелла, извѣстный уже намъ Андрей Василло[306]: «это старецъ прекрасной наружности», говоритъ Кибургъ, разсказывая о посѣщеніи епископа членами посольства, «бодрый, румяный, высокаго роста и полный, говоритъ бѣгло по латинѣ и, для иностранца, довольно хорошо по нѣмецки; онъ принялъ насъ съ такимъ величіемъ, вѣжливостью и благочестіемъ, что мы думали, что находимся предъ лицемъ самого папы. Онъ имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ епископы наши или германскіе. Разговоръ шелъ исключительно о предметахъ религіозныхъ; епископъ увѣрялъ насъ, что Литва отличается особеннымъ усердіемъ къ христіанству и вполнѣ покорна велѣніямъ апостольской столицы. Онъ цѣлый вѣкъ прожилъ между литовцами и хорошо знаетъ этотъ народъ, легко под-

дающійся примѣрамъ, подаваемымъ отъ верховной власти; откровенно высказалъ и то, что Литва, оставивъ язычество, которое было основаніемъ ея народности, находится на пути къ измѣненію своей цивилизаціи въ западноевропейскую, при чемъ выразилъ надежду, что этотъ путь не будетъ для нея столь тернистымъ, какъ для пруссовъ». Кибургъ, конечно, понялъ и нисколько не оскорбился этимъ кроткимъ упрекомъ всей дѣятельности нѣмецкаго ордена въ Пруссіи, онъ не помѣшалъ ему закончить отзывъ о епископѣ: «пріятный и краснорѣчивый старецъ очаровалъ насъ своимъ пріемомъ». Назначеніемъ своимъ Андрей воспользовался, чтобы поправить неудачу, которую онъ потерпѣлъ, явившись въ Литву простымъ миссіонеромъ. Отличное знаніе литовскаго языка и нравовъ народа много помогало ему въ его усиліяхъ, а замѣчательный умъ, въ соединеніи съ прекраснымъ, кроткимъ характеромъ, привлекавшимъ къ нему сердца паствы, указывалъ ему вѣрныя средства къ достиженію цѣли. Зная, что имѣетъ дѣло съ полудикимъ народомъ, онъ такъ устраивалъ богослуженіе, чтобы дѣйствовать, главнымъ образомъ, на его чувства, которыя гораздо легче и скорѣе поражаются великолѣпною внѣшностью, нежели умъ — высокимъ смысломъ евангельскихъ истинъ. Кибургъ, бывавшій во многихъ странахъ Европы, чувствовалъ особенное благоговѣніе въ виленскомъ каѳедральномъ соборѣ, который онъ посѣтилъ, 23-го іюня, во время вечерняго богослуженія. «Зданіе каѳедры, говоритъ онъ, поражаетъ своею громадностью, оно представляетъ продолговатый четырехугольникъ, выстроенный изъ кирпича и болѣе похожій на небольшое укрѣпленіе, чѣмъ на церковь. Онъ воздвигнутъ на мѣстѣ древняго языческаго храма, котораго стѣны остались нетронутыми, за исключеніемъ передней, украшенной въ современномъ вкусѣ; внутренность и число оконъ, конечно, измѣнены. Огромная крыша, отвѣчаю-

щая слишкомъ большой ширинѣ. зданія, опирается на рядѣ пилястровъ; по угламъ ея четыре башенки, по двѣ съ каждаго бока и еще три другія на ребрѣ крыши, такъ что одна приходится на вершинѣ лицевой стороны, другая на задней, а третья въ самой срединѣ (крыши). Лицевая сторона въ верхней части зданія трехугольная и ничѣмъ не украшена, кромѣ оконъ, въ которыхъ висятъ небольшіе колокола. Внутри три ряда толстыхъ пилястровъ раздѣляютъ соборъ на четыре предѣла; главный алтарь стоитъ на мѣстѣ столь чтимаго язычниками, неугасавшаго огня, кромѣ того много алтарей въ глубинѣ предѣловъ и около пилястровъ; они украшены множествомъ незамѣчательныхъ, впрочемъ, орнаментовъ; отдѣльныя, окруженныя рѣшетками мѣста, что-то въ родѣ каплицъ, также показались намъ не особенно изящными, за то повсюду сверкаютъ блескомъ дорогихъ металловъ канделябры и другіе свѣтильники, стоящіе и висящіе; нѣкоторые образа богато украшены и сакристія довольно пространная. Сумракъ, господствующій въ этой святынѣ, произвелъ на насъ какое-то меланхолическое впечатлѣніе, чему много содѣйствовалъ однообразный напѣвъ хористовъ, повторявшихъ псалмы въ глубинѣ одного изъ предѣловъ; вдругъ пѣніе прекратилось и въ концѣ праваго предѣла показалось блистательное освѣщеніе; то были свѣчи, зажженныя на алтарѣ Іоанна крестителя, около котораго столпился народъ, прежде, не смотря на свою многочисленность, почти исчезавшій въ громадномъ зданіи. Скоро услышали мы священника пѣвшаго вечерню, его смѣнилъ очень гармоническій хоръ, который, въ свою очередь, былъ заглушенъ музыкой, загремѣвшей на верхней галереѣ. Трубы, гобои, бубны, огромные котлы издавали столь могучіе звуки, что казались болѣе военною, чѣмъ церковною музыкой, но въ этихъ звукахъ было столько гармоніи и музыкальности, они стихали такъ постепенно и нѣжно

и, наконецъ, исчезли въ такомъ прекрасномъ, мужественномъ пѣніи: «Gloria Patri et Filio et caet.», что мы были поражены въ высшей степени. Кажется, что этотъ способъ отправленія богослуженія при такой звучной музыкѣ и отличномъ пѣніи, есть самый лучшій для народа, который, недавно оставивъ язычество, требуетъ сильныхъ внѣшнихъ впечатлѣній, чтобы вполнѣ проникнуться благоговѣніемъ къ Богу истинному. При произнесеніи словъ: «Gloria Patri» народъ падалъ на землю, что сдѣлали и мы, какъ бы убѣжденные въ присутствіи пресв. Троицы». Кромѣ этой торжественности богослуженія, которая сильно поражала народъ и привлекала его къ новой религіи, епископъ дѣйствовалъ на него путемъ образованія. До сихъ поръ литовцы получали образованіе почти исключительно въ городахъ литовской Руси, гдѣ при монастыряхъ были школы, способныя научить чтенію и письму и отчасти разумѣнію священнаго писанія; только немногіе, предназначаемые для дипломатической службы, учились въ Ригѣ нѣмецкому языку. Чтобы противудѣйствовать вліянію русскихъ школъ, епископъ основалъ училище при каѳедральномъ соборѣ, въ которомъ учили францискане и нѣсколько школъ въ разныхъ мѣстахъ своей епархіи. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о дѣятельности этихъ учрежденій, но согласны съ Кибургомъ, который говоритъ, что характеръ епископа и строгій выборъ священниковъ позволяли духовенству сильно вліять на нравственное образованіе новообращенныхъ, «хотя, прибавляетъ Кибургъ, ему нужно работать еще слишкомъ много и долго, чтобы успѣть на пространствѣ всей страны». Между боярами литовскими уже Кибургомъ замѣченъ обычай посылать своихъ дѣтей учиться въ Краковъ и за границу; такимъ образомъ, хорошо организованная католическая іерархія, ея умѣнье дѣйствовать на народъ и открывшаяся возможность получать образованіе въ

Краковѣ и за границей начали тотъ порядокъ вещей, который Литву, почти обрусѣвшую, подчинилъ Польшѣ и совершенно ополячилъ ея высшіе классы [307].

Ягелло, справедливо называемый апостоломъ Литвы, цѣлый годъ трудившійся надъ ея обращеніемъ, самъ ѣздившій по различнымъ мѣстностямъ и поучавшій народъ, сдѣлался, какъ говорятъ польскія лѣтописи, ревностнымъ христіаниномъ и, въ теченіе всей жизни, удивлялъ благочестіемъ и строгимъ исполненіемъ церковныхъ уставовъ. Съ одной стороны вліяніе набожной Ядвиги, съ другой—желаніе снискать славу благочестиваго государя и пріобрѣсть, чрезъ то, уваженіе папы и всего запада, особенно возбуждали его религіозность. Постоянныя клеветы ордена, обвинявшаго его въ склонности къ язычеству и въ слабости его христіанскихъ убѣжденій, должны были разбиться о многочисленныя доказательства его постояннаго благочестія и особенной щедрости его къ духовенству. Онъ говѣлъ четыре раза въ годъ при жизни Ядвиги и два раза послѣ ея смерти, каждую пятницу постился такъ строго, что ѣлъ только хлѣбъ и пилъ воду. Въ праздникъ пасхи каждому нищему, которыхъ множество собиралось къ нему, давалъ по широкому грошу пражскому, а въ великую пятницу собственными руками умывалъ ноги 12 изъ нихъ и каждому давалъ по 12 грошей, по штукѣ сукна и полотна. Молился всегда на колѣняхъ, часто посѣщалъ монастырь св. креста и не иначе, какъ пѣшкомъ взбирался на лысую гору; въ каждой церкви, въ которую заходилъ помолиться, оставлялъ по одной маркѣ; наконецъ, отличался особеннымъ уваженіемъ къ духовенству и терпѣливо сносилъ его, часто очень рѣзкіе, упреки. Въ послѣдствіи увидимъ, что преимущественно Збигнѣвъ Олесницкій позволялъ себѣ, относительно его, особенную дерзость и грубость, но въ этомъ случаѣ терпѣніе Ягелла объясняется не благочестивымъ смиреніемъ:

Збигнѣвъ, епископъ краковскій и потомъ кардиналъ, былъ человѣкъ столь твердаго и энергическаго характера, что не слабому Ягеллу было удержать его въ границахъ приличія, онъ взялъ короля въ свою опеку и иногда такъ дерзко порицалъ его, что забывалъ даже уваженіе, которымъ подданный обязанъ государю. Вообще приведенныя свидѣтельства[308] о благочестіи Ягелла нужно принимать съ большою осторожностью, такъ какъ въ самомъ его характерѣ не замѣтно ничего прочнаго и опредѣленнаго, нѣтъ ни одной черты, постоянно его отличающей. Несомнѣнно, что онъ старался выполнять всѣ требованія новой религіи, но тѣже источники говорятъ, что онъ рѣдко бывалъ на утреннемъ богослуженіи, потому что, обыкновенно, просыпалъ его; несомнѣнно и то, что онъ почтительно относился къ духовенству, но привычка къ деспотизму, вкоренившаяся еще въ то время, когда онъ былъ литовскимъ княземъ, проглядываетъ и въ этихъ отношеніяхъ, такъ первые шаги Ягелла на землѣ великопольской, были ознаменованы нарушеніемъ правъ церкви, грабежемъ деревень гнѣзненской капитулы. Замѣщеніе епископскихъ каѳедръ не разъ подавало поводъ къ деспотическому образу дѣйствій короля относительно духовенства: обыкновенно епископовъ избирали капитулы и утверждали папы, хотя послѣдніе и сохраняли за собою право назначать ихъ помимо избранія; въ 1392 г., по просьбѣ Ягелла, папа Бонифацій IX назначилъ епископомъ краковскимъ Петра Выша Радоминскаго, въ 1412 г. король, недовольный Вышемъ, обратился къ сомнительному папѣ Іоанну XXIII, прося его перевести Выша въ Познань, а на его мѣсто — епископа познанскаго Войцѣха Ястжембца. Предлогомъ выставлялъ Ягелло разстройство умственныхъ способностей Выша, которое, конечно, дѣлало его столь же негоднымъ для епископіи познанской, сколько и для краковской. Репутація Ястжембца, думавшаго только о

собственномъ обогащеніи, не останавливала короля и когда ходатайство его не было уважено, онъ силою выгналъ Выша изъ Кракова и перевелъ на его мѣсто Ястжембца. Подобное насиліе возбудило вниманіе констанцскаго собора и Ястжембецъ, соучастникъ преступленія противъ церковнаго права, былъ потребованъ на судъ соборныхъ отцовъ; въ тоже время Вышъ, здоровье котораго давно ужъ было разстроено, сталъ быстро приближаться къ смерти и Ягелло, почувствовавъ угрызеніе совѣсти, на колѣняхъ умолялъ его о прощеніи, но, раскаяваясь предъ Вышемъ, онъ продолжалъ поддерживать Ястжембца, выгородилъ его на соборѣ и, постоянно покровительствуя ему, доставилъ ему впослѣдствіи санъ гнѣзненскаго архіепископа. По смерти Выша, желая видѣть епископомъ познанскимъ Андрея Ласкара изъ Гославицъ, онъ, одинъ, безъ свиты, пріѣхалъ въ засѣданіе капитулы и съ обнаженной головой, униженно просилъ прелатовъ объ его избраніи; прелаты сначала отказывались, но потомъ исполнили королевскую просьбу; въ 1426 г. таже капитула была приведена въ ужасъ угрозами Ягелла и подъ ихъ вліяніемъ избрала его кандидата Станислава Ціолка [309].

Подобная пестрота и противурѣчія въ дѣятельности Ягелла относительно духовенства весьма ослабляютъ мнѣніе о его искреннемъ благочестіи и сознательномъ исполненіи предписаній церкви; суевѣріе, приписываемое ему всѣми источниками, желаніе ставить свѣчи и Богу и чорту [310] и приведенные примѣры заставляютъ насъ видѣть въ немъ человѣка, который былъ религіознымъ изъ побужденій чисто политическихъ и котораго религіозность, по этому самому, была чисто внѣшнею и ограничивалась постами, колѣнопреклоненіями, милостынею и строеніемъ церквей; тѣмъ не менѣе она была высоко цѣнима папами, изъ которыхъ Мартинъ V пожаловалъ ему даже званіе генеральнаго викарія римской церкви.

ГЛАВА VI.

Положивъ начало обращенію Литвы въ римскій католицизмъ, Ягелло долженъ былъ подумать объ устройствѣ ея управленія, такъ какъ самъ, какъ король польскій, обязанный жить въ Краковѣ, не могъ непосредственно управлять ею. Онъ соединилъ свое литовскорусское государство съ Польшею и подтвердилъ это соединеніе торжественною присягою произнесенною предъ коронаціей [311]; его братья, довольствуясь своими удѣлами, присягнули въ вѣрности ему, королевѣ Ядвигѣ и коронѣ польской [312]; вмѣстѣ съ титуломъ короля польскаго, онъ носилъ титулъ «Lithuaniae princeps supremus et haeres Russiae», слѣдовательно литовскорусское государство сдѣлалось теперь собственностью короны польской. Разсматривая его такимъ образомъ, паны должны были стремиться захватить его управленіе въ свои руки и также хозяйничать въ Литвѣ, какъ хозяйничали въ Польшѣ; въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, какъ и въ томъ, что Ягелло не былъ въ состояніи противиться ихъ желаніямъ. Между тѣмъ достоинство великаго князя литовскаго и власть надъ Литвою были переданы имъ Скиргеллу; очевидно обстоятельства не благопріятствовали видамъ польскихъ магнатовъ, но въ чемъ они заключались, мы не знаемъ, и потому должны ограничиться одними предположеніями. По всей вѣроятности онѣ объясняются настояніями литовскихъ бояръ, открыто выражавшихъ свое нежеланіе соединиться съ Польшею и обратить свое отечество въ польскую провинцію,

или же стеченіемъ фамильныхъ отношеній, которыя заставили Ягелла предпочесть роднаго брата какому нибудь польскому магнату, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ Неудовольствіе литовскихъ бояръ и опасеніе, чтобы поляки не возъимѣли важнаго вліянія въ Литвѣ, положительно подтверждаются Стрыйковскимъ, который, разсказывая о назначеніи луцкимъ старостой поляка, Креслава изъ Курожвенкъ, прямо говоритъ, что Ягелло сдѣлалъ это назначеніе противъ воли бояръ, не желавшихъ, чтобы поляки занимали должности въ литовско. русскомъ государствѣ [313]. Поляки не противились назначенію Скиргелла, и это тѣмъ удивительнѣе, что предлагая корону Ягеллу, они особенно сильно настаивали на соединеніе Литвы съ Польшею; отсюда видно, что поводы къ тому были особенно сильны и важны и что такое измѣненіе прежнихъ намѣреній поляковъ было рѣшительно необходимо для блага обоихъ народовъ. Такимъ образомъ первое соединеніе Литвы съ Польшею, такъ сказать голословно закрѣпленное однимъ обѣщаніемъ Ягелла, въ самомъ же началѣ своего совершенія было положительно уничтожено; нельзя было сказать, что Ягелло слилъ оба государство въ одно тѣло (incorporavit), если онъ отдалъ великокняжескій, литовскій престолъ Скиргеллу и короновалъ его съ соблюденіемъ всѣхъ древнихъ обычаевъ [314]. Пробывъ болѣе года въ Литвѣ, Ягелло возвратился въ Польшу въ 1388 г., куда королева Ядвига уѣхала еще въ 1387 г. Весьма различными послѣдствіями ознаменовалось возвращеніе короля и королевы: Ядвига пріѣхала въ Краковъ, очевидно довольная обращеніемъ Литвы въ христіанство, готовая помириться съ своею участью и даже полюбить мужа, которому выпало на долю столь великое дѣло. Понимая, что права Ягелла на польскую корону основаны только на томъ, что онъ былъ ея мужемъ, она заботится о болѣе прочномъ утвержденіи его на престолѣ и, только что

возвратившись, пишетъ райцамъ краковскимъ письмо. въ которомъ проситъ ихъ признавать Ягелла королемъ. даже и въ случаѣ ея смерти [315]. Съ совершенно иными чувствами возвратился Ягелло: его подозрительный и слабый характеръ и, вмѣстѣ, слабое соображеніе возбуждали сомнѣніе въ супружеской вѣрности Ядвиги; ему казалось невозможнымъ, вѣроятно по собственному примѣру, чтобы жена, почти цѣлый годъ разлученная съ мужемъ, осталась ему вѣрною. Гнѣвошъ изъ Далевицъ, по непонятнымъ побужденіямъ, оклеветалъ королеву, обвиняя ее въ сношеніяхъ съ Вильгельмомъ, который, будто бы, пріѣзжалъ въ Краковъ, въ отсутствіе короля. Не умѣющій владѣть собою и не оцѣнившій еще высокихъ добродѣтелей жены, Ягелло немедленно, не разузнавъ ничего обстоятельно, повѣрилъ клеветѣ и рѣзко обвинилъ Ядвигу въ измѣнѣ. Подобное обвиненіе въ тѣ времена могло повлечь за собою ужасныя послѣдствія, которыя, впрочемъ, вполнѣ зависѣли отъ характера оскорбленнаго мужа: еще недавно одинъ изъ князей мазовецкихъ, несправедливо подозрѣвая свою жену въ невѣрности, приказалъ умертвить ее безъ всякаго суда и слѣдствія, но современникъ Ягелла, Сигизмундъ, король венгерскій и императоръ, спокойно переносилъ крайне развратное поведеніе своей второй супруги Варвары, отчасти потому, что и самъ грѣшилъ подобнымъ образомъ Ягелло, по свидѣтельству Длугоша, не отличался вѣрностью своимъ многочисленнымъ женамъ, слѣдовательно, не могъ быть особенно взыскательнымъ, еслибъ и онѣ обратили свое вниманіе на кого нибудь другаго, но его болѣзненное самолюбіе и готовность слушать клеветниковъ должны были окончательно испортить жизнь Ядвиги, и безъ того уже не радостную. Возбуждаемый Гнѣвошемъ, король довелъ свою жену до того, что она почувствовала къ нему отвращеніе и прекратила съ нимъ всякія сношенія. Пожертвовавъ всѣмъ, что было дорого

ея сердцу, для интересовъ религіи и народа, она вышла за человѣка, котораго не могла ни любить, ни уважать и, конечно, возненавидѣла, когда онъ оскорбилъ ее открытымъ обвиненіемъ въ безнравственномъ поступкѣ. Ея отвращеніе было такъ сильно, что не умѣрялось даже религіозностью и когда духовный отецъ, на исповѣди, укорялъ ее за подобныя отношенія къ мужу, она съ гнѣвомъ приказала ему молчать [316]. Коронные паны, испуганные раздоромъ королевской четы, опасаясь огласки и, можетъ быть, развода, рѣшились своимъ вмѣшательствомъ положить конецъ этой печальной распрѣ. Ихъ стараніями была обнаружена клевета Гнѣвоша и убѣжденный въ невинности жены Ягелло обратился къ ней, раскаяваясь въ своемъ легкомысліи, но Ядвига не иначе согласилась примириться, какъ изобличивъ клеветника передъ судомъ и подвергнувъ его заслуженному наказанію. Пользуясь правомъ, принадлежавшимъ каждой шляхтянкѣ, она позвала Гнѣвоша къ суду за оскорбленіе своей чести и выбрала своимъ повѣреннымъ каштеляна войницкаго Яска изъ Тенчина, который съ особенною радостью принялъ порученіе возстановить униженную честь королевы. Въ Вислицѣ, которая была назначена мѣстомъ судебныхъ засѣданій, собрались не только судьи, но весь дворъ и почти всѣ магнаты; въ точности соблюдая все, что предписывалось обычаями и закономъ, повѣренный королевы привелъ ее къ присягѣ и убѣдившись такимъ образомъ въ ея невинности, громко объявилъ предъ судьями, что королева съ самаго заключенія брака пребыла вѣрною своимъ супружескимъ обязанностямъ и не осквернила ложа своего супруга. Двѣнадцать вооруженныхъ шляхтичей поддерживали это объявленіе и готовы были съ оружіемъ выступить противъ всякаго, кто бы осмѣлился утверждать противное, т. е. вызывали всѣхъ на судъ Божій. На предложеніе оправдаться,

Гнѣвошъ отвѣчалъ молчаніемъ и явнымъ для всѣхъ смущеніемъ; тогда онъ былъ приговоренъ къ тому наказанію, какое предписываетъ законъ за оскорбленіе женской чести: онъ долженъ былъ лѣзть подъ лавку и оттуда громко сказать, что онъ солгалъ, какъ песъ и свое подобіе съ этимъ животнымъ подтвердить подражаніемъ собачьему лаю [317]. Такъ очистилась Ядвига отъ незаслуженнаго обвиненія и, какъ говорятъ источники, примирилась съ своимъ мужемъ, такъ что дальнѣйшая жизнь ея текла счастливо и спокойно; мы скажемъ вѣрнѣе, что она примирилась съ необходимостью имѣть такого мужа, но никогда уже не была счастлива Послѣ этого случая, мы видимъ въ ней не блестящую красавицу, которая такъ весело танцовала съ Вильгельмомъ въ Францисканскомъ монастырѣ, а убитую горемъ женщину, которая устраняется отъ всѣхъ удовольствій, которая сидитъ въ углу залы и только смотритъ на танцы своихъ придворныхъ, не принимая въ нихъ участія, и которая находитъ единственное утѣшеніе въ подвигахъ благочестія и благотворительности. Ранняя смерть скоро положила конецъ ея неудавшейся жизни.

Между тѣмъ внутреннее спокойствіе Литвы, которое Ягелло думалъ обезпечить, отдавая правленіе въ руки Скиргелла, именно тѣмъ самымъ было подвергнуто важной опасности. Какъ всегда бывало въ распоряженіяхъ Ягелла, онъ не съумѣлъ достаточно оцѣнить характера своего брата и вовсе не замѣтилъ, что онъ неспособенъ быть главою Литвы, особенно въ то смутное время. Руководствуясь родственнымъ чувствомъ и благодарностью за услуги, лично ему оказанныя, онъ сдѣлалъ Скиргелла великимъ княземъ Литвы, не сообразивъ, что новый, еще только вводимый въ ней порядокъ вещей требуетъ болѣе широкаго соображенія и болѣе твердаго характера, чѣмъ тѣ, какими отличался избранный

имъ братъ. Тамъ, гдѣ требовалась неутомимая дѣятельность и гдѣ нужно было дѣйствовать путемъ нравственнаго убѣжденія и вліянія, Скиргелло употреблялъ только средства насилія и большую часть времени проводилъ въ пирахъ, неумѣренно употребляя горячительные напитки. Жестокій по природѣ [318], онъ свирѣпѣлъ оттого еще болѣе и, отуманенный виномъ, не разъ бросался съ оружіемъ на своихъ приближенныхъ, которые ранами и увѣчьемъ платили за участіе въ пирахъ своего князя Случайное знаніе медицины помогало ему, по вытрезвленіи, хоть отчасти исправлять наносимый имъ вредъ. Весьма естественно, что подобный характеръ вовсе не шелъ государю страны, только что обращенной въ христіанство; пьянство и буйство не могли содѣйствовать болѣе глубокому насажденію истинъ евангелія, что было главною обязанностью такого государя. Недостатки Скиргелла были тѣмъ поразительнѣе, что рядомъ съ нимъ былъ князь совершенно инаго характера, несравненно большаго развитія умственнаго, — князь гродненскій Витовтъ; на немъ отдыхаетъ вниманіе, утомленное дѣятельностью личностей, въ родѣ Ягелла и Скиргелла. «Великій духомъ, славный дѣлами, подобный Александру македонскому [319], несравненный въ военномъ дѣлѣ, обладающій сверхчеловѣческими добродѣтелями» [320],—вотъ какіе отзывы сохранились о немъ въ источникахъ; но несмотря на эти качества, Витовтъ долженъ былъ долго бороться и вынести много тяжелыхъ трудовъ прежде, чѣмъ удалось ему убѣдить Ягелла, что одинъ только онъ можетъ хорошо управлять Литвою. Въ ранней своей молодости, горячо любимый отцомъ, предпочитаемый остальнымъ братьямъ за высшія качества ума и характера, онъ былъ въ дружбѣ съ Ягелломъ и вѣрилъ въ него: неопровержимыя доказательства, которыми Кейстутъ изобличилъ его измѣну, не могли поколебать этой

дружбы и этого довѣрія; но когда совершилось убіеніе отца, когда онъ самъ былъ брошенъ въ башню кревскаго замка, когда потомъ, бѣжавъ къ рыцарямъ, долженъ былъ пройти у нихъ горькую школу испытаній, Витовтъ совершенно измѣнился. Во второй половинѣ своей жизни, онъ сдѣлался безстрастнымъ, холоднымъ, глубоко и всесторонне обсуждающимъ каждый поступокъ, но уже не вѣрилъ ни въ кого и потому дѣйствовалъ съ крайнею осторожностью. Его дѣятельность такъ неутомима и такъ расчетлива, его способности такъ поразительны, образъ жизни такъ правиленъ и воздерженъ. что мы, вмѣстѣ съ лѣтописцами, готовы признать въ немъ сверхчеловѣческія добродѣтели; и такъ богато одаренный князь долженъ былъ занять положеніе низшее, быть отчасти подчиненнымъ Скиргеллу. Чтобы оцѣнить, въ какой степени тяжело было для Витовта назначеніе Скиргелла, мы должны разсмотрѣть отношенія его къ Ягеллу, современи возвращенія его изъ Пруссіи. Согласившись примириться съ братомъ, подъ условіемъ возвращенія ему отцовскаго наслѣдія, Витовтъ дѣйствительно получилъ его [321], но Ягелло скоро нарушилъ данное слово и, не опасаясь его болѣе, отнялъ у него Троки и отдалъ ихъ Скиргеллу, такъ что Витовтъ остался только при русскихъ владѣніяхъ Кейстута. Это случилось очень скоро, потому что въ 1384 же году, Витовтъ оффиціально заявилъ, что получилъ отъ великаго князя Брестъ, Дрогичинъ, Мельникъ, Бѣльскъ, Суражъ, Каменецъ, Волковыйскъ и Гродно; — о Трокахъ ни слова. Кромѣ того Витовтъ прибавляетъ, что онъ не будетъ домогаться владѣній своего отца и ни къ кому не отправитъ пословъ. безъ вѣдома и воли Ягелла; такимъ образомъ обманутый, лишенный своей собственности, онъ долженъ былъ поступиться, отчасти, и своими правами. Мы говорили уже, что Витовтъ подчинился этимъ распоряженіямъ въ надеждѣ, что, при соединеніи Литвы

съ Польшею, когда Ягелло перейдетъ въ Краковъ, положеніе его улучшится и, можетъ быть, онъ получитъ Вильну, вмѣстѣ съ достоинствомъ великаго князя. Спокойно ожидая этого времени, онъ довольствуется скромнымъ титуломъ князя гродненскаго и брестскаго [322], до 1388 года, когда Ягелло, по неизвѣстнымъ причинамъ сдѣлавшійся благосклоннѣе, далъ ему еще Луцкъ и Владиміръ; въ грамотѣ отъ 1 іюля 1388 г. Витовтъ называетъ себя «княземъ литовскимъ, дѣдичемъ Гродна, Бреста, Дрогичина, Луцка и Владиміра» [323]. Коротко, однакожъ, было его владѣніе Волынью, постоянно колеблющійся Ягелло, вѣроятно, нашелъ. что слишкомъ усилилъ своего двоюроднаго брата и въ томъ же году, въ грамотѣ отъ 24 іюля, Витовтъ называется, княземъ брестскимъ, дѣдичемъ гродненскимъ и дальнѣйшихъ земель Литвы и Руси [324], а въ слѣдующемъ, 1389 году, носитъ прежній, скромный титулъ князя гродненскаго и брестскаго [325]. Изъ приведенныхъ фактовъ несомнѣнно слѣдуетъ, что въ теченіе 4 лѣтъ, прошедшихъ со времени возвращенія Витовта изъ Пруссіи, онъ былъ обманутъ два раза, сначала у него отняли Троки, потомъ дали и снова отняли Волынь. Возведеніе Скиргелла въ достоинство великаго князя было послѣднимъ, нанесеннымъ ему ударомъ и тогда онъ долженъ былъ убѣдиться въ полной неосновательности своихъ надеждъ и въ непримиримой ненависти Ягелла. Очень можетъ быть, что, доведенный до крайности, онъ какъ нибудь выразилъ свое неудовольствіе и тѣмъ еще болѣе ухудшилъ свое положеніе: подозрительный Ягелло окружилъ его шпіонами, перехватывалъ его письма и запретилъ всякія сношенія съ Пруссіею и съ московскимъ государствомъ; сватовство Василія Димитріевича за Анастасію Витовтовну было встрѣчено крайне непріязненно и запрещеніе сношеній съ Москвою имѣло цѣлью воспрепятствовать заключенію этого брака; какъ увидимъ впослѣдствіи,

московскіе бояре должны были пріѣхать въ Пруссію и моремъ повезли невѣсту своего князя. Конечно, Витовтъ не могъ спокойно переносить такого преслѣдованія; онъ посылалъ къ королю бояръ, чтобъ объяснить свои дѣйствія, но пословъ его хватали, заключали въ темницы или топили; друзья его были удалены подъ разными предлогами, а родственники, безъ всякихъ предлоговъ, ограблены, т. е. лишены своихъ наслѣдственныхъ владѣній. Всѣ эти гоненія, которыхъ главнымъ виновникомъ, конечно, былъ Ягелло, объясняются по свидѣтельству источниковъ и по словамъ самого Витовта также вліяніемъ Скиргелла. Въ документѣ, очевидно вынужденномъ, въ которомъ Витовтъ обѣщаетъ новому великому князю дружбу и помощ противу всѣхъ враговъ[326], онъ говоритъ объ оскорбленіяхъ, которыя онъ вынесъ отъ Скиргелла и обязуется не вѣрить клеветникамъ, которые бы желали снова ихъ поссорить. Очевидно, что Скиргелло, сознавая превосходство Витовта и зная, вѣроятно, о питаемыхъ имъ надеждахъ, боялся за свое положеніе; это опасеніе выразилось мелкими придирками и оскорбленіями и повело, наконецъ, къ составленію упомянутаго документа. Нельзя не замѣтить, какъ боялись Витовта король и великій князь: повидимому онъ дѣлаетъ все, чего они желаютъ, онъ переноситъ обманы и нарушеніе своихъ правъ, онъ даетъ письменное обязательство питать къ нимъ дружбу и все таки не можетъ ихъ успокоить; чувствуя себя постоянно угрожаемымъ съ его стороны, великій князь, не удовольствовавшись обязательствомъ, приходитъ къ сознанію необходимости рѣшительной мѣры, т. е. по просту рѣшается умертвить противника, пока ничѣмъ еще не заявившаго своей враждебности[327]. Что же оставалось Витовту? энергическій по природѣ, онъ не могъ спокойно подставлять свою шею и рѣшился однимъ отважнымъ ударомъ или все потерять, или все выиграть: въ концѣ

1389 года, подъ предлогомъ празднествъ по случаю свадьбы сестры, онъ отправилъ въ Вильну рядъ возовъ, будто бы, нагруженныхъ съѣстными припасами для предстоящихъ пировъ, а на самомъ дѣлѣ укрылъ въ нихъ вооруженныхъ людей, которые должны были захватить виленскій замокъ и такимъ образомъ предать столицу въ его руки. Эта военная хитрость была открыта, приверженцы Витовта были схвачены и брошены въ темницы, а самому ему не оставалось ничего болѣе, какъ снова бѣжать изъ отечества и снова искать опоры и помощи на чужбинѣ[328]. Въ первыхъ числахъ января (1390) онъ выслалъ братьевъ, Сигизмунда и Конрада, дочь и сестру (Рингаллу) съ плѣннымъ смоленскимъ княземъ[329] и сто литовскихъ бояръ къ великому магистру, какъ уполномоченныхъ для заключенія новаго союза съ орденомъ противъ Ягелла и Скиргелла и, отчасти, какъ заложниковъ и поручителей въ вѣрномъ исполненіи принимаемыхъ имъ на себя обязательствъ[330]; 19 января переговоры были окончены съ успѣхомъ: Витовтъ обязался съ точностью выполнить все обѣщанное имъ ордену, еще во время перваго пребыванія его въ Пруссіи[331], въ тотъ же день онъ заключилъ новый договоръ съ магистромъ, по которому послѣдній долженъ былъ доставить, за извѣстную плату, съѣстные припасы для крѣпостей Витовта, которыя онъ, уѣзжая, снабдилъ сильными гарнизонами[332].

И такъ Витовтъ снова обратился къ покровительству ордена, побуждаемый, главнымъ образомъ, страхомъ, который внушалъ ему Скиргелло; нѣтъ сомнѣнія, что орденъ принялъ его съ величайшею радостью, потому что, угрожаемый соединеніемъ Литвы съ Польшею, онъ былъ готовъ на всѣ пожертвованія, чтобы помѣшать этому важному событію; прежнее вѣроломство Витовта было забыто и даже недавнія, враждебныя его дѣйствія не могли уничтожить радости ве-

ликаго магистра, по поводу снова открывающейся возможности ослабить Литву внутреннимъ междуусобіемъ [333]. Конечно, орденъ былъ теперь осторожнѣе и, бдительно наблюдая за самимъ Витовтомъ, разлучилъ его съ родными, женою и дѣтьми, которые были помѣщены въ различныхъ орденскихъ замкахъ и должны были служить порукою, что, на этотъ разъ, Витовтъ честнѣе исполнитъ свои обязательства. На первый разъ кажется, что орденъ брался за предпріятіе крайне опасное, потому что, оказывая покровительство Витовту, онъ вызывалъ противъ себя не только Литву, но и Польшу; однакожъ не слѣдуетъ забывать, что онъ могъ расчитывать въ самомъ литовскорусскомъ государствѣ на сильную поддержку тѣхъ, которые составляли партію Витовта. По весьма понятному стеченію обстоятельствъ тѣ, которые поддерживали прежде Ягелла и были противъ Витовта и Кейстута, теперь стали на сторону Витовта [334]; лѣтописцы прямо говорятъ, что, по окрещеніи Литвы, въ ней образовались двѣ партіи: литовская или католическая и русская или православная. Скиргелло, хотя и православный, сталъ во главѣ первой, потому что такова была воля брата, которому онъ повиновался безпрекословно, а Витовтъ, не смотря на свое католичество, сдѣлался вождемъ второй [335], нашелъ для себя выгоднымъ опереться на многочисленное русское населеніе Литвы, естественно холодное, даже непріязненное Ягеллу, послѣ перехода его въ католичество. Набѣги ордена, предпринимаемые въ интересахъ Витовта, направляются въ страны, чисто литовскія, въ Керновъ и Мейшаголы [336], крѣпости его, осажденныя Ягелломъ, въ началѣ 1390 г., все русскія, Брестъ, Суражъ, Каменецъ, защищаются съ величайшимъ упорствомъ, а взятіе важнѣйшей изъ нихъ, Гродна, объясняется враждою мѣстнаго гарнизона къ орденскому отряду, который былъ введенъ въ крѣпость для болѣе на-

дежной ея защиты. Нельзя, однакожъ, утверждать, что всѣ литовцы были противъ Витовта и, желая выразиться опредѣлительнѣе, мы будемъ близки къ истинѣ, если скажемъ, что тѣ изъ нихъ остались ему вѣрны, которые не принимали католицизма. Такъ, Жмудь, сохранившая свое язычество, оказывается въ такой степени ему преданною, что, 26 мая 1390 г. заключаетъ въ его интересахъ союзъ съ рыцарями, которыхъ она искренно ненавидѣла [387]. Съ другой стороны не слѣдуетъ забывать и того, что орденъ не разрывалъ съ Польшею изъ-за Витовта, онъ былъ уже въ разрывѣ съ нею, потому что, со времени отказа великаго магистра быть крестнымъ отцомъ Ягелла, со времени оказанной имъ помощи Андрею полоцкому, король польскій имѣлъ достаточно поводовъ считать себя оскорбленнымъ, а миръ разорваннымъ не имъ, а орденомъ. Попытки къ соглашенію, сдѣланныя съ обѣихъ сторонъ, не повели ни къ чему, потому что ни великій магистръ, ни король, не питали другъ къ другу никакого довѣрія. Въ половинѣ апрѣля 1388 г. Конрадъ Цольнеръ пріѣхалъ въ Торнъ, а Ягелло въ Раціонжъ и изъ этихъ мѣстъ повели переговоры о желанномъ, по внѣшности, мирѣ. Условія для его заключенія, заявленныя орденомъ, были въ такой степени неопредѣленны и неясны, что, очевидно, ихъ предложили только потому, что надѣялись на невозможность ихъ принятія. Три собственно были условія; первое понятно, оно касалось выкупа или обмѣна плѣнныхъ, съ которыми, какъ увѣрялъ магистръ, Ягелло, послѣ крещенія, сталъ поступать особенно жестоко, за что старая прусская хроника даже обзываетъ его злымъ псомъ. Второе условіе магистра заключалось въ какомъ то непонятномъ обезпеченіи ордена и сосѣднихъ христіанскихъ государствъ въ томъ, весьма возможномъ, случаѣ, если литовцы и русскіе снова обратятся въ язычество [388], а третье рѣшительно

не имѣетъ смысла и можетъ быть истолковано самымъ различнымъ образомъ[339]. Весьма естественно, что Ягелло не могъ согласиться на требованія ордена, когда не было никакой возможности понять, въ чемъ заключаются эти требованія, и миръ, конечно, заключенъ не былъ. Хотя единственнымъ виновникомъ этого былъ самъ магистръ, тѣмъ не менѣе онъ жалуется папѣ, что Ягелло не хочетъ заключать мира, намекаетъ на опасность, грозящую всему христіанству и проситъ принять мѣры, необходимыя для его защиты[340]. Было ясно, что магистръ хочетъ войны, тѣмъ болѣе, что по всей Пруссіи шло усиленное вооруженіе и кромѣ того были заключаемы договоры о поставкѣ солдатъ съ поморскими и щецинскими герцогами, даже съ знатными рыцарскими фамиліями и посланы въ Германію вербовщики. Такія мѣры были необходимы потому, что орденъ начиналъ войну съ страною, которая, какъ всѣмъ было извѣстно, давно уже исповѣдывала христіанство и разорять которую не пошли бы западные рыцари, такъ охотно стекавшіеся подъ знамена ордена для истребленія безбожныхъ сарациновъ. Религіозный фанатизмъ обезпечивалъ, сначала, ордену помощь Европы, но когда оружіе его обратилось противъ христіанскаго народа, таже помощь была покупаема за деньги.

Очень пріятно было магистру, что противная сторона, первая, начала враждебныя дѣйствія: въ іюлѣ 1388 г. Витовтъ, его братъ Конрадъ и Корибутъ внезапно появились передъ Визною и захватили ее[341]; обрадованный магистръ снова жалуется папѣ на такое безправіе и снова проситъ принять мѣры для огражденія безопасности церкви[342], въ тоже время онъ пускаетъ свои шайки для опустошенія Литвы. Результатомъ впаденія было сожженіе городовъ Виессвальде и Вилькенбурга и опустошеніе береговъ Виліи, которое продолжалось 12 дней. Горячо затронутый такимъ образомъ

дѣйствій ордена, Ягелло не рѣшался, однакожъ, открыто противъ него выступить, но времени не терялъ, изъискивая всѣ средства возможно болѣе его ослабить, чтобы тѣмъ вѣрнѣе расчитывать на успѣхъ въ неизбѣжной борьбѣ съ нимъ. Простое соображеніе, что главное могущество ордена заключается въ силахъ, приливающихъ къ нему съ запада и что силы эти могутъ проникать въ Пруссію только чрезъ владѣнія поморскихъ князей [343], заставило его обратиться къ послѣднимъ и расторгнуть союзъ ихъ съ великимъ магистромъ. Подробности этой негоціаціи неизвѣстны, но очевидно, что союзъ съ Польшею былъ гораздо естественнѣе для Поморья, чѣмъ союзъ его съ орденомъ: долговременная, ожесточенная борьба, которая только недавно окончилась расширеніемъ границъ ордена на счетъ Поморья, не могла не оставить въ князьяхъ и въ населеніи враждебнаго чувства къ нѣмецкимъ рыцарямъ. Какъ князьямъ, такъ и народу было естественнѣе соединиться съ поляками, имѣвшими старые счеты съ орденомъ, сводя которые, они могли пособить и поморцамъ въ возстановленіи ихъ попранныхъ правъ. Какъ кажется, князья скоро согласились съ Ягелломъ, что имъ не слѣдуетъ пропускать рыцарей, идущихъ въ Пруссію, что пропуская ихъ, они только усиливаютъ орденъ и что это усиленіе можетъ современемъ еще тяжелѣе отозваться на нихъ, чѣмъ прежде. Заключенные договоры, взятыя впередъ деньги нисколько не удерживали князей отъ враждебнаго образа дѣйствій относительно ордена и они начали его схвативъ герцога Гельдерна, Вильгельма, который шелъ воевать съ невѣрными подъ знаменами ордена. Арестъ столь знатнаго гостя, грабежъ его имущества, тѣмъ болѣе поразили магистра, что все это произошло въ странѣ союзниковъ, по ихъ прямому приказанію и при участіи одного изъ важнѣйшихъ ихъ чиновниковъ, Эккарда ф. д. Вальде [344]; немедленно были приняты мѣры

для освобожденія герцога, но онѣ не имѣли никакого успѣха: князья, противъ всякаго ожиданія, оказывались вовсе не расположенными къ ордену, они не отвѣчали на письма магистра и не являлись на свиданія, которыя онъ назначалъ для мирнаго окончанія дѣла. Среди этихъ неудачныхъ попытокъ, великій магистръ узналъ, что главная роль въ плѣнѣ герцога принадлежитъ Ягеллу, что онъ подговорилъ поморскихъ князей захватить его и хочетъ теперь увезти его въ Польшу, даже въ Литву или въ Русь, откуда освободить его не будетъ никакой возможности. Мы вполнѣ допускаемъ справедливость этого слуха. Ягелло, какъ извѣстно, ненавидѣлъ орденъ и былъ увѣренъ, что война съ нимъ, рано или поздно, непремѣнно начнется; при такой увѣренности онъ долженъ былъ преградить или затруднить сношенія его съ западомъ, откуда орденъ могъ получать помощь даромъ или за деньги; для того то привлекъ онъ къ союзу поморскихъ князей и подговорилъ ихъ такъ жестоко поступить съ герцогомъ, надѣясь, что его несчастіе остановитъ многихъ, желавшихъ идти въ Пруссію. Получивъ такія свѣдѣнія, великій магистръ двинулъ свои войска въ Поморье, опустошилъ имѣнія тѣхъ, которые участвовали въ нападеніи на герцога, штурмомъ взялъ Фалькенбургъ, гдѣ онъ содержался въ темной башнѣ, и приказалъ освободить его. Рыцарская мораль среднихъ вѣковъ не позволила плѣннику воспользоваться предлагаемой ему свободой; мы, конечно, не поймемъ, что человѣкъ, ограбленный на большой дорогѣ и брошенный въ тюрьму, даетъ ограбившему слово не стараться о своемъ освобожденіи и принять свободу только отъ него, а не отъ кого либо другаго; но нельзя сомнѣваться, что подобное обязательство было дано. Желаніе остаться вѣрнымъ своему слову было такъ сильно въ средневѣковомъ рыцарѣ, что, когда, нѣкоторое время спустя, магистръ, противъ воли герцога,

даже въ цѣпяхъ, приказалъ привести его въ Пруссію, герцогъ пришелъ въ изступленіе и такъ какъ опасались, что онъ убьетъ себя или перебьетъ тѣхъ, которые вели его, то должны были снова отвести его въ Фалькенбургъ. Вмѣшательство иностранныхъ государей, какъ напр. римскаго короля, не имѣло никакого успѣха, пока, наконецъ, Эккардъ не испугался церковной клятвы, которою погрозилъ ему помезанскій епископъ за насиліе, учиненное надъ пилигримомъ; онъ возвратилъ герцогу его слово и такимъ образомъ послѣдній получилъ свободу. Кромѣ этого доказательства враждебности поморскихъ князей, были и другія: великій командоръ, ѣхавшій въ качествѣ посла къ римскому королю, встрѣтилъ въ Поморьѣ весьма недружелюбный и даже непочтительный пріемъ; шведскій посланникъ, возвращавшійся, по исполненіи своего порученія, изъ Пруссіи, былъ схваченъ на дорогѣ, ограбленъ и лишенъ свободы. Такъ рѣзко разрывало Поморье союзъ свой съ орденомъ и такъ искренно становилось на сторону Польши; въ документѣ, скрѣпившемъ эти новыя отношенія, поморскіе князья присягнули на вѣрность королю и коронѣ и обязались не пропускать чрезъ свои владѣнія западныхъ войскъ, идущихъ на помощь ордену въ борьбѣ его съ Ягелломъ [345]. Потеря союзниковъ, конечно, воздерживала магистра отъ открытой вражды къ Польшѣ и даже заставила его сдѣлать новую попытку къ соглашенію: въ Нейденбургѣ, куда съѣхались уполномоченные обѣихъ сторонъ, рыцари объяснили, наконецъ, тайное значеніе непонятнаго до сихъ поръ третьяго пункта, о которомъ мы уже говорили. Этотъ третій пунктъ состоялъ въ заявленіи правъ ордена на всю Литву, Жмудь и окрестныя страны, составлявшія его собственность на основаніи дарственныхъ записей Миндовга 1253, 1255, 1257, 1259 и 1260 годовъ и подтвержденія ихъ буллами папъ, Инокентія IV и Александра

IV, также, какъ и грамотою императора Фридриха II; такимъ то правамъ ордена долженъ былъ благопріятствовать (favere) Ягелло; весьма естественно, что, когда онѣ были высказаны, онъ немедленно прекратилъ переговоры. Такимъ образомъ орденъ дѣлалъ попытки къ миру, но предлагалъ такія условія, которыя ни въ какомъ случаѣ не могли быть приняты ни Польшею, ни Литвою; изъ этого ясно слѣдуетъ, что онъ велъ дѣло къ войнѣ, да и не могъ поступать иначе: онъ вѣрно обсудилъ все грозное значеніе соединенія обоихъ государствъ и понялъ, что, или слѣдуетъ принести всевозможныя жертвы для его уничтоженія, или примириться съ мыслью, что, рано или поздно, изъ этого событія вытечетъ паденіе ордена. Сознаніе такой опасности можетъ объяснить намъ то сильное волненіе, въ которомъ находился въ то время орденъ и которое заставляло его принимать мѣры, отличавшіяся крайнею непрактичностью. Очевидно, что магистръ не былъ въ состояніи разсуждать здраво, если у него явилась мысль отвлечь отъ короля пановъ и города и такимъ образомъ имѣть дѣло только съ Литвою: онъ посылаетъ письма къ разнымъ панамъ и въ разные города Польши, увѣряя ихъ въ пріязни ордена и прибавляетъ въ этихъ письмахъ: «король же вашъ, литовцы и русскіе, враждебны какъ намъ, такъ правдѣ и справедливости» [346]; эта попытка вызываетъ только смѣхъ у каждаго, которому извѣстны предшествующія отношенія рыцарей и поляковъ. Есть также намеки на другое, въ такой же степени, смѣшное намѣреніе великаго магистра войти въ особенную дружбу съ Скиргелломъ и поссорить его съ королемъ польскимъ; это намѣреніе тѣмъ страннѣе, что вся многолѣтняя дѣятельность великаго князя была рядомъ доказательствъ несомнѣнной преданности его брату и, конечно, эта преданность не могла перейти въ измѣну въ то время, когда она была такъ бли-

стательно вознаграждена [347]. Пріѣздъ Витовта положилъ конецъ колеблющейся политикѣ ордена: принимая его подъ свое покровительство, орденъ смѣло могъ расчитывать на сильную поддержку со стороны его приверженцевъ и начать потому рѣшительный образъ дѣйствій. Не довольствуясь впаденіями небольшихъ отрядовъ, онъ вознамѣрился идти на Вильну и, посадивъ тамъ Витовта, какъ своего ленника, владѣть черезъ него Литвою. Приготовленія продолжались недолго, потому, что они давно уже были начаты, составилось значительное войско, которое усилилось еще заграничными гостями, потому что Европа все еще не знала истины о литовскомъ государствѣ, которую такъ старательно затемнялъ для нея орденъ. Пришли знаменитые англійскіе стрѣлки съ графомъ Генрихомъ Дерби, который былъ впослѣдствіи королемъ Англіи, подъ именемъ Генриха IV; они приплыли на корабляхъ и высадились у Данцига; пришелъ знаменитый французскій рыцарь Бусико и много германцевъ; какимъ путемъ достигли они Пруссіи — неизвѣстно; конечно, они также могли приплыть по морю, но во первыхъ, ни Франція, ни Германія, не были извѣстны, въ XIV вѣкѣ, какъ морскія державы, а во вторыхъ источники ничего не говорятъ объ этомъ новомъ средствѣ сообщенія съ Пруссіей, такъ что слѣдуетъ предполагать, что они обманули бдительность поморскихъ князей и успѣли пробраться чрезъ ихъ владѣнія. Съ огромнымъ войскомъ, въ 52,000 человѣкъ [348], пошелъ въ Литву орденскій маршалъ Энгельгардтъ Рабе, такъ какъ великій магистръ былъ очень боленъ и даже отчаявались въ его выздоровленіи. Витовтъ съ своими литовцами, жмудинами и русскими составлялъ не маловажную часть арміи, а у Ковна къ главному войску присоединился ливонскій магистръ. Скиргелло храбро выступилъ противъ такой силы и пытался преградить ей переправу чрезъ Вилію, у Верковъ, имѣнія ви-

ленскаго епископа, но маршалъ обманулъ его и, обойдя литовское войско, принудилъ его отступить съ значительною потерей. Перейдя Вилію, рыцари скоро достигли Вильны и обложили ее со всѣхъ сторонъ; многочисленное войско, составленное изъ лучшихъ представителей западнаго военнаго искусства и сильная артиллерія позволяли маршалу расчитывать на успѣхъ осады, хотя, вообще говоря, взять Вильну было очень трудно: «положеніе города въ военномъ отношеніи превосходно, говоритъ Кибургъ, опытный воинъ конца XIV вѣка, и потому въ немъ можно защищаться даже при незначительныхъ укрѣпленіяхъ; многочисленныя возвышенія, ущелья и глубокіе овраги доставляютъ весьма удобные случаи для нападенія на осаждающихъ. При такой позиціи можно впустить непріятеля въ городъ и, окруживъ его, вырѣзать до послѣдняго человѣка. Съ мужественнымъ, вѣрнымъ и хорошо предводимымъ гарнизономъ Вильна безопасна, никакой непріятель не нанесетъ ей важнаго вреда. Изъ этого слѣдуетъ, что не сонъ о желѣзномъ волкѣ и не предсказаніе чернокнижника дали Гедимину мысль основать здѣсь столицу государства, а знаніе военнаго дѣла, при чемъ онъ не могъ не замѣтить выгодъ мѣстоположенія»[349]. Обыкновенно, два замка защищали городъ: верхній и нижній; первый, построенный на высокой, обрывистой, *замковой* горѣ, былъ обнесенъ высокими, каменными стѣнами; второй, лежащій внизу, былъ укрѣпленъ деревянными палисадами и валомъ, его называли кривымъ городомъ (castrum curvum, cromhaus); здѣсь укрылось все населеніе Вильны, предавъ пламени свои дома и унеся съ собою болѣе цѣнное имущество. На этотъ разъ, однакожъ, нашли недостаточнымъ такое укрѣпленіе города и между означенными замками построенъ былъ еще третій, вѣроятно деревянный, такъ какъ въ то время, при несовершенствѣ артиллеріи или по неумѣнью строить, находили де-

ревянныя укрѣпленія болѣе надежными [350]. Въ немъ начальствовалъ Скиргелло, въ кривомъ—Коригелло, а въ верхнемъ находился гарнизонъ, составленный только изъ поляковъ, подъ предводительствомъ короннаго вице-канцлера Николая изъ Москожова. Указанныя качества мѣстности дѣлали эти укрѣпленія столь грозными, что успѣхъ осаждающихъ былъ еще весьма сомнителенъ, не смотря на ихъ многочисленность и знаніе военнаго дѣла. Впрочемъ, какъ мы видѣли, они расчитывали не на одну свою силу, а еще на то расположеніе, которымъ пользовался Витовтъ въ литовскорусскомъ государствѣ. Этотъ расчетъ оказался вполнѣ вѣрнымъ: лишь только расположился Витовтъ противъ криваго города, какъ со всѣхъ сторонъ стали сбѣгаться къ нему литовцы и русскіе и значительно увеличили его войско. 4 сентября открылась канонада и первыя усилія осаждающихъ обратились противъ криваго города, но, съ одной стороны, тогдашніе артиллерійскіе снаряды мало вредили его деревяннымъ укрѣпленьямъ [351], а съ другой гарнизонъ его былъ такъ многочисленъ, что не было возможности взять его силою [352]. Еслибы гарнизонъ этотъ былъ храбръ и вѣренъ, то никогда не взяли бы замка, скажемъ словами Кибурга, но въ томъ то и дѣло, что Витовтъ успѣлъ войти въ сношенія съ осажденными, нашелъ между ними приверженцевъ и въ то время, какъ они зажгли въ нѣсколькихъ мѣстахъ городъ, повелъ свои войска на приступъ. Кривой замокъ былъ взятъ; 14,000 человѣкъ погибли отъ меча или попались въ плѣнъ, или сгорѣли въ огнѣ пожара, поглотившаго всѣ товары и все снесенное жителями имущество. Не спасся и Коригелло, смертельно пораженный неузнавшимъ его воиномъ, въ то время, какъ бѣжалъ изъ нижняго замка въ верхній. Теперь осаждающіе энергически повели аттаку на верхній замокъ; ихъ артиллерійскій огонь былъ такъ силенъ, что защитни-

камъ замка требовалось много душевной бодрости, чтобъ въ одно время отражать нападающихъ и исправлять поврежденія стѣнъ. Поляки, впервые явившіеся защитниками соединившагося съ ними народа, совершали чудеса храбрости и цѣлыя пять недѣль обращали въ ничто всѣ усилія осаждающихъ. Скоро ознакомясь съ мѣстными обстоятельствами и съ духомъ населенія, они убѣдились, что Ягелло не пользовался ни любовью, ни преданностью народа, потому, основательно опасаясь измѣны, они на первыхъ же порахъ выгнали изъ замка всѣхъ литовцевъ и русскихъ и, проигравъ такимъ образомъ въ числѣ, выиграли въ единодушіи и вполнѣ оградили себя отъ измѣны. Немедленно задѣлывая всѣ открывавшіяся въ стѣнахъ бреши, съ готовностью занимая очищавшееся мѣсто павшаго товарища, они употребили всѣ средства, которыми тогдашнее искусство защищало крѣпостныя стѣны отъ дѣйствія артиллеріи. Между прочимъ, нельзя не упомянуть о толстыхъ звѣриныхъ шкурахъ, которыя развѣшивались по стѣнамъ для того, чтобы принимать на себя артиллерійскіе снаряды и, ослабляя ихъ дѣйствіе, предохранять такимъ образомъ стѣны отъ разрушенія [353]. Никакія угрозы осаждающихъ не могли ослабить духъ геройскаго гарнизона и голова Коригелла, показанная ему на концѣ копья, только усилила въ немъ желаніе достойно отомстить врагу, позволявшему себѣ такъ непочтительно обращаться съ тѣломъ королевскаго брата. Также мало дѣйствовали укоры иностранцевъ, сражавшихся въ орденскомъ войскѣ, особенно французовъ, которые упрекали поляковъ въ поддержкѣ язычниковъ противъ христіанъ, въ свою очередь и французы не хотѣли вѣрить полякамъ, что литовцы исповѣдуютъ одну съ ними вѣру и, по духу времени, рѣшили покончить споръ судомъ Божіимъ, т. е. поединкомъ между избранными съ обѣихъ сторонъ рыцарями; назначенный въ

Прагѣ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ не состоялся, вслѣдствіе убѣжденій короля римскаго и чешскаго Венцеслава, не желавшаго допускать напрасное кровопролитіе. Отдавая должное польскимъ защитникамъ верхняго замка, мы не должны, однакожъ, пройти молчаніемъ, что успѣхъ ихъ много объясняется безпрестанными вылазками, которыя дѣлалъ Скиргелло изъ третьяго, занимаемаго имъ замка; эти вылазки, заставляя осаждающихъ, день и ночь, быть въ готовности отразить ихъ, раздѣляли силы непріятеля и помогали полякамъ успѣшно отбивать приступы къ верхнему замку. Неудача сильно озлобляла Витовта, его душевное состояніе было ужасно и, дойдя до крайней степени ожесточенія, онъ позволялъ себѣ поступки, которые одни только способны замарать его славу. Онъ вообще дурно обходился съ плѣнными, а когда попадался ему членъ княжескаго дома, жестокость его дѣлалась отвратительною; такъ князь Наримунтъ былъ повѣшенъ, по его приказу, на ближайшемъ деревѣ и воины Витовта пронизывали трупъ его стрѣлами, что, по словамъ Стрыйковскаго, они дѣлали по примѣру своего князя [354], находившагося въ близкомъ родствѣ съ повѣшеннымъ.

Наступавшіе холода [355] заставили крестоносцевъ снять осаду и со стыдомъ возвратиться въ Пруссію; ни численность войска, ни сила артиллеріи не помогли взять крѣпость, расположенную на такой выгодной мѣстности и защищаемую храбрымъ и вѣрнымъ гарнизономъ; эта неудача блистательно подтвердила нѣсколько позднѣе выраженное мнѣніе Кибурга [356].

Тотчасъ по удаленіи непріятеля, прибылъ въ Литву Ягелло съ съѣстными припасами, столь необходимыми для голодающей, опустошенной страны и съ пушками и военными снарядами для дальнѣйшей войны, объ окончаніи которой никто еще не думалъ. Ожививъ такимъ образомъ па-

дающія силы литовцевъ, король долженъ былъ озаботиться весьма важнымъ вопросомъ объ управленіи Вильны. Николай изъ Москожова, прославившійся геройскою защитою верхняго замка, рѣшительно отказывался отъ своей должности, потому что, какъ говорилъ онъ, невозможно съ успѣхомъ противиться могущественному и жестокому врагу, когда весь народъ дышетъ измѣной; къ тому же побуждали его и непріятности съ княземъ Скиргелломъ, крайне недовольнымъ, что столица его государства отдана въ управленіе иностранцу; извѣстная рѣзкость его характера могла быть источникомъ величайшихъ затрудненій и даже опасностей для польскаго правителя Вильны. Причины, по которымъ отказывался вицеканцлеръ, были такъ для всѣхъ ясны и такъ уважительны, что король долго не могъ найти ему преемника и только усиленными просьбами удалось ему склонить Яска изъ Олесницы принять трудную должность. Новый правитель потребовалъ себѣ значительнаго подкрѣпленія изъ польскихъ воиновъ, снабдилъ городъ достаточнымъ количествомъ пушекъ и воинскихъ снарядовъ, не забылъ также съѣстныхъ припасовъ и приготовившись, такимъ образомъ, спокойно выжидалъ новой осады, которая, по мнѣнію всѣхъ, была неизбѣжна [857].

Крестоносное войско, послѣ неудачной осады возвратившись въ Пруссію, не застало въ живыхъ великаго магистра: Конрадъ Цольнеръ умеръ 20 августа 1390 года [858]; послѣ его смерти во главѣ ордена, какъ временный правитель, сталъ Конрадъ Валленродъ, войнолюбивый и жадный, который легко согласился на просьбу Витовта о новомъ походѣ. Успѣшно продолжая обманывать Европу, вовсе не заботясь объ интересахъ христіанства и домогаясь только расширенія границъ ордена, онъ разослалъ по разнымъ странамъ запада посланіе къ рыцарству, приглашая его принять участіе въ борьбѣ

съ язычниками и обѣщалъ почтить особыя заслуги честью засѣданія за почетнымъ столомъ. Старанія его были тѣмъ ревностнѣе, что Витовтъ, выдавшій въ то время свою дочь за московскаго, великаго князя, былъ уже болѣе достойнымъ вниманія союзникомъ [859]. Отвѣчая на призывъ главы ордена, почти всѣ народы Европы выслали къ нему своихъ представителей: пришли нѣмцы, подъ начальствомъ Фридриха, маркграфа Мишніи, графовъ Зальцбурга, Глейхена и Плауэна; французы съ славнымъ Бусико, шотландцы и англичане съ Дугласомъ. Послѣднему не удалось достигнуть цѣли своего предпріятія, онъ погибъ не въ бою съ невѣрными, а на поединкѣ, который произошелъ, вслѣдствіе ссоры между шотландцами и англичанами. Конрадъ Валленродъ, 13 марта 1391 года избранный великимъ магистромъ, въ такой степени былъ озабоченъ этимъ обстоятельствомъ, также, какъ и открывшеюся позднѣе враждою англичанъ съ французами, что, не смотря на прежнее свое намѣреніе устроить почетный столъ въ Кенигсбергѣ, желая замять ссору, онъ далъ приказъ немедленно выступать. Только подъ стѣнами Ковна отправлено было торжество почетнаго стола съ такимъ блескомъ и великолѣпіемъ и съ такими громадными издержками, на какія не рѣшался еще ни одинъ великій магистръ. Если и не слѣдуетъ вполнѣ вѣрить лѣтописцамъ, которые оцѣниваютъ издержки этой церемоніи въ 500,000 прусскихъ гривенъ [860], то во всякомъ случаѣ почетный столъ, устроенный Валленродомъ, превосходилъ въ богатствѣ и щедрости розданныхъ подарковъ, въ великолѣпіи обстановки все, что было въ этомъ родѣ прежде. Согласно съ желаніемъ Витовта, громадное ополченіе крестоносцевъ [861] направилось послѣ этого къ Трокамъ, столицѣ Кейстута, теперь принадлежавшей Скиргеллу, но оно должно было возвратиться назадъ, потому что Скиргелло самъ сжегъ Троки и опустошилъ ихъ окрест-

ности [362], крестоносцы двинулись къ Вильнѣ, но Олесницкій послѣдовалъ примѣру Скиргелла: пространство около Вильны на 4 или 5 миль въ окружности, представляло пустыню, гдѣ все было выжжено и разорено до тла и гдѣ такое многочисленное войско должно было умереть съ голода [363]. Такимъ образомъ главная цѣль похода, взятіе Трокъ и Вильны, не могла быть достигнута; но расчитывая на преданность населенія Витовту, рыцари обратились въ западную часть Литвы, взяли нѣсколько крѣпостей, сами построили нѣкоторыя и отдали Витовту, который населилъ ихъ сходившимися къ нему со всѣхъ сторонъ литовцами и русскими. Самъ Витовтъ съ своими только людьми захватилъ замокъ Меркенпилле и взятыхъ тамъ въ плѣнъ литовцевъ и русскихъ отослалъ къ великому магистру; въ декабрѣ было взято Гродно и также отдано ему же. Печальная участь постигала въ этихъ случаяхъ поляковъ, которыхъ небольшіе отряды были поставлены во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ, вѣроятно для того, чтобы удерживать населеніе отъ измѣны. Читая описаніе похода 1391 года, даже у орденскихъ лѣтописцевъ, напр. у Линденблата, мы выносимъ убѣжденіе, что успѣхи прусскихъ рыцарей главнымъ образомъ объясняются сочувствіемъ народа къ Витовту, который сдавалъ ему крѣпости послѣ незначительнаго сопротивленія. Составлявшіе часть гарнизоновъ поляки, обыкновенно, запирались въ какой нибудь отдѣльной башнѣ и сопротивлялись до послѣдней крайности; въ концѣ концовъ они все таки бывали принуждаемы къ сдачѣ и тогда дорого платили за свое благородное упорство, такъ при взятіи Гродна 15 взятыхъ въ плѣнъ были убиты, а другіе отосланы въ Пруссію [364]. Тщетны были усилія Скиргелла остановить успѣхи непріятеля, напрасно Александръ Вигунтъ осаждалъ Нейгардъ или Риттерсвердеръ, онъ долженъ былъ отступить съ урономъ, а

въ слѣдующемъ году Корибутъ былъ на голову разбитъ близъ Лиды и долженъ былъ бѣгствомъ спасать свою жизнь и свободу [365].

Такой блистательный успѣхъ и всеобщее расположеніе къ Витовту не могли не сдѣлать сильнаго впечатлѣнія на Ягелла: «и узрилъ король и князь великій Скиргайло», говоритъ литовская лѣтопись, «яко уже невозможно удержати земли литовскія предъ великимъ княземъ Витовтомъ» [366]. Казалось бы, что подобное заключеніе доказываетъ только слабость Ягелла, что энергическое сопротивленіе поляковъ при осадѣ городовъ должно было внушить ему мысль о введеніи въ Литву болѣе значительнаго, польскаго войска и, пока оно будетъ сдерживать рыцарей, сдѣлать въ пользу его диверсію и напасть на Пруссію, со стороны Польши. Не было недостатка въ поводахъ къ войнѣ между Польшею и Пруссіей; если даже принимать взглядъ ордена, который, не признавая соединенія съ нею Литвы, воевалъ съ послѣднею и желалъ быть въ мирѣ съ первою, все таки встрѣчаемъ событія, которыхъ было достаточно для окончательнаго разрыва. Неудовольствія по поводу добринской земли или замка Злоторіи [367], привели уже поляковъ къ вооруженной схваткѣ съ орденомъ, за которою могло послѣдовать открытіе военныхъ дѣйствій; но Ягелло не могъ на него рѣшиться прежде, чѣмъ устроитъ литовскорусское государство. Литовцы и русскіе почти безъ сопротивленія отдавались Витовту; Скиргелло все болѣе падалъ въ общественномъ мнѣніи; нѣкоторые литовскіе князья осмѣливались вводить ограниченіе въ свою присягу Ягеллу и обѣщали ему повиноваться только по смерти Витовта [368], все это были факты такого свойства, что прямо указывали на близкій переходъ всей Литвы въ руки Витовта; допустить же этотъ переходъ было все равно, что допустить союзъ между Литвою и орденомъ противъ Польши:

Съ другой стороны, Ягелло еще недавно убѣдился въ томъ, что не всегда можно полагаться на поляковъ: онъ не забылъ еще своего похода въ Литву въ началѣ 1390 года, когда послѣ бѣгства Витовта, онъ пришелъ захватить его замки, поляки, не стѣсняясь, оставили его среди непріятельской страны, оправдывая свое поведеніе трудностями зимняго похода. Что же вытекало изъ этихъ соображеній? Нужно было второй разъ склониться предъ Витовтомъ, купить миръ удовлетвореніемъ его желаній и, сдѣлавъ его изъ врага другомъ, вмѣстѣ ударить на орденъ. Давно уже обстоятельства указывали на это, какъ на единственный исходъ изъ тягостнаго положенія, въ которое Ягелло самъ себя поставилъ, но упорное нежеланіе сознаваться въ собственныхъ ошибкахъ, черта его характера, сообщаемая Длугошемъ и которую мы часто будемъ замѣчать въ немъ, заставляло его дѣлать новыя ошибки, послѣдствіемъ которыхъ было опустошеніе родной страны, напрасное кровопролитіе и озлобленіе противъ него русскихъ и литовцевъ. Не скоро, однакожъ, пришелъ онъ къ такому заключенію: руководимый личнымъ чувствомъ, онъ отдалъ Литву Скиргеллу и, хотя не отличался проницательностью, въ первый же годъ его правленія замѣтилъ всю неудачу сдѣланнаго выбора; избранный оказался не въ силахъ руководить Литвою въ наступившее смутное время, потребовалась помощь польскихъ пановъ, раздача должностей которымъ не нравилась народу и, когда Скиргелло перессорился и съ ними, тогда только Ягеллу пришла мысль о полномъ его устраненіи отъ управленія великимъ княжествомъ. Потерявъ уже такъ много времени и убѣдившись въ необходимости удаленія брата, Ягелло, по своему характеру, все еще колебался и колебаніями его, конечно, долженъ былъ воспользоваться Скиргелло. Выставляя свои заслуги онъ довелъ нерѣшительнаго короля до того, что онъ отказался отъ при-

нятаго рѣшенія и на сеймѣ въ Корчинѣ, 25 мая 1391 года, далъ великому князю письменное обязательство никому не отдавать Вильны, Витебска, Мереча и Гродна, кромѣ его и его наслѣдниковъ [369]. Успокоенный на счетъ своей будущности, Скиргелло не думалъ объ измѣненіи своего образа жизни и характера, по прежнему былъ невоздерженъ и скоръ на оскорбленія и потому число враговъ его все увеличивалось, а подданные толпами перебѣгали къ Витовту. Ягелло опять начинаетъ колебаться, опять думаетъ объ его устраненіи и, всегда руководясь только личнымъ чувствомъ, выбираетъ на его мѣсто Александра Вигунта, котораго онъ любилъ болѣе всѣхъ другихъ братьевъ [370]. Къ сожалѣнію, мы не можемъ оцѣнить этого выбора: Александръ Вигунтъ умеръ такъ рано и такъ рѣдко являлся дѣйствующимъ лицемъ, что трудно составить себѣ ясное понятіе о его достоинствахъ и недостаткахъ [371]. Въ началѣ 1393 г. появился слухъ о назначеніи его великимъ княземъ и въ тоже время внезапная смерть воспрепятствовала возможности его осуществленія [372]. Преждевременную смерть этого князя приписывали отравленію, а отравителемъ называли Витовта [373], который, будто бы, постоянно враждовалъ съ Вигунтомъ; но во первыхъ о враждѣ между ними нигдѣ не встрѣчаемъ ни малѣйшаго намека, во вторыхъ подобный способъ избавляться отъ враговъ былъ вовсе не въ характерѣ Витовта. Онъ былъ способенъ жестоко раздѣлаться съ врагомъ въ минуту озлобленія, но ни одна черта его характера не позволяетъ намъ повѣрить обвиненію, что онъ вошелъ въ сношенія съ слугами Александра и уговорилъ ихъ отравить своего князя. Еслибъ это говорилось объ Ягеллѣ, мы бы имѣли право повѣрить, потому что знаемъ участь Кейстута, но не можемъ обвинять Витовта въ такой низкой интригѣ. Самымъ лучшимъ доказательствомъ его невинности въ этомъ случаѣ

можетъ служить молчаніе ордена, который, до нельзя раздраженный послѣ второй его измѣны, обвинялъ его во многихъ преступленіяхъ, дѣйствительныхъ и мнимыхъ, но никогда не называлъ братоубійцей.

Смерть Александра, разстроивъ виды Ягелла, облегчила ему примиреніе съ Витовтомъ; изъ родныхъ его братьевъ болѣе другихъ выдавались Скиргелло и Свидригелло, но онъ наконецъ убѣдился, что они болѣе склонны къ пирамъ и охотѣ, чѣмъ къ управленію государствомъ [374]; освободившись такимъ образомъ отъ давленія своихъ личныхъ симпатій, король рѣшился сообразовать свои дѣйствія съ интересами народа, которые давно уже требовали передачи управленія Литвою въ руки Витовта. Но что же дѣлать съ Скиргелломъ, который еще недавно получилъ отъ короля письменное обязательство сохранить за нимъ и его потомствомъ Вильну и др. города? Это обязательство, какъ видно, нисколько не безпокоитъ Ягелла, онъ совершенно спокойно обманываетъ своего брата и, убѣждая его въ необходимости примиренія съ Витовтомъ, уговариваетъ возвратить ему наслѣдственныя его владѣнія, такимъ образомъ Скиргеллу приходилось пожертвовать только Троками. Онъ согласился и по общему ихъ совѣту посланъ былъ въ Пруссію Генрихъ, сынъ мазовецкаго князя Земовита, носившій титулъ епископа плоцкаго, хотя не получившій еще окончательнаго посвященія; Скиргелло думаетъ, что ему поручено предложить Витовту только земли, находившіяся во владѣніи Кейстута, но Генрихъ, уполномоченный Ягелломъ, предлагаетъ ему всю Литву [376].

Обстоятельства такъ сложились теперь, что Витовтъ могъ повѣрить искренности Ягелла: горькій опытъ показалъ послѣднему неспособность Скиргелла, смерть лишила его достойнѣйшаго изъ братьевъ, а рядъ испытанныхъ пораженій

выставлялъ Витовта врагомъ столь страшнымъ, что желаніе примиренія съ нимъ было весьма естественно. Не разсуждая долго, Витовтъ согласился на доводы Генриха, который былъ тѣмъ краснорѣчивѣе, что влюбился въ сестру его Рингалу и скоро потомъ женился на ней; труднѣе было во второй разъ обмануть бдительность ордена и уйти со всѣми родственниками и боярами, которые были порукою его вѣрности; бѣгство его, конечно, влекло за собою ихъ гибель. Большая часть ихъ, впрочемъ, уже соединилась съ Витовтомъ; жена его еще въ концѣ 1391 г. просила великаго магистра, отпустить ее къ мужу, который находился тогда въ Гроднѣ; она надѣялась, что своимъ присутствіемъ между русскими и литовцами, уничтожитъ весьма оскорбительный для нихъ слухъ, что ее держатъ въ плѣну, и вмѣстѣ заохотитъ ихъ къ болѣе ревностной службѣ ордену и ея мужу. Магистръ не только согласился на ея просьбу, но отпустилъ вслѣдъ за ней и смоленскаго князя, который до того времени жилъ въ Маріенбургѣ [877]; въ началѣ 1392 года были освобождены и другіе родственники Витовта, князь Иванъ, его племянникъ и князь Юрій белзскій и его бояре, содержавшіеся въ различныхъ орденскихъ замкахъ; они были отправлены къ нему на томъ основаніи, что орденъ достаточно уже издержался на ихъ содержаніе и что Витовтъ, владѣя значительною частью Литвы, можетъ принять ихъ на свой счетъ; такимъ образомъ, когда онъ задумалъ бѣжать, въ рукахъ рыцарей оставались только братъ его Конрадъ, жившій въ Маріенбургѣ [878], и два сына, которые учились въ Кролевцѣ [879]. Характеры, подобные Витовту, не могутъ быть остановлены въ достиженіи своихъ цѣлей возможностью гибели близкихъ; руководясь однимъ честолюбіемъ, они дѣлаются холодными и безстрастными въ другихъ отношеніяхъ; опустошеніе отечества и истребленіе собственнаго народа были средства-

ми, которыми Витовтъ думалъ добиться великаго княженія и сердце его въ такой степени отвердѣло, что, какъ можно заключать изъ показаній источниковъ, онъ дѣлалъ это безъ особеннаго сокрушенія. Если разбирать степень виновности его въ этомъ преступленіи, то, конечно, можно найти оправданіе въ томъ, что эти средства были единственными, которыя могли привести къ цѣли; но за подобнымъ оправданіемъ, тотчасъ же, должно быть высказано тяжелое обвиненіе, что онъ употреблялъ ихъ и тогда, когда въ нихъ не было особенной необходимости: пріѣздъ епископа Генриха въ Пруссію относятъ къ самому концу 1391 года, потому что его, обыкновенно, связываютъ съ возвращеніемъ войска, послѣ осады и взятія Гродна, сдавшагося въ декабрѣ[380], а походъ къ Мѣдникамъ и битва подъ Лидой, гдѣ на голову былъ разбитъ Корибутъ[381], случились уже въ 1392 году, т. е. тогда, когда Витовтъ уже убѣдился въ выгодности примиренія и, слѣдственно, только напрасно проливалъ кровь своихъ подданныхъ. Пытаются оправдать его тѣмъ, что онъ старался усыпить подозрѣнія ордена, но орденъ ничего не подозрѣвалъ и даже послѣ мѣдницкаго похода помогалъ ему строить замки для содѣйствія дальнѣйшимъ его предпріятіямъ. Мы думаемъ, что ловкій и изворотливый Витовтъ всегда бы могъ избѣжать напраснаго кровопролитія, но съ одной стороны, XIV вѣкъ не отличался мягкими сердцами, а съ другой несчастія, начавшіяся съ ранней молодости совершенно ожесточили нашего героя. Мы согласны, что, не возбуждая подозрѣній, онъ не могъ собрать около себя всѣхъ родственниковъ, бывшихъ въ залогѣ у ордена, и, перезвавъ подъ разными предлогами, большую часть ихъ къ себѣ, долженъ былъ оставить въ рукахъ рыцарей роднаго брата и двухъ сыновей; тутъ, по крайней мѣрѣ, необходимость смягчаетъ нѣсколько жестокость принятаго рѣшенія, но нельзя не за-

мѣтить, что самое рѣшеніе не было бы принято, еслибъ голосъ сердца не заглушался честолюбіемъ.

Въ концѣ іюня 1382 года явился Витовтъ, какъ другъ и союзникъ, предъ воротами Риттерсвердера и, спокойно принятый гарнизономъ, немедленно овладѣлъ пушками и оружейными складами, взялъ въ плѣнъ и ограбилъ рыцарей и купцовъ, а иностранцевъ, пришедшихъ сражаться въ орденскомъ войскѣ, выгналъ изъ замка, который потомъ былъ зажженъ. Съ невообразимою быстротою бросился онъ потомъ къ Гродну и значительно усилилъ его гарнизонъ, чтобъ, опираясь на него, съ успѣхомъ дѣйствовать противъ недавно построенныхъ замковъ, Наугартена или новаго Гродна и Метембурга. Не смотря на то, что сидѣвшіе въ нихъ рыцари уже знали объ его измѣнѣ, сопротивленіе ихъ было непродолжительно и, взявъ ихъ въ плѣнъ, Витовтъ взялъ и сжегъ оба названные замка, послѣ чего отправился въ Вильну. Съ понятнымъ изумленіемъ и гнѣвомъ узналъ магистръ о разсказанныхъ событіяхъ, въ безсильной ярости онъ приказалъ заковать въ цѣпи князя Конрада и нѣкоторыхъ бояръ, еще остававшихся въ Маріенбургѣ[382], сыновья Витовта, Иванъ и Юрій, по прошествіи нѣкотораго времени, были отравлены, хотя очень трудно рѣшить, было ли это сдѣлано по приказанію великаго магистра или бѣдныя дѣти пали жертвами частной ненависти одного рыцаря къ ихъ отцу [383]. Иностранные государи были извѣщены о черной неблагодарности Витовта и вмѣстѣ съ тѣмъ магистръ выразилъ свое отчаяніе, что онъ непремѣнно будетъ вовлеченъ въ войну съ Польшею, которая теперь, по примиреніи братьевъ, соединяется съ язычниками противъ ордена; такими письмами магистръ основательно надѣялся возбудить сочувствіе запада и могъ расчитывать на его помощь въ предстоящей борьбѣ съ Польшею и Литвою.

Между тѣмъ Витовтъ прибылъ въ Вильну, гдѣ былъ почтительно встрѣченъ Олесницкимъ, дѣйствовавшимъ на основаніи присланныхъ отъ короля инструкцій. Скоро самъ Ягелло, съ королевою и всѣмъ дворомъ, поспѣшилъ въ Литву и въ Островѣ (близъ Лиды), гдѣ принялъ его Витовтъ, произошла сцена примиренія и передача послѣднему литовскаго княжества. Съ своей стороны Витовтъ въ особомъ письменномъ документѣ заявилъ, что прежняя непріязнь съ польскимъ королемъ кончилась, замѣнилась любовью и обѣщалъ никогда не оставлять своею помощью королевы Ядвиги и короны польской, но всегда и во всѣхъ случаяхъ быть имъ помощникомъ и заступникомъ [184]. Нельзя не замѣтить рѣзкаго отличія въ тонѣ этой грамоты отъ характера выраженій документовъ, которые были написаны разными литовскими князьями и самимъ Витовтомъ вскорѣ по короновании Ягелла. Въ послѣднихъ заключается присяга князей на вѣрность королю и коронѣ польской; въ грамотѣ Скиргелла даже сказано, что, въ случаѣ его бездѣтной смерти, владѣнія его переходятъ въ собственность короны польской, слѣдовательно во всѣхъ ихъ король и корона выставляются верховными государями князей; ничего подобнаго нѣтъ въ документѣ, который былъ данъ Витовтомъ 4 августа 1392 года: какъ самостоятельный государь, онъ объявляетъ о перемѣнѣ отношеній своихъ къ Ягеллу и обѣщаетъ королевѣ и рѣчи посполитой свое содѣйствіе во всѣхъ случаяхъ, да и странно было бы думать, что Витовтъ, послѣ всего, что онъ вынесъ и вытерпѣлъ, удовольствовался ролью подручника польскаго короля. Впослѣдствіи увидимъ, что онъ дѣйствуетъ вполнѣ независимо, даже, воюя съ орденомъ, вмѣстѣ съ Ягелломъ заключаетъ съ нимъ отдѣльные договоры и вообще съ негодованіемъ устраняетъ всякій намекъ о подчиненныхъ отношеніяхъ Литвы къ Польшѣ. Утвержденіе его на литовскомъ

престолѣ съ одинаковою радостью было встрѣчено обоими народами, составлявшими населеніе государства: «И рада ему была вся земля литовская и русская» [385], говоритъ литовская лѣтопись и, конечно, въ этой радости также можно было видѣть залогъ полной самостоятельности его будущаго управленія.

День 4 августа, столь радостный для Витовта и его подданныхъ, былъ днемъ тяжелымъ для короля и его родныхъ братьевъ: не смотря на твердое убѣжденіе въ превосходствѣ двоюроднаго брата, все таки непріятно было, на самомъ дѣлѣ, поставить родныхъ братьевъ ниже его и даже подчинить ихъ послѣднему. Положеніе было тѣмъ затруднительнѣе, что братья не хотѣли признавать новаго порядка вещей и, на первыхъ же порахъ, можно было опасаться явной вражды между Скиргелломъ и Витовтомъ. Весьма понятно раздраженіе перваго: сначала онъ думалъ, что права его на признательность Ягелла такъ велики и такъ уважительны, что ему нечего бояться измѣненія въ худшему въ своемъ положеніи; потомъ, очевидно, подобная мысль пришла ему въ голову и онъ прибѣгаетъ къ средству обезпечить себя,—средству, столь любимому въ средніе вѣка, не смотря на то, что оно никого не обезпечивало; получивъ письменное удостовѣреніе короля на счетъ своихъ владѣній, онъ совершенно успокоился, но не далѣе, какъ по прошествіи года увидѣлъ, что былъ обманутъ самымъ бezцеремоннымъ образомъ, естественно было раздражиться и противъ роднаго и противъ двоюроднаго брата [386]. Ягеллу удалось однакожъ, отвратить отъ Литвы это новое несчастіе и документомъ 10 декабря 1392 года онъ объявилъ о примиреніи противниковъ; Скиргелло былъ вознагражденъ кіевскимъ княжествомъ, которое принадлежало Владиміру Ольгердовичу, а Витовтъ обязался на собственный счетъ посадить его на

кіевскомъ престолѣ, т. е. собственными силами выгнать прежняго князя [387]. Нужно отдать справедливость Скиргеллу, онъ искренно примирился съ Витовтомъ и былъ, какъ увидимъ, дѣятельнымъ его сотрудникомъ; энергичнѣе выказалъ свое неудовольствіе другой Ольгердовичъ Корибутъ; онъ не только не хотѣлъ признавать Витовта великимъ княземъ, но собралъ войско и пошелъ противъ него, чтобы снова его выгнать; оба брата сошлись подъ Докудовымъ (недалеко отъ Лиды), произошло сраженіе и побитый Корибутъ бѣжалъ въ свой Новгородокъ, гдѣ Витовтъ захватилъ его съ женою и дѣтьми и посадилъ его подъ стражу [388]. Свидригелло, также оскорбленный предпочтеніемъ, оказаннымъ Витовту, сдѣлался врагомъ его и короля [389], но на время затаилъ свое негодованіе; скоро, однакожъ, обстоятельства, совершенно посторонніе поставили его лицемъ къ лицу съ великимъ княземъ: смерть великой княгини, Юліанны, владѣвшей Витебскомъ, передала его, согласно завѣщанію Ольгерда, во власть Ягелла, который прислалъ для управленія имъ своего сокольничьяго Федора Весну.

Свидригелло, княжившій въ Кревѣ, съ которымъ постоянно соединялось владѣніе Витебскомъ, былъ крайне не доволенъ распоряженіемъ короля и, не долго думая, убилъ Федора Весну, а Витебскъ присоединилъ къ своему княжеству. По просьбѣ Ягелла, Витовтъ въ соединеніи съ Скиргелломъ и смоленскимъ княземъ Юріемъ Святославичемъ, выступилъ противъ кревскаго князя и принудилъ его возвратить Витебскъ. Казалось, что Свидригелло успокоился, но не прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ бѣжалъ въ Пруссію и отдался подъ покровительство великаго магистра [390].

Таковы были ближайшія послѣдствія возвращенія Витовта и съ этихъ поръ Ягелло еще болѣе погружается въ

сладостное бездѣйствіе; на первый планъ выдвигается величавая личность богатыря Литвы, вліяніе и слава котораго одинаково отзываются въ сосѣдней Руси, въ отдаленныхъ степяхъ татарскихъ, въ Пруссіи, Польшѣ и даже въ самой срединѣ германской имперіи.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Н. Калачовымъ. Книги второй половина вторая. Стр. 45 и 53.

2. Длугошъ IX, 988 и X, 114, изд. лейпцигское.

3. Длугошъ X, 116. VI, 599.

4. Teodora Narbutta, Pomniejsze pisma historyczne... Wilno. 1856, стр. 100—101.

5. См. дневникъ Кибурга въ приложеніи.

6. Dzieje korony polskiej i wielkiego księstwa litewskiego, od roku 1380 do 1535, przez Bernarda z Rachtamowitc Wapowskiego. Переводъ съ латинскаго на польскій Малиновскаго. Вильно 1847, I, 81.

7. См. дневникъ Кибурга.

8. Ibidem.

9. Wapowski I, 80.

10. Дневникъ Кибурга.

11. Wapowski I, 80, 81. Длугошъ X, 117.

12. Кибургъ.

13 См. Энея Сильвія въ Niemcevicz'a, Zbior pamiętnikow o dawniej Polszcze. Warszawa, 1822, стр. 9 и 10. Ср. Кибурга о томъ же.

14. Кибургъ.

15. Wapowski I, 81.

16. Длугошъ X, 116, Wapowski I, 82.

17. Wapowski I, 22.

18. Zbior... Niemcevicz'a, стр. 10.

19. Dzieje Krzyżakow, oraz ich stosunki z Polską, Litwą i Prussami... przez Leona Rogalskiego. Warszawa 1846, см. 1-й томъ.

20. Pomn. pisma historyczne. 35 стр.

21. Лѣтопись, изд. Даниловичемъ 169—170. Pomn. pisma historyczne. 85—89.

22: См. выписки изъ неизданнаго сочиненія Кардинала d'Ailli у Нарбута, въ его исторіи, I, 388.

23. Кибургъ.

24. Сочиненіе d'Ailli въ литовской исторіи Нарбута I, 388.

25. Кибургъ.

26. Нарб. исторія V, Dodatek I.

27. Кибургъ.

28. См. описаніе осады Маріенвердера у Voigt. Geschichte Preussens V, и въ Skarb'цѣ Даниловича, I, 252.

29. Życie domowe Jadwigi i Jagełła, prez Alexandra Przezdzieckiego, 55.

30. Obraz Litwy... Jaroszewicza I, 79.

31. Кибургъ.

32. У Кибурга и въ разныхъ мѣстахъ исторіи Нарбута.

33. Кибургъ.

34. Длугошъ подъ 1382.

35. Стрыйковскій II, 57, изд. 1846 г.

36. Pomniki do dziejow Litwy стр. 22.

37. «Великая княгиня Марія Ярославовна усопше на память преподобнаго Иларіона», «Великая княгиня Юліанна Александровна, во св. схимѣ, Марія, усопше на память св. Апостола Симеона Зилота» см. Pomn. pisma historyczne, 83 стр., послѣдняя надпись, приписывающая имя Маріи Юліаннѣ, подтверждается свидѣтельствомъ, которое находимъ во многихъ русскихъ лѣтописяхъ, подъ 1392 г., гдѣ говорится объ ея смерти въ монашескомъ санѣ, принимая который она назвалась Маріей.

38. Latopisiec Litwy i kronika ruska изд. Даниловичемъ, стр. 29.

39, Jadwiga i Jagełło.. przez Karola Szajnochę. We Lwowie, 1861, I, 309.

40. Исторія Нарбута IV, генеалогическая таблица.

41. Имѣемъ несомнѣнныя свидѣтельства, что еслибы Кейстутъ захотѣлъ быть великимъ княземъ, то легко могъ бы это сдѣлать. Voigt, Geschichte Preussens V, 287.

42 Первая псковская лѣтопись. П. С. Р. Л. IV, 188.

43. Вторая псковская лѣтопись.

44. Первая псковская лѣтопись. П. С. Р. Л. IV, 188.

45. Первая псковская лѣтопись. П. С. Р. Л. IV, 193. Krantz, Vandalia, lib. IX, cap. VIII.

46. Лѣтописецъ Даниловича, 192 стр. П. С. Р. Л. V, 238.

47. Новгородская IV и др. лѣтописи, см. также описаніе битвы у Карамзина и Соловьева.

48. Krantz, Vandalia, lib. IX, Cap. 8.

49. Лѣтописецъ Даниловича, 198. Pomniki do dziejow Litwy, 24.

50. Лѣтописецъ Даниловича 198. Lindenblatt, изд. 1823, 47 стр. П. С. Р. Л. IV, 193.

51. Лѣтописецъ Даниловича, 169 стр. П. С. Р. Л. III, 83.

52. Новгородская IV и другія.

53. Wigandi Marburgensis Chronicon, изд. Рачинскаго и Фойгта, 180.

54. Длугошъ IX, 1093.

55. Voigt V, 146—147.

56. Voigt V, 148—149. Стрыйковскій II, 86.

57. Voigt V, 16.

58. Кибургъ.

59. Voigt V, 291.

60. Кейстутъ былъ во главѣ посольства, посланнаго Ольгердомъ къ императору Карлу IV. Нарбута исторія, V, 88.

61. Исторія Нарб. V, 260.

62. Нарбутъ V, 244—245.

63. Нарбутъ V, 246, 47 и Voigt V, 289—291.

64. Voigt V, 291.

65. Нарбутъ V, 246.

66. Kodex dyplomatyczny Litwy, Edwarda Raczynskiego, w Wrocławiu, 1845, 53—55 стр.

67. Тамъ въ 1367 году ливонскій Магистръ Вильгельмъ заключилъ съ Великимъ княземъ Ольгердомъ миръ, который долженъ былъ распространяться только на ту часть государства, которая лежала по западной Двинѣ. См. Codex Догеля V, 78.

68. Voigt V, 296, Нарбутъ V, 258, 259, тоже и у Рогальскаго.

69. Нарбутъ V, 260.

70 Pomniki do dziejow Litwy, 23.

71. Между прочимъ властолюбіе и честолюбіе Ягелла выражаются въ перемѣнѣ титула, которая совершилась въ первые годы его княженія, такъ въ договорѣ съ орденомъ въ 1379, онъ называетъ себя: «obirster Herczoge», въ договорѣ 1380 «obirster Kung», а въ 1382, уже «von gotis graden grossir konig», см. Kodex Рачинскаго, 53, 55, 57.

72. Pomniki do dziejow Litwy, 23.

73. Кибургъ.

74. Нарбута исторія V, dodatek II.

75. Voigt V, 354, Нарбутъ V. 129, Рогальскій I, 379.

76. «Skarbiec» Даниловича I. 231, № 469.

77. Kodex... Рачинскаго, 55, 56.

78. Вигандъ, 261 стр. и Voigt, V, 361.

79. Длугошъ называетъ его Сундштейномъ, а Стрыйковскій Августиномъ, это разнорѣчіе подало Фойхту поводъ недовѣрять извѣстію, обвиняющему командора въ измѣнѣ ордену; основываясь на томъ, что остеродскимъ командоромъ въ то время былъ Куно ф. Либенштейнъ, онъ отвергаетъ цѣлый фактъ, но литовская хроника, изд. Нарбутомъ прямо говоритъ, что Кейстута увѣдомилъ остеродскій командоръ Либенштейнъ. См. Pomniki do dziejow Litwy, 23 стр.

80. Pomniki do dziejow Litwy, 24.

81. Таже литовская хроника сообщаетъ о новомъ обстоятельствѣ, раздражившемъ Кейстута, именно объ отдачѣ Полоцка Скиргеллу, тогда какъ тамъ сидѣлъ Андрей Горбатый, сынъ Кейстута, но мы уже видѣли, что полоцкимъ княземъ былъ Андрей Ольгердовичъ, а не Кейстутовичъ. Извѣстія источниковъ объ этомъ Андреѣ, у котораго Ягелло отнималъ Полоцкъ, весьма разнообразны, такъ Кояловичъ, «Historia Litvaniae I, 361, говоритъ уже о Войдатѣ, сынѣ Кейстута, но болѣе справедливо разумѣть здѣсь Андрея Ольгердовича, см. Voigt, V, 362; Нарбутъ открывшій и издавшій лѣтописъ, которая говоритъ объ Андреѣ Горбатомъ, князѣ полоцкомъ вѣритъ ея извѣстію, выражая мысль, что Андрей Горбатый, въ качествѣ намѣстника, управлялъ Полоцкомъ въ то время, когда Андрей Ольгердовичъ бѣжалъ въ Москву; несомнѣнно, однакожъ, то, что послѣдній опять сѣлъ на полоцкомъ столѣ. Осада Полоцка Скиргелломъ и потому еще могла раздражить Кейстута, что Скиргеллу помогалъ ливонскій магистръ.

82. Длугошъ, Стрыйковскій и Pomniki do dziejow Litwy.

83. Pomniki do dziejow Litwy, 24.

84. Ibidem.

85. Voigt V, 354, въ примѣч.

86. Кояловичъ I, 367.

87. Приведенный разсказъ объ измѣнѣ Ягелла основанъ на лѣтописцѣ Даниловича (36—37 стр.) и на лѣтописи, изд. Нарбутомъ (Pom-

niki do dziejow Litwy 24—26), съ ними совершенно согласны Длугошъ, Стрыйковскій и разсказъ самого Витовта, помѣщенный у Фойхта (V, 371), тѣмъ страннѣе, при такомъ согласномъ изложеніи источниковъ видѣть искаженіе всего событія у Шайнохи (Jadwiga i Jagełło. I, 321, 322), у него Ягелло выставляется не измѣнникомъ, а человѣкомъ мягкимъ, жалостливымъ, который, будучи увѣренъ въ превосходствѣ своихъ силъ, не хочетъ напраснаго кровопролитія и, особенно сострадая Кейстуту, предлагаетъ ему миръ, Витовтъ *съ благодарностью* принимаетъ предложеніе Ягелла и уговариваетъ отца ѣхать къ племяннику; пріѣхавъ, они оба *поддаются* побѣдоносному Ягеллу, прося только о сохраненіи жизни для своихъ воиновъ, Ягелло склоняетъ своего союзника, Ливонскаго магистра къ *милосердію* и пр. и пр. Въ примѣчаніи къ 321 страницѣ, Шайноха безъ всякаго основанія отвергаетъ свидѣтельства литовско-русскихъ лѣтописей, изданныхъ Даниловичемъ и Нарбутомъ, также Длугоша и Стрыйковскаго и отдаетъ предпочтеніе Виганду, какъ современнику, забывая, что лѣтописецъ Даниловича также современникъ. Кромѣ того, слѣдуя разсказу Вигандa, очень краткому и вовсе не такому обстоятельному, онъ самъ, не замѣчая, впадаетъ въ противорѣчіе: Кейстутъ и Витовтъ поддались Ягеллу, зачѣмъ же было схватывать ихъ, какъ плѣнниковъ, бросать въ тюрьму и осуждать на смерть. Писавшій послѣ Виганда и гораздо болѣе его точный и обстоятельный Линденблатъ просто говоритъ, что Кейстутъ и Витовтъ были схвачены. Впрочемъ тутъ виноватъ не источникъ, а качество писателя, который съ изумительною ловкостью заставляетъ источники говорить то, что онъ думаетъ.

88. Нарбутъ V, 293.

89. Pomniki do dziejow Litwy, 26.

90. Вигандъ, 310 стр.

91. Лѣтописецъ, изд. Даниловичемъ и другой, изданный Нарбутомъ Длугошъ, Ваповскій, Стрыйковскій, Кояловичъ, Лука Давидъ, Грюнау, согласно говорятъ объ удушеніи Кейстута; единственное разнорѣчіе ихъ заключается въ различіи именъ убійцъ, которые, кажется, правильнѣе названы въ лѣтописи Нарбута. Вигандъ изъ Марбурга, сказавъ на 274 стр.: «Kynstut in captivitate strangulatur», на 288 говоритъ: «sed quomodo obierit, nemo unquam cognovit», слѣдовательно самъ себѣ противорѣчитъ и потому можетъ быть вычеркнутъ изъ числа источниковъ этого событія; Линденблатъ говоритъ (стр. 50), что Кейстутъ покончилъ жизнь самоубійствомъ, но онъ не вполнѣ въ этомъ увѣренъ

и передаетъ это извѣстіе только какъ слухъ: «als man sagete». Разсказъ Витовта о насильственной смерти отца, въ которой онъ обвиняетъ Ягелла и Скиргелла и другое донесеніе, найденное въ Кенигсбергскомъ архивѣ, также объ удушеніи Кейстута см. у Voigt'a V, 372. При такомъ единогласіи такого множества источниковъ, казалось бы, нѣтъ возможности сомнѣваться въ виновности Ягелла, но въ упомянутомъ сочиненіи Шайнохи I, 322, 323 и примѣч. къ нимъ, встрѣчаемъ отважную попытку уничтожить показаніе всѣхъ источниковъ и оправдать Ягелла на основаніи однихъ соображеній. Болѣе всего поддерживаетъ свою мысль Шайноха указаніемъ на молчаніе орденскихъ лѣтописей, тогда какъ рыцари, вослѣдствіи злѣйшіе враги Ягелла, не преминули бы воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы достойно очернить его, но во 1) это несправедливо, Вигандъ говоритъ объ удушеніи Кейстута, хотя послѣ, какъ будто забываетъ сказанное имъ, а во 2) еслибъ ни одна орденская лѣтопись не сказала бы ни слова объ этомъ событіи, молчаніе ихъ было бы понятно; рыцарямъ непріятно было и не слѣдовало говорить о преступленіи, въ которомъ участіе ихъ несомнѣнно! лѣтопись изданная Нарбутомъ, перечисляя убійцъ Кейстута одного изъ нихъ называетъ: «Мостеръ братъ», противъ чего на поляхъ оригинала приписано: «крыжакъ», т. е. рыцарь нѣмецкаго ордена. Участіе рыцаря въ убійствѣ Кейстута совершенно достаточно объясняетъ молчаніе орденскихъ лѣтописей о родѣ его смерти. Pomniki do dziejow Litwy, 26.

92. Вигандъ. 274.

93. Нарбутъ V, 301.

94. Лѣтописецъ Даниловича 38, Pomniki do dziejow Litwy, 26, Стрыйковскій II, 66.

95. Monumenta varia de louis (?) diversis et porsonis (?), a Salomone Risinio exposita, Lubecae od Chronum in Litwania, 1823. Editio posterior, in officiha Petri Plasii. См. Pomniejsze pisma historyczne. 29 стр.

96. Pomniki do dziejow Litwy, 23.

97. Стрыйковскій II, 63.

98. Pomn. do dziejow Litwy, 26. Лѣтописецъ Даниловича, 38, Нарбутъ V, 304.

99. Длугошъ XI, 558, Стрыйковскій II, 66.

100. Лѣтописецъ Даниловича 39.

101. Skarbiec Даниловича I, 240.

102. Kodex Рачинскаго, 57—60.

103. Voigt V, 411—413.

104. Kodex Рачинскаго, 60.

105. Skarbiec Даниловича I, 243, №№ 484, 485; Voigt V, 415, 416.

106. Voigt V, 417, 1-е примѣч.

107. Voigt, V, 417, 3-е примѣч.

108. Baczko. Geschichte Preussens II, 237, Kodex Рачинскаго, 62, 63.

109. Kodex Рачинскаго, 64—68.

110. Вигандъ 304, Линденблатъ 60, Skarbiec I, 248, Voigt V, 432, примѣч. 1-е.

111. Voigt, ibidem.

112. Длугошъ X, 67.

113. Skarbiec I, 247, № 492.

114. Нарбута исторія V, dodatek V.

115. Skarbiec I, 248, 249, № 493, 494.

116. Dzieje Rzeczypospolitej Polskiej, przez Jędrzeja Moraczewskiego. Poznań 1843, I, 126, 127.

117. Морачевскій I, 212—236.

118. Voigt VI, 144.

119. Bandtke, Jus polonicum 156, Длугошъ IX, 1102.

120. Длугошъ X, 12.

121. Длугошъ X, 13 и 14.

122. Dziela Tadeusza Czackiego, zebrane i wydane przez Hr. Edw. Raczynskiego. Poznań 1843. I, 297.

123. Морачевскій I, 231.

124. Длугошъ IX, 1165.

125. Длугошъ X, 21.

126. Чацкій I, tablica ewaluacyi.

127. Чацкій, II, 43, примѣч. 44.

128. Чацкій, предисловіе къ 1-му тому.

129. Кошицкій документъ см. въ Bandtke Jus Polonicum, 184, 6, и въ Voll. legum.

130. Jadwiga i Jagełło, Szajnochę II, 117.

131. Анонимъ, архидіаконъ гнѣзненскій.

132. Длугошъ IX, 1005.

133. См. въ сочиненіи Шайнохи, во II томѣ, главу «Тевтонамъ».

134. Анонимъ, архидіаконъ гнѣзненскій.

135. Анонимъ, архидіаконъ гнѣзненскій.

136. Jus Polonicum, Bandtke 187 и Voll. legum

137. Анонимъ. архидіаконъ гнѣзненскій.

138. Архидіаконъ гнѣзненскій называетъ жениха Маріи Леопольдомъ, но Длугошъ и всѣ другія свидѣтельства даютъ ему имя Вильгельма, изъ чего слѣдуетъ заключить, что архидіаконъ ошибся.

139. Архидіаконъ гнѣзненскій.

140. Jadwiga i Jagełło, Szajnochę II, примѣч. къ 172 стр.

141. Длугошъ. X, 83.

142. Архидіаконъ гнѣзненскій.

143. Stenzel, Scriptores rerum silesicarum I, 155.

144. Въ изложеніи этихъ событій польской исторіи главными источниками были архидіаконъ гнѣзненскій и Длугошъ, а пособіями сочиненія Шайнохи, Морачевскаго, графа Стадницкаго (Synowe Gedymina), Чацкаго и др.

145. Длугошъ X, 2, 3, 4.

146. Длугошъ X, 4.

147. Pomniki do dziejow Litwy. 27.

148. Длугошъ относитъ описанное событіе къ 1370 году, а литовско-русскія лѣтописи къ 1384 и приписываютъ этотъ походъ Ягеллу, но едва ли послѣднее справедливо: вслѣдъ за этимъ разсказомъ ихъ начинается весьма неполное и неточное описаніе событій по смерти Казиміра Великаго, Ядвига называется его дочерью, такъ что, очевидно, лѣтописецъ не зналъ того періода польской исторіи, который обнимаетъ правленіе Людовика и случившееся по смерти Казиміра смѣшалъ съ тѣмъ, что было по смерти Людовика. Справедливо замѣчаютъ крайнюю неточность въ хронологіи литовскихъ лѣтописей и предпочитаютъ имъ, въ этомъ случаѣ, Длугоша, хотя и въ его исторіи встрѣчается много ошибокъ.

149. Длугошъ, IX, 1007.

150. Морачевскій, I, 253.

151. Архидіаконъ гнѣзненскій.

152. Длугошъ. X, 35, 36.

153. Длугошъ, X, 37, Архидіаконъ гнѣзненскій.

154. Длугошъ, X, 69.

155. Архидіаконъ гнѣзненскій.

156. Стрыйковскій II, 67.

157. Pomniki do dziejow Litwy. 27.

158. «И начаша Ляхове слати съ Кракова ко князю великому Ягайлу, дабы принялъ крещеніе стараго Рима и понялъ бы въ нихъ королевну, именемъ Ядвигу, себѣ женою и сталъ бы въ нихъ королемъ въ Краковѣ, на всей земли лядской». Такъ говоритъ объ этомъ событіи современный лѣтописецъ, изданный Даниловичемъ (стр. 40), его извѣстіе подтверждается и другою лѣтописью, изданною Нарбутомъ (Pomniki do dziejow Litwy 29 стр.). Такимъ образомъ Стрыйковскій, который одинъ только приписываетъ начинаніе въ этомъ дѣлѣ Ягеллу, говоря, что узнавъ объ отличныхъ качествахъ Ядвиги, онъ самъ послалъ ее сватать (II, 72), очевидно ошибается; извѣстіе лѣтописца Даниловича, какъ почти современнаго событію, предпочтительнѣе Стрыйковскаго и кромѣ того Ягеллу, въ 1384 году разорявшему Польшу, немного странно было, въ началѣ 1385 года, искать руки ея королевы.

159. Онъ былъ сынъ Яна Василла, герба Ястжембецъ, владѣльца Василева въ древней Ятвезіи, что послѣ называлось воеводствомъ подлясскимъ, мать его Беата, герба Любичъ, владѣла Любинымъ; оба они происходили изъ великой Польши.

160. Здѣсь вспоминается избіеніе францисканoвъ, о которомъ см. у Кибурга, въ приложеніи.

161. Мы дословно почти выписали извѣстіе о епископѣ Андреѣ изъ рукописи, найденной въ упраздненномъ (въ 1837 году) монастырѣ францисканoвъ въ Шейбакполѣ, въ лидскомъ уѣздѣ. Отрывки изъ нея напечатаны въ «Pomniejsze pisma historyczne». стр. 165.

162. См. Кибурга въ приложеніи.

163. Литовско-русскій лѣтописецъ, изд. Даниловичемъ (стр. 39) и другой, изд. Нарбутомъ (Pomniki do dziejow Litwy. 27) прямо говорятъ, что Витовтъ получилъ въ Литвѣ свою отчину, т. е. все, чѣмъ владѣлъ отецъ его, слѣдственно и Троки.

164. Skarbiec Даниловича, I, 252, № 500 и Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ... изд. Виленскимъ губернаторомъ Семеновымъ. Вильно 1843 II, 146, № 55.

165. Skarbiec I, 251, № 498. Исторія Нарбута V, 352.

166. Собственныя слова Витовта; „Da begonste herczog Jagal vieke czu senden czu uns sine Boiarn und syne briefe und rufende mich uff

alle myn fetirlich erbe und sin truwe mir gebende" см. у Voigt'a V, 436. примѣч. 2.

167. См. отзывъ о нихъ самаго Магистра у Voigt'a V, 439.

168. Вигандъ, 310.

169. Skarbiec I, 252—3, № 501.

170. Skarbiec I, 254.

171. Нарбута исторія V, dodatek II.

172. Лѣтописецъ Даниловича, 39.

173. П. С. Р. Л. V, 228. Длугошъ (X, 96) называетъ его братомъ Ягелла, но у него не было брата съ такимъ именемъ (см лѣтописца изд. Даниловичемъ 29 стр., Pomniki do dziejow Litwy 22, IV Новгород. лѣт. въ IV т. П. С. Р. Л. стр. 72 и т. д.) Стрыйковскій также называетъ Бориса, братомъ Ягелла, (II, 72), но перечисляя сыновей Ольгерда, Бориса не называетъ (II, 57, 58).

174. Такъ слѣдуетъ понимать имя Elgemoth, приводимое архидіакономъ гнѣзненскимъ.

175. Skarbiec I, 254, № 507. Длугошъ, Стрыйковскій и др.

176. Ольгердъ женился на Юліаннѣ тверской въ 1349 (по свидѣтельству троицкой и густинской лѣтописи) или въ 1350 году (по воскресенской лѣтописи) и такъ какъ, по словамъ Стрыйковскаго, Ягелло былъ первымъ ребенкомъ отъ этого брака, то онъ могъ родиться около 1351 года.

177. Длугошъ X, 103, 104.

178. Рукописное примѣчаніе Нарбута къ 465 стр. VI тома его исторіи; экземпляръ его исторіи со множествомъ рукописныхъ примѣчаній хранится въ Виленской публичной библіотекѣ.

179. Длугошъ, X, 134.

180. Длугошъ, X, 142 и лѣтописецъ Даниловича.

181. Длугошъ, X, 138.

182. Нарбутъ, V, 487.

183. Życie domowe Jadwigi i Jagelly z regestrow scarbowych. 1388—1417, przez Alexandra Przezdzieckiego. Warszawa 1854. 80 стр.

184. Нарбута исторія, IV, 612.

185. См. Кибурга въ приложеніи.

186. Smollet. Story of England. Historia miasta Wilna. Balinski I, 189.

187. Исторія Нарбута, V, 237.

188. Вигандъ, 310 стр.

189. Изъ 23 грамотъ отъ имени Ягелла, напечатанныхъ въ «Codex diplomaticus Poloniae... Rzyszczewski i Muczkowski, Warszawa 1847, T. I. 19 заключаютъ въ себѣ пожалованіе или земель, или денегъ, или привилегій, влекущихъ за собою матерьяльное пріобрѣтеніе.

190. Длугошъ подъ 1425 годомъ.

191. См. Кибурга въ приложеніи.

192. Voigt VII, 3.

193. Albertrandi, Dwadzieścia szesc lat panowania Władysława Jagełły, wyd. przez Fdw. Raczynskiego, Wroclaw. 1845, стр. 196.

194. Длугошъ, X, 98.

195. Изъ рукописей Оссолинскаго; см. Zbigniew Olesnicki, przez autora dziela: «Piotr Scarga i jego wiek» Krakow 1854. I, 208.

165. Życie domowe Jadwigi i Jagełły, 55 стр. О характерѣ Ягелла, кромѣ указанныхъ источниковъ, см. Длугоша, XI, 657—660, Стрыйковскаго II, 191 и Ваповскаго I, 216—218.

197. Длугошъ, Ваповскій I, 61.

198. Szajnochę. Jadwiga i Jagełło III, 96.

199. Тамъ же, I, 160—165.

200. Длугошъ X, 98.

201 Szajnoche. Jadwiga i Jagełło I, 168.

202. О нихъ подробно говорится въ I т. сочиненія Шайнохи.

203. По свидѣтельству Длугоша, Скиргелло сказалъ прекрасную рѣчь Ядвигѣ, но другіе источники приписываютъ ее кн. Борису, который говорилъ ее не Ядвигѣ въ Краковѣ, а королевѣ Елисаветѣ въ Будахъ; см. Skarbiec I, 254, № 507.

204. Длугошъ X, 97.

205. Длугошъ X, 98.

206. Skarbiec, I, 254, № 507.

207. Не далѣе, какъ 29 Іюля 1385 г., когда послы литовскіе едва успѣли выѣхать изъ Будъ, была подписана герцогомъ Леопольдомъ новая запись, скрѣплявшая обязательства, заключенныя между Ядвигою и его сыномъ. Praj'a, Annales regni Hungariae, II, 174.

208. Вопросъ объ отношеніяхъ Ядвиги къ Вильгельму не разъ подробно разсматривался въ польской исторической литературѣ и рѣшался еще болѣе утвердительно, чѣмъ выразились мы, въ пользу дѣйствительнаго заключенія брачнаго между ними союза. Таково мнѣніе

Морачевскаго (Dzieje... изд. 1843, I, 283—284) и Лентовскаго (Katalog biscupow i kanonikow krakowskich. 1852, I, 332), но Шайноха въ не разъ уже упомянутомъ нами сочиненіи: Jadwiga i Jagello, wydanie drugie i poprawne, 1861, въ III т. стр. 339—350, съ особенною энергіею возстаетъ противъ такого рѣшенія вопроса, бросающаго тѣнь на Ядвигу и на весь народъ польскій. Въ указанномъ мѣстѣ онъ собралъ всѣ свидѣтельства о занимающемъ насъ событіи и объясненіемъ ихъ уничтожаетъ мнѣніе своихъ противниковъ. Не смотря на сильную діалектику г. Шайнохи, на его остроумныя сближенія, намъ кажется, что представляемое имъ толкованіе источниковъ слишкомъ одностороние и отзывается непремѣннымъ усиліемъ доказать мысль свою, во что бы то ни стало. По слôвамъ его, источники для рѣшенія вопроса о бракѣ Ядвиги съ Вильгельмомъ суть слѣдующіе: 1) Документы, написанные во время ихъ малолѣтства, содержащіе въ себѣ взаимныя обѣщанія ихъ родителей, относительно будущаго брака дѣтей (отъ 1374 года въ Hergott. Mon. dom. Austr. III, 9; отъ 1375, ibidem; отъ 1378 въ Katon. Histor. crit. X, 643; отъ 1380 въ Hergott. Mon. dom. Austr. III, 9; отъ 1381 ibidem III, 11; отъ 1385, ibidem III, 12); 2) Аббатъ жеганскаго монастыря въ Силезіи, Людольфъ, писавшій свою хронику еще при жизни Ядвиги, лѣтъ 10 или 12 спустя, послѣ разсматриваемаго брака, человѣкъ совѣстливый и правдивый; въ Stenzel, Scriptores rerum silesiearum I, 218; 3) Hagano лѣтописецъ, хорошо знавшій Вильгельма, въ Pez'a, Scriptores rerum Austr. I, 1147, 1148; 4) Эбендорферъ, знакомый съ его приближенными; ibidem, II, 819, 820; 5) Современникъ, бургомистръ Вѣны, Пальтрамъ, ibidem I, 728; 6) Линденблаттъ, также современный авторъ прусской хроники, изд. Фойхтомъ въ 1823 г. стр. 58; 7) Продолжатель Дунсбурга въ Petri de Dusburg Cron. Pruss. edit. Chr. Hartknoch. Jena 1679, стр. 429; 8) Нѣсколько позднѣйшій авторъ такъ называемый старой прусской хроники въ «Dudik'a Forschungen in Schweden» и у Фойхта въ его исторіи Пруссіи V, 479;9) Эней Сильвій, умершій въ 1464 году, въ «Opera omnia... Basileae 1551, стр. 416 и 591 и наконецъ 10) Длугошъ, умершій въ 1480 г.

Въ документѣ 1380 г., отецъ Ядвиги Людовикъ такъ говоритъ о брачной церемоніи, совершенной въ Гаймбургѣ въ 1378 году: «Reverendissimus in Christo pater dominus, dominus Demetrius, tunc archiepiscopus strigoniensis, nunc vero S. Romanae ecclesiae cardinalis, eos (т. е. Ядвигу и Вильгельма) Haimburgae, in ecclesia parochiali,

cum debita solempnitate, indutus pontificalibus, ad invicem copulavit, ipsique ea nocte fuerunt in uno lecto positi et conjuncti». Вотъ первое извѣстіе о первой брачной церемоніи, совершенной надъ семилѣтними дѣтьми, которая, оставаясь дѣйствительнымъ брачнымъ обрядомъ, не имѣла, однакожъ, обыкновенныхъ послѣдствій брака по молодости супруговъ; разсматривая согласно съ этимъ брачную церемонію, совершенную въ Гаймбургѣ, какъ простую формальность, тотъ же документъ говоритъ далѣе: «cum ad 12 aetatis suae annum pervenerit (Ядвига), praedicto duci Vilhelmo iterum apponere, ut simul habitent et conjugaliter invicem vivant, secundum justitiam et consuetudinem sacri conjugii». Изъ документа отъ 29 Іюля 1385 года извѣстно, что подобнаго осуществленія брака до этого года не послѣдовало, а назначено оно черезъ двѣ недѣли, въ Краковѣ, около дня Успенія пресв. Богородицы; мы знаемъ, что и это не могло быть исполнено, такъ какъ польскіе паны предпочитали выдать Ядвигу за Ягелла. Послѣ этихъ свидѣтельствъ, доказывающихъ, что дѣйствительное супружество заключено не было, весьма важно показаніе продолжателя Дуисбурга: «Anno Domini 1385, Poloni dominum Wilhelmum ducem Austriae, dominae Hedwigi, reginae Poloniae, matrimonialiter imo carnaliter copulatum de regno et uxore repulerunt et dictam dominam contra omnem suam voluntatem Jagelloni, regi Lithuanorum, pagano, in uxorem tradiderunt, eam ad hoc vi impellentes, quod ipsa, sicut coacta, fecit dolorosa» Эти слова лѣтописца, столь выразительно поясняющія, что дѣйствительное супружество существовало, Шайноха объясняетъ отголоскомъ о церемоніи Гаймбургской, гдѣ, какъ извѣстно, Вильгельмъ и Ядвига «in uno lecto positi et conjuncti» и такимъ образомъ признаетъ тождественными показанія продолжателя Дуисбурга и вышеприведенныхъ документовъ. Это, конечно, совершенно несправедливо: поименованные документы съ особенною ясностью говорятъ объ обрядѣ въ Гаймбургѣ, какъ о простой формальности, продолжатель же Дуисбурга говоритъ не объ обрядѣ только, а объ его послѣдствіяхъ, иначе, зачѣмъ бы ему употреблять выраженія: «matrimonialiter, imo carnaliter copulatum»? Онъ не знаетъ о первомъ, оставшемся безъ послѣдствій, брачномъ обрядѣ, не знаетъ даже или находитъ лишнимъ говорить, гдѣ былъ заключенъ вторичный; его поражаетъ только то, что Ядвига, тѣлеснымъ образомъ соединенная съ Вильгельмомъ, насильно была отдана другому; слѣдовательно свидѣтельство его совершенно противуположно свидѣтельству документовъ и

отождествлять ихъ значитъ слишкомъ безцеремонно обращаться съ источниками. Такимъ же точно образомъ толкуетъ Шайноха и Линденблатта: «Die ander tochter Hedewig genannt, hatte her (Людовикъ) vortruwit (обручилъ, сговорилъ) herczoge wilhelm von osterrich, unde als herczog Wilhelm alreit hatte beslofen Hedewig unde sie sich lip hattin mit einander, des worin die Polan vol irer bosheit unde vortrebin herczogin Wilhelm us deme lande»; хотя смыслъ его показанія и выраженія: «beslofen» и «sie sich lip hattin mit einander», при извѣстномъ уже намъ свидѣтельствѣ продолжателя Дуисбурга, вполнѣ позволяютъ намъ заключать о дѣйствительномъ супружествѣ. Не утомляясь однообразіемъ своихъ возраженій, Шайноха и въ старой прусской хроникѣ видитъ воспоминаніе о церемоніальномъ только обрядѣ, совершенномъ въ Гаймбургѣ, хотя лѣтописецъ, упомянувъ, что Людовикъ отдалъ Ядвигу Вильгельму съ тѣмъ, чтобы послѣдній управлялъ Польшею, говоритъ ясно, что «Wilhelm und Hedewig zusampne zu Cracow uff dem hause (т. е. въ замкѣ) gelegt und hatten sich so lieb...» и что уже послѣ этаго поляки выбрали въ мужья Ядвигѣ дикаго язычника. Занятый своею мыслью, Шайноха не признаетъ приведеннаго свидѣтельства, потому что въ немъ встрѣчаются ошибки, напр. Людовикъ назначаетъ корону Польши Ядвигѣ и ея мужу, хотя это назначеніе случилось послѣ его смерти, или положеніе ихъ на одну постель относится къ Кракову, тогда, какъ оно совершилось въ Гаймбургѣ. Первое есть дѣйствительно ошибка, но не ослѣпленные подобно Шайнохѣ, мы не можемъ, на основаніи одной невѣрности, уничтожать все значеніе приведеннаго свидѣтельства и вовсе не видимъ никакого смѣшенія Гаймбурга съ Краковомъ, а просто находимъ въ словахъ прусскаго лѣтописца доказательство того, что вторичный обрядъ дѣйствительнаго супружества былъ заключенъ въ краковскомъ замкѣ, когда возрастъ супруговъ не позволялъ уже сомнѣваться въ послѣдствіяхъ брака. Свидѣтельство это тѣмъ важнѣе, что, какъ увидимъ ниже, и Длугошъ утверждаетъ, что Вильгельмъ 15 дней по супружески жилъ съ Ядвигою въ краковскомъ замкѣ. Далѣе, въ показаніи Энея Сильвія, мы находимъ только подтвержденіе всему сказанному нами. Эней былъ почти современникомъ Ягелла, такъ какъ въ день смерти его имѣлъ 29 лѣтъ, онъ былъ секретаремъ императора и потомъ папою, слѣдовательно хорошо могъ знать то, что онъ описывалъ, какъ историкъ. Онъ говоритъ «cum rex (Людовикъ) obiisset, filiam Gulielmus in matrimonium accepit, illique regno (т. е. польскому) prae-

fectus est. Non placuit Polonis rex teutonicus, ejectoque Gulielmo, conjugem ejus et regnum novo regi tradidere... cum quo matrimonium haud legitimum fuit.» и въ другомъ мѣстѣ (въ письмѣ къ Збигнѣву Олесницкому): Поляки у Вильгельма «regnum et nuptam abstulerunt et inauditum scelus adorsi, reginam quae alteri nupserat, novo regi conjunxere.» Не находя здѣсь ничего о пребываніи Вильгельма въ краковскомъ замкѣ, гдѣ всего удобнѣе могло бы совершиться заключеніе дѣйствительнаго супружества, Шайноха не придаетъ никакого значенія словамъ Энея Сильвія, даже не считаетъ его достойнымъ довѣрія, потому что онъ былъ извѣстенъ, какъ сторонникъ австрійскаго дома и непріятель поляковъ. Послѣднее соображеніе, конечно, важно и мы вполнѣ понимаемъ его силу, но оно совершенно опрокидывается другими, не менѣе важными соображеніями, именно, какъ осмѣлился бы Эней Сильвій, еслибъ онъ лгалъ, еслибъ онъ выдумалъ исторію о бракѣ Вильгельма и Ядвиги, какъ осмѣлился бы онъ писать объ этомъ въ письмѣ къ Збигнѣву Олесницкому, ревностному хранителю народной чести, человѣку очень любившему пошутить и покричать и который, конечно, разоблачилъ бы столь наглую ложь, въ такой степени оскорбительную для королевской фамиліи и для польскихъ магнатовъ. Если же Збигнѣвъ этого не сдѣлалъ, значитъ Эней писалъ правду. Свидѣтельство Хагана, лѣтописца лично знавшаго Вильгельма и Эбендорфера, знакомаго съ его приближенными, только подтверждаютъ приведенныя извѣстія. Хаганъ: «In der zeit (1382—1386) herzog Wilhelm ward mit seiner braut in das kunigreich gen Krakow geführt und da ward zwischen in die chanschafft volfaret und er bei ir oft ein nacht hat gelegen. Nu schündet der veind alles menschleichs heils die alte Kunigin von Ungarn und von rate wegen des grossen graffen (палатина Гары, имѣвшаго большое вліяніе на королеву) sant sie zu einen haiden in die Littaw und verzieh im ihre tochter». Эбендорферъ: «Dux autem Wilhelmus una cum sponsa Hedwiga deductus est juxta Polonorum mores ad Cracoviam, ut ad regnum Poloniae coronaretur, ubi, ut saepe profiteri solitus erat, matrimonium inter eam et ducem est ligitime consumatum. Sed relicta domina Ludovici, praefatae Hedvigis mater, diabolica permota spiritu, consilio praefati palatini, missis nunciis ad ducem Littuaniae, Jagel nomine, paganum, offerre non erubuit filiam suam sibi prostituere et eidem affidare uxorem. Qui veniens Cracoviam, vi abstulit Hedwigem et humiliatam duxit uxorem, assentiente sibi Bonifacio

papa pro eo, quia dux Wilhelmus citatus ad dicendum contra istius invasoris proposita non comparuit, asserens, indecens esse duci Austriae contendere pro meretrice. Fertur, quod praefatus Jagel Cracoviae baptizari se permisit propter regnum Poloniae, quodque probationes suas fundaverit in jure maximorum xeniorum et pecuniae, ob quod praefata Hedviga ducem Vilhelmum nocte de cubili, ut fertur, in sporta per funes submisit et, sic paucis concomitantibus, mortis dispendium, Austriam veniens, evasit.» Справедливо замѣчаетъ Шайноха, что оба эти свидѣтельства составляютъ одно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ подробностей; не менѣе справедливо замѣчаетъ онъ въ нихъ нѣкоторыя неточности, напр что Ядвига пріѣхала въ Краковъ вмѣстѣ съ Вильгельмомъ, тогда, какъ она пріѣхала раньше его или, что законность ея брака съ Ягелломъ разсматривалась п Бонифаціемъ, между тѣмъ, какъ обсуждалъ ее его предшественникъ п. Урбанъ. Это совершенно справедливо, но даютъ ли указанныя ошибки право совершенно уничтожать значеніе приведенныхъ свидѣтельствъ, тѣмъ болѣе, что, говоритъ самъ Шайноха, оба свидѣтеля были современниками Вильгельма, близко знакомыми съ окружавшими его лицами? У всякаго лѣтописца есть ошибки и если отъискивать совершенно безъупречныхъ, вполнѣ истинныхъ и безспорныхъ показаній, то придется пройти молчаніемъ о многихъ, весьма важныхъ историческихъ событіяхъ. Можно помириться съ немногими ошибками въ изложеніи подробностей, если есть основаніе довѣрять общему разсказу главнаго факта. Другой противный доводъ Шайнохи гораздо важнѣе: два послѣдніе свидѣтеля, по его мнѣнію, недостойны довѣрія, потому что они слишкомъ связаны съ австрійскимъ домомъ, слишкомъ преданы ему и ревниво берегутъ его интересы; весьма вѣроятно, что Вильгельмъ, еслибъ даже и не состоялся бракъ его съ Ядвигою, разсказывалъ, что онъ былъ дѣйствительнымъ мужемъ польской королевы, желая тѣмъ сильнѣе вооружить преданныхъ себѣ людей противъ поляковъ, съ такимъ срамомъ лишившихъ его и жены и короны. Такимъ образомъ лѣтописцы или раздѣляли его виды и сознательно повторили его ложное утвержденіе или, повѣривъ ему, были обмануты. Въ этомъ случаѣ мы вполнѣ были бы согласны съ Шайнохой еслибъ приведенныя показанія были единственными источниками, но такъ какъ онѣ подтверждаются цѣлымъ рядомъ другихъ свидѣтельствъ, то въ рѣшеніи разсматриваемаго вопроса, мы должны опираться и на нихъ. Длугошъ представляетъ заключительное звено въ представленной цѣпи извѣстій о

бракѣ Вильгельма и Ядвиги, закрѣпляющее высказанное нами мнѣніе. Онъ въ двухъ мѣстахъ говоритъ объ этомъ событіи, X, 102: «Fama insuper et plurimorum assertione proditum est, adeo Jagellonis ducis Lithuanorum connubium perosam pertaesamque fore, ut Poloniae baronibus nequicquam dissuadentibus et prohibentibus, barbari exclusura conjugium, sponsalia per verba de praesenti cum Wilhelmo, Austriae duce in facie Ecclesiae, Ludovico patre jubente, dudum contracta sub frequentia militum suorum et procerum, sub id tempus, quo Jagellonem ducem Lithuaniae vulgatum erat, procedere, consummare statuisset. Verum dum ad cracoviensem arcem thalami secreta cum Hedwigi regina suscepturus cubilia perductus erat, cura et mandato baronum Poloniae, quibus copulatio ipsa summopere displicebat, tam ex arce, quam ex thalamo cum dedecore et injuria exclusus expulsusque est et ab omni carnali comercio reginae praedictae sequestratus.» Стр. 105: «Ferunt et Hedwigim reginam, ne suo jungeretur connubio diutius obluctatam et vix tandem prece optimatum ad consentiendum, inductam fuisse. Probe enim noverat matrimonium secundum contrahendum, priori obstante, legitimum fieri non posse. Facinus quoque adulterii exhorrens, alteris nuptiis contaminare pudicitiam amarius morte putabat. Neque enim a plurimorum notitia sciebat ignoratum, quod cum praefato Wilhelmo, duce Austriae, post contracta de praesenti sponsalia, 15 diebus in thoro, carnali copula etiam subsecuta, manserat. Timor quoque divinus et vis conscientiae mentem suam, quasi quodam exagitante, terrebant. Ex eo insuper facinore a proceribus Poloniae, pro ea tempestate, in contemptum christianae religionis patrato, qui, catho lico principe Wilhelmo Austriae duce a legitima uxore ignominiose excluso, foeminam renitentem Jagelloni barbaro, non abhorrendo adulterii facinus, jungi procurarunt, creditur est omnipotens ultionum dominus flagellis Polonos per inordinatum regimen et reges Lituanis, quam Polonis propensius faventes, plurimum afflixisse.» Каждый знающій латинскій языкъ, говоритъ Шайноха, прочитавъ выписанныя мѣста изъ Длугоша, долженъ удостовѣриться, что супружество дѣйствительно было заключено, тѣмъ не менѣе онъ и это свидѣтельство, столь ясное и выразительное, старается обратить въ доказательство не осуществленія дѣйствительнаго брака, а признаетъ его опять таки воспоминаніемъ все о той же гаймбургской церемоніи. Мы не можемъ согласиться съ Шайнохою, что въ двухъ приведенныхъ мѣстахъ Длугоша есть противу-

рѣчіе; сказавъ, на стр. 102, что магнаты помѣшали исполненію желанія Ядвиги, т. е. браку ея съ Вильгельмомъ, на стр. 105 онъ говоритъ, что Вильгельмъ 15 дней пользовался правами мужа; тутъ нѣтъ противурѣчія, а есть, пожалуй, умолчаніе, такъ какъ Длугошъ, разсказавъ о неуспѣшности первой попытки, разказывая далѣе о супружескихъ отношеніяхъ Ядвиги и Вильгельма, тѣмъ самымъ даетъ понять, что вторая попытка удалась. Такъ понимаемъ мы слова Длугоша и, считая все, что говоритъ о нихъ далѣе Шайноха, не позволительною натяжкою, не будемъ повторять его, а любопытныхъ отсылаемъ къ его III т. 347—349 стр.

Приведенные источники достаточно выясняютъ дѣло; они доказываютъ, что Ядвига, жена Вильгельма, была вырвана изъ объятій мужа и, противъ воли, отдана Ягеллу. Этотъ выводъ никакъ не можетъ бросить тѣнь на память Ядвиги; напротивъ, личность ея послѣ этого выступаетъ въ новомъ украшающемъ ее свѣтѣ, она является мученицею, жертвою, которая была принесена отчасти пользамъ отечества и еще болѣе корыстнымъ интересамъ польскихъ магнатовъ. Составленное нами мнѣніе объ этомъ событіи только подтверждаетъ все сказанное нами о могуществѣ пановъ и духовенства, они ограничивали власть королей и тѣмъ болѣе могли все сдѣлать съ неопытной и слабой, 14 лѣтней дѣвочкой; нѣтъ сомнѣнія, что поступокъ ихъ съ нравственной точки зрѣнія достоинъ всякаго порицанія и едва ли можно найти другой подобный примѣръ въ исторіи.

Признавая всю важность приведенныхъ показаній, мы сказали въ текстѣ, что *почти* увѣрены въ дѣйствительности брака Вильгельма и Ядвиги. Этотъ недостатокъ рѣшительности въ выраженіяхъ объясняется важнымъ значеніемъ свидѣтельствъ вѣнскаго бургомистра Пальтрама и Людольфа, аббата жеганскаго монастыря въ Силезіи, которые, оба, были современниками Ядвиги. Пальтрамъ: «Barones et potentiores (Poloniae), sicut debuit dormire (Вильгельмъ) cum regina in proxima nocte, voluerunt ipsum jugulare et regina admonuit ipsum et sic furtive evasit et amplius non redibat et domini de Polonia rediderunt ipsam cuidam pagano.» Людольфъ: «Dicunt autem Hedwigim hujus secundi (Ягелла) et non primi (Вильгельма) jam esse uxorem legitimam, quia cum eam tulerant de cubili ducis Austriae, tam juvenis et impubes extitit, quod licet inter eos fuissent sponsalia contracta, tamen propter defectum aetatis matrimonium nullum fuit, praesertim quia, ut ipsi dicunt, eam

dux Australium nunquam carnaliter cognovit. Ille autem asserens, eam uxorem suam et forsan a se cognitam, nondum quamvis aliam voluit ducere, nec ducit forsitan, ea vivente.» Шайноха придаетъ особенное значеніе этимъ свидѣтельствамъ и мы также находимъ ихъ очень важными, но они, конечно, не могутъ пересилить гораздо большаго числа приведенныхъ показаній, которымъ они даже очень мало противурѣчатъ. Свидѣтельство Пальтрама, очевидно, не полно, оно содержитъ въ себѣ только то, что сказано Длугошемъ на 102 стр., а Людольфъ передаетъ только слухи: одни говорятъ, что супружество не состоялось, а другой утверждаетъ противное; очевидно первый слухъ шелъ изъ Кракова, а второй изъ Вѣны, а самъ Людольфъ не знаетъ, какой слухъ вѣроятнѣе. Такимъ образомъ, только Пальтрамъ является несогласнымъ со многими извѣстными намъ источниками, но, конечно, согласное показаніе многихъ должно быть предпочтено одному, несогласному съ ними, а потому и «почти», употребленное нами въ текстѣ становится лишнимъ.

209. Шайноха III, 126.

210. Skarbiec. I. 254.

211. Voigt, V, 473.

212. ibidem.

213. ibidem V, 479.

214. Skarbiec. I, 256, № 509.

215. ibidem I, 257, № 512.

216. Voigt, V, 477, 478. Skarbiec. I, 258.

217. Шайноха, III, 139.

218. Skarbiec. I, 259.

219. «Non abhorrendo adulterii facinus.» Слова Длугоша, см. примѣчаніе 208.

220. Gołębiowski, Dzieje Polski za panowania Jagełłonow, I, 5, 6, 483. Изъ документовъ, выданныхъ съ этою цѣлью узнаемъ, что Ягелло до коронаціи носилъ титулъ: «Tutoris et domini regni Poloniae.» Впослѣдствіи, когда дѣла требовали отъѣзда заложниковъ изъ Польши, они не иначе получали на то позволеніе, какъ съ обязательствомъ немедленно вернуться, по первому востребованію, (тамъ же).

221. Шайноха, III, 352—354.

222. Żywoty biscupow Wilenskich. Przyalgowskiego I, 1—3; Нарбута исторія III, 199,

223. Napierski, Index corp. arch. № 112.

224. Hist. lit. polsk. M. Wiszniewskiego, II, 158, 159.

225. Pomn. pisma historyczne, 31.

226. Нарбута исторія IV, dodatek 14.

227. Ibidem, IV, dodatek 16.

228. Ibidem, V, 91. Voigt V, 128.

229. Pomniki do dziejow Litwy, 20.

230. Ibidem, 22 и Кибургъ въ приложеніи.

231. Нарбута исторія V, dodatek 1.

232. Такъ въ Лиду, послѣ 1369 года, пришли еще 6 монаховъ. Нарб. V, dodatek 1.

233. Морачевскій I, 194.

234. См. Кибурга въ приложеніи.

235. Jaroszewicz. Obraz Litwy... II, 2.

236. Лѣтописецъ, изд. Даниловичемъ, 149, 150.

237. См. новгородскую 1 лѣтопись, въ П. С. Р. Л. III, 83

238. Лѣтоп. Даниловича. 170.

239. Нарбута исторія I, 231.

240 Pomniejsze pisma historyczne, 216.

241. Лѣтописецъ изд. Даниловичемъ, 169, 170; Pomn. pisma historyczne, 85—89.

242. Лѣтоп. изд. Данил. 175, 182 и др. русск. лѣтоп. въ П. С. Р. Л.

243. Длугошъ, X, 104.

244. Pomniki do dziejow Litwy. 20.

245. Pomniejsze pisma historyczne, 83. Свидѣтельство этой надписи особенно важно въ томъ отношеніи, что она сообщаетъ имя Ольгерда, принятое имъ послѣ крещенія, другія же русскія лѣтописи, напр. Никоновская, знаютъ только его имя Алексѣй, принятое вмѣстѣ съ схимою. Какъ увидимъ ниже, Ольгердово имя Андрея подтверждается и другими источниками.

246. См. въ приложеніи.

247, Длугошъ X, 114.

248. Лѣтопись по Никонову списку.

249. Длугошъ, X, 61.

250. Kraszewski, Litwa, II, 216. Карамзинъ IV, 274 изд. Смирдина 1852.

251. Шайноха I, 167.

252. Rogalsky, Dzieje Krzyżakow.., I, 323.

253. VII, 785.

254. III, 218.

255. См. въ приложеніи.

256. Выписки изъ него приводитъ Нарб. въ своей истор., I, 386—400.

257. III, 142, 354, 355.

258. Нарбута исторія V, 130.

259. Rogalsky, Dzieje Krzyżakow, I, 580.

260. Rogalsky II, 18.

261. Ibidem, II, 21.

262. «Quod cum dicti Cruciferi castrum Vilnense circumvallassent et Christianos neophytos, paganos nuncupassent, presbyteri, praelati, canonici et clerici, tam seculares, quam religiosi ecclesiae et civitatis Vilnensis, exorantes divinam clementiam, pro pace danda et hostium ferocitate et crudelitate mitiganda, de ecclesia cathedrali, ad ecclesiam Stae Annae, sacris vestibus et superpeliciis induti, more sacerdotali, processionaliter, cum cantu devoto laudis, sacrum Corpus Christi et pignora seu reliquias sanctorum publice in manibus deferentes, praefati Cruciferi contra dictos presbyteros et clericos, in fidei contemptum et contumelium Creatoris, diversis telis et tandem pixide sive bombarda sagittarunt, cujus e bombarde, seu lapidis, de ipsa emissi ictus, unus sacerdos religiosus, nomine Venceslaus de Grecz, ordinis Sti Francisci est interfectus et quam plures alii vulnerati, palam publice est notorium». Изъ рукописей Нарбута, см. Pomn; pisma historyczne, 120 стр.

263. Шайноха, III, 356.

264. Нарбута исторія, V. dodatek II.

265. «Singuli kmetones, tam Ruteni, quam Christiani», см. Stadnicki, Synowe Gedymina II, 161.

266. Polska czyli o położeniu, obyczajach, urzędach i rzeczy Pospolitej królewstwa polskiego, przez Marcina Kromera. Переводъ на польскій языкъ Владислава Сырокомли. Вильна 1853 г. 66 и 67 стр.

267. Шайноха, III, 144, 145, 355, см. примѣч. 208, гдѣ мы выписали показанія этихъ лѣтописцевъ.

268. «quos genitrix eorum formabat ad mores graecos, ritum graecum illis instillans.» X, 61. Должно замѣтить, что Длугошъ знаетъ только одну жену Ольгерда — дочь тверскаго князя.

269. «gentili errore abjecto», X, 104; также нерѣшительно и другое его выраженіе: «ad fidem de tenebris gentium eductus». XI, 657.

270. «consuetudinem, quam exprisco gentilitatis more traxerat.» X, 650.

271. «errores paganicos relinquentes», см. переводъ Ваповскаго Малиновскимъ въ примѣч. къ стр. 62—68; «de gentilitatis tenebris educentes», см. Codex diplomaticus Poloniae... Rzyszczewski i Muczkowski. Warszawa 1847, I, № CLXXV и CLI и только удаленный отъ мѣста дѣйствія папа Урбанъ VI, въ буллѣ 1388 года, утверждающей виленское епископство, позволяетъ себѣ выраженіе: «abjecta *idolorum* servitute», см. переводъ Ваповскаго I, 67.

272. Codex diplomatic. Polon. Rzyszczewski i Muczkowski. I, № CLI

273. Его крещеніе въ Таплавѣ намъ уже извѣстно; объ обращеніи его въ православіе, послѣ этого крещенія, свидѣтельствуетъ орденскій лѣтописецъ, Линденблатъ, см. изд. 1823 г. стр. 204; оно же подтверждается грамотою, напечатанною въ «Собраніи древнихъ грамотъ и актовъ... изд. Виленскимъ губернаторомъ Семеновымъ, Вильна 1843, II, 146, № 55»; которою Витовтъ жалуетъ, по ходатайству В. Кн. Юліанны, русскому монастырю въ Трокахъ нѣкоторыя имѣнія и озеро Луки (24 Августа 1384), при чемъ называетъ себя Александромъ; см. также другую его грамоту въ «Skarbiec» I, 252, № 500, также отъ 1384 г., гдѣ онъ говоритъ о себѣ: «Мы великій князь Витовтъ, нареченный во св. крещеніи Александръ».

274. Православіе Скиргелла доказывается: 1) не разъ уже упомянутымъ письмомъ къ в. кн. Юліаннѣ, напечатаннымъ у Нарбута (V, dodatek II); 2) Лѣтописецъ, изд. Даниловичемъ (стр. 47), описывая его смерть и погребеніе по православному обряду, говоритъ, что при св. крещеніи онъ названъ былъ Иваномъ; 3) Длугошъ (X, 120) подъ 1389 г. говоритъ, что онъ былъ дорогъ русскимъ по единству вѣры и что король Владиславъ уговаривалъ его оставить греческое исповѣданіе, Скиргелло обѣщался, говоря, что пойдетъ въ Римъ и тамъ приметъ римскую вѣру, но внезапная смерть помѣшала осуществленію его намѣренія; 4) Ваповскій говоритъ, что Скиргелло вмѣстѣ съ Ягелломъ принялъ крещеніе въ Краковѣ и названъ Казиміромъ, но очевидно смѣшиваетъ его съ Коригелломъ, тѣмъ болѣе, что въ дальнѣйшемъ изложеніи постоянно выставляетъ его православнымъ и такъ разсказываетъ о его смерти: «Скиргелло, раздраживъ своими жестокостями своихъ приближенныхъ греческой вѣры, которую и самъ исповѣдывалъ, былъ отравленъ подчашимъ, впустившимъ ядъ въ чашу изъ перстня, въ Вышгородѣ, близъ

Кіева...» «Онъ непремѣнно принялъ бы римскій католицизмъ, еслибъ не постигла его смерть 1394 г.» (I, 114); 5) Въ исторіи Нарбута (V, dodatek V) напечатано письмо великаго магистра къ папѣ, гдѣ сказано: «Lithuanorum infidelium rex Jagal una cum fratre suo scismatico Skirgal» 1384.

275. Стрыйковскій II, 58. Аноnимъ, архидіаконъ гнѣзненскій о крещеніи въ Краковѣ Виганда.

276. Длугошъ X, 104; см. также запись Ягелла, 1391 г., которою жалуетъ виленской каѳедрѣ землю Стжешинъ (Strzeszyn), съ обязательствомъ молиться за него, за Казиміра-Коригелла, убитаго рыцарями, за Александра или Вигунта, за Болеслава или Свидригелла, «родныхъ нашихъ братьевъ». Переводъ лѣтописи Ваповскаго I, 99, примѣч. 2.

277. Сочиненіе, указанное Шайнохой, озаглавлено: «Historia pulchra et stupenda, miraculis referta imaginis Mariae, quomodo et unde in clarum montem, Czanstochowiae et Olsztyn advenerit. Krakow. 1523. Въ немъ читаемъ: «post mortem Ludovici regis grande Deus donum et miraculum genti Polonae contulit. Ladislaus enim, dux ille egregius Lithuanorum, vocatus ad regnum ea lege, si misso schysmate, christianus purus efficeretur, quod cum protinus, non invitus acceptasset, sic Deo volente, innumera multitudo hominum, paucis diebus, ad romanam ecclesiam fuit conversa.» Шайноха, III, 358.

278. Pomniejsze pisma historyczne, 98—100. Объ имени «Яковъ», см. Воскресенскую лѣтопись, въ П. С. Р. Л. VII, 255.

279. См. посланія Кипріана въ православномъ Собесѣдникѣ, 1860 г. II, 97—99.

280. Galerja Nieświeżska portretów Radziwillowskich. Edw. Kótlubaja 1857, стр. 16.

281. Bandtke, Jus Polonicum, 189.

282. Длугошъ, X, 106.

283. Ibidem, X, 107.

284. Biblioteka Ossolynskich, IX, 1866 г., стр. 190—192.

285. Длугошъ, X, 109. Король хотѣлъ сначала дать въ приданое землю радомскую, но паны не позволили.

286. Длугошъ, X, 107.

287. Длугошъ, X, 108 и Шайноха III, 166, 362.

288. Skarbiec I, 261, № 524.

289. П. С. Р. Л. II, 351.

290. См. жалобу Ягелла папѣ въ Skarbiec I, 261, № 524.

291. Стрыйковскій II, 76. Voigt. V, 480.

292. Skarbiec I, 260, №№ 519, 520, 521.

293. Лѣтописецъ Даниловича, 42, 43. Pomniki do dziejow Litwy, 30, 31. П. С. Р. Л. IV, 92, 93.

294. П. С. Р. Л. IV, 193. Общее утверждеіе лѣтописей, что Андрей высидѣлъ въ заключеніи три года (Длугошъ X, 107, Стрыйковскій II, 76, 77), опровергается извѣстіемъ въ Życie domowe Jadw. i Jagel. 46 стр.

295. Переводъ лѣтописи Ваповскаго I, въ примѣч. къ стр. 74—78.

296. Zbior praw litewskich, Dzialynski, 1 стр.

297. Ibidem 1 и 2 стр. Въ радзивилловскомъ архивѣ есть также грамота озаглавленная: Privilegium Vladislai regis, quo incolis M. D. Lithuaniae, fidem christianam amplectentibus, certas literas (вѣроятно libertates) concedit. Datum Vilnae. 1387.

298. Skarbiec I, № 541.

299. Лѣтописецъ изд. Даниловичемъ 204, 205 стр.; указываемое мѣсто лѣтописи интересно и въ томъ отношеніи, что уясняетъ намъ взглядъ русскихъ на католицизмъ: подобно западнымъ народамъ, не признававшимъ православіе чистымъ христіанствомъ, противуполагавшимъ даже названіе русина названію христіанина, и русскіе христіанствомъ называютъ только свое православіе, вѣрѣ же западной Европы придаютъ эпитетъ латинской или нѣмецкой и также разсматриваютъ ее, какъ нѣчто противуположное христіанству, т. е. православію: «И два Литвина у него большіи его, и тіи крестишася *въ христіанскую вѣру*, онъ же хотя ихъ крестити въ свою *же вѣру латинскую,* они же не послушася. Король же Ягайло казни ихъ многими муками и смерти повелѣ предати.»

300. Historica Russiae monumenta I, 31, 32. № XXXIII.

301. Rajnald, Annales ecclesiastici IX, 182, изд. 1752.

302. Шайноха III, 173, 363.

303. Освященіе происходило 7 мая 1388 г. См. Constitutiones synodorum dioecesis Vilnensis. 1633. Pomniejsze pisma historyczne 107 стр.

304. См. въ переводѣ Ваповскаго I, въ примѣч. къ стр. 74—78. Замѣчательно, что въ перепечаткѣ этой грамоты, также съ оригинала, у Даниловича (Skarbiec I. 266, № 540), нѣтъ этой прибавки: «такъ

что ни намъ самимъ, ни потомкамъ нашимъ не оставляемъ надъ нимъ никакого права.» О пожалованіяхъ на содержаніе духовенства см. въ Żywoty biscupow wilenskich, Przyalgowskiego, I, 15—17. Число построенныхъ Ягелломъ костеловъ опредѣлено нами на основаніи Стрыйковскаго, Длугоша и словъ кардинала Юліана, такъ что цифра 13, приведенная Пшіалговскимъ (I, 18) не можетъ быть принята.

305. Skarbiec I, 270, № 551.

306. Тамъ-же.

307. О крещеніи Литвы см. Лѣтописца, изд. Даниловичемъ 40, Pomn. do dziejow Litwy 29, Длугошъ X, 108—112, Стрыйковскій II, 78—82, Skarbiec I, №№ 538—541, Jaroszewicz, Obraz Litwy 17—22, Żywoty biscupow wilenskich I, 8—17 и др.

308. Длугошъ, XI, 658—660.

309. Zbigniew Olesnicki I, 122.

310. Шайноха, III, 163.

311. Длугошъ X, 104.

312. Golębiowski. Panowanie Wladyslawa Jagella, I, 3, 4 и въ Skarb'цѣ Даниловича. Между этими документами особенно интересенъ данный Скиргелломъ: получивъ отъ короля, кромѣ Трокъ, княжество полоцкое, Скиргелло какъ бы въ знакъ особенной благодарности, выражаетъ въ своемъ документѣ, что его владѣнія, въ случаѣ его бездѣтной смерти, должны перейти въ собственность короля и короны польской. Несравненно большею самостоятельностью отличается присяжная грамота Димитрія Ольгердовича: онъ откровенно говоритъ о своей прежней присягѣ Димитрію Московскому и, объявляя, что разорвалъ эту присягу, выражаетъ желаніе служить «королю и его королицы и его дѣтем и корунѣ польской.» См. Собраніе государственныхъ и частныхъ актовъ... изд. Виленскою археографическою коммиссіей. Вильна 1858, I, № IV. Примѣръ разрыва первой присяги не могъ возбудить особенной увѣренности въ точномъ соблюденіи второй; самая откровенность указываетъ на право присягать и разрывать присягу, которое очевидно приписываетъ себѣ Димитрій Ольгердовичъ.

313. Стрыйковскій II, 82, Длугошъ X, 109.

314. Стрыйковскій II, 81.

315. M. Wiszniewski. Historia Litteratury Polskiej, IV, 91.

316. Шайноха IV, 106.

317. Длугошъ X, 119, 122, 123.

318. «Ferox natura». Длугошъ X, 120.

319. Длугошъ X, 98.

320. Ваповскій въ переводѣ Малиновскаго I, 97.

321. Лѣтописецъ Даниловича и Pomniki do dz. Litwy, въ указанномъ мѣстѣ, также Skarbiec I, № 500.

322. Skarbiec, I, 276, № 570.

323. О пожалованіи Витовту Луцка и Владиміра говорятъ литовско-русскіе лѣтописцы и, кромѣ того, оно подтверждается указанною грамотою, см. Skarbiec I, № 558.

324. Skarbiec № 559.

325. Ibidem, № 570.

326. Тамъ-же.

327. Voigt V, 533, 534; Стрыйковскій II, 83.

328. Лѣтописецъ Даниловича 44, Pomn. do dz. Litwy 31, Длугошъ X, 121. Стрыйковскій II, 83, 84. Voigt V, 535. Golębiowski I, 18, 19. Vigand изд. Рачинскаго 324.

329. Вѣроятно, Глѣбомъ Святославичемъ, см. Golębiowski I, 13.

330. Voigt V, 535.

331. Skarbiec I, № 579.

332. Napierski, Index... № 454. Voigt V, 536.

333. Napierski, № 456.

334. См. въ исторіи Нарбута (V, 293) извѣстіе о добровольной передачѣ 5000 русскихъ изъ войска Кейстута подъ начальство присланнаго Ягелломъ предводителя и сравни съ этимъ свидѣтельство Стрыйковскаго (II, 81) о безпорядкахъ, произведенныхъ русскими въ Витебскѣ, во время крещенія Литвы, за которые Ягелло наказывалъ смертью.

335. См. переводъ Ваповскаго подъ 1389.

336. Voigt V, 536, 537.

337. Napierski, Index № 466.

338. Ibidem, № 452.

339. По латынѣ оно выражено слѣдующимъ образомъ: «insuper et tertio etiam extitit petitum, ut mihi et ordini meo de jure, quod nobis competeret vel competere posset, faverent». Самъ Фойхтъ намекаетъ, что подобная неопредѣленность выраженій умышленна. (V, 502, 503).

340. Napierski, № 452.

341. Визна, какъ мы видѣли, была заложена ордену Земовитомъ мазовецкимъ и такъ какъ владѣніе ею облегчало набѣги на Литву, то

Ягелло, примирившійся съ Земовитомъ, рѣшился захватить этотъ важный пунктъ.

342. Napierski Index, № 454; Voigt V, 506.

343. Западные рыцари могли также проходить черезъ Польшу, но что поляки перестали пропускать ихъ со времени крещенія Ягелла, доказывается документомъ, который напечатанъ въ Skarb'цѣ I, 268, № 543.

344. «Des herczogen obirste Hoptmann», говоритъ старая прусская хроника, см. у Фойхта V, 509.

345. Skarbiec I, № 599. Voigt, V, 508—516.

346. Skarbiec, № 564.

347. Voigt V, 5.1.

348. Gołębiowski I, 23.

349. См. Кибурга въ приложенія.

350. Напрасно Шайноха приписываетъ такой взглядъ только русскимъ (IV, 28); литовская лѣтопись, изд. Нарбутомъ, на которую онъ ссылается въ подтвержденіе своихъ словъ, говоритъ не о русскихъ, а о нѣмцахъ. Что такой взглядъ былъ русскими заимствованъ, скорѣе можно видѣть изъ того, что когда взятъ былъ Владиміръ Любартомъ, то изъ бывшихъ тамъ двухъ замковъ, деревянный былъ сохраненъ, а каменный былъ уничтоженъ.

351. Pomniki do dziejow Litwy, 32.

352. Voigt V, 545, въ примѣч.

353. Шайноха IV, 359.

354. II, 90.

355. Линденблаттъ (стр. 76) говоритъ, что осада началась 4 Сентября и что, со времени взятія Криваго замка, послѣдовавшаго очень скоро, она продолжалось еще 5 недѣль, слѣдовательно должна была кончиться около половины Октября.

356. Источники осады: Длугошъ X, 127—131, Стрыйковскій II, 88—90, Лѣтописецъ, изд. Даниловичемъ 45, Pomn. do dz. Litwy 32, Voigt V, 542—540, Линденблаттъ 76, 77 и др.

357. Длугошъ (X, 131), сообщающій невѣрное извѣстіе, что Скиргелло въ 1390 г. былъ устраненъ отъ управленія Литвою, ввелъ въ заблужденіе не только позднѣйшихъ лѣтописцевъ, напр. Ваповскаго, но и новѣйшихъ писателей, такъ это повторяется Голембіовскимъ I, 47. Несправедливость его положительно доказывается документомъ, напечатаннымъ въ Skarb'цѣ (I, № 611), изъ котораго видно, что король, 25 Мая

1391 г., обѣщалъ Скиргеллу никому не повѣрять замковъ виленскаго, витебскаго, мinduречскаго и гродненскаго, но сохранить ихъ за нимъ и его потомствомъ.

358. Lindenblatt 75.

359. Ibidem. 79.

360. Voigt V, 598.

361. По однимъ 46000 (Voigt V, 597); по другимъ 70000 (Нарбутъ V, 474).

362. Lindenblatt, 82.

363. Lindenblatt 83, такимъ образомъ извѣстіе Длугоша (X, 131, 132) о битвѣ крестоносцевъ съ Олесницкимъ не можетъ быть принято

364. Lindenblatt, 84.

365. Ibidem, 85.

366. Лѣтописецъ, изд. Даниловичемъ 44.

367. Voigt V, 601—603.

368. Въ Skarb'цѣ Даниловича I, №№ 591—593 напечатаны присяжные листы (съ такимъ ограниченіемъ) Юрія Довгота и Юрія и Андрея Михайловичей, внуковъ Явнута. Даниловичъ относитъ эти документы къ 1390 г. и потому мы сдѣлали изъ нихъ заключеніе, помѣщенное въ текстѣ, но не можемъ не выразить нашего опасенія въ возможности ошибки со стороны Даниловича: присяжныя грамоты этихъ князей сохранились безъ даты и потому только гадательно относятъ ихъ къ 1390 году, если же гаданіе это ошибочно и они были написаны въ 1392 г., тогда содержащееся въ нихъ ограниченіе совершенно естественно. Намъ кажется, что послѣднее вѣрнѣе.

369. Skarbiec I, № 611.

370. Длугошъ X, 130, 135.

371. Длугошъ говоритъ о немъ, (X, 135) что, принявъ св. крещеніе, онъ оставилъ старые обычаи, прежнюю одежду и даже родной языкъ и все это замѣнилъ польскимъ; въ вѣрѣ же католической былъ такимъ ревностнымъ и усерднымъ, что вовсе не казался новообращеннымъ; кромѣ того отличался скромностью, благородствомъ и разумомъ. Мы остереглись принять эту характеристику, потому что она совершенно голословна и, кромѣ того, въ похвалѣ этой замѣчаемъ скорѣе порицаніе, потому что такое быстрое измѣненіе народности не даетъ намъ особенно хорошаго понятія объ этомъ князѣ.

372. Длугошъ X, 134, Lindenblatt 86, Стрыйковскій II, 93.

373. Стрыйковскій, тамъ-же.

374. Длугошъ X, 135, Стрыйковскій II, 94.

375. Lindenblatt 86, 77.

376 Длугошъ и Стрыйковскій говорятъ, что Ягелло рѣшилъ отдать Витовту всю Литву, а Линденблаттъ, упоминающій, что примиреніе было задумано съ совѣта Скиргелла, говоритъ только о владѣніяхъ Кейстута. Въ этихъ лѣтописяхъ нашли себѣ мѣсто оба слуха объ условіяхъ, на которыхъ совершилось примиреніе и, хотя это случается рѣдко, оба слуха были справедливы; первый выражаетъ намѣреніе Ягелла, а второй желаніе Скиргелла. Отсюда естественно предположеніе, что Скиргелло былъ обманутъ и дальнѣйшія событія вполнѣ его оправдываютъ.

377. Lindenblatt 84, 85.

378. Ibidem, 86.

379. Исторія Нарбута V, 484.

380. Voigt V, 605, Skarbiec I, 292.

381. Lindenblatt 85, Voigt V, 608.

382. Voigt V, 615.

383. Нарбута исторія V, 486—490.

384. Gołębiowski I, 490, примѣч. 61.

385. Pomniki do dziejow Litwy 33.

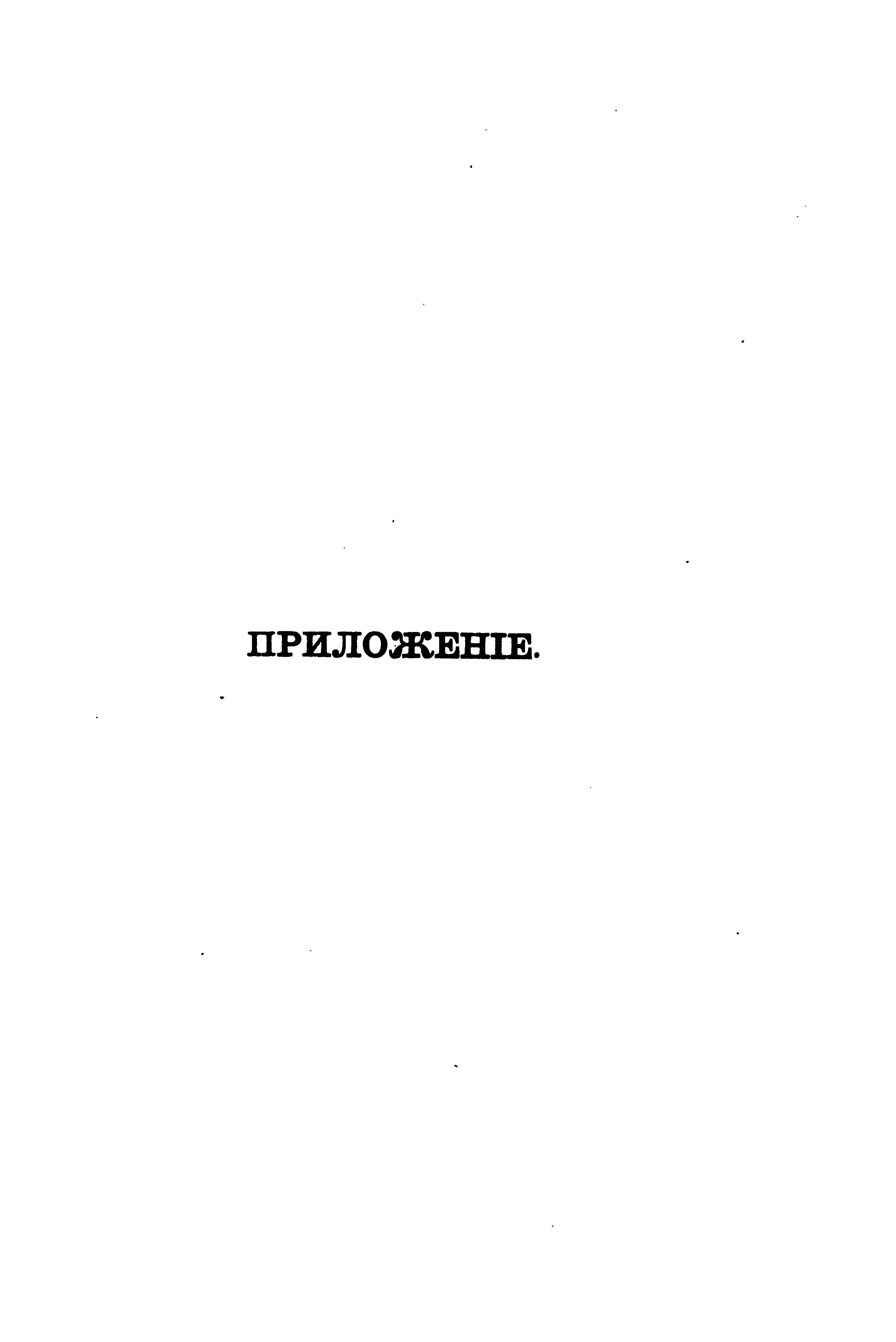
386. Длугошъ X, 136.

387. Gołębiowski I, 491, Skarbiec I, №№ 621, 622, 623. Изъ напечатанныхъ здѣсь документовъ видно, что Скиргелло, кромѣ кіевскаго княжества, получилъ Кременецъ и Стожекъ. Длугошъ утверждаетъ, что ему дали еще Старые Троки и Стародубъ, но мы не принимаемъ его извѣстія, потому что оно несогласно съ документами.

388. Pomniki do dziejow Litwy, 33.

389. Переводъ Ваповскаго I, 106.

390. Pomniki do dziejow Litwy 33, а о бѣгствѣ въ Пруссію см. Kotzebue, Switrigail, ein Beitrag zu d. Geschichte v. Littauen, Russland, Polen und Preußen, 23.



ПРИЛОЖЕНІЕ.

Дневникъ посольства главнаго начальника гошпиталей [1] тевтонскаго ордена, графа Конради Кибурга съ товарищи (не названы) къ великому князю литовскому Витовту, въ 1397 г.

Переведенъ съ оригинала Жеготою О' Нацевичемъ, магистромъ философіи, бывшимъ профессоромъ въ виленскомъ университетѣ и теперь съ польскаго переведенъ мною на русскій.

«Мы прибыли въ Ковно на судахъ, подъ парусами, на восьмой день по отъѣздѣ изъ Рагниты. Начальникъ ковенскаго замка бояринъ [2] Иванъ Федоровичъ, Русинъ, радушно насъ принялъ и тотчасъ же выслалъ гонца къ великому князю съ извѣщеніемъ о нашемъ пріѣздѣ; на третій день онъ сообщилъ намъ, что скоро пріѣдетъ придворный чиновникъ, который будетъ сопровождать насъ до мѣстопребыванія монарха.

«Ковно много утратило изъ своего прежняго величія: число домовъ уменьшилось, многіе лежатъ въ развалинахъ, вся подзамковая часть, столь людная въ прежнее время, теперь по большей части занята огородами. Возрожденіе его нелегко, потому что торговля въ настоящее время встрѣчаетъ много затрудненій. Здѣшній замокъ выстроенъ въ прекрасномъ вкусѣ и представляетъ обширные укрѣпленные магазины для склада товаровъ, безопасные отъ огня, такъ какъ они сложены изъ камня; твердыня эта, сооруженная Гедиминомъ и Ольгердомъ, такъ много потеряла въ своей силѣ и крѣпости, что можетъ дать теперь только весьма слабый отпоръ не-

---

[1]) Такъ перевожу я польское „Wielki Szpitalnik“ и нѣмецкое „Oberst-Spittler.“ [2]) Въ польскомъ переводѣ pan.

пріятелю. Мы не видали ни одной пушки большаго калибра, какими славилось прежде Ковно; правда, магазины обширны, хорошо содержатся и, какъ разсказываютъ, наполнены множествомъ запасовъ и оружія. Стѣны, обращенныя къ Нѣману наиболѣе уцѣлѣли, ближайшія же къ Виліи, особенно тамъ, гдѣ главныя ворота, носятъ на себѣ слѣды ужаснаго опустошенія. Предъ грудами мусора и обломковъ вытянутъ частоколъ, весьма важный въ томъ отношеніи, что не можетъ быть разбитъ ядрами издали, такъ какъ мусоръ и обломки заслоняютъ его, какъ бы валомъ и если непріятель дойдетъ до края этого вала, то подвергнетъ себя лучному и ружейному огню, а самъ не будетъ въ состояніи разить осажденныхъ, укрытыхъ за частоколомъ. Гарнизонъ состоитъ изъ 4000 литовцевъ и жмудиновъ, онъ занятъ теперь исправленіемъ укрѣпленій; при насъ откапывали какое-то строеніе, совершенно заваленное мусоромъ и поправляли заднюю стѣну, но намъ этихъ работъ не показывали. Противъ нашихъ оконъ (мы жили въ подзамковой части) на правомъ берегу Виліи, расположился лагерь кавалеріи, четыре или пять тысячь коней, поражающій необыкновеннымъ разнообразіемъ одежды и вооруженія отдѣльныхъ отрядовъ; хотя мы присматривались издалека, мы все таки насчитали пять или шесть видовъ вооруженія и одежды; болѣе всего бросалась въ глаза тяжелая кавалерія, закованная въ желѣзо, на манеръ польскій, но это вооруженіе, не имѣя верхней покрышки, какого нибудь плаща, казалось чѣмъ то неоконченнымъ и могло навести на мысль, что на лошадяхъ сидятъ голые люди; другія отряды были въ шапкахъ, которые въ такой степени портили видъ всадника, что нужно удивляться, кому это пришло въ голову выдумать такую смѣшную форму. Легкая кавалерія дѣйствительно могла быть названа легкою, потому что всадники не имѣли другаго оружія, кромѣ простой

палки, а кони ихъ были такъ тощи, что, я думаю, и прусскій возокъ былъ бы имъ не подъ силу, тѣмъ не менѣе они казались довольно бойкими; былъ еще отрядъ, составленный изъ людей пожилыхъ, съ длинными бородами, одѣтыхъ въ короткіе темносѣрые плащи, съ узкими, остроконечными капишонами, точно братья минориты, отъ которыхъ они отличались только разноцвѣтными кафтанами и исподнимъ платьемъ. Какую цѣль, какой смыслъ имѣла эта одежда? мы никакъ не могли догадаться. Кавалеріи этой производилъ ученье какой то князь Юрій вѣроятно съ тою цѣлью, чтобы солдаты, разойдясь по домамъ, были образцемъ для другихъ, а можетъ быть для того, чтобы показаться передъ нами.

«На третій день нашего пребыванія въ Ковнѣ пріѣхалъ какой-то придворный и вслѣдъ за нимъ пришли экипажи (pojazdy), верховыя лошади и все необходимое для удобнаго пути, какъ будто мы ѣхали за сотни миль. Нашъ прежній проводникъ, бояринъ Миликонтъ, привелъ къ намъ этого чиновника утромъ, когда мы только что встали и прочли наши молитвы. Названіе его должности соотвѣтствуетъ латинскому pincerna, имя его Оттокаръ Остыковичъ, ему около 30 лѣтъ и онъ бѣгло говоритъ по нѣмецки. Онъ произнесъ привѣтствіе отъ имени своего государя, наговорилъ бездну вѣжливостей и хотѣлъ знать, хорошо ли мы были приняты, вступивъ въ предѣлы литовскаго государства; тотчасъ же узнали мы въ немъ опытнаго придворнаго, теченіе его рѣчи показало намъ, что онъ научился нашему языку въ Ригѣ, послѣ мы въ этомъ убѣдились, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа. Прямотою характера и необыкновенною предупредительностью этотъ почтенный литовецъ заслужилъ наше полное уваженіе; хотя его любознательность превосходила предѣлы скромности, но прикрытая вѣжливыми формами,

она выражалась такъ незамѣтно, мимоходомъ, что мы постоянно были въ опасности проболтаться и потому строго за собою наблюдали. Въ тотъ же день бояринъ Миликонтъ простился съ нами и поплылъ на своемъ суднѣ,- Нѣманомъ, къ Юрбургу. Мы захотѣли узнать о днѣ нашего выѣзда и о мѣстѣ, гдѣ увидимъ великаго князя, нашъ проводникъ отдалъ первое на волю нашу, объявивъ, что во всякое время, все будетъ готово для путешествія, относительно же мѣста сообщилъ, что Вильна, какъ мы того и желали, будетъ предѣломъ нашего странствованія. Получивъ такой отвѣтъ, мы промедлили въ Ковнѣ ровно столько, чтобы успѣть уложить наши вещи, подарки и товары, которые везли съ нами наши купцы; такимъ образомъ на пятнадцатый день, по выѣздѣ нашемъ изъ Рагниты, выѣхали мы изъ Ковна, а на восемнадцатый день т. е. 1397 года, 22-го іюня пріѣхали въ Вильну, за два часа до заката солнца. У городскихъ воротъ насъ встрѣтилъ намѣстникъ, Альбертъ Монивидъ и маршалъ Яионтъ, окруженные рыцарствомъ и городскими чиновниками. Монахи ордена св. Франциска, минориты, стояли предъ воротами своего монастыря и, привѣтствуя насъ, пригласили войти въ церковь Дѣвы Маріи, такъ называемую «на пескахъ». Зданіе это выстроено изъ камня, но поврежденное пожаромъ, стоитъ пока безъ крыши, только часть его, кое-какъ покрытая, служитъ для отправленія богослуженія. Бѣдные монахи, которымъ мы роздали милостыню, разсказывали намъ, что великій князь рѣшился на собственный счетъ возстановить монастырь и церковь и что уже ожидаютъ для этого ремесленниковъ изъ Луцка. У воротъ замка привѣтствовали насъ дворяне великаго князя, по обычаю, съ хлѣбомъ солью и кубкомъ пива, поднесенными на золотомъ блюдѣ; тутъ сошли мы съ коней и пѣшіе, въ сопровожденіи значительнаго числа придворныхъ и рыцарей, пошли въ каѳедральный соборъ.

Духовенство встрѣтило насъ съ кадилами и св водою; послѣ краткой молитвы мы отправились въ отведенное намъ помѣщеніе, которое находилось въ томъ же нижнемъ или, какъ обыкновенно его называютъ, кривомъ замкѣ. Домъ нашъ деревянный, недавно выстроенный лежитъ надъ Виліей и называется посольскимъ дворомъ, но онъ такъ хорошо укрѣпленъ, что скорѣе слѣдуетъ назвать его темницею. Тамъ встрѣтили мы всякія удобства и пріятное отдохновеніе послѣ дороги, хотя она вовсе не была утомительна. Приходилось намъ быть въ послахъ у многихъ иностранныхъ государей, но должно признаться, что нигдѣ не находили мы такихъ удобствъ, такого радушія и такого порядка во всемъ, какъ теперь въ Литвѣ. Гостепріимство литовцевъ тѣмъ еще пріятнѣе, что гость у нихъ совершенно свободенъ и дѣлаетъ, что хочетъ, никто безъ надобности къ нему не является, нѣтъ излишней, навязчивой предупредительности, а мѣжду тѣмъ всякое желаніе охотно и немедленно исполняется. Всѣ данные намъ слуги говорили по нѣмецки, такъ что мы были какъ дома и въ переводчикѣ нашемъ совсѣмъ не нуждались, это было тѣмъ болѣе пріятно, что онъ захворалъ тотчасъ по прибытіи, хотя очень скоро поправился. Служители наши привели къ нему лекаря, по виду простаго крестьянина, который, осмотрѣвъ больнаго и нечего не спрашивая, не промолвивъ даже слова, досталъ изъ торбы, висѣвшей у него черезъ плечо, полотнянный мѣшечекъ съ какою то травою, бросилъ его въ горшокъ съ водою, вскипятилъ и, крѣпко выжавъ траву, смѣшалъ полученный настой съ крѣпкимъ медомъ. Больной нашъ, выпивъ такого снадобья, на другой же день былъ здоровъ и какъ, обыкновенно, ѣлъ и пилъ съ аппетитомъ.

«Пріѣхавъ въ Вильну, мы незастали великаго князя, но намъ сказали, что онъ скоро пріѣдетъ; 23-го пришли

наши обозы. Въ тотъ же день навѣстили мы Андрея епископа виленскаго: это старецъ прекрасной наружности, бодрый, румянный, высокаго роста и полный, говоритъ бѣгло по латинѣ и, для иностранца, довольно хорошо по нѣмецки; онъ принялъ насъ съ такимъ величіемъ, вѣжливостью и благочестіемъ, что мы думали, что находимся предъ лицемъ самаго папы. Онъ имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ епископы наши или германскіе. Разговоръ шелъ исключительно о предметахъ религіозныхъ; епископъ увѣрялъ насъ, что Литва отличается особеннымъ усердіемъ къ христіанству и вполнѣ покорна велѣніямъ столицы апостольской. Онъ цѣлый вѣкъ прожилъ между литовцами и хорошо знаетъ этотъ народъ, легко поддающійся примѣрамъ, подаваемымъ отъ верховной власти; откровенно высказалъ и то, что Литва, оставивъ язычество, которое было основаніемъ ея народности, находится на пути къ измѣненію своей цивилизаціи въ западноевропейскую, при чемъ выразилъ надежду, что этотъ путь не будетъ для нея столь тернистымъ, какъ для пруссовъ. Нельзя было сердиться за упрекъ, выраженный съ такою деликатностью; пріятный и краснорѣчивый старецъ очаровалъ насъ своимъ пріемомъ. Вскорѣ послѣ нашего прихода раздался въ ближайшей комнатѣ серебристый звукъ колокольчика; епископъ всталъ, что конечно сдѣлали немедленно и мы, низко намъ поклонился и просилъ раздѣлить съ нимъ его убогую трапезу, когда же мы выражали нашу благодарность еще болѣе низкимъ поклономъ, послышался второй звонокъ. При входѣ въ столовую намъ подали воду для умовенія рукъ, послѣ чего самъ епископъ благословилъ пищу. Мнѣ указалъ первое мѣсто и, когда я отказывался занять его, объяснилъ, что въ моей особѣ онъ видитъ и хочетъ почтить великаго магистра, котораго званіе въ христіанской іерархіи выше и заслуженнѣе достоинства епископа и тѣмъ болѣе епископа

виленскаго, пастыря столь молодаго еще стада. За столомъ сидѣли съ нами еще три прелата и два брата минорита. Столовая обширна и чисто выбѣлена, на стѣнахъ ея нѣтъ другихъ украшеній, кромѣ образа распятаго Спасителя на главной сторонѣ, за то столъ вовсе не по монашески былъ уставленъ блюдами и украшенъ: скатерть великолѣпная, цвѣтная съ широкою серебряною бахрамою, сосуды изъ чистаго серебра; такъ какъ день былъ субботній и канунъ праздника Іоанна крестителя, то насъ угощали только рыбными и мучными блюдами, также овощами и печеньями въ меду; все это мы запивали превосходными напитками. Вставъ изъ за стола и умывъ руки, мы поблагодарили Бога и хозяина и при прощаньи просили позволенія осмотрѣть каѳедральный соборъ; епископъ отвѣтилъ, что соборъ постоянно отворенъ для желающихъ молиться Богу, день и ночь горятъ въ немъ неугасаемые огни, а служители алтаря, не преставая, возносятъ хвалу Всевышнему.

«По прибытіи домой, мы должны были сбросить съ себя верхнее платье и нѣсколько отдохнуть, потому что день былъ очень жаркій. Вечеромъ присланъ былъ намъ отъ епископа проводникъ, старый священникъ съ бѣлыми волосами на головѣ и бородѣ, онъ былъ членомъ капитулы, родомъ нѣмецъ, кажется изъ Аугсбурга и назывался Бервальдъ; съ нимъ отправились мы въ соборъ уже на закатѣ солнца. Зданіе каѳедры поражаетъ своею громадностью, оно представляетъ продолговатой четыреугольникъ, выстроенный изъ кирпича и болѣе похожій на небольшое укрѣпленіе, чѣмъ на церковь. Оно воздвинуто на мѣстѣ древняго языческаго храма, котораго стѣны остались нетронутыми, за исключеніемъ передней, украшенной въ современномъ вкусѣ; внутренность и число оконъ, конечно, измѣнены. Огромная крыша, отвѣчающая слишкомъ большой ширинѣ зданія, опирается на рядѣ пиля-

стровъ; по угламъ ея четыре башеньки, по двѣ съ каждаго бока и еще три другія на ребрѣ крыши, такъ что одна приходится на вершинѣ лицевой стороны, другая на задней, а третья въ самой серединѣ (крыши). Лицевая сторона въ верхней части зданія трехугольная и ничѣмъ не украшена, кромѣ оконъ, въ которыхъ висятъ небольшіе колокола. Внутри три ряда толстыхъ пилястровъ раздѣляютъ соборъ на четыре предѣла; главный алтарь стоитъ на мѣстѣ столь чтимаго язычниками, неугасавшаго огня, кромѣ того много алтарей въ глубинѣ предѣловъ и около пилястровъ, они украшены множествомъ незамѣчательныхъ, впрочемъ, орнаментовъ; отдѣльныя, окруженныя рѣшетками мѣста, что то вродѣ каплицъ, также показались намъ не особенно изящными, за то повсюду сверкаютъ блескомъ дорогихъ металловъ канделябры и разные свѣтильники, стоящіе и висящіе; нѣкоторыя образа богато украшены и сакристія довольно пространная. Надгробныхъ памятниковъ нѣтъ.

«Сумракъ, господствующій въ этой святынѣ, произвелъ на насъ какое то меланхолическое впечатлѣніе, чему много содѣйствовалъ однообразный напѣвъ хористовъ, повторявшихъ псалмы въ глубинѣ одного изъ предѣловъ. Вдругъ пѣніе прекратилось и въ концѣ праваго предѣла показалось блистательное освѣщеніе; то были свѣчи, зажженныя на алтарѣ Іоанна крестителя, около котораго столпился народъ, прежде, несмотря на свою многочисленность, почти исчезавшій въ громадномъ зданіи. Скоро услышали мы священника, пѣвшаго вечерню, его смѣнилъ очень гармоническій хоръ, который въ свою очередь былъ заглушенъ музыкой, загремѣвшей на верхней галереѣ, какую имѣетъ каждый предѣлъ со стороны главнаго входа. Трубы, гобои, бубны, огромные котлы издавали столь могучіе звуки, что казались болѣе военною, чѣмъ церковною музыкой, но въ этихъ звукахъ было столько гар-

моніи и музыкальности, они стихали такъ постепенно и нѣжно и наконецъ исчезли въ такомъ прекрасномъ, мужественномъ пѣніи: «Gloria Patri et Filio» et caet., что мы были поражены въ высшей степени. Кажется, что этотъ способъ отправленія богослуженія при такой звучной музыкѣ и отличномъ пѣніи есть самый лучшій для народа, который, недавно оставивъ язычество, требуетъ сильныхъ внѣшнихъ впечатлѣній, чтобы вполнѣ проникнуться благоговѣніемъ къ Богу истинному. При произнесеніи словъ: «Gloria Patri», народъ падалъ на землю, что сдѣлали и мы, какъ бы увѣренные въ присутствіи пресв. Троицы, когда же запѣли «Magnificat», зазвонили въ колокола, висящіе въ переднихъ окнахъ собора. Отдѣльной колокольни нѣтъ; есть, правда, предъ входомъ въ соборъ круглая башня, но колоколовъ на ней не видно, стоитъ она безъ крыши и болѣе походитъ на оборонительное укрѣпленіе, чѣмъ на колокольню и окна ея, высокія и узкія, размѣщены не однообразно и неправильно,

«Возвратившись домой, мы застали у себя чиновника, присланнаго бояриномъ Ямонтомъ; послѣ обычныхъ вѣжливостей, онъ спросилъ насъ на литовскомъ языкѣ, чрезъ переводчика, пріятнымъ ли находимъ мы наше пребываніе въ Вильнѣ и не желаемъ ли чего нибудь, наконецъ прибавилъ, не прикажемъ ли сопровождать себя во дворецъ намѣстника и какое угодно намъ будетъ назначить для этого время? Сейчасъ же поѣхали мы верхами съ этимъ чиновникомъ чрезъ нижнія ворота, на предмѣстье, называемое Лукишки (Lusciscі), гдѣ имѣлъ свое лѣтнее мѣстопребываніе бояринъ Монивидъ. Тамъ нашли мы много мѣстнаго рыцарства, которое встрѣтило насъ съ необыкновеннымъ радушіемъ, подавая намъ руку, только разбойникъ Иванъ (Jansusius) не былъ въ этомъ собраніи, хотя мы положительно знаемъ, что онъ въ Вильнѣ, вѣроятно его мучатъ угрызенія совѣсти; но оставимъ это на

судъ божій и будемъ говорить о томъ, что имѣемъ передъ глазами.

«Пиршество началось музыкою, обычною у литовцевъ производящею столько шума, что, право, можно одурѣть отъ него, но все таки тихо игравшіе въ промежуткахъ инструменты и пріятное пѣніе на языкѣ намъ непонятномъ, имѣли что то мелодическое, сильно хватавшее за сердце. Мы сидѣли за огромнымъ, овальнымъ столомъ, въ пространной комнатѣ, освѣщенной восковыми свѣчами; каждый сѣлъ, гдѣ хотѣлъ, потому что въ обществѣ всѣ равны. Хвала литовцамъ, что они сохраняютъ это христіанско-рыцарское равенство (со времени возвращенія въ своимъ великаго князя Витовта), можетъ быть, съ большею точностью, нежели мы. Не долго горѣли свѣчи, сѣверная ночь прошла незамѣтно и быстро. Угощеніе было рыцарское, не скажу, чтобъ оно было похоже на царскій пиръ. Уже было свѣтло, когда мы отправились домой, въ хорошихъ экипажахъ, въ сопровожденія придворныхъ драбантовъ; изъ нашихъ, помнится мнѣ, не было ни одного, который бы уѣхалъ верхомъ, нѣкоторые даже воротились не такъ скоро. Едва нѣсколько часовъ посвятивъ отдохновенію, мы должны были встать и идти для слушанія литургіи въ церковъ св. Анны, мы пошли пѣшкомъ, потому что церковь лежитъ недалеко, въ оградѣ замковыхъ стѣнъ. Улица ведущая къ ней обсажена липами и кромѣ того множество молодыхъ деревьевъ ростетъ по берегу рѣки. Эта новая святыня окружена прекрасными садами, красныя верхушки ея башень и золото ея крестовъ особенно живописно выступаютъ изъ роскошной, окружающей ихъ зелени; построенная весьма недавно, она, какъ мысль женщины, отличается красотою и стройностью[1]. Мѣстоположеніе ея, какъ и

[1]) Церковь св. Анны построена великою княгинею, супругою Витовта, Анною Святославовною, бывшею княжною смоленской.

цѣлаго замка, низменно, а за меньшей рѣкой (Вилейкой), текущей въ прихотливыхъ изворотахъ начинаются высокія взгорья, такимъ образомъ съ этой стороны оборона замка надежна, со стороны же города тянется стѣна изъ кирпича и частью изъ камня. Вблизи церкви мы замѣтили три башни; та, которая находится на излучинѣ рѣки, довольно укрѣпленная, остальныя двѣ незначительны. У дверей церкви встрѣтилъ насъ ея настоятель, знакомый уже намъ священникъ Бервальдъ, онъ подалъ намъ св. воды и отслужилъ обѣдню. На возвратномъ пути показывали намъ на правой сторонѣ небольшую часовню, передѣланную изъ языческаго храма, ея наружный видъ не имѣетъ въ себѣ ничего привлекательнаго. День 24 іюня былъ ярмарочный и потому мы не выходили изъ дома; рано, передъ полднемъ, посѣтили насъ епископъ Андрей и Яковъ, начальникъ отцовъ миноритовъ, потомъ пришелъ бояринъ Оттокаръ и нѣсколько чиновниковъ, которые остались у насъ обѣдать. Почтенный проводникъ нашъ, который, какъ мы уже говорили, исправляетъ придворную должность пинцерны, разсказалъ намъ, за послѣобѣденной чашей, слѣдующія подробности изъ своей біографіи: мать его была родомъ изъ Жмуди, родственница матери великаго князя, ея родной братъ, дядя Оттокара жилъ въ Ригѣ, гдѣ занималъ постъ резидента, учрежденный для покровительства литовской торговлѣ; онъ находился при этомъ дядѣ и, живя между нѣмцами, самъ сдѣлался почти нѣмцемъ. Удивительное однакожъ дѣло, что отецъ Оттокара, Григорій Остыкъ занимавшій важныя должности, былъ правнукомъ главнаго жреца или главнаго предвѣщателя, который посовѣтовалъ Гедимину возстановить Вильну перенесеніемъ въ нее столицы государства, склонилъ же къ тому князя, разсказавъ ему сонъ о волкѣ или львѣ желѣзномъ. Этотъ верховный жрецъ происходилъ изъ княжескаго дома, его еще ребенкомъ нашли въ

орлиномъ гнѣздѣ [1], впослѣдствіи онъ женился на какой то княжнѣ и, овдовѣвъ, сдѣлался великимъ чернокнижникомъ. Какъ будто особенная честь быть потомкомъ чародѣя! но .. каждый народъ имѣетъ свои дурныя и хорошія стороны. Послѣ полудня пришелъ священникъ Бервальдъ съ другимъ прелатомъ, родомъ чехомъ, при нихъ опять возобновился разговоръ о чародѣѣ, предкѣ нашего почтеннаго пинцерны и, по поводу его, перешелъ къ древней святынѣ Перкуна, о которой мы узнали слѣдующія интересныя подробности, разсказанныя Бервальдомъ: на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь каѳедральный соборъ, было обширное пространство, окруженное каменной стѣной; въ срединѣ его, подъ тѣнью очень старыхъ дубовъ, стоялъ жертвенный алтарь, на которомъ, предъ истуканами Перкуна и другихъ боговъ, помѣщенными въ нишахъ, горѣлъ, неугасая, огонь, почему все зданіе оставалось безъ крыши. Изъ этой то языческой святыни перестроили нынѣшнюю каѳедру и такъ какъ стѣны ограждали слишкомъ широкое пространство, то поставлены были три ряда пилястровъ, которые поддерживаютъ потолокъ и крышу. При уничтоженіи слѣдовъ язычества, всѣ деревья около храма Перкуна были вырублены, внѣшняя стѣна уничтожена, истуканы или сожжены или съ привязанными каменьями брошены въ рѣку, металическіе же поломаны на куски. Круглая башня, прежде охранявшая входъ, стоитъ не передѣланная, ее обратятъ въ колокольню, когда привезутъ большіе колокола. Разсказывали намъ эти священники о дьявольскомъ навожденіи и о различныхъ чудесахъ, при недавнемъ обращеніи Литвы, которыя Богъ соизволилъ показать грубому языческому народу для утвержденія святой правды; опустимъ эти подробности, которыхъ

---

[1]) Рѣчь идетъ объ извѣстномъ Криве Кривейто Лиздейкѣ, котораго имя производятъ отъ „lizda", что по литовски значитъ гнѣздо. О немъ есть особенный артикулъ въ herbarz'ѣ Kояловича. См. pomn. pis. histor. 70—78

къ тому же не имѣемъ права описывать безъ утвержденія апостольской столицы. На мѣстѣ, гдѣ строится новая приходская церковь, также стояла языческая божница, каменная и крытая, посвященная какому то божку; близъ малаго рынка, гдѣ русская церковь, была божница литовскаго Бахуса. За замкомъ на предмѣстьѣ Антоколь, находился лѣсъ, посвященный всѣмъ богамъ и въ немъ деревянное капище; гдѣ стоитъ малый замокъ, у смоленской дороги, было что то вродѣ божницы, дивно украшенной. Такимъ образомъ языческая Вильна дѣйствительно была гнѣздомъ чертовской вѣры; дай Богъ, чтобы она снова въ ней не появилась!

«Вечеромъ прибылъ къ намъ бояринъ Оттокаръ и пригласилъ насъ отправиться на мѣсто народнаго празднества; этотъ праздникъ (Іоанна крестителя) литовцы празднуютъ обще съ русскими, у первыхъ онъ называется «Росса», у вторыхъ «Купель». На восточной сторонѣ города лежитъ русская слобода, юрьевская или святоюрьевская, за нею по пригоркамъ тянется лѣсъ, въ которомъ отъ времени до времени открываются веселыя долины, усыпанныя цвѣтами, какъ будто покрытыя пестрымъ ковромъ. Въ этомъ лѣсу, по пригоркамъ и въ долинахъ, увидѣли мы множество шалашей, наметовъ и разведенныхъ огней, около нихъ толпился народъ, стонъ стоялъ отъ его говора и пѣсней, лилось вино, кружились быстрыя пары танцующихъ, однимъ словомъ, царствовало самое искреннее веселье. Далѣе набрели мы на долину рѣдкой красоты; среди нея горѣлъ громадный костеръ, а вокругъ сновали группы людей высшаго сословія, мущины отдѣльно отъ женщинъ; одни прохаживались, другіе сидѣли на травѣ, покрытой коврами, третьи подкрѣплялись за низкими столами, были, наконецъ, такіе, которые проводили время, слушая пѣніе старцевъ и бабъ, а слуги свѣтили восковыми факелами. Особенное, единственное зрѣлище! Къ

довершенію нашего удовольствія служила музыка, раздававшаяся, поочередно, съ двухъ довольно отдаленныхъ пригорковъ, а горы кругомъ пылали огнемъ, высоко выбрасывая искры; горѣли смоляныя бочки и смолистое дерево. У насъ въ Пруссіи были въ обычаѣ подобные праздники, но ихъ запретили, такъ такъ они соединялись съ языческими обрядами, здѣсь же, какъ намъ говорили, забавляются безъ всякой примѣси суевѣрія и не дѣлаютъ ничего неприличнаго; однакожъ пѣсни и игры народа языческія; охраняя свою народность, онъ не такъ легко оставляетъ старыя привычки. Возвращаясь, видѣли мы деревянную русскую церковь, ярко освѣщенную; въ ней и около нея стояли со свѣчами толпы молящагося народа. Какіе то безобразные головные уборы окончательно портили и безъ того некрасивыя лица женщинъ, напротивъ литовки и сами красивы и головы убираютъ со вкусомъ, а молодыя деревенскія дѣвушки ходятъ простоволосыя и это еще красивѣе: искусно причесанные и притомъ хорошіе волосы гораздо привлекательнѣе самыхъ изысканныхъ уборовъ.

«Утромъ 25-го іюня мы вышли осматривать городъ; построенъ онъ на мѣстѣ неровномъ, которое представляетъ удобный стокъ для воды, собирающейся въ большихъ массахъ, во время проливныхъ дождей, такимъ образомъ улицы постоянно сухи и чисты, что весьма здорово. Въ военномъ отношеніи положеніе города превосходно, въ немъ можно защищаться при незначительныхъ укрѣпленіяхъ: многочисленныя возвышенія, ущелья и глубокіе овраги доставляютъ весьма удобные случаи для нападенія на осаждающихъ. При такомъ положеніи можно осаждающаго впустить въ городъ и, окруживъ, вырѣзать до послѣдняго человѣка; былъ бы только гарнизонъ мужественъ и вѣренъ и при томъ хорошо предводимъ,- Вильнѣ невозможно нанести особеннаго вреда.

Изъ этого слѣдуетъ, что не сонъ о желѣзномъ волкѣ и не предсказаніе чернокнижника дали Гедимину мысль основать здѣсь столицу государства, но знаніе военнаго дѣла, при чемъ не могли укрыться выгоды мѣстоположенія. Гедиминъ былъ великимъ полководцемъ своего времени и достоинъ нашего подражанія, хотя онъ и язычникъ. Какое крѣпкое положеніе замковъ! Въ верхнемъ мы не были, такъ какъ просить объ этомъ было неприлично, но даже издали присматриваясь, можно было замѣтить могучія укрѣпленія; между прочимъ, мы ясно видѣли крестъ и возносящуюся къ верху башню находящейся тамъ церкви, ея стѣны, обращенныя къ рѣкѣ имѣютъ на себѣ брустверы. Странное дѣло, гора эта стоитъ совершенно отдѣльно, на равнинѣ, со всѣхъ сторонъ облитой рѣками, а между тѣмъ на вершинѣ ея есть источникъ; не знаю только, на какой высотѣ показывается вода. Въ городѣ дома деревянные, изобиліе дерева и дешевизна его заставляютъ уклоняться отъ постройки каменныхъ, а между тѣмъ этотъ матерьялъ крайне опасенъ на случай пожара. Въ нижнемъ замкѣ, кромѣ давно уже построеннаго епископскаго дома, каѳедральнаго собора, башни и магазиновъ, все изъ дерева; однакожъ стѣны въ порядкѣ и прочны, также какъ и остальныя укрѣпленія. Множество садовъ раздѣляютъ дома, встрѣчаются очень старыя плодовыя деревья, что доказываетъ существованіе поселенія на этомъ мѣстѣ еще до Гедимина, труднѣе встрѣтить старое дерево другаго рода, потому что всѣ они были вырублены при обращеніи въ христіанство литовцевъ, которые, какъ извѣстно, обожали деревья, плодовыя же оставлены, очевидно, по ихъ полезности. Лучше отстроенная часть города занимаетъ его средину, а болѣе населенная находится вблизи нижняго замка. Когда мы спросили, гдѣ дворецъ великаго князя, намъ показали обширное мѣсто между соборомъ и верхнимъ замкомъ, на которомъ

валяются обломки, обгорѣлые куски и проведенъ небольшой каналъ, засоренный травою. Тутъ былъ дворецъ Гедимина и Ольгерда. Ягелло и его братья не жили постоянно въ Вильнѣ, великій князь Витовтъ живетъ или въ Трокахъ, гдѣ онъ имѣетъ великолѣпный каменный замокъ на островѣ озера, или въ старыхъ Трокахъ, гдѣ есть деревянный дворецъ, или ѣздитъ по волостямъ; такимъ образомъ въ Вильнѣ онъ бываетъ рѣдкимъ гостемъ и тогда поселяется надъ Виліей, ниже замка, въ прекрасномъ деревянномъ домѣ, весьма не большомъ, такъ что дворъ его, не имѣя тамъ помѣщенія, располагается какъ военный лагерь. Великій князь не любитъ ни охоты, ни шумныхъ пировъ; великая княгиня, которая часто сопровождаетъ мужа въ его поѣздкахъ по краю, держитъ при своей особѣ самое ограниченное число слугъ.

Обозрѣвая городъ извнѣ, мы замѣтили, что слѣды штурмовъ еще не изгладились, въ особенности потерпѣла мѣстность около церкви пречистой Дѣвы и подзамковой части города; но вильняне скоро строятъ; теперь ужъ обводятъ городъ стѣною и оканчиваютъ много домовъ, гораздо болѣе прочныхъ и красивыхъ и притомъ расположенныхъ въ лучшемъ порядкѣ. Въ случаѣ нападенія, жители обыкновенно спасаются въ лѣсахъ, не заботясь о домахъ, которые такъ легко выстроить снова. Малая Вилія или, лучше сказать, собственно Вилія (потому что другая бóльшая рѣка туземцами называется Nergis) имѣетъ высокое паденіе и потому течетъ очень быстро, русло ея завалено камнями; весною она очень многоводна и бурлива, оттого на ней нѣтъ мельницъ въ самомъ городѣ, но ихъ много въ окрестностяхъ, особенно на большой рѣкѣ. Вновь строющаяся приходская церковь весьма не велика и болѣе похожа на товарный магазинъ; подлѣ нея устраиваютъ обширное кладбище Другая маленькая церковь съ плебаномъ лежитъ за погорѣвшимъ

монастыремъ оо. миноритовъ; хотя и деревянная, она уцѣлѣла во время послѣдней осады, благодаря своему уединенному положенію среди большаго кладбища, которое считается наидавнѣйшимъ мѣстомъ погребенія римскихъ католиковъ въ Вильнѣ; она во имя св. Николая, епископа Миръ-Ликійскаго. Русины имѣютъ болѣе церквей, нежели католики, но всѣ ихъ церкви малы и бѣдны, они также чтутъ этого святаго, потому что онъ патронъ города.

Изъ старой исторіи Вильны то достойно вниманія, что въ этихъ пустынныхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ, кругомъ облитыхъ рѣками, было поселеніе въ весьма давнее уже время и когда въ XIII вѣкѣ появилась здѣсь (при устьѣ Вилейки въ Nergis) главная святыня Перкуна, то прилежащія слободы, ставъ подъ защиту первосвященника, сдѣлались еще населеннѣе. Гедиминъ эти слободы превратилъ въ городъ, на подобіе городовъ заграничныхъ, русиновъ поселилъ онъ отдѣльно отъ туземцевъ, для нѣмцевъ и поляковъ назначилъ часть около маленькой церкви св. Николая. Длинная улица, простирающаяся отъ рудоминскаго въѣзда до замка, дѣлитъ городъ на двѣ половины: ближайшая къ Вилейкѣ — русская, напротивъ литовская, гдѣ помѣщаются и нѣмцы. Общая для всѣхъ ратуша построена на той же длинной улицѣ, частію изъ камня, частію изъ дерева, съ обширными лавками. Съ перваго же взгляда отличали мы русскихъ и литовцевъ, такъ различны ихъ физіономіи, одежда и обычаи. Русины по большей части ниже ростомъ, цвѣтъ волосъ ихъ красноватый, приближающійся къ рыжему, ихъ обычаи и образъ жизни, также какъ и вѣра, рѣзко отдѣляютъ ихъ отъ литовцевъ; торговля и нѣкоторыя ремесла составляютъ ихъ исключительное занятіе. Литовцы высокаго роста, съ темными, рѣдко вполнѣ черными волосами; болѣе нравственны, но въ высшей степени лѣнивы въ своемъ домашнемъ обиходѣ, любятъ

крѣпкіе напитки и потому менѣе достаточны, чѣмъ русины. Языкъ народа литовскій, вѣтвь прусскаго. Говорили намъ, что между тѣми и другими (т. е литовцами и русскими) есть очень богатые купцы, но самимъ намъ убѣдиться въ томъ не было случая. Нѣмцы съ большою выгодой занимаются торговлей и ремеслами; они не сближались съ нами, чтобы не навлечь подозрѣній правительства и потому мы не могли узнать, что дѣлаютъ тутъ рижане, хотя и знали объ ихъ пребываніи въ Вильнѣ. Когда, во время ярмарки, наши купцы сбывали свои товары гуртомъ, они имѣли дѣло исключительно съ литовцами—такова правительственная политика, но они вообще хорошо обдѣлали свои дѣла. Населеніе города съ предмѣстьями простирается до 25000 человѣкъ, численность гарнизона показываютъ въ 6000 человѣкъ; очень можетъ быть, что эта послѣдняя цифра преувеличена, но во всякомъ случаѣ есть болѣе 3000 солдатъ, потому что они занимаютъ сторожевые посты и поправляютъ укрѣпленія. Въ военномъ отношеніи Литва подѣлена на части, изъ которыхъ народъ обязанъ приходить въ замки для составленія ихъ гарнизоновъ и для содержанія въ исправности укрѣпленій; простой народъ идетъ безъ всякаго оружія, получая какъ его, такъ и пропитаніе на мѣстѣ. Рыцарство имѣетъ собственное вооруженіе, коней и обозы. Тѣ же части, которыя ожидаютъ своей очереди, обыкновенно наступающей черезъ четыре или пять мѣсяцевъ, обязаны доставлять кормъ для людей и лошадей и только мясо идетъ отъ великаго князя. Дисциплина крайне строгая, порядокъ во всемъ замѣчательный и безопасность повсюду полная; рѣдко слышно объ убійствахъ, воровство случается, но наказывается строго. Магистратъ, получившій привилегіи отъ Ягелла, судитъ дѣла, касающіяся города; для исполненія приговоровъ и угрозы преступникамъ содержатъ, по праву саксонскому, палача. Мы

его видѣли, онъ, кажется, родомъ изъ Валахіи и называется Ильдефонсъ, истинное чудовище: громаднаго роста, сильный, какъ медвѣдь, толстый, съ чрезмѣрно широкою грудью, съ страшнымъ лицемъ, поросшимъ черною бородою, онъ производитъ поразительное впечатлѣніе, которое еще увеличивается его одеждою: на головѣ у него красная повязка; обвитая книзу бѣлымъ платкомъ, украшенная кистями, на красный кафтанъ накинутъ плащъ кроваваго цвѣта, въ рукахъ желѣзная палка, на подобіе цѣпа.

Пьянство, какъ и вездѣ, всеобщее. Русины чаще занимаются продажею крѣпкихъ напитковъ; ихъ женщины, строго содержимыя, менѣе развратны, литовки же болѣе свободныхъ нравовъ. Высшая власть не терпитъ гласныхъ домовъ разврата, хотя трудно допустить, чтобы такой населенный городъ могъ обойтись безъ нихъ; объ убійствѣ дѣтей не слышно. Чужеземецъ, прибывшій въ Вильну и его имущество также безопасны, какъ и въ его собственномъ домѣ; въ этомъ краѣ, съ незапамятныхъ временъ, ведется обычай — изобрѣтеніе мудрой политики, по которому чужеземецъ, ступившій на землю литовскую, лишь только войдетъ въ первый попавшійся домъ, дѣлается лицомъ священнымъ для его владѣльца, послѣдній считаетъ своею обязанностью оберегать и покровительствовать ему; если онъ пожелаетъ идти далѣе, литовецъ до тѣхъ поръ его не оставитъ, пока не доведетъ до слѣдующаго дома и не сдастъ на попеченіе другаго хозяина; такъ отъ дома до дома, отъ деревни до деревни, путешествіе совершается съ полною безопасностью и удобствомъ. Насиліе, совершенное надъ чужеземцемъ вызываетъ мщеніе, обращаемое на того, кто въ это время былъ его покровителемъ и проводникомъ, а мстителями являются всѣ тѣ, которые уже принимали у себя пришельца; но такіе случаи весьма рѣдки, рѣдки и преданія о нихъ. Посе-

лившійся въ домѣ литовца иностранецъ дѣлается членомъ его семейства, хозяинъ мститъ за оказанную ему несправедливость и отвѣчаетъ за его проступки, если гость не пожелаетъ сдѣлать этого самъ. Есть также и гостинницы, въ которыхъ пріѣзжающій, кто бы онъ ни былъ, во всякое время найдетъ себѣ убѣжище; только хозяинъ обязанъ знать, кого онъ принимаетъ; купецъ складываетъ тамъ свои товары и можетъ быть спокоенъ на счетъ ихъ сохранности. Русинъ останавливается у русина, нѣмецъ у нѣмца, и такъ каждый народъ имѣетъ свои гостинницы. Чужеземца, если онъ совершитъ преступленіе, не наказываютъ по мѣстнымъ законамъ, за исключеніемъ убійства, конечно, но высылаютъ за границу, обрѣзавъ предварительно ухо, если онъ воротится и снова будетъ схваченъ, то при вторичномъ изгнаніи, теряетъ другое ухо, пойманный безъ ушей подлежитъ утопленію въ мѣшкѣ, къ которому для тяжести привязываются камни. Бояринъ Оттокаръ разсказалъ намъ эти подробности, принадлежащія, вѣроятно, къ древнѣйшему праву литовскому; у пруссовъ не было подобнаго обычая, какъ можно видѣть въ епископской хроникѣ. Предмѣстья виленскія суть слободы или, лучше сказать, купы домовъ, хижинъ и всякаго рода сельскихъ построекъ, разбросанныхъ безъ порядка и вкуса, всякій строится на пригоркахъ, въ долинахъ, оврагахъ, какъ хочетъ или можетъ Земля принадлежитъ или частнымъ лицамъ, или городу, или великому князю, потому раздѣляется и власть надъ поселенцами. Кто поселится въ самомъ городѣ или устроитъ въ немъ ремесленное заведеніе, тѣмъ самымъ высвобождается изъ подъ власти частнаго лица, даже ленныхъ князей, дѣлается мѣщаниномъ; если обстроится шляхтичъ, то онъ лично подчиняется властямъ, начальствующимъ въ его сословіи, а имущество его и способы содержанія находятся подъ надзоромъ городскихъ чиновниковъ.

Слуги и поденщики, оставивъ мѣсто своего рожденія т. е. деревню, принадлежащую помѣщику и переселившись на жительство въ городъ, только тогда переходятъ въ сословіе вольныхъ мѣщанъ, когда помѣщикъ откажется прокормить ихъ во время голода или не потребуетъ ихъ возвращенія, по прошествіи извѣстнаго срока. Отношенія между предмѣстьями и городомъ опредѣлены юридически; въ однихъ случаяхъ городскія власти имѣютъ право указывать населенію предмѣстьевъ, въ другихъ не могутъ этого дѣлать, безъ посредства правительства; если же мѣщане выстроятъ дома на предмѣстьѣ, то власть надъ ними вполнѣ принадлежитъ городской магистратурѣ. За замкомъ, надъ Виліей, тянется въ гору предмѣстье, называемое Антекальнасъ [1]; оно представляетъ весьма пріятное разнообразіе: по лѣвому берегу рѣки идетъ улица, длиною въ ½ мили, по правому тянутся возвышенности, покрытыя вѣчнымъ лѣсомъ или обработанными полями, или садами, полными фруктовыхъ деревъ. За цѣлымъ рядомъ хижинъ, хуторовъ и увеселительныхъ домовъ начинается огромный лѣсъ, въ которомъ, разбросанно, въ прекрасныхъ мѣстностяхъ, построены звѣринцы и охотничьи дома, окруженные тыномъ: мы были тамъ въ охотничьемъ домѣ боярина Седимунта, гдѣ насъ радушно угостили. На лѣвомъ берегу Виліи, при ея заворотѣ, находится главная пристань и потому тутъ дома купцовъ и магазины для склада товаровъ; всѣ они выстроены изъ дерева, часто уничтожаются пожаромъ и хоть быстро возстановляются, но жалко видѣть частую, безполезную трату капитала или ежедневную опасность его безплоднаго уничтоженія; но возвратимся опять въ городъ. Достойно вниманія, что окна въ домахъ стеклянныя: стекла, правда, маленькія, потому что здѣшнія фабрики не произ-

[1]) Нынѣшній Антоколь; составлено изъ ant—на и kalnas—гора.

водятъ большихъ, но самыя окна велики. Бѣдные употребляютъ стекла круглыя, очень толстыя и зеленоватыя, которыя пропускаютъ мало свѣта; стекла же четырехугольныя и шестиугольныя гораздо бѣлѣе, а потому и свѣту пропускаютъ болѣе; укрѣпляются онѣ въ рамкахъ оловомъ, какъ и у насъ. Какъ это стекло, такъ и употребляемое для сосудовъ, производятъ въ Литвѣ съ весьма давняго уже времени, но замѣчательно, что здоровье пьютъ не изъ стеклянныхъ, а изъ роговыхъ, богато украшенныхъ бокаловъ [1]. Стеклянныя издѣлія отпускаются даже за границу; частные предприниматели устроили заводы и вообще гончарное дѣло въ цвѣтущемъ состояніи. Металлическія вещи очень дороги, мѣстное производство ихъ крайне плохо, да и металловъ въ Литвѣ не добываютъ, кромѣ небольшаго количества желѣза, котораго недостаточно для внутренняго потребленія, и потому его привозятъ изъ-за границы; другихъ ископаемыхъ продуктовъ, за исключеніемъ извести и отличной глины, Литва не имѣетъ. Соль вываривается коегдѣ изъ источниковъ, но мало. Медъ, воскъ, ленъ, различные хлѣба и лѣсныя издѣлія суть главные предметы вывозной торговли. Мѣха также вывозятся въ изобиліи, сырыя кожи—напротивъ, въ умѣренномъ количествѣ. Иностранные ремесленники пользуются здѣсь большими преимуществами и, скоро разбогатѣвъ, возвращаются домой съ хорошими деньгами, если только ихъ не принудятъ совсѣмъ остаться въ Литвѣ, но чаще смерть захватываетъ ихъ до обогащенія и тогда дѣти ихъ дѣлаются литовцами, потому что ихъ матери литовки. Случается также, что нѣмцы наши начнутъ пьянствовать и, при такомъ образѣ жизни, скоро погибаютъ въ чужой землѣ. Домашній скотъ

[1]) У литовцевъ было убѣжденіе, что никакой напитокъ, не можетъ быть. зачарованъ въ роговомъ кубкѣ, потому они предпочитались стекляннымъ Obraz Litwy Jaroszewicza. I, 78,

мы видѣли въ хорошемъ состояніи; лошади, правда, малорослыя, но крѣпкія и выносливыя; богатые помѣщики владѣютъ многочисленными стадами, изъ которыхъ можно выбрать рѣдкихъ, неоцѣненныхъ коней; между ихъ хорошими качествами очень важно то, что они смирны и вовсе не дики: по достиженіи извѣстнаго возраста, они безъ всякаго сопротивленія, какъ бараны, позволяютъ осѣдлать или запрячь себя. Всѣ тяжести возятся здѣсь лошадьми, воловъ и на пашню рѣдко употребляютъ. Коровъ нѣтъ въ самомъ городѣ, но ихъ очень много въ предмѣстьяхъ; козы и овцы намъ не встрѣчались, за то свиней множество, что не благопріятствуетъ сохраненію чистоты. Говорили намъ, что великій князь издалъ повелѣніе брать этихъ животныхъ, бѣгающихъ по улицамъ и раздавать бѣднымъ, но исполненія его еще нѣтъ, потому что ожидаютъ результата предварительнаго предостереженія. Живность продается прекрасно и не дорого; приготовленіемъ хлѣба и другихъ печеньевъ занимаются женщины, мясной рядъ въ порядкѣ, свиное мясо и разные изъ него издѣлія продаются въ особомъ ряду, купцы котораго составляютъ отдѣльную корпорацію и называются Szarcutii [1]. Звѣрины всякой въ изобиліи, рыбы множество и притомъ хорошей; изъ домашней птицы только куры и гуси продаются на рынкѣ. Соль доходитъ до неимовѣрной цѣны, когда прекращается подвозъ изъ за границы, но теперь великій князь устроилъ огромные ея склады, размѣстивъ ихъ въ городахъ надъ Нѣманомъ, чтобы, въ случаѣ недостатка, снабжать ею народъ по умѣренной цѣнѣ; это, разумѣется, лишило купцовъ выгодной спекуляціи. Изъ купеческихъ счетовъ мы вывели заключеніе, что въ Вильнѣ потребляется соли втрое болѣе, чѣмъ въ Маріенбургѣ, мяса же потребляется менѣе, вѣроятно,

---

[1]) Нарбутъ обращаетъ вниманіе читателей на необыкновенное сходство этого слова съ французскимъ charcutier.

потому что русины постятся почти $^1/_4$ года. Литовцы также обязаны соблюдать посты; въ великій постъ торговля мясомъ совсѣмъ прекращается. Достойное хвалы распоряженіе! Епископа Андрея такъ уважаютъ, что приказанія его исполняются съ полнѣйшею точностью и народъ, издавна привыкшій подчинятся священникамъ, почти боготворитъ этого почтеннаго старца; пользуясь этимъ христіанское духовенство сильно вліяетъ на нравственное образованіе народа, нескоро успѣетъ оно повсюду, но много могутъ помочь дѣлу священники, знающіе литовскій языкъ и потому легко понимаемые народомъ. Въ разныхъ мѣстахъ они устроили христіанскія школки, на подобіе учрежденной при каѳедральномъ соборѣ, въ которой учатъ братья минориты. Молодежь, высылаемая въ города литовской Руси, гдѣ есть при монастыряхъ русскія училища, ничему болѣе не выучивается, кромѣ чтенія и письма, она обыкновенно занимаетъ потомъ канцелярскія должности, такъ какъ здѣсь исключительно употребляется только русская письменность; латинскій языкъ составляетъ достояніе духовенства, а по нѣмецки учатся, кажется, въ Ригѣ, для дипломаціи. Литовской письменности нѣтъ; если и были литовскія письмена, то ихъ забыли, чему много содѣйствовало паденіе язычества; показывали намъ что-то, написанное, какъ утверждали, литовскими буквами, но мы ничего не могли разобрать. Братъ Целестинъ снялъ абрисъ нѣсколькихъ строкъ, для сравненія съ тѣми письменами, которыя встрѣчаются у насъ въ Пруссіи на разныхъ остаткахъ язычества. Судя потому, что мы слышали отъ людей просвѣщенныхъ, литовская молодежь имѣетъ прирожденную способность къ образованію, богатые господа высылаютъ своихъ дѣтей въ Краковъ и заграницу и ни одинъ еще, какъ говорятъ, не обманулъ родительскихъ надеждъ Вотъ, если бы мы сохранили рыцарскій способъ воспитанія молодежи, какой еще

существуетъ при дворахъ германскихъ государей! потратить же всю молодость на изученіе наукъ въ высшихъ школахъ скорѣе пристало людямъ, готовящимся къ духовному званію; для рыцаря требуется иное образованіе, иная выправка, которую слѣдуетъ начинать смолода.

«Все это, можетъ быть, очень хорошо, возражалъ на наше мнѣніе епископъ Андрей, но не всякому народу годно одно и тоже образованіе, оно похоже на кафтанъ, который долженъ быть скроенъ и сшитъ по росту и сложенію каждаго отдѣльнаго лица. Литовцы имѣютъ то, общее съ поляками, прирожденное качество, по которому они болѣе нуждаются въ научномъ образованіи, чѣмъ въ пріученіи къ военному дѣлу, съ послѣднимъ они быстро освоиваются, лишь только выйдутъ изъ дѣтскихъ лѣтъ. Литовецъ, можно сказать, родится рыцаремъ, ему нуженъ только извѣстный возрастъ, естественное укрѣпленіе тѣла, чтобы выказать свои военныя способности. Для образованія нравственнаго и сердечнаго онъ имѣетъ школу въ родительскомъ домѣ, высшія же науки дѣлаютъ человѣка истинно просвѣщеннымъ и полезнымъ себѣ и отечеству во всякомъ состояніи». Потомъ былъ разговоръ о литовскомъ языкѣ; епископъ, зная его основательно, превозносилъ его похвалами, жалѣлъ, что пренебрегли литовскою письменностью, такъ какъ русскія письмена и русскій языкъ были приняты въ дипломаціи и при дворахъ княжескихъ съ тѣхъ поръ, какъ ученые русины, выгнанные татарами изъ за Днѣпра, перенесли свои научныя познанія въ Литву. Расхваливая языкъ литовскій, епископъ даже утверждалъ, что если бы греческій и латинскій языки были забыты, то ихъ утрату легко бы замѣнилъ языкъ литовскій, вслѣдствіе совершенства своихъ формъ, просодіи и своего богатства. При этомъ мы замѣтили, что языки греческій латинскій сохранились, благодаря славнымъ писателямъ, въ

противномъ случаѣ они были бы забыты, лишь только вышли изъ употребленія. «Неправда, подхватилъ одинъ изъ прелатовъ, св. римская литургія, отъ временъ апостольскихъ совершаемая по латинѣ, не допустила бы забвенія этого языка». «Несомнѣнно, говорилъ далѣе епископъ, что языкъ латинскій, которымъ говорилъ народъ, никогда не былъ столь чистымъ, какъ языкъ Цицерона и Горація, оттого то онъ и вышелъ изъ общаго употребленія и современемъ превратился въ западноевропейскія нарѣчія. Совсѣмъ другое случилось съ языкомъ литовскимъ, онъ чистымъ и неиспорченнымъ сохранился въ устахъ народа, несмотря на распаденіе его на нѣсколько діалектовъ, совершившееся еще въ весьма давнее время; вслѣдствіе этого онъ будетъ существовать вѣчно, пока существуетъ народъ». Что же было говорить намъ о языкѣ, такъ мало намъ знакомомъ, только слушать, что мы и сдѣлали. Нужно отдать справедливость епископу и членамъ капитулы; всѣ они люди ученые и праведной жизни; гордость, такъ свойственная въ нѣкоторыхъ мѣстахъ духовенству, корысть часто отличающая лѣнивое монашество, какъ кажется, чужды имъ; конечно, потому, что выборъ ихъ основанъ не на ласкательствѣ и придворныхъ интригахъ, но на сознаніи необходимости добрыхъ дѣлателей въ этомъ новомъ вертоградѣ господнемъ. Всѣ они нѣмцы или поляки, владѣютъ мѣстнымъ языкомъ и знаютъ духъ народа.

Въ тотъ же день (25-го іюня) нѣкоторые изъ нашихъ ходили навѣстить могилы 14 мучениковъ францисканов (братьевъ миноритовъ конвентуаловъ, какъ выражается Кибургъ), мѣсто это находится за стѣною замка, близъ главныхъ воротъ, ведущихъ изъ замка въ городъ. Надъ общею ихъ могилой стоитъ маленькая деревянная часовня съ рѣшетчатыми дверями; прямо противъ дверей, на стѣнѣ, изображены св. мученики, стоящіе съ пальмами въ рукахъ,

съ очами, устремленными въ небо, гдѣ имъ видѣнъ тронъ Предвѣчнаго, окруженный ангелами. Подъ изображеніемъ стоитъ алтарь, на которомъ еженедѣльно, по четвергамъ, совершается св. литургія; народъ молится подъ открытымъ небомъ. По лѣвую руку, не доходя нѣсколько шаговъ до часовни, есть маленькій источникъ чистой, прохладной воды, весьма неглубокій, старательно выложенный деревомъ еще руками замученныхъ монаховъ; вода въ немъ постоянно держится на одной высотѣ, на $1^1/_2$ локтя отъ земной поверхности, не прибываетъ и не убываетъ, сколько бы ея не вычерпывали; недавно поставили надъ источникомъ крышу, увѣнчанную крестомъ. Мѣсто, которое занимали эти святые люди, весьма невелико, теперь оно обведено новой деревянной оградой и часовня стоитъ въ самой срединѣ огороженнаго пространства. Монахи эти не въ первый разъ пришли въ Вильну, нѣкоторые изъ нихъ жили на томъ же самомъ мѣстѣ еще при Гедиминѣ. Разное бывало имъ счастье, но тѣмъ не менѣе они оставались, чтобъ быть духовнымъ утѣшеніемъ для пребывающихъ здѣсь католиковъ. Позднѣе, въ княженіе Ольгерда, малочисленные и презираемые, они все таки продолжали проповѣдывать евангеліе литовцамъ и встрѣчали то содѣйствіе, то противудѣйствіе правительства. Когда же обратился въ христіанство извѣстный Гаштольдъ, любимецъ Ольгерда, тогда онъ увеличилъ число братьевъ, вызвавъ новыхъ изъ Мазовіи и улучшилъ ихъ матерьяльное положеніе; въ послѣднее время ихъ было четырнадцать: 5 священниковъ, 5 миссіонеровъ, одинъ столѣтній старецъ и три брата служителя. Однажды, въ отсутствіе Ольгерда и Гаштольда, въ небытность даже его намѣстника и, кажется, старшаго сына, всѣ они собрались въ Вильнѣ, для отправленія великаго поста; въ тоже время появилась въ городѣ какая то зараза и люди умирали съ необыкновенною быстротою, гнѣвъ Божій былъ

объясненъ ненавистью бѣдныхъ монаховъ, которые, будто бы, разбросали по городу ядовитыя сѣмена и тѣмъ произвели эпидемію для искорененія язычества. Городскія власти выслушали клеветниковъ, повѣрили имъ и осудили монаховъ на изгнаніе, послѣдніе не подчинились этому рѣшенію и просили обождать возвращенія князя Владиміра; ихъ сопротивленіе взволновало городъ; народъ, собираясь толпами, настойчиво домогался ихъ изгнанія, власти противились и тѣмъ произвели крайнее раздраженіе. Узнавъ о грозящей опасности, одни монахи ударились въ бѣгство, другіе укрѣпились въ монастырѣ, но народъ легко выбилъ двери и, вытащилъ несчастныхъ на рынокъ, гдѣ 7 изъ нихъ были убиты мечемъ и топоромъ, 6-го марта 1365 года, другихъ догнали подъ Антоколемъ, предали жестокой смерти и втащивъ на гору, трехъ распяли на крестахъ, а остальныхъ бросили въ воду. По возвращеніи Ольгерда и Гаштольда убійства эти были наказаны примѣрно: одинъ изъ главныхъ жрецовъ, шесть членовъ городскаго совѣта, слишкомъ двадцать чиновниковъ и служителей начальника замка, тридцать мѣщанъ, какъ литовцевъ, такъ и русскихъ были преданы казни, какъ виновные въ мятежѣ, убійствѣ и преступленіи законовъ; однимъ, болѣе знатнымъ, рубили головы, другихъ вѣшали; гарнизонъ замка былъ смѣненъ и назначенъ новый начальникъ, многіе осуждены на изгнаніе. Потому то вильняне и не чтутъ особенно могилы св. мучениковъ, такъ какъ память объ ихъ мученичествѣ есть вмѣстѣ напоминаніе жестокаго наказанія преступниковъ. Если бы въ этомъ случаѣ Ольгедръ вполнѣ подчинился вліянію Гаштольда и своей супруги Юліанны, то всѣ знатнѣйшіе язычники виленскіе были бы истреблены; несомнѣнно, что въ это время великій князь вовсе не сочувствовалъ язычеству и исповѣдывалъ христіанство по восточному обряду, котораго, какъ извѣстно, держалась и великая

княгиня Юліанна. Онъ, можетъ быть, принялъ бы римскій католицизмъ, если бы не она и нѣкоторыя непріятности отъ нашихъ епископовъ, болѣе занимающихся политикой, нежели распространеніемъ истинной христіанской вѣры; но довольно объ этомъ, перейдемъ къ другимъ нашимъ наблюденіемъ. Благочестіе литовскаго народа примѣрно, хотя живущее поколѣніе не вполнѣ и не повсемѣстно приняло крещеніе и едва только тѣнь христіанскихъ понятій вошла въ сознаніе простаго люда; впрочемъ, по своему характеру, онъ сильно преданъ религіи; образованные классы, конечно, ближе къ познанію правды, ведущей къ благу временному и вѣчному, потому что небо, одаряя своихъ любимцевъ высокимъ происхожденіемъ и богатствомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ открываетъ имъ свои тайны; они идутъ безъ сопротивленія за примѣромъ, показаннымъ сверху, что и объясняетъ намъ тихое и мирное уничтоженіе литовскаго язычества, которое исповѣдуется теперь только самыми невѣжественными людьми, забившимися въ отдаленную глушь. Почему русины, живущіе въ Литвѣ, не истинные христіане? Почему не могутъ склонить ихъ къ соединенію съ св. римскою церковью, или не хотятъ этого? Непонятно! Казалось бы, что легче обратить русиновъ, уже покланяющихся св. кресту, нежели литовцевъ, вѣчныхъ его непріятелей. Неужели русскіе князья не сочли бы своею обязанностью исполнить волю великаго князя, если бы онъ рѣшительно ее выразилъ. Ихъ вѣра ничто иное, какъ манихейство, мерзкая ересь.

Средства великокняжеской казны состоятъ изъ доходовъ съ земель, принадлежащихъ коронѣ, съ озеръ, отдаваемыхъ въ оброчное содержаніе, изъ податей съ вольныхъ земледѣльцевъ, изъ извѣстныхъ, опредѣленныхъ суммъ, которыя взимаются съ имѣній, розданныхъ высшимъ чиновникамъ, изъ пошлинъ и неопредѣленныхъ приношеній ленныхъ князей,

при собиранiи которыхъ часто приходится употреблять силу. По смерти Ольгерда, когда въ краѣ началась анархiя, доходы казны уменьшились, хотя поборовъ было болѣе и при томъ допускались злоупотребленiя. Настоящiй великiй князь Витольдъ, въ короткое время своего единодержавiя, успѣлъ исправить эту важную отрасль государственнаго управленiя; онъ самъ объѣзжаетъ провинцiи, вникаетъ въ управленiе коронныхъ имѣнiй, посѣщаетъ ленныхъ князей и такимъ образомъ собираетъ большiе доходы; какъ они велики, мы не могли узнать отъ придворныхъ; да, кажется, они и сами того не знаютъ.

Во вторникъ (26-го iюня), предъ полднемъ, извѣстили насъ о прибытiи великаго князя; онъ приказалъ привѣтствовать насъ отъ своего имени и увѣдомить, что мы скоро будемъ допущены къ его особѣ. Часа за три до заката солнца пришли за нами пышно одѣтые придворные чиновники и рыцарство, въ сопровожденiи которыхъ, при звукахъ военной музыки, мы отправились ко дворцу великаго князя. У входа насъ встрѣтилъ великiй маршалъ съ отрядомъ комнатныхъ дворянъ; прислуга, богато одѣтая, стояла въ два ряда по сторонамъ нашей дороги, какъ на дворѣ, такъ и въ огромныхъ сѣняхъ. Когда намъ оставалось не болѣе пяти шаговъ до аудiенцзалы, двери раскрылись настежъ и подлѣ нихъ мы увидѣли привратниковъ—исполиновъ, четырехъ въ залѣ и столькоже въ передней, они держали бердыши серебряные или изъ полированой стали, на головахъ ихъ были высокiя, по крайней мѣрѣ, въ локоть, черныя мѣховыя шапки, обвитыя спирально золотыми цѣпями, концы которыхъ, украшенные кистями, спадали имъ на плечи; подъ этими шапками, застегивавшимися у подбородка золотистой рыбьей чешуей, торчали громадные усища великановъ, бороды же были чисто выбриты. Въ глубинѣ залы, не богато украшенныхъ

креслахъ, сидѣлъ великій князь Витольдъ, по сторонамъ его стояли по два молодыхъ пажа въ бѣлыхъ одеждахъ, нѣсколько далѣе, за двумя столами, покрытыми богатыми персидскими коврами, сидѣли на стульяхъ министры, совѣтники и секретари. Когда мы дошли до половины залы, великій князь и всѣ прочіе встали, мы низко поклонились, сперва князю, потомъ направо и налѣво, на что получили взаимные поклоны; тогда заговорилъ одинъ изъ маршаловъ, громко разсказывая объ обстоятельствахъ нашего прибытія и называя наши имена, на что великій князь, уже сидя, кивнулъ головою, потомъ другой маршалъ пригласилъ насъ приблизиться къ подножью трона; мы подошли, великій князь всталъ, далъ намъ руку и принялъ письмо великаго магистра, которое прижалъ сначала къ сердцу и послѣ велѣлъ положить на столъ, спросилъ затѣмъ о здоровьѣ великаго магистра и нѣкоторыхъ, знакомыхъ ему, сановниковъ ордена. Послѣ того, какъ тайный секретарь Николай прочелъ о цѣли нашего посольства и тихо, въ нѣсколькихъ словахъ, сообщилъ объ немъ великому князю, насъ пригласили въ залу маршаловъ и на томъ кончилась публичная аудіенція. Съ середы начались частныя аудіенціи, происходившія въ дипломатической канцеляріи, которая помѣщалась въ обширной комнатѣ, освѣщенной съ трехъ сторонъ окнами, стѣны ея обиты самыми изящными восточными коврами, лавки обложены камчатными подушками. У главной стѣны большой парадный столъ, покрытый ковромъ, расшитымъ золотомъ и серебромъ, на немъ высокое, въ $^{3}/_{4}$ локтя, вызолоченное распятіе и подлѣ великокняжеская митра, мечъ и золотая палка или что то вродѣ скиптра, не длиннѣе двухъ локтей, кромѣ того стояло еще что то, драгоцѣнно украшенное, въ родѣ малой урны. Надъ столомъ, между двумя высокопрорѣзанными, квадратными окнами, висѣлъ образъ какого то святаго въ серебряной рамѣ, выше его —на маловидаю-

щемся барельефѣ изображеніе пресв. Дѣвы, сдѣланное изъ золота и серебра, предъ которымъ въ золотомъ, ажурномъ коробкѣ, горѣла лампада изъ римскаго хрусталя, висящая съ потолка, на золотой цѣпочкѣ. На правой сторонѣ другой столъ, красиво накрытый красною матеріей съ галунами и кистями и заваленный бумагами, перьями, чернилицами; за нимъ сидѣлъ пишущій секретарь. У входныхъ дверей стоялъ пажъ, который наблюдалъ песочные часы и при каждомъ ихъ оборотѣ ударялъ палочкой въ стеклянный колокольчикъ. Когда мы вошли, великій князь всталъ изъ за секретарскаго стола, радушно насъ привѣтствовалъ, посадилъ на удобныя кресла и любезно разговорился съ нами. При произнесеніи имени св отца, папы Бенедикта XIII, онъ, нѣсколько приподнявшись, снималъ свою шляпу, при имени королей римскаго или польскаго, не вставая, обнажалъ голову, а называя великаго магистра, только немного наклонялъ ее. Его шляпа походила на испанское сомбреро, прочая одежда состояла изъ желтаго, шелковаго камзола, застегнутаго до самаго горла золотыми пуговицами на золотыхъ петлицахъ, исподнее платье, розовое, изъ татарской матеріи и красные кожаные сапоги съ золотыми шпорами. Поясомъ служила неширокая лента, шитая золотомъ и застегнутая богатою пряжкою, на ней висѣли крючки для пристегиванія сабли; сверху накинутъ кафтанъ гранатоваго цвѣта, сшитый по литовски, только подрѣзанный коротко; изъ за пояса выглядывала рукоять кинжала, осыпанная дорогими каменьями. Недурно говоритъ по нѣмецки и иногда вмѣшиваетъ латинскія фразы, какъ бы желая выказать свою ученость; вѣдь онъ былъ воспитанъ братомъ нашего ордена Ганно ф. Винденгеймомъ, который, сначала плѣнникъ, потомъ пріятель Кейстута, занимался въ Трокахъ обученіемъ его дѣтей и жилъ тамъ до самой смерти. Мы говорили объ этомъ рыцарѣ; великій князь очень хвалилъ его

добродѣтели и ученость и доказательно опровергъ давній слухъ объ его отступничествѣ. При этомъ удобномъ случаѣ, я просилъ великаго князя объяснить намъ тайну о четырехъ нашихъ братьяхъ, недавно бѣжавшихъ въ Литву, но онъ прервалъ меня, сказавъ, что ничего объ нихъ не знаетъ, за исключеніемъ того, что они перешли границу и появлялись въ нѣсколькихъ мѣстахъ со своими любовницами. Кому же вѣрить? Лице великаго князя моложаво, весело и спокойно, онъ почти не измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ его въ Инстербургѣ, только тогда онъ не былъ такимъ подвижнымъ. При всей своей полнотѣ, онъ кажется больнымъ. Онъ имѣетъ что то плѣнительное во взглядѣ, что привлекаетъ къ нему сердце каждаго; говорятъ, что онъ наслѣдовалъ эту черту отъ матери; любитъ обязывать болѣе благосклонностью и предупредительностью, нежели дарами, относительно послѣднихъ иногда бываетъ очень скупъ, иногда же чрезъ мѣру расточителенъ. Въ обращеніи съ людьми онъ строго соблюдаетъ приличія, придворные его отличаются скрытностью и учтивостью. Никогда чрезъ мѣру не пьетъ крѣпкихъ напитковъ, даже въ пищѣ наблюдаетъ умѣренность. Великій князь много работаетъ, самъ занимается управленіемъ края и желаетъ знать обо всемъ; бывая на частныхъ аудіенціяхъ, мы сами видѣли его удивительную дѣятельность: разговаривая съ нами о дѣлахъ, требовавшихъ полнаго вниманія, онъ въ то же время слушалъ чтеніе разныхъ докладовъ и давалъ рѣшенія. Народъ имѣетъ свободный къ нему доступъ, но всякій, желающій къ нему приблизиться, допрашивается предварительно особо для того назначеннымъ дворяниномъ и послѣ того просьба, имѣющая быть поданною монарху или кратко излагается на бумагѣ или проситель самъ идетъ съ помянутымъ дворяниномъ и устно передаетъ ее великому князю. Каждый день мы видѣли очень много людей, приходя-

щихъ съ просьбами или пріѣзжающихъ изъ отдаленныхъ мѣстностей съ какими то порученіями. Трудно понять, какъ достаетъ ему времени на столько занятій; каждый день великій князь слушаетъ литургію, послѣ которой, до обѣда, работаетъ въ своемъ кабинетѣ, обѣдаетъ скоро и послѣ того, нѣкоторое время, тоже недолго, остается въ своемъ семействѣ или забавляется выходками своихъ придворныхъ шутовъ, потомъ, верхомъ на лошади, онъ ѣдетъ осматривать постройку дома или корабля или что нибудь, привлекающее его вниманіе. Грозенъ онъ только въ военное время, но вообще полонъ доброты и справедливости, умѣетъ карать и миловать. Мало спитъ, мало смѣется, болѣе холоденъ и разсудителенъ, нежели пылокъ; хорошее или дурное извѣстіе получаетъ онъ, лице его остается безстрастнымъ, въ этомъ отношеніи онъ очень измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ былъ въ Пруссіи. Жена имѣетъ на него большое вліяніе, но какая же это женщина! Рѣдкость и великая рѣдкость между дочерями Евы?! Хотя великая княгиня всегда сопровождаетъ своего мужа, но на этотъ разъ онъ одинъ пріѣхалъ въ Вильну; говорили, что нездоровье задержало ее въ Трокахъ, куда мы и отправили назначенные для нея подарки. Скоро за тѣмъ пріѣхалъ дворянинъ ея высочества, Гинетъ, съ изъявленіемъ благодарности великому магистру, съ прекрасными для него подарками и съ цѣлымъ мѣшкомъ лакомствъ для насъ. Великая княгиня имѣла сильное вліяніе на участь своего мужа; смолода обвѣнчанный съ Маріей, княжною лукомскою, онъ потерялъ ее при рожденіи дочери, спустя 17 мѣсяцевъ послѣ брака; женившись вторично, еще при жизни Ольгерда, на Аннѣ, княжнѣ смоленской, онъ нашелъ въ ней ангела хранителя. Она вырвала его изъ рукъ Ягелловыхъ живодеровъ, спасла его изъ кревской тюрьмы и нашла ему убѣжище и участіе въ нашемъ орденѣ. Онъ обма-

нулъ оказанное ему довѣріе и непремѣнно погибъ бы, еслибъ не проницательность его супруги; теперь, можетъ быть, снова найдетъ онъ въ Ягеллѣ или въ комъ либо изъ его братьевъ такую любовь, какую уже дали ему разъ почувствовать и почтенная княгиня нисколько въ этомъ не сомнѣвается. Пускай же вложитъ Богъ въ ея сердце ту осторожность и недовѣріе, которыя снова могутъ послужить ко спасенію ея мужа; въ особенности старались мы внушить это самому великому князю устно, а княгинѣ письменно. И кто же не видитъ, чѣмъ грозитъ ничтожная даже зависимость отъ короля, извѣстнаго своимъ непостоянствомъ, часто забывающаго предписанія христіанскихъ доблестей и руководимаго нечестивыми совѣтниками польскими, которые имѣютъ въ виду только личные интересы; кто, говорю, не видитъ, сколько гибельныхъ интригъ долженъ ожидать съ этой стороны Витольдъ, не имѣющій прямаго потомства, ни сильныхъ братьевъ, которые могли бы поддержать его во время невзгоды? Развѣ страсть къ господству не мучитъ, не угрызаетъ и развѣ братняя любовь способна противиться этой страсти? а у Ягелла вѣдь много родныхъ братьевъ.

30 іюня, въ субботу, послѣ полудня, сѣли мы на прекрасныя суда и поплыли Виліей до Ковна, куда прибыли вечеромъ 3 іюля. Мы могли бы пріѣхать гораздо скорѣе, такъ какъ суда наши были очень легки, а теченіе весьма быстро, но, опасаясь ѣхать ночью, когда можно было наткнуться на подводный камень или на рыболовные снаряды, которыми часто перегораживаютъ всю рѣку, мы ѣхали только днемъ. Въ Ковнѣ простились мы съ бояриномъ Оттокаромъ и другой уже чиновникъ, по имени Мовстольдъ, провожалъ насъ до Юрбурга, куда пріѣхали въ субботу 7 іюля; тутъ мы дождались гонца, котораго великій князь обѣщалъ выслать за нами. Наши (т. е. орденскія) суда уже четыре дня

ожидали насъ; сѣли мы на нихъ, покончивъ всѣ наши дѣла, и прибыли въ Рагниту, въ четвергъ 12 іюля 1397, также здоровые, какъ и при отъѣздѣ».

На этомъ оканчивается переведенный нами дневникъ графа Кибурга; слѣдуетъ, правда, далѣе надпись: «Sequitur cedula clausa», но этой cedul'ы, какъ сообщаетъ въ примѣчаніи О'Нацевичь, при оригинальной рукописи не найдено. Она, конечно, содержала въ себѣ подробности насчетъ цѣли посольства.

Дневникъ посольства графа Кибурга впервые напечатанъ Нарбутомъ въ изданномъ имъ, въ 1856 г., собраніи статей и выписокъ изъ рукописей, весьма интересныхъ для исторіи разсматриваемой нами эпохи (Teodora Narbutta, Pomniejsze pisma historyczne, szczególnie do historyi Litwy odnoszące się. Wilno. 1856. Naklad i druk Teofila Glücksberga). Исторія этого памятника можетъ быть поводомъ къ сомнѣнію въ его подлинности: Нарбутъ не зналъ подлинника, онъ получилъ польскій переводъ его, сдѣланный О'Нацевичемъ и когда хотѣлъ узнать, гдѣ послѣдній видѣлъ оригиналъ, на какомъ языкѣ онъ написанъ, есть ли возможность достать его, — вопросы его остались безъ отвѣта, потому что О'Нацевичъ скоро умеръ. Было бы несправедливо, однакожъ, оставлять безъ вниманія важный и интересный памятникъ, только потому, что не знаемъ его оригинальной рукописи; всеобщее молчаніе о немъ немногихъ ученыхъ, занимавшихся исторіей Польши и Литвы въ XIV вѣкѣ, конечно, не сулитъ ему ничего добраго, но тѣмъ не менѣе я вѣрю въ его подлинность и перепечатываю его теперь въ русскомъ переводѣ, такъ какъ книга Нарбута почти уже вышла изъ обращенія; по крайней мѣрѣ я не могъ достать ее въ мѣстѣ ея изданія, у ея издателя, книгопродавца Глюксберга. У насъ слишкомъ долго существовала скептическая школа, слишкомъ много отвер-

гавшая, что впослѣдствіи было признано подлиннымъ и достойнымъ вниманія; наученные ея горькимъ опытомъ, мы не рѣшимся пройти молчаніемъ новый, важный источникъ для исторіи Литвы XIV вѣка, по крайней мѣрѣ считаемъ своею обязанностью снова обратить на него вниманіе ученыхъ.

Цѣль посольства графа Кибурга не объясняется изъ его дневника, но она дѣлается понятною изъ исторіи отношеній ордена и Польши къ Литвѣ послѣ 1392 г. Въ своемъ мѣстѣ мы будемъ подробно говорить объ этихъ отношеніяхъ, здѣсь же только скажемъ, что Ягелло, принужденный отдать литовское великое княженіе Витовту въ 1392 году, долго не оказывалъ ему довѣрія, вслѣдствіе чего Витовтъ не хотѣлъ окончательно разрывать съ орденомъ, вполнѣ увѣренный, что, при той враждѣ, которая существовала между Польшею и Пруссіей, послѣдняя будетъ вѣрною ему союзницей, если придется разорвать съ первою. Въ свою очередь и орденъ, зная о непримиримой ненависти къ нему Ягелла, постоянно старался сблизиться съ Витовтомъ и употреблялъ всѣ усилія поссорить его съ королемъ польскимъ; много разъ устраивались свиданія великаго князя литовскаго съ великимъ магистромъ, большая часть ихъ осталась безъ послѣдствій, пока наконецъ поляки сами не испортили своего дѣла. Королева Ядвига, конечно, по наущенію польскихъ магнатовъ, вспомнила, въ началѣ 1398 года, что Ягелло, при бракосочетаніи съ нею, подарилъ ей, какъ вѣно, свои русскія и литовскія земли и потребовала на этомъ основаніи отъ Витовта ежегодной дани. Не смотря на дружественный тонъ этого требованія, оно въ такой степени раздражило Витовта, что онъ немедленно созвалъ въ Вильну важнѣйшихъ бояръ литовскихъ и русскихъ и спросилъ ихъ, считаютъ ли они себя подданными короны польской и обязанными платить ей ежегодную подать? Послѣ отрицательнаго отвѣта бояръ, съ ве-

личайшимъ неудовольствіемъ узнавшихъ о притязаніяхъ польской королевы; Витовтъ обратился къ великому магистру съ просьбою о назначеніи дня съѣзда, на которомъ онъ предлагалъ заключить прочный миръ между Литвою и Пруссіей Въ апрѣлѣ собрались въ Гродно съ одной стороны Витовтъ и его бояре, съ другой знатнѣйшіе сановники ордена, въ числѣ которыхъ былъ главный начальникъ гошпиталей, графъ Конрадъ Кибургъ, тотъ самый, который ѣздилъ въ Вильну, лѣтомъ 1397 г. 23 апрѣля былъ написанъ союзный договоръ, по которому Витовтъ одѣлалъ важныя уступки ордену, этотъ договоръ долженъ былъ имѣть силу, несмотря на то, утвердитъ или не утвердитъ его Ягелло; на празднествахъ по этому поводу, литовцы и русскіе провозглашали тосты за Витовта, короля литовскаго и русскаго; однимъ словомъ союзъ между Литвою и Польшею казался разорваннымъ. (Voigt. Geschichte Preussens. VI, 92 — 101). Этого только и домогался орденъ и, какъ мы видѣли, поляки сами облегчили достиженіе его цѣли, но нѣтъ сомнѣнія, что и прежде имъ употреблены были всѣ средства для того, чтобы поссорить Витовта съ Ягелломъ и посольство Кибурга, очевидно, было предпринято съ этимъ намѣреніемъ, это доказывается тѣми мѣстами его дневника, гдѣ онъ съ лицемѣріемъ, столь свойственнымъ прусскимъ рыцарямъ, сѣтуетъ на несчастное положеніе Витовта и безчисленныя опасности, грозящія ему со стороны Ягелла. Понятно, что Кибургъ, побывавшій въ Вильнѣ, познакомившійся со многими литовцами и русскими, знающій хорошо положеніе и средства государства, былъ посланъ магистромъ въ Гродно, куда онъ самъ не могъ прибыть, несмотря на важное значеніе предстоявшихъ переговоровъ. Объясняя такимъ образомъ посольство, о которомъ случайно не упоминается ни въ одномъ изъ историческихъ сочиненій, мы не видимъ никакихъ поводовъ для

непризнанія посольскаго дневника достойнымъ вѣры источникомъ. Онъ представляетъ прекрасную картину внутренней жизни литовскаго государства и двухъ народовъ, которые составляли его населеніе, но должно признаться, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ подробностей, всегда важныхъ и имѣющихъ высокую цѣну, если онѣ сообщаются очевидцемъ или близкимъ свидѣтелемъ, большая часть заключающихся въ нашемъ памятникѣ свѣдѣній уже извѣстна изъ другихъ источниковъ. Почти все, что читаемъ у него о древней Вильнѣ, находимъ въ двухъ исторіяхъ этого города, написанныхъ Балинскимъ и Крашевскимъ, многое, касающееся народнаго быта, особенностей положенія русскихъ, ремеслъ и торговли, разбросано въ польскихъ и литовскихъ лѣтописяхъ и въ сочиненіяхъ о Литвѣ иностранцевъ (напр. Энея Сильвія), а собрано у Ярошевича въ его Obraz'ѣ Литвы или въ Dziejé starożytne narodu Litewskiego, Нарбута, но изображеніе характера Витовта и обычаевъ его двора, описаніе личности епископа Андрея и усилій его утвердить въ Литвѣ католицизмъ, намеки на значеніе великой княгини Анны, извѣстіе о православіи Ольгерда и наконецъ подробности, впервые сообщаемыя, многихъ уже извѣстныхъ событій, придаютъ дневнику Кибурга не малый интересъ и дѣлаютъ его важнымъ источникомъ для исторіи Литвы и западной Руси въ XIV вѣкѣ. Въ особенности мы цѣнимъ его за разрѣшеніе вопроса о вѣроисповѣданіи Ольгерда, который до сихъ поръ еще оставался спорнымъ, несмотря на ясное свидѣтельство русскихъ лѣтописей о его православіи. Тѣ историки, которые не вѣрили этому свидѣтельству, должны теперь, послѣ подтвержденія его Кибургомъ, согласиться, что православіе Ольгерда есть фактъ неопровержимый.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ДВИЖЕНІЯ ПЛАНЕТЫ ЮНОНЫ.

РАЗСУЖДЕНІЕ НАПИСАННОЕ

Л. Ѳ. БЕРКЕВИЧЕМЪ.

Главное затрудненіе, при опредѣленіи возмущеній въ движеніи планетъ, состоитъ въ разложеніи отрицательныхъ степеней ихъ взаимнаго разстоянія въ безконечные ряды. Французскими и германскими теоритиками-астрономами предложено нѣсколько различныхъ способовъ для выраженія этого рода функій рядами. Между этими способами при опредѣленіи возмущеній, протерпѣваемыхъ планетою Юноною отъ дѣйствія на нее планеты Сатурна, я избралъ аналитическій пріемъ Ганзена, помѣщенный въ его сочиненіи: Entwickelung der negativen nnd ungraden Potenzen der Quadrat-wurzel der Function $r^2+r'^2 - 2rr'$ (cos U cos U' + sin U sin U' cos I).

Этотъ способъ въ теоретическомъ отношеніи совершенно строгій, на практикѣ можетъ быть употребленъ только тогда съ успѣхомъ, когда отношеніе между полуосями планетъ возмущаемой и возмущающей меньше $\frac{1}{2}$. Если это отношеніе равно $\frac{1}{2}$, или больше ея, то онъ дѣлается чрезвычайно утомительнымъ по медленной сходимости рядовъ; вслѣдствіе сего при вычисленіи возмущеній планеты Юноны, происходящихъ отъ дѣйствія на нее планетъ Юпитера и Марса, я употребилъ другой методъ Ганзена, изложенный въ его сочиненіи: Auseinandersetzung einer zweckmässigen Methode zur Berechnung der absoluten Störungen der kleinen Planeten, въ которомъ квадратъ изъ взаимнаго разстоянія планетъ приводится въ виду:

$$D - f \cos(\varepsilon' - F) + \frac{1}{2}\gamma_2 \cos 2E',$$

гдѣ D, f, F суть функціи эксцентрической аномаліи возмущаемой планеты. Въ этомъ послѣднемъ способѣ одинъ

интегралъ, посредствомъ котораго опредѣляются коефиціенты разложенія пертурбаціонной функціи, получается аналитически, другой помощью механическихъ квадратуръ. Въ теоретической части нашего разсужденія, мы ограничиваемся изложеніемъ только перваго метода Ганзена съ нѣкоторыми измѣненіями, по нашему мнѣнію, дѣлающими этотъ методъ и проще, и короче.

§ 1.

Пусть x, y, z, будутъ координаты планеты возмущаемой, а x′, y′, z′ координаты планеты возмущающей, отнесенныя къ тремъ взаимно-перпендикулярнымъ осямъ, пересѣкающимся въ центрѣ солнца; если Δ взаимное розстояніе планетъ, то

$$\Delta^2 = (x - x')^2 + (y - y')^2 + (z - z')^2$$

Примемъ плоскость орбиты возмущающей планеты, соотвѣтствующую опредѣленной эпохѣ, за плоскость xy, линію пересѣченія орбитъ въ туже эпоху за ось x, и назовемъ: взаимную наклонность орбитъ чрезъ I; уголъ заключенный между радіусомъ векторомъ планеты возмущаемой и осью x, чрезъ U; уголъ, заключенный между радіусомъ векторомъ возмущающей планеты и тою же осью чрезъ U′; радіусы векторы возвущаемой и возмущающей планеты черезъ r, r′; тогда:

$$\begin{aligned} x &= r \cos U & x' &= r' \cos U' \\ y &= r \sin U \cos I & y' &= r' \sin U' \\ z &= r \sin U \sin I & z' &= 0 \end{aligned}$$

подставляя эти величины въ найденное разстояніе, приведенное къ виду:

$$\Delta^2 = \left\{x - x' + (y - y')\sqrt{-1}\right\}\left\{x - x' - (y - y')\sqrt{-1}\right\} + (z - z')^2$$

получимъ:

$$\Delta^2 = r'^2\Big[\cos U' + \sin U'\sqrt{-1} - \frac{r}{r'}\Big(\cos^2\frac{I}{2}\Big\{\cos U+\sin U\sqrt{-1}\Big\}$$
$$+\sin^2\frac{I}{2}\Big\{\cos U - \sin U\sqrt{-1}\Big)\Big\}\Big]\Big[\cos U'-\sin U'\sqrt{-1}$$
$$-\frac{r}{r'}\Big\{\cos^2\frac{I}{2}\Big(\cos U - \sin U\sqrt{-1}\Big) + \sin^2\frac{I}{2}\Big(\cos U$$
$$+\sin U\sqrt{-1}\Big)\Big\}\Big] + 4\frac{r^2}{r'^2}\sin^2\frac{I}{2}\cos^2\frac{I}{2}\sin^2 U$$

Пусть с будетъ основаніе неперовыхъ логариѳмовъ; положимъ:

$$c^{U\sqrt{-1}} = u \qquad\qquad c^{U'\sqrt{-1}} = u'$$

тогда

$$\left(\frac{\Delta}{r'}\right)^2 = \Big[1-\frac{r}{r'}\Big(\frac{u'}{u}\cos^2\frac{I}{2} + \frac{1}{uu'}\sin^2\frac{I}{2}\Big)\Big]\Big[1 - \frac{r}{r'}\Big(\frac{u'}{u}\cos^2\frac{I}{2}$$
$$+ uu'\sin^2\frac{I}{2}\Big)\Big] - \frac{r^2}{r'^2}\sin^2\frac{I}{2}\cos^2\frac{I}{2}\Big(u - \frac{1}{u}\Big)^2$$

Обозначая

$$1 - \frac{r}{r'}\Big(\frac{u}{u'}\cos^2\frac{I}{2} + \frac{1}{uu'}\sin^2\frac{I}{2}\Big) = F'$$
$$1 - \frac{r}{r'}\Big(\frac{u'}{u}\cos^2\frac{I}{2} + uu'\sin^2\frac{I}{2}\Big) = F$$

получимъ:

$$\frac{r'}{\Delta} = (FF')^{-\frac{1}{2}}\left\{1 - \frac{\frac{r^2}{r'^2}\sin^2\frac{I}{2}\cos^2\frac{I}{2}\Big(u - \frac{1}{u}\Big)^2}{FF'}\right\}^{-\frac{1}{2}}$$

разлагая по биному Ньютона, находимъ:

$$\frac{r'}{\Delta} = \sum \frac{\Pi(2n)}{2^{2n}\{\Pi(n)\}^2}\Big(\frac{r}{r'}\Big)^{2n}\cos^{2n}\frac{1}{2}I\sin^{2n}\frac{1}{2}I\Big(u - \frac{1}{u}\Big)^{2n}(FF')^{-\left(\frac{2n+1}{2}\right)}$$

гдѣ n можетъ принимать всѣ возможныя цѣлыя величины

отъ о до ∞, $\Pi(n)=1.\ 2.\ 3\ldots\ n$. Рядъ этотъ будетъ сходящійся, если $\frac{r}{r'}$ будетъ < 1, но онъ можетъ быть съ пользою только тогда употребленъ, когда отношеніе $\frac{r}{r'} < 1/_2$. Отсюда видно, что для полученія полнаго разложенія величины $\frac{r}{\Delta}$ нужно сперва разложить $(FF')^{-\frac{2n+1}{2}}$.—Займемся этимъ разложеніемъ.

§ 2.

Мы обозначили $F' = 1 - \frac{r}{r'}\left(\frac{u}{u'}\cos^2\frac{I}{2} + \frac{1}{uu'}\sin^2\frac{I}{2}\right)$

возвышая эту величину въ степень $-\frac{2n+1}{2}$ находимъ:

$$F'^{-\frac{2n+1}{2}} = 1 + \frac{\Pi(2n+2)\Pi(n)}{2^2\Pi(n+1)\Pi(2n)\Pi(1)}\frac{r}{r'}\left(\cos^2\frac{I}{2}\frac{u}{u'} + \sin^2\frac{I}{2}u^{-1}u'^{-1}\right) + \frac{\Pi(2n+4)\Pi(n)}{2^{2\cdot 2}\Pi(n+2)\Pi(2n)\Pi(2)}\left(\frac{r}{r'}\right)^2\left\{\frac{\Pi(2)}{\Pi(2)}\cos^4 1/_2 I u^2 u'^{-2}\right.$$
$$\left. + \frac{\Pi(2)}{\Pi(1)\Pi(1)}\cos^2 1/_2 I \sin^2 1/_2 I u^0 u'^{-2} + \frac{\Pi(2)}{\Pi(2)}\sin^4 1/_2 I u^{-2} u'^{-2}\right\}$$
$$+ \ldots\ldots$$

Общій членъ этого выраженія изобразится:

$$\frac{\Pi(2n+2f)\Pi(n)}{2^{2f}\Pi(n+f)\Pi(2n)\Pi(f)}\left(\frac{r}{r'}\right)^f\left[\frac{\Pi(f)}{\Pi(f)}\cos^{2f} 1/_2 I u^f u'^{-f}\right.$$
$$+ \frac{\Pi(f)}{\Pi(1)\Pi(f-1)}\cos^{2(f-1)} 1/_2 I \sin^2 1/_2 I u^{f-2} u'^{-f} + \ldots\ldots\ldots$$
$$\left. + \frac{\Pi(f)}{\Pi(g)\Pi(f-g)}\cos^{2(f-g)} 1/_2 I \sin^{2g} 1/_2 I u^{f-2g} u'^{-f} + \ldots\ldots\ldots\right]$$

по сему

$$F'^{-\left(\frac{2n+1}{2}\right)} =$$

$$\sum_{f=0}^{f=\infty}\sum_{g=0}^{g=f} \frac{\Pi(2n+2f)\Pi(f)\; u'^{f}\left(\frac{r}{r'}\right)^{f} \cos^{2(f-g)}\tfrac{1}{2}I \sin^{2g}\tfrac{1}{2}I\; u^{(f-2g)}}{2^{2f}\Pi(n+f)\,\Pi(2n)\,\Pi(f)\Pi(g)\Pi(f-g)}$$

Но F отличается отъ F′ только тѣмъ, что u перемѣнено на u^{-1}, u' на u'^{-1}, по сему въ разложеніи F′ перемѣняя u на u^{-1}, u' на u'^{-1}, получимъ разложеніе F

$$F^{-\left(\frac{2n+1}{2}\right)} =$$

$$\sum_{f=0}^{f=\infty}\sum_{g=0}^{g=f} \frac{\Pi(2n+2f)\Pi(f)\; u'^{f}\left(\frac{r}{r'}\right)^{f} \cos^{2(f-g)}\tfrac{1}{2}I \sin^{2g}\tfrac{1}{2}I\; u^{-(f-2g)}}{2^{2f}\Pi(n+f)\Pi(2n)\Pi(f)\Pi(g)\,\Pi(f-g)}.$$

Умножимъ величины F и F′ одну на другую и соберемъ члены заключающія $\left(\frac{r}{r'}\right)^{m}$. Очевидно, что эти члены получатся, если какой нибудь членъ перваго ряда, заключающій $\left(\frac{r}{r'}\right)^{f}$, помножимъ на членъ втораго ряда заключающій $\left(\frac{r}{r'}\right)^{m-f}$, гдѣ f можетъ принимать всѣ возможныя цѣлыя величины отъ o до m. Но членъ перваго ряда, заключающій $\left(\frac{r}{r'}\right)^{f}$, есть:

$$(A)\quad \frac{\Pi(2n+2f)\,\Pi(n)}{2^{2f}\Pi(n+f)\Pi(2n)\Pi(f)}\left(\frac{r}{r'}\right)^{f} u'^{-f}\left[\frac{\Pi(f)}{\Pi(o)\Pi(f)}\cos^{2f}\tfrac{1}{2}I\,u^{f}+ \frac{\Pi(f)}{\Pi(1)\Pi(f-1)}\cos^{2(f-1)}\tfrac{1}{2}I\sin^{2}\tfrac{1}{2}I\;u^{f-2}\ldots\ldots\ldots + \frac{\Pi(f)}{\Pi(g)\Pi(f-g)}\cos^{2(f-g)}\tfrac{1}{2}I\sin^{2g}\tfrac{1}{2}I\;u^{f-2g}\ldots\ldots\ldots\right]$$

Членъ же 2-го ряда со степенью $m-f$ изображается

$$(B)\quad \frac{\Pi(2n+2m-2f)\Pi(n)}{2^{2(m-f)}\Pi(n+m-f)\Pi(2n)\Pi(m-f)}\left(\frac{r}{r'}\right)^{m-f} u'^{m-f}\Big[\frac{\Pi(m-f)}{\Pi(o)\Pi(m-f)}\cos^{2(m-f)}\tfrac{1}{2}I\, u^{-(m-f)}$$

$$+\frac{\Pi(m-f)}{\Pi(1)\Pi(m-f-1)}\cos^{2(m-f-1)}\tfrac{1}{2}I\sin^{2}\tfrac{1}{2}I\, u^{-(m-f-1)}\ldots$$

$$+\frac{\Pi(m-f)}{\Pi(k)\Pi(m-f-k)}\cos^{2(m-f-k)}\tfrac{1}{2}I\sin^{2k}\tfrac{1}{2}I\, u^{-(m-2f-2k)}\ldots\Big]$$

по сему, произведеніе ихъ будетъ состоять изъ ряда членовъ умножающихся на $\cos^{2(m-l)}\tfrac{1}{2}I\sin^{2l}\tfrac{1}{2}I$, гдѣ l можетъ принимать всѣ цѣлыя значенія отъ о до m; чтобы получить всѣ эти члены, надобно взять какой нибудь членъ $g+1$ ряда (A) и умножить на $l-g+1$ членъ ряда (B), гдѣ g когда, $l < f$, можетъ принимать всѣ возможныя значенія отъ о до l, если же $l>f$, всѣ возможныя значенія отъ о до f, въ слѣдствіе сего коефиціентъ при $\cos^{2(m-l)}\tfrac{1}{2}I\sin^{2l}\tfrac{1}{2}I\left(\frac{r}{r'}\right)^{m}$ изобразится:

$$\Sigma N(f-g,\ g)\, u'^{m-2f}\, u^{-(m-2l-2f+4g)}$$

гдѣ $N(f-g.\ g) =$

$$\frac{\Pi(2n+2f)\Pi(n)^2\Pi(2n+2m-2f)}{2^{2m}\Pi(n+f)\Pi(n+m-f)\Pi(2n)^2\Pi(g)\Pi(f-g)\Pi(l-g)\Pi(m-f-l+g)}$$

здѣсь f нужно дать всѣ возможныя значенія отъ о до m, а для g всѣ возможныя значенія отъ о до l. Обозначая

$$\Sigma N(f-g,\ g)\, u'^{m-2f}u^{-(m-2l-2f+4g)} = M(m-l,\ l)$$

будетъ $(FF')^{\frac{-2n+1}{2}} = \Sigma M(m-l,\ l)\left(\frac{r}{r'}\right)^{m}\cos^{2(m-l)}\tfrac{1}{2}I\sin^{2l}\tfrac{1}{2}I$

гдѣ для m нужно назначать всѣ цѣлыя числа отъ о до ∞, а l всѣ возможныя цѣлыя числа отъ о до m.

§ 3.

Въ разложеніи $\frac{r}{\varDelta}$ величина $(FF')^{\frac{-2n+1}{2}}$ умножается на

$$\frac{\Pi(2n)}{2^{2n}\Pi(n)^2}\left(\frac{r}{r'}\right)^{2n}\cos^{2n}\tfrac{1}{2}I\,\sin^{2n}\tfrac{1}{2}I\left(u-\frac{1}{u}\right)^{2n}$$

по сему, чтобы послѣ умноженія, вышли члены заключающіе множитель

$$\left(\frac{r}{r'}\right)^{m}\cos^{2(m-l)}\tfrac{1}{2}I\,\sin^{2l}\tfrac{1}{2}I$$

надобно въ разложеніи $(FF')^{\frac{-2n+1}{2}}$ взять членъ заключающій множитель

$$\left(\frac{r}{r'}\right)^{m-2n}\cos^{2(m-l-n)}\tfrac{1}{2}I\,\sin^{2(l-n)}\tfrac{1}{2}I;$$

но коефиціентъ этого члена есть:

$$M(m-n-l,\ l-n)=$$

$$\Sigma\frac{\Pi(2n+2f)\Pi(n)^2\Pi(2m-2n-2f)\,u'^{\,m-2n-2f}\,u^{-(m-2l-2f+4g)}}{2^{2m-4n}\Pi(n+f)\Pi(m-n-f)\Pi(2n)^2\Pi(g)\Pi(f-g)\Pi(l-n-g)\Pi(m-f-l+g-n)}$$

по сему члены заключающія множителемъ $\left(\frac{r}{r'}\right)^{m}\cos^{2(m-l)}\sin^{2l}\tfrac{1}{2}I$ въ разложеніи $\frac{r}{\varDelta}$ будутъ:

$$\Sigma\frac{\Pi(2n+2f)\Pi(2m-2n-2f)u'^{\,m-2n-f}\,u^{-(m-2l-2f+4g)}\left\{u-\frac{1}{u}\right\}^{2n}}{2^{2m-2n}\Pi(n+f)\Pi(m-n-f)\Pi(2n)\Pi(g)\Pi(f-g)\Pi(l-n-g)\Pi(m-l-n-f+g)}$$

гдѣ знакъ Σ относится только къ величинамъ f и g. Разложимъ $\left(u-\frac{1}{u}\right)$

$$\left(u-\frac{1}{u}\right)^{2n}=u^{2n}+\frac{\Pi(2n)}{\Pi(2)\Pi(2n-2)}u^{2n-4}+\frac{\Pi(2n)}{\Pi(4)\Pi(2n-4)}u^{2n-8}\,\ldots\ldots+u^{-2n}$$

$$-\left[\frac{\Pi(2n)}{\Pi(1)\Pi(2n-1)}u^{2n-2}+\frac{\Pi(2n)}{\Pi(3)\Pi(2n-3)}u^{2n-6}\,\ldots\ldots\ldots\ldots\right.$$

$$\left.+\frac{\Pi(2n)}{\Pi(2n-1)\Pi(1)}u^{-(2n-2)}\right] \qquad (C)$$

и произведемъ умноженіе, собирая члены съ одинаковыми показателями u. Очевидно, что измѣняя въ первомъ множителѣ f на $(f-n)$, а g на g, $g-1$, $g-2$, ... $g-n$ получимъ члены:

$$\frac{\Pi(2f)\Pi(2m-2f)\,u'^{\,m-2f}\,u^{-(m-l-2f+2n+4g)}}{2^{2m-2n}\Pi(f)\Pi(m-f)\Pi(2n)\Pi(g)\Pi(f-n-g)\Pi(l-n-g)\Pi(m-l-f+g)}$$

$$\frac{\Pi(2f)\Pi(2m-2f)\,u'^{\,m-2f}\,u^{-(m-2l-2f+2n+4g-4)}}{2^{2m-2n}\Pi(f)\Pi(m-f)\Pi(2n)\Pi(g-1)\Pi(f-n-g+1)\Pi(l-n-g+1)\Pi(m-l-f+g-1)}$$

....

$$+\frac{\Pi(2f)\Pi(2m-2f)\,u'^{\,m-2f}\,u^{-(m-2l-2f+4g-2n)}}{2^{2m-2n}\Pi(f)\Pi(m-f)\Pi(2n)\Pi(g-n)\Pi(f-g)\Pi(l-g)\Pi(m-l-f+g-n)}$$

которые будучи умноженные на положительные члены ряда (С) дадутъ члены умножающіеся на $u'^{\,m-2f}\,u^{-(m-2l-2f+4g)}$; обозначая коефиціентъ при $u'^{\,m-2f}\,u^{-(m-2l-2f+4g)}$ черезъ $G(f-g,\,g)$, очевидно будемъ имѣть:

$G(f-g,\ g) =$

$$\sum \frac{\Pi(2f)\Pi(2m-2f)}{2^{2m-2n}\Pi(f)\Pi(m-f)\Pi(2n)\Pi(g)\Pi(f-n-g)\Pi(l-n-g)\Pi(m-l-f+g)}$$

$$+\frac{\Pi(2f)\Pi(2m-2f)}{2^{2m-2n}\Pi(f)\Pi(m-f)\Pi(g-1)\Pi(f-n-g+1)\Pi(l-n-g+1)\Pi(m-l-f+g-1)\Pi(4)\Pi(2n-4)}$$

$$+\frac{\Pi(2f)\Pi(2m-2f)}{2^{2m-2n}\Pi(f)\Pi(m-f)\Pi(g-2)\Pi(f-n-g+2)\Pi(l-n-g+2)\Pi(m-l-f+g-2)\Pi(8)\Pi(2n-8)}$$

$$+\ \cdots\cdots\cdots\cdots\cdots\cdots\cdots\cdots\cdots\cdots$$

$$+\frac{\Pi(2f)\Pi(2m-2f)}{2^{2m-2n}\Pi(f)\Pi(m-f)\Pi(g-n)\Pi(f-g)\Pi(l-g)\Pi(m-l-f+g-n)\Pi(2n)}$$

гдѣ знакъ Σ относится только къ величинѣ n и долженъ быть распространенъ па всѣ тѣ величины n, которыя даютъ величины коефиціентовъ отличные отъ нуля.

Подобнымъ образомъ, перемѣняя въ первомъ множителѣ f на $f-(n-1)$; а g на g, $g-1$, $g-2$ ..... $g-(n-1)$ и полученные члены умноживъ на отрицательные члены ряда (C), получимъ члены вида $u^{l(m-2f-2)}u^{-(n-2f-2l+4g)}$; обозначая коефиціентъ при нихъ черезъ $H(f-g,\ g)$, получимъ:

$H(f-g,\ g) =$

$$\sum \frac{\Pi(2f+2)\Pi(2m-2f-2)}{2^{2m-2n}\Pi(f+1)\Pi(m-f-1)\Pi(g)\Pi(f-n-g+1)\Pi(l-n-g)\Pi(m-l-f+g-1)\Pi(1)\Pi(2n-1)}$$

$$+\frac{\Pi(2f+2)\Pi(2m-2f-2)}{2^{2m-2n}\Pi(f+1)\Pi(m-f-1)\Pi(g-1)\Pi(f-n-g+2)\Pi(l-n-g+1)\Pi(m-l-f+g-2)\Pi(3)\Pi(2n-3)}$$

$$+\ \cdots\cdots\cdots\cdots\cdots\cdots\cdots\cdots\cdots\cdots$$

$$+\frac{\Pi(2f+2)\Pi(2m-2f-2)}{2^{2m-2n}\Pi(f+1)\Pi(m-f-1)\Pi(g-n+1)\Pi(f-g)\Pi(l-g-1)\Pi(m-l-f+g-n)\Pi(1)\Pi(2n-1)}$$

гдѣ знакъ Σ, подобно предъидущему, относится ко всѣмъ величинамъ n, которыя даютъ величины коефиціентовъ отличныя отъ нуля. Въ слѣдствіе сего коефиціентъ при $\left(\frac{r}{r'}\right)^m \cos^{2(m-l)} \frac{1}{2}I \sin^{2l} \frac{1}{2} I$ въ разложеніи $\frac{r}{\Delta}$ будетъ:

$$E(m-l,\ l) = \Sigma G(f-g,\ g)\ u'^{m-2f} u^{-(m-2l-2f+4g)}$$

$$-\ \Sigma H(f-g, g)\ u'^{m-2f-2} u^{-(m-2l-2f+4g)}$$

гдѣ знакъ Σ распространяется на всѣ цѣлыя значенія f отъ о до m, и на всѣ величины g отъ нуля до l, если $l < f$, и на всѣ величины g отъ о до f, если $l > f$; величина же $\frac{r}{\Delta}$ изобразится:

$$\frac{r}{\Delta} = \Sigma E\ m-l,\ l)\left(\frac{r}{r'}\right)^m \cos^{2(m-l)} \frac{1}{2} I \sin^{2l} \frac{1}{2} I$$

гдѣ знакъ Σ распространяется на всѣ величины m отъ о до ∞ и на всѣ виличины l отъ о до m.

§ 4.

Величины G и H, опредѣляющія коефиціентъ при $\left(\frac{r}{r'}\right)^m \cos^{2(m-l)} \frac{1}{2} I \sin^{2l} \frac{1}{2} I$ въ разложеніи $\frac{r}{\Delta}$, довольно сложны; Посмотримъ нельзя ли ихъ преобразовать и представить въ удобномъ для вычисленія видѣ. Для сего въ выраженіи ихъ отдѣлимъ часть независимую отъ n, отъ части содержащей n, тогда получимъ:

$G(f-g,\ g) =$

$$\frac{\Pi(2f)\Pi(2m-2f)}{2^{2m}\Pi(f)\Pi(m-f)\Pi(g)\Pi(f-g)\Pi(l-g)\Pi(m-l-f+g)}$$

$$\times \sum \left\{ \frac{2^{2n}\Pi(f-g)\Pi(l-g)}{\Pi(f-g-n)\Pi(l-g-n)\Pi(2n)} \right.$$

$$+ \frac{2^{2n}\Pi(g)\Pi(f-g)\Pi(l-g)\Pi(m-l-f+g)}{\Pi(f-g-n+1)\Pi(l-g-n+1)\Pi(m-l-f+g-1)\Pi(g-1)\Pi(2)\Pi(2n-2)}$$

$$+ \frac{2^{2n}\Pi(g)\Pi(f-g)\Pi(l-g)\Pi(m-l-f+g)}{\Pi(f-n-g+2)\Pi(g-2)\Pi(l-n-g+2)\Pi(m-l-f+g-2)\Pi(4)\Pi(2n-4)}$$

$$+ \cdots\cdots\cdots\cdots$$

$$\left. + \frac{2^{2n}\Pi(g)\Pi(m-l-f+g)}{\Pi(g-n)\Pi(m-l-f+g-n)\Pi(2n)} \right\}$$

$H(f-g,\ g) =$

$$\frac{\Pi(2f+2)\Pi(2m-2f-2)}{2^{2m}\Pi(f+1)\Pi(m-f-1)\Pi(m-l-f+g)\Pi(l-g-1)\Pi(f-g)\Pi(g+1)}$$

$$\times \sum \left\{ \frac{2^{2n}\Pi(m-l-f+g)\Pi(l-g-1)\Pi(f-g)\Pi(g+1)}{\Pi(f-g-n+1)\Pi(l-n-g)\Pi(m-l-f+g-1)\Pi(g)\Pi(1)\Pi(2n-1)} \right.$$

$$+ \frac{2^{2n}\Pi(m-l-f+g)\Pi(l-g-1)\Pi(f-g)\Pi(g+1)}{\Pi(g-1)\Pi(m-l-f+g-2)\Pi(f-g-n+2)\Pi(l-g-n+1)\Pi(3)\Pi(2n-3)}$$

$$+ \cdots\cdots\cdots\cdots$$

$$\left. + \frac{2^{2n}\Pi(m-l-f+g)\Pi(g+1)}{\Pi(g-n+1)\Pi(m-l-f+g-n)\Pi(1)\Pi(2n-1)} \right\}$$

Суммированіе должно быть прозведено относительно n, на основаніи сказаннаго въ предъидущемъ параграфѣ, а именно:

если $f < l$

въ первомъ членѣ отъ $n=o$ до $n=f-g$
во второмъ » отъ $n=1$ до $n=f-g+1$
въ третьемъ » отъ $n=2$ до $n=f-g+2$
и т. д.

если же $f>l$ суммированіе должно быть произведено:
въ первомъ членѣ отъ $n=o$ до $n=l-g$
во второмъ » отъ $n=1$ до $n=l-g+1$
и т. д.

Производя это суммированіе, и обозначая:

$$\frac{\Pi(2f)\Pi(2m-2f)}{2^{2m}\Pi(f)\Pi(m-f)\Pi(g)\Pi(f-g)\Pi(l-g)\Pi(m-l-f+g)}=K$$

$$\Sigma\left\{\frac{2^{2n}\Pi(f-g)\Pi(l-g)}{\Pi(f-g-n)\Pi(l-g-n)\Pi(2n)}\right.$$

$$+\frac{2^{n}\Pi(g)\Pi(f-g)\Pi(l-g)\Pi(m-l-f+g)}{\Pi(f-g-n+1)\Pi(l-g-n+1)\Pi(m-l-f+g-1)\Pi(g-1)\Pi(2)\Pi(2n-2)}$$

$$+\ldots\ldots\ldots\ldots$$

$$\left.+\frac{2^{n}\Pi(g)\Pi(m-l-f+g)}{\Pi(g-n)\Pi(m-l-f+g-n)\Pi(2n)}\right\}=T$$

$$\frac{\Pi(2f+2)\Pi(2m-2f-2)}{2^{2m}\Pi(f+1)\Pi(m-f-1)\Pi(m-l-f+g)\Pi(l-g-1)\Pi(f-g)\Pi(g+1)}=K'$$

$$\Sigma\left\{\frac{2^{2n}\Pi(m-l-f+g)\Pi(l-g-1)\Pi(f-g)\Pi(g+1)}{\Pi(f-g+1-n)\Pi(l-n-g)\Pi(m-l-f+g-1)\Pi(g)\Pi(1)\Pi(2n-1)}\right.$$

$$+\frac{2^{2n}\Pi(m-l-f+g)\Pi(l-g-1)\Pi(f-g)\Pi(g+1)}{\Pi(g-1)\Pi(m-l-f+g-2)\Pi(f-g-n+2)\Pi(l-g-n+1)\Pi(3)\Pi(2n-3)}$$

$$+\ldots\ldots\ldots\ldots$$

$$\left.+\frac{2^{2n}\Pi(m-l-f+g)\Pi(g+1)}{\Pi(g-n+1)\Pi(m-l-f+g-n)\Pi(1)\Pi(2n-1)}\right\}$$

найдемъ:

$$T = 1+\frac{2^2(f-g)(l-g)}{1.2}+\frac{2^4(f-g)(f-g-1)(l-g)(l-g-1)}{1.2.3.4}$$

$$+\frac{2^6(f-g)(f-g-1)(f-g-2)(l-g)(l-g-1)(l-g-2)}{1.2.3.4.5.6}+$$

$$\cdots\cdots\cdots\cdots\cdots\cdots$$

$$+\frac{2^2g(m-l-f+g)}{2}+\frac{2^4g(m-l-f+g)(l-g)(f-g)}{1.2.\;\;1.2}$$

$$+\frac{2^6g(m-l-f+g)(l-g)(f-g)(l-g-1)(f-g-1)}{1.2\;\;\;\;1.2.3.4}+$$

$$\cdots\cdots\cdots\cdots\cdots\cdots$$

$$+\frac{2^4g(g-1)(m-l-f+g)(m-l-f+g-1)}{1.2.3.4}$$

$$+\frac{2^6g(g-1)(m-l-f+g)(m-l-f+g-1)(f-g)(l-g)}{1.2.3.4\;\;\;\;1.2}$$

$$+\frac{2^8g(g-1)(m-l-f+g)(m-l-f+g-1)(f-g)(f-g-1)(l-g)(l-g-1)}{1.2.3.4\;\;\;\;1.2.3.4}$$

$$T=\Big\{1+\frac{2g(m-l-f+g)}{1.\;\;1}+\frac{2^2(g)(g-1)(m-l-f+g)(m-l-f+g-1)}{1.2\;\;\;\;1.2}$$

$$+\frac{2^3g(g-1)(g-2)(m-l-f+g)(m-l-f+g-1)(m-l-f+g-2)}{1.3.5\;\;\;\;1.2.3}$$

$$+\cdots\cdots\cdots\cdots\cdots\cdots$$

$$\Big\{1+\frac{2(f-g)(l-g)}{1.\;\;1}+\frac{2^2(f-g)(f-g-1)(l-g)(l-g-1)}{1.3\;\;\;\;1.2}$$

$$+\frac{2^3(f-g)(f-g-1)(f-g-2)(l-g)(l-g-1)(l-g-2)}{1.3.5\;\;\;\;1.2.3}$$

$$+\cdots\cdots\cdots\cdots\cdots\cdots\Big\}$$

подобнымъ образомъ получимъ:

$$T' = 2^2(m-l-f+g)(g+1)\Big\{1 + \frac{2(m-l-f+g-1)g}{3.1}$$

$$+ \frac{2^2(m-l-f+g-1)(m-l-f+g-2)g(g-1)}{3.5 \qquad 1.2}$$

$$+ \frac{2^3(m-l-f+g-1)(m-l-f+g-2)(m-l-f+g-3)g(g-1)(g-2)}{3.5.7 \qquad 1.2.3}$$

$$+ \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots \Big\}$$

$$\Big\{1 + \frac{2(f-g)(l-g-1)}{3.1} + \frac{2^2(f-g)(f-g-1)(l-g-1)(l-g-2)}{3.5 \qquad 1.2}$$

$$+ \frac{2^3(f-g)(f-g-1)(f-g-2)(l-g-1)(l-g-2)(l-g-3)}{3.5.7 \qquad 1.2.3}$$

$$+ \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots \Big\}$$

Множители, изъ которыхъ состоятъ величины T и T', суть гипергеометрическіе ряды, которыхъ четвертый элементъ равенъ 1; сравнивая ихъ съ общимъ видомъ находимъ: *)

для 1-го множителя количества T, который обозначимъ черезъ V

$$\alpha = -(m-l-f+g), \quad \beta = -g, \quad \gamma = 1/2, \quad x = 1$$

для 2-го множителя количества T, который обозначимъ черезъ W

$$\alpha = -(l-g), \quad \beta = -(f-g), \quad \gamma = 1/2, \quad x = 1$$

для 1-го множителя количества T', который обозначимъ черезъ V'

$$\alpha = -(m-l-f+g-1), \quad \beta = -g, \quad \gamma = 3/2, \quad x = 1$$

для 2-го множителя количества T', который обозначимъ черезъ W'

$$\alpha = -(l-g-1), \quad \beta = -(f-g), \quad \gamma = 3/2, \quad x = 1$$

---

*) Comentationes societatis Regiae Scientiarum Goettingensis vol II. 1813. § 24.

суммируя ихъ на основаніи формулы Гаусса *), получимъ:

$$V = \frac{(-\frac{1}{2})\Pi(m - l - f + 2g - \frac{1}{2})}{\Pi(m - l - f + g - \frac{1}{2})\Pi(g - \frac{1}{2})}$$

$$W = \frac{\Pi(-\frac{1}{2})\Pi(l - g + f - g - \frac{1}{2})}{\Pi(l - g - \frac{1}{2})\Pi(f - g - \frac{1}{2})}$$

$$V' = \frac{\Pi(\frac{1}{2})\Pi(m - l - f + g + g - \frac{1}{2})}{\Pi(m - l - f + g - \frac{1}{2})\Pi(g + \frac{1}{2})}$$

$$W' = \frac{\Pi(\frac{1}{2})\Pi(l - g + f - g - \frac{1}{2})}{\Pi(l - g - \frac{1}{2})\Pi(f - g + \frac{1}{2})}$$

эти выраженія на основаніи формулы:

$$\Pi(z - \tfrac{1}{2}) = \pi^{\frac{1}{2}} 2^{-2z} \frac{\Pi(2z)}{\Pi(2)} \text{..........} \; ^{**})$$

преобразуются въ:

$$V = \frac{\Pi(2m - 2l - 2f + 4g)\Pi(m - l - f + g)\Pi(g)}{\Pi(m - l - f + 2g)\Pi(2m - 2l - 2f + 2g)\Pi(2g)}$$

$$W = \frac{\Pi(2l + 2f - 4g)\Pi(l - g)\Pi(f - g)}{\Pi(l + f - 2g)\Pi(2l - 2g)\Pi(2f - 2g)}$$

$$V' = 2\frac{\Pi(2m - 2l - 2f + 4g)\Pi(m - l - f + g)\Pi(g + 1)}{\Pi(m - l - f + 2g)\Pi(2m - 2l - 2f + 2g)\Pi(2g + 2)}$$

$$W' = 2\frac{\Pi(2l + 2f - 4g)\Pi(l - g)\Pi(f - g + 1)}{\Pi(l - 2g + f)\Pi(2l - 2g)\Pi(2f - 2g + 2)}$$

*) Comentationes societatis Regiae Scientiarum Goettingensis vol II. 1813.

**) Также § 29.

Если обозначимъ:

$$\frac{(2z+1)(2z+3)(2z+5)\ \ldots\ \{2(z+z')-1\}}{1.3.5\ \ldots\ (2z'-1)}=\pi(z,\ z')$$

$$\frac{1.3.5\ldots\ \ldots\ [2\,(z+z')-1]}{2.4.6\ldots\ 2z.\ 2.4.6\ \ldots\ 2z'}=\varrho(z.\ z')$$

то

$$V=\pi(m-l-f+g,\ g)\,;\ \ V'=\frac{\pi(m-l-f+g,\ g)}{2g+1}$$

$$W=\pi(l-g,\ f-g)\,;\ \ W'=\frac{\pi(l-g,\ f-g)}{2f-2g+1}$$

$$K=\varrho(f-g,\ g).\ \varrho(m-l-f+g,\ l-g)$$

$$K'=\varrho(f-g,\ g+1)\varrho(m-l-f+g,\ l-g-1)$$

и

$$E(m-l,\,l)=$$

$$+\Sigma\varrho(m-l-f-g,l-g)\varrho(f-g.g)\pi(l-g,f-g)\pi(m-l-f+g,g)\ \frac{u'^{m-2f}}{u^{-(m-2f-2l+4g)}}$$

$$-\Sigma\frac{4(m-l-f+g)(g+1)}{(2g+1)(2f-2g+1)}\varrho(m-l-f+g,l-g-1)\varrho(f-g,g+1)\pi(l-g,f-g)\pi(m-l-f+g,g)\frac{u'^{m-2f}}{u^{2(m-2l-2f+}}$$

гдѣ суммированіе относительно f и g должно быть произведено:

въ 1-мъ членѣ отъ $f=o$ до $f=m$ отъ $g=o$ до $g=l$
во 2-мъ » отъ $f=o$ до $f=m-2$ отъ $g=o$ до $g=l-1$

§ 5.

Въ предъидущихъ параграфахъ мы нашли разложеніе $\frac{r}{\Delta}$ подъ видомъ:

$$\frac{r}{\Delta}=\sum_{m=o}^{m=\infty}\left\{\sum_{l=o}^{l=m}E(m-l,\ l)\left(\frac{r}{r'}\right)^{m}\cos^{2(m-l)}\tfrac{1}{2}I\,\sin^{2l}\tfrac{1}{2}I\right\}$$

если теперь обозначимъ

$$\frac{r}{\Delta}=\sum_{m=o}^{m=\infty}\left(\frac{r}{r'}\right)^{m}D_n,$$

то очевидно

$$D_m=\Sigma E(m-l,\ l)\cos^{2(m-l)}\tfrac{1}{2}I\,\sin^{2l}\tfrac{1}{2}I$$

гдѣ суммированіе должно быть произведено только относительно l, подставляя въ выраженіе это вмѣсто $E(m-l,\ l)$ его величину, находимъ:

$$D_m=\cos^{2m}\tfrac{1}{2}I\,\Sigma\,tg^{2l}\tfrac{1}{2}I\Big[\varrho(m\text{-}l\text{-}f+g,l\text{-}g)\varrho(f\text{-}g,g)\pi(l\text{-}g,f\text{-}g)\pi(m\text{-}l\text{-}f+g,g)\frac{u'^{m-2f}}{u^{-(m-2f-2l+4g)}}$$

$$-\frac{(4(m\text{-}l\text{-}f+g)(g+1)}{(2g+1)(2f\text{-}2g+1)}\varrho(m\text{-}l\text{-}f+g,l\text{-}g\text{-}1)\varrho(f\text{-}g,g+1)\pi(l\text{-}g,f\text{-}g)\pi(m\text{-}l\text{-}f+g,g)\frac{u'^{m-2f-2}}{u^{-(m-2l-2f+4g)}}$$

гдѣ знакъ суммы относится къ тремъ величинамъ l, f, g.

Назовемъ $l-2g=g'$ тогда:

$$D_m=\cos^{2m}\tfrac{1}{2}I\,\Sigma\,tg^{2g+g'}\tfrac{1}{2}I\,\varrho(m\text{-}f\text{-}g\text{-}g',g+g')\varrho(f\text{-}g,g)\pi(g+g',f\text{-}g)\pi(m\text{-}f\text{-}g\text{-}g',g)\frac{u'^{m-2f}}{u^{-(m-2f-2g')}}$$

$$-\frac{4(m\text{-}f\text{-}g\text{-}g')(g+1)}{(2g+1)(2f\text{-}2g+1)}\varrho(m\text{-}f\text{-}g\text{-}g',g+g'\text{-}1)\varrho(f\text{-}g,g+1)\pi(g+g',f\text{-}g)\pi(m\text{-}f\text{-}g\text{-}g'g)\frac{u'^{m-2f-2}}{u^{-(2m-2f-2g')}}$$

Измѣняя f и g', соберемъ члены съ одинаковыми показателями при u u'. Очевидно, если f въ первомъ членѣ, будетъ отличаться отъ f во второмъ членѣ на -1, g' же въ первомъ членѣ, отъ g' во второмъ членѣ на $+1$, показатели при u u' будутъ одинаковые; обозначая коефиціентъ при какой нибудь степени $u^{m-2f}\,u'^{-(m-2f-2g')}$ черезъ

$$C(m-2f,-(m-2f-2g'))$$

будетъ:

$$C(m-2f,-(m-2f-2g')=$$
$$\Sigma \cos^{2m} \tfrac{1}{2} I \, tg^{2g'} \tfrac{1}{2} I \left[P \, tg^{4g} \tfrac{1}{2} I - Q \, tg^{4g+2} \tfrac{1}{2} I\right]$$

гдѣ знакъ Σ относится только къ одной величинѣ g, и суммированіе должно быть произведено въ первомъ членѣ отъ $g=o$ до $g=f$, во второмъ членѣ отъ $g=o$ до $g=f-1$

$$P=\varrho(m \; f-g-g', g+g')\varrho(f-g,g)\pi(g+g', f-g)\pi(m-f-g-g', g)$$

$$Q=$$
$$\frac{4(m-f-g-g')(g+1)}{(2f-2g-1)(2g+1)}\varrho(m-f-g-g', g+g')\varrho(f-g-1, g+1)\pi(m-f-g-g', g)\pi(g'+g+1, f$$

въ слѣдствіе сего

$$D_m=\Sigma C(m-2f,-(m-2f-2g'))u^{m-2f} \; u'^{-(m-2f-2g')}$$

гдѣ суммированіе должно быть произведено отъ $f=o$ до $f=m$ и отъ $g'=-f$ до $g'=m-f$. Такъ какъ величина Δ дѣйствительна и симетрична относительно u и u', то необходимо должно быть:

$$C(m, m')=C(-m,-m')$$
$$C(m, m')=C(m', m)$$

въ слѣдствіе сего въ дѣйствительности суммированіе должно быть произведено, если m четное:

отъ $f=o$ до $f=\frac{m}{2}$ и отъ $g'=o$ до $g'=m-2f$

если же m нечетное

отъ $f=o$ до $f=\frac{m-1}{2}$ и отъ $g'=o$ до $g'=m-2f$,

чтобы получить всѣ члены различествующіе между собою. Величины P и Q не зависятъ отъ элементовъ планетъ;

посему онѣ могутъ быть разъ на всегда вычислены. Ганзенъ въ своемъ сочиненіи: Entwickelung der negativen und ungraden Potenzen etc далъ величину ихъ въ отдѣльной таблицѣ до $n=20$ включительно. Употребленіе этой таблицы для вычисленія C чрезвычайно просто, а именно: выписавъ на нижнемъ концѣ отдѣльной бумажки логариѳмы 1, $tg^2 \frac{1}{2} I$, $tg^4 \frac{1}{2} I$, $tg^6 \frac{1}{2} I$ (замѣтимъ, что члены заключающія tg въ степеняхъ некратныхъ должны быть взяты со знакомъ минусомъ), прикладываемъ ее къ логариѳмамъ P и Q помѣщеннымъ въ таблицѣ, взявъ сумму логариѳмовъ стоящихъ одинъ подъ другимъ находимъ числа имъ соотвѣтствующія изъ логариѳмическихъ таблицъ.

§ 6.

Выраженія D_m заключаютъ величины u, u′, которыя не даются непосредственно, посему надобно замѣнить ихъ другими. Для сего, назовемъ v истинную аномалію планеты, черезъ Π долготу ея перигелія, тогда:

$$U=v+\Pi \qquad U'=v'+\Pi'$$

въ слѣдствіе сего будетъ $u=c^{(v+\Pi)\sqrt{-1}}$ $u'=c^{(v'+\Pi')\sqrt{-1}}$
гдѣ c основаніе неперовыхъ логариѳмовъ, подставляя эти величины въ выраженіе:

$$D_m=\Sigma C(m-2f,-(m-2f-2g')u^{m-2f}u'^{-(m-2f-2g')}$$

и обозначая $c^{v\sqrt{-1}}=x$ $c^{v'\sqrt{-1}}=x'$

получимъ

$$D_m=\Sigma C(m\text{-}2f\text{-}(m\text{-}2f\text{-}2g)x^{m-2f}x'^{-(m-2f-2g')}\{\cos[(n\text{-}2f)\Pi\text{-}(n\text{-}2f\text{-}2g')\Pi']$$
$$+\sqrt{-1}\,\sin[(n-2f)\Pi-(n-2f-2g')\Pi']\}$$

назначимъ:

$$A(n,-n)=C(n,-n)\cos(n\Pi-n\Pi')$$
$$A(n,-(n-2))=C(n,-(n-2))\cos(n\Pi-(n-2)\Pi')$$
$$A(n,-(n-4))=C(n-(n-4)\cos(n\Pi-(n-4)\Pi')$$
$$A(n-2,-n)=C(n-2,-n)\cos[(n-2)\Pi-n\Pi']$$
$$A(n-2,-(n-2)=C(n-2,-(n-2))\cos[(n-2)\Pi-n\Pi']$$

.... etc.

$$B(n,-n)=C(n,-n)\sin(n\Pi-n\Pi')$$
$$B(n,-(n-2))=C(n,-(n-2))\sin(n\Pi-(n-2)\Pi')$$
$$B(n-(n-4))=C(n-(n-4))\sin(n\Pi-(n-4)\Pi')$$
$$B(n-2,-n)=C(n-2,-n)\sin[(n-2)\Pi-n\Pi']$$
$$B(n-2,-(n-2))=C(n-2-(n-2))\sin[(n-2)\Pi-(n-2)\Pi']$$

то

$$D_m=\Sigma(A(k,\ k')x^k\,x'^{-k}+\sqrt{-1}\ \Sigma B(k,\ k')x^k\,x'^{-k}$$

гдѣ суммированіе надобно начать отъ $k = n$ и продолжать до тѣхъ поръ пока оба показателя не перемѣнятъ знаковъ, потому что

$$A(-k-k') = A(k,\ k') \qquad B(-k-k') = -B(k,\ k')$$

Опредѣливъ различныя величины D_m, мы представимъ $\frac{a}{\Delta}$ подъ видомъ

$$\frac{a}{\Delta} = \Sigma D_m\left(\frac{r}{a}\right)^m\left(\frac{a'}{r'}\right)^{m+1}\left(\frac{a}{a'}\right)^{m+1}$$

и обозначая:

$$D_m 2m'.206265''\left(\frac{a}{a'}\right)^{m+1}=\Delta_m$$

$$2\,C[m\text{-}2f,(\text{-}m-2f\text{-}2g')]m'.\,206265''\left(\frac{a}{a'}\right)^{m+1}=\Gamma[m\text{-}2f,\text{-}(m\text{-}2f\text{-}2g')]$$

$$2m'206265''\left(\frac{a}{a'}\right)^{n+1}\cos^{2n}\tfrac{1}{2}I=\gamma_n$$

для вычисленія Δ_m служатъ слѣдущія формулы

$$\Gamma[m-2f,-(m-2f-2g')] = \gamma_n tg^{2g'} \tfrac{1}{2}I\, \Sigma(P tg^{4g} \tfrac{1}{2}I - Q tg^{4g+2} \tfrac{1}{2} I)$$

$$A(n,-n) = \Gamma(n,-n)\cos(n\Pi - n\Pi')$$

$$A(n,-(n-2) = \Gamma(n,-(n-2)\cos(n\Pi-(n'-2\Pi')$$

$$B(n,-n) = \Gamma(n,-n)\sin(n\Pi - n'\Pi')$$

$$B(n,-(n-2) = \Gamma(n,-(n-2)\sin(n\Pi-(n-2\Pi)')$$

и т. д.

$$\Delta_m = \Sigma[A(m-2f,-(m-2f-2g]x^{m-2f}x'^{-(m-2f-2g')}$$

$$+\sqrt{-1}\,\Sigma B(m-2f-(m-2f-2g)x^{m-2f}x'^{-(m-2f-2g')}$$

$$\frac{2am'}{\Delta} = \Sigma\Delta_m\left(\frac{r}{a}\right)^m\left(\frac{a'}{r'}\right)^{m+1}$$

§ 7.

Вичисленіе величинъ A и B, съ какою бы тщательностью мы его не производили, можетъ быть подвержено ошибкамъ, посему необходимо имѣть какое нибудь средство, посредствомъ котораго мы могли бы удостовѣриться въ вѣрности полученныхъ результатовъ. Самое лучшее для сего средство состоитъ въ нахожденіи другой формы для разложенія $\frac{a}{\Delta}$ и въ новомъ вычисленіи прежде полученныхъ результатовъ. Займемся выводомъ новой формы для разложенія $\frac{a}{\Delta}$.

Назовемъ:

$$\cos I \sin U = \cos B \sin L$$

$$\cos U = \cos B \operatorname{co} L$$

$$\sin I \sin U = \sin B$$

то

$$\left(\frac{\Delta}{r'}\right)^2 = 1+\frac{r^2}{r'^2} - 2\frac{r}{r'}\cos B\cos(v'+\Pi'-L) =$$

$$\left(1-\frac{r}{r'}g\gamma\right)\left(1-\frac{r}{r'}\frac{1}{g\gamma}\right)+\frac{r}{r'}\frac{h^2}{g\gamma}$$

гдѣ $\cos B = g$; $\sin B = h$; $2\cos(v' + \Pi' - L) = \gamma + \frac{1}{\gamma}$

разлагая по биному и обозначая $1 - \frac{r}{r'} g\gamma = G$ $1 - \frac{r}{r'}\frac{1}{g\gamma} = G'$,

получимъ:

$$\frac{r}{\Delta} = \sum_{u=0}^{u=\infty} (-1)^u \left(\frac{r}{r'}\right)^u \frac{h^{2u}}{(g\gamma)^u} \frac{\Pi(2u)}{2^{2u}(\Pi(u))^2} (GG')^{\frac{-2u+1}{2}}$$

Величины G, G' сходны съ величинами $F\ F'$ § 2, посему напишемъ на основаніи тамъ изложеннаго

$$G^{\frac{-2u+1}{2}} = \Sigma \left(\frac{r}{r'}\right)^m \frac{\Pi(2u+2m)\Pi(u)}{2^{2m}\Pi(u+m)\Pi(2u)\Pi(m)} (g\gamma)^m$$

$$G'^{\frac{-2u+1}{2}} = \Sigma \left(\frac{r}{r'}\right)^\mu \frac{\Pi(2u+2\mu)\Pi(u)}{2^{2\mu}\Pi(u+\mu)\Pi(2u)\Pi(\mu)} (g\gamma)^{-\mu}$$

умножая эти выраженія и собирая члены съ одинаковыми степенями $\left(\frac{r}{r'}\right)$, притомъ обозначая $(GG')^{\frac{-2u+1}{2}} = \Sigma H_n \left(\frac{r}{r'}\right)^n$ гдѣ $n = m + \mu$, находимъ на основаніи сказаннаго въ § 2,

$$H_n = \sum_{\mu=0}^{\mu=n} L(n, \mu) \gamma^{n-2\mu}$$

$$L(n,\mu) = \frac{\Pi(2n+2u-2\mu)\Pi(2u+2\mu)\Pi(u)^2\ g^{n-2\mu}}{2^{2n}\Pi(n+u-\mu)\Pi(u+\mu)\Pi(n-\mu)\Pi(\mu)\ [\Pi(2u)]^2}$$

Подставляя въ выраженіе на $\frac{r'}{\Delta}$ и собирая члены съ показателемъ $\left(\frac{r}{r'}\right)^n$, очевидно $\frac{r'}{\Delta}$ будетъ вида:

$$\frac{r'}{\Delta} = \sum_{n=0}^{u=\infty} M_n \left(\frac{r}{r'}\right)^n$$

гдѣ

$$M_n = \sum_{\mu=o}^{n=\infty} N(n, \mu)\gamma^{n-2\mu}$$

Для опредѣленія $N(n, \mu)$, сдѣлаемъ на самомъ дѣлѣ подстановку: то очевидно

$$M_n = \Sigma(-1)^u \frac{\Pi(2u)}{2^{2u}\Pi(u)^2} \frac{h^{2u}}{(g\gamma)^u} H_{n-u}$$

$$= \Sigma \sum_{\mu=o}^{\mu=n} (-1)^{-u} \frac{\Pi(2u)}{2^{2u}\Pi(u)^2} \frac{h^{2u}}{g^u} L(n-u, \mu-u)\gamma^{n-2\mu}$$

сравнивая это выраженіе съ предъидущимъ и подставляя на мѣсто $L(n-u, \mu-u)$ его величину, находимъ;

$$N(n, \mu) =$$

$$\sum_{u=o}^{u=\mu} (-1)^u g^{n-2\mu} \frac{\Pi(2n+2u-2\mu)\Pi(2u)h^{2u}}{2^{2u}\Pi(n+u-\mu)\Pi(\mu)\Pi(n-\mu)\Pi(\mu-u)\Pi(2u)}$$

$$= \sum_{u=o}^{u=\mu} (-1)^u R_u h^{2u} g^{n-2\mu}$$

но мы назначили:

$$\gamma = \cos(v'+\Pi'-L) + \sqrt{-1}\,\sin(v'+\Pi'-L)$$

$$2\cos v' = x' + \frac{1}{x'}$$

подставляя, получимъ:

$$M_n = \sum_{\mu=o}^{\mu=n} N(n,-\mu)\{\cos(v'+\Pi'-L) + \sqrt{-1}\,\sin(v'+\Pi'-L)\}^{n-2\mu}$$

$$= \sum_{\mu=o}^{\mu=n} N(n,-\mu)x'^{n-2\mu}\{\cos[(n-2\mu)(\Pi'-L)] + \sqrt{-1}\,\sin[(n-2\mu)(\Pi'-L)]\}$$

или обозначая

$$N(n,-\mu)\cos(n-2\mu)(\Pi'-L) = P(n,\mu)$$
$$N(n,-\mu)\sin(n-2\mu)(\Pi'-L) = Q(n,\mu)$$

находимъ :

$$M_n = \sum_{\mu=o}^{\mu=n} P(n.\mu)x'^{n-2\mu} + \sqrt{-1}\sum_{\mu=o}^{\mu=n} Q(n,\mu)\, x'^{(n-2\mu)}$$

Такъ какъ M_n должно быть дѣйствительное, то необходимо должно быть :

$$P(n,\ n-\mu) = P(n,\ \mu)$$
$$Q(n,\ n-\mu) = -Q(n,\ \mu)$$

въ слѣдствіе сего суммированіе относительно μ должно быть произведено отъ

$$\mu = o \quad \text{до } \mu = \tfrac{n}{2}, \text{ или } \mu = \tfrac{n-1}{2}$$

смотря потому будетъ ли n четное или нечетное.

Опредѣливъ разложеніе $\frac{a}{\varDelta}$ подъ другимъ видомъ, а именно

$$\frac{a}{\varDelta} = \sum_{n=o}^{n=\infty} M_n \left(\frac{a'}{r'}\right)^{n+1} \left(\frac{r}{a}\right)^n \left(\frac{a}{a'}\right)^{n+1}$$

легко употребить его, для повѣрки вычисленія. Для сего возмемъ какое нибудь частное значеніе v, а именно v = o и вычислимъ G и L по формуламъ

$$\cos I \sin \Pi = g \sin L$$
$$\cos \Pi = g \cos L$$
$$\sin I \sin \Pi = h$$

Найдемъ :

$$\varepsilon_n = 2m'\left(\frac{a}{a'}\right)^{n+1} 206265''$$

$$N(n, \mu) = \varepsilon_n \, g^{n-2\mu} \, \Sigma(-1)^u B_n \, h^{2u}$$

$$P(n,\mu) = N(n,\mu)\cos[n-2\mu((L-\Pi')]$$

$$Q(n,m) = N(n.\mu)\sin[(n-2\mu)(L-\Pi')]$$

$$M_n = \Sigma P(n.\mu)x'^{\pm(n-2\mu)} + \sqrt{-1}\;\Sigma Q(n.\mu)x'^{-(n-2\mu)}$$

$$\frac{2m'a}{\Delta} = \Sigma M_n \left(\frac{r}{a}\right)^n \left(\frac{a'}{r'}\right)^{n+1}$$

Сравнивая величины M_n, найденныя по предъидущимъ формуламъ, съ величинами Δ_n § 6; мы должны получить согласіе результатовъ. Но величины M_n были вычислены въ предположеніи $v = o$, что соотвѣтствуетъ $x = 1$; по сему правило для сравненія величинъ M_n и Δ_n состоитъ въ слѣдующемъ; въ выраженіяхъ каждаго Δ_n, сумма всѣхъ A, которыхъ второй аргументъ одинъ и тотъ-же по величинѣ, должна быть равна $P(n,\mu)$; сумма же коефиціентовъ B, которыхъ второй аргументъ по величинѣ одинъ и тотъ же, должна быть равна коефиціенту Q, при этомъ надобно обращать вниманіе на уравненія

$$A(n,+n) = A(-n,-n) \quad B(n,+n) = -B(-n,-n)$$

которыя для $v = o$ обращаются

$$A(o,\ n) = A(+o,-n) \quad B(o,n) + - B(o,-n)$$

На основаніи изложеннаго правила могутъ быть повѣрены всѣ коефиціенты за исключеніемъ коефиціентовъ B(2. o), B(4.o).... но число ихъ довольно незначительное, можно слѣдовательно ихъ перечислить два раза. Въ моемъ вычисленіи

пертурбаціи Юноны происходящей отъ дѣйствія на нее планеты Сатурна, я употребилъ эту повѣрку, и вездѣ нашелъ полное согласіе результатовъ.

§ 8.

Выраженіе $\frac{a}{\Delta}$ заключаетъ различныя степени $\frac{a'}{r'}$ умноженныя на различныя степени x', при томъ степень x' всегда меньше по крайней мѣрѣ единицею степени $\frac{a'}{r'}$, не обращая вниманіе на знакъ. Величины эти Ганзенъ перемѣняетъ въ другіе, въ которыхъ вмѣсто мнимой величины, соотвѣтствующей истинной аномаліи, входитъ величина мнимая соотвѣтствующая средней аномаліи. Для сего Ганзенъ въ своемъ сочиненіи: Entwickelung des Products einer Potenz des Radius vectors etc предложилъ различные способы, я здѣсь изложу только тотъ, который я употреблялъ въ моемъ вычисленіи.

Пусть μ будетъ средняя аномалія $c^{\mu\sqrt{-1}} = z$, то произведеніе

$$\left(\frac{r}{a}\right)^n x^m$$

можно всегда представить подъ видомъ:

$$\left(\frac{r}{r}\right)_n^n x^m = X_0^{n.m} + X_1^{n.m} z + X_2^{n.m} z^2 + X_3^{n.m} z^3 + \dots\dots\dots\dots X_i^{n.m} z^i$$
$$+ X_{-1}^{n.m} z^{-1} + X_{-2}^{n.m} z^{-2} + \dots\dots\dots\dots + X_{-i}^{n.m} z^{-i}$$

Для опредѣленія коефиціентовъ помножимъ обѣ части на $z^q dz$ и будемъ интегрировать между предѣлами $c^{-\pi\sqrt{-1}}$ и $c^{\pi\sqrt{-1}}$ тогда получимъ:

$$\int\limits_{c^{-\pi\sqrt{-1}}}^{c^{\pi\sqrt{-1}}}\left(\frac{r}{a}\right)^n x^m z^q dz = \int\limits_{c^{-\pi\sqrt{-1}}}^{c^{+\pi\sqrt{-1}}} X_0^{n.m} z^q dz + \int\limits_{c^{-\pi\sqrt{-1}}}^{c^{\pi\sqrt{-1}}} X_1 z^{q+1} dz + \ldots\ldots\ldots\ldots$$

$$\int\limits_{c^{-\pi\sqrt{-1}}}^{c^{+\pi\sqrt{-1}}} X_i^{n.m} z^{q+i} dz$$

Очевидно если для q возьмемъ $-(i+1)$, всѣ члены второй части за исключеніемъ $\int X_i^{n.m} z^{q+i}dz$ обратятся въ нуль, въ слѣдствіе сего получимъ:

$$\int\limits_{c^{-\pi\sqrt{-1}}}^{c^{\pi\sqrt{-1}}}\left(\frac{r}{a}\right)^n x^m z^{-i-1}dz = \int\limits_{c^{-\pi\sqrt{-1}}}^{c^{+\pi\sqrt{-1}}} X_i^{n.m} \frac{dz}{z} = 2\pi\sqrt{-1}\, X_i^{n.m}$$

откуда находимъ

$$X_i^{n.m} = \frac{1}{2\pi\sqrt{-1}} \int\limits_{c^{-\pi\sqrt{-1}}}^{c^{+\pi\sqrt{-1}}}\left(\frac{r}{a}\right)^n x^m z^{-i-1}dz \qquad \text{(I)}$$

но если ε назовемъ экцентрическую аномалію и $c^{\varepsilon\sqrt{-1}} = y$, то связь между r, x, z, y выражается слѣдующими уравненіями*)

$$\frac{r}{a} = 1 - e\cos\varepsilon = \cos^2 {}^1\!/\!_2\varphi(1-\beta y)(1-\beta y^{-1}) \quad \text{гдѣ } \beta = \operatorname{tg} {}^1\!/\!_2\varphi$$

$\operatorname{tg} {}^1\!/\!_2 v = \sqrt{\frac{1+e}{1-e}}\operatorname{tg} {}^1\!/\!_2\varepsilon$, или выражая въ мнимыхъ величинахъ

$$x = \frac{y(1-\beta y^{-1})}{1-\beta y}$$

$$\mu = \varepsilon - e\sin\varepsilon; \qquad z = y c^{-\frac{e}{2}(y-y^{-1})}$$

*) Gauss Theoria motuus corporum ceelestium § 8.

дифференцируя это послѣднее уравненіе, находимъ:

$$\frac{dz}{z} = \cos^2 {}^1\!/_2\,\varphi\ \frac{dy}{y}(1-\beta y)(1-\beta y^{-1})\ \text{гдѣ}\ \sin\varphi = e$$

подставляя найденныя величины въ уравненіе (I) получимъ

$$X_i^{n.m} = \frac{\cos^{2(n+1)} {}^1\!/_2\varphi}{2\pi\sqrt{-1}} \int_{c^{-\pi\sqrt{-1}}}^{c^{\pi\sqrt{-1}}} y^{m-i-1}(1-\beta y)^{n-m+1}(1-\beta y^{-1})^{n+m+1}\, c^{i\cos^2 {}^1\!/_2\varphi\,\beta(y-y^{-1})}\, dy$$

обозначая $i\cos^2 {}^1\!/_2\varphi = \nu$ находимъ:

$$(1-\beta y)^{n-m+1} c^{\nu\beta y} = \Big[1 - \frac{(n-m+1)}{1}\beta y$$

$$\frac{(n-m+1)(n-m)}{1.2}\beta^2 y^2 + \frac{(n-m+1)(n-m)(n-m-1)}{1.2.3}\beta^3 y^3 + \ldots$$

....

$$+\frac{(n-m+1)(n-m)\ldots\ldots(n-m-p+2)}{1.2.3\ldots\ldots\ldots p}\beta^p y^p\Big]$$

$$\times\Big[1 + \nu\beta y + \frac{\nu^2}{1.2}\beta^2 y^2 + \ldots\ldots\ldots \frac{\nu^p}{1.2.3.p}\beta^p y^p\Big]$$

назовемъ

$$P_1^{n-m} = \frac{n-m+1}{1} - \nu$$

$$P_2^{n-m} = \frac{(n-m+1)(n-m)}{1.2} - \frac{(n-m+1)\nu}{1} + \frac{\nu^2}{1.2}$$

$$P_3^{n-m} = \frac{(n-m+1)(n-m)(n-m-1)}{1.2.3} - \frac{(n-m+1)(n-m)}{1.2}\nu$$

$$+\frac{(n-m+1)}{1}\frac{\nu^2}{1.2} - \frac{\nu^3}{1.2.3}$$

$$P_p^{n-m} = \frac{(n-m+1)(n-m)\ldots\ldots(n-m-p+2)}{1.2.3.p}$$

$$-\frac{(n-m+1)(n-m)\ldots\ldots(n-m-p+3)}{1.2.3\ldots\ldots(p-1)}\nu$$

$$+\frac{(n-m+1)(n-m)\ldots\ldots(n-m-p+4)}{1.2.3\ldots(p-2)}\frac{\nu^2}{1.2}$$

....

$$\pm\frac{(n-m+1)}{1}\frac{\nu^{p-1}}{1.2.3(p-1)}\mp\frac{\nu^p}{1.2.3.p}$$

то

$$(1-\beta y)^{n-m+1} c^{\nu\beta y} = \sum_{p=o}^{p=\infty}(-1)^p P_p^{n-m} \beta^p y^p.$$

Подобнымъ образомъ, обозначая:

$$Q_1^{n+m} = \frac{n+m+1}{1} + \nu$$

$$Q_2^{n+m} = \frac{(n+m+1)(n+m)}{1.2} + \frac{(n+m+1)}{1}\nu + \frac{\nu^2}{1.2}$$

....

$$Q_q^{n+m} = \frac{(n+m+1)(n+m)\ldots(n+m-q+2)}{1.2.2\ \ q}$$

$$+\frac{(n+m+1)(n+m)\ldots(n+m-q+3)}{1.2.3\ \ \ (q-1)}\frac{\nu}{1}$$

$$+\frac{(n+m+1)(n+m)\ldots(n+m-q+4)}{1.2.3\ldots(q-2)}\frac{\nu}{1.2}$$

$$+\frac{(n+m+1)}{1}\frac{\nu^{q-1}}{1.2.3\,(q-1)}+\frac{\nu^q}{1.2.3.\ q}$$

найдемъ

$$(1-\beta y)^{n+m+1} c^{-\nu\beta y^{-1}} = \sum_{q=o}^{q=\infty}(-1)^q Q_q^{m+n}\beta^q y^{-q}$$

подставляя, получимъ

$$X_i^{n.m} = \frac{\cos^{2(n+1)} \frac{1}{2}\varphi}{2\pi\sqrt{-1}} \Big\{ \sum_{p=0}^{p=\infty} (-1)^p \Big[P_p^{n-m} \beta^p + P_{p+1}^{n-m} \beta^{p+2} Q_1^{m+n}$$

$$+ P_{p+2}^{n-m} Q_2^{n+m} \beta^{p+4} + \ldots\ldots\ldots\ldots \Big] \int_{c^{-\pi\sqrt{-1}}}^{c^{+\pi\sqrt{-1}}} y^{m-i+p-1} dy$$

$$+ \sum_{q=1}^{q=\infty} (-1)^q \Big[Q_q^{n+m} \beta^q + Q_{q+1}^{n+m} P_1^{n-m} \beta^{q+2}$$

$$+ Q_{q+2}^{n+m} P_2^{n-m} \beta^{q+4} \ldots\ldots \Big] \int_{c^{-\pi\sqrt{-1}}}^{c^{+\pi\sqrt{-1}}} y^{m-i+q-1} dy$$

но если $i-m$ величина положительна или нуль

$$\int_{c^{-\pi\sqrt{-1}}}^{c^{+\pi\sqrt{-1}}} y^{m-i+p-1} dy = 0$$

для всѣхъ значеніе p отличныхъ отъ $i-m$, для $p = i-m$

$$\int_{c^{-\pi\sqrt{-1}}}^{c^{+\pi\sqrt{-1}}} y^{m-i+p-1} dy = 2\pi\sqrt{-1}$$

$$\int_{c^{-\pi\sqrt{-1}}}^{c^{+\pi\sqrt{-1}}} y^{m-i-q-1} dy = 0$$

для всѣхъ значеній q, по сему:

если $i-m$ положительное или нуль

$$X_i^{n.m} = (-1)^{i-m} \cos^{2(n+1)} \frac{\varphi}{2} \Big(P_{i-m}^{n-m} \beta^{i-m} + P_{i-m+2}^{n-m} \beta^{i-m+2} Q_1^{n+m}$$

$$+ P_{i-m+4}^{n-m} Q_2^{n+m} \beta^{i-m+4} + \ldots\ldots\ldots \Big)$$

если же $m-i$ положительное или нуль, то

$$\int_{c^{-\pi\sqrt{-1}}}^{c^{+\pi\sqrt{-1}}} y^{m-i+p-1}\, dy = 0$$

для всѣхъ значеній p.

$$\int_{c^{-\pi\sqrt{-1}}}^{c^{+\pi\sqrt{-1}}} y^{m-i-q-1}\, dy = 0$$

для всѣхъ значеній q отличныхъ отъ $m-i$, для $m-i$

$$\int_{c^{-\pi\sqrt{-1}}}^{c^{+\pi\sqrt{-1}}} y^{m-i-q-1}\, dy = 2\pi\sqrt{-1},$$

по сему если $m-i$ положительное или нуль

$$X_i^{n\,m} = (-1)^{m-i} \cos^{2(n+1)} \tfrac{1}{2}\varphi \Big[Q_{m-i}^{m+n} \beta^{m-i} +$$

$$Q_{m-i+1}^{m+n} P_1^{m-n} \beta^{m-i+2} + Q_{m-i+2}^{m+n} P_2^{m-n} \beta^{m-i+4} \dots\dots\dots \Big]$$

Отсюда видно, что для опредѣленія $X_i^{n,m}$, необходимо сперва вычислить величины P^{n-m} и Q^{m+n}; но формулы для опредѣленія ихъ довольно сложны, по сему постараемся вывести другія. Изъ выраженія данныхъ на P и Q находимъ назначая на m величину $n+1$ и $m = -(n+1)$

$$P_1^{-1} = -\nu \qquad Q_1^{-1} = \nu$$

$$P_2^{-1} = \frac{\nu^2}{1.2} \qquad Q_2^{-1} = \frac{\nu^2}{1.2}$$

$$P_3^{-1} = \frac{-\nu^3}{1.2.3} \qquad Q_3^{-1} = \frac{\nu^3}{1.2.3}$$

но мы назначили:

$$c^{\nu\beta y}(1-\beta y)^{m-n\cdot 1} = \Sigma(-1)^p P_p^{n-m} \beta^p y^p$$

$$e^{-\nu\beta y}(1-\beta y^{-1})^{m+n+1} = \Sigma(-1)^p Q_q^{m+n} \beta^q y^{-q}$$

умножимъ первое равенство на $1-\beta y$, второе на $1-\beta y^{-1}$ получимъ:

$$e^{\nu\beta y}(1-\beta y)^{m-n+2} = \Sigma(-1)^p P_p^{n-m} \beta^p y^p (1-\beta y) =$$

$$\Sigma(-1)^p \beta^p y^p (P_p^{n-m} + P_{p-1}^{n-m})$$

$$e^{-\nu\beta y}(1-\beta y^{-1})^{m-n+2} = \Sigma(-1)^q \beta^q y^{-q} (Q_q^{m+n} + Q_{q-1}^{m+n})$$

но по нашему знакоположенію

$$e^{\nu\beta y}(1-\beta y)^{m-n+2} = \Sigma(-1)^p P_p^{n-m+1} \beta^p y^p$$

$$e^{-\nu\beta y}(1-\beta y^{-1})^{m+n+2} = \Sigma(-1)^q Q_q^{m+n+1} \beta^q y^{-q}$$

сравнивая, получимъ

$$P_p^{n-m+1} = P_p^{n-m} + P^{n-m} \qquad Q_q^{m+n+1} = Q_q^{m+n} + Q_q^{m+n}$$

давая m различныя значенія, найдемъ:

$$P_1^{-2}=P_1^{-1}-1 \quad P_1^{-3}=P_1^{-2}-1 \quad P_1^{0}=P_1^{-1}+1 \quad P_1^{1}=P_1^{0}+1$$

$$P_2^{-2}=P_2^{-1}-P_1^{-2} \quad P_2^{-3}=P_2^{-2}-P_1^{-3} \quad P_2^{0}=P_2^{-1}+P_1^{-1} \quad P_2^{1}=P_2^{0}+P_1^{0}$$

$$P_3^{-2}=P_3^{-1}-P_2^{-2} \quad P_3^{-3}=P_3^{-2}-P_2^{-3} \quad P_3^{0}=P_3^{-1}+P_2^{-1} \quad P_3^{1}=P_3^{0}+P_2^{0}$$

....etc

$$Q_1^{-2}=Q_1^{-1}-1 \quad Q_1^{-3}=Q_1^{-2}-1 \quad Q_1^{0}=Q_1^{-1}+1 \quad Q_1^{1}=Q_1^{0}+1$$

$$Q_2^{-2}=Q_2^{-2}-Q_1^{-2} \quad Q_2^{-3}=Q_2^{-2}-Q_1^{-3} \quad Q_2^{0}=Q_2^{-1}+Q_1^{-1} \quad Q_2^{1}=Q_2^{0}+Q_1^{0}$$

etc etc etc etc

такимъ образомъ вычисленіе различныхъ P_i и Q_i приведено къ опредѣленію величинъ P_i^{-1} и Q_i^{-1}.

§ 9.

Величины $X_i^{n,m}$, вычисленныя по предъидущей формулѣ, должны быть повѣрены. Эту повѣрку мы сдѣлаемъ слѣдующимъ образомъ:

Мы назвали

$$\left(\frac{r}{a}\right)^{n-2} x^{m} = \Sigma X_i^{n-2.m} z^i$$

но $\frac{a}{r}=\frac{1+e\cos v}{\cos^2\varphi}=\frac{2+\sin\varphi(x+x^{-1})}{2\cos^2\varphi}$, вслѣдствіе сего

$$\Sigma X_i^{n-2,m} z^i=\left(\frac{r}{a}\right)^{n-1}\left(\frac{a}{r}\right) x^m=\left(\frac{r}{a}\right)^{n-1} x^m\frac{[2+\sin\varphi(x+x^{-1})]}{2\cos^2\varphi}$$

или уничтожая знаменателей, вводя вмѣсто $\left(\frac{r}{a}\right)^{n-1} x^m$,

$\left(\frac{r}{a}\right)^{n-1} \overset{m+1}{X}$, $\left(\frac{r}{a}\right)^{n-1} \overset{m-1}{X}$ ихъ величины, и сравнивая коефиціенты при одинаковыхъ степеняхъ z, получимъ уравненіе:

$$\sin\varphi X_i^{n-1,\,m+1} + \sin\varphi X_i^{n-1,m-1} + 2X_i^{n-1,m} - 2\cos^2\varphi X_i^{n-2,m} = 0$$

которое я употребилъ для повѣрки вычисленныхъ величинъ $X_i^{n.m}$

§ 10.

Опредѣливъ величины $X_i^{n,m}$ и повѣривъ численныя ихъ значенія, надобно ихъ ввести въ выраженіе

$$\frac{2am'}{\varDelta} = \Sigma\varDelta_n\left(\frac{r}{a}\right)^n\left(\frac{a'}{r'}\right)^{n+1}.$$

гдѣ $\varDelta_n = \Sigma A(n-2f-(n-2f-2g')x^{n-2f}x'^{-(n-2f-2g')}$

$+\sqrt{-1}\ \Sigma B(n-2f-(n-2f-2g')x^{n-2f}x'^{-(n-2f-2g')}$

Чтобы явственнѣе показать образованіе членовъ по вставкѣ $X_i^{n.m}$, возмемъ какое нибудь значеніе $\varDelta_n$ нпр. $\varDelta_4$; давая f и g' величины по правиламъ указаннымъ въ§ 6. находимъ:

$$\varDelta_4 = A(4,-4)x^{4}x'^{-4} + A(4,-2)x^{4}x^{2} + A(4,0)x^{4}x'^{0} + A(4,2)x^{4}x^{2}$$
$$+ A(4\ 4)x^{4}x'^{4} + A(2,-4)x^{2}x'^{-4} + A(2,-2)x^{2}x'^{-2} + A(2,0)x^{2}x'^{0}$$
$$+ A(2,2)x^{2}x'^{2} + A(2,4)x^{2}x'^{4} + A(0,\ 4)x^{0}x'^{-4} + A(0-2)x^{0}x'^{2}$$
$$+ A(0,0)x^{0}x'^{0} + A(0,2)x^{0}x'^{2} + A(0,4)x^{0}x'^{4} + A(2,+4)x^{-2}x'^{4}$$
$$+ A(2,+2)x^{-2}x'^{-2} + A(2,-0)x^{-2}x'^{0} + A(2,-2)x^{-2}x'^{2} + A(2.-4)x^{-2}x'^{4}$$
$$+ A(4,+4)x^{-4}x'^{4} + A(4,+2)x^{-4}x'^{-2} + A(4,0)x^{-4}x'^{-0} + A(4,-2)x^{-4}x'^{2}$$

$$
\begin{aligned}
&+A(4,-4)\overset{-4}{x}\,\overset{4}{x'}+\sqrt{-1}\Big\{B(4,-4)\overset{4}{x}\,\overset{-4}{x'}+B(4,-2)\overset{4}{x}\,\overset{-2}{x'}+B(4,0)\overset{4}{x}\,\overset{0}{x'}\\
&+B(4,2)\overset{2}{x}\,\overset{2}{x'}+B(4,4)\overset{4}{x}\,\overset{4}{x'}+B(2,-4)\overset{2}{x}\,\overset{-4}{x'}+B(2,-2)\overset{2}{x}\,\overset{-2}{x'}\\
&+B(2,0)\overset{2}{x}\,\overset{0}{x'}+B(2,2)\overset{2}{x}\,\overset{2}{x'}+B(2,4)\overset{2}{x}\,\overset{4}{x'}+B(0,-4)\overset{0}{x}\,\overset{-4}{x'}\\
&+B(0,-2)\overset{0}{x}\,\overset{-2}{x'}+B(0,2)\overset{0}{x}\,\overset{2}{x'}+B(0,4)\overset{0}{x}\,\overset{4}{x'}-\Big[B(2,4)\overset{-2}{x}\,\overset{-4}{x'}\\
&+B(2,2)\overset{-2}{x}\,\overset{-2}{x'}+B(2,0)\overset{-2}{x}\,\overset{0}{x'}+B(2,-2)\overset{-2}{x}\,\overset{2}{x'}+B(2,-4)\overset{-2}{x}\,\overset{4}{x'}\Big]\\
&-\Big[B(4,4)\overset{-4}{x}\,\overset{-4}{x'}+B(4,2)\overset{-4}{x}\,\overset{-2}{x'}+B(4,0)\overset{-4}{x}\,\overset{-0}{x'}+B(4,-2)\overset{-4}{x}\,\overset{2}{x'}\\
&+B(4,-4)\overset{-4}{x}\,\overset{4}{x'}\Big]\Big\}
\end{aligned}
$$

умножая на $\left(\frac{r}{a}\right)^4\left(\frac{a'}{r'}\right)^5$, подставляя вмѣсто $\left(\frac{a'}{r'}\right)^5 x^{-4}$ и т. д. ихъ величины, получимъ члены, заключающіе $\left(\frac{r}{a}\right)^4$, различныя степени x и различныя степени z. Обозначимъ дѣйствительные члены черезъ E, написавъ сверху показатели $\frac{r}{a}$ и x, а внизу показатель z, мнимые же черезъ F, тогда получимъ:

$$
\begin{aligned}
\Delta_4 =&\left(\frac{r}{a}\right)^4 x^4\Big[(E_0^{4.4}+\sqrt{-1}\,F_0^{4.4})z^0+(E_{-1}^{4.4}+\sqrt{-1}\,F_{-1}^{4.4})z^{-1}\\
&\qquad+(E_{-2}^{4.4}+\sqrt{-1}\,F_{-2}^{4.4})z^{-2}\,\ldots\ldots\Big]\\
&+\left(\frac{r}{a}\right)^4 x^2\Big[(E_0^{4.2}+\sqrt{-1}\,F_0^{4.2})z^0+(E_{-1}^{4.2}-\sqrt{-1}\,F_{-1}^{4.2})z^{-1}\\
&\qquad+(E_{-2}^{4.2}+\sqrt{-1}\,F_{-2}^{4.2})z^{-2}+\ldots\ldots\Big]
\end{aligned}
$$

$$+\left(\frac{r}{a}\right)^4 x^0 \Big[(E^{4.0}_0 + \sqrt{-1}\, F^{4.0}_0) z^0 + (E^{4.0}_{-1} + \sqrt{-1}\, F^{4.0}_{-1}) z^{-1}$$

$$+ (E^{4.0}_{-2} + \sqrt{-1}\, F^{4.0}_{-2}) z^{-2} \ldots\ldots\ldots \Big]$$

$$+\left(\frac{r}{a}\right)^4 x^{-2} \Big[(E^{4.-2}_0 + \sqrt{-1}\, F^{4.-2}_0) z^0 + (E^{4.-2}_{-1} + \sqrt{-1}\, F^{4.-2}_{-1}) z^{-1}$$

$$+ (E^{4.-2}_{-2} + \sqrt{-1}\, F^{4.-2}_{-2}) z^{-2} \ldots\ldots\ldots \Big]$$

$$+\left(\frac{r}{a}\right)^4 x^{-4} \Big[(E^{4.-4}_0 + \sqrt{-1}\, F^{4.-4}_0) z^0 + (E^{4.-4}_{-1} + \sqrt{-1}\, F^{4.-4}_{-1}) z^{-1}$$

$$+ (E^{4.-4}_{-2} + \sqrt{-1}\, F^{4.-4}_{-1}) z^{-2} \ldots\ldots\ldots \Big]$$

гдѣ $E^{4.4}_0 = A(4,-4)X^{5-4}_0 + A(4,-2)X^{-5.-2}_0 + A(4,0)X^{-5.0}_0 + A(4,2)X^{-5.2}_0$

$$+ A(4,4)X^{-5.4}_0$$

$$F^{4.4}_0 = B(4,-4)X^{-5-4}_0 + B(4,-2)X^{-5-2}_0 + B(4,0)X^{-5.0}_0 + B(4,2)X^{-5.2}_0$$

$$+ B(4,4)X^{-5.4}_0$$

$$E^{4.2}_0 = A(2,-4)X^{5.4}_0 + A(2,-2)X^{-5-2}_0 + A(2,0)X^{-5.0}_0 + A(2,2)X^{-5.2}_0$$

$$+ A(2,4)X^{-5.4}_0$$

$$F^{4.2}_0 = B(2,-4)X^{-5.-4}_0 + B(2,-2)X^{-5.-2}_0 + B(2,0)X^{-5.0}_0 + B(2,2)X^{-5.2}_0$$

$$+ B(2,4)X^{-5.4}_0$$

$$E^{4.0}_{0} = A(0,-4)X^{-5-4}_{0} + A(0,-2)X^{-5-2}_{0} + A(0,0)X^{-5.0}_{0} + A(0,2)X^{-5.2}_{0}$$

$$+ A(0,4)X^{-5.4}_{0}$$

$$F^{4.0}_{0} = B(0,-4)X^{-5-4}_{0} + B(0,-2)X^{-5-2}_{0} + B(0,0)X^{-5.0}_{0} + B(0,2)X^{-5.2}_{0}$$

$$+ B(0,4)X^{-5,4}_{0} = 0$$

$$E^{4-2}_{0} = E^{4.2}_{0}$$

$$F^{4-2}_{0} = -F^{4.2}_{0}$$

$$E^{4-4}_{0} = E^{4.4}_{0}$$

$$F^{4-4}_{0} = -F^{4.4}_{0}$$

$$E^{4.4}_{-1} = A(4,-4)X^{-5-4}_{-1} + A(4,-2)X^{-5-2}_{-1} + A(4,0)X^{-5.0}_{-1} + A(4,2)X^{-5.2}_{-1}$$

$$+ A(4,4)X^{-5.4}_{-1}$$

$$F^{4.4}_{-1} = B(4,-4)X^{-5-4}_{-1} + B(4,-2)X^{-5-2}_{-1} + B(4,0)X^{-5.0}_{-1} + B(4,2)X^{-5.2}_{-1}$$

$$+ B(4,4)X^{-5.4}_{-1}$$

$$E^{4.2}_{-1} = A(2,-4)X^{5-4}_{-1} + A(2,-2)X^{-5-2}_{-1} + A(2,0)X^{-5.0}_{-1} + A(2,2)X^{-5.2}_{-1}$$

$$+ A(2,4)X^{-5.4}_{-1}$$

$$E^{4.0}_{1} = A(0,-4)X^{-5-4}_{-1} + A(0,-2)X^{-5-2}_{-1} + A(0,0)X^{-5.0}_{-1} + A(0,2)X^{-5.2}_{-1}$$
$$+ A(0,4)X^{-5.4}_{-1}$$

$$E^{4-2}_{1} = A(2,4)X^{-5-4}_{-1} + A(2,2)X^{-5-2}_{-1} + A(2,0)X^{-5.0}_{-1} + A(2,-2)X^{-5.2}_{-1}$$
$$+ A(2,-4)X^{-5.4}_{-1}$$

$$E^{4-4}_{1} = A(4,4)X^{-5-4}_{-1} + A(4,2)X^{-5-2}_{-1} + A(4,0)X^{-5.0}_{-1} + A(4,-2)X^{-5.2}_{-1}$$
$$+ A(4,-4)X^{-5.4}_{-1}$$

$$F^{4.2}_{-1} = B(2,-4)X^{-5-4}_{-1} + B(2,-2)X^{-5-2}_{1} + B(2,0)X^{-5.0}_{-1} + B(2,2)X^{-5.2}_{-1}$$
$$+ B(2,-4)X^{-5.4}_{-1}$$

$$F^{4.0}_{-1} = (0,-4)X^{-5-4}_{-1} + B(0,-2)X^{-5-2}_{-1} + B(0,0)X^{-5.0}_{-1} + B(0,2)X^{-5.2}_{-1}$$
$$+ B(0,4)X^{-5.4}_{-1}$$

$$F^{4\ 2}_{-1} = -[B(2,4)X^{-5-4}_{-1} + B(2,2)X^{-5-2}_{-1} + B(2,0)X^{-5\ 2}_{-1} + B(2,-2)X^{-5.0}_{-1}$$
$$+ B(2,-4)X^{-5.4}_{-1}]$$

$$F^{4-4}_{1} = [B(4,4)X^{-5-4}_{-1} + B(4,2)X^{-5-2}_{-1} + B(4,0)X^{-5.0}_{-1} + B(4,-2)X^{-5.2}_{-1}$$
$$+ B(4,-4)X^{-5.4}_{-1}]$$

и т. д.

Вычисленіе это легче всего производится слѣдующимъ образомъ: выписавъ на нижнемъ концѣ отдѣльной бумажки логариѳмы количествъ $X_1^{m.n}$ соотвѣтствующіе одному показателю z, прикладываемъ ее къ логариѳмамъ величинъ A(n.n) и т. д., и сложивъ ихъ, находимъ соотвѣтствующія числа, которыхъ сумма даетъ требуемые коефиціенты.

Для повѣрки вычисленія мы опять обратимся ко второму разложенію

$$\frac{2am'}{\Delta_1} = \Sigma M\left(\frac{a'}{r'}\right)^{n+1}\left(\frac{a}{r}\right)^n$$

гдѣ $M = \Sigma(P(n\,\mu)x'^{-(n-2\mu)} + \sqrt{-1}Q(n.\mu)x'^{-(n-2\mu)})$;

давая μ различныя величины отъ о до $\mu = n$, при томъ называя $P_1(n.\mu) = P_1(n-(n-2\mu)$ $Q(n,\mu) = Q(n,-(n,-2\mu)$ для того чтобы самимъ коефиціентомъ обозначить съ какимъ показателемъ входитъ x, находимъ:

$$M_4 = P_1(4,-4)x'^{-4} + P_1(4,-2)x'^{-2} + P_1(4,0)x'^{0} + P_1(4,2)x'^{2} + P_1(4,4)x'^{4}$$

$$+ \sqrt{-1}\left\{Q_1(4,-4)x'^{-4} + Q_1(4,-2)x'^{-2} + Q_1(4,0)x'^{-0} + Q_1(4,2)x'^{2}\right.$$

$$\left. + Q_1(4,4)x'^{4}\right\}$$

умножая на $\left(\frac{r}{a}\right)^4\left(\frac{a'}{r'}\right)^5$, подставляя вмѣсто $\left(\frac{a'}{r'}\right)^5 x^{-4}$, $\left(\frac{a}{r'}\right)^5 x^{-2}$ и т. д. ихъ величины и замѣчая что

$P_1(4,4) = P_1(4,-4)$ $P_1(4,2) = P_1(4,-2)$ $Q_1(4.4) = -Q_1(4, 4)$

$Q_1(4,2) = -Q_1(4,-2)$ находимъ:

$$\left(\frac{r}{a}\right)^4\left(\frac{a'}{r'}\right)^5 M_4 = \left\{R^4_0 + \sqrt{-1}\,S^4_0\right\}\left(\frac{r}{a}\right)^4 z'^{0} + \left\{R^4_{-1} + \sqrt{-1}\,S^4_{-1}\right\}\left(\frac{r}{a}\right)^4 z'^{-1}$$

$$\left\{R^4_{-2} + \sqrt{-1}\,S^4_{-2}\right\}\left(\frac{r}{a}\right)^4 z'^{-1} + \ldots\ldots,\ldots\ldots$$

гдѣ $R^4_0 = 2P_1(4,-4)X_0^{-5-4} + 2P_1(4,-2)X_0^{-5-2} + P_1(4,0)X_0^{-5.0}$

$S^4_0 = 0$

$$R^4_{-1} = P_1(4,-4)X_{-1}^{-5-4} + P_1(4,-2)X_{-1}^{-5-2} + P_1(4,0)X_{-1}^{-5.0} + P_1(4,-2)X_{-1}^{-5.2}$$
$$+ P_1(4,-4)X_{-1}^{-5.4}$$

$$S^4_{-1} = Q_1(4,-4)X_{-1}^{-5-4} + Q_1(4,-2)X_{-1}^{-5-2} + Q_1(4,-0)X_{-1}^{-5.0} + Q_1(4,-2)X_{-1}^{-5.2}$$
$$+ Q_1(4,-4)X_{-1}^{-5.4}$$

и т. д.

Коефиціенты R_{-i}, S_{-i} были вычислены въ предположеніи $v=0$, если слѣдовательно въ первомъ разложеніи сдѣлаемъ это предположеніе, то должно получиться согласіе результатовъ; но предположеніе $x=1$ соотвѣтствуетъ тому, что мы въ каждомъ отдѣлѣ должны взять сумму коефиціентовъ которыхъ показатель x одинъ и тотже по величинѣ, хотя бы былъ различенъ по знаку, а показатель z тотъже по величинѣ и по знаку вслѣдствіе сего получимъ:

$$R^{4}_{0} = 2E^{4.4}_{0} + 2E^{4.2}_{0} + E^{4.0}_{0}$$

$$R^{4}_{-1} = E^{4.4}_{-1} + E^{4.2}_{-1} + E^{4.0}_{-1} + E^{4-2}_{-1} + E^{4-4}_{-1}; \qquad S^{4}_{-1} = F^{4.4}_{-1} + F^{4.2}_{-1} + F^{4.0}_{-1} + F^{4-2}_{-1} + F^{4-4}_{-1}$$

и т. д.

Помощью этихъ уравненій мы повѣримъ всѣ коефиціенты, за исключеніемъ $F^{4.4}_{0}\ F^{4.2}_{0}\ F^{4.0}_{0}$, но число сихъ послѣднихъ незначительно, можно слѣдовательно ихъ вновь перечислить.

§ 11.

Въ выраженіе $\frac{a}{\Delta}$ входитъ величина $\left(\frac{r}{a}\right)^{n} x^{m}$, которую Ганзенъ выражаетъ въ функціи эксцентрической аномаліи. Чтобы вывести необходимыя для сего формулы, возьмемъ уравненія

$$r = a(1-\cos\varepsilon) \qquad tg\tfrac{1}{2}v = tg\tfrac{1}{2}\varepsilon\sqrt{\frac{1+e}{1-e}} \quad *)$$

обозначая $2\cos\varepsilon = y + \frac{1}{y}$ $\quad 2\cos v = x + \frac{1}{x}$, находимъ:

$$\frac{r}{a} = \cos^{2}\frac{\varphi}{2}\,(1-\beta y)\,(1-\beta y^{-1}) \qquad x = \frac{y-\beta}{1-\beta y} \quad \text{гдѣ } \beta = tg\tfrac{1}{2}\varphi.$$

въ слѣдствіе сего

$$\left(\frac{r}{a}\right)^{n} x^{m} = \cos^{2n}\tfrac{1}{2}\varphi\; y^{m}\,(1-\beta y)^{n-m}\,(1-\beta y^{-1})^{n+m}$$

$$= \cos^{2n}\tfrac{1}{2}\varphi\; y^{m}\left\{1 - \frac{n-m}{1}\beta + \frac{(n-m-1)(n-m)}{1.2}\beta^{2}y^{2} - \frac{(n-m)(n-m-1)(n-m-2)}{1.2.3}\beta^{3}y^{3} + \dots\dots\right\}$$

$$\times\left\{1 - \frac{n+m}{1}\beta y^{-1} + \frac{(n+m)(n+m-1)}{1.2}\beta^{2}y^{-2} - \frac{(n+m)(n+m-1)(n+m-2)}{1.2.3}\beta^{3}y^{-3} \dots\dots\right\}$$

*) Gauss Theoria motus § 8.

Очевидно, что это выраженіе будетъ состоять изъ конечнаго числа членовъ, если n цѣлое и положительное, а m цѣлое равно, или меньше n; посему можемъ написать:

$$\left(\frac{r}{a}\right)^{n} x^{m} = \sum_{i=-n}^{i=n} W_i^{n,m} y^{i}$$

для опредѣленія $W_i^{n.m}$, перемножимъ на самомъ дѣлѣ предъидущія выраженія, тогда найдемъ:

$$W_m^{n.m} = \cos^{2n} \tfrac{1}{2}\varphi \left\{ 1 + \frac{n^2-m^2}{1^2}\beta^2 + \frac{(n^2-m^2)\,[(n-1)^2-m^2]}{1^2\,2^2}\beta^4 + \frac{[n^2-m^2]\,[(n-1)^2-m^2]\,[(n-2)^2-m^2]}{1^2.2^2.3^2}\beta^6 + \ldots\ldots \right\}$$

$$W_{m+1}^{n m} = \cos^{2n} \tfrac{1}{2}\varphi \left\{ \frac{n-m}{1}\beta + \frac{(n^2-m^2)(n-1-m)}{1^2.2}\beta^3 + \frac{(n^2-m^2)[(n-1)^2-m^2]\,[(n-2)-m]}{1^2.2^2.3}\beta^5 + \ldots\ldots \right\}$$

$$W_{m-1}^{n.m} = -\cos^{2n} \tfrac{1}{2}\varphi \left\{ \frac{n+m}{1}\beta + \frac{(n^2-m^2)(n-1+m)}{1^2.2^2}\beta^3 + \frac{(n^2-m^2)[(n-1)^2-m^2][(n-2)+m]}{1^2.2^2.3}\beta^5 + \ldots\ldots \right\}$$

$$W_{m+2}^{n.m} = \cos^{2n} \tfrac{1}{2}\varphi \left\{ \frac{(n-m)(n-1-m)}{1.2}\beta^2 + \frac{(n^2-m^2)(n-1-m)(n-2-m)}{1^2.2.3}\beta^4 + \frac{(n^2-m^2)[(n-1)^2-m^2][(n-2)-m][(n-3)-m]}{1^2.2^2.3.4}\beta^6 \ldots\ldots \right\}$$

$$W_{m-2}^{n.m} = \cos^{2n} \tfrac{1}{2}\varphi \left\{ \frac{(n+m)(n-1+m)}{1.2}\beta^2 + \frac{(n^2-m^2)(n-1+m)(n-2+m)}{1^2.2.3}\beta^4 + \frac{(n^2-m^2)[(n-1)^2-m^2][(n-2)+m][(n-3+m]}{1^2.2^2.3.4}\beta^6 \right\}$$

и т д.

Изъ этихъ выраженій видно, что $W^{n,-m}_{-(m+p)} = W^{n.m}_{m+p}$

Формулы выведенныя нами для вычисленія $W^{n.m}_i$ довольно сложны, по сему постараемся вывести другія, которыя бы скорѣе привели насъ къ желаемой цѣли. Если въ предъидущихъ выраженіяхъ положимъ $n=m$, тогда получимъ:

$$W^{n.n}_{n} = \cos^{2n} {}^1\!/_2\varphi;\ W^{n.n}_{n-1} = -\frac{2n}{1}\beta W^{n.n}_{n};\ W^{n.n}_{n-2} = -\frac{2n-1}{2} W^{n.n}_{n-1}\beta \quad \text{и т. д.}$$

$$W^{n.n}_{n-k} = (-1)^k \frac{2n(2n-1)\ldots(2n-k+1)}{1.2.3\ldots k}\beta^k \cos^{2n} {}^1\!/_2\varphi$$

Для опредѣленія $W^{n.m}_i$ по вычисленнымъ $W^{n,n}$, возмемъ выраженія:

$$\left(\frac{r}{a}\right)^{n+1} x^{m-1} = \cos^2 {}^1\!/_2\varphi\left(\frac{1}{y} - 2\beta + \beta^2 y\right)\left(\frac{r}{a}\right)^n x^m$$

$$\left(\frac{r}{a}\right)^{n+1} x^{m+1} = \cos^2 {}^1\!/_2\varphi\left(y - 2\beta + \frac{\beta^2}{y}\right)\left(\frac{r}{a}\right)^n x^m$$

подставляя вмѣсто $\left(\frac{r}{a}\right)^{n+1} x^{m-1} = \Sigma W^{n+1,\,m-1}_i y^i$ и т. п. и сравнивая коефиціенты при одинаковыхъ степеняхъ y, находимъ:

$$W^{n+1,\,m-1}_i = \beta^2 \cos^2 {}^1\!/_2\varphi W^{n.m}_{i-1} - 2\beta\cos^2 {}^1\!/_2\varphi W^{n,m}_i + \cos^2 {}^1\!/_2\varphi W^{n,m}_{i+1}$$

$$W^{n+1,\,m+1}_i = \cos^2 {}^1\!/_2\varphi W^{n.m}_{i-1} - 2\beta\cos^2 {}^1\!/_2\varphi W^{n.m}_i + \beta^2 \cos^2 {}^1\!/_2\varphi W^{n,m}_{i+1}$$

Формулы эти я употреблялъ не только для вычисленія различныхъ $W^{n\,m}_i$, но также и для повѣрки величинъ $W^{n.m}_i$.

Найденныя нами величины $\left(\frac{r}{a}\right)^{n,\,m} x$, подставимъ въ выраженіе $\frac{a}{\varDelta}$ найдемъ:

$$\left(\frac{r}{a}\right)^4\left(\frac{a'}{r'}\right)^5\Delta_5 = \Sigma\Sigma\left(\overset{4}{\underset{i,-i}{G}} + \sqrt{-1}\,\overset{4}{\underset{-i,-i'}{H}}\right)y^{i}\,z'^{-i'}$$

$$+\ \Sigma\Sigma\left(\overset{4}{\underset{-i,-i'}{G}} + \sqrt{-2}\,\overset{4}{\underset{-i,-i'}{H}}\right)y^{-i}\,z'^{-i'}$$

гдѣ

$$\overset{4}{\underset{i,-i'}{G}} = \overset{4.4}{\underset{-i'}{E}}\overset{4.4}{\underset{i}{W}} + \overset{4,2}{\underset{-i'}{E}}\overset{4.2}{\underset{i}{W}} + \overset{4.0}{\underset{-i,}{E}}\overset{4.0}{\underset{i}{W}} + \overset{4,-2}{\underset{-i'}{E}}\overset{4,-2}{\underset{i}{W}} + \overset{4,-4}{\underset{-i'}{E}}\overset{4,-4}{\underset{i}{W}}$$

$$\overset{4}{\underset{i,-i'}{H}} = \overset{4,4}{\underset{-i'}{F}}\overset{4.4}{\underset{i}{W}} + \overset{4,2}{\underset{-i'}{F}}\overset{4.2}{\underset{i}{W}} + \overset{4,0}{\underset{-i'}{F}}\overset{4.0}{\underset{i}{W}} + \overset{4,-2}{\underset{-i'}{F}}\overset{4-2}{\underset{i}{W}} + \overset{4,-4}{\underset{-i}{F}}\overset{4,-4}{\underset{i}{W}}$$

$$\underset{-i-i'}{G} = \overset{4,-4}{\underset{-i'}{E}}\overset{4,4}{\underset{i}{W}} + \overset{4,-2}{\underset{-i'}{E}}\overset{4,2}{\underset{i}{W}} + \overset{4,0}{\underset{-i'}{E}}\overset{4,0}{\underset{i}{W}} + \overset{4,2}{\underset{i'}{E}}\overset{4,-2}{\underset{i}{W}} + \overset{4,4}{\underset{-i'}{E}}\overset{4,-4}{\underset{i}{W}}$$

$$\underset{-i,-i'}{H} = \overset{4,-4}{\underset{-i}{F}}\overset{4,4}{\underset{i}{W}} + \overset{4,-2}{\underset{-i'}{F}}\overset{4,2}{\underset{i}{W}} + \overset{4,0}{\underset{-i'}{F}}\overset{4,0}{\underset{i}{W}} + \overset{4,2}{\underset{-i'}{F}}\overset{4,-2}{\underset{i}{W}} + \overset{4,4}{\underset{-i'}{F}}\overset{4,-4}{\underset{i}{W}}$$

подобныя выраженія найдемъ для всѣхъ величинъ

$$\left(\frac{r}{a}\right)^n\left(\frac{a'}{r'}\right)^{n+1}\Delta_n.$$

§ 12.

Спредѣливъ величьну $\frac{a}{\Delta}$, не трудно опредѣлить и самую пертурбаціонную функцію и ея производныя относительно r (радіуса вектора) и z, координаты перпендикулярной къ плоскости орбиты. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ: что

$$^{*)}\ 2a\Omega = \frac{m'}{1+m}\left\{\frac{2a}{\Delta} - \frac{2(xx'+yy'+zz')}{r'^3}\right\}$$

гдѣ Δ есть взаимное разстояніе планетъ; x, y, z, x', y', z', суть координаты планеты возмущаемой и возмущающей, отнесенные къ тремъ взаимно перпендикулярнымъ осямъ пересѣкающимся въ центрѣ солнца.

---

*) Мы здѣсь для Ω принимаемъ то выраженіе пертурбаціонной функціи, которое она имѣетъ когда на планету кромѣ солнца дѣйствуетъ только одна планета.

Выраженіе $\frac{xx'+yy'+zz'}{rr'}$ есть косинусъ угла, составленнаго двумя радіусами векторами; если обозначимъ этотъ косинусъ черезъ H, и массу планеты возмущаемой пріймемъ за безконечно малую въ сравненіи съ массою солнца, какъ это имѣетъ мѣсто для телескопическихъ планетъ, тогда получимъ:

$$2a\Omega = \frac{2m'a}{\Delta} - 2\left(\frac{r}{a}\right)\left(\frac{a'}{r'}\right)^2\left(\frac{a}{a'}\right)^2 Hm'$$

но мы нашли

$$\frac{2m'a}{\Delta} = \Sigma\Delta_n\left(\frac{r}{a}\right)^n\left(\frac{r'}{a'}\right)^{n+1}$$

гдѣ $\Delta_0 = 2\frac{am'}{a'}$, $\Delta_1 = 2m'\left(\frac{a}{a'}\right)^2 H$, подставляя эти выраженія найдемъ:

$$2a\Omega = \frac{2am'}{r'} + \Delta_2\left(\frac{r}{a}\right)^2\left(\frac{a'}{r'}\right)^3 + \Delta_3\left(\frac{r}{a}\right)^3\left(\frac{a'}{r'}\right)^4 + \dots\dots \quad (1)$$

Но въ уравненія движенія входитъ не самое Ω, а ея производныя относительно координатъ возмущаемой планеты, слѣдовательно членъ $\frac{2am'}{r'}$ при дифференцированіи исчезнетъ и мы для Ω должны вычислить только члены:

$$2a\Omega = \Delta_2\left(\frac{r}{a}\right)^2\left(\frac{a'}{r'}\right)^3 + \Delta_3\left(\frac{r}{a}\right)^3\left(\frac{a'}{r'}\right)^4 + \dots\dots \quad (1)$$

подставляя вмѣсто $\Delta_2\left(\frac{r}{a}\right)^2\left(\frac{a'}{r'}\right)^3$ и т. д. ихъ величины, и соединяя коефиціенты съ одинаковыми показателями y и z въ одинъ, найдемъ:

$$2a\Omega = \Sigma\Sigma\left\{K(i,-i') + \sqrt{-1}\,L(i,-i')\right\} y^{i} z'^{-i}$$

гдѣ i можетъ принимать всѣ возможныя цѣлыя положительныя и отрицательныя величины, i' только положительныя потому что

$$K(-i, i) = K(i-i')$$
$$L(-i. i') = -L(i-i')$$

при томъ

$$K(i,-i') = G^{2}_{i,-i'} + G^{3}_{i,-i'} + G^{4}_{i,-i'} + \ldots\ldots\ldots$$

$$L(i,-i') = H^{2}_{i,-i'} + H^{3}_{i,-i'} + H^{4}_{i,-i'} + \ldots\ldots\ldots$$

Для опредѣленія производной пертурбаціонной функціи относительно радіуса вектора, дифференцируемъ уравненіе (1) относительно r и по совершеніи дифференцированія помножимъ его на r, тогда найдемъ:

$$2ar\frac{\partial\Omega}{\partial r} = 2\Delta_2\left(\frac{r}{a}\right)^2\left(\frac{a'}{r'}\right)^3 + 3\Delta_3\left(\frac{r}{a}\right)^3\left(\frac{a'}{r'}\right)^4 + \ldots\ldots\ldots$$

подставляя вмѣсто $\Delta_2\left(\frac{r}{a}\right)^2\left(\frac{a'}{r'}\right)^3$ и т. д. ихъ величины и обозначая

$$M(i,-i') = 2G^{2}_{i,-i'} + 3G^{3}_{i,-i'} + 4G^{4}_{i',-i'} \ldots\ldots\ldots$$

$$N(i,-i') = 2H^{2}_{+i,-i'} + 3H^{3}_{i,-i'} + 4H^{4}_{i,-i'} + \ldots\ldots\ldots$$

найдемъ:

$$2ar\frac{\partial\Omega}{\partial r} = \Sigma\Sigma\left\{M(i,-i') + \sqrt{-1}\,N(i,-i')\right\}y^{i}\,z'^{-i}$$

или переходя отъ мнимыхъ величинъ къ дѣйствительнымъ, имѣемъ

$$a\Omega = \Sigma\Sigma\left\{K(i,-i')\cos(i\varepsilon - i g') - L(i,-i')\sin(i\varepsilon - i'g')\right)$$

$$ar\frac{\partial\Omega}{\partial r} = \Sigma\Sigma\left\{M(i, i')\cos(i\varepsilon - i g') - N(i,-i')\sin(i\varepsilon - i g')\right\}$$

гдѣ ε есть эксцентрическая аномалія возмущаемой планеты, g' средняя аномалія возмущающей планеты. Величина постояннаго члена, получаемая помощію этихъ уравненій, очевидно будетъ въ два раза больше настоящей его величины

Для повѣрки величинъ K и L, возмемъ второе разложеніе $\frac{2am'}{\Delta}$. Если пропустимъ членъ $\frac{2am'}{r}$, то пертурбаціонная функція изобразится

$$2a\Omega = M_2\left(\frac{r}{a}\right)^2\left(\frac{a'}{r'}\right)^3 + M_3\left(\frac{r}{a}\right)^3\left(\frac{a'}{r'}\right)^4 + \ldots\ldots\ldots$$

но мы нашли для этого случая

$$\left(\frac{r}{a}\right)^n\left(\frac{a'}{r'}\right)^{n+1} M_n = \left(\frac{r}{a}\right)^n \Sigma\left\{\overset{n}{\underset{-i}{R}} + \sqrt{-1}\,\overset{n}{\underset{-i}{S}}\right\} z'^{-i}$$

подставляя вмѣсто $\frac{r}{a} = 1 - \sin\varphi = \Phi$ (потому что $v = o$), найдемъ:

$$2a\Omega = \Sigma\left\{\underset{-i}{T} + \sqrt{-1}\,\underset{-i}{U}\right\} z'^{-1}$$

$$\text{гдѣ } \underset{-i}{T} = \Phi^2\overset{2}{\underset{-i}{R}} + \Phi^3\overset{3}{\underset{-i}{R}} + \Phi^4\overset{4}{\underset{-i}{R}} + \ldots\ldots\ldots$$

$$\underset{-i}{U} = \Phi^2\overset{2}{\underset{-i}{S}} + \Phi^3\overset{3}{\underset{-i}{S}} + \Phi^4\overset{4}{\underset{-i}{S}} + \ldots\ldots\ldots$$

но второе разложеніе было вычислено въ предположеніи $v = o$, что соотвѣтствуетъ $y = 1$; по сему взявъ въ первомъ разложеніи сумму всѣхъ членовъ, заключающихъ z въ одной и тойже степени, не обращая вниманіе на степень y, сумма эта должна быть равна коефиціенту при z съ тою же степенью во второмъ разложеніи:

т. е.

$$T_{-i} = K(0,-i')+K(1,-i')+K(2,-i')+\ldots\ldots\ldots$$
$$+K(-1,-i')+K(-2-i')+\ldots\ldots$$

$$U_{-i} = L(0,-i')+L(1,-i)+L(2,-i)+\ldots\ldots$$
$$+L(-1,-i)+L(-2.-i')+\ldots.$$

$$T = K(0.0)+2K(1.0)+2K(2.0)+\ldots\ldots\ldots$$

Помощію этихъ уравненій мы можемъ повѣрить всѣ коефиціенты, за исключеніемъ L(1 0), L(2.0), L(3.0); но число этихъ послѣднихъ невелико, а потому они могутъ быть перечислены два раза.

Для повѣрки величинъ M и N мы можемъ употребить слѣдующія уравненія

$$M(i,-i') = 2K(i,-i')+\overset{3}{G}_{i,\ i'} + 2\overset{4}{G}_{i,\ -i'} + 3\overset{5}{G}_{i,-i'} \quad \text{etc}$$

$$N(i,-i') = 2L(i.-i') + \overset{3}{H}_{i,-i'} + 2\overset{4}{H}_{i,-i'} + 3\overset{2}{H}_{i,-i'} + \ldots\ldots$$

которыя получаются непосредственно изъ уравненій данныхъ для опредѣленія M(i i'), N(i,−i').

§ 13.

Для опредѣленія частной производной пертурбаціонной функціи относительно координаты z, пріймемъ плоскость орбиты возмущаемой планеты въ опредѣленное время за плоскость xy, а за ось x линію направленную къ восходящему

узлу орбиты возмущаемой планеты на плоскости планеты возмущающей, и продифенцируемъ выраженіе пертурбаціонной функціи относительно z, а послѣ дифференцированія положимъ z=o, тогда получимъ:

$$\frac{\partial\Omega}{\partial z}=\frac{m'}{1+m}\left\{\frac{1}{\Delta^3}-\frac{1}{r'^3}\right\}z'$$

но для принятой нами системы коордиратъ, имѣемъ:

$$x= r\cos(v+\Pi) \qquad x_{,}= r'\cos(v'+\Pi')$$

$$y'= r'\sin(v'+\Pi')\cos I$$

$$y= r\sin(v+\Pi) \qquad z'= -r'\sin(v'+\Pi')\sin I$$

подставляя найдемъ:

$$\frac{\partial\Omega}{\partial z}= -\frac{m'}{1+m}\left\{\frac{1}{\Delta^3}-\frac{1}{r'^3}\right\} r'\sin I\sin(v'+\Pi')$$

$$a^2\frac{\partial\Omega}{\partial z}=-\frac{m'}{1+m}\left\{\frac{a^3}{\Delta^3}-\frac{a^3}{a'^3}\frac{a'^3}{r'^3}\right\}\frac{a'}{a}\frac{r'}{a'}\sin I\sin(v'+\Pi')$$

выраженіе это постараемся выразить въ величинахъ нами вычисленныхъ.

Для сего продифференцируемъ выраженіе Ω относительно r, тогда получимъ:

$$ar\frac{\partial\Omega}{\partial r}=\frac{m'a}{1+m}\left\{\frac{rr'H}{\Delta^3}-\frac{r^2}{\Delta^3}-\frac{rH}{r'^2}\right\}$$

но изъ уравненія

$$\Delta^2 = r^2 + r'^2 - 2rr'H$$

находимъ:

$$rr'H = \frac{r^2+r'^2-\Delta^2}{2}$$

подставляя, имѣемъ:

$$ar\frac{\partial\Omega}{\partial r} = \frac{m'}{1+m}\left\{\tfrac{1}{2}\left(\frac{a}{\Delta}\right)^3\left[\left(\frac{r'}{a'}\right)^2\left(\frac{a'}{a}\right)^2-\left(\frac{r}{a}\right)^2\right]-\tfrac{1}{2}\frac{a}{\Delta}-\left(\frac{r}{a}\right)\left(\frac{a'}{r'}\right)\frac{2a^2}{a'^2}H\right\}$$

умножая это выраженіе на 2 и складывая съ выраженіемъ $a\Omega$ получимъ:

$$2ar\frac{\partial\Omega}{\partial r}+a\Omega = \frac{m'}{1+m}\left\{\left(\frac{a}{\Delta}\right)^3\left[\left(\frac{r'}{a'}\right)^2\left(\frac{a'}{a}\right)^2-\left(\frac{r}{a}\right)^2\right]\right.$$

$$\left.-3\left(\frac{r}{a}\right)\left(\frac{a'}{r'}\right)^2\frac{a^2}{a'^2}H\right\}$$

но $a\Omega$ нами вычисленное въ § 12, отличается отъ $a\Omega$ здѣсь полученнаго величиною $\frac{m'}{1+m}\left(\frac{a'}{r'}\right)\left(\frac{a}{a'}\right)$, потому что при вычисленіи $a\Omega$ мы въ § 12 этотъ членъ пропустили; по сему чтобы можно было воспользоваться прежнимъ вычисленіемъ, мы должны прибавить этотъ членъ къ прежней величинѣ $a\Omega$, въ слѣдствіе сего получимъ:

$$2ar\frac{\partial\Omega}{\partial r} + a\Omega+\frac{m'}{1+m}\left(\frac{a'}{r'}\right)\frac{a}{a'}=\frac{m'}{1+m}\left(\frac{a}{\Delta}\right)^3\left\{\left(\frac{r'}{a'}\right)^2\left(\frac{a'}{a}\right)^2-\left(\frac{r}{a}\right)^2\right\}$$

$$-3\Delta_1\left(\frac{r}{a}\right)\left\{\left(\frac{a'}{r'}\right)^2\right.$$

отвуда

$$\frac{m'}{1+m}\left(\frac{a}{\Delta}\right)^3=\left\{2ar\frac{\partial\Omega}{\partial r}+a\Omega+\frac{m'}{1+m}\left(\frac{a'}{r'}\right)\left(\frac{a}{a'}\right)\right.$$

$$\left.+3\Delta_1\left(\frac{r}{a}\right)\left(\frac{a'}{r'}\right)^2\right\}\frac{1}{\left(\frac{r'}{a'}\right)^2\left(\frac{a'}{a}\right)^2-\frac{r^2}{a^2}}$$

но выраженіе

$$\frac{m'}{1+m}\left(\frac{a}{a'}\right)^3\left(\frac{a'}{r'}\right)^3=\frac{\frac{m'}{1+m}\left(\frac{a}{a'}\right)^3\left(\frac{a'}{r'}\right)^3\left\{\left(\frac{r'}{a'}\right)^2\left(\frac{a}{a'}\right)^2-\left(\frac{r}{a}\right)^2\right\}}{\left(\frac{r'}{a'}\right)^2\left(\frac{a}{a'}\right)^2-\left(\frac{r}{a}\right)^2}$$

$$=\frac{m'}{1+m}\left\{\left(\frac{a}{a'}\right)\left(\frac{a'}{r}\right)-\left(\frac{a}{a'}\right)^3\left(\frac{r}{a}\right)^2\left(\frac{a'}{r'}\right)^3\right\}\frac{1}{\left(\frac{r'}{a'}\right)^2\left(\frac{a'}{a}\right)^2-\left(\frac{r^2}{a^2}\right)}$$

вычитая эти два уравненія находимъ:

$$\frac{m'}{1+m}\left\{\left(\frac{a}{\varDelta}\right)^3-\left(\frac{a}{a'}\right)^3\left(\frac{a'}{r'}\right)\right\}=\left\{2ar\frac{\partial\Omega}{\partial r}+a\Omega+3\varDelta_1\left(\frac{r}{a}\right)\left(\frac{a'}{r'}\right)^2\right.$$

$$\left.+\frac{m'}{1+m}\left(\frac{a}{a'}\right)^3\left(\frac{r}{a}\right)^2\left(\frac{a'}{r'}\right)^3\right\}\frac{1}{\left(\frac{r'}{a'}\right)^2\left(\frac{a'}{a}\right)^2-\left(\frac{r}{a}\right)^2}$$

умножая на $\frac{a'}{a}\frac{r'}{a'}\sin I\sin(v'+\Pi')$, получимъ

$$a^2\frac{\partial\Omega}{\partial z}=-\left\{2ar\frac{\partial\Omega}{\partial r}+a\Omega+2\varDelta_1\left(\frac{r}{a}\right)\left(\frac{a'}{r'}\right)^2\right.$$

$$\left.+\frac{m'}{1+m}\left(\frac{a}{a'}\right)^3\left(\frac{r}{a}\right)^2\left(\frac{a'}{r'}\right)^3\right\}\frac{\frac{a'}{a}\left(\frac{r'}{a'}\right)\sin I\sin(v'+\Pi')}{\left(\frac{r'}{a'}\right)^2\left(\frac{a'}{a}\right)^2-\left(\frac{r}{a}\right)^2}$$

или

$$a^2\frac{\partial\Omega}{\partial z}=\left\{2ar\frac{\partial\Omega}{\partial r}+a\Omega+3\varDelta_1\left(\frac{r}{a}\right)\left(\frac{a'}{r'}\right)^2+\frac{m'}{1+m}\left(\frac{a}{a'}\right)^3\left(\frac{r}{a}\right)^2\left(\frac{a'}{r'}\right)^3\right\}.Z$$

гдѣ $$Z=-\frac{\frac{a}{a'}\left(\frac{a'}{r'}\right)\sin I\sin(v'+\Pi')}{1-\left(\frac{a}{a'}\right)^2\left(\frac{r}{a}\right)^2\left(\frac{a'}{r'}\right)^2}$$

величины заключенные въ скобкахъ, извѣстны намъ изъ предъидущихъ вычисленій; что касается величины Z, то мы ее получимъ разлагая въ рядъ:

$$\left\{1-\left(\frac{a}{a'}\right)^2\left(\frac{r}{a}\right)^2\left(\frac{a'}{r'}\right)^2\right\}^{-1}$$

$$Z = -\sin I\left\{\frac{a}{a'}\frac{a'}{r'}\sin v' + \left(\frac{a}{a'}\right)^3\left(\frac{a'}{r'}\right)^3\sin v'\left(\frac{r}{a}\right)^2 + \left(\frac{a}{a'}\right)^5\left(\frac{a'}{r'}\right)^5\left(\frac{r}{a}\right)^4\sin v' \ldots\ldots\right\}\cos \Pi'$$

$$-\sin I\left\{\left(\frac{a}{a'}\right)\frac{a'}{r'}\cos v' + \left(\frac{a}{a'}\right)^3\left(\frac{a'}{r'}\right)^3\cos v'\left(\frac{r}{a}\right)^2 + \left(\frac{a}{a'}\right)^5\left(\frac{a'}{r'}\right)^5\left(\frac{r}{a}\right)^4\cos v' \ldots\ldots\right\}\sin \Pi'$$

но мы нашли

$$\left(\frac{a'}{r'}\right)^n x' = \sum_{-\infty}^{+\infty} X_i^{n,1-i} z'$$

въ слѣдствіе сего получимъ

$$\left(\frac{a'}{r'}\right)^n \sin v' = (X_1^{n.1} - X_{-1}^{n.1})\sin g' + (X_2^{n.1} - X_{-2}^{n.1})\sin 2g' + \ldots\ldots$$

$$\left(\frac{a'}{r'}\right)^n \cos v' = X_0^{n.1} + (X_1^{n,1} + X_{-1}^{n.1})\cos g' + (X_2^{n.1} + X_{-2}^{n.1}\sin 2g') + \ldots\ldots$$

величины $X_i^{n.1}$ зависятъ только отъ эксцентриситета возмущающей планеты, онѣ слѣдовательно могутъ быть вычислены; подставляя ихъ въ выраженіе Z, намъ останется только механическимъ путемъ опредѣлить величину $\frac{\partial \Omega}{\partial z}$.

§ 14.

Опредѣливъ, на основаніи изложеннаго, пертурбаціонную функцію и ея частныя производныя, происходящія отъ дѣйствія Сатурна на Юнону, и соединивъ ихъ съ такими же величинами происходящими отъ дѣйствія Юпитера и Марса, я объинтегрировалъ уравненія движенія и получилъ для возмущенной средней аномаліи nz (гдѣ n среднее движеніе), пертурбаціи логариѳма радіуса вектора*), и ординаты перпендикулярной въ орбитѣ планеты слѣдующія выраженія: **)

*) Обозначенія принятыя нами суть Ганзена, онѣ помѣщенны въ его сочиненіи Auseinandersetzung etc.

**) Смотри Astr. Nach. № 1705 и слѣд.

$$nz = 58^\circ 40' 49''.8 + 814'',08953t$$

$$+ 875'',01 \sin\varepsilon \quad - 312'',22 \cos\varepsilon$$
$$+ 2,00749\, nt \sin\varepsilon \quad - 12,18647\, nt \cos\varepsilon$$
$$- 59,30 \sin 2\varepsilon \quad + 21,46 \cos 2\varepsilon$$
$$- 0,18242\, nt \sin 2\varepsilon \quad + 0,77738\, nt \cos 2\varepsilon$$
$$+ 0,18 \sin 3\varepsilon \quad - 0,25 \cos 3\varepsilon$$
$$- 0,01 \sin 4\varepsilon \quad + 0,01 \cos 4\varepsilon$$

$$- 0'',01 \sin[(0,5272998n)\varepsilon - A] + 0'',04 \cos[(0,5272998n)\varepsilon - A]$$
$$+ 0,25 \sin[(0,3742789n)\varepsilon - A] - 0,59 \cos[(0,3742789n)\varepsilon - A]$$
$$- 1,92 \sin[(0,1359081n)\varepsilon - A] + 4,72 \cos[(0,1359081n)\varepsilon - A]$$
$$- 26,55 \sin[(9,5651859n)\varepsilon - A] - 28,31 \cos[(9,5651859n)\varepsilon - A]$$
$$- 121,83 \sin[(9,8011020\ )\varepsilon - A] - 126,99 \cos[(9,8011020\ )\varepsilon - A]$$
$$+ 3,70 \sin[(0,2128693\ )\varepsilon - A] - 0,53 \cos[(0,2128693\ )\varepsilon - A]$$
$$- 0,39 \sin[(0,4203784\ )\varepsilon - A] + 0,90 \cos[(0,4203784\ )\varepsilon - A]$$
$$+ 0,10 \sin[(0,5602128\ )\varepsilon - A] - 0,05 \cos[(0,5602128\ )\varepsilon - A]$$
$$- 0,01 \sin[(0,6658211\ )\varepsilon - A] \quad \text{"}$$

$$- 0,08 \sin[(0,4369382n)\varepsilon - 2A] + 0,16 \cos[(0,4369382n)\varepsilon - 2A]$$
$$+ 0,20 \sin[(0,2392691n)\varepsilon - 2A] + 1,75 \cos[(0,2392691n)\varepsilon - 2A]$$
$$+ 12,69 \sin[(9,8662228n)\varepsilon - 2A] - 3,16 \cos[(9,8662228n)\varepsilon - 2A]$$
$$+ 73,67 \sin[(9,4234438\ )\varepsilon - 2A] + 940,37 \cos[(9,4234438\ )\varepsilon - 2A]$$
$$+ 23,50 \sin[(0,1021320\ )\varepsilon - 2A] + 298,66 \cos[(0,1021320\ )\varepsilon - 2A]$$
$$- 0,79 \sin[(0,3550914\ )\varepsilon - 2A] - 24,88 \cos[(0,3550914\ )\varepsilon - 2A]$$
$$- 0,35 \sin[(0,5138993\ )\varepsilon - 2A] + 0,01 \cos[(0,5138993\ )\varepsilon - 2A]$$
$$+ 0,04 \sin[(0,6299313\ )\varepsilon - 2A] + 0,02 \cos[(0,6299313\ )\varepsilon - 2A]$$

$$+ 0,02 \sin[(0,4916864n)\varepsilon - 3A] - 0,01 \cos[(0,4916864n)\varepsilon - 3A]$$
$$- 1,61 \sin[(0,3226985n)\varepsilon - 3A] + 0,25 \cos[(0,3226985n)\varepsilon - 3A]$$
$$+ 7,43 \sin[(0,0423072n)\varepsilon - 3A] + 3,95 \cos[(0,0423072n)\varepsilon - 3A]$$
$$+ 593,54 \sin[(9,0099554n)\varepsilon - 3A] - 186,66 \cos[(9,0099554n)\varepsilon - 3A]$$
$$- 481,35 \sin[(9,9581221\ )\varepsilon - 3A] + 371,12 \cos[(9,9581221\ )\varepsilon - 3A]$$
$$+ 11,85 \sin[(0,2782233\ )\varepsilon - 3A] - 0,05 \cos[(0,2782233\ )\varepsilon - 3A]$$
$$+ 1,92 \sin[(0,4620506\ )\varepsilon - 3A] - 1,70 \cos[(0,4620506\ )\varepsilon - 3A]$$
$$- 0,08 \sin[(0,5908063\ )\varepsilon - 3A] - 0,14 \cos[(0,5908063\ )\varepsilon - 3A]$$
$$+ 0,01 \sin[(0,6899905\ )\varepsilon - 3A] + 0,02 \cos[(0,6899905\ )\varepsilon - 3A]$$

$$+ 0,07 \sin[(0,3926545n)\varepsilon - 4A] + 0,04 \cos[(0,3926545n)\varepsilon - 4A]$$
$$+ 0,15 \sin[(0,1672459n)\varepsilon - 4A] - 0,10 \cos[(0,1672459n)\varepsilon - 4A]$$
$$- 4,16 \sin[(9,6718739n)\varepsilon - 4A] - 4,34 \cos[(9,6718739n)\varepsilon - 4A]$$
$$+ 86,28 \sin[(9,7244736\ )\varepsilon - 4A] + 22,87 \cos[(9,7244736\ )\varepsilon - 4A]$$
$$+ 33,45 \sin[(0,1847596\ )\varepsilon - 4A] + 3,06 \cos[(0,1847596\ )\varepsilon - 4A]$$
$$- 8,92 \sin[(0,4031619\ )\varepsilon - 4A] + 0,57 \cos[(0,4031619\ )\varepsilon - 4A]$$
$$+ 0,49 \sin[(0,5478044\ )\varepsilon - 4A] + 0,12 \cos[(0,5478044\ )\varepsilon - 4A]$$
$$+ 0,03 \sin[(0,6561214\ )\varepsilon - 4A] - 0,06 \cos[(0,6561214\ )\varepsilon - 4A]$$

$- 0'',01 \sin[(0,4528897n)e - 5A] - 0'',01 \cos[(0,4528897n)e - 5A]$
$- 0,05 \sin[(0,2641549n)e - 5A] - 0,25 \cos[(0,2641549n)e - 5A]$
$- 0,66 \sin[(9,9228281n)e - 5A] - 2,06 \cos[(9,9228281n)e - 5A]$
$- 48,11 \sin[(9,2116597\ )e - 5A] - 89,48 \cos[(9,2116597\ )e - 5A]$
$- 31,02 \sin[(0,0655057\ )e - 5A] - 53,73 \cos[(0,0655057\ )e - 5A]$
$+ 6,60 \sin[(0,3350168\ )e - 5A] + 9,03 \cos[(0,3350168\ )e - 5A]$
$- 1,71 \sin[(0,5000720\ )e - 5A] - 1,37 \cos[(0,5000720\ )e - 5A]$
$+ 0,02 \sin[(0,6193857\ )e - 5A] + 0,12 \cos[(0,6193857\ )e - 5A]$
$+ 0,03 \sin[(0,7128855\ )e - 5A] - 0,01 \cos[(0,7128855\ )e - 5A]$

$+ 0,03 \sin[(0,3433371n)e - 6A] - 0,05 \cos[(0,3433371n)e - 6A]$
$- 0,17 \sin[(0,0808566n)e - 6A] + 0,08 \cos[(0,0808566n)e - 6A]$
$- 4,36 \sin[(9,3109854n)e - 6A] + 8,38 \cos[(9,3109854n)e - 6A]$
$+ 7,98 \sin[(9,9005650\ )e - 6A] - 24,08 \cos[(9,9005650\ )e - 6A]$
$+ 0,88 \sin[(0,2541520\ )e - 6A] - 3,69 \cos[(0,2541520\ )e - 6A]$
$- 0,21 \sin[(0,4464381\ )e - 6A] + 2,30 \cos[(0,4464381\ )e - 6A]$
$- 0,09 \sin[(0,5792533\ )e - 6A] - 0,64 \cos[(0,5792533\ )e - 6A]$
$- 0,04 \sin[(0,6808214\ )e - 6A] + 0,02 \cos[(0,6808214\ )e - 6A]$
$+ 0,01 \sin[(0,7630806\ )e - 6A] + 0,01 \cos[(0,7630806\ )e - 6A]$

$- 0,02 \sin[(0,1964739n)e - 7A]$ "
$+ 0,43 \sin[(9,7574547n)e - 7A] + 0,06 \cos[(9,7574547n)e - 7A]$
$- 5,78 \sin[(9,6313654\ )e - 7A] + 3,05 \cos[(9,6313654\ )e - 7A]$
$- 3,76 \sin[(0,1547047\ )e - 7A] + 1,70 \cos[(0,1547047\ )e - 7A]$
$+ 1,47 \sin[(0,3852348\ )e - 7A] - 0,83 \cos[(0,3852348\ )e - 7A]$
$- 0,55 \sin[(0,5350310\ )e - 7A] + 0,49 \cos[(0,5350310\ )e - 7A]$
$+ 0,12 \sin[(0,6462000\ )e - 7A] - 0,17 \cos[(0,6462000\ )e - 7A]$
$- 0,01 \sin[(0,7346336\ )e - 7A] - 0,01 \cos[(0,7346336\ )e - 7A]$

$+ 0,04 \sin[(0,2876935n)e - 8A] + 0,03 \cos[(0,2876935n)e - 8A]$
$- 0,17 \sin[(9,9792045n)e - 8A] - 0,28 \cos[(9,9792045n)e - 8A]$
$+ 41,22 \sin[(8,7816563\ )e - 8A] + 12,38 \cos[(8,7816563\ )e - 8A]$
$+ 12,35 \sin[(0,0255038\ )e - 8A] + 4,96 \cos[(0,0255038\ )e - 8A]$
$- 1,61 \sin[(0,3139670\ )e - 8A] - 0,64 \cos[(0,3139670\ )e - 8A]$
$+ 0,51 \sin[(0,4857900\ )e - 8A] + 0,13 \cos[(0,4857900\ )e - 8A]$
$- 0,26 \sin[(0,6085777\ )e - 8A] - 0,01 \cos[(0,6085777\ )e - 8A]$
$+ 0,07 \sin[(0,7041920\ )e - 8A] - 0,01 \cos[(0,7041920\ )e - 8A]$

$- 0,04 \sin[(9,4870767n)e - 9A] + 0,29 \cos[(9,4870767n)e - 9A]$
$+ 0,59 \sin[(9,8407606\ )e - 9A] + 1,25 \cos[(9,8407606\ )e - 9A]$
$+ 0,15 \sin[(0,2286680\ )e - 9A] + 0,42 \cos[(0,2286680\ )e - 9A]$
$+ 0,12 \sin[(0,4302434\ )e - 8A] - 0,28 \cos[(0,4302434\ )e - 9A]$
$+ 0,10 \sin[(0,5673844\ )e - 9A] + 0,17 \cos[(0,5673844\ )e - 9A]$
$- 0,07 \sin[(0,6714546\ )e - 9A] - 0,07 \cos[(0,6714546\ )e - 9A]$
$+ 0,02 \sin[(0,7553445\ )e - 9A] + 0,01 \cos[(0,7553445\ )e - 9A]$

−	0",03 sin[(9,8289149n)e − 10A]	+	0",01 cos[(9,8289149n)e − 10A]
+	0,19 sin[(9,5126897)e − 10A]	−	0,60 cos[(9,5126897)e − 10A]
+	0,18 sin[(0,1224138)e − 10A]	−	0,38 cos[(0,1224138)e − 10A]
−	0,08 sin[(0,3665357)e − 10A]	+	0,16 cos[(0,3665357)e − 10A]
+	0,04 sin[(0,5218705)e − 10A]	−	0,11 cos[(0,5218705)e − 10A]
−	0,02 sin[(0,6360468)e − 10A]	+	0,08 cos[(0,6360468)e − 10A]
		−	0,04 cos[(0,7263688)e − 10A]
−	0,03 sin[(0,0177992n)e − 11A]	+	0,01 cos[(0,0177992n)e − 11A]
−	4,52 sin[(8,6215460n)e − 11A]	+	1,84 cos[(8,6215460n)e − 11A]
+	1,47 sin[(9,9814400)e − 11A]	−	0,58 cos[(9,9814400)e − 11A]
−	0,02 sin[(0,2918491)e − 11A]	+	0,02 cos[(0,2918491)e − 11A]
−	0,06 sin[(0,4710223)e − 11A]	+	0,02 cos[(0,4710223)e − 11A]
+	0,04 sin[(0,5974938)e − 11A]	−	0,02 cos[(0,5974938)e − 11A]
−	0,03 sin[(0,6953209)e − 11A]	+	0,02 cos[(0,6953209)e − 11A]
+	0,01 sin[(0,7751118)e − 11A]	−	0,01 cos[(0,7751118)e − 11A]
−	0,01 sin[(9,6120154n)e − 12A]	−	0,01 cos[(9,6120154n)e − 12A]
−	0,08 sin[(9,7713952)e − 12A]		"
−	0,04 sin[(0,2015950)e − 12A]	−	0,02 cos[(0,2015950)e − 12A]
+	0,02 sin[(0,4134212)e − 12A]	+	0,02 cos[(0,4134212)e − 12A]
−	0,02 sin[(0,5551822)e − 12A]	−	0,01 cos[(0,5551822)e − 12A]
+	0,02 sin[(0,6618812)e − 12A]	+	0,01 cos[(0,6618812)e − 12A]
−	0,01 sin[(0,7474681)e − 12A]		"
+	0,01 sin[(0,8189431)e − 12A]		"
−	0,02 sin[(9,3487599)e − 13A]	+	0,01 cos[(9,3487599)e − 13A]
+	0,02 sin[(0,0875277)e − 13A]	+	0,05 cos[(0,0875277)e − 13A]
		−	0,01 cos[(0,3469953)e − 13A]
		+	0,01 cos[(0,5082987)e − 13A]
		−	0,01 cos[(0,625404)e − 13A]
		+	0,01 cos[(0,7179438)e − 13A]
	"	+	0,02 cos[(0,36499n)e − B]
	"	−	0,04 cos[(0,11970n)e − B]
−	0,46 sin[(9,50152n)e − B]	−	0,26 cos[(9,50152n)e − B]
−	0,08 sin[(9,83421)e − B]	+	0,01 cos[(9,83421)e − B]
−	0,10 sin[(0,21343n)e − 2B]	+	0,06 cos[(0,21343n)e − 2B]
+	0,55 sin[(9,80255n)e − 2B]	−	0,46 cos[(9,80255n)e − 2B]
+	0,28 sin[(9,56269)e − 2B]	−	0,33 cos[(9,56269)e − 2B]
		+	0,01 sin[(0,13524)e − 2B]
−	0,11 sin[(0,29046n)e − 3B]	−	0,07 cos[(0,29049n)e − 3B]
+	1,52 sin[(9,97864n)e − 3B]	+	0,85 cos[(9.97864n)e − 3B]
+	18,63 sin[(8,68120)e − 3B]	−	6,87 cos[(8,68120)e − 3B]
−	0,15 sin[(0,02036)e − 3B]	−	0,02 cos[(0,02036)e − 3B]

$$
\begin{array}{ll}
+0'',02 \sin[(0{,}10356n)e - 4B] & -0'',12 \cos[(0{,}10356n)e - 4B] \\
+\ 0{,}01 \sin[(9{,}43030n)e - 4B] & +\ 0{,}57 \cos[(9{,}43030n)e - 4B] \\
+\ 0{,}01 \sin[(9{,}86372\ )e - 4B] & +\ 0{,}05 \cos[(9{,}86372\ )e - 4B]
\end{array}
$$

$$
\begin{array}{ll}
+\ 0{,}03 \sin[(0{,}20049n)e - 5B] & -\ 0{,}01 \cos[(0{,}20049n)e - 5B] \\
-\ 0{,}14 \sin[(9{,}76840n)e - 5B] & +\ 0{,}04 \cos[(9{,}76840n)e - 5B] \\
-\ 0{,}06 \sin[(9{,}61630\ )e - 5B] & +\ 0{,}02 \cos[(9{,}61630\ )e - 5B]
\end{array}
$$

$$
\begin{array}{ll}
+\ 0{,}01 \sin[(0{,}28967n)e - 6B] & +\ 0{,}01 \cos[(0{,}28967n)e - 6B] \\
-\ 0{,}07 \sin[(9{,}95618n)e - 6B] & -\ 0{,}15 \cos[(9{,}95618n)e - 6B] \\
-\ 0{,}61 \sin[(8{,}98223\ )e - 6B] & -\ 0{,}81 \cos[(8{,}98223\ )e - 6B] \\
+\ 0{,}01 \sin[(0{,}10981\ )e - 6B] & +\ 0{,}01 \cos[(0{,}10981\ )e - 6B]
\end{array}
$$

$$
\begin{array}{ll}
-\ 0{,}03 \sin[(0{,}33202n)e - C] & +\ 0{,}01 \cos[(0{,}33202n)e - C] \\
+\ 0{,}33 \sin[(0{,}05993n)e - C] & -\ 0{,}22 \cos[(0{,}05993n)e - C] \\
-\ 0{,}29 \sin[(9{,}17015n)e - C] & -\ 1{,}77 \cos[(9{,}17015n)e - C] \\
-\ 4{,}83 \sin[(9{,}93046\ )e - C] & -\ 4{,}24 \cos[(9{,}93046\ )e - C] \\
+\ 0{,}19 \sin[(0{,}26765\ )e - C] & +\ 0.15 \cos[(0{,}26765\ )e - C] \\
+\ 0{,}01 \sin[(0{,}45515\ )e - C] &
\end{array}
$$

$$
\begin{array}{ll}
+\ 0{,}01 \sin[(0{,}36095n)e - 2C] & -\ 0{,}01 \cos[(0{,}36095n)e - 2C] \\
-\ 0{,}03 \sin[(0{,}11258n)e - 2C] & \text{''} \\
-\ 0{,}40 \sin[(9{,}47117n)e - 2C] & +\ 0{,}37 \cos[(9{,}47117n)e - 2C] \\
+\ 4{,}02 \sin[(9{,}84761\ )e - 2C] & +15{,}26 \cos[(9{,}84761\ )e - 2C] \\
+\ 0{,}73 \sin[(0{,}23149\ )e - 2C] & +\ 2{,}39 \cos[(0{,}23149\ )e - 2C] \\
-\ 0{,}09 \sin[(0{,}43202\ )e - 2C] & -\ 0{,}32 \cos[(0{,}43202\ )e - 2C]
\end{array}
$$

$$
\begin{array}{ll}
-\ 0{,}01 \sin[(9{,}64728n)e - 3C] & +\ 0{,}06 \cos[(9{,}64728n)e - 3C] \\
+\ 1{,}99 \sin[(9{,}74516\ )e - 3C] & +\ 0{,}92 \cos[(9{,}74516\ )e - 3C] \\
+\ 0{,}65 \sin[(0.19204\ )e - 3C] & -\ 0{,}38 \cos[(0{,}19204\ )e - 3C] \\
-\ 0{,}16 \sin[(0{,}40758\ )e - 3C] & +\ 0{,}28 \cos[(0{,}40758\ )e - 3C] \\
+\ 0{,}01 \sin[(0{,}55097\ )e - 3C] & -\ 0{,}03 \cos[(0{,}55097\ )e - 3C]
\end{array}
$$

$$
\begin{array}{ll}
\text{''} & +\ 0{,}01 \cos[(9{,}77221n)e - 4C] \\
+\ 0{,}14 \sin[(9{,}61082\ )e - 4C] & -\ 0{,}11 \cos[(9{,}61082\ )e - 4C] \\
-\ 0{,}11 \sin[(0{,}14865\ )e - 4C] & -\ 0{,}15 \cos[(0{,}14865\ )e - 4C] \\
+\ 0{,}08 \sin[(0{,}38169\ )e - 4C] & +\ 0{,}03 \sin[(0{,}38169\ )e - 4C] \\
-\ 0{,}04 \sin[(0{,}53252\ )e - 4C] & +\ 0{,}02 \cos[(0{,}53252\ )e - 4C]
\end{array}
$$

$$
\begin{array}{ll}
\text{''} & -\ 0{,}02 \cos[(0{,}41529)e - 5C] \\
-\ 0{,}03 \sin[(0{,}10043)e - 5C] & +\ 0{,}02 \cos[(0{,}10043)e - 5C] \\
+\ 0{,}01 \sin[(0{,}35415)e - 5C] & -\ 0{,}02 \cos[(0{,}35415)e - 5C] \\
+\ 0{,}01 \sin[(0{,}51324)e - 5C] & +\ 0{,}01 \cos[(0{,}51324)e - 5C] \\
+\ 0{,}01 \sin[(0{,}62943)e - 5C] &
\end{array}
$$

$$
\begin{array}{ll}
-\ 0{,}01 \sin[(9{,}05008)e - 6C] & -\ 0{,}02 \cos[(9{,}05008)e - 6C] \\
+\ 0{,}01 \sin[(0{,}04619)e - 6C] & +\ 0{,}02 \cos[(0{,}04619)e - 6C]
\end{array}
$$

$$2v = -491'',38 - 0'',52961\,nt$$

$-891'',07 \cos\epsilon \qquad -312'',88 \sin\epsilon$

$-2'',07524\,nt\cos\epsilon \qquad -12,18647\,nt\sin\epsilon$

$+2,08 \cos 2\epsilon \qquad +2,92 \sin 2\epsilon$

$-0,07 \cos 3\epsilon \qquad -0,24 \sin 3\epsilon$

$+0,01 \cos 4\epsilon \qquad +0,01 \sin 4\epsilon$

$-0,01 \cos[(0,5272998n)\epsilon - A] \qquad -0,04 \sin[(0,5272998n)\epsilon - A]$

$+0,27 \cos[(0,3742789n)\epsilon - A] \qquad +0,43 \sin[(0,3742789n)\epsilon - A]$

$-3,02 \cos[(0,1359081n)\epsilon - A] \qquad -5,48 \sin[(0,1359081n)\epsilon - A]$

$+7,05 \cos[(9,5651859n)\epsilon - A] \qquad -9,83 \sin[(9,5651859n)\epsilon - A]$

$+84'',02 \cos[(9,8011020\ )\epsilon - A] \qquad -89,91 \sin[(9,8011020\ )\epsilon - A]$

$+4,01 \cos](0,2128693\ )\epsilon - A] \qquad -9,52 \sin[(0,2128693\ )\epsilon - A]$

$+0,96 \cos[(0,4203784\ )\epsilon - A] \qquad +0,61 \sin[(0,4203784\ )\epsilon - A]$

$-0,09 \cos[(0,5602128\ )\epsilon - A] \qquad -0,04 \sin[(0,5602128\ )\epsilon - A]$

$+0,01 \cos[(0,6658211\ )\epsilon - A] \qquad$ »

$+0,01 \cos[(0,5722766n)\epsilon - 2A] \qquad +0,01 \sin[(0,5722766n)\epsilon - 2A]$

$-0,08 \cos[(0,4369382n)\epsilon - 2A] \qquad -0,07 \sin[(0,4369382n)\epsilon - 2A]$

$+1,24 \cos[(0,2392691n)\epsilon - 2A] \qquad +1,24 \sin[(0,2392691n)\epsilon - 2A]$

$+5,75 \cos[(9,8662228n)\epsilon - 2A] \qquad +56,05 \sin[(9,8662228n)\epsilon - 2A]$

$-31,68 \cos[(9,4234138\ )\epsilon - 2A] \qquad +430,05 \sin[(9,4234438\ )\epsilon - 2A]$

$-30,45 \cos[(0,1021320\ )\epsilon - 2A] \qquad +381,90 \sin[(0,1021320\ )\epsilon - 2A]$

$-1,53 \cos[(0,3550914\ )\epsilon - 2A] \qquad -2,00 \sin[(0,3550914\ )\epsilon - 2A]$

$+0,47 \cos[(0.5138993\ )\epsilon - 2A] \qquad -0,20 \sin[(0,5138993\ )\epsilon - 2A]$

$-0,03 \cos[(0,6299313\ )\epsilon - 2A] \qquad +0,02 \sin[(0,6299313\ )\epsilon - 2A]$

$+0,02 \cos[(0,4916864n)\epsilon - 3A] \qquad$ »

$-0,24 \cos[(0,3226985n)\epsilon - 3A] \qquad +0,07 \sin[(0,3226985n)\epsilon - 3A]$

$+21,81 \cos[(0,0423072n)\epsilon - 3A] \qquad +2,73 \sin[(0,0423072n)\epsilon - 3A]$

$+200,71 \cos[(9,0099554n)\epsilon - 3A] \qquad +114,04 \sin[(9,0099554n)\epsilon - 3A]$

$+471,85 \cos[(9,9531221\ )\epsilon - 3A] \qquad +363,97 \sin[(9,9531221\ )\epsilon - 3A]$

$+26,22 \cos[(0,2782233\ )\epsilon - 3A] \qquad +33,41 \sin[(0,2782233\ )\epsilon - 3A[$

$-0,55 \cos[(0,4620506\ )\epsilon - 3A] \qquad +0,44 \sin[(0,4620506\ )\epsilon - 3A]$

$+0,07 \cos[(0,5908063\ )\epsilon - 3A] \qquad -0,20 \sin[(0,5908063\ )\epsilon - 3A]$

» $\qquad +0,01 \sin[(0,6899905\ )\epsilon - 3A]$

$+0,02 \cos[(0,3926545n)\epsilon - 4A] \qquad -0,03 \sin[(0,3926545n)\epsilon - 4A]$

$-0,56 \cos[(0,1672459n)\epsilon - 4A] \qquad +0,61 \sin[(0,1672459n)\epsilon - 4A]$

$-14,25 \cos[(9,6718739n)\epsilon - 4A] \qquad +5,13 \sin[(9,6718739n)\epsilon - 4A]$

$-69,47 \cos[(9,7244736\ )\epsilon - 4A] \qquad +16,88 \sin[(9,7244736\ )\epsilon - 4A]$

$-45,40 \cos[(0,1847596\ )\epsilon - 4A] \qquad +5,87 \sin[(0,1847596\ )\epsilon - 4A]$

$+9,70 \cos[(0,4031619\ )\epsilon - 4A] \qquad +1,58 \sin[(0,4031619\ )\epsilon - 4A]$

$+0,15 \cos[(0,5478044\ )\epsilon - 4A] \qquad +0,34 \sin[(0,5478044\ )\epsilon - 4A]$

$-0,04 \cos[(0,6561214\ )\epsilon - 4A] \qquad -0,08 \sin[(0,6561214\ )\epsilon - 4A]$

$- 0'',01 \cos[(0,2641549n)\varepsilon - 5A] \quad - 0'',09 \sin[(0,2641549n)\varepsilon - 5A]$
$+ 1,47 \cos[(9,9228281n)\varepsilon - 5A] \quad - 5,34 \sin[(9,9228281n)\varepsilon - 5A]$
$+ 19,67 \cos[(9,2116597\ )\varepsilon - 5A] \quad - 36,79 \sin[(9,2116597\ )\varepsilon - 5A]$
$+ 33,60 \cos[(0,0655057\ )\varepsilon - 5A] \quad - 59,25 \sin[(0,0655057\ )\varepsilon - 5A]$
$- 5,84 \cos[(0,3350168\ )\varepsilon - 5A] \quad + 7,29 \sin[(0,3350168\ )\varepsilon - 5A]$
$+ 2,34 \cos[(0,5000720\ )\varepsilon - 5A] \quad - 1,53 \sin[(0,5000720\ )\varepsilon - 5A]$
$+ 0,20 \cos[(0,6193857\ )\varepsilon - 5A] \quad + 0,04 \sin[(0,6193857\ )\varepsilon - 5A]$
$- 0,03 \cos[(0,7128855\ )\varepsilon - 5A] \quad - 0,01 \sin[(0,7128855\ )\varepsilon - 5A]$

$+ 0,01 \cos[(0,3433371n)\varepsilon - 6A] \quad + 0,01 \sin[(0,3433371n)\varepsilon - 6A]$
$- 0,42 \cos[(0,0808566n)\varepsilon - 6A] \quad - 0,53 \sin[(0,0808566n)\varepsilon - 6A]$
$- 2,85 \cos[(9,3109854n)\varepsilon - 6A] \quad - 7,54 \sin[(9,3109854n)\varepsilon - 6A]$
$- 7,79 \cos[(9,9005650\ )\varepsilon - 6A] \quad - 23,39 \sin[(9,9005650\ )\varepsilon - 6A]$
$- 1,78 \cos[(0,2541520\ )\varepsilon - 6A] \quad - 6,09 \sin[(0,2541520\ )\varepsilon - 6A]$
$+ 0,23 \cos[(0,4464381\ )\varepsilon - 6A] \quad + 2,80 \sin[(0,4464381\ )\varepsilon - 6A]$
$+ 0,21 \cos[(0,5792533\ )\varepsilon - 6A] \quad - 0,84 \sin[(0,5792533\ )\varepsilon - 6A]$
$+ 0,08 \cos[(0,6808214\ )\varepsilon - 6A] \quad - 0,06 \sin[(0,6808214\ )\varepsilon - 6A]$
$- 0,01 \cos[(0,7630806\ )\varepsilon - 6A] \quad + 0,01 \sin[(0,7630806\ )\varepsilon - 6A]$

$+ 0,04 \cos[(0,1964739n)\varepsilon - 7A] \quad$ „
$+ 0,94 \cos[(9,7574547n)\varepsilon - 7A] \quad + 0,33 \sin[(9,7574547n)\varepsilon - 7A]$
$+ 4,57 \cos[(9,6313654\ )\varepsilon - 7A] \quad + 2,19 \sin[(9,6313654\ )\varepsilon - 7A]$
$+ 4,37 \cos[(0,1547047\ )\varepsilon - 7A] \quad + 1,97 \sin[(0,1547047\ )\varepsilon - 7A]$
$- 1,54 \cos[(0,3852348\ )\varepsilon - 7A] \quad - 0,84 \sin[(0,3852348\ )\varepsilon - 7A]$
$+ 0,72 \cos[(0,5350310\ )\varepsilon - 7A] \quad + 0,65 \sin[(0,5350310\ )\varepsilon - 7A]$
$- 0,13 \cos[(0,6462000\ )\varepsilon - 7A] \quad - 0,25 \sin[(0,6462000\ )\varepsilon - 7A]$
$+ 0,01 \cos[(0,7346336\ )\varepsilon - 7A] \quad - 0,05 \sin[(0,7346336\ )\varepsilon - 7A]$

$- 0,74 \cos[(9,9729045n)\varepsilon - 8A] \quad + 0,46 \sin[(9,9729045n)\varepsilon - 8A]$
$- 6,69 \cos[(8,7816563\ )\varepsilon - 8A] \quad + 2,52 \sin[(8,7816563\ )\varepsilon - 8A]$
$- 13,00 \cos[(0,0255038\ )\varepsilon - 8A] \quad + 5,16 \sin[(0,0255038\ )\varepsilon - 8A]$
$+ 0,89 \cos[(0,3139670\ )\varepsilon - 8A] \quad - 0,37 \sin[(0,3139670\ )\varepsilon - 8A]$
$- 0,60 \cos[(0,4857900\ )\varepsilon - 8A] \quad + 0,17 \sin[(0,4857900\ )\varepsilon - 8A]$
$+ 0,36 \cos[(0,6085777\ )\varepsilon - 8A] \quad$ „
$- 0,09 \cos[(0,7041920\ )\varepsilon - 8A] \quad - 0,03 \sin[(0,7041920\ )\varepsilon - 8A]$
$- 0,02 \cos[(0,7825073\ )\varepsilon - 8A] \quad - 0,02 \sin[(0,7825073\ )\varepsilon - 8A]$

$- 0,01 \cos[(0,1162611n)\varepsilon - 9A] \quad + 0,03 \sin[(0,1162611n)\varepsilon - 9A]$
$- 0,13 \cos[(9,4870767n)\varepsilon - 9A] \quad + 0,35 \sin[(9,4870767n)\varepsilon - 9A]$
$- 0,52 \cos[(9,8407606\ )\varepsilon - 9A] \quad + 1,19 \sin[(9,8407606\ )\varepsilon - 9A]$
$- 0,20 \cos[(0,2286680\ )\varepsilon - 9A] \quad + 0,53 \sin[(0,2286680\ )\varepsilon - 9A]$
$+ 0,12 \cos[(0,4302434\ )\varepsilon - 9A] \quad - 0,30 \sin[(0,4302434\ )\varepsilon - 9A]$
$- 0,12 \cos[(0,5673844\ )\varepsilon - 9A] \quad + 0,22 \sin[(8,5673844\ )\varepsilon - 9A]$
$+ 0,10 \cos[(0,6714546\ )\varepsilon - 9A] \quad - 0,10 \sin[(0,6714546\ )\varepsilon - 9A]$
$- 0,03 \cos[(0,7553445\ )\varepsilon - 9A] \quad + 0,01 \sin[(0,7553445\ )\varepsilon - 9A]$
$- 0,01 \cos[(0,8256236\ )\varepsilon - 9A] \quad$ „

− 0″,03 cos[(9,8289149n)ε − 10A]	− 0″,06 sin[(9,8289149n)ε − 10A]
− 0,15 cos[(9,5126897)ε − 10A]	− 0,38 sin[(9,5126897)ε − 10A]
− 0,19 cos[(0,1224138)ε − 10A]	− 0,42 sin[(0,1224138)ε − 10A]
+ 0,07 cos[(0,3665357)ε − 10A]	+ 0,14 sin[(0,3665357)ε − 10A]
− 0,05 cos[(0,5218705)ε − 10A]	− 0,12 sin[(0,5218705)ε − 10A]
+ 0,02 cos[(0,6360468)ε − 10A]	+ 0,10 siu[(0,6360468)ε − 10A]
	− 0,06 sin[(0,7263688)ε − 10A]
	+ 0,01 sin[(0,8011020)ε − 10A]
− 0,06 cos[(0,0177992n)ε − 11A]	− 0,03 sin[(0,0177992n)ε − 11A]
− 0,65 cos[(8,6215460n)ε − 11A]	− 0,26 sin[(8,6215460n)ε − 11A]
+ 1,49 cos[(9,9814400)ε − 11A]	− 0,59 sin[(9,9814400)ε − 11A]
− 0,08 cos[(0,2918491)ε 11A]	− 0,03 sin[(0,2918491)ε − 11A]
+ 0,06 cos[(0,4710223)ε − 11A]	+ 0,02 sin[(0,4710223)ε − 11A]
− 0,05 cos[(0,5974938)ε − 11A]	− 0,02 sin[(0,5974938)ε − 11A]
+ 0,04 cos[(0,6953209)ε − 11A]	+ 0,02 sin[(0,6953209)ε − 11A]
− 0,01 cos[(0,7751118)ε − 11A]	− 0,02 sin[(0,7751118)ε − 11A]
+ 0,01 cos[(9,6120154n)ε − 12A]	»
+ 0,07 cos[(9,7713952)ε − 12A]	− 0,01 sin[(9,7713952)ε − 12A]
+ 0,05 cos[(0,2015950)ε − 12A]	− 0,02 sin[(0,2015950)ε − 12A]
− 0,02 cos[(0,4134212)ε − 12A]	+ 0,01 sin[(0,4134212)ε − 12A]
+ 0,02 cos[(0,5551822)ε − 12A]	− 0,01 sin[(0,5551822)ε − 12A]
− 0,02 cos[(0,6618812)ε − 12A]	+ 0,01 sin[(0,6618812)ε − 12A]
+ 0,02 bos[(0,7474681)ε − 12A]	
− 0,01 cos[(9,8189331)ε − 12A]	
»	+ 0,02 sin[(9,3488599)ε − 13A]
− 0,03 cos[(0,0875277)ε − 13A]	+ 0,05 sin[(0,0875277)ε − 13A]
	− 0,01 sin[(0,3469953)ε − 13A]
	+ 0,01 sin[(0,5082987)ε − 13A]
	− 0,01 sin[(0,625404)ε − 13A]
	+ 0,01 sin[(0,7179438)ε − 13A]
»	+ 0,01 sin[(0,36499n)ε − B]
»	− 0,16 sin[(0,11970n)ε − B]
− 0,17 cos[(9,55152n)ε − B]	+ 0,04 sin[(9,50152n)ε − B]
+ 0,05 cos[(9,83421)ε B]	+ 0,02 sin[(9,83421)ε − B]
+ 0,01 cos[(9,56046n)ε − 2B]	»
− 0,01 cos[(0,42073n)ε − 2B]	»
− 0,11 cos[(0,21343n)ε − 2B]	− 0,05 sin[(0,21343n)ε 2B]
+ 0,35 cos[(9,80255n)ε − 2B]	+ 0,30 sin[(9,80255n)ε − 2B]
− 0,07 cos[(9,56269)ε − 2B]	− 0,10 sin[(9,56269)ε − 2B]
− 0.01 cos[(0,47012n)ε − 3B]	+ 0,01 sin[(0,47012n)ε − 3B]
− 0,04 cos[(0,29049n)ε − 3B]	+ 0,03 sin[(0,29049n)ε − 3B]

+ 1″,36 cos[(9,97864n)e — 3B]	— 0″,78 sin[(9,97864n)e — 3B]
— 0,84 cos[(8,68120)e — 3B]	+ 0,24 sin[(8,68120)e — 3B]
+ 0,07 cos[(0,02036)e — 3B]	+ 0,01 sin[(0,02036)e — 3B]
+ 0,01 cos[(0,35590n)e — 4B]	+ 0,02 sin[(0,35590n)e — 4B]
— 0,03 cos[(0,10358n)e — 4B]	+ 0,14 sin[(0,10358n)e — 4B]
— 0,01 cos[(9,43030n)e — 4B]	— 0,15 sin[(9,43030n)e — 4B]
— 0,01 cos[(9,86372)e — 4B]	+ 0,02 sin[(9,86372)e — 4B]
+ 0,01 cos[(0,41274n)e — 5B]	″
+ 0,[illegible]3 cos[(0,20049n)e — 5B]	+ 0,01 sin[(0,20049n)e — 5B]
— 0,08 cos[(9,76840n)e — 5B]	— 0,03 sin[(9,76840n)e — 5B]
+ 0,02 cos[(9,61630)e — 5B]	+ 0,01 sin[(9,61630)e — 5B]
″	— 0,01 sin[(0,28967n)e — 6B]
— 0,06 cos[(9,95618n)e — 6B]	+ 0,13 sin[(9,95618n)e — 6B]
+ 0,04 cos[(8,98223)e — 6B]	— 0,06 sin[(8,98223)e — 6B]
	+ 0,01 sin[(0,10981)e — 6B]
— 0,01 cos[(0,33202n)e — C]	″
+ 0,42 cos[(0,05993n)e — C]	+ 0,25 sin[(0,05993n)e — C]
+ 1,11 cos[(9,17015n)e — C]	— 0,57 sin[(9,17015n)e — C]
+ 4,37 cos[(9,93046)e — C]	— 3,79 sin[(9,93046)e — C]
+ 0,16 cos[(0,26765)e — C]	— 0,15 sin[(0,26765)e — C]
— 0,01 cos[(0,45515)e — C]	— 0,01 sin[(0,45515)e — C]
— 0,09 cos[(0,11258n)e — 2C]	+ 0,13 sin[(0,11258n)e — 2C]
— 0,38 cos[(9,47117n)e — 2C]	+ 2,62 sin[(9,47117n)e — 2C]
— 3,64 cos[(9,84761)e — 2C]	+ 13,46 sin[(9,84761)e — 2C]
— 1,30 cos[(0,23149)e — 2C]	+ 4,38 sin[(0,23149)e — 2C]
+ 0,02 cos[(9,43202)e — 2C]	— 0,09 sin[(0,43202)e — 2C]
— 0,02 cos[(0,15954n)e — 3C]	″
— 0,27 cos[(9,64728n)e — 3C]	+ 0,07 sin[(9,64728n)e — 3C]
— 1,59 cos[(9,74516)e — 3C]	— 0,48 sin[(9,74516)e — 3C]
— 0,92 cos[(0,19204)e — 3C]	— 0,30 sin[(0,19204)e — 3C]
+ 0,16 cos[(0,40758)e — 3C]	+ 0,40 sin[(0,40758)e — 3C]
— 0,01 cos[(0,55097)e — 3C]	— 0,01 sin[(0,55097)e — 3C]
— 0,01 cos[(9,77221n)e — 4C]	— 0,02 sin[(9,77221n)e — 4C]
— 0,04 cos[(9,61082)e — 4C]	— 0,11 sin[(9,61082)e — 4C]
+ 0,10 cos[(0,14865)e — 4C]	— 0,19 sin[(0,14865)e — 4C]
— 0,09 cos[(0,38169)e — 4C]	+ 0,05 sin[(0,38169)e — 4C]
+ 0,05 cos[(0,53252)e — 5C]	+ 0,03 sin[(0,53252)e — 4C]
+ 0,01 cos[(9,41529)e — 5C]	″
+ 0,03 cos[(0,10043)e — 5C]	+ 0,02 sin[(0,10043)e — 5C]
— 0,01 cos[(0,35415)e — 5C]	— 0,02 sin[(0,35415)e — 5C]

$- 0'',01 \cos[(0,51324)\varepsilon - 5C] \quad + 0'',01 \sin[(0,51324)\varepsilon - 5C]$

$+ 0,01 \cos[(0,62943)\varepsilon - 5C] \quad$ „

$- 0,01 \cos[(0,04619)\varepsilon - 6C] \quad + 0,02 \sin[(0,04619)\varepsilon - 6C]$

$\frac{n}{\cos i} = -14'',37 - 0'',9998\,nt$

$+ 63,76 \sin\varepsilon \quad + 33,28 \cos\varepsilon$

$+ 9,0806\,nt\sin\varepsilon \quad - 3,6728\,nt\cos\varepsilon$

$+ 0,61 \sin 2\varepsilon \quad + 0,81 \cos 2\varepsilon$

$- 0,02 \sin 3\varepsilon \quad - 0,11 \cos 3\varepsilon$

$- 0,01 \sin 4\varepsilon \quad + 0,01 \cos 4\varepsilon$

$- 0,01 \sin[(0,5272998n)\varepsilon - A] \quad + 0,02 \cos[(0,5272998n)\varepsilon - A]$

$+ 0,32 \sin[(0,3742789n)\varepsilon - A] \quad - 0,14 \cos[(0,3742789n)\varepsilon - A]$

$- 8,17 \sin[(0,1359081n)\varepsilon - A] \quad + 2,17 \cos[(0,1359081n)\varepsilon - A]$

$- 15,75 \sin[(9,5651859n)\varepsilon - A] \quad + 8,74 \cos[(9,5651859n)\varepsilon - A]$

$+ 16,68 \sin[(9,8011020)\varepsilon - A] \quad - 12,88 \cos[(9,8011020)\varepsilon - A]$

$+ 2,29 \sin[(0,2128693)\varepsilon - A] \quad - 6,44 \cos[(0,2128693)\varepsilon - A]$

$- 0,15 \sin[(0,4203784)\varepsilon - A] \quad + 0,53 \cos[(0,4203784)\varepsilon - A]$

$+ 0,03 \sin[(0,5602128)\varepsilon - A] \quad - 0,02 \cos[(0,5602128)\varepsilon - A]$

$+ 0,01 \sin[(0,5722766n)\varepsilon - 2A]$

$- 0,09 \sin[(0,4369382n)\varepsilon - 2A] \quad - 0,01 \cos[(0,4369382n)\varepsilon - 2A]$

$+ 1,51 \sin[(0,2392691n)\varepsilon - 2A] \quad + 0,75 \cos[(0,2392691n)\varepsilon - 2A]$

$+ 25,25 \,\mathrm{siu}[(9,8662228n)\varepsilon - 2A] \quad + 13,39 \cos[(9,8662228n)\varepsilon - 2A]$

$- 18,68 \sin[(9,4234438)\varepsilon - 2A] \quad - 10,08 \cos[(9,4234438)\varepsilon - 2A]$

$- 16,66 \sin[(0,1021320)\varepsilon - 2A] \quad - 1,72 \cos[(0,1021320)\varepsilon - 2A]$

$+ 1,34 \sin[(9,3550914)\varepsilon - 2A] \quad - 0,71 \cos[(0,3550914)\varepsilon - 2A]$

$- 0,14 \sin[(0,5138993)\varepsilon - 2A] \quad + 0,07 \cos[(0,5138093)\varepsilon - 2A]$

$+ 0,01 \sin[(0,6299313)\varepsilon - 2A] \quad + 0,01 \cos[(0,6299313)\varepsilon - 2A[$

$+ 0,01 \sin[(0,4916864n)\varepsilon - 3A] \quad | \; 0,01 \cos[(0,4916864n)\varepsilon - 3A]$

$- 0,06 \sin[(0,3226985n)\varepsilon - 3A] \quad - 0,21 \cos[(0,3226985n)\varepsilon - 3A]$

$+ 1,74 \sin[(0,0423072n)\varepsilon \;\; 3A] \quad - 16,00 \cos[(0,0423072n)\varepsilon - 3A]$

$+ 6,68 \sin[(9,0099554n)\varepsilon - 3A] \quad + 17.36 \cos[(9,0099554n)\varepsilon - 3A]$

$- 23,13 \sin[(9,9531221)\varepsilon - 3A] \quad - 57,10 \cos[(9,9531221)\varepsilon - 3A]$

$- 1,52 \sin[(0,2782233)\varepsilon - 3A] \quad - 1,56 \cos[(0,2782233)\varepsilon - 3A]$

$+ 0,43 \sin[(0,4620506)\varepsilon - 3A] \quad + 0,11 \cos[(0,4620506)\varepsilon - 3A]$

$- 0,04 \sin[(0,5908063)\varepsilon - 3A] \quad \cdot \; 0,02 \cos[(0,5908063)\varepsilon - 3A]$

$- 0,01 \sin[(0,3926545n)\varepsilon - 4A] \quad + 0,03 \cos[(0,3926545n)\varepsilon - 4A]$

$+ 0,43 \sin[(0,1672459n)\varepsilon - 4A] \quad - 0,59 \cos[(0,1672459n)\varepsilon - 4A]$

$+ 2,97 \sin[(9,6718739n)\varepsilon \;\; 4A] \quad - 3,63 \cos[(9,6718739n)\varepsilon - 4A]$

$- 4,27 \sin[(9,7244736)\varepsilon - 4A] \quad + 5,14 \cos[(9,7244736)\varepsilon - 4A]$

$- 1,74 \sin[(0,1847596)\varepsilon - 4A[\quad + 4,96 \cos[(0,1847596)\varepsilon - 4A]$

$-0'',04 \sin[(0,4031619)e-4A]$	$-0'',57 \cos[(0,4031619)e-4A]$
$+0,08 \sin[(0,5478044)e-4A]$	$+0,12 \cos[(0,5478044)e-4A]$
	$-0,01 \cos[(0,6561214)e-4A]$
$-0,09 \sin[(0,2641549n)e-5A]$	$+0,02 \cos[(0,2641549n)e-5A]$
$-3,01 \sin[(9,9228281n)e-5A]$	$+0,14 \cos[(9,9229281n)e-5A]$
$-0,13 \sin[(9,2116597)e-5A]$	$+0,36 \cos[(9,2116597)e-5A]$
$+10,24 \sin[(0,0655057)e-5A]$	$-1,81 \cos[(0,0655057)e-5A]$
$-0,95 \sin[(0,3350168)e-5A]$	$+0,54 \cos[(0,3350168)e-5A]$
$+0,11 \sin[(0,5000720)e-5A]$	$-0,14 \cos[(0,5000720)e-5A]$
$-0,01 \sin[(0,6193857)e-5A]$	$+0,05 \cos[(0,6193857)e-5A]$
$+0,01 \sin[(0,3433371n)e-6A]$	$+0,01 \cos[(0,3433371n)e-6A]$
$-0,37 \sin[(0,0808566n)e-6A]$	$-0,32 \cos[(0,0808566n)e-6A]$
$-0,92 \sin[(9,3109854n)e-6A]$	$-0,95 \cos[(9,3109854n)e-6A]$
$+2,36 \sin[(9,9005650)e-6A]$	$+2,43 \cos[(9,9005650)e-6A]$
$+0,91 \sin[(0,2541520)e-6A]$	$+0,58 \cos[(0,2541520)e-6A]$
$-0,32 \sin[(0,4464381)e-6A]$	$-0,07 \cos[(0,4464381)e-6A]$
$+0,06 \sin[(0,5792533)e-6A]$	$-0,01 \cos[(0,5792533)e-6A]$
$-0,01 \sin[(0,6808214)e-6A]$	$+0,01 \cos[(0,6808214)e-6A]$
$+0,01 \sin[(0,1964739n)e-7A]$	$+0,04 \cos[(0,1964739n)e-7A]$
$-0,01 \sin[(9,7574547n)e-7A]$	$+0,36 \cos[(9,7574547n)e-7A]$
$+0,03 \sin[(9,6313654)e-7A]$	$-0,33 \cos[(9,6313654)e-7A]$
$-0,02 \sin[(0,1547047)e-7A]$	$-0,94 \cos[(0,1547047)e-7A]$
$+0,08 \sin[(0,3852348)e-7A]$	$+0,29 \cos[(0,3852348)e-7A]$
$-0,07 \sin[(0,5350310)e-7A]$	$-0,09 \cos[(0,5350310)e-7A]$
$+0,02 \sin[(0,6462000)e-7A]$	$+0,01 \cos[(0,6462000)e-7A]$
$+0,34 \sin[(9,9729045n)e-8A]$	$-0,37 \cos[(9,9729045n)e-8A]$
$+0,32 \sin[(8,7816563)e-8A]$	$-0,26 \cos[(8,7816563)e-8A]$
$-1,97 \sin[(0,0255038)e-8A]$	$+1,66 \cos[(0,0255038)e-8A]$
$+0,14 \sin[(0,3139670)e-8A]$	$-0,16 \cos[(0,3139670)e-8A]$
$-0,05 \sin[(0,4857900)e-8A]$	$+0,09 \cos[(0,4857900)e-8A]$
	$-0,04 \cos[(0,6085777)e-8A]$
	$+0,01 \cos[(0,7041920)e-8A]$
$+0,02 \sin[(0,1162611n)e-9A]$	
$+0,08 \sin[(9,4870767n)e-9A]$	
$-0,16 \sin[(9,8407606)e-9A]$	$-0,02 \cos[(9,8407606)e-9A]$
$-0,13 \sin[(0,2286680)e-9A]$	$-0,01 \cos[(0,2286680)e-9A]$
$+0,07 \sin[(0,4302434)e-9A]$	$-0,01 \cos[(0,4302434)e-9A]$
$-0,04 \sin[(0,5673844)e-9A)$	$+0,02 \cos[(0,5673844)e-9A]$
$+0,01 \sin[(0,6714546)e-9A]$	$-0,01 \cos[(0,6714546)e-9A]$
$-0,01 \sin[(9,8289149n)e-10A]$	$-0,02 \cos[(9,8289149n)e-10A]$
$+0,01 \sin[(9,5126897)e-10A]$	$+0,05 \cos[(9,5126897)e-10A]$

+ 0″,06 sin[(0,1224138)e — 10A]	+ 0″,09 cos[(0,1224138)e — 10A]
— 0,03 sin[(0,3665357)e — 10A]	— 0,03 cos[(0,3665357)e — 10A]
+ 0,02 sin[(0,5218705)e — 10A]	+ 0,02 cos[(0,5218705)e — 10A]
— 0,02 sin[(0,6360468)e — 10A]	— 0,01 cos[(0,6360468)e — 10A]
+ 0,01 sin[(0,7263688)e — 10A]	
— 0,01 sin[(0,0177992n)e — 11A]	— 0,05 cos[(0,0177992n)e — 11A]
+ 0,01 sin[(8,6215460n)e — 11A]	— 0,07 cos[(8,6215460n)e — 11A]
+ 0,05 sin[(9,9814400)e — 11A]	+ 0,27 cos[(9,9814400)e — 11A]
	+ 0,02 cos[(0,2918491)e — 11A]
	— 0,02 cos[(0,4710223)e — 11A]
	+ 0,01 cos[(0,5974938)e — 11A]
+ 0,02 sin[(0,11970n)e — B]	+ 0,01 cos[(0,11970n)e — B]
— 0,02 sin[(9,50152n)e — B]	»
— 0,01 sin[(9,83421)e — B]	+ 0,02 cos[(9,83421)e — B]
»	+ 0,01 cos[(0,21343n)e — 2B]
— 0,02 sin[(9,80255n)e — 2B]	— 0,02 cos[(9,80255n)e — 2B]
— 0,01 sin[(9,56269)e — 2B]	»
+ 0,07 sin[(9,97864n)e — 3B]	— 0,11 cos[(9,97864n)e — 3B]
— 0,02 sin[(8,68120)e — 3B]	+ 0,01 cos[(8,68120)e — 3B]
+ 0,01 sin[(0,02036)e — 3B]	+ 0,03 cos[(0,02036)e — 3B]
— 0,01 sin[(0,10358n)e — 4B]	
+ 0,01 sin[(9,43030n)e — 4B]	
— 0,13 sin[(0,05993n)e — C]	— 0,24 cos[(0,05993n)e — C]
— 0,10 sin[(9,17015n)e — C]	+ 0,23 cos[(9,17015n)e — C]
+ 0,32 sin[(9,93046)e — C]	— 0,42 cos[(9,93046)e — C]
+ 0,07 sin[(0,26765)e — C]	— 0,03 cos[(0,26765)e — C]
— 0,01 sin[(0,45515)e — C]	
+ 0,08 sin[(0,11258n)e — 2C]	— 0,06 cos[(0,11258n)e — 2C]
+ 0,31 sin[(9,47117n)e — 2C]	— 0,35 cos[(9,47117n)e — 2C]
— 0,64 sin[(9,84761)e — 2C]	+ 0,77 cos[(9,84761)e — 2C]
— 0,06 sin[(0,23149)e — 2C]	+ 0,05 cos[(0,23149)e — 2C]
+ 0,01 sin[(0,43202)e — 2C]	
	— 0,01 cos[(0,15954n)e — 3C]
— 0,03 sin[(9,64728n)e — 3C]	— 0,05 cos[(9,64728n)e — 3C]
+ 0,05 sin[(9,74516)e — 3C]	+ 0,09 cos[(9,74516)e — 3C]
+ 0,11 sin[(0,19204)e — 3C]	— 0,02 cos[(0,19204)e — 3C]
— 0,01 sin[(0,40758)e — 3C]	
+ 0,01 sin[(9,61082)e — 4C]	— 0,01 cos[(9,61082)e — 4C]
»	— 0,03 cos[(0,14865)e — 4C]
+ 0,01 sin[(0,38169)e — 4C]	+ 0,01 cos[(0,38169)e — 4C]

гдѣ числа, поставленныя въ скобкахъ ( ), суть логариѳмы;

A = 127° 35′ 42″,1
B = 89° 42 9,8
C = 60° 34′ 42″,7

Элементы планеты Юноны, необходимые для вычисленія ей геоцентрическаго положенія, суть слѣдующіе:

Среднее движеніе n = 814″,08953

Эпоха	58° 40′ 49″,3	Средн. равнодѣн. 1861 г. Ноября 21ᵈ,0ᶜ ср. Гринв. вр.
Долгота перигелія	54° 9′ 3,3	
Долгота восходящаго узла	170° 59′ 49″,7	
Наклонность отн. эклиптики . .	13° 2′ 58,8	
Уголъ, котораго синусъ равенъ эксцентриситету	14° 47′ 14″,1	

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строк.		напечатано	должно быть
1	4	съ верху	теоритиками	теоретиками
"	3	съ низу	$\cos 2E'$	$\cos 2\varepsilon'$
3	1	съ верху	$r^2[$	$r'^2\{[$
"	4	"	на концѣ пропущено	$\}$
"	9	"	$\left(\frac{\Delta}{r}\right)^2$	$\left(\frac{\Delta}{r'}\right)^2$
"	4	съ низу	$\frac{r}{\Delta}$	$\frac{r'}{\Delta}$
"	2	съ низу	$\frac{r}{\Delta}$	$\frac{r'}{\Delta}$
5	3	съ верху	въ числителѣ пропущено	$\Pi(n)$
"	5	"	u^1	u^{-1}
"	8	"	въ числителѣ пропущено	$\Pi(n)$
6	3	съ низу	$(FF')^{-\frac{2n+1}{2}}$	$(FF')^{-\left(\frac{2n+1}{2}\right)}$
7	2	съ верху	$\frac{r}{\Delta}$	$\frac{r'}{\Delta}$
"	"	"	$(FF')^{-\frac{2n+1}{2}}$	$(FF')^{-\left(\frac{2n+1}{2}\right)}$
"	4	съ низу	$\frac{r}{\Delta}$	$\frac{r'}{\Delta}$
8	8	съ верху	$u^{-(m-l-2f+2n+4g)}$	$u^{-(m-2l-2f+2n+4g)}$
9	3	съ верху	$\Pi(4)\Pi(2n-4)$	$\Pi(2)\Pi(2n-2)$
"	4	"	$\Pi(8)\Pi(2n-8)$	$\Pi(4)\Pi(2n-4)$
10	4	"	$\frac{r}{\Delta}$	$\frac{r'}{\Delta}$
"	9	"	$\frac{r}{\Delta}$	$\frac{r'}{\Delta}$
"	11	"	$\frac{r}{\Delta}$	$\frac{r'}{\Delta}$
"	5	съ низу	$\frac{r}{\Delta}$	$\frac{r'}{\Delta}$
12	1	съ низу	на концѣ пропущено	$= T'$
16	11	съ верху	$u^{-(m-2f-2l+4g)}$	$u^{m-2f-2l+4g}$
"	12	"	$u^{-2(m-2l-2f+4g)}$	$u^{m-2l-2f+4g}$
"	1	съ низу	$\frac{r}{\Delta}$	$\frac{r'}{\Delta}$
17	1	съ верху	$\frac{r}{\Delta}$	$\frac{r'}{\Delta}$
"	3	"	$\frac{r}{\Delta}$	$\frac{r'}{\Delta}$

Стран.	Строк.		напечатано	должно быть
»	9	съ верху	$\mathfrak{u}^{-(m-2f-2l+4g)}$	$\mathfrak{u}^{m-2f-2l+4g}$
»	10	»	$\mathfrak{u}^{-(m-2l-2f+4g)}$	$\mathfrak{u}^{m-2f-2l+4g}$
»	13	съ верху	$\mathfrak{u}^{-(m-2f-2g')}$	$\mathfrak{u}^{m-2f-2g'}$
»	14	»	$\mathfrak{u}^{-(2m-2f-2g')}$	$\mathfrak{u}^{m-2f-2g'}$
22	4	»	$\frac{r}{\Delta}$	$\frac{r'}{\Delta}$
»	7	»	$G^{-\frac{2n+1}{2}}$	$G^{-\frac{(2u+1)}{2}}$
»	8	»	$G'^{-\frac{2n+1}{2}}$	$G'^{-\frac{(2u+1)}{2}}$
26	5	съ низу	$\left[\frac{r}{r}\right]_n^n x^m$	$\left(\frac{r}{a}\right)^n x^m$
44	5	съ низу	$\frac{2(xx'+yy'+zz')}{r'^3}$	$\frac{2a(xx'+yy'+zz')}{r'^3}$
51	5	съ верху	$\left\{\left(\frac{a}{\Delta}\right)^3-\left(\frac{a}{a'}\right)^3\left(\frac{a'}{r'}\right)\right\}$	$\left\{\left(\frac{a}{\Delta}\right)^3-\left(\frac{a}{a'}\right)^3\left(\frac{a'}{r'}\right)^3\right\}$
53	2	съ верху	875,01	874,95
»	3		2,00749	2,00747
»	5	съ верху	−0,13242	−0,13240
»	»	»	0,77738	0,77742
57	1		$2v$	2ν
»	»	»	−0″,52961	−0″,52958
»	3	»	2,07524	−2,07506
»	4	»	2,92	2,54
61	5	»	63,76	63,78
64	6	»	ей	ея.

ДЕНЕЖНЫЙ РЫНОКЪ

ВЪ РОССІИ

отъ 1700 до 1762 года.

И. ПАТЛАЕВСКАГО.

Введеніе.

Историческія изслѣдованія въ области экономической жизни извѣстнаго народа представляются дѣломъ весьма не легкимъ. Законы, управляющіе экономическою жизнію, такъ разнообразны, явленія такъ сложны, что, не говоря уже о трудности иногда добыть историческій матеріалъ, самая повѣрка свѣдѣній и выборъ фактовъ представляютъ большія затрудненія, допускаютъ произволъ и въ окончательныхъ выводахъ могутъ представлять иногда одни лишь догадки, предположенія и часто самыя разнорѣчивыя истолкованія.— Задача тѣмъ болѣе усложняется, что самый выборъ метода изслѣдованія можетъ представлять сомнѣнія.

Но какъ ни разнообразны явленія экономической жизни, и какъ ни сложны законы, управляющіе этими явленіями, все же въ основаніи своемъ они вытекаютъ изъ общечеловѣческой природы, а потому и сами должны представлять много общаго. На этомъ основаніи, всякія сомнѣнія относительно возможности добыть историческую истину и въ этой сферѣ должны имѣть свои предѣлы.

Экономическая наука, не смотря на невозможность эксперимента, которымъ она могла бы провѣрять свои общія заключенія, успѣла однако же, путемъ анализа экономическихъ явленій настоящей и прошедшей жизни народовъ, вывести извѣстные законы, общіе для экономической жизни

всѣхъ временъ и народовъ. Слѣдовательно, наука эта должна служить лучшимъ руководителемъ при разъясненіи историческихъ фактовъ экономической жизни; она можетъ указать на значеніе и связь отдѣльныхъ явленій, на ихъ взаимодѣйствіе, и даже въ сомнительныхъ случаяхъ, при недостаткѣ фактическихъ оснований, можетъ сказать, что должно было быть, и чего не могло быть въ данное время, при данныхъ условіяхъ.

Правда, что общіе экономическіе законы, которые даетъ намъ наука въ настоящее время, не представляютъ всегда законченныхъ выводовъ, и напротивъ, въ самыхъ основныхъ своихъ положеніяхъ, выводы эти являются во многихъ случаяхъ спорными, допускаютъ сомнѣнія, а иногда и полное отрицаніе, — слѣдовательно, и сами нуждаются въ повѣркѣ и развитіи. Тѣмъ не менѣе однако же, какъ бы ни была несовершенна еще наука, и какъ бы ни были шатки законы, установленные ею, отказываться отъ руководства этою наукою и ея законами, при разсмотрѣніи экономическихъ явленій жизни, значило бы, или самостоятельно браться за созиданіе новой науки, или напередъ отказываться совершенно отъ пониманія экономическихъ явленій и возможности найти въ нихъ связь и какой нибудь общій смыслъ.

Поэтому, задача историка-экономиста должна состоять по нашему мнѣнію въ томъ, чтобы при помощи общихъ законовъ, выведенныхъ экономическою наукою, проанализировать экономическія явленія въ избранный періодъ времени, показать законы, которые управляли этими явленіями и значеніе тѣхъ условій, среди которыхъ они дѣйствовали.

Это единственный путь достигнуть историческаго пониманія экономической жизни въ данную эпоху, а также лучшій методъ для повѣрки и развитія самой науки.

Изъ массы отрывочныхъ и разнорѣчивыхъ свѣдѣній, со-

ставляющихъ пока матеріалъ для исторіи экономической жизни Россіи въ первую половину XVIII вѣка, трудно путемъ одного анализа вывести какія нибудь общія заключенія. Оффиціальные источники (полное собраніе законовъ), хотя даютъ лучшій матеріалъ, но тѣ свѣдѣнія, которыя можно извлечь изъ нихъ, скорѣе представляютъ задачи для разрѣшенія, чѣмъ разъясняютъ самое дѣло. — Систематическихъ изслѣдованій весьма мало, и тѣ основаны, или на оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ, большею частію отрывочныхъ, или же на свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ иностранцами, не всегда вѣрныхъ.

Между тѣмъ, съ XVIII вѣкомъ начинается новая жизнь для Россіи, не только въ политическомъ, соціальномъ и умственномъ, но и въ экономическомъ отношеніи. Многое изъ экономической жизни настоящаго времени ведетъ свое начало, успѣло даже вполнѣ сложиться уже въ прошломъ вѣкѣ; такъ что по одному вліянію на современную жизнь, изслѣдованіе многихъ сторонъ экономической жизни прошлаго вѣка представляетъ живой интересъ.

Къ числу такихъ сторонъ экономической жизни настоящаго времени, которыя берутъ свое начало въ прошломъ вѣкѣ, а въ настоящее время представляютъ только дальнѣйшее развитіе прошлаго, несомнѣнно принадлежитъ и предметъ настоящаго изслѣдованія.

Исторія русской денежной системы въ первую половину XVIII вѣка составляетъ первый періодъ исторіи денежной системы, существующей до настоящаго времени.

Съ Петра Великаго монетное дѣло въ Россіи дѣлается строгою правительственною регаліею, является новая монетная единица, — серебрянный рубль, и въ денежную систему вводятся мѣдныя деньги, какъ размѣнная монета.

Всѣ преобразованія Петра Великаго въ общественной жизни Россіи были такъ новы, такъ мало находили условій

для своего существованія, что только при постоянной и энергической поддержкѣ со стороны правительства, могли проникнуть въ жизнь, окрѣпнуть и дать новый строй жизни цѣлаго народа. Поэтому, съ Петра Великаго правительство дѣлается главнымъ руководителемъ общественнаго и экономическаго развитія Россіи и такое же значеніе удерживаетъ за собою и послѣ, не смотря на слабость личныхъ силъ первыхъ преемниковъ Петра. Естественно, что, при преобразованіяхъ и новыхъ задачахъ, выполненіе которыхъ брало на себя правительство, увеличились государственныя потребности,—казна первая почувствовала необходимость въ болѣе широкомъ развитіи денежнаго хозяйства. При недостаткѣ матеріальныхъ средствъ, при тѣхъ воззрѣніяхъ на монетное дѣло, которыя существовали въ тогдашней Европѣ, неудивительно, что злоупотребленія монетою были неизбѣжны, и что исторія денегъ въ Россіи представляетъ скорѣе исторію злоупотребленій сначала монетою, а потомъ кредитомъ.

Уже при Петрѣ Великомъ правительство пользовалось монетною регаліею, какъ источникомъ государственныхъ доходовъ для покрытія дефицитовъ; но всѣ злоупотребленія, которымъ подвергалась монетная система въ разсматриваемый нами періодъ, ограничивались по преимуществу пониженіемъ достоинства монетной единицы. Кредитомъ же, при выпускѣ мѣдныхъ денегъ, правительство пользовалось сначала съ большою умѣренностію, хотя уже въ самой монетной системѣ и въ слабомъ развитіи экономическихъ силъ цѣлаго народа лежали зародыши дальнѣйшихъ злоупотребленій.

Съ 1762 года начинается новый періодъ русской денежной системы, продолжающійся до настоящаго времени. Съ самаго начала царствованія Екатерины II устанавливается окончательно монетная единица, существующая почти безъ перемѣны до настоящаго времени, и начинаются зло-

употребленія кредитомъ, сначала посредствомъ выпусковъ мѣдной монеты, а вскорѣ потомъ и ассигнацій.

Состояніе денежнаго рынка въ Россіи отъ 1700 до 1762 года, въ первый періодъ исторіи существующей нынѣ денежной системы, составляетъ предметъ настоящаго изслѣдованія. Главною задачею, при изслѣдованіи денежнаго рынка является разрѣшеніе вопроса о цѣнности денегъ въ разсматриваемый періодъ.

Относительно собранія матеріаловъ и разработки исторіи денежной системы XVIII вѣка, мы имѣемъ весьма замѣчательные труды нѣкоторыхъ писателей, какъ Шлецера, Г. Шторха, Якоба, Шодуара, Ламанскаго, Брикнера и др. Благодаря именно трудамъ этихъ писателей, собрано много матеріаловъ, разъяснены многіе важные вопросы по исторіи денегъ въ Россіи.

При изложеніи состоянія денежнаго рынка въ Россіи отъ 1700 до 1762 года, мы встрѣчаемъ затрудненія, не столько въ недостаткѣ матеріаловъ по исторіи денежной системы вообще, сколько въ неполнотѣ данныхъ для разрѣшенія вопроса о цѣнности денегъ въ особенности: большая часть изслѣдователей русской денежной системы въ разсматриваемый нами періодъ, или мало обращали вниманія на рѣшеніе этого вопроса, или же даютъ рѣшенія, по нашему мнѣнію, не вѣрныя.

Главною причиною невѣрности рѣшеній по вопросу о цѣнности денегъ, въ разсматривсемый нами періодъ, является невѣрность самаго метода изслѣдованія.

Въ экономической жизни всякаго развитаго народа врядъ ли найдется другая сторона болѣе космополитическая, меньше зависящая отъ однихъ мѣстныхъ условій, какъ цѣнность денегъ. Между тѣмъ, изслѣдователи денежнаго рынка въ Россіи, въ первую половину прошлаго вѣка, не обращаютъ почти никакого вниманія на состояніе цѣнности денегъ въ другихъ странахъ. Изолировавши такимъ образомъ

русскій рынокъ, совершенно произвольно набираютъ факты и спѣшатъ выводить заключенія, и исторически невѣрныя, и идущія въ разрѣзъ съ основными положеніями экономической науки.

Если анализъ отдѣльныхъ фактовъ и явленій экономической жизни можетъ вести къ пониманію общихъ экономическихъ законовъ и является лучшимъ методомъ для повѣрки общихъ положеній самой науки, то, при разъясненіи исторической жизни, одинъ этотъ методъ является весьма недостаточнымъ. Неполнота фактовъ, невозможность повѣрки ихъ и эксперимента, представляютъ такіе пробѣлы для правильнаго выведенія заключеній и допускаютъ такой произволъ въ истолкованіи отдѣльныхъ явленій, что безъ строгихъ границъ, указываемыхъ наукою можно прійти къ самымъ нелѣпымъ рѣшеніямъ.

Вотъ почему вопросы, рѣшеніе которыхъ можетъ меньше всего представлять сомнѣній, затемняются и получаютъ часто самыя превратныя истолкованія. Такъ, не говоря уже о цѣнности денегъ вообще, даже вопросъ о монетной единицѣ въ Россіи въ XVIII вѣкѣ представляется до сихъ поръ не вполнѣ выясненнымъ.

Писатели, занимавшіеся изслѣдованіемъ денегъ въ Россіи въ XVIII вѣкѣ, приходятъ большею частію къ тому заключенію, что монетною единицею хотя и былъ серебряный рубль, но правительство, благодаря взгляду на монетное дѣло, какъ на лучшій источникъ государственныхъ доходовъ, выпускало въ обращеніе мѣдную монету въ чрезмѣрномъ количествѣ, съ вынужденнымъ курсомъ; серебро вслѣдствіе этого вытѣснялось изъ обращенія и мѣдная монета, оставаясь единственною монетою на рынкѣ, дѣлалась вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельнымъ масштабомъ мѣновой цѣнности. При этомъ, особенное вниманіе обращаютъ на то, какого вѣса чеканилась мѣдная монета, и видятъ особенное зло въ тѣхъ

случаяхъ, когда мѣдная монета была легковѣсной, приписывая послѣднему обстоятельству главную причину колебанія цѣнности денегъ a)). Для подкрѣпленія своихъ доводовъ приводятъ въ доказательство отрывочныя свѣдѣнія о цѣнахъ на нѣкоторые товары, приписывая почти всякое повышеніе цѣнъ паденію цѣнности денегъ.

Что касается монетной единицы въ Россіи въ XVIII вѣкѣ, то тутъ даже не можетъ быть и вопроса: за долго еще до этого времени Россія имѣла уже серебрянное обращеніе, успѣла даже пережить денежный кризисъ, будучи почти изолированною въ своей экономической жизни. Въ XVIII же столѣтіи, вступивши въ общую европейскую жизнь и болѣе или менѣе правильныя и постоянныя торговыя сношенія съ европейскимъ рынкомъ, она должна была волей или неволей подчиняться его законамъ.

Что же касается цѣнъ товаровъ, то ими слѣдуетъ пользоваться весьма осмотрительно, при опредѣленіи цѣнности денегъ или степени ихъ обезцѣненія.

По существу своему, цѣна есть простое равенство, по мѣновой цѣнности, двухъ количествъ: съ одной стороны то-

---

a) Даже такой писатель, какъ Г. Шторхъ, говоритъ напр. слѣдующее о мѣдной монетѣ при первыхъ преемникахъ Петра Великаго:

„Причина всѣхъ безпорядковъ, которые случались съ мѣдною монетою, лежитъ въ слѣдующихъ двухъ обстоятельствахъ: во первыхъ, въ томъ, что монета, предназначенная сначала быть только размѣнною, выпускалась въ чрезвычайно большомъ количествѣ и дѣлалась слѣдовательно торговою монетою; и во вторыхъ, что выпускали ее то выше, то ниже ея дѣйствительной цѣнности.

См. Historisch-Statistisches Gemälde des Russischen Reichs am Ende des achtzehnten Jahrhunderts von Heinrich Storch. Leipzig. 1802, томъ 5, стр. 370.

Хотя въ своемъ курсѣ политической экономіи Шторхъ называетъ мѣдную монету monnaie de confiance и говоритъ, что цѣнность ея зависитъ отъ кредита.

См. Cours d'économie politique par Henri Storch. Paris 1823. томъ 11, книга 5. стр. 218.

вара, а съ другой денегъ. Но въ этомъ простомъ явленіи концентрируется вся экономическая жизнь народа.

Не всегда измѣненія въ цѣнахъ товаровъ зависятъ отъ перемѣнъ въ цѣнности денегъ. Напротивъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, колебанія цѣнъ происходятъ отъ причинъ, дѣйствующихъ непосредственно на перемѣны въ издержкахъ производства, спроса и предложенія самаго товара, повышая и понижая цѣнность его совершенно независимо отъ перемѣнъ въ цѣнности денегъ. Часто говорятъ объ измѣненіи цѣнности денегъ потому только, что деньгами выражаются перемѣны въ цѣнности товаровъ, и упускаютъ изъ виду дѣйствительныя причины, произведшія эту перемѣну. Между тѣмъ, всѣ измѣненія въ условіяхъ физическихъ, политическихъ, соціальныхъ, умственныхъ и т. д. могутъ влiять на цѣнность товаровъ, — на издержки ихъ производства, на спросъ и предложеніе, — и притомъ весьма разнообразно. Тукъ, говоря о вліяніи урожаевъ на цѣны хлѣба, замѣчаетъ, что съ 1840 года за погодою стали слѣдить не одни землевладѣльцы, но и банкиры и биржи; и можно пожалуй сказать, что въ извѣстное время года всякое переходящее облако имѣетъ нѣкоторое вліяніе на цѣну государственныхъ бумагъ, акцій желѣзныхъ дорогъ, на высоту процента и на сговорчивость банкировъ. И не одни физическія условія такъ вліяютъ на цѣны: въ цѣнѣ деньгами только количественно выражается вліяніе самыхъ разнообразныхъ причинъ, какъ бы сами по себѣ онѣ ни были неуловимы, но поэтому-то именно и не слѣдуетъ всякую перемѣну въ цѣнѣ товара приписывать измѣненію цѣнности денегъ.

Только одновременное и равномѣрное измѣненіе цѣнъ всѣхъ товаровъ можетъ свидѣтельствовать о перемѣнѣ цѣнности денегъ. Перемѣны же въ цѣнахъ одного или нѣсколькихъ товаровъ можно принимать за доказательство измѣ-

ненія цѣнности денегъ только въ такомъ случаѣ, когда извѣстны и могутъ быть взвѣшены и опредѣлены всѣ условія, вліяющія на издержки производства, а также на спросъ и предложеніе самыхъ товаровъ.

Разница во взглядахъ на цѣнность денегъ въ Россіи въ XVIII вѣкѣ можетъ происходить, впрочемъ, не только отъ недостаточности самаго метода при историческомъ изслѣдованіи этого вопроса, но также и отъ различнаго пониманія самыхъ общихъ научныхъ законовъ по этому предмету.

Въ наукѣ политической экономіи врядъ ли найдется вопросъ, который возбуждалъ бы такой всеобщій интересъ, имѣлъ бы такую громадную литературу и въ то же время представлялъ бы въ самыхъ основныхъ положеніяхъ науки такъ много сомнѣній и радикальныхъ противорѣчій, какъ вопросъ о цѣнности денегъ. По этому, прежде чѣмъ приступимъ къ изложенію состоянія денежнаго рынка Россіи въ первую половину XVIII вѣка, мы считаемъ необходимымъ въ главныхъ чертахъ представить общія рѣшенія науки по вопросу о цѣнности денегъ, въ такомъ конечно видѣ, въ какомъ они кажутся намъ всего болѣе справедливыми. Эти общія положенія опредѣлятъ планъ и характеръ нашего изслѣдованія и будутъ служить для насъ главнымъ критеріумомъ, при разъясненіи экономическихъ явленій, обусловливавшихъ состояніе русскаго денежнаго рынка въ разсматриваемую нами эпоху.

За всѣми товарами на рынкахъ признаютъ одно общее чисто экономическое качество - этомѣновую цѣнность, — вслѣдствіе чего самые по видимому разнородные предметы являются экономически соизмѣримыми.

Въ практической жизни постоянно чувствуется потреб-

ность измѣрять мѣновую цѣнность разныхъ товаровъ въ одно и тоже время и на одномъ и томъ же рынкѣ, или же одного или многихъ товаровъ въ разное время и на различныхъ рынкахъ. Для того, чтобы удовлетворить такой потребности, нужна единица или масштабъ, которымъ можно было бы производить измѣреніе мѣновой цѣнности товаровъ.

Естественно, что единица, или масштабъ мѣновой цѣнности, должна удовлетворять двумъ существеннымъ требованіямъ: 1) она должна обладать условіемъ соизмѣримости, т. е. тѣмъ качествомъ, которое ею хотятъ измѣрять въ другихъ предметахъ, — имѣть мѣновую цѣнность; 2) мѣновая цѣнность единицы должна быть по возможности неизмѣнною.

Такъ какъ естественная высота мѣновой цѣнности зависитъ отъ издержекъ производства, то слѣдовательно масштабомъ мѣновой цѣнности можетъ быть только товаръ, издержки производства котораго остаются на сколько возможно неизмѣнными. Кромѣ того, рыночная мѣновая цѣнность должна меньше всего представлять отклоненій отъ цѣнности естественной; а для этого необходимо, чтобы товаръ представлялъ съ своей стороны всѣ удобства для поддержанія постояннаго равновѣсія между спросомъ и предложеніемъ, и чтобы спросъ и предложеніе были возможно однообразны. Совершеннаго масштаба, который вполнѣ удовлетворялъ бы этимъ двумъ существеннымъ требованіямъ, нѣтъ. Но историческій опытъ показываетъ, что нѣкоторые товары въ долгіе періоды времени представляютъ почти неизмѣнную среднюю мѣновую цѣнность, хотя цѣнность эта въ короткіе промежутки времени подвергается весьма сильнымъ колебаніямъ. Къ такимъ товарамъ относятъ хлѣбъ и рабочую плату. Для текущей жизни эти товары не могутъ служить масштабомъ, для измѣренія цѣнности другихъ товаровъ; напротивъ, для измѣренія цѣнности въ долгіе періоды, напр.

при установленіи рентъ, при опредѣленіи арендной платы въ продолжительныхъ или наслѣдственныхъ арендахъ, при опредѣленіи колебаній цѣнности золота и серебра изъ столѣтія въ столѣтіе, цѣна хлѣба и рабочей платы могутъ быть лучшими мѣрилами.

Для текущей же жизни нуженъ масштабъ по возможности такой, цѣнность котораго была бы постоянной, не только въ долгіе періоды, но и изо-дня-въ-день, и вообще въ періоды, въ предѣлахъ которыхъ начинается и заканчивается большая часть экономическихъ сдѣлокъ, и при томъ не только на одномъ, но и на различныхъ рынкахъ.

Несомнѣнно, что всѣмъ этимъ требованіямъ лучше всего удовлетворяютъ благородные металлы

Естественная цѣнность золота и серебра (издержки производства), если и подвергается иногда сильнымъ колебаніямъ, то колебанія эти случаются въ столѣтія разъ, наступаютъ медленно и еще медленнѣе сглаживаются, не причиняя внезапныхъ и сильныхъ потрясеній на рынкахъ.

Что же касается рыночной цѣны благородныхъ металловъ, то и въ этомъ случаѣ трудно найти товаръ, въ которомъ отношеніе между спросомъ и предложеніемъ было бы такъ постоянно. Главною причиною такого постоянства рыночныхъ цѣнъ на золото и серебро является то обстоятельство, что благородные металлы, имѣя самую разнообразную полезность и многоразличное употребленіе, представляютъ однакожъ одинъ рынокъ, по удобству пересылки и по легкости переплавки. Другая причина постоянства рыночной цѣны благородныхъ металловъ заключается въ томъ, что потребность въ золотѣ и серебрѣ, хотя и довольно сильная и всеобщая, не есть однако же потребность первой необходимости, какъ напр. потребность въ хлѣбѣ. Вслѣдствіе этого,

самый спросъ легко можетъ сокращаться и расширяться и, не измѣняя цѣнности благородныхъ металловъ, соотвѣтствовать предложенію.

Очевидно, что товаръ, обладающій постоянствомъ цѣнности, способный быть даже масштабомъ при опредѣленіи цѣнности другихъ товаровъ, долженъ обладать уже по этому одному высокою мѣноспособностію, — при обмѣнѣ не можетъ быть никакихъ сомнѣній относительно цѣнности такого товара. Въ этомъ смыслѣ можно пожалуй сказать, что товаръ такого рода пользуется самымъ широкимъ кредитомъ.

Но, кромѣ постоянства цѣнности, благородные металлы обладаютъ еще другими качествами, весьма важными для рынка, какъ напр. прочностію, удобоподвижностію, дѣлимостью и т. д.; слѣдовательно, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ является потребность сохранить цѣнность, перенести ее на другой рынокъ, раздѣлить на части и т. п., золото и серебро представляютъ самыя большія удобства, еще болѣе усиливающія ихъ мѣноспособность.

И такъ, постоянство цѣнности металловъ, а также прочность, удобоподвижность и др. качества, дѣлаютъ ихъ лучшими мѣрилами цѣнности и весьма желательнымъ товаромъ на рынкѣ, по многосторонней полезности и особенно по способности для обмѣна, сбереженія и накопленія капиталовъ; такъ что, при полномъ развитіи денежнаго хозяйства, самая постоянная, самая прочная и въ тоже время самая свободная отъ стѣсняющихъ условій реализація цѣнности есть металлическая.

Неудивительно, что у всѣхъ образованныхъ народовъ золото и серебро сдѣлались единственными орудіями для измѣренія цѣнностей, а также главными орудіями обращенія, накопленія и сбереженія цѣнностей.

Для того, чтобы придать масштабу цѣнности большую

опредѣленность, принимаютъ за единицу извѣстный вѣсъ золота или серебра (основной монетный вѣсъ) и, для удобства обращенія, сбереженія и накопленія капиталовъ, чеканятъ монету главную (монетная единица) и ея части. Такимъ образомъ, звонкая монета есть извѣстное количество благороднаго металла, завѣренное въ пробѣ и вѣсѣ и по формѣ и величинѣ приспособленное къ потребностямъ рынка [a]).

Первоначальная исторія всякаго народа свидѣтельствуетъ, что было время, когда люди не нуждались въ монетѣ. Только съ развитіемъ мѣны и раздѣленія труда, съ органическимъ сліяніемъ частныхъ хозяйствъ въ одно цѣлое — народное хозяйство, потребность въ монетѣ дѣлается столь постоянною, что для удовлетворенія ея общество рѣшается дѣлать значительныя издержки, лишь бы только имѣть монету и держать ее въ хорошемъ состояніи. Слѣдовательно, съ экономическимъ развитіемъ общества потребность въ монетѣ дѣлается весьма сильною.

Конечно, всѣ потребности, а тѣмъ болѣе новыя, можно разсматривать какъ зло; но, съ другой стороны, все развитіе цивилизаціи можно считать умноженіемъ нравственно оправдываемыхъ потребностей, и вся задача общественнаго и частнаго развитія должна заключаться въ такомъ случаѣ не въ уничтоженіи потребностей, но въ легчайшемъ и лучшемъ способѣ удовлетворенія ихъ. Нельзя считать безнравственною потребность въ монетѣ. Если соціалисты указали на дурную сторону денежнаго хозяйства и приписали монетѣ способность скоплять имущество въ одни руки и тѣмъ способствовать еще большему неравенству распредѣленія имуществъ,

---

a) Маклеодъ и монету называетъ кредитнымъ знакомъ; но въ такомъ случаѣ и всѣ другіе товары, хлѣбъ, сукно и т. д., какъ средства и орудія, служащія для удовлетворенія потребностей, можно также назвать кредитными знаками.

то на это можно возразить, что монета, какъ простое орудіе накопленія, меньше всего виновата въ этомъ, и что, напротивъ, при посредствѣ монеты можетъ доставляться и доставляется обществу несравненно большая сумма добра, чѣмъ зла. Во всякомъ же случаѣ отказываться отъ потребности въ монетѣ и замѣнять ее другими товарами, значило бы возвращаться въ тѣ первобытныя времена, когда вмѣсто монеты люди употребляли кожи, скотъ, соль, мѣдь и т. д

Итакъ, для цивилизованныхъ народовъ является одна задача: не отказываясь отъ потребности въ монетѣ, найти лучшій способъ удовлетворить этой потребности.

Одно, чего въ этомъ отношеніи успѣли достигнуть развитыя общества, это болѣе выгодное удовлетвореніе потребности въ монетѣ, посредствомъ кредита, реализирующагося на монету же, но не на другіе товары.

Результатами такого рода кредитныхъ сдѣлокъ являются часто кредитные знаки, представляющіе собою монету. Эти кредитные знаки, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ представлять большія удобства для рынка.

Если такіе знаки пользуются обширнымъ кредитомъ и своевременно размѣниваются на монету, то представительная цѣнность ихъ удерживаетъ туже особенность, которою отличается цѣнность монеты отъ цѣнности другихъ товаровъ, — постоянство.

Обладая этимъ качествомъ, кредитные знаки могутъ служить масштабомъ для измѣренія цѣнности другихъ товаровъ, но только конечно въ такой степени, въ какой являются они дѣйствительными представителями монеты.

Кромѣ цѣнности, кредитнымъ знакамъ можно легко придать и нѣкоторыя другія качества монеты, и иногда въ большей даже степени, смотря потому, изъ какого матеріала дѣлаютъ эти кредитные знаки. Такъ, бумажные кредитные

представители монеты удобнѣе для пересылки, чѣмъ монета; мѣдные кредитные знаки имѣютъ обыкновенно даже форму монеты, но гораздо удобнѣе для рынка, при мелкихъ платежахъ, чѣмъ слишкомъ мелкая серебрянная или золотая монета

Слѣдовательно, какъ орудія обращенія, кредитные знаки удобнѣе для рынка, чѣмъ монета Но нельзя конечно того же сказать о кредитныхъ знакахъ, по отношенію къ сбереженію и накопленію цѣнностей. Хотя впрочемъ и здѣсь, если кредитные знаки будутъ приносить владѣльцамъ ихъ проценты, то пожалуй они и для накопленія и сбереженія капиталовъ могутъ быть также пригодны. Въ такомъ случаѣ, очевидно, расширилась бы ихъ полезность и, слѣдовательно, увеличился бы и спросъ на нихъ.

Но самая главная выгода кредитныхъ орудій обращенія для рынка состоитъ въ томъ, что, при существованіи представительныхъ знаковъ, монета можетъ лежать спокойно въ кассахъ и не подвергаться порчѣ отъ обращенія; мало того, при правильномъ пользованіи кредитомъ, весьма значительная часть монеты можетъ быть употреблена на удовлетвореніе другихъ потребностей.

И такъ, изъ всего сказаннаго, относительно цѣнности орудій обращенія, слѣдуетъ, что цѣнность звонкой монеты зависитъ отъ цѣнности благороднаго металла, изъ котораго она сдѣлана; цѣнность же представителей зависитъ отъ того, въ какой степени они представляютъ собою монету.

Къ представителямъ, или суррогатамъ монеты, мы относимъ не только письменныя обязательства извѣстнаго рода, но также низкопробную размѣнную монету, биллонъ и мѣдныя деньги. Эти послѣдніе, размѣнные представители, могутъ быть орудіями измѣренія, обращенія и накопленія капиталовъ, также не ради постоянства цѣнности того мате-

ріала, изъ котораго они сдѣланы, но ради кредита, основаннаго на возможности реализировать биллонъ или мѣдную монету, въ извѣстномъ количествѣ, на главную монету части которой и представляютъ эти низкопробные и мѣдные знаки.

Разсматривая вопросъ о цѣнности орудій обращенія, нельзя обойти одного изъ важнѣйшихъ заблужденій, господствовавшаго долго въ наукѣ и въ практической жизни, и остающагося не безъ значенія и въ настоящее время Такимъ заблужденіемъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ считать весьма распространенное мнѣніе, что цѣнность какъ монеты, такъ и ея представителей зависитъ не отъ матеріала и не отъ реализаціи кредита, а отъ количества; или, иными словами, что, при существованіи извѣстнаго запроса на деньги, самая цѣнность денегъ установляется сообразно съ предложеніемъ. Съ научной точки такое предположеніе невѣрно уже потому, что, указывая на рыночную цѣнность денегъ, оно упускаетъ изъ виду, или неправильно истолковываетъ естественную ихъ цѣнность.

Главнымъ источникомъ заблужденій въ теоріи и въ практикѣ можно считать въ этомъ случаѣ слѣдующее мнѣніе Рикардо: «Золото и серебро, какъ и всѣ другіе товары, имѣютъ мѣновую цѣнность только по отношенію къ количеству труда, необходимаго для ихъ производства и поставки на рынокъ. Золото вообще почти въ 15 разъ дороже серебра не потому, чтобы на него существовалъ большій запросъ, или чтобы предложеніе серебра было въ 15 разъ больше золота, но единственно потому, что нужно въ 15 разъ большее количество труда для того, чтобы доставить его въ данномъ количествѣ». «Количество денегъ, нужное для данной страны, должно зависить отъ своей мѣновой цѣнности: если будетъ употребляться одно золото, какъ

орудіе обращенія, то достаточно въ 15 разъ меньшаго количества его, какое было бы необходимо, если бы для той же цѣли употреблялось серебро».

Къ сожалѣнію, изъ этого ряда логическихъ заключеній самъ Рикардо вывелъ софизмъ, говоря далѣе, что «денежное обращеніе никогда не можетъ быть изобильнымъ до излишка; ибо понизьте его мѣновую цѣнность, то увеличите въ такомъ же отношеніи его количество, а возвысьте его мѣновую цѣнность, то уменьшите его количество». «Пока государство само чеканитъ монету, нельзя опредѣлить границъ для передѣльнаго дохода; ибо, ограничивая количество монеты, можно придать монетѣ всевозможную цѣнность.» «Это основной законъ, на которомъ основывается обращеніе бумажныхъ денегъ» a)

Въ приведенныхъ словахъ Рикардо мы видимъ противорѣчіе. Сначала онъ говоритъ, что количество монеты зависитъ отъ ея цѣнности, — это совершенно справедливо; т. е. золотой монеты дѣйствительно нужно для рынка въ 15 разъ меньше серебрянной. Но, сдѣлавши этотъ выводъ, Рикардо, чрезъ нѣсколько строкъ, принимая слѣдствіе за причину, дѣлаетъ обратное заключеніе и говоритъ, что отъ количества денегъ зависитъ ихъ цѣнность; т. е., если количество золотой монеты увеличить въ 15 разъ, то цѣнность понизиться во столько же разъ.

Что касается звонкой монеты, то невѣрность послѣдняго вывода очевидна.

Увлекшись чисто абстрактными выводами, Рикардо весь металлическій рынокъ смѣшалъ съ монетнымъ, т. е. не обра-

---

a) См. David Ricardo's Grundgesetze der Volkswirthschaft und Besteuerung aus dem Englischen übersetzt von Dr. Edw. Baumstark. Leipzig, 1837 томъ 1. стр. 385 и слѣд.

тилъ вниманія на то, что только часть всей массы благородныхъ металловъ состоитъ въ монетѣ, остальная же часть имѣетъ другое употребленіе; причемъ однако же, благодаря легкой переплавкѣ металловъ, сохраняется одинъ общій металлическій рынокъ и одинаковая цѣнность металловъ во всѣхъ примѣненіяхъ. Кромѣ того, Рикардо предполагаетъ, что вся монета находится въ обращеніи, и упускаетъ изъ виду ту часть монетнаго рынка, которая употреблена на сбереженіе и накопленіе капиталовъ и находится въ кассахъ. а слѣдовательно безъ всякихъ затрудненій даетъ возможность сокращаться и расширяться массѣ монеты, находящейся въ обращеніи, безъ всякаго вліянія на ея мѣновую цѣнность. Наконецъ, соглашаясь съ Рикардо, нужно было бы предположить полное отсутствіе суррогатовъ денежнаго обращенія, какъ напр. векселей, чековъ и др., совершенную изолированность рынка и невозможность увеличенія скорости обращенія денегъ.

Очевидно, что, при тѣсной связи монетнаго рынка съ металлическимъ, при всевозможномъ увеличеніи количества монеты, цѣнность ея не можетъ пасть ниже цѣнности заключающагося въ ней металла. Съ другой стороны, уменьшеніе количества монеты вызоветъ суррогаты монетнаго обращенія векселя, билеты и т. д. И какъ бы ни было ничтожно количество монеты, рынокъ найдетъ возможность удовлетворить другими путями потребности въ орудіяхъ обращенія, но не увеличитъ цѣнности монеты. Нѣтъ примѣра даже, чтобы правительству удалось поднять цѣнность монеты выше цѣнности заключающагося въ ней металла на столько, чтобы возбудить желаніе у частныхъ лицъ дѣлать такую же монету.

Изъ этого мы видимъ, что цѣнностью монеты управляетъ общее состояніе цѣнности благородныхъ металловъ.

существующее въ данное время на всѣхъ рынкахъ, а не количество монеты

Между тѣмъ, послѣдователи Рикардо, проводя его ученіе далѣе, считали возможнымъ поставить денежное обращеніе вообще въ совершенную независимость отъ остальнаго металлическаго рынка и путемъ регламентаціи поддерживать цѣнность монеты, независимо отъ внутренняго ея содержанія.

Но всякая попытка уменьшить количество чистаго металла въ монетѣ и посредствомъ предписаній поддержать ея номинальное значеніе, ведетъ къ уменьшенію монетной единицы и измѣненію монетной системы; при этомъ, цѣны другихъ товаровъ, безъ всякихъ существенныхъ измѣненій, измѣряемые меньшею единицею, будутъ казаться большими.

Только всестороннее пользованіе монетою поддерживаетъ тѣсную связь ея съ металлическимъ рынкомъ и, гарантируя равновѣсіе спроса и предложенія на монетномъ рынкѣ, придаетъ постоянство цѣнности монеты.

По этому, всякія ограниченія въ способахъ пользованія монетою, напр. запрещеніе вывоза, переплава и т. д., ведутъ только къ нарушеніямъ закона и остаются въ существѣ безсильными. При увеличеніи количества монеты (предложенія), ограниченія могутъ понизить ея цѣнность только на страховую премію за запрещенное пользованіе монетою Съ другой стороны, при произвольномъ уменьшеніи количества монеты, регламентація не можетъ поднять ея цѣнности выше цѣнности металла, развѣ на величину передѣльнаго дохода, (издержекъ производства) не возбуждающаго поддѣлки.

Всѣ другія средства поддержать цѣнность монеты выше цѣнности заключающагося въ ней металла, напр. таксы цѣнъ товаровъ на внутреннихъ рынкахъ вообще и цѣнъ благородныхъ металловъ въ особенности, ведутъ только къ за-

трудненіямъ въ торговлѣ и къ изгнанію изъ обращенія лучшей монеты.

Изъ всего сказаннаго видно, что естественная цѣнность монеты, какъ куска благороднаго металла извѣстной формы, опредѣляется издержками производства; а рыночная цѣнность, какъ результатъ отношенія предложенія къ спросу, устраняется отъ всякихъ колебаній, поддерживается на одной высотѣ и совпадаетъ съ естественною цѣнностію, благодаря многосторонней полезности металловъ и тѣсной связи монетнаго рынка съ міровымъ металлическимъ рынкомъ.

Изъ приведенныхъ словъ Рикардо видно, что, указывая на количество, какъ на главный регуляторъ цѣнности орудій обращенія, онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ кредитныя орудія обращенія и преимущественно бумажныя деньги. Дѣйствительно, хотя мнѣніе Рикардо имѣетъ видъ общаго научнаго закона, но оно вызвано было паденіемъ цѣнности банковыхъ билетовъ въ Англіи, во время прекращенія размѣна. И по отношенію къ кредитнымъ орудіямъ, мы можемъ повторить тоже, что сказали прежде. Если рынокъ въ данное время нуждается для обращенія товаровъ въ извѣстной суммѣ цѣнностей или представителей, то эту сумму можно раздѣлить на большее или меньшее количество орудій обращенія: и въ такомъ случаѣ отъ цѣнности каждаго орудія обращенія въ отдѣльности будетъ зависѣть ихъ общее количество. Справедливо, что для обращенія нужно пятирублевыхъ билетовъ въ двадцать разъ больше, чѣмъ сторублевыхъ; но и здѣсь мы видимъ, что количество орудій зависитъ отъ ихъ цѣнности, а не наоборотъ.

Это заблужденіе Рикардо, отъ котораго онъ самъ впрочемъ отказался отчасти [a]), развилось въ цѣлыя теоріи объ

---

a) Рикардо, въ своемъ проектѣ дешеваго и вѣрнаго орудія обращенія,

исключительной зависимости цѣнности бумажныхъ денегъ отъ ихъ количества, а также о самостоятельной цѣнности кредита, независимо отъ реализаціи и о покупательной силѣ, какъ цѣнности.

Дѣйствительно, разсматривая увеличеніе количества, какъ увеличеніе предложенія, мы можемъ сказать, что, по теоріи Рикардо, бумажныя деньги не имѣютъ естественной цѣнности, а одну рыночную; ее создаютъ самый интенсивный спросъ, могущій увеличить ихъ цѣнность даже выше той, на которую они написаны, и предложеніе (количество), регулирующее эту цѣнность.

Но кредитные представители монеты не имѣютъ самостоятельной цѣнности, и, только благодаря кредиту, представляютъ собою естественную и рыночную цѣнность той монеты, на которую они написаны. По этому, уменьшеніе предложенія (количества) бумажныхъ денегъ не можетъ повысить ихъ цѣнности выше той, на которую они написаны. Съ другой стороны, увеличеніе предложенія (количества), дѣйствительно можетъ вліять не на самостоятельную цѣнность бумажныхъ денегъ (которой они не имѣютъ), а на значеніе ихъ, какъ представителей монеты, и то только въ случаѣ прекращенія размѣна.

Мы видѣли, что, при увеличеніи количества звонкой монеты, излишекъ ея, благодаря разносторонней полезности металловъ, обращается на другія потребности и потому рыночная цѣнность монеты не подвергается колебаніямъ. Кредитныя же безпроцентныя знаки съ размѣномъ по предъявленіи негодны, ни для сбереженія, ни для накопленія капиталовъ, и только, благодаря постоянной возможности размѣна и прекращенія самаго обязательства, на рынкѣ, такого

говоритъ, что для устраненія злоупотребленій при выпускѣ бумажныхъ денегъ лучше ничего нельзя придумать, какъ обязательный размѣнъ бумажныхъ денегъ на монету или металлъ.

рода знаки принимаются въ обмѣнъ и могутъ задерживать существованіе обязательства на долгое время. Всякій излишекъ, т. е. количество, превышающее потребности рынка въ орудіяхъ обращенія, предъявляется для размѣна и для прекращенія самаго обязательства. Слѣдовательно, до прекращенія размѣна количество не имѣетъ никакого вліянія на цѣнность представителей монеты.

Только въ томъ случаѣ, когда размѣнъ прекращенъ, и является вынужденный курсъ, можетъ пасть кредитъ и совершенно уничтожить за кредитными знаками значеніе представителей монеты; тогда цѣнность бумажныхъ денегъ, независимо отъ количества, превращается въ нуль. Если же и послѣ прекращенія размѣна кредитъ не вполнѣ разрушенъ, тогда самый характеръ кредитной сдѣлки совершенно измѣняется: изъ обязательства съ размѣномъ по предъявленіи кредитный знакъ превращается въ обязательство съ реализаціею въ болѣе или менѣе отдаленный, часто неопредѣленный срокъ и подлежитъ, какъ представитель той цѣнности, на которую онъ написанъ, учету и страховой преміи, какъ всякій вексель. Слѣдовательно, и здѣсь количество можетъ имѣть вліяніе только на кредитъ и на измѣненіе самой формы кредитной сдѣлки, но не придаетъ и не уменьшаетъ цѣнности представителей, независимо отъ кредита и реализаціи [a]).

И такъ, мы можемъ сказать, что цѣнность монеты и цѣнность кредитныхъ орудій обращенія, написанныхъ на монету, зависитъ отъ цѣнности благородныхъ металловъ.

Такъ какъ посредствомъ международной торговли происходитъ вообще уравненіе цѣнности товаровъ въ разныхъ

а) См. впрочемъ Die Geschichte und Bestimmung der Preise von Th. Tooke und W. Neumarch. Deutsch und mit Zusätzen versehen von Dr. C. W. Ascher. Dresden, 1862. Erster Band. zweite Hälfte, Capitel XXII. стр. 617 и слѣд. А также Die Geld- und Credittheorie der Peel'schen Bankacte von Dr. Adolph Wagner. Wien, 1862.

странахъ, то и разница въ цѣнности благородныхъ металловъ на двухъ отдѣльныхъ рынкахъ, имѣющихъ между собою постоянныя торговыя сношенія, не можетъ долго превышать издержекъ провоза металловъ и въ извѣстной степени товаровъ, которые отдаются въ обмѣнъ за металлъ. Слѣдовательно, вексельный курсъ, ниже этихъ издержекъ провоза или выше ихъ, можетъ во многихъ случаяхъ свидѣтельствовать о разницѣ въ цѣнности золота и серебра въ двухъ странахъ, находящихся между собою въ торговыхъ сношеніяхъ, хотя впрочемъ онъ можетъ иногда свидѣтельствовать только о перемѣнахъ въ цѣнѣ другихъ товаровъ, обмѣниваемыхъ на металлъ. Во всякомъ же случаѣ, вексельный курсъ свидѣтельствуетъ о приливѣ или отливѣ въ данной странѣ благородныхъ металловъ, хотя бы цѣнность ихъ оставалась неизмѣнною.

Путемъ международной торговли, не только распространяются измѣненія въ цѣнности металловъ, происходящія отъ измѣненія издержекъ производства ихъ, напр. вслѣдствіе открытія новыхъ, особенно обильныхъ рудниковъ, но и уравниваются и сглаживаются внезапныя перемѣны въ цѣнности металловъ, вызываемыя торговыми и денежными кризисами. Наконецъ, въ странахъ, не имѣющихъ рудниковъ, балансомъ заграничной торговли поддерживается равновѣсіе спроса и предложенія на благородные металлы.

Принимая во вниманіе зависимость цѣнности денегъ отъ цѣнности благородныхъ металловъ, мы можемъ сказать, что перемѣны въ цѣнности денегъ происходятъ, или отъ причинъ всеобщихъ, или же отъ причинъ, дѣйствующихъ въ предѣлахъ извѣстнаго государства.

Въ первомъ случаѣ, измѣненіе цѣнности денегъ можетъ происходить отъ уменьшенія или увеличенія цѣнности золота и серебра во всѣхъ странахъ, состоящихъ между собою въ

торговыхъ сношеніяхъ. Такъ напр., если, вслѣдствіе открытія американскихъ рудниковъ, цѣнность благородныхъ металловъ понизилась, и вслѣдствіе этого соотвѣтственно возрасли цѣны всѣхъ другихъ товаровъ, то такая перемѣна въ цѣнности денегъ должна быть всеобща въ цѣломъ торговомъ мірѣ.

Измѣненія же въ цѣнности денегъ, ограничивающіяся одною страною, зависятъ отъ постоянныхъ и правильныхъ торговыхъ сношеній съ другими странами, уравнивающихъ цѣнность металловъ въ данной странѣ, съ цѣнностью ихъ въ остальномъ торговомъ мірѣ. При этомъ, торговый балансъ и вексельный курсъ могутъ въ значительной степени объяснять, и сравнительное состояніе цѣнности благородныхъ металловъ, и денегъ въ странѣ съ цѣнностію ихъ на остальныхъ рынкахъ. Главнѣйшія же измѣненія цѣнности денегъ въ отдѣльной странѣ зависятъ отъ состоянія денежной системы, которая опредѣляетъ монетную единицу, а часто и значеніе кредита въ обращеніи.

Основываясь на вышесказанномъ, при изслѣдованіи состоянія денежнаго рынка въ Россіи отъ 1700 до 1762 года, мы постараемся разсмотрѣть слѣдующіе вопросы:

1) Состояніе цѣнности золота и серебра на европейскомъ рынкѣ въ XVIII вѣкѣ;

2) Торговыя сношенія Россіи отъ 1700 до 1762 года съ другими народами, преимущественно европейскими, и балансъ ея заграничной торговли;

3) Разработку собственныхъ золотыхъ и серебрянныхъ рудниковъ въ Россіи въ разсматриваемый нами періодъ;

4) Монетную систему съ 1700 по 1762 годъ;

5) Вексельный курсъ и общія свѣдѣнія относительно цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи.

Источники, которыми мы пользовались, будутъ указаны въ выноскахъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О цѣнности благородныхъ металловъ на европейскомъ рынкѣ въ XVIII столѣтіи.

Восемнадцатый вѣкъ для металлическаго рынка Европы является тѣмъ періодомъ въ исторіи золота и серебра, когда потрясеніе, произведенное открытіемъ американскихъ рудниковъ, уменьшалось мало-по-малу, и наконецъ совершенно изгладилось, благодаря главнымъ образомъ быстрому экономическому развитію Европы и Америки. Но у главныхъ авторитетовъ въ наукѣ по этому вопросу мы встрѣчаемъ не одинаковыя рѣшенія.

А. Смитъ говоритъ, что съ 30 годовъ и до конца XVII столѣтія серебро держалось въ одной цѣнѣ; потомъ цѣна серебра начала подниматься во все продолженіе XVIII вѣка [a]). Смитъ основываетъ свой выводъ на пониженіи цѣнъ на хлѣбъ, которое обнаружилось въ концѣ XVII вѣка и продолжалось почти весь XVIII вѣкъ. Дѣйствительно, англійскій и даже другіе (континентальные) хлѣбные рынки XVIII вѣка представляютъ замѣчательныя періодическія колебанія цѣнъ; но выводъ Смита нельзя считать вѣрнымъ уже потому, что

а) Адамъ Смитъ. Изслѣд о природѣ и причинахъ богатства народовъ перевод. П. А Бибикова. 1866, томъ 1, стр. 393.

при изслѣдованіяхъ цѣнъ на хлѣбъ, онъ ограничивался узкими предѣлами немногихъ извѣстныхъ ему рынковъ, главнымъ образомъ англійскимъ и отчасти французскимъ: о другихъ же континентальныхъ рынкахъ у него не было свѣдѣній.

Между тѣмъ даже англійскій товарный рынокъ, по вопросу о цѣнахъ на другіе товары, кромѣ хлѣба, а особенно въ цѣнѣ рабочей платы, представлялъ явленія, совершенно противорѣчившія выводамъ Смита. Нѣкоторая правильность колебаній цѣнъ на хлѣбъ заставила Смита искать объясненія этого явленія въ такой общей причинѣ, какъ измѣненіе цѣнности благородныхъ металловъ, и прійти къ заключенію, что цѣнность благородныхъ металловъ въ XVIII вѣкѣ уже поднималась.

Между тѣмъ, судя по цѣнѣ рабочей платы въ Англіи, гдѣ она въ первую половину XVIII вѣка уже значительно возвысилась, можно было прійти къ совершенно противуположному заключенію. И дѣйствительно, Тукъ, изслѣдовавшій тщательно причины колебаній цѣнъ на хлѣбъ въ XVIII вѣкѣ въ Англіи, принялъ цѣну рабочей платы за масштабъ, при рѣшеніи вопроса о состояніи цѣнности благородныхъ металловъ въ этотъ періодъ, и пришелъ къ заключенію, совершенно несходному съ рѣшеніемъ Смита. Онъ говоритъ, что вліяніе американскихъ рудниковъ продолжалось и въ XVIII вѣкѣ, — цѣнность серебра до половины XVIII вѣка продолжала все еще понижаться[a]). Но и для Тука мало извѣстны были континентальные рынки, кромѣ французскаго, и даже послѣдній не могъ уже вполнѣ служить подтвержденіемъ его вывода.

---

a) Die Geschichte und Bestimmung der Preise. von Th. Tooke und W. Newmarch. Deutsch und mit Zusätzen versehen von Dr. C. W. Asher. Dresden 1862. B. 1, § 31.

Лучшее, по нашему мнѣнію, и болѣе принятое рѣшеніе этого вопроса въ наукѣ мы находимъ у Гельфериха. Одною изъ главныхъ задачъ его изслѣдованія о періодическихъ колебаніяхъ цѣнности благородныхъ металловъ, между прочимъ поставлено рѣшеніе вопроса о времени прекращенія вліянія американскихъ рудниковъ на пониженіе цѣнности серебра въ Европѣ Основываясь на тщательномъ изученіи состоянія цѣнъ, не только хлѣба и рабочей платы, но и другихъ предметовъ, а также на изученіи общаго экономическаго состоянія всей Европы, Гельферихъ приходитъ къ тому заключенію, что уже съ половины XVII и до конца XVIII вѣка европейскій металлическій рынокъ не представляетъ общихъ явленій повышенія или пониженія цѣнности благородныхъ металловъ, а если въ отдѣльныхъ странахъ, или на короткое время и обнаруживались колебанія цѣнъ денегъ, то они объясняются особыми частными условіями, ограничивающими свое вліяніе только на небольшое пространство и время [a]).

Основываясь на оффиціальныхъ данныхъ о количествѣ золота и серебра, добытаго въ испанскихъ и португальскихъ колоніяхъ Америки, Гумбольдтъ полагаетъ, что ежегодный приливъ благородныхъ металловъ на европейскій рынокъ въ продолженіи первой половины XVIII столѣтія простирался до 22½ милліоновъ доларовъ. Съ половины же XVIII столѣтія приливъ постоянно возрасталъ, такъ что въ началѣ XIX вѣка онъ достигъ 43 милл. доларовъ; среднимъ числомъ съ 1750 по 1803 годъ Гумбольдтъ считаетъ ежегодный приливъ въ 35,300,000 доларовъ. Періоды самаго большаго ввоза металловъ въ XVIII столѣтіи были съ 1736 по 1745

---

a) Von den periodischen Schwankungen im Werth der edeln Metalle von der Entdeckung Amerikas bis zum Jahr. 1830. Eine historisch-ökonomische Monographie von Dr. J. Helferich. Nürnberg, 1843. S. 135.

и съ 1777 по 1783 годъ, когда мексиканскіе рудники, послѣ упадка Потози, достигли самой большей разработки.

Но, кромѣ прилива золота и серебра изъ новаго свѣта на европейскій рынокъ, континентальные рудники Европы продолжали также усиленно разрабатываться, а нѣкоторые только въ этомъ столѣтіи были открыты.

Гельферихъ, основываясь на вычисленіяхъ Villfosse, о количествѣ золота и серебра, добытаго изъ старыхъ, континентальныхъ рудниковъ, полагаетъ, что золота добывалось до 5,300, а серебра до 212,000 марокъ, вмѣстѣ — около 2,900.000 доларовъ [b]).

Въ этомъ же столѣтіи началась разработка уральскихъ и сибирскихъ рудниковъ (Воицкій, Олонецкой губ., съ 1744; Березовскій съ 1754, Колыванскіе съ 1746 и Нерчинскіе съ 1704). По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ и исчисленію Якоба, отъ 1704 до 1810 добыто 1726 пудовъ золота и 61,859 пудовъ серебра; среднимъ числомъ около 400,000 доларовъ въ годъ.

Если прибавить эти цифры къ означеннымъ выше, то получимъ общую сумму прилива металловъ для первой половины XVIII вѣка около 25 1/2 милліоновъ доларовъ, а для второй половины около 35 1/3 милл. доларовъ.

Значительная часть этого прилива драгоцѣнныхъ металловъ не оставалась впрочемъ въ Европѣ, а шла на азіятскую торговлю.

Якобъ считаетъ эту потерю въ 2/5 американскаго и африканскаго ввоза, среднимъ числомъ отъ 1700 до 1809 года нѣсколько больше 15 милл. доларовъ ежегодно, считая потери по торговлѣ въ южной Азіи, Левантѣ и центральной Азіи.

Одна Англія по торговлѣ съ Индіею (не считая потерь

---

b) См. Helferich. Von den period Schwann. im Werth der edl. Metalle. стр. 108.

въ Китаѣ и Левантѣ) по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ отъ 1705 до 1745 г. вывозила около $2^4/_5$ милл. доларовъ, а съ 1770 по 1780 г. около 3 милл. доларовъ. Между тѣмъ, вывозъ въ Китай и Левантъ былъ также значителенъ. Европа въ 1766 году вывезла въ Китай 2,688,000 піастровъ [a]), а въ Левантъ одна Англія въ 1800 году вывезла около $2^3/_4$ милл. доларовъ.

Гельферихъ, пользуясь статистическими таблицами Плайфера, отчетами англійской остъ-индской компаніи и свѣдѣніями коммисіи, составленной при палатѣ лордовъ въ 1810 году, для разъясненія вопросовъ относительно металлическаго рынка, полагаетъ, что одна Англія почти во все продолженіе XVIII вѣка теряла на индо-китайской торговлѣ около $2^1/_2$ милл. доларовъ среднимъ числомъ ежегодно. Хотя труднѣе опредѣлить потери другихъ европейскихъ народовъ въ Азіи, но можно сказать, что, сравнительно съ объемомъ торговли, Англія теряла меньше; ея торговый балансъ былъ гораздо выгоднѣе, потомучто, благодаря развитію обрабатывающей промышленности, она поставляла больше фабрикатовъ. Кромѣ того, европейская торговля съ Азіею была значительнѣе въ XVIII вѣкѣ, чѣмъ въ началѣ XIX столѣтія, когда она вся составляла не болѣе половины англійской.

Приблизительно можно считать весь вывозъ серебра въ Китай и Индію изъ западной Европы отъ 6 до 8 милл. доларовъ. Если прибавить сюда потери въ Левантѣ и на караванной торговлѣ чрезъ Семипалатинскъ (послѣдняя впрочемъ сдѣлалась значительною только въ послѣдней половинѣ

а) Доларъ равенъ 135 копѣйкамъ; піастръ 102 копейки. См. Cours d'économie politique par Henri Storch Ed. par J.-B. Say. томъ 4, стр. 307.

XVIII столѣтія), то общую потерю въ Азіи можно считать отъ 12 до 14 милл. доларовъ[a]).

Уменьшеніе количества благородныхъ металловъ на европейскомъ рынкѣ происходило не только отъ вывоза въ Азію, но и отъ употребленія благородныхъ металловъ на предметы роскоши, сильно развившейся въ этомъ столѣтіи, а также для различныхъ подѣлокъ и отъ стиранія въ самой монетѣ. Относительно потери благородныхъ металловъ въ предметахъ роскоши и различныхъ подѣлкахъ, Якобъ, тщательно изслѣдовавшій этотъ вопросъ, считаетъ, что, за вычетомъ потери въ Азіи, терялись этимъ путемъ двѣ трети остатка ежегоднаго ввоза, т. е. около 3½ милл. фунтовъ въ годъ, — цифра, превосходящая вдвое вычисленія по этому предмету Гумбольдта. Разсматривая, на какіе именно предметы по преимуществу употреблялись въ это время благородные металлы (столовые сервизы, позолоты, часы и др.), Гельферихъ считаетъ общую ежегодную потерю въ этихъ вещахъ, для первой половины XVIII вѣка, отъ 5 до 6 милл. доларовъ, а съ 1760 по 1790 г. до 8 милліоновъ. Если эту потерю, вмѣстѣ съ суммою вывоза серебра въ Азію, вычесть изъ общей суммы ежегоднаго приращенія количества благородныхъ металловъ, то получимъ общее приращеніе для денежнаго рынка Европы, для первой половины XVIII вѣка около 9, а для послѣдней около 14 милліоновъ піастровъ[b]).

Что же касается потери вслѣдствіе порчи и стиранія монеты при обращеніи, то по изслѣдованіямъ Якоба въ Англіи она равнялась 0,238%[c]). Тѣ условія, которыя при-

---

a) См. Helferich тамъ же.

b) Helferich стр. 115.

c) Главнѣйшія цифры исчисленій Якоба:

Добыча золота и серебра въ Америкѣ отъ 1700 до 1809 простиралась до 7,147,000 ф. ежегодно всего за весь періодъ . . . . 786,000,000 ф. ст.

нимались при вычисленіи этой потери въ Англіи, въ XVIII вѣкѣ еще не вездѣ существовали въ Европѣ, — развитіе кредита, депозитные банки и пр.; напротивъ, существовалъ еще обычай зарывать деньги въ землю. Впрочемъ, во второй половинѣ XVIII вѣка, при повсемѣстномъ устройствѣ банковъ, выпускѣ бумажныхъ денегъ, металлическое обращеніе начало ограничиваться только мелкими платежами, тогда какъ большіе торговые обороты велись уже при помощи кредита. Поэтому, Гельферихъ считаетъ потерю для второй половины XVIII вѣка въ Европѣ на порчѣ монеты почти такую же, какъ Якобъ для Англіи, т. е. около $^{3}/_{10}$ %, а для первой половины въ $^{2}/_{5}$ % [a]).

Добыча золота въ Африкѣ ежегодно до	853,000 ф. ст.
Всего	94,000,000 ф. ст.
Итого . . .	880,000 000 ф. ст.
Распредѣленіе этой суммы слѣдующее:	
1) Двѣ пятыхъ на торговлю въ Азію и Остъ-Индію .	352,000 000 ф. ст.
2) Двѣ трети остатка на разныя подѣлки кромѣ монеты	352,000,000 ф. ст.
3) Остальное на монету	176,000,000 ф. ст.
Всего . . .	880,000,000 ф. ст.

Потеря отъ порчи монеты равнялась, отъ 1700 до 1809 года $^{1}/_{420}$ ежегодно, или 4 шил. 9 д. на сотню фунтовъ.

Въ 1700 г. существовало монеты въ Европѣ, Африкѣ и Америкѣ	297,000,000 ф. ст.
Вычетъ на порчу	71,000,000 ф. ст.
	226,000,000 ф. ст.
Новой монеты	176,000,000 ф. ст.
За вычетомъ порчи	22,000,000 ф. ст.
Остается	154,000,000 ф. ст
Итого всей серебрянной и золотой монеты въ Европѣ, Африкѣ и Америкѣ къ концу 1809 года	380,000,000 ф. ст.

Смот. Tooke und Neumarch, томъ 2, стр. 465.

а) Смот. Helferich, стр. 117.

Изъ сказаннаго можно вывести слѣдующее общее заключеніе: приливъ благородныхъ металловъ на европейскій рынокъ въ теченіе всего XVIII вѣка продолжался правильно, постепенно возрастая изъ года въ годъ, безъ всякихъ внезапныхъ потрясеній.

На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ пробовали опредѣлить количество благородныхъ металловъ, оставшееся въ обращеніи на европейскихъ рынкахъ въ XVIII вѣкѣ отъ прежнихъ временъ. Такъ, Гельферихъ считаетъ въ началѣ XVIII вѣка количество обращавшагося металла въ 960 или 970 милл. доларовъ; почти къ тѣмъ же выводамъ приводитъ изслѣдованіе Гумбольдта, основанное на исчисленіи количества денегъ, обращавшихся во Франціи въ началѣ XVIII вѣка.

Принимая это вычисленіе, слѣдуетъ полагать, что въ половинѣ XVIII вѣка количество благородныхъ металловъ, находившееся въ обращеніи въ Европѣ, равнялось почти 1100 милл. доларовъ, а для 1790 г. 1513 милл., — количество, удовлетворявшее потребностямъ тогдашняго рынка, такъ какъ всякому излишку былъ открытъ выходъ на азіатскій рынокъ, куда отправлялся онъ, не только не производя никакихъ потрясеній на европейскомъ рынкѣ, но, напротивъ, избавляя этотъ послѣдній отъ излишняго наплыва благородныхъ металловъ.

Впрочемъ, потребности тогдашняго рынка въ орудіяхъ обращенія были несравненно больше всей суммы находившихся въ обращеніи металлическихъ денегъ, потому что, кромѣ ихъ, въ XVIII вѣкѣ кредитъ также началъ играть важную роль въ денежномъ обращеніи.

Еще за долго до XVIII вѣка въ Европѣ существовали банковыя учрежденія, имѣвшія характеръ депозитныхъ банковъ. Таковы были Венеціанскій съ 1349, Генуэзскій съ 1407, Амстердамскій съ 1609, Гамбургскій съ 1619, Ню-

ренбергскій съ 1621, Ротердамскій съ 1635, Шведскій съ 1657 и др *); но значеніе этихъ банковъ относительно денежнаго обращенія было еще сравнительно незначительно. Они предохраняли монету отъ порчи, производили переводы по вкладамъ, — дѣятельность ихъ тѣмъ почти и ограничивалась. Гюбнеръ считаетъ Амстердамскій банкъ первымъ выпустившимъ билеты, — но это былъ первый опытъ. Въ XVII столѣтіи Шведскій банкъ началъ выпускать билеты и потомъ первый началъ злоупотреблять ихъ выпускомъ. Въ XVIII же столѣтіи оборотные банки являются почти во всѣхъ государствахъ и своей дѣятельности даютъ весьма широкіе размѣры. Такъ, въ этомъ вѣкѣ открывается первая эпоха, дѣятельности англійскаго банка. Онъ основанъ еще въ 1694 году, но до 1716 года количество билетовъ, выпущенное имъ, не превышало 1 милліона фунтовъ. Въ 1730 г. количество ихъ возрасло до 4 милл. Въ 1750 г. банкъ сдѣлалъ заемъ правительству въ 11⅔ милл. ф. стер., а въ 1760 г. количество билетовъ выпущенное имъ возрасло до 5 милл., потомъ къ концу XVIII вѣка выпускъ билетовъ дошелъ до 10 милл. Въ такой же почти пропорціи шли выпуски билетовъ и земскими банками въ Англіи.

Въ 1695 году основанъ Шотландскій банкъ; но только съ 1716 года, по уничтоженіи привилегій, начала развиваться шотландская банковая система; съ этаго времени банки въ Шотландіи чрезвычайно размножились; билеты и чеки сдѣлались почти исключительными орудіями обращенія.

Во Франціи Ло съ 1716 и по апрѣль 1720 г. успѣлъ выпустить въ обращеніе билетовъ на 2,600,000,000 ливровъ; выпускомъ этимъ впрочемъ кредитъ правительства такъ былъ потрясенъ, что только съ 1776 года могли опять

---

*) Die Banken von Otto Hübner. Leipzig. 1854, S. 2.

явиться бумажныя деньги, но уже съ 1783 года съ вынужденнымъ курсомъ. — Шведскій банкъ, имѣвшій сначала характеръ заемнаго и жиро-банка, вступилъ потомъ въ сдѣлки съ правительствомъ и началъ выпускать билеты съ размѣномъ на мѣдь. Кромѣ того, въ 1736 году учрежденъ банкъ въ Копенгагенѣ, который уже къ 1780 году выпустилъ въ обращеніе своихъ билетовъ на 11 милл. талеровъ. Наконецъ въ этомъ же столѣтіи являются: Вѣнскій банкъ съ 1703, Берлинскій съ 1765 и русскій Ассигнаціонный банкъ.

Несомнѣнно, что такія громадныя средства денежнаго рынка Европы въ XVIII вѣкѣ давали возможность, при помощи меньшаго количества металлическихъ денегъ, производить большіе торговые обороты. Но такъ какъ кредитныя орудія были распредѣлены не вездѣ равномѣрно, напротивъ, ограничивались извѣстными рынками и являлись при томъ въ разное время, то возникаетъ вопросъ: не могло ли имѣть вліянія размноженіе кредитныхъ орудій обращенія на цѣнность благородныхъ металловъ, такъ какъ увеличеніе кредитныхъ орудій обращенія должно было вытѣснять монету изъ странъ, гдѣ преобладало кредитное обращеніе, и скоплять ее въ странахъ съ обращеніемъ чисто металлическимъ, и слѣдовательно, увеличивая предложеніе, понижать цѣнность металловъ.

Вполнѣ справедливо, что приливъ звонкой монеты въ страны съ чисто металлическимъ обращеніемъ долженъ былъ дѣйствовать также, какъ и открытіе новыхъ рудниковъ, особенно если рынокъ былъ болѣе или менѣе изолированъ; но не слѣдуетъ также упускать изъ виду и того, что вліяніе кредита въ такихъ случаяхъ гораздо меньше, чѣмъ обыкновенно ему приписываютъ. Прежде всего слѣдуетъ принять во вниманіе, что не на всю массу выпущенныхъ кредит-

ныхъ орудій обращенія увеличивается количество всѣхъ орудій обращенія въ странѣ. Такъ банки, выпускающіе кредитные размѣнные знаки, должны держать въ запасѣ для размѣна этихъ знаковъ металлическій размѣнный фондъ, который бываетъ болѣе или менѣе значителенъ и составляетъ напр. одну треть всей массы выпущенныхъ кредитныхъ знаковъ, какъ требовала прежняя практика банковаго дѣла.

Кромѣ того, въ странѣ съ бумажнымъ обращеніемъ всегда есть частныя лица, которыя, какъ напр. банкиры, удерживаютъ въ своихъ кассахъ извѣстную долю металлическихъ денегъ для непредвидѣнныхъ звонкихъ платежей; другія, особенно при вынужденномъ курсѣ бумажныхъ денегъ, прячутъ монету, какъ лучшее орудіе сбереженія капиталовъ, при не нормальномъ состояніи рынка.

Слѣдовательно, увеличеніемъ количества орудій обращенія можно считать только ту часть цѣнности кредитныхъ орудій, которая остается за вычетомъ означенныхъ выше суммъ. Но это приращеніе, по отношенію къ міровому рынку, бываетъ обыкновенно такъ ничтожно, что рѣдко, по мнѣнію Тука, можетъ понизить цѣнность металла даже на 1% или на 2%; тѣмъ болѣе, что выпускъ представительныхъ знаковъ является не вездѣ одновременно и не вдругъ въ большихъ суммахъ, такъ что излишекъ металлическихъ денегъ успѣваетъ отыскать для себя выгодное помѣщеніе, прежде чѣмъ сдѣлается замѣтнымъ пониженіе цѣнности металла.

При томъ же, развитіе кредита не остается безъ вліянія на всю экономическую дѣятельность народа; кредитныя орудія мѣны, выпускаемыя какъ частными кредитными установленіями, такъ и правительственными, освобождая часть народнаго капитала, затраченнаго въ монету, облегчая обращеніе народнаго богатства, способствуютъ развитію промышленной и торговой дѣятельности, и иногда, не только

не превышаютъ являющейся потребности въ большемъ количествѣ орудій обращенія на рынкѣ, но въ тоже время даютъ мѣсто развиваться другимъ суррогатамъ обращенія, — векселямъ, тратамъ и т. п. [a]).

Что касается XVIII вѣка, то мы указали уже, что европейскій рынокъ имѣлъ правильный и постоянный сбытъ излишка металловъ въ Азію. На самомъ же материкѣ развитіе кредитнаго обращенія обнаруживалось только періодическими приливами и отливами металловъ въ отдѣльныхъ частяхъ рынка, смотря по большему или меньшему развитію кредита въ той или другой странѣ. Такъ въ первой половинѣ XVIII вѣка приливъ серебра и отчасти только золота былъ вначалѣ изъ Англіи, и почти въ это же время изъ Швеціи, такъ какъ въ этихъ странахъ металлическое обращеніе было отчасти замѣнено бумажнымъ. На короткое время является сильный приливъ изъ Франціи, во время кредитныхъ операцій Ло. Во второй же половинѣ прибавился приливъ изъ Австріи и Россіи, но только въ концѣ XVIII вѣка и началѣ XIX приливъ изъ этихъ странъ сдѣлался значительнымъ. Вообще приливы эти, производившіе часто сильныя потрясенія въ странахъ, злоупотреблявшихъ кредитомъ, какъ во Франціи, Швеціи, почти не обнаруживали никакого вліянія на измѣненіе цѣнности благородныхъ металловъ на европейскомъ рынкѣ.

Если цѣнность благородныхъ металловъ оставалась почти неизмѣнною во все продолженіе XVIII вѣка, за исключеніемъ незначительныхъ колебаній, обнаруживавшихся на отдѣльныхъ рынкахъ, въ различное время, и обусловливавшихся частными причинами, то отношеніе между цѣнно-

---

a) Tooke und Neumarch, томъ 1, стр. 74.

стію золота и серебра подвергалось колебаніямъ повсемѣстнымъ, говорящимъ объ общей причинѣ такого явленія.

Извѣстно, что въ половинѣ XVI вѣка открыты были серебрянные рудники Потози, въ которыхъ, хотя разрабатывалось и золото, но въ несравненно большемъ количествѣ серебро. Съ этого времени отношеніе между цѣнностію золота и серебра начало увеличиваться, — что приписываютъ обыкновенно пониженію цѣнности серебра.

Основываясь на опредѣленіяхъ нѣкоторыхъ монетныхъ уставовъ XVI — XVIII вѣковъ, это постепенное пониженіе цѣнности серебра Гюбнеръ представляетъ въ такомъ видѣ [а]:

По Уставу Германской имперіи . . .	1559 г.	какъ	$1:11_{,44}$
» голландскому монетному уставу . .	1589	»	$1:11_{,60}$
» монетному верхне-германскому уст.	1623	»	$1:11_{,99}$
» французскому монетному уставу . .	1641	»	$1:13_{,50}$
» монетной верхне-германской конвенціи	1665	»	$1:14_{,30}$
» лейпцигскому уставу	1690	»	$1:15_{,22}$

Это сильное измѣненіе отношенія между цѣнностію золота и серебра продолжалось и въ XVIII вѣкѣ, хотя не въ такой степени и не такъ правильно. По Гамбургскому курсовому листку, отношеніе между цѣнностію золота и серебра въ XVIII вѣкѣ, по десятилѣтіямъ, представляется такъ:

Въ 1700 — $14_{,80}$: 1.		Въ 1760 — $14_{,91}$: 1
» 1710 — $15_{,23}$: 1.		» 1770 — $14_{,93}$: 1.
» 1720 — $15_{,06}$: 1.		» 1780 — $14_{,69}$: 1.
» 1730 — $14_{,82}$: 1.		» 1790 — $15_{,10}$: 1.
» 1740 — $14_{,48}$: 1.		» 1800 — $15_{,64}$: 1.
» 1750 - $14_{,47}$: 1.		

Изъ этихъ числовыхъ данныхъ мы видимъ, что отношеніе между цѣнностію золота и серебра въ первую поло-

---

а) Otto Hübner. Die Banken. стр. 44.

вину XVIII вѣка, хотя и подвергалось колебаніямъ, но не однообразнымъ; съ половины же XVIII вѣка отношеніе это постоянно возрастало до самаго конца столѣтія.

Въ нѣкоторыхъ странахъ, при опредѣленіи отношенія между золотою и серебрянною монетою, въ монетныхъ уставахъ дѣлались значительныя отступленія отъ биржевыхъ цѣнъ. Такъ въ Англіи оцѣнено было золото, противъ высшей нормальной цѣны, выше почти на 2%; еще въ 1697 году директоръ монетнаго двора Исаакъ Ньютонъ установилъ отношеніе между золотомъ и серебромъ какъ 1 : $15_{,07}$; это отношеніе удержано и во все продолженіе XVIII вѣка. Такого рода отступленія вели обыкновенно къ порчѣ серебрянной монеты, удаленію ея изъ обращенія и къ замѣнѣ серебрянаго обращенія золотымъ, какъ это и случилось въ Англіи. Напротивъ, въ Германіи, при измѣненіи монетной единицы въ 1750 году золото оцѣнено было низко, — какъ 1 : $14_{,15}$, вслѣдствіе чего трудно было удержать золотую монету въ странѣ, такъ что въ 1783 году измѣнили отношеніе на $14_{,71}$, а въ 1786 году на $15_{,28}$.

Кромѣ этихъ отступленій отъ биржевыхъ цѣнъ золота и серебра, существовала конечно разница въ самыхъ биржевыхъ цѣнахъ на золото и серебро въ различныхъ государствахъ, вызывавшаяся мѣстными потребностями рынковъ. Такъ напр. во Франціи во второй половинѣ XVIII вѣка существовало уже довольно большое отношеніе между цѣнностію золота и серебра, именно какъ 1 : $15_{,42}$, такъ что сравнительно съ Германіею, даже послѣ 1786 года, цѣнность золота во Франціи была на 1% выше.

Хотя по тѣмъ цифрамъ, которые приведены нами относительно колебанія между цѣнностію золота и серебра въ XVIII вѣкѣ, нельзя еще предполагать какой нибудь общей причины, дѣйствовавшей въ одномъ направленіи, особенно для

первой половины столѣтія; однако же Гельферихъ предполагаетъ, что вздорожаніе золота, начавшееся въ XVI столѣтіи, продолжалось и въ XVIII. По его мнѣнію, для начала XVIII вѣка можно принять нормальное отношеніе между цѣнностію золота и серебра какъ 1 : $14,_{96}$, а для конца столѣтія какъ 1 : $15,_{42}$, слѣдовательно цѣна золота возвысилась почти на 3% [a]).

Слѣдуетъ ли такое постепенное увеличеніе разности между цѣнностію золота и серебра считать повышеніемъ цѣнности золота, или пониженіемъ цѣнности серебра, — этотъ вопросъ рѣшить трудно. Можно, пожалуй, начало увеличенія отношенія цѣнности золота и серебра выводить изъ XVI столѣтія, и, принявши во вниманіе увеличеніе разработки серебра со времени открытія рудниковъ Потози, считать серебро понизившимся въ цѣнѣ. Но, съ другой стороны, развитіе роскоши могло увеличить спросъ на золото и поднять его цѣнность; къ тому же въ Англіи былъ сильный спросъ на золото, по закону оцѣненное выше, чѣмъ въ остальной Европѣ; слѣдовательно, измѣненіе въ отношеніи между цѣнностію золота и серебра слѣдовало бы приписать вздорожанію золота, тѣмъ болѣе что товарный рынокъ оставался спокойнымъ Между тѣмъ, удешевленіе серебра скорѣе обнаружилось бы повышеніемъ цѣнъ на товарномъ рынкѣ: измѣненіе цѣнности металла главной монеты (серебрянное обращеніе было тогда во всей Европѣ) могло скорѣе обнаружиться общимъ повышеніемъ товарныхъ цѣнъ, хотя бы общая цѣнность золота и серебра находившагося на рынкѣ, какъ результатъ спроса и предложенія обоихъ товаровъ, оставалась неизмѣнною. Только на этомъ основаніи, можно до-

a) Helferich. стр. 141.

пустить съ большею вѣроятностію, что измѣненіе въ отношеніи цѣнности золота и серебра происходило отъ вздорожанія золота. Гельферихъ, изслѣдуя этотъ вопросъ, не даетъ рѣшительнаго мнѣнія, хотя болѣе склоняется къ предположенію, что измѣненіе въ относительной цѣнности золота и серебра послѣдовало больше отъ удешевленія серебра. Возможно впрочемъ нейтральное рѣшеніе этого вопроса, на которое указываетъ и Гельферихъ: съ одной стороны, въ Европѣ развивалось сильное потребленіе золота для предметовъ роскоши, вмѣстѣ съ приливомъ его въ Англію вслѣдствіе слишкомъ большаго, закономъ установленнаго, отношенія золота къ серебру; а съ другой стороны приливало серебро изъ Америки. Всѣ эти обстоятельства могли постепенно измѣнять отношеніе въ цѣнности только между обоими металлами, не производя замѣтныхъ измѣненій на рынкѣ. Таково въ существенныхъ чертахъ состояніе металлическаго рынка Европы въ XVIII вѣкѣ.

Что касается товарнаго рынка Европы въ XVIII вѣкѣ, въ особенности хлѣбнаго, то весьма сильныя колебанія цѣнъ, и при томъ періодическія, приводили многихъ писателей, наблюдавшихъ явленія колебанія цѣнъ хлѣба только на немногихъ рынкахъ, къ убѣжденію, что революція, произведенная американскими рудниками, еще не утихла, и что причинъ измѣненій въ цѣнахъ на хлѣбъ и въ XVIII столѣтіи слѣдуетъ искать все еще въ измѣненіи цѣнности серебра.

Такъ, среднія цѣны на хлѣбъ въ Англіи, Франціи и Голландіи представляютъ въ первой половинѣ XVIII вѣка слѣдующія цифры [a]):

---

a) Helferich von den Period... S. 121.

А. Смитъ, томъ 1. въ приложеніи, цѣны на хлѣбъ въ Англіи, и таблица Гарнье цѣнъ на хлѣбъ въ Парижѣ, стр. 483 и слѣд.

Tooke und Neumarch, B. 1. Capite III.

Англія квартеръ пшеницы.	Франція сетье пшен. въ Парижѣ.	Голландія мальтеръ ржи въ Роремонде.
1710—1719—43 ш 6 д.	1700—1715—29 ф. 5 сант.	1710—1719—8 г. 2 штив.
1711—1719—39 ш. 4 д.	1716—1725—17 ф. 1 сант.	1720—1729—7 г. 6 штив.
1720—1729—38 ш.	1726—1735—15 ф. 46 сант.	1737—1730—6 г. 16 штив.
1730—1739—32 ш. 1 д.	1736—1745—18 ф. 80 сант.	1740—1749—8 г. 1 штив.
1740—1749—31 ш. 1 д.	1749—1755—18 ф. 32 сант.	1750—1759—7 г. 15 штив.
1742—1751—27 ш. 1 д.	1756—1765—17 ф. 64 сант.	1760—1769—9 г. 2 штив.
1750—1759—37 ш. 9 д.		
1760—1764—34 ш. 4 е		

Средняя цѣна квартера пшеницы въ 23 года передъ 1715 г. въ Англіи была 45 шил. 8 д.; средняя же цѣна слѣдующихъ 50 лѣтъ только 34 шил. 11 д., — меньше почти на 25%.

Во Франціи средняя цѣна сетье пшеницы на парижскомъ рынкѣ съ 1676 по 1715 годъ равнялась 26 фр. 11 сантимамъ; съ 1716 по 1765 только 17 фр. 44 сант., слѣдовательно, меньше почти на 34%.

Въ Роремонде средняя цѣна мальтера ржи съ 1685 по 1709 г. была 9 гульд. 3 штивера; слѣдовательно, сравнительно съ средни цѣнами 1710—1769 г. на 14% выше.

Основываясь на такомъ быстромъ и продолжительномъ пониженіи цѣнъ хлѣба въ первую половину XVIII столѣтія, Смитъ, имѣвшій свѣдѣнія только объ англійскомъ и французскомъ рынкахъ, пришелъ къ тому заключенію, что серебро съ 30-хъ годовъ почти до конца XVII столѣтія держалось въ одной цѣнѣ, но потомъ начало дорожать. «Цѣнность серебра, сравнительно съ цѣнностью хлѣба, вѣроятно нѣсколько повысилась въ концѣ послѣдняго (XVII) столѣтія, и кажется, что повышеніе это продолжалось въ теченіи большей части настоящаго вѣка». Далѣе, самъ Смитъ замѣчаетъ, что цѣна рабочей платы поднялась въ Англіи въ продолженіи XVIII вѣка, но приписываетъ это, не столько уменьшенію цѣнности серебра на общемъ рынкѣ

Европы, сколько увеличенію требованія на трудъ въ Англіи. Между тѣмъ, французскій рынокъ рабочей платы, по словамъ Смита, былъ совершенно иной. «Во Франціи», говоритъ онъ, «не пользующейся такимъ благосостояніемъ, денежная цѣна на трудъ постепенно падала, вмѣстѣ съ среднею цѣною на хлѣбъ, въ продолженіи послѣдняго столѣтія» [a]).

Устранивши такимъ образомъ тѣ противорѣчія своимъ выводамъ относительно цѣнности серебра, которыя представляла цѣна рабочей платы, Смитъ, основываясь главнымъ образомъ на цѣнѣ хлѣба, остался при томъ убѣжденіи, что цѣна серебра въ XVIII вѣкѣ начала повышаться. — Самъ Смитъ впрочемъ замѣтилъ, что съ 1680 по 1691 были неурожайные годы, и что тогда уже цѣна на пшеницу была 34 шил.; Гарнье, на этомъ основаніи, считаетъ уже 1668 годъ тѣмъ предѣломъ, до котораго продолжалось пониженіе цѣны серебра, ибо до 1668 года, по его расчетамъ, цѣны на хлѣбъ были выше [b]).

Выводы Смита представляютъ два существенные недостатка. Прежде всего у Смита не доставало данныхъ относительно континентальныхъ цѣнъ, а ограничившись однимъ или двумя рынками, трудно было получить вѣрные результаты. Смитъ впрочемъ самъ сознавалъ недостаточность своихъ выводовъ именно въ этомъ отношеніи. Другой недостатокъ выводовъ Смита заключается въ томъ, что устранивши цѣну рабочей платы, какъ масштабъ для измѣренія колебаній цѣнности золота и серебра, онъ остался при цѣнахъ на хлѣбъ, какъ единственномъ мѣрилѣ; измѣненія въ цѣнахъ хлѣба онъ поспѣшилъ приписать измѣненію цѣнности серебра, и мало обратилъ вниманія на другія причины, подъ

---

a) А. Смитъ, томъ 1. стр. 402.

b) Тамъ же, см. приложеніе томъ 1, стр. 487.

вліяніемъ которыхъ цѣны на хлѣбъ могли представлять значительныя уклоненія, какъ напр., урожаи, которые могли весьма сильно и продолжительно вліять на предложеніе хлѣба и измѣнять его цѣны, независимо отъ другихъ какихъ бы то ни было причинъ. Тукъ, первый обстоятельно изслѣдовавшій вліяніе урожаевъ на цѣны хлѣба, принявши цѣну рабочей платы за лучшій по его мнѣнію масштабъ, пришелъ къ тому заключенію, что цѣна серебра, не только до 1736 года, но и во весь XVII и въ большей половинѣ XVIII вѣка продолжала понижаться. Главнымъ доводомъ Тукъ представляетъ то обстоятельство, что во все это время рабочая плата въ Англіи значительно возвышалась, а на измѣненія въ цѣнахъ хлѣба вліяли цѣлые періоды урожайныхъ и неурожайныхъ годовъ.

Изслѣдованіе Тука, представляющее образцовый историко-статистическій трудъ, разъясняющій весьма много темныхъ научныхъ вопросовъ, въ вопросѣ о цѣнности золота и серебра въ XVIII вѣкѣ, не находитъ достаточныхъ подтвержденій въ состояніи хлѣбныхъ цѣнъ на другихъ, преимущественно континентальныхъ, рынкахъ. Возвышеніе рабочей платы въ Англіи легко можетъ получить другое объясненіе.

Наканунѣ XVIII столѣтія, отъ 1692 до 1699 года, былъ сильный неурожай, втеченіи семи лѣтъ, почти во всей Европѣ.

Въ Англіи цѣна квартера пшеницы поднялась къ концу 1699 года до 56 шил. 6 ш. Во Франціи возвышеніе цѣнъ было еще сильнѣе; много людей умерло отъ голода.

Въ 1700 году въ Англіи цѣны, по случаю урожая, пали сразу болѣе, чѣмъ на 40%, и до 1715 года подвергались еще нѣсколькимъ колебаніямъ, благодаря перемѣнчивости урожаевъ. Такъ, съ 1700 по 1708 годъ, средняя

цѣна хлѣба равна почти 34 шил., за исключеніемъ самаго дорогаго 1701 года, когда цѣна квартера пшеницы возвысилась до 51 шил. 7 д., и 1708 г. самаго дешеваго, когда цѣна пшеницы пала до 25 шил.

Съ 1708 года слѣдовали 1709 и 1710 годы сильнаго неурожая, и цѣны поднялись весьма быстро съ 27 шил. 3 д. до 81 шил. 9 д. Потомъ по 1715 г. цѣны стояли около 33 шил., исключая 1713 годъ, когда цѣна, по случаю недорода, опять поднялась до 56 шил. 11 д.

Тоже самое колебаніе цѣнъ хлѣба въ первые 15 лѣтъ XVIII столѣтія находимъ мы и во Франціи. По таблицѣ Гарнье, послѣ 1699 года, когда цѣна сетье пшеницы достигала 41 фр. 87 сант., до 1708 года она падаетъ. Въ 1707 году она была 10 фр. 86 сант.; но въ 1709 и 1810 достигаетъ опять 55 и 50 фр. Цѣны 1713 и 1714 годовъ были также почти въ полтора раза выше среднихъ цѣнъ.

Съ 1715 года до конца XVIII вѣка все время, почти въ 85 лѣтъ, можно раздѣлить на два періода: отъ 1715 до 1765 и отъ 1765 до конца столѣтія. Характеристическая черта перваго періода — почти повсемѣстная дешевизна хлѣба въ цѣлой Европѣ, которая прерывалась немногими неурожайными и дорогими годами. За то, другой періодъ, къ концу столѣтія, отличается частыми неурожаями и вообще высокими быстро колеблющимися цѣнами.

Что касается дешевизны земледѣльческихъ продуктовъ, въ первую половину XVIII столѣтія, то всѣ писатели, занимавшіеся этимъ вопросомъ, главную причину такого явленія видятъ въ урожаяхъ, почти непрерывно слѣдовавшихъ во весь этотъ періодъ. Спорными являются только вопросы, на сколько сильно было вліяніе урожаевъ, и не было ли другихъ причинъ, усиливавшихъ или ослаблявшихъ вліяніе урожаевъ на цѣны хлѣба.

Въ Англіи, во весь періодъ съ 1715 по 1765 годъ, было всего 5 неурожаевъ и то слабыхъ; къ такимъ годамъ относятся:

1728 — 48 шил. 3 д. 1740 — 48 шил. 10½ д.
1729 — 42 шил. 2½ д. 1756 — 40 шил. 2½ д.
1757 — 53 шил. 4 д.

Тукъ приписываетъ пониженіе цѣнъ, не столько богатству жатвъ урожайныхъ годовъ, сколько именно этому малому числу неурожаевъ, хотя періоды отъ 1715 до 1727, отъ 1730 до 1739 и въ особенности отъ 1741 до 1752 г. принадлежатъ къ числу необыкновенно урожайныхъ. До 1727 года цѣна падала иногда до 28 шил.; но отъ 1731 до 1733 г. средняя цѣна квартера пшеницы была всего 22 шиллинга.

Лучшимъ доказательствомъ обилія хлѣба въ этотъ періодъ въ Англіи могутъ служить цифры вывоза его въ другія страны:

Вывозилось ежегодно съ 1697 по 1709 только 81,000 кв. пш.
» » 1710 » 1719 » 108,060 »
» » 1720 » 1729 » 103,185 »
Тогда какъ съ 1730—1739 — 291,912
» 1742—1754 — 548,567

Въ одномъ 1750 году вывезено болѣе 950,000 квар. пшеницы и болѣе 600,000 кв. другаго хлѣба.

Такой сильный вывозъ хлѣба приписываютъ, впрочемъ, и вліянію высокой преміи за вывозъ, установленной еще въ 1688 году. За квартеръ вывезенной пшеницы платили 5 шил., а за квартеръ ячменя 2½. По этому, Смитъ говоритъ, что «этотъ насильственный вывозъ» долженъ былъ поднять цѣну хлѣба весьма значительно, сравнительно съ тѣмъ, какова была бы она на внутреннихъ рынкахъ безъ этой преміи. Замѣчаніе Смита вообще вѣрно, относительно

вліянія премій на усиленіе вывоза и на возвышеніе цѣнъ; хотя, какъ замѣчаетъ Тукъ, защитники регламентаціи могутъ сказать, пожалуй, что премія вывоза могла скорѣе заставить расширить обработку земли и, слѣдовательно, дѣйствовать на цѣны въ совершенно противуположномъ направленіи.

Во всякомъ случаѣ можно сказать, что главныя причины, вліявшія на цѣны хлѣба въ Англіи, были болѣе общія и болѣе сильныя, потому что въ это же время мы встрѣчаемъ сильное пониженіе цѣнъ во Франціи. По Гарнье, на парижскомъ рынкѣ, среднія цѣны сетье пшеницы были, какъ мы видѣли, въ 1676—1715 гг. 26 фр., а потомъ, въ слѣдующія десятилѣтія, падали на 17 фр. 1 с.; 15 фр. 46 с.; 18 фр. 80 с.; 17 фр. 64 с.; съ 1766 по 1775 г. цѣна уже возрасла на 28 фр. 5 сантимовъ.

Такая дешевизна, говоритъ Тукъ, существовала, при системѣ, совершенно противуположной нашей, потому что во Франціи вывозъ хлѣба былъ совершенно запрещенъ. Слѣдовательно, въ то время, какъ у насъ защитники преміи приписывали низкія цѣны на хлѣбъ поощренію вывоза, большая часть французскихъ писателей причину низкихъ цѣнъ хлѣба видѣла въ запрещеніи вывоза и временныхъ поощреніяхъ ввоза хлѣба.

Но какимъ бы причинамъ пониженіе цѣнъ хлѣба, между прочимъ, ни приписывали, все же главной причиной былъ цѣлый періодъ урожаевъ. Естественнымъ слѣдствіемъ такого обилія хлѣба и вообще всѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и низкихъ цѣнъ на нихъ, были жалобы землевладѣльцевъ и арендаторовъ на высокую арендную плату, на неисправность платежей, недостатокъ кредита, тягость податей и т. д. Если прежде и встрѣчались подобныя невзгоды для землевладѣльческихъ классовъ, происходившія отъ урожаевъ и дешевизны хлѣба, то они, по крайней

мѣрѣ, продолжались не долго; въ этотъ же періодъ, какъ мы видимъ, втеченіи пятидесяти лѣтъ, всего было только пять лѣтъ хорошихъ цѣнъ на хлѣбъ. Въ Англіи, гдѣ землевладѣніе играетъ такую важную роль, вопросъ о низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ составлялъ весьма существенный политическій вопросъ, которымъ усердно занимались правительство и наука.

Къ тому жъ, значительно высокія цѣны на хлѣбъ до 1715 года повели къ расширенію обработки земли; впослѣдствіи же, во время урожайнаго періода, потери должны были оказаться болѣе чувствительными. Около 1734 года было вычислено, что необходима цѣна пшеницы въ 34 шил., ячменя въ 20 шил. и овса въ 12 шил. квартеръ, чтобы арендаторъ могъ уплатить ренту и просуществовать, ничего не зарабатывая. Между тѣмъ, съ 1719 по 1724 годъ, цѣны ни разу не поднимались до такой высоты, а съ 1730 по 1738 г. только два раза.

Эта продолжительность пониженія цѣнъ хлѣба и привела Смита къ неправильному заключенію о цѣнности серебра. Не смотря на то, что самъ Смитъ признавалъ вліяніе урожаевъ, онъ никакъ не могъ допустить этого вліянія на такое продолжительное время. «Мы замѣтили уже», говоритъ онъ, «что хлѣбъ, въ отдаленныя одна отъ другой эпохи, представляетъ болѣе точное мѣрило цѣнности, чѣмъ серебро или какой либо другой товаръ».... «Если, стало быть, въ продолженіи первыхъ шестидесяти четырехъ лѣтъ этого столѣтія, средняя цѣна хлѣба на серебро понизилась нѣсколько противъ того, что она была въ продолженіи большей части послѣдняго столѣтія, то эту перемѣну мы должны приписать не пониженію дѣйствительной цѣнности хлѣба, но повышенію дѣйствительной цѣнности серебра вообще на европей-

скомъ рынкѣ» [a]). Это сомнѣніе Смита, относительно возможности продолжительнаго и почти безпрерывнаго, въ теченіи полустолѣтія, вліянія урожаевъ на пониженіе цѣнъ хлѣба, вполнѣ устранено Тукомъ. Тукъ прослѣдилъ изъ года въ годъ состояніе урожаевъ и цѣнъ въ Англіи и отчасти на континентѣ Европы и дѣйствительно доказалъ, что пониженіе цѣнъ хлѣба, съ 1715 по 1765 годъ, вполнѣ объясняется урожаями. Такой продолжительный періодъ урожаевъ составляетъ весьма рѣдкое, но очевидно возможное явленіе. Вообще періодичность урожаевъ и неурожаевъ не рѣдко повторяется. Такъ, Тукъ указываетъ на періодъ отъ 1793 до 1819, когда неурожайные годы повторялись такъ часто, какъ никогда.

Весьма существенный аргументъ противъ Смита представляетъ рабочая плата и цѣны нѣкоторыхъ другихъ товаровъ въ Англіи.

По Артуру Юнгу [b]), средняя цѣна пшеницы, въ теченіи всего XVII вѣка равнялась 38 шил. 2 д., а съ 1701 по 1766 годъ 32 ш. 1 д.; слѣдовательно, на 16% меньше, тогда какъ поденная плата возвысилась въ это время съ 10¼ д, на 12 д., или на 16%. Въ это же время возвысились въ цѣнѣ нѣкоторые другіе предметы, какъ напр. рабочій и домашній скотъ; средняя цѣна лошади отъ 1675 до 1740 возвысилась на 90%; вола на 137%, коровы на 156%, овцы на 135%.

Эти данныя, говорящія противъ выводовъ Смита, привели Тука къ совершенно противуположному заключенію, именно, что цѣна серебра, въ первую половину XVIII вѣка, не только не повысилась, но и продолжала понижаться.

---

a) А. Смитъ, томъ 1, стр. 400.
b) Tooke und Neumarch, B. 1, § 30. B. 2, § 487.

Какъ мы сказали, это рѣшеніе тогда было бы вѣрно, если бы остальные, по крайней мѣрѣ, европейскіе рынки могли представить данныя, подтверждающія такое рѣшеніе; но, какъ мы увидимъ, нѣмецкіе денежные рынки оставались почти спокойными въ это время. Поэтому, для объясненія возвышенія рабочей платы въ Англіи, должно искать причинъ не въ пониженіи цѣнности серебра, а въ какихъ нибудь другихъ обстоятельствахъ. На эти то обстоятельства указываетъ Смитъ. Въ этомъ случаѣ онъ является лучшимъ истолкователемъ. Онъ говоритъ, что возвышеніе денежной цѣны на трудъ въ Англіи вызвано было, не столько уменьшеніемъ цѣнности серебра на общемъ рынкѣ Европы, сколько увеличеніемъ требованій на трудъ въ Англіи, вслѣдствіе благосостоянія этой страны и оказанныхъ ею во всѣхъ отношеніяхъ успѣховъ [a]). Нѣсколько данныхъ могутъ служить подтвержденіемъ этого мнѣнія. Количество кораблей, выходившихъ изъ гаваней Англіи, судя по количеству тонъ вмѣстимости, съ начала до половины XVIII вѣка, удвоилось, а къ девяностымъ годамъ утроилось. Одинъ Лондонъ въ 1701 имѣлъ 560 кораблей въ 85 тысячъ тонъ вмѣстимости, а въ 1732 уже было 1417 кораблей въ 178,557 тонъ. Другіе города, какъ Ливерпуль, Гуль, сдѣлали еще большіе успѣхи. Ввозъ хлопчатой бумаги, отъ 1700 до 1770 года, возросъ почти съ одного милліона фунтовъ до $4\frac{3}{4}$ милліона, и именно въ періодъ самыхъ низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ съ 1740 по 1750 г. возвысился съ 1,645,031 на 2,976,610 ф. Еще разительнѣе успѣхи въ желѣзномъ производствѣ: въ сорокъ лѣтъ послѣ 1740 года оно учетверилось [b])

Всѣ эти данныя доказываютъ быстрое экономическое

a) А. Смитъ, томъ 1, стр. 402.

b) Helferich von den period. Schwanung. S. 125.

развитіе страны и свидѣтельствуютъ о благопріятныхъ условіяхъ для этого развитія.

Единственный классъ населенія, страдавшій отъ дешевизны хлѣба, — землевладѣльцы и съемщики. Только при высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ, арендаторы могутъ наживаться, а владѣльцы земли возобновлять контракты на выгодныхъ условіяхъ. Въ этомъ случаѣ ихъ интересы противуположны интересамъ всѣхъ другихъ классовъ общества; увеличеніе ихъ дохода (за вычетомъ излишка собственнаго потребленія) происходитъ на счетъ другихъ классовъ общества. «Защитники землевладѣльческимъ интересовъ», говоритъ Тукъ, видятъ въ увеличеніи дохода арендаторовъ и землевладѣльцевъ соотвѣтственное увеличеніе національнаго богатства. Этотъ узкій взглядъ на большій доходъ отъ возвышенія цѣнъ на хлѣбъ принадлежитъ французскимъ физіократамъ, считавшимъ сырые продукты земли единственнымъ источникомъ богатства, а возвышеніе цѣны этихъ продуктовъ за увеличеніе національнаго богатства».... «Исторія же нашего земледѣлія показываетъ, что переходы отъ дороговизны къ дешевымъ цѣнамъ на хлѣбъ вызывали всегда чрезвычайныя жалобы на бѣдственное состояніе сельскаго хозяйства. Это случалось именно въ такія времена, когда о вліяніи какихъ нибудь политическихъ событій или перемѣнъ въ денежномъ обращеніи не можетъ быть и рѣчи» [a]).

Дешевизна хлѣба отъ 1715 до 1765 года вызвала подобнаго же рода жалобы. При томъ важномъ политическомъ значеніи землевладѣльческаго класса, какимъ пользуется онъ въ Англіи, бѣдствіе его принимали за общее бѣдствіе всей страны; всю вину старались взвалить на какую нибудь

---

a) Tooke und Neumarch, B. 1, S. 8, 4.

общую причину, какъ напр. возвышеніе цѣны благородныхъ металловъ или недостатки кредитнаго обращенія.

Между тѣмъ, въ этотъ же періодъ дешевизны хлѣба, экономическое положеніе рабочаго класса было самое цвѣтущее, какое едва ли когда либо было въ Англіи. Въ этотъ именно періодъ возвысился уровень благосостоянія рабочаго населенія, развились болѣе высокія потребности относительно пищи, жилья, умственнаго развитія, а вмѣстѣ съ тѣмъ поднялась и на дальнѣйшее время естественная высота рабочей платы. Объ этомъ свидѣтельствуютъ Смитъ, Мальтусъ и другіе писатели. Въ это именно время началъ мало по малу входить въ общее употребленіе бѣлый хлѣбъ; рабочіе больше начали употреблять мясной пищи; запросъ на работу, между тѣмъ, возрасталъ сильно, и мало по малу благосостояніе рабочаго класса и накопленіе капиталовъ обезпечили за Англіею то быстрое промышленное развитіе, котораго достигла она въ концѣ XVIII вѣка. Но самое важное, на что указалъ Мальтусъ, это то, что дешевизна хлѣба и высокая рабочая плата не вызвали увеличенія населенія. Народъ жилъ, говоритъ Мальтусъ, при превосходномъ правительствѣ и наслаждался въ непривычныхъ размѣрахъ всѣми преимуществами гражданской и политической свободы. Низшіе классы народа привыкли къ тому, что законъ и высшіе классы считаютъ ихъ согражданами; они сами научились уважать себя. Вслѣдствіе этого, излишекъ дохода не вызвалъ размноженія населенія, а шелъ на улучшеніе положенія рабочаго класса.

Изъ этого мы видимъ, что общаго бѣдствія въ Англіи въ первой половинѣ XVIII вѣка не было, что низкія цѣны на хлѣбъ и затруднительное положеніе одного класса землевладѣльцевъ объясняются цѣлымъ періодомъ урожаевъ, — что торговая и промышленная дѣятельность развивалась

быстро, не испытывая никакихъ кризисовъ и не встрѣчая никакихъ препятствій со стороны денежнаго рынка. Все это могло случиться только при совершенно спокойномъ его состояніи.

Лучшимъ доказательствомъ спокойнаго состоянія металлическаго рынка могутъ служить цѣны на хлѣбъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи. Здѣсь во всеобщемъ употребленіи была еще рожь.

Брауншвейгъ Гамтенъ ржи,	Гановеръ гамт. ржи,	Дрезденъ шефель,	Падерборнъ крейцъ-шефель,	Мюнхенъ шефель
1700—1709 — 16,3 Mgr	14,8 Mgr	1 rth 15 g	20 gr	1668—1717 6 fl. 30 kr.
1710—1719 — 20,6 „	20,7 „	2 „ — „	28 „	1718—1727 5 „ 15 „
1720—1729 — 19,6 „	19,3 „	2 „ 1½	22 „	1728—1737 5 „ 30 „
1730—1739 — 17,2 „	18,4 „	1 „ 23 „	23 „	1738—1747 8 „ 55 „
1740—1749 — 20,9 „	22,4 „	2 „ 10 „	21 „	1748—1757 5 „ 54 „
1750—1759		2 „ 11 „	29 „	1758—1767 7 „ 45 „
1760—1769		3 „ 12 „	33 „	

Мы замѣчаемъ и здѣсь пониженіе цѣнъ послѣ 1715 года, но, сравнивая среднія цѣны хлѣба въ XVIII столѣтіи съ цѣнами хлѣба въ предшествовавшіе годы, мы увидимъ совершенно противуположное тому, что замѣчали въ Англіи и Франціи. Такъ, средняя цѣна хлѣба въ Брауншвейгѣ, съ 1650 по 1699, равнялась $15{,}_2$ Mrgr, — сравнительно съ среднею цѣною отъ 1700 до 1750, на 24% меньше. Далѣе, средняя цѣна ржи въ Падерборнѣ, отъ 1675 до 1699, равнялась 22 грошамъ, а въ періодъ отъ 1700 до 1769 — 26²/₅ гр.; слѣдовательно, на 20% выше. Сравнивая среднія цѣны этихъ же періодовъ въ Дрезденѣ, мы находимъ, что за послѣдній періодъ средняя цѣна ржи больше на 45%. Мюнхенская средняя цѣна въ періодъ отъ 1708 до 1757 возрасла на 18%, сравнительно съ періодомъ отъ 1648 до 1707 года.

И такъ, мы видимъ, что, для объясненія паденія цѣнъ на хлѣбъ въ Англіи и Франціи въ первую половину XVIII вѣка, нѣтъ надобности прибѣгать къ такимъ общимъ причинамъ, какъ измѣненіе цѣнности благородныхъ металловъ на европейскомъ рынкѣ, такъ какъ подобное предположеніе не подтверждается фактами.

Съ исходомъ 1765 года окончился періодъ урожаевъ и дешевизны. Наступилъ періодъ неурожаевъ и рѣзкихъ колебаній цѣнъ хлѣба почти во всей Европѣ.

Въ Англіи, вмѣсто прежняго вывоза хлѣба, явилась необходимость ввозить. Въ 1763 и 1764 годахъ, было еще вывезено пшеницы 820,000 квартеровъ, а въ 1767 и 1768 уже ввезено 830,000 квартеровъ, что составляло, по тогдашнимъ вычисленіямъ, 20% всего производства пшеницы въ Англіи. Вмѣстѣ съ этимъ, начала возрастать и цѣна на хлѣбъ. Весною 1763 года, квартеръ пшеницы стоилъ 33 ш. 2½ д., осенью же 1767 достигъ 58 шил. 8 д. и только въ 1769 году цѣна пала до 39 шил. 6 д., вслѣдствіе лучшей, хотя и не особенно богатой жатвы. Во время голода въ 1767 году обнаружилось волненіе въ низшемъ классѣ населенія; пришлось усмирять его оружіемъ, при чемъ погибло много народа. Едва успѣли оправиться, какъ въ 1771 году является опять дороговизна; цѣна пшеницы поднялась опять до 57 шил. за квартеръ и держалась почти до весны 1775 года. Оказалась надобность ввозить ежегодно почти 200,000 кварт. пшеницы. За два года 1774—1775 ввезено болѣе 1,800,000 кварт. иностраннаго хлѣба разныхъ сортовъ. Жалобы на голодъ и дороговизну были такъ велики, что Лондонскій магистратъ выдалъ по 4 шил. на квартеръ преміи за скорѣйшую доставку 20,000 квартеровъ хлѣба Опять и теперь начали пріискивать всевозможныя объясненія причинъ такого тяжолаго положенія.

Францiя испытывала въ это время почти тѣ же бѣдствiя. Здѣсь приписывали ихъ, главнымъ образомъ, свободѣ ввоза и вывоза хлѣба, дарованной въ 1764 году. Въ Англiи же указывали на временное запрещенiе вывоза и дозволенiе ввоза, какъ на главную причину дороговизны, препятствующую расширенiю обработки земли. Подозрѣвали арендаторовъ, мельниковъ и хлѣбниковъ въ стачкѣ; но были и болѣе серьезныя мнѣнiя. Такъ, между прочимъ, одни говорили, что цѣнность серебра пала. Дѣйствительно, по Гумбольдту, въ 1770 году и особенно въ 1778, увеличилась добыча серебра изъ американскихъ рудниковъ; но влiянiе такого увеличенiя добычи на цѣны могло обнаруживаться только мало-по-малу и то впослѣдствiи; для такихъ внезапныхъ колебанiй цѣнъ, оно не могло служить достаточнымъ объясненiемъ. Наконецъ, на возвышенiе цѣнъ до 1770 и 1778 годовъ оно совсѣмъ не могло влiять.

Указывали также на чрезвычайное развитiе торговли и на увеличенiе народонаселенiя, вызвавшiя сильный запросъ на хлѣбъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и высокiя цѣны. Что касается развитiя торговли и увеличенiя населенiя, то дѣйствительно они могли повлiять на высоту цѣнъ на хлѣбъ. Въ этотъ перiодъ, можетъ быть, благодаря высокимъ цѣнамъ на хлѣбъ, значительно расширилась обработка земли. Въ царствованiе Георга III, болѣе 2½ мил. акровъ земли было вновь занято подъ поля, а также и на старыхъ поляхъ обработка получила болѣе интенсивный характеръ. Сдѣланы были также весьма важныя улучшенiя въ орудiяхъ и способахъ самой обработки. И не смотря на развитiе земледѣлiя, Англiя съ этого уже времени начала настоятельно нуждаться въ привозномъ хлѣбѣ; съ 1790 года ввозъ хлѣба сдѣлался правильнымъ и постояннымъ. Законодательная регламентацiя ввоза и вывоза должна была также повлiять на высоту

цѣнъ на хлѣбъ и на развитіе обработки. Съ 1670 года существовалъ законъ, по которому ввозъ разрѣшался, при пошлинѣ въ 8 шил. на квартеръ, только тогда, когда цѣна хлѣба возвысится до 53 шил. 4 д,; свободный же ввозъ допускался только при цѣнѣ въ 80 шил. Но въ 1773 году увидѣли, что держаться этого закона было уже совершенно невозможно, и потому разрѣшенъ былъ ввозъ за пошлину въ 6 д., какъ скоро цѣна квартера пшеницы доходила до 48 шил.; если же она достигала 50 шил., ввозъ дѣлался свободнымъ. Замѣтили, что результатомъ этихъ мѣръ было быстрое возвышеніе цѣнъ; при малѣйшихъ видахъ на неурожай, цѣны быстро вырастали до 50 шил., когда подвозъ иностраннаго хлѣба дѣлался свободнымъ. Мало-по-малу эта законная цѣна на хлѣбъ для свободнаго ввоза сдѣлалась почти постоянною цѣною, регулирующею внутреннее производство хлѣба. На ней основывались расчеты землевладѣльцевъ, арендаторовъ и вообще всего земледѣльческаго производства [*]).

Если дѣйствительно увеличеніе населенія и развитіе торговли способствовали возвышенію цѣнъ на хлѣбъ, то они не могли быть причиною частыхъ колебаній этихъ цѣнъ. Развитіе торговли и населенія происходило постепенно; слѣдовательно, вносить перемѣны на рынокъ оно могло только мало-по-малу, не причиняя быстрыхъ и внезапныхъ колебаній въ цѣнахъ на хлѣбъ, какія мы встрѣчаемъ въ это время.

На дѣйствительную причину указалъ А. Смитъ, — именно на чрезвычайно неблагопріятные урожаи.

Въ слѣдующіе годы, до 1790, хлѣбный рынокъ удерживаетъ тотъ же характеръ, хотя гнетъ неурожаевъ и высота цѣнъ не такъ чувствительны. Такъ, съ 1775 по 1780 г.,

---

Helferich, тамъ же.

за исключеніемъ 1777, цѣны въ Англіи были довольно умѣренны, особенно въ 1779 году, когда цѣна пала на 35 ш. 7 д. Въ нѣкоторые годы даже вывозили хлѣбъ; какъ напр. въ 1776 вывезено было до 200,000 квартеровъ пшеницы; но начиная съ 1780 года опять слѣдовали 4 года неурожайные, и цѣны на пшеницу поднялись до 53 шил. Особенно холодныя зимы затруднили кормъ скота и вызвали дороговизну мяса. Къ такимъ же годамъ можно отнести 1788, 1789, 1790, 1792. Почти тѣ же колебанія цѣнъ и частые неурожаи продолжаются до конца столѣтія.

Въ послѣдніе годы столѣтія на высоту цѣнъ на хлѣбъ вліяютъ уже не одни неурожаи, но и политическія обстоятельства: революція, войны, континентальная система и наконецъ безпорядки въ денежномъ обращеніи.

Не смотря однако же на высокія цѣны послѣднихъ 35 лѣтъ XVIII столѣтія, вліяніе предыдущихъ годовъ урожайныхъ было такъ велико, что, по вычисленіямъ Артура Юнга, средняя цѣна винчестерскаго квартера въ XVIII столѣтіи равна 1 фунту 18 шил. 7 д., тогда какъ въ XVII столѣтіи она равнялась 1 ф. 18 ш. 2 д.

Почти такія же, если не большія явленія дороговизны отъ 1765 года представляютъ и континентальные хлѣбные рынки. Посѣвы почти вездѣ страдали часто отъ сильныхъ зимъ, раннихъ холодовъ и дождливыхъ лѣтъ.

За исключеніемъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ балтійскаго прибрежья, дороговизна въ Германіи въ 1770—1773 годахъ была сильнѣе, чѣмъ въ Англіи, и колебанія цѣнъ еще замѣтнѣе. Такъ, въ Мюнхенѣ, самомъ большомъ хлѣбномъ рынкѣ южной Германіи, торговавшемъ хлѣбомъ съ Швейцаріею, колебанія цѣнъ были слѣдующія: шефель стоялъ

	Рожь.	Пшеница.	Ячмень.	Овесъ.
1760 - 1769	7 фл. 36 к.	11 ф. 20 к.	6 ф. 28 к.	4 ф. 7 к.
1770 – 1773	17 фл. 13 к.	21 ф. 3 к.	11 ф. 16 к.	6 ф. 2 к

Еще сильнѣе колебанія цѣнъ были въ Дрезденѣ.

	Рожь.	Пшеница.	Ячмень.	Овесъ.
1764—1769	1 th. 23 gr.	3 th. 1 gr.	1 th. 9 gr.	22 gr.
1770—1773	4 th. 1 gr.	4 th. 18 gr.	3 th. 5 gr.	1 th 13 gr.

Относительно Франціи извѣстно, что, вслѣдствіе плохихъ жатвъ, въ 1770 г., возлѣ Лиможа, въ прежнихъ провинціяхъ Лимузинѣ и Маршѣ, умерло отъ голода 4000 душъ. Въ Нормандіи была также сильная дороговизна.

Въ Ноpeмонде (въ Голландіи), въ 1770 году, цѣна ржи удвоилась. — съ 8 ф. 8 штив. возрасла до 16 фл. 16 штив. за мальтеръ.

Не менѣе быстры бывали однако же на континентѣ и паденія цѣнъ Такъ, отъ 1775 до 1781 г., средняя цѣна была уже:

	Рожь.	Пшеница.	Ячмень.	Овесъ.
Въ Мюнхенѣ	6 фл. 28 кр.	10 ф. 11 к.	5 ф. 14 к.	3 ф. 33 к.
Въ Дрезденѣ	1 тал. 19 гр.	2 т. 13 г.	1 т. 11 г.	— 23 г.

Въ Мюнхенѣ такія низкія цѣны были только отъ 1748 до 1757 года, а въ Дрезденѣ развѣ въ началѣ столѣтія отъ 1700 до 1709 г.

Въ Голландіи (въ Ноpeмонде) въ эти же годы цѣна мальтера ржи пала на 7 фл. 10 штив., тогда какъ средняя цѣна съ 1770 по 1775 была 12 фл. 14 штив.

Изъ приведенныхъ данныхъ о состояніи хлѣбныхъ рынковъ въ Англіи и на континентѣ Европы видно, что до восьмидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія годы урожаевъ и неурожаевъ случаются почти во всей Европѣ одновременно; только съ 1780 года мы замѣчаемъ нѣкоторую разницу.

Такъ, на континентѣ, отъ 1780—1790, первые годы десятилѣтія были менѣе дороги, тогда какъ въ Англіи лучшими годами были послѣдніе.

Впрочемъ, рѣзкіе переходы отъ урожаевъ къ неурожаямъ, отъ чрезвычайно высокихъ цѣнъ къ сравнительно низкимъ, продолжались повсемѣстно. Такъ, въ Англіи, въ сравнительно лучшее время, въ 1788 и 1789 годы, цѣна пшеницы стояла 57 шил. квартеръ. Если бы не было запрещенія вывоза, то она стояла бы еще выше, потому что пшеница шла въ Амстердамъ, гдѣ Неккеръ закупилъ ее для французскаго правительства, и гдѣ цѣна на нее стояла отъ 60 до 70 шил. за квартеръ. Въ Мюнхенѣ средняя цѣна хлѣба была:

	Ржи.	Пшеницы.	Ячменя.	Овса.
отъ 1780—1785	7 ф. 21 к.	10 ф. 5 к.	6 ф. 2 к.	3 ф. 41 к.
» 1786—1789	9 ф. 22 к.	13 ф. 26 к.	7 ф. 36 к.	4 ф. 6 к.

Тоже самое было и въ Кенигсбергѣ:

	Средняя цѣна за шеффель.
отъ 1776—1785 —	77 грошей.
» 1786—1789 —	1 тал. 23 » a).

Послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка, какъ мы уже сказали, характеризуется такими же вообще высокими цѣнами на хлѣбъ и рѣзкими колебаніями ихъ. Тукъ, въ доказательство того, что періодичность въ урожаяхъ возможна, указываетъ на годы отъ 1793 до 1819, когда неурожайные годы повторялись чаще, чѣмъ когда бы то ни было. Но объяснять колебанія цѣнъ въ этотъ періодъ одними неурожаями нельзя: безпрерывныя войны, революція, выпуски бумажныхъ денегъ въ громадныхъ размѣрахъ, все это должно было вліять на товарные рынки въ отдѣльности, такъ что

a) См. Helferich, стр. 135.

экономическое положеніе Европы въ это время представляетъ особый періодъ, изученіе котораго выходитъ за предѣлы нашей задачи.

Между тѣмъ, и до 1790 года, не смотря на непостоянство цѣнъ и даже на неодновременное ихъ колебаніе, причину дороговизны хлѣба приписывали многіе, особенно въ Англіи, измѣненію цѣнности серебра. Одинъ изъ защитниковъ такого мнѣнія приводитъ въ доказательство таблицу колебанія цѣнъ на различныхъ рынкахъ Европы въ XVIII вѣкѣ, выраженную въ сотыхъ. Сопоставляя ее съ такою же таблицею о количествѣ добычи и чекана металловъ въ Мексикѣ и Перу, онъ желаетъ объяснить перемѣны въ цѣнахъ на хлѣбъ перемѣнами въ добычѣ металловъ. Такъ какъ таблицы эти могутъ скорѣе служить подтвержденіемъ противнаго мнѣнія, то мы и приводимъ ихъ здѣсь:

	Англія	Франція	Амстердамъ	Данцигъ	Кенигсбергъ	Гамбургъ	Мюнхенъ	Дрезденъ	Бискайя	Анкона
1700—1709	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1710—1719	125	59	110	120	101	—	116	126	119	94
1720—1729	107	53	115	92	88	—	82	125	87	71
1730—1739	88	64	94	88	73	90	89	120	106	92
1740—1749	89	60	129	106	104	104	142	149	117	105
1750—1759	108	69	117	102	110	94	114	150	103	108
1760—1769	118	119	134	111	143	113	130	213	138	136
1770—1779	138	157	122	129	134	120	202	166	150	130
1780—1789	140	147	139	130	131	121	135	—	158	147

Выводя изъ этой таблицы среднія цѣны хлѣба, по десятилѣтіямъ, для цѣлой Европы, и сопоставляя ихъ съ ко-

личествомъ вычеканеннаго металла въ Перу и Мексикѣ, получаемъ слѣдующія цифры:

Среднія цѣны хлѣба въ Европѣ.		Количество металловъ, вычеканенное въ Мексикѣ и Перу.
1700 — 1709	— 100	100
1710 — 1719	— 108	114
1720 — 1729	— 91	137
1730 — 1739	— 90	148
1740 — 1749	— 110	173
1750 — 1759	— 107	206
1760 — 1769	— 135	192
1770 — 1779	— 144	275
1780 — 1789	— 139	302

Мы видимъ, что до 1760 года количество новой добычи металловъ постоянно возрастаетъ; между тѣмъ, цѣны на хлѣбъ отъ 1720 до 1740 г. стоятъ ниже, чѣмъ въ первые 15 лѣтъ столѣтія. Возрастаніе добычи металловъ со второго на третье десятилѣтіе, почти на 20%, не оказало никакого вліянія на цѣны; тогда какъ въ послѣдней половинѣ столѣтія возрастаніе было меньшее, а вліяніе на цѣны хлѣба, если приписывать металламъ, окажется большее. Наконецъ, упадокъ добычи въ 1760 годахъ не повліялъ совершенно на цѣны хлѣба; напротивъ, мы видимъ повышеніе ихъ.

Вообще же о таблицѣ слѣдуетъ замѣтить, что въ ней указывается только на зависимость цѣнъ хлѣба въ Европѣ отъ добычи благородныхъ металловъ въ Америкѣ, но упущена изъ виду добыча металловъ въ Европѣ и развитіе кредитныхъ орудій обращенія.

Между тѣмъ, однихъ бумажныхъ денегъ, можетъ быть, никогда столько не было выпущено, какъ въ двадцатыхъ

годахъ и въ послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка. — Слѣдовательно, отношеніе между спросомъ и предложеніемъ на американское золото могло оставаться неизмѣннымъ, не смотря на разницу добычи въ началѣ и концѣ столѣтія.

И такъ, состояніе цѣнъ на хлѣбъ въ Европѣ, не смотря на сильныя колебанія, можетъ также служить подтвержденіемъ того положенія, что цѣнность благородныхъ металловъ въ XVIII вѣкѣ на европейскихъ рынкахъ оставалась неизмѣнною.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Балансъ русской внѣшней торговли.

По недостатку точныхъ данныхъ, трудно отвѣчать на вопросы: откуда получала Россія золото и серебро въ XVIII вѣкѣ, куда употребляла ихъ, а также въ какихъ отношеніяхъ денежный рынокъ Россіи находился съ собственнымъ металлическимъ рынкомъ, и металлическимъ рынкомъ остальной Европы? Попытаемся хотя приблизительно рѣшить эти вопросы.

При вступленіи на престолъ Петра Великаго не было еще ни золотыхъ, ни серебрянныхъ рудниковъ Сибири и Урала; серебро и золото на русскій рынокъ могли приходить только изъ-заграницы. Даже три мѣдные рудника возлѣ Олонецка и на Мезенѣ были весьма скудны.

Приливъ иностраннаго золота и серебра путемъ внѣшней торговли сдѣлался особенно значительнымъ со времени открытія архангельскаго порта. По Кильбургеру, въ 1671 году одни нѣмцы привезли 27,839 дукатовъ и 50,009 талеровъ, кромѣ 16,000 рублей русскими деньгами, уходившими заграницу чрезъ Украину и Польшу. Въ 1672 году привезено 11,320 дукатовъ 5,629 талеровъ и 2,002 руб. Въ 1672 году — 9,545 дук., 12,000 тал., а изъ Голландіи

7,120 дук. и 100 тал. Пошлинъ въ Архангельскѣ съ 1654 по 1673 годъ получено 1,382,931 руб. 84½ коп. [a]).

Балансъ русской торговли былъ уже и тогда выгодный для Россіи [b]). Съ основаніемъ Петербурга главными торговыми рынками Россіи, имѣвшими ближайшую связь съ западно-европейскимъ рынкомъ, сдѣлались гавани Балтійскаго моря.

Въ 1702 году Петръ взялъ Нотенбургъ (Шлиссельбургъ), въ слѣдующемъ завоевалъ Ніеншанцъ, овладѣлъ такимъ образомъ всѣмъ теченіемъ Невы и нынѣшнимъ Кронштатомъ, а чрезъ 16 дней положилъ основаніе Петербурга.

Въ томъ же году нечаянно заѣхало голландское судно съ виномъ и солью, и съ этого времени начинается уже петербургская заграничная торговля. Вскорѣ устроена была верфь и адмиралтейство, и чрезъ посольства объявлено о новой русской гавани; расчитывали главнымъ образомъ на Англичанъ и Голландцевъ, но приглашали торговать также Итальянскіе города и вольные нѣмецкіе [c]). Петръ желалъ сдѣлать Петербургъ главнымъ мѣстомъ сбыта русскихъ товаровъ; но цѣны на товары, вслѣдствіе затруднительнаго провоза изъ внутреннихъ мѣстъ Россіи, были въ Петербургѣ значительно выше архангельскихъ. Нужно было устроить

---

a) Schlözer Münz-Geld- und Bergwerks-Geschichte des Russichen Kaiserthums von J. 1700 bis 1789. Meist aus Urkunden beschrieben. Göttingen. 1791. стран. 70.

b) Семеновъ. Изученіе историческихъ свѣдѣній о россійской внѣшней торговлѣ и промышленности съ половины XVIII столѣтія по 1858 годъ С.-Пб. 1859. часть 3, стр. 19.

c) См. Henrich Storch. Historisch-Statistisches Gemälde des Russischen Reichs am Ende des achtzehnten Jahrhunderts. Leipzig, 1802. томъ 5, стр. 6 и слѣд. Также Scherer, Histoire raisonnée du commerce de la Russie. Paris MDCCLXXXVIII, томъ 1, стр. 141; Friebe, über Russlands Handel, Gotha und St.-Petersburg, 1791. томъ 2, стр. 95.

водяное сообщеніе и потому, послѣ полтавской битвы, поручено было инженеру Перри изслѣдовать три системы сообщенія Волги съ Невою, — но эти планы не имѣли успѣха. Позднѣе заложенъ былъ Ладожскій каналъ, оконченный впрочемъ только въ 1732 г. Купецъ Сердюковъ взялся соединить Цну съ Тверцою.

Между тѣмъ, чтобы устранить конкурренцію Архангельска, въ 1713 году велѣно было изъ прилежащихъ провинцій возить товары не въ Архангельскъ, а въ Петербургъ, а пеньку и юфть даже изъ отдаленныхъ [a]). Кромѣ того, велѣно было знатнымъ купцамъ переселиться изъ Архангельска въ Петербургъ

Заключены были трактаты, учреждены консульства, какъ иностранныя въ Петербургѣ, такъ и русскія заграницею [b]).

Съ 1713 года начинается уже постоянное и быстрое возрастаніе петербургской торговли.

Число кораблей, посѣщавшихъ петербургскую гавань, расло быстро:

Въ 1713	— 1	Въ 1717	— 51
» 1714	— 16	» 1718	— 54
» 1715	— 53	» 1719	— 52
» 1716	— 33	» 1720	— 75

---

a) Изъ Архангельска просили отмѣны этого распоряженія и приводили въ числѣ доводовъ, что пеньковую промышленность держатъ въ рукахъ три нѣмца въ Вологдѣ, и что при нихъ 25,000 человѣкъ рабочихъ находятъ себѣ пропитаніе.

Голландцы также ходатайствовали въ пользу Архангельска; но всѣ эти ходатайства не имѣли успѣха.

b) Матвѣевъ въ 1706 году заключилъ конвенцію съ Франціею. Итальянскимъ городамъ обѣщано уменьшить пошлину на $^1/_2$. Графъ Каретти заключилъ конвенцію съ Венеціею о торговлѣ съ Петербургомъ въ 1712 г.; а Меньшиковъ съ Любекомъ. Долгорукій заключилъ конвенцію съ Данцигомъ.

Консулы въ Петербургѣ — сначала Англійскій, потомъ Французскій и Датскій; другія націи учредили консульства уже послѣ.

Въ 1721— 60	Въ 1759—728
» 1722—119	» 1760—357
» 1724—180	» 1761—280
» 1758—402	» 1762—387

Главнымъ предметомъ вывоза сначала была пенька. Въ концѣ царствованія Петра петербургскій рынокъ иногда такъ загроможденъ былъ русскими товарами, что падали цѣны. Особенно же возрасло значеніе Петербурга съ устройствомъ Вышневолоцкаго и Ладожскаго каналовъ.

Количество гаваней на Балтійскомъ морѣ постоянно возрастало; въ 1704 году пріобрѣтена Нарва; въ 1710 Рига; чрезъ годъ построенъ Кронштадтъ, а по Ништадтскому миру Россія владѣла уже шестью или семью гаванями [a]). Въ 1737 году пріобрѣтенъ Гапсаль, а по Абовскому миру (1743) Фридрихсгамъ; слѣдовательно, въ половинѣ столѣтія было уже девять гаваней на Балтійскомъ морѣ.

Между ними важнѣйшее мѣсто послѣ Петербурга занимала Рига. Торговое значеніе ея не могъ подорвать Петербургъ, такъ какъ она вела торговлю съ Польшею, Малороссіею и нѣкоторыми ближайшими великороссійскими городами. Позднѣе для рижскаго купечества устроенъ былъ банкъ въ Ригѣ, — въ 1735 году Анна Іоанновна дала 100,000 руб. на десять лѣтъ безъ процентовъ, и возобновлена старая привилегія рижскаго купечества — запрещеніе торговать въ Ригѣ иностраннымъ и даже русскимъ купцамъ. Приходъ кораблей въ Ригѣ возрасталъ также быстро.

Съ 1703 по 1709 среднимъ числомъ около 250 кор. Съ 1709 по 1713 число кораблей уменьшилось до 70, но съ 1713 года начало постоянно возрастать.

---

a) Петербургъ, Рига, Ревель, Пернау, Аренсбургъ, Нарва и Выборгъ.

1713 — 176	1726 — 361	1745 — 423
1716 — 191	1729 — 375	1750 — 447
1720 — 188	1735 — 420	1755 — 501
1723 — 203	1740 — 597	1760 — 622

Но Петербургъ подорвалъ торговое значенiе Ревеля и Нарвы, особенно съ 1745 года, когда запрещенъ былъ вывозъ дерева изъ этихъ гаваней. Впрочемъ, торговое значенiе какъ этихъ, такъ и другихъ портовъ, было незначительно. За то преобладающее значенiе получили Петербургъ, Рига и съ пятидесятыхъ годовъ Ревель. Въ одномъ Петербургѣ количество пошлинъ было съ 1742 по 1749 годъ, за 8 лѣтъ, около 5,535,000 руб.; а съ 1750 — 1757 г. 7,662,000 руб. Уже тогда считали, что половина внѣшней торговли велась чрезъ Петербургъ. Балансъ петербургской торговли былъ впрочемъ не всегда выгоденъ; съ 1742 по 1749 перевѣсъ вывоза былъ на 233,000, а съ 1750 по 1757 на 560,000; хотя въ 1743, 1748, 1751 и 1753 годахъ балансъ петербургской торговли былъ невыгоденъ.

Торговля на Бѣломъ морѣ сосредоточивалась главнымъ образомъ въ Архангельскѣ. Хотя мѣры Петра Великаго, принятыя для устраненiя конкурренцiи архангельской торговли, были смягчены (такъ, въ 1717 году дозволено уже $1/3$ товаровъ, предназначенныхъ къ отпуску за море, отправлять черезъ Архангельскъ; въ 1719 году обязательною сдѣлалась доставка въ Петербургъ только $1/3$ товаровъ, а при Петрѣ III пожалованы были Архангельску всѣ преимущества Петербурга; ограниченъ только вывозъ дерева и удержаны нѣсколько большiя пошлины), — но это не могло возвратить Архангельску прежняго значенiя. Въ концѣ XVII столѣтiя годовой оборотъ архангельской торговли исчисляли до миллiона рублей [c]); въ 1701 получено было таможенныхъ пош-

---

а) Шторхъ считаетъ оборотъ Архангельской торговли въ концѣ XVII

линъ 139,421 талеръ и 3,758 руб., а въ 1724 году получено пошлинъ всего 21,717 талер. и 967 руб.; только съ 1730 года торговля Архангельска начала нѣсколько поправляться [a]). О количествѣ кораблей, посѣщавшихъ Архангельскій портъ, нѣтъ подробныхъ свѣдѣній; извѣстно, что съ начала столѣтія и до 1718 года ихъ было среднимъ числомъ около 150 въ годъ; въ 1745 году ихъ было всего 25. Въ 1754 году 104 корабля. Кромѣ Архангельска, позднѣе на Бѣломъ морѣ начали вести торговлю Онега и Кола, но торговля ихъ была незначительна.

Среднимъ числомъ, въ Балтійское и Бѣлое моря приходило отъ 1761 до 1763 ежегодно 1833 корабля. Таможенный доходъ во всѣхъ этихъ гаваняхъ простирался [b]).

	Иностранными деньгами.			Русскими деньгами.		
1730 -	523,695 тал.	8	коп.	34,448 руб.	94¼	коп.
1735 —	547,896 »	44½	»	34,158 »	72¼	»
1740 —	539,877 »	46¾	»	181,004 »	16	»

Относительно черноморской торговли всѣ предпріятія Петра Великаго рушились [c]). По договору 1711 года возвращенъ былъ Туркамъ Азовъ. Въ послѣдніе годы своего царствованія онъ хотѣлъ было опять возвратить потерянное, приказалъ уже строить магазины на Дону, но не успѣлъ выполнить своихъ намѣреній. Такимъ образомъ, въ первую

вѣка приблизительно въ 350,000 тогдашнихъ рублей. Семеновъ исчисляетъ оборотъ Архангельской торговли отъ 1697 до 1702 г. среднимъ числомъ въ годъ на нынѣшніе рубли: привозъ 382,248 руб. отпускъ 728,456 руб. Слѣдовательно общій оборотъ въ 1,110,704 руб. и выгодный торговый балансъ въ 346,208 руб. См. Scherch, томъ 5, стр. 32 и Семеновъ о россійской внѣшней торговлѣ, томъ 3, стр. 18.

a) Storch. Gemälde, B. 4, S. 178.

b) Тамъ же стр. 194, и Supll. S. 27.

c) См. Trieté über Russlands Handel, томъ 1, стр. 32, и M. de Peyssonel. Traité sur le commerce de la mer noire. Paris, MDCCLXXXVII, томъ 1, стр. 183 и слѣд.

четверть XVIII столѣтія не могло быть на Черномъ морѣ никакой торговли. Только Анна Іоанновна возобновила планы Петра. Послѣ войны, начавшейся въ 1736 году и окончившейся не совсѣмъ удачнымъ миромъ, Азовъ, совершенно разрушенный, уступленъ былъ Россіи. Но Русскіе получили право вблизи старой границы устроить крѣпость; вслѣдствіе чего возобновленъ былъ почти разрушенный Таганрогъ.

Россія не имѣла права держать военнаго флота на Черномъ морѣ; хотя и предоставлялась ей свободная торговля, но не иначе, какъ на турецкихъ корабляхъ. При такихъ условіяхъ торговля не могла получить значительныхъ размѣровъ, тѣмъ болѣе, что велась она Турками и донскими казаками. Турецкіе суда ходили въ Таганрогъ, но въ такомъ незначительномъ количествѣ, что съ 1746 — 1748 г. въ Таганрогъ пришло всего 38 судовъ, — нѣкоторые изъ нихъ были не болѣе рыбачьихъ лодокъ [a]). — Правительство желало исправить дѣло и допустить къ торговлѣ русскихъ и самому принять участіе въ судоходствѣ. Рѣшено было учредить русскую торговую компанію и войти въ переговоры съ турками о свободѣ плаванія черезъ Константинопольскій проливъ. Честь этого предпріятія принадлежитъ впрочемъ уже Елисаветѣ. Сначала вызывали желающихъ изъ купцовъ учредить факторіи въ Темерниковѣ; но желающихъ не явилось. Сенатъ началъ призывать и спрашивать купцовъ первой гильдіи, не пожелаетъ ли кто изъ нихъ взяться за это дѣло, — успѣха также не было. Наконецъ въ 1755 году удалось составить компанію изъ трехъ русскихъ купцовъ, во главѣ которыхъ былъ московскій шелковый фабрикантъ Хастатовъ. Составленный компаніонами проэктъ былъ утвержденъ сенатомъ почти безъ перемѣнъ.

---

a) См. Storch Gemälde, томъ 5, стр. 268. и Scherer, томъ 1, стр. 215.

Въ 1756 году эта компанія получила исключительное право торговли на Черномъ морѣ. Впрочемъ, всякій русскій могъ участвовать, купивши акцію. Первоначальный фондъ состоялъ изъ 50,000 руб., раздѣленныхъ на 100 акцій. Единственное условіе, поставленное казною, было — не заниматься контрабандою и платить исправно пошлины. Заведены были три конторы, въ Москвѣ, гдѣ была и главная дирекція, въ Темерниковѣ и Константинополѣ, — послѣдняя состояла изъ Русскихъ и Грековъ. Главный складъ товаровъ предполагался въ Темерниковѣ, гдѣ онъ дѣйствительно впослѣдствіи и былъ для торговли на Кубани. Всѣ эти приголовленія не могли однако же имѣть никакого значенія безъ предварительнаго соглашенія съ Портою, а здѣсь не было успѣха. Такъ какъ Русскіе жаловались, что турецкіе суда малы, то Турки обѣщали только строить большія суда, купили нѣсколько судовъ у компапіи и обѣщали забрать часть экипажа. Два года шли приготовленія, пока въ 1758 г. началась торговля, но она была весьма незначительна и представляла для Россіи невыгодный торговый балансъ, такъ:

Общій оборотъ.		Ввозъ.	Вывозъ.	Балансъ.
1758 —	86,991 руб.	52,077 р.	34,914 р.	—17,163 р.
1759 —	99,446 »	61,603 »	37,843 »	—23,760 »
1760 —	127,368 »	85,085 »	42,283 »	—42,802 »
1761 —	157,720 »	115,069 »	42,651 »	—72,418 »
1762 —	170,221 »	128,906 »	41,315 »	—87,591 »[a])

Только съ 1764 года балансъ черноморской торговли сдѣлался выгоднымъ. Но уже въ 1762 году Петръ III уничтожилъ Темерниковскую компанію.

Старанія правительства упрочить русскую торговлю на Черномъ морѣ обратили вниманіе иностранцевъ, особенно Венеціи и Франціи; послѣдняя надѣялась завести этимъ пу-

a) Storch Supplbd. S. 32.

темъ торговлю съ Персіею. Но всѣ проэкты и планы иностранцевъ не имѣли также успѣха.

Французы, пользуясь хорошими отношеніями своего правительства съ Портою, просили сначала исключительной привилегіи на торговлю въ Черномъ морѣ, но получили отказъ; потомъ просили свободнаго проѣзда чрезъ Дарданеллы, — но также безъ успѣха; наконецъ хотѣли устроить въ Марсели компанію изъ Французовъ и Турокъ, — и это имѣло такой же исходъ.

Торговля Россіи на Каспійскомъ морѣ въ XVIII вѣкѣ хотя и получила важное значеніе къ концу первой половины столѣтія, но совершенно не то, какое должна была она имѣть по первоначальнымъ планамъ Петра Великаго, желавшаго открыть путь въ Индію и къ золотымъ пескамъ Яркента. Всѣ экспедиціи на восточный берегъ Каспійскаго моря въ Бухару, Хиву и Яркентъ не имѣли нисколько успѣха [a], хотя впрочемъ обладаніе Колыванскими горами, имѣвшими впослѣдствіи такое важное вліяніе на русскій металлическій

---

a) Сначала предположено было занять мысъ Тукъ-Караганъ для торговли съ Трухменами, но оказалось что мѣсто было выбрано неудачно и не безопасное. Въ 1691 году еще отправлено было посольство въ Хиву, чтобы на восточномъ берегу моря устроить складочное мѣсто — но успѣха не было. Въ 1714 году нѣкто Ходжа Нафисъ предложилъ планъ завоевать Аму-Дарію, возвратить древнее теченіе ея и завладѣть золотыми розсыпями. Съ этою цѣлью снаряжена была экспедиція подъ начальствомъ князя Бекевича, но уже кромѣ указанныхъ цѣлей предполагалось также открыть путь въ Индію. Въ 1715 году Бекевичъ ѣздилъ на восточный берегъ Каспійскаго моря и открылъ будто бы старое устье Аму-Даріи.

Въ 1716 году онъ получилъ отъ Петра I. инструкцію, въ которой между прочимъ предполагалось, устроить двѣ крѣпости на Аму-Даріи; Хиву склонилъ къ подчиненію; завладѣть золотыми розсыпями въ Яркентѣ и отправить караванъ въ Индію. Но предпріятіе это имѣло самый плачевный исходъ. Другая экспедиція изъ Сибири подъ начальствомъ Бухгольца и Ступина (1717) и третья подъ начальствомъ Лихарева (1719) также были безуспѣшны. Storch, Gemälde, т. 5, стр. 40 и слѣд. также Scherer, томъ 1, стр. 229.

рынокъ, упрочено было благодаря этимъ экспедиціямъ. При Аннѣ Іоанновнѣ рѣшились опять отправить экспедицію въ Бухарію подъ начальствомъ Гербера, но караванъ былъ ограбленъ. Такія неудачи завести активную торговлю съ центральною Азіею и Индіею при помощи русскихъ каравановъ привели къ болѣе скромному желанію — завести торговлю съ сосѣдними азіятскими народами на своей границѣ. Хотя и здѣсь представлялись затрудненія, такъ какъ не было удобнаго мѣста на границѣ для торговли, а грабежи со стороны Киргизовъ угрожали караванамъ на ихъ пути къ русскимъ границамъ.

Но Киргизы малой орды подчинились Россіи (1731 году); и для устройства мѣста торговли выбрана была рѣка Оръ, на которой выстроенъ былъ въ 1734 году Оренбургъ, перенесенный впрочемъ въ 1740 году на красногорье, а потомъ на теперешнее мѣсто, а первыя два получили названіе Орской и Красногорской крѣпостей.

Мало-по-малу начали приходить караваны изъ Хивы, Бухары и Ташкента. Въ 1735 году первый караванъ изъ Ташкента пришелъ въ Уфу. Русскіе опять попробовали отправить свой караванъ въ Хиву, но были ограблены. Въ 1743 году основана была крѣпость Троицкъ, сдѣлавшійся вмѣстѣ съ Оренбургомъ важнѣйшими мѣстами торговли. Въ Троицкѣ впрочемъ началась торговля съ 1750 года; караваны приходили преимущественно сюда изъ Кашгара и Ташкента и въ нѣсколько лѣтъ торговля достигла значительныхъ размѣровъ.

Такъ, доходы таможенные въ Оренбургской и Троицкой таможняхъ представляютъ слѣдующія цифры:

1738 —	547 р.	1741 —	3,872 р.	1744 —	4,806 р.
1739 —	688 р.	1742 —	3,385 р.	1745 —	6,893 р.
1740 —	3,083 р.	1743 —	4,183 р.	1746 —	8,028 р.

1747 — 12,628 р. 1750 — 52,507 р. 1752 — 73,884 р.
1748 — 19,689 р. 1751 — 85,124 р. 1753 — 33,884 р.
1749 — 44,189 р. 1754 — 50,362 р.[a])

Эти доходы были бы несравненно больше, если бы съ 1748 г. азіятскіе купцы не привозили значительнаго количества золота и серебра, которое было свободно отъ всякой пошлины. Чрезъ Троицкъ ввезено отъ 1748 — 1754 года, по таможеннымъ вѣдомостямъ, 50 пудовъ золота и 4,600 пуд. серебра, не считая того, что могло ускользнуть отъ таможеннаго досмотра. А чрезъ Оренбургъ въ этотъ же періодъ времени ввезено 7½ пудовъ золота и 657 пуд серебра [b]). Нужно замѣтить при томъ, что азіятская караванная торговля не ограничивалась только этими мѣстами; въ Тобольскую губернію, въ крѣпости Семипалатинскую, Устькаменогорскую и Ямышевскую приходили также караваны, а нѣсколько русскихъ каравановъ, если не достигали самой Индіи, то доходили до Балька, гдѣ встрѣчались съ караванами Остъ-Индіи.

Торговля съ Персіею въ началѣ XVIII вѣка находилась въ рукахъ Армянъ, имѣвшихъ конторы въ Астрахани. Главнѣйшимъ товаромъ былъ шелкъ; онъ не только шелъ въ Россію, но транзитомъ на Архангельскъ въ Голландію, откуда тѣмъ же путемъ шли товары въ Персію. Петръ I въ 1711 году заключилъ договоръ съ Армянами, по которому весь шелкъ долженъ былъ идти на Россію, и совершенно прекращался вывозъ его въ Турцію. Армяне получили монополію торговли шелкомъ въ Россіи и еще другія льготы. Но привилегіями этими Армяне воспользовались только для

---

a) Storch, Gemälde, томъ 5, стр. 334 и прим. 4 въ концѣ тома изъ Рычкова.

b) См. Семеновъ. Изуч. истор. свѣд. о русск. торг., томъ 1, стр. 181 и Schtorch, Gemälde, томъ 5. стр. 334.

торговли внутри Россіи, и не только не препятствовали Персамъ, но и сами торговали шелкомъ съ Турціею, поэтому привилегіи ихъ въ 1719 году уничтожены. Между тѣмъ, уже и прежде русскіе купцы изъ Астрахани вели довольно оживленную активную торговлю съ Персіею, и чрезъ Каспійское море возили товары въ Низабодъ и даже Рештъ; главный складъ своихъ товаровъ имѣли въ Шемахѣ, разоренной въ 1712 году, при чемъ понесли потери и русскіе купцы. Въ 1716 году ввозъ персидскихъ и бухарскихъ товаровъ въ Астрахани простирался до 464,000 руб. и пошлины взято около 25,000 руб. [a]).

Пользуясь смутами въ Персіи, Петръ предпринялъ экспедиціи на восточный берегъ Кавказа и въ Персію, окончившійся миромъ въ Петербургѣ въ 1723 году, по которому Россіи уступлены были всѣ персидскія провинціи на Каспійскомъ морѣ, Дагестанъ, Ширванъ, Гилянъ, Мазадеранъ и Астрабатъ. Баку былъ взятъ прежде, и на берегу Куры велѣно было устроить складочное мѣсто для торговли преимущественно шелкомъ.

Торговля эта съ 1723 года была отдана учрежденной Петромъ Великимъ компаніи, состоявшей главнымъ образомъ изъ русскихъ купцовъ, хотя приняты были и Армяне, какъ люди опытные. Лучшимъ пріобрѣтеніемъ для торговли былъ Гиланъ, гдѣ въ одномъ Рештѣ было болѣе 50 каравансараевъ, и куда сходились для торговли Турки, Персы, Бухарцы и Индусы. Торговля была мѣновая, — но шелкъ покупался только на серебро. Впрочемъ, торговля эта пріупала уже раньше русскаго владычества.

На восточномъ берегу Кавказа пріобрѣтенія Россіи были также важны; одинъ откупъ нефти въ Баку давалъ казнѣ

a) Gemälde, т. 5, стр. 437.

ежегодно 50,000 руб. Но уже при Петрѣ Великомъ были возвращены Персіи, Мазандеранъ и Астрабадъ и торговля опять попала въ руки Армянъ, компанія которыхъ въ Жульфѣ получила привилегію вести транзитную торговлю чрезъ россію сперва за 3%, потомъ за 2% пошлины. Армяне опять воспользовались, не только транзитомъ, но и захватили всю персидско-русскую торговлю въ свои руки; такъ какъ они пользовались большими льготами, чѣмъ Русскіе, то русская компанія, устроенная Петромъ Великимъ, сама собою рушилась. При Аннѣ Іоанновнѣ возвращены были по трактату въ Рештѣ всѣ завоеванія Петра Великаго въ Персіи, оставались за Россіею пока Дагестанъ и Ширванъ, и то только до 1736 года, когда Терекъ сдѣлался границею Россіи. Русскіе впрочемъ получили право свободной торговли въ Персіи и при Аннѣ Іоанновнѣ торговыя сношенія съ Персіею, были довольно значительны. Въ 1738 году Англичане получили позволеніе вести транзитъ съ Персіею чрезъ Россію, но уже въ 1746 году это дозволеніе отнято, и торговля опять осталась въ рукахъ Армянъ и Русскихъ и значительно пріупала; въ 1749 году весь оборотъ транзита изъ Персіи на Петербургъ простирался всего на 218,000 руб. [a]). Желаніе забрать торговлю въ Русскія руки повело къ учрежденію въ 1755 году русскаго товарищества «Матвѣевъ и К°»; Армяне употребляли сначала всѣ средства подорвать эту компанію, — но не успѣли; поэтому рѣшились, по предложенію Манвела Исаханова соединить обѣ компаніи въ одну, подъ общимъ названіемъ Персидской торговой компаніи. Уставъ этой соединенной компаніи былъ утвержденъ въ 1758 году. Основной капиталъ состоялъ изъ 600,000 рублей въ 4,000 акціяхъ. Привилегіи этой компаніи были велики, но воспользова-

---

a) Storch, Gemälde, т. V, стр. 308.

лись ими только Армяне. Петръ III. въ 1762 году уничтожилъ компанію и предоставилъ свободу торговли Русскимъ подданнымъ на Каспійскомъ морѣ.

Въ 1760 году торговля съ Персіею представляетъ такія цифры: общій оборотъ 391,000 руб.; ввозъ 210,500 р.; вывозъ 180,500 руб.; невыгодный балансъ на 30,000 руб. но эти цифры заключаютъ въ себѣ и транзитъ *).

Торговыхъ сношеній съ Китаемъ при Петрѣ Великомъ почти совершенно не было. Хотя и учреждена была въ 1721 году восточно-китайская торговая компанія, въ надеждѣ на успѣшное размежеваніе границъ и хорошія отношенія съ китайскимъ правительствомъ; — но достигнуть ни того, ни другаго не могли. За то послѣ Петра I. торговля наша съ Китаемъ получила значительныя размѣры. Въ 1727 году заключенъ былъ трактатъ относительно границъ, а въ 1728 году другой общій (Нерчинскій). По послѣднему трактату,

---

а) У Щербатова находимъ слѣдующее: „При Императрицѣ Аннѣ и въ немалое время царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, Персія была въ цвѣтущемъ состояніи, серебро и золото въ нее текло изъ Индіи, и, на промѣнъ товаровъ нашихъ, изъ Персіи часто серебро привозили, потомъ Шахъ Томасъ-Луликанъ, разоря Монгольскую Имперію, и получа въ столицѣ оныя неизщетное сокровище, злато и сребро цѣну свою потеряло; абасы, содѣланные изъ чистѣйшаго серебра, въ Россію въ великомъ множествѣ приходили, также знатное количество привозили въ Астрахань и въ Оренбургъ, такъ называемаго, копычетаго серебра.“ И въ примѣчаніи къ этому мѣсту: „меня увѣряли, что въ Оренбургъ въ четырнадцать лѣтъ вступило въ казну Государеву до шести тысячъ пудъ абасами, копытчетымъ серебромъ и другимъ, окромѣ что приватные люди получили, мѣняя на товары; и того всего щитаютъ до десяти тысячъ пудъ“. Разныя сочиненія князя М. М. Щербатова Москва 1860. стр. 119. Кромѣ того у Колотова см. Дѣянія Екатерины II, Императрицы и Самодержицы Всероссійскія т. 4, стр. 330: „Доселѣ получала Россія изъ Азіи серебряную и золотую монету. Привозъ сихъ металловъ отъ 1730 по 1759 годъ простирался ежегодно до 2,000 пудовъ (если не болѣе) полагая и золото въ потребной къ серебру пропорціи. А сіе не меньше Европейской торговли умножило въ государствѣ нашемъ золотыхъ и серебрянныхъ денегъ.

частная торговля ограничена была двумя пограничными мѣстами — Кяхтою и Цуругай—ту; здѣсь Русскіе купцы и Китайцы могли производить мѣновую торговлю. Право посылать караваны въ самый Китай (въ Кутухту, гдѣ былъ дворъ) казна удержала исключительно за собою. Впрочемъ право это было весьма ограничено; можно было только въ три года разъ посылать караванъ, и то не болѣе какъ изъ 200 человѣкъ.

Частная торговля въ Кяхтѣ и Цуругай—ту вскорѣ начала развиваться, особенно въ Кяхтѣ, какъ болѣе удобномъ мѣстѣ; но караванная торговля сначала была незначительна. Отъ заключенія трактата до вступленія на престолъ Екатерины II. снаряжено было всего шесть каравановъ русскихъ: въ 1728, 1732, 1737, 1741, 1746 и 1755 годахъ.

Въ 1732 году посланъ караванъ съ товарами всего на 100,000 рублей, между которыми было 50 пудовъ серебра для обмѣна на золото, остальные товары были большею частію мѣха.

Главная торговля находилась въ рукахъ частныхъ лицъ, и подрывала казенную торговлю мѣхами; поэтому въ 1731, 1734 и 1739 году торговля мѣхами частнымъ лицамъ была запрещена. Послѣднимъ указомъ дозволена торговля только тѣми товарами, которыми не торгуетъ съ Китаемъ само правительство, а изъ китайскихъ товаровъ покупка ревеню объявлена была монополіею казны. Это ограниченіе частной торговли подтверждено было въ 1752 году. Но такъ какъ караванная торговля все таки мало приносила пользы казнѣ, то рѣшено было составить компанію и отдать ей караванную торговлю на откупъ, — въ 1730 году по этому вопросу наряжена была даже особая коммиссія, — но предположеніе не состоялось. Петръ III. предоставилъ свободу торговли ревенемъ, но запрещеніе частнымъ лицамъ торговать

съ китайцами мѣхами осталось. Оборотъ китайской торговли до 1755 года мало извѣстенъ; съ этого же времени частная торговля представляетъ слѣдующія цифры [a]): По объявленіямъ купцовъ

	Промѣняно русскихъ и иностранныхъ товаровъ.	Вымѣняно Китайскихъ.	Количество пошлинъ по регламенту 1699 до 1760 и по тарифу 1761 года.
Въ 1755 г.	606,084 р. 4½ к.	230,981 р. 82½ к.	193,173 р. 31½ к.
„ 1756 „	450,768 „ 3 „	241,252 „ 73¼ „	157,183 „ 62¾ „
„ 1757 „	421,878 „ 53 „	418,810 „ 94½ „	147,215 „ 56½ „
„ 1758 „	525,999 „ 72 „	511,071 „ 25¼ „	178,876 „ 95¼ „
„ 1759 „	718,144 „ 69½ „	698,985 „ 32½ „	230,481 „ 82 „
„ 1760 „	699,940 „ 25¼ „	656,331 „ 48½ „	238,155 „ 56 „
„ 1761 „	391,469 „ 33 „	619,597 „ 88¾ „	230,840 „ 27¾ „
„ 1762 „	101,642 „ 67 „	37,672 „ 37 „	

Какъ видимъ, торговый балансъ, за исключеніемъ 1761 года, былъ выгодный. Если и отправлялось серебро въ Китай, то въ обмѣнъ на золото.

Торговля на европейской границѣ открыта Петромъ Великимъ. Онъ самъ послалъ караванъ съ товарами въ Польшу и Венгрію и приказалъ обмѣнять на деньги и вина. Въ 1723 году позволено всѣмъ русскимъ купцамъ ѣздить заграницу въ Бреслау, Кенигсбергъ, Данцигъ и др. мѣста; Нѣжинскіе греки получили привилегію торговать съ Молдавіею и Валахіею. Вообще торговля на европейской границѣ начала быстро развиваться, но организовалась въ контрабанду, чему можетъ быть способствовали высокія пошлины на предметы роскоши, такъ что товары, привозимые изъ Франціи моремъ и оплачиваемые пошлинами, не могли выдержать соперничества съ контрабандою русскихъ купцовъ, ѣздившихъ въ Данцигъ, Бреславу, Лейпцигъ и др. мѣста, а потому ввозъ

a) Историческія и статистическія изслѣдованія о Кяхтинской торговлѣ Л. М. Самойлова въ запис. рус. геогр. общ кн. II ст. 7.

французскихъ товаровъ очутился въ рукахъ нѣсколькихъ московскихъ купцовъ. Выгоднаго торговаго баланса тутъ не могло быть. Польша сама не нуждалась въ русскихъ продуктахъ, а вывозъ изъ Россіи товаровъ происходилъ только черезъ Польшу, и состоялъ изъ такихъ товаровъ, какъ мѣха, кожи, скотъ. Ввозъ же состоялъ по преимуществу изъ предметовъ роскоши, на покупку которыхъ, не только нужно было отдать выручку за свои товары, но и вывозить значительныя суммы золотомъ и серебромъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ роскошь въ Россіи стала сильно развиваться. Правительство старалось пресѣчь контрабанду; но мѣры были не всегда удачны. Такъ при Петрѣ III понижена была пошлина на 1/2 при отпускѣ моремъ скота и солонины, въ томъ предположеніи, что привозъ сухимъ путемъ равенъ отпуску товаровъ, и обходится безъ вывоза золота и серебра; но эта мѣра должна была очевидно имѣть совершенно противуположное дѣйствіе. Торговля на западной, европейской границѣ производилась черезъ Польшу съ Пруссіею, Силезіею, Саксоніею и Австріею, а также съ Турціею. Это была единственная активная торговля Русскихъ съ Европою. Турція вела торговлю почти исключительно съ Нѣжиномъ. Таможенный надзоръ вообще былъ слабъ и не могъ препятствовать развитію контрабанды. До 1730 года на великорусской границѣ были только двѣ таможни, — Псковъ и Великія Луки; въ этомъ году прибавлены еще двѣ, — въ Торопцѣ и Смоленскѣ. На малорусской же границѣ было больше таможенъ: между ними Васильковъ была главною; здѣсь взимали всего 2% пошлины съ цѣны товаровъ въ пользу гетмана. Разность въ пошлинахъ на великорусскихъ и малорусскихъ границахъ повела къ развитію контрабанды изъ Малороссіи въ Россію и къ содержанію таможенной линіи между Малороссіею и Великороссіею, что должно было вы-

зывать большія затрудненія. По этому, въ 1754 году доходы отъ украинскихъ пошлинъ взяты были въ казну за вознагражденіе гетмана въ 50,000 руб. — По Шведской сухопутной границѣ торговля была незначительна, и только въ 1754 году учреждена была таможня.

Вообще же русская торговля съ западными народами имѣла пассивный характеръ, за исключеніемъ западной сухопутной границы. Всѣ попытки, дѣланные самымъ правительствомъ, при Петрѣ I, Петрѣ II, въ 1760 году, и частными лицами, создать активную торговлю, остались безъ успѣха; даже желаніе завести непосредственныя торговыя сношенія съ Франціею и Испаніею не привели ни къ чему. Англичане, Голландцы и нѣмецкіе вольные города имѣли свои факторіи, конторы и агентства въ Петербургѣ, Архангельскѣ, Ригѣ и др. городахъ; русскихъ торговыхъ домовъ, имѣвшихъ корреспонденцію съ заграницею, совсѣмъ почти не было. Иностранныя конторы и агенты закупали русскіе товары и отправляли ихъ заграницу, а иностранные товары привозили на себя и продавали русскимъ купцамъ. Англичане первые начали давать кредитъ русскимъ купцамъ; они дѣлали закупки русскихъ товаровъ за годъ, выдавая впередъ деньги, а иностранные товары давали въ кредитъ на 6, 9 и 12 мѣсяцевъ. Впослѣдствіи и другія націи должны были дѣлать то же.

Русское судоходство ограничивалось каботажемъ; не смотря на поощренія со стороны правительства, на разрѣшеніе имѣть суда даже крестьянамъ, — ихъ было мало; такъ что въ 1759 году, когда понадобилось перевозить провіантъ въ Пруссію, выписаны были изъ Швеціи 263 судна съ баластомъ.

Торговыя дѣла отдѣльныхъ націй опредѣлялись политическими отношеніями и трактатами и вслѣдствіе этого, не-

зависимо отъ другихъ причинъ, часто прерывались. Только торговыя сношенія Англичанъ, Голландцевъ и нѣмецкихъ городовъ были постоянны [a]).

Шведы, по Ништадскому миру, получили право вывозить на 50 тысячъ хлѣба изъ Россіи безпошлинно, за исключеніемъ неурожайныхъ годовъ; по трактату 1724 года кромѣ хлѣба еще на 50 тысячъ пеньки, льну и лѣса. Послѣ Петра Великаго установились, сначала подъ вліяніемъ Франціи, непріязненныя отношенія, окончившіяся войною при Аннѣ Іоанновнѣ за польскихъ королей. Но въ 1735 году возобновленъ трактатъ 1724 года еще на 12 лѣтъ. Кромѣ дозволенія вывозить хлѣбъ, подтвержденнаго и въ этотъ разъ, Императрица взяла на себя уплату шведскаго долга Голландцамъ въ 750 тысячъ голландскихъ гульденовъ, сдѣланнаго Карломъ XII; но чрезъ пять лѣтъ трактатъ былъ нарушенъ, вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній обѣихъ націй; въ 1740 году запрещенъ вывозъ хлѣба въ Швецію, а въ 1641 началась война. Абовскій миръ, заключенный Елисаветою въ 1743 году, предоставлялъ Шведамъ право выписывать изъ Россіи хлѣба безпошлинно на 80,000 рублей, и всѣ преимущества, предоставляемыя по торговлѣ другимъ дружественнымъ націямъ; прежде чѣмъ установились значительныя торговыя сношенія, прошло много времени. Въ 1749 году приходило въ Петербургъ всего 30 шведскихъ кораблей.

Торговля Датчанъ при Петрѣ Великомъ и Екатеринѣ I была незначительна, вслѣдствіе споровъ за Голштинію и за свободу плаванія через Зундъ; но потомъ установились мирныя отношенія, благопріятствовавшія торговлѣ и прер·

---

a) См. Storch, томъ 5, стр. 207 и слѣд.

ванныя только Петромъ III. Датскіе корабли посѣщали въ это время всѣ Русскія гавани.

Конвенціи, заключенныя Петромъ Великимъ съ нѣмецкими городами, возобновлялись и его преемниками. Любекъ и Роштокъ вели большею частію экспедиціонную торговлю въ Россію на себя и на Англичанъ. Самая значительная торговля нѣмецкихъ городовъ была съ Петербургомъ.

Торговля Голландцевъ, какъ при Петрѣ Великомъ, такъ и послѣ, при его преемникахъ, велась по преимуществу съ Архангельскомъ и Ригою. Въ Петербургѣ же ихъ торговые обороты стояли далеко ниже англійскихъ. Благодаря постоянно мирнымъ отношеніямъ между Голландіею и Россіею, а также и особенному предпочтенію, оказанному Петромъ Великимъ Голландцамъ, торговля ихъ съ Россіею шла безпрерывно и постоянно возрастала, такъ что къ началу царствованія Екатерины II количество голландскихъ кораблей, приходившихъ въ Русскіе порты, простиралось отъ 300 до 400 въ годъ. Они привозили товары изъ южныхъ странъ Европы и колоній и обратный грузъ везли большею частію туда же. Какъ сильна была посредническая торговля Голландцевъ видно изъ того, что вексельный курсъ въ Россіи былъ исключительно на Амстердамъ, и только впослѣдствіи на Лондонъ.

Самое важное значеніе во внѣшней торговлѣ Россіи въ XVIII вѣкѣ имѣли безъ сомнѣнія Англичане. Они посѣщали всѣ русскія гавани, не говоря уже о Петербургѣ, гдѣ почти половина оборота была въ ихъ рукахъ. Они умѣли заключить выгодные трактаты съ Россіею, пользоваться особыми привилегіями и даже вытѣснить конкуренцію торговыхъ городовъ юга Европы. Все это дѣлалось совершенно независимо отъ политическихъ отношеній между двумя государствами, которыя не всегда были дружественны и даже два раза военный флотъ Англіи ходилъ въ Балтійское море

(Norris и Wager). При Аннѣ Іоанновнѣ въ 1734 году удалось Англичанамъ заключить весьма выгодный торговый трактатъ: они успѣли выхлопотать, не только сбавку въ пошлинахъ, но и получили право свободно торговать съ Персіею, вопреки видамъ Петра Великаго, желавшаго персидскую торговлю монополизировать въ пользу русскихъ купцовъ.

Позднѣйшія политическія событія также не имѣли вліянія на торговыя отношенія Англичанъ съ Россіею, въ семилѣтнюю войну, хотя Россія и Англія были въ разныхъ лагеряхъ, но въ тоже время, при вступленіи на престолъ Екатерины II, они пользовались по торговлѣ наибольшимъ покровительствомъ сравнительно съ другими націями, даже Голландцами. Покровительство Англичанамъ сдѣлалось системою русскаго правительства во внѣшней торговлѣ, и вытекало изъ убѣжденія, что безъ Англичанъ русская торговля съ Европою совершенно пала бы.

И дѣйствительно, половина оборота всей внѣшней торговли была въ рукахъ Англичанъ; ни отъ кого казна не получала столько доходовъ по таможнямъ. Торговый балансъ англійской торговли былъ постоянно выгоденъ для Россіи.

Балансъ одной непосредственной торговли Россіи съ Англіею представляетъ такія цифры:

	Вывозъ изъ Россіи въ Англію.	Ввозъ изъ Англіи въ Россію.	Балансъ.
1700—1702 ежегод.	124,220 ф. ст.	76,784 ф. с.	47,436 ф. с.
1720—1722 »	146,219 »	80,713 »	65,506 »
1740—1742 »	305,034 »	77,553 »	227,481 »
1750—1752 »	459,410 »	116,313 »	343,097 »
1760—1762 »	622,520 »	49,233 »	573,287 » [a]

a) Storch Gemälde, томъ 5, стр. 225

Такое важное торговое значеніе Англичанъ для Россіи объясняется тѣми преимуществами, которыя доставлялъ Англіи знаменитый актъ о мореплаваніи. По этому акту, чужое судно могло ввозить въ Англію только продукты своей страны, товары же Англіи и ея колоній развозились только англичанами. Слѣдовательно, и ввозъ англійскихъ товаровъ въ Россію, и вывозъ русскихъ товаровъ въ Англію, находился въ рукахъ исключительно Англичанъ, такъ какъ русскаго судоходства въ Англію совсѣмъ не было.

Что касается посреднической торговли съ южными городами Европы, то Англичане и здѣсь успѣли захватить главнымъ образомъ вывозъ русскихъ товаровъ въ эти страны, а ввозъ въ Россію удержали Голландцы, Любекъ, Роштокъ и др. города, занимавшіеся посреднической торговлею. Многіе предметы вывоза изъ Россіи Англичане захватили исключительно въ свои руки. Такъ напр., русское желѣзо, составлявшее важный предметъ отпуска, въ прошломъ столѣтіи, вывозилось почти исключительно только Англичанами; торговля парусными и льняными полотнами была также въ ихъ рукахъ; они развозили эти товары, не только по всей Европѣ, но и въ американскія колоніи. Наконецъ, по особымъ привилегіямъ Англичанъ, нѣкоторые товары могли быть вывозимы только ими, напр. пряжа, селитра, порохъ, принадлежности военной амуниціи; ревень, продажа котораго долго составляла монополію казны, закупался для Голландіи и Гамбурга англійскимъ резидентомъ; покупка же другими націями считалась контрабандою.

Неудивительно по этому, что купцы юга Европы, за покупкою русскихъ товаровъ, обращались къ англійскимъ торговымъ домамъ въ Россіи. Попытки со стороны Русскихъ освободиться отъ такого посредника были совершенно неудачны. Не только умѣнье Англичанъ, ихъ высокое про-

мышленное развитіе, но и главнымъ образомъ большіе капиталы, давали имъ полное преобладаніе. Другіе иностранцы, селившіеся въ Россіи, были большею частію авантюристы, безъ средствъ; напротивъ, англійскія конторы, коммиссіонеры, агенты, принадлежали солиднымъ англійскимъ торговымъ домамъ и даже компаніямъ такихъ домовъ: они располагали большими капиталами, и неудивительно по этому, что соперничество другихъ націй было почти невозможно. Только при большихъ средствахъ можно было забрать русскую торговлю въ свои руки, создать кредитъ и получать большіе барыши. По этому, не только другія націи не могли соперничить съ англичанами, но сами же Англичане, рисковавшіе отдѣляться отъ своихъ фирмъ и заводить самостоятельныя дѣла, не имѣя большихъ средствъ, обыкновенно банкротились. Благодаря именно громаднымъ своимъ капиталамъ, Англичане пользовались особымъ покровительствомъ правительства, и первые открыли кредитъ Русскимъ купцамъ, что при другомъ положеніи англичанъ было бы дѣломъ весьма рискованнымъ [a]). Пока преобладали Голландцы, кредита рус-

---

а) Въ замѣчательномъ сочиненіи Шерера о русской торговлѣ можно найти весьма любопытныя данныя относительно торговаго класса въ Россіи въ XVIII вѣкѣ.

„Ле Клеркъ въ своей исторіи говоритъ, что Монтескье ошибается, думая, что въ Россіи нѣтъ tiers-état. Я не могу достаточно надивиться такому мнѣнію", говоритъ Шереръ, "авторитетъ ле-Клерка тѣмъ болѣе видный, что самъ онъ долго былъ на мѣстѣ". Самъ же Шереръ, жившій также въ Россіи, перечисляя всѣ тогдашнія сословія, приходитъ къ тому заключенію, что, кромѣ духовенства, дворянства и военнаго сословія, въ Россіи все остальное населеніе состоитъ изъ мужиковъ, — крестьянъ (serf) въ разныхъ видахъ. Шереръ говоритъ, что даже относительно профессоровъ Академіи президентъ ея Кирилъ Григорьевичъ сказалъ: „это люди съ большими знаніями, жаль только что они мужики". „Если профессора Академіи причисляются къ мужикамъ, куда же причислить бѣднаго буржуа, спрашиваетъ Шереръ.

Торговый классъ состоялъ, по Шереру, главнымъ образомъ изъ крестьянъ, состоявшихъ на оброкѣ. Въ Петербургѣ всѣ лавки принадлежали крестьянамъ Шереметьева, Чернышева и другихъ вельможъ. Выкупы на сво-

скимъ купцамъ не было; создавши же кредитъ, Англичане легко могли вытѣснить конкуренцію другихъ націй.

Французамъ не удавалось завести непосредственныхъ торговыхъ сношеній съ Россіею. При Петрѣ I заключена была въ 1706 году торговая конвенція, въ Петербургѣ учреждено консульство и присланъ посланникъ, для заключенія торговаго трактата, но до смерти Петра не успѣли заключить его.

При первыхъ же преемникахъ Петра Великаго политическія несогласія мѣшали развитію торговыхъ сношеній и даже посольство и консульство изъ Петербурга были отозваны. Только при Елисаветѣ Петровнѣ дѣла нѣсколько измѣнились. Посланникъ французскій Маркизъ де-ла-Шатарди держалъ сторону Елисаветы Петровны, при ея возшествіи на престолъ, и потому пользовался при дворѣ большимъ вліяніемъ; но Шатарди былъ отозванъ, не заключивши трактата.

боду были трудны и требовали, смотря по богатству купца, иногда чрезвычайныхъ жертвъ. Между тѣмъ, наживаться крестьянамъ было легко, стоило получить паспортъ и поладить съ администраціею. Заработавши сколько нибудь денегъ, крестьянинъ открывалъ обыкновенно лавку и старался войти въ кредитъ, особенно къ иностранцамъ; этого легко было достигнуть, такъ какъ иностранцы, благодаря Англичанамъ, только и могли сбывать свои товары, отдавая ихъ русскимъ купцамъ въ кредитъ на 6, 8 и 12 мѣсяцевъ. Все это заканчивалось обыкновенно злостнымъ банкротствомъ; если банкротъ ладилъ съ администраціею, то съ него ничего нельзя было взять, такъ какъ онъ крестьянинъ, и еще при Екатеринѣ II подтверждалось, чтобы подлымъ людямъ ни въ чемъ не вѣрить. Нравственныя качества, такими путями возникавшаго сословія, не могли быть хороши. Шереръ говоритъ, что вообще обманъ считался между русскими купцами дѣломъ самымъ нормальнымъ, и что къ стыду нѣкоторыхъ русскихъ купцовъ надувательство дѣлалось ихъ первымъ и единственнымъ дѣломъ; что они даже хвастались мошенничествомъ какъ особою удалью: „развѣ я не Грекъ, что я не могу обманывать“, — самое общее оправданіе въ такихъ случаяхъ. — Главную причину плохаго состоянія торговли и низкаго умственнаго и нравственнаго уровня торговаго класса Шереръ видитъ въ крѣпостномъ правѣ, которое по его словамъ убійственно вліяло на русскую торговлю, независимо отъ другихъ также неблагопріятныхъ условій. См. Scherer, Histoire raisonnée du commerce de la Russie, томъ 1, стр. 83 и слѣд.

Въ другой разъ Шатарди былъ вызванъ посланникомъ въ Россію въ 1743 году, но чрезъ шесть мѣсяцевъ долженъ былъ удалиться. Главнымъ врагомъ Франціи былъ канцлеръ Безстужевъ, покровительствовавшій Англичанамъ и Голландцамъ. Со времени удаленія Шатарди, въ продолженіи пяти лѣтъ, не приходило въ Россію ни одного французскаго корабля. Только при канцлерѣ Воронцовѣ возобновлены были сношенія съ Франціею и въ Петербургѣ опять учреждено консульство. Французы въ это время собирали свѣдѣнія о торговлѣ Россіи, въ надеждѣ заключить торговый трактатъ; но заключеніе трактата опять не удалось, и Французы не только не пріобрѣли никакихъ торговыхъ выгодъ, но напротивъ увеличены были пошлины на французскіе товары; такъ что конкуренція съ контрабандою по польской границѣ, куда шли по преимуществу французскіе товары, была невозможна. По этому французскіе дома въ Петербургѣ начали мало-по-малу прекращать свои дѣла. Даже французское правительство покупало у англійскихъ домовъ въ Россіи всѣ необходимые припасы для флота, а потомъ вообще и всѣ коммиссіи Французовъ попали въ руки Англичанъ.

Значеніе другихъ націй въ русской торговлѣ было еще менѣе важно. Такъ, хотя въ 1732 году съ Испаніею и заключенъ былъ торговый договоръ, но торговля была незначительна.

Торговля съ Португаліею была въ рукахъ Англичанъ. Нѣсколько большее значеніе имѣла торговля съ итальянскими городами, какъ Генуя и Венеція; хотя и здѣсь, не смотря на старанія Петра Великаго установить непосредственныя торговыя сношенія, Англичане, Голландцы и вольные нѣмецкіе города успѣли овладѣть почти всею торговлею Россіи.

Число кораблей различныхъ европейскихъ націй, посѣщавшихъ Петербургъ, отъ 1758 до 1761 года, среднимъ

числомъ, ежегодно на каждую націю въ отдѣльности приходилось:

Англійскихъ 157.
Нѣмецкихъ городовъ 87.
Голландскихъ 58.
Датскихъ 38.
Шведскихъ 30.

Русскихъ 12. Испанскихъ въ 4 года всего 3 корабля. Французскихъ и Итальянскихъ кораблей въ этотъ періодъ совсѣмъ не было.

Изъ 87 кораблей нѣмецкихъ городовъ принадлежало:

Любеку 45.	Гольштиніи 5.
Роштоку 28.	Данцигу 4.
Гамбургу 6.	Бремену въ 4 года 1.

Вообще слѣдовательно въ этотъ періодъ приходило кораблей въ Петербургъ 382, изъ которыхъ 157 было англійскихъ [a]).

Въ началѣ царствованія Петра Великаго почти двѣ трети русскаго заграничнаго торга находились въ рукахъ казны. Слабое экономическое развитіе народнаго хозяйства, трудность получать налоги въ денежной формѣ, заставляли правительство удерживать собственное натуральное хозяйство, въ томъ числѣ и регаліи въ различныхъ видахъ; къ такимъ регаліямъ слѣдуетъ отнести и монопольный казенный торгъ съ иностранцами нѣкоторыми товарами. Товары эти не всегда были одни и тѣ же, но отъ времени до времени казна присвоивала себѣ исключительное право торговать тѣмъ или другимъ товаромъ съ иноземцами. При недостаткѣ собственныхъ рудниковъ это былъ единственный путь пріобрѣтать въ случаѣ нужды драгоцѣнные металлы. Торговлю производила обыкновенно или сама казна, (въ такомъ случаѣ русскіе

---

a) Storch Gemälde, томъ 5, стр. 441.

производители и купцы могли продавать товаръ только казнѣ, привозя его въ казенные магазины по извѣстнымъ цѣнамъ), или чрезъ гостей вступала въ торговыя сдѣлки съ иностранцами; или же казенный торгъ раздавался въ откупное содержаніе частнымъ лицамъ. Такого рода монопольный казенный торгъ существовалъ съ древнѣйшихъ временъ [a]). Въ началѣ XVIII вѣка нѣкоторые изъ казенныхъ товаровъ находились въ откупномъ содержаніи, а нѣкоторыми торговала сама казна. Такъ, еще въ 1669 году отдана на откупъ продажа заграницу 400 бочекъ икры съ платою въ казну по 3 ефимка за пудъ. Въ 1688 году отданъ на откупъ рыбный клей; въ 1691 году торгъ лѣсомъ въ Архангельскѣ; въ 1698 году отдана была на откупъ продажа льнянаго сѣмени на 5 лѣтъ; кромѣ того на пеньку, сало, деготь существовали также иногда монопольныя права казны.

Непосредственный торгъ казны составляли большею частію: дорогіе мѣха (соболи, песцы, чернобурыя лисицы), поташъ, смольчугъ, ревень, хотя впрочемъ и они по временамъ отдавались въ откупное содержаніе. Въ первые годы царствованія Петра Великаго, кромѣ упомянутыхъ товаровъ, казна присвоивала себѣ еще заграничный торгъ саломъ, воскомъ, конопляннымъ масломъ и др. товарами. Такимъ образомъ Петръ Великій не только удержалъ въ началѣ своего царствованія торговую регалію, но еще расширилъ ее нѣсколькими товарами.

Въ эти же годы царствованія Петра Великаго казна начала торговать съ иностранцами нѣкоторыми товарами, какъ хлѣбъ, пенька, юфть, конкурируя съ частною предпріимчивостью въ этомъ дѣлѣ; здѣсь только въ нѣкоторыхъ

а) Лешковъ, Исторія русскаго общественнаго права, стр. 373.

случаяхъ казна пользовалась преимуществомъ продавать свои товары прежде частныхъ лицъ a).

Извѣстно, что Петръ Великій къ концу своего царствованія совершенно отказался отъ казенной заграничной торговли и тѣмъ поставилъ финансы въ большую зависимость отъ народнаго хозяйства. Сначала старались уничтожить непосредственный казенный торгъ съ заграницею и правительство роздало продажу казенныхъ товаровъ въ откупное содержаніе частнымъ лицамъ и преимущественно компаніямъ. Такъ, торговля продуктами рыбнаго промысла на Бѣломъ морѣ отдана была въ откупное содержаніе князю Меньшикову и Компаніи; одинъ вологодскій купецъ взялъ на откупъ вывозъ льнянаго сѣмени; откупъ икры давалъ казнѣ 100,000 рублей въ годъ; ревеню 80,000 руб. Торговля нѣкоторыми иностранными товарами внутри Россіи отдана была также на откупъ; такъ продажа табаку отдана была князю Меньшикову за 200,000 руб. Всѣ же товары, не розданные казною въ откупное содержаніе, продавались заграницу только на деньги, особенно съ 1711 и 1715 годовъ. Вскорѣ послѣдовало и совершенное уничтоженіе торговой регаліи.

Уже въ 1717 году торгъ хлѣбомъ сдѣлался свободнымъ; а въ 1719 году казенный торгъ былъ совершенно отмѣненъ; остались казенными товарами только смольчугъ и поташъ, и то въ видахъ предотвращенія истребленія лѣсовъ частными лицами. Тѣ же товары, которыхъ продажа была роздана на откупа, велѣно, по истеченіи сроковъ откуповъ, обратить на вольную продажу. Вслѣдствіе этого, по прекращеніи срока откупа рыбнаго промысла Меньшикова и Компаніи въ 1721 году, на Бѣломъ морѣ торговля продуктами этого промысла сдѣлалась свободною. Только тамъ, гдѣ рус-

---

a) См Семеновъ, томъ 1, стр. 65; Storch Gemälde, томъ 5, стр. 117.

ская торговля не вполнѣ установилась, или гдѣ Петръ I проводилъ желаніе свое сдѣлать ее активною, удержались привилегіи и монополіи компаній, какъ напр. на Каспійскомъ морѣ и въ Китаѣ; казна впрочемъ здѣсь уже мало имѣла выгодъ.

Первые преемники Петра Великаго поддерживали распоряженія его относительно казеннаго торга; въ 1727 году торгъ смолою и дегтемъ сдѣлался свободнымъ; въ томъ же году уничтоженъ откупъ табаку. Хотя Екатерина I. и запретила вывозъ соболей и вообще дорогихъ мѣховъ частными лицами, но уже въ 1727 году торговля ими сдѣлалась опять свободною. Впрочемъ, Анна Іоанновна въ 1731 году отдала опять въ откупное содержаніе купцу Евреинову на 30 лѣтъ весь бѣломорскій рыбный промыселъ; черезъ три года откупъ этотъ перешелъ къ борону Шафирову, а позже къ Шувалову. Въ это же царствованіе тюленій промыселъ на Каспійскомъ морѣ отданъ былъ барону Шенбергу до 1741 года, когда онъ поступилъ въ казну, а потомъ отданъ тому же Шувалову. Ревень въ 1731 и 1735 годахъ запрещено было продавать частнымъ лицамъ подъ страхомъ смертной казни.

При Елисаветѣ Петровнѣ являются опять казенные товары и откупа въ большихъ даже размѣрахъ, чѣмъ прежде. Кромѣ поташа и смольчуга, оставленныхъ за казною еще Петромъ Великимъ, къ числу казенныхъ товаровъ причислены опять клей, икра, льняная пряжа, ревень, и независимо отъ этого розданы были въ откупное содержаніе почти всѣ главнѣйшіе предметы вывоза изъ Россіи. Въ 1757 году отданъ былъ въ откупъ графу Воронцову и Глѣбову на 8 лѣтъ исключительный торгъ хлѣбомъ въ количествѣ до 600,000 четвертей ежегодно. Въ 1754 году, при общемъ запрещеніи вывоза лѣса, нѣкоторымъ лицамъ дозволено было рубить

лѣсъ въ Смоленской и Нижегородской губерніяхъ и вывозить его заграницу. Въ 1740 году продажа смолы отдана была генералу Нарышкину за 8,396 руб. ежегодной платы въ казну, кромѣ пошлинъ Въ 1758 году бригадиръ Мельгуновъ получилъ исключительное право отправлять заграницу спиртъ и водку. Наконецъ знаменитый исправитель денежной системы въ Россіи, графъ Шуваловъ, имѣлъ сколько намъ извѣстно въ откупномъ содержаніи: 1) ввозъ и продажу въ Россіи заграничнаго табаку, также и отпускъ русскаго заграницу; откупъ отданъ былъ ему въ 1759 году на 20 лѣтъ съ платежемъ по 70,000 руб. въ казну ежегодно. 2) Торговлю скотомъ и солониною на 20 лѣтъ чрезъ Архангельскъ. 3) Весь рыбный промыселъ на сѣверѣ. 4) Тюленій промыселъ на Каспійскомъ морѣ съ 1751 года, и наконецъ 5) Гороблагодатскіе желѣзные заводы. Почти всѣ эти монополіи и откупы, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и компаній, были уничтожены Петромъ III, строго слѣдовавшимъ принципамъ свободы торговли.

Объ общемъ торговомъ балансѣ русской заграничной торговли отъ начала XVIII вѣка и до 1742 года мы имѣемъ мало свѣдѣній. Но и по тѣмъ немногимъ даннымъ, которыя извѣстны въ настоящее время, можно однако же утверждать, что большею частію онъ былъ выгодный для Россіи.

Казна, въ рукахъ которой, какъ мы сказали, было около двухъ третей заграничной торговли, продавала свои товары преимущественно на золото и серебро, или на ефимки и червонцы. Правда, казна иногда за свои товары брала въ обмѣнъ сукно, вина и другія товары, но такого рода обмѣнъ былъ незначителенъ: съ развитіемъ фабрикъ, удовлетворявшихъ по преимуществу потребностямъ казны, самымъ желательнымъ для нея товаромъ были благородные металлы. Такъ, уже въ 1711 году велѣно было про-

давать казенные товары на деньги [a]). По подрядамъ, заключаемымъ казною съ иностранцами о поставкѣ серебра изъ-заграницы, она очевидно платила своими товарами, а не деньгами. Хотя выигрыши на вексельномъ курсѣ были значительны и казна иногда дѣйствительно покупала ефимки на русскія деньги.

Кромѣ того, казна, отдавая продажу своихъ товаровъ въ откупное содержаніе, обыкновенно ставила непремѣннымъ условіемъ уплату откупной суммы ефимками, а слѣдовательно и откупщики, при преобладаніи внутри страны натуральнаго хозяйства, должны были заботиться о выгодномъ балансѣ своихъ торговыхъ оборотовъ съ иностранцами [b]).

Наконецъ, частная торговля съ заграницею, составлявшая только треть всего заграничнаго оборота, должна была также, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ лѣтъ, давать выгодный балансъ.

Подъ вліяніемъ меркантильныхъ идей, а вѣрнѣе дѣйствительныхъ потребностей развивавшагося рынка, въ 1723 году Петръ Великій предписывалъ: «тщиться по всякой возможности, дабы болѣе наши товары на деньги продаваемы были, нежели на товары мѣнены» [c]). Можно съ увѣренностію предполагать, что это было общее желаніе всѣхъ лицъ торговавшихъ съ иностранцами.

Несомнѣнно, что казна первая почувствовала необходимость въ денежномъ хозяйствѣ, особенно при тѣхъ предпріятіяхъ и реформахъ, которыя замышлялъ и выполнялъ

---

a) Семеновъ, томъ 1, стр. 63.

b) Ламанскій, 76.

c) Семеновъ, стр. 43, томъ 1. Запрощено было также продавать азіятцамъ заповѣдные товары, серебро, золото, плѣнныхъ, воинскіе снаряды, хлѣбные запасы и т. п. „И никакихъ товаровъ у нихъ на деньги не покупать, а мѣнялибъ съ ними на свои товары по прежнему.“ тамъ же стр. 93.

Петръ Великій; за тѣмъ, развитіе европейскаго образа жизни и роскоши вызвало потребность въ деньгахъ и въ высшемъ классѣ населенія, у помѣщиковъ и вельможъ, которые также не могли уже довольствоваться богатствами своихъ натуральныхъ хозяйствъ. Въ то время, казна и помѣщики были главными, и почти единственными, капиталистами, производившими торговлю съ Европою и Азіею. По справедливому замѣчанію Шторха, наша заграничная торговля въ XVIII вѣкѣ весьма много обязана своимъ существованіемъ барщинѣ. Отправка хлѣба изъ центральныхъ губерній Россіи въ Архангельскъ, Петербургъ, Ригу, при тогдашнихъ средствахъ сообщенія, дѣйствительно могла существовать только при несвободномъ трудѣ и выгодный торговый нашъ балансъ обходился намъ весьма дорого. Правда, торговали также иностранцы и русскіе купцы, но ихъ значеніе опредѣлялось главнымъ образомъ посредничествомъ между европейскими рынками съ одной стороны, — казною и высшимъ дворянствомъ съ другой.

Числовыхъ данныхъ относительно общаго оборота и баланса нашей заграничной торговли съ 1700 по 1742 годъ мы имѣемъ весьма мало.

Такъ извѣстно, что за 1717, 1718 и 1719 годы средній годовой оборотъ заграничной торговли въ Архангельскѣ равнялся . . . . 2,941,779 руб.

Изъ которыхъ отпускъ. . .	2,344,185	»
Привозъ. . .	597,049	»
Балансъ. .	1,746,581	руб.

Въ Петербургѣ въ 1718 году общій оборотъ торговли равнялся . . . . 486,639 руб.

Изъ которыхъ отпускъ . . .	268,590	»
Привозъ . . .	218,049	»
Балансъ . .	50,541	руб.

Слѣдовательно для 1718 года общій оборотъ заграничной торговли въ двухъ главнѣйшихъ портахъ Архангельскѣ и Петербургѣ, дававшій тонъ всей заграничной торговли, равнялся . . . . , . 3,428,418 руб.

Изъ которыхъ отпускъ . . . 2,612,775 »

Привозъ . . . 815,643 »

Балансъ . . 1,797,132 руб. [a])

Въ 1726 году въ главнѣйшихъ портахъ Архангельскѣ, Петербургѣ и Ригѣ заграничная торговля представляетъ слѣдующія цифры [b]):

	Общій оборотъ.	Отпускъ.	Привозъ.	Балансъ.
Въ Архангельскѣ	321,233 р.	285,387 р.	35,846 р.	249,541 р.
„ Петербургѣ .	3,953,120 „	2,403,423 „	1,549,697 „	853,726 „
„ Ригѣ	2,090,000 „	1,550,000 „	540,000 „	1,010,000 „
Итого . .	5,824,353 р.	4,238,810 р.	1,585,543 р.	2,653,257 р.

И такъ, тѣ немногія данныя, которыя мы имѣемъ, представляютъ возрастаніе Русской заграничной торговли и выгоднаго торговаго баланса въ слѣдующемъ видѣ:

	Оборотъ.	Отпускъ.	Привозъ.	Балансъ.
1702 годъ	1,110,704 р.	728,456 р.	382,248 р.	+ 346,208 р.
1718 „	3,428,418 „	2,612,775 „	815,643 „	+ 1,797,132 „
1726 „	5,824,353 „	4,238,810 „	1,585,543 „	+ 2,653,257 „
1742 „	8,135,507 „	4,567,422 „	3,568,085 „	+ 999,337 „

Шторхъ, не имѣя данныхъ относительно 1718 и 1726 годовъ, говоритъ о торговомъ балансѣ при Петрѣ Великомъ слѣдующее: «что отпускъ и привозъ къ 1725 году значительно возрасли, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Кромѣ того, можно съ полнѣйшею вѣроятностію предполагать также, что торговый балансъ былъ выгоденъ для Россіи. Почти всѣ прежніе предметы вывоза, вслѣдствіе оживленія промышленности, вообще умножились, а многіе

a) См, Семеновъ, томъ 3, стр. 20, 21 и слѣд.

b) Тамъ же.

только теперь сдѣлались предметами вывоза. Хотя роскошь уже распространялась, и потребленіе множества предметовъ, которыхъ прежде едва ли знали названіе, сдѣлалось всеобщимъ; но Петръ Великій слишкомъ зорко оберегалъ государственное богатство, чтобы не ограничить ввоза, если бы онъ представлялъ какой нибудь перевѣсъ подъ вывозомъ» [a]).

Цифры торговли Англіи съ Россіею, представленныя выше, приводятъ также къ заключенію, что съ 1700 по 1742 годъ оборотъ русской заграничной торговли вообще и торговый балансъ, выгодный для Россіи, возрастали [b]).

---

a) Storch, томъ 5, стр 142.

b) Лордъ Витвортъ, бывшій посланникомъ въ Россіи въ 1710 году, говоритъ: „серебро состояло изъ Крейцп, Левенъ и Альбертъ талеровъ и доставлялось изъ Голландіи, Гамбурга и Бремена. Талеровъ приходитъ ежегодно отъ 2 до 3000, частію отъ таможенныхъ пошлинъ, которыя платятъ купцы, частію за мѣдную монету, которою казна дѣлаетъ ссуды иностранцамъ съ условіемъ чрезъ 2 года уплатить талерами, частію же на выгодномъ курсѣ въ Голландію". См. Schlötzer Münz-Geld und Bergw.-Geschichte, стр. 40.

Говоря о торговомъ балансѣ Витвортъ предполагаетъ, что перевѣсъ отпуска надъ ввозомъ равнялся въ 1710 году всего 2,000 р.! Нельзя выводить общихъ заключеній о количествѣ талеровъ приходившихъ ежегодно въ Россію и о торговомъ балансѣ по показанію Витворта относительно 1710 года. Въ этомъ именно году балансъ Архангельской, главнѣйшей тогда, торговли былъ невыгоденъ для Россіи: оборотъ 1,485,000 руб., отпускъ 142,441, а привозъ на 1,343,268 руб. См. Storch, стр. 32, томъ 5.

Гдѣ бралъ Петръ Великій золото и серебро, спрашиваетъ Шлецеръ, и находитъ:

1) Что такъ какъ своихъ рудниковъ еще не было, то все количество металла должно было приходить изъза-границы.

2) Петръ засталъ въ своей странѣ извѣстную массу металла, который приходилъ изъза-границы особенно съ развитіемъ Архангельской торговли. Въ царской казнѣ должны были накопляться благородные металлы, откуда имъ некуда было уходить, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ, такъ какъ содержаніе почти всѣхъ чиновниковъ уплачивалось не деньгами, а товарами.

Увеличилъ ли массу благородныхъ металловъ въ странѣ Петръ Великій и какимъ образомъ, спрашиваетъ далѣе Шлецеръ, и, основываясь на словахъ Витвора, считаетъ балансъ русской торговли въ 200,000 (2,000 Витворта онъ считаетъ опечаткою) и приходитъ къ тому заключенію, что приливъ былъ незначителенъ для такой страны какъ Россія, и что Петръ по необходимости долженъ былъ прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, какъ порча монеты, конфискація имущества у своихъ любимцевъ Меньшикова, Долгорукова и другихъ. См. Schlötzer, стр. 69, 70 и слѣд.

Очевидно Шлецеръ смѣшиваетъ кассы казны съ общимъ народнымъ рынкомъ, что казна дѣйствительно нуждалась постоянно въ деньгахъ, — это справедливо. Фонъ Гавенъ говоритъ, что въ послѣдніе годы Петра Великаго серебро въ иностранной монѣте доставлялось иностранными купцами въ Петербургъ, которымъ за него платили хорошо; (см. Schlötzer, стр. 174), но это нисколько не доказываетъ, чтобы потребности рынка въ золотѣ и серебрѣ, сравнительно правда малыя, не получали достаточнаго удовлетворенія и чтобы настояла надобность для народнаго рынка къ такому усиленному ввозу серебра.

Говоря объ общемъ торговомъ балансѣ русской заграничной торговли отъ 1700 до 1742 года мы по необходимости ограничиваемся только торговлю на Бѣломъ и Балтійскомъ моряхъ, такъ какъ нѣтъ точныхъ данныхъ относительно азіятской торговли по сухопутной европейской границѣ; но изъ общихъ историческихъ замѣтокъ относительно торговли съ Азіею, которыя мы предпослали выше, видно, что торговли съ Китаемъ до 1727 года не было, а потомъ была хотя незначительная, но съ выгоднымъ балансомъ, причемъ въ Россію шло золото. Правильная торговля въ Оренбургѣ началась только съ 1735 г. и до 1742 года не могла быть значительна и притомъ была мѣновая; наконецъ персидская торговля состояла по преимуществу въ транзитѣ и также не могла въ балансѣ представлять невыгодъ [a]).

Что же касается торговли по европейской сухопутной границѣ, имѣвшей по преимуществу характеръ контрабандной торговли, то при сравнительно маломъ развитіи роскоши она въ разсматриваемый періодъ не могла быть велика, и только развѣ въ царствованіе Елисаветы получила большія размѣры. Но во всякомъ случаѣ, какъ бы ни была незначительна торговля эта, въ ней не могло быть выгоднаго баланса.

Уже при Петрѣ Великомъ обвиняли евреевъ жившихъ на границѣ въ вывозѣ серебра, и принимались весьма строгія, даже жестокія мѣры, которыя не принесли однако же желаемой пользы, и контрабанда, развившаяся въ царствованіе Елисаветы и особенно Екатерины II, продолжаетъ существовать и до настоящаго времени. Какое вліяніе могла имѣть эта торговля на общій балансъ, — рѣшить трудно; можно во всякомъ случаѣ сказать, что въ продолженіи всего XVIII вѣка, а особенно въ первую половину его, выгодный торговый балансъ русской заграничной торговли, если и терпѣлъ ущербъ отъ контрабанды, то не въ такихъ размѣрахъ,

---

a) Storch, томъ 5, стр. 322.

чтобы значительно терять свой характеръ выгоднаго баланса. При томъ, для денежнаго рынка въ Россіи вообще торговля по европейской границѣ, хотя и контрабандная, представляла почти единственный свободный путь, по которому происходило естественное уравненіе цѣнности золота и особенно серебра въ Россіи съ общимъ европейскимъ металлическимъ рынкомъ; такъ какъ всѣ регламентаціи торговли вообще и торговли драгоцѣнными металлами въ особенности, практиковавшіяся въ Россіи въ XVIII вѣкѣ, гораздо легче было обходить здѣсь, чѣмъ въ торговыхъ городахъ.

Съ 1742 года мы имѣемъ уже довольно подробныя и точныя свѣдѣнія относительно заграничной торговли Россіи.

Г. Шторхъ, пользуясь оффиціальными источниками составилъ таблицу товговаго баланса Россіи за 56 лѣтъ отъ 1742 до 1797 года. Эта таблица торговаго баланса представляетъ единственный по полнотѣ источникъ для сужденій объ этомъ предметѣ, — позднѣйшія изданія матеріаловъ, какъ напр. Семенова, представляютъ одни отрывочныя свѣдѣнія относительно заграничной торговли въ XVIII вѣкѣ. Мы приводимъ изъ таблицы Шторха цифры до 1762 года [a]).

а) Что даже оффиціальные источники тогдашняго времени не совсѣмъ вѣрны, — это справедливо; но излишній спектицизмъ въ этомъ случаѣ также неумѣстенъ. Вотъ что самъ Шторхъ говоритъ о своей таблицѣ торговаго баланса:

„.... съ 1742 года мы имѣемъ аутентичные листы относительно этого важнаго предмета..... но какъ бы ни были аутентичны эти листы, и какъ бы ни были поучительны они, при всемъ ихъ внутреннемъ несовершенствѣ, ими слѣдуетъ пользоваться съ большою осторожностію, при сужденіи о дѣйствительномъ состояніи торговли: во 1-хъ въ нихъ не принята во вниманіе контрабандная торговля.... во 2-хъ, они основаны на регистрахъ таможенъ, въ которыхъ данныя о цѣнѣ ввозныхъ и вывозныхъ товаровъ въ тѣхъ только случаяхъ правильно дознаны и отмѣчены, когда взималась пошлина по цѣнѣ товаровъ; въ другихъ же случаяхъ, напр. если пошлина взималась съ вѣса или мѣры и счета товара, или если онъ былъ совершенно свободенъ

Годы	Общій оборотъ торговли		Ввозъ		Вывозъ		Балансъ	
	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.	Рубли	Коп
1742	8,135,507	90¾	3,568,085	5	4,567,422	85¾	+ 999,337	80¾
1743	8,741,172	37½	4,500,624	20½	4,240,548	17	— 260,076	3½
1744	9,619,550	3¼	3,703,142	1	5,916,408	2¼	+2,213,266	1¼
1745	9,148,041	17¾	3,898,674	84¾	5,249,366	33	1,350,691	43¼
1746	9,461,212	62½	4,193,401	72	5,267,810	90½	1,074,409	18½
1747	8,900,959	58½	3,499,025	24½	5,401,934	34	1,092,909	9½
1748	8,928,677	92	4,304,371	54	4,624,306	38	319,934	84
1749	10,104,709	48½	4,568,335	76¾	5,536,373	71¾	968,037	95
1750	13,166,200	54¼	6,013,371	22¾	7,152,829	31½	1,139,458	8¾
1751	12,552,367	—	5,956,791	22½	6.595,575	77½	638,784	55
1752	14,934,469	71½	7,002,910	65	7,931,559	6½	928,648	41½
1753	13,373,681	76¼	5,915,431	99½	7,458,249	76¾	1,542,817	77¼
1754	14,400,265	60	7,159,616	22	7,240,649	38	81,033	16
1755	14,824,331	95¼	6,641,561	83¾	8,182,770	11½	1,541,208	27¾
1756	14,676,256	65¾	6,671,019	58¾	8,005,237	7	1,331,217	48¼
1757	14,279,315	32½	6,088,819	56	8,195,495	76½	2.111,676	20½
1758	15,015,714	88	6,353,118	93¾	8,662,595	94¼	2,309,477	½
1759	17,604,816	60	8,002,980	21¼	9,601,836	38¾	1,598.856	17½
1760	17,233,055	57¾	7,358,051	58¾	9,875,013	99	2,516,962	40¼
1761	16,905,071	9¼	7,180,794	10¾	9,724,276	98½	2,543.482	87¾
1762	20,924,728	11¼	8,162,235	61	12,762,492	50¼	4,600,256	89¼

Кромѣ выгоднаго торговаго баланса, доставлявшаго на русскій рынокъ, какъ мы видимъ почти постоянно значительное количество золота и серебра, правительство получало также значительное количество таможенныхъ пошлинъ. Оставляя въ сторонѣ вопросы о томъ, на кого падали эти пошлины

отъ пошлинъ, таможенный чиновникъ довольствовался одними объявленіями купца, не повѣряя его показаній, для чего у него часто недоставало ни свѣдѣній, ни времени, а иногда быть можетъ и права. Вотъ тѣ обстоятельства, которыя ослабляютъ вѣрность означенныхъ листовъ; но при всѣхъ этихъ недостаткахъ, они остаются все таки драгоцѣнными документами для познанія государственнаго богатства и для исторіи русской торговли.

Ихъ несовершенство лежитъ въ природѣ самаго дѣла, и встрѣчается при всѣхъ подобныхъ свѣдѣніяхъ въ какой бы странѣ онѣ не собирались: эти недостатки остаются всегда и во всякое время тѣми же, и слѣдовательно въ отношеніяхъ отдѣльныхы данныхъ между собою даютъ относительную истину, изъ которой можно съ величайшею увѣренностію извлекать весьма замѣчательные результаты.

Storch Gemälde, томъ 5, стр. 401—405 и Supplbd. стр. 1.

и возможно ли было переложеніе, намъ слѣдуетъ разрѣшить главнѣйшій для насъ вопросъ о томъ, увеличивалась ли масса благородныхъ металловъ на внутреннемъ рынкѣ вслѣдствіе взиманія таможенныхъ пошлинъ. При недостаткѣ данныхъ болѣе точныхъ для рѣшенія этого вопроса, можно остановиться на томъ предположеніи, что почти вся сумма пошлинъ, уплачивавшаяся иностранною монетою увеличивала металлическій рынокъ Россіи; но и та часть таможенныхъ пошлинъ, которая уплачивалась русскою монетою, иногда также могла свидѣтельствовать о соотвѣтсвенномъ приливѣ золота и серебра на русскій рынокъ. Такъ Англичане, пользовавшіеся привилегіею платить пошлины русскими деньгами, именно для уплаты пошлинъ, мѣняли талеры на русскія деньги. На границахъ Польши, Лифляндіи и въ самой Лифляндіи производилась въ значительныхъ размѣрахъ покупка русскихъ денегъ на талеры также для уплаты пошлинъ, хотя впрочемъ здѣсь, для той же цѣли, покупали и талеры на русскія деньги. Принимая же во вниманіе наконецъ то, что внѣшняя торговля была вся въ рукахъ иностранцевъ, можно предполагать, что они платили большую часть пошлинъ.

Пошлины въ началѣ XVIII вѣка взимались по уставу Алексѣя Михайловича 1667 года. Въ 1724 году является первый тарифъ для Петербурга, Выборга, Нарвы, Архангельска и Колы и въ тоже время морской таможенный регламентъ и инструкція таможеннымъ чиновникамъ. Пошлины въ этомъ первомъ тарифѣ были уже возвышены сравнительно съ прежнимъ; но уплата ихъ, какъ и прежде, должна была производиться иностранною монетою, какъ съ ввозныхъ, такъ и вывозныхъ товаровъ; прежде пошлина равнялась почти 5%, теперь же возвышена она была особенно на фабричныя произведенія, такъ что составляла отъ 10% до 37½ %. Для поощренія активной русской торговли пошлина

уменьшалась до $1/3$ и при томъ принималась русскими деньгами. Второй тарифъ составленъ въ 1729 году, но вошелъ въ силу съ 1731 года, для всѣхъ гаваней Бѣлаго и Балтійскаго морей, исключая лифляндскихъ, въ которыхъ дѣйствовалъ старый шведскій тарифъ. Въ этомъ второмъ тарифѣ пошлины уменьшены на фабричныя издѣлія въ особенности, съ $37\frac{1}{2}\%$ напр. на 10%; относительно же сырыхъ матеріаловъ удержаны прежнія пошлины; кромѣ того, прибавлены нѣкоторые новые налоги, какъ ластовые, огневые и акциденціи. Наконецъ Англичане и Армяне получили по этому тарифу нѣкоторыя льготы. Въ 1752 году изданъ тарифъ, а въ 1753 и таможенный уставъ для оренбургской пограничой линіи и въ томъ же году уничтожены внутреннія таможенныя заставы. Чтобы вознаградить потери казны отъ уничтоженія внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ, возвышена таможенная пошлина на морской и сухопутной границѣ государства, — на всякій рубль уплаченной пошлины прибавлено еще 13 коп., потомъ для поддержанія Ладожскаго канала таможенная пошлина увеличена еще на 2%. Въ 1754 году изданъ тарифъ, а въ 1755 г. и таможенный уставъ для Астраханской торговли.

Въ 1757 году изданъ третій тарифъ для европейской торговли. Въ этомъ тарифѣ количество статей несравненно больше противъ прежнихъ, и увеличена пошлина на предметы роскоши иногда болѣе чѣмъ вдвое, особенно на французскія издѣлія; кромѣ того въ этомъ тарифѣ значительно возрасло количество товаровъ, вывозъ или ввозъ которыхъ былъ совершенно запрещенъ. Сравнивая этотъ тарифъ съ прежними двумя, можно видѣть, какъ быстро развивались потребности русскаго общества и роскошь. Въ первыхъ двухъ тарифахъ совсѣмъ не поименованы предметы, не составляющіе даже особенной роскоши, но тѣмъ не менѣе еще или

совсѣмъ неизвѣстные русскому обществу или бывшіе въ весьма незначительномъ употребленіи, какъ напр. многіе шелковые и бумажные товары, легкія шерстяныя ткани и др.

Въ 1753 году уничтожены внутреннія заставы; но лифляндскіе провинціи, удержавши шведскій тарифъ, имѣли таможенную линію и со стороны Великороссіи; таможенная же линія существовавшая между Малороссіею и Великороссіею уничтожена въ 1758 году.

При Петрѣ III по торговому уставу 27 марта 1762 года сдѣланы нѣкоторыя измѣненія въ таможенныхъ постановленіяхъ; такъ напр. объявленъ свободный торгъ хлѣбомъ изъ всѣхъ гаваней, а на Черномъ и Каспійскомъ моряхъ даже уменьшена пошлина на половину; на границахъ Новороссіи учреждены таможни.

Еще въ XVIII вѣкѣ таможенныя пошлины предписано было уплачивать иностранною монетою, принимая ее по опредѣленной цѣнѣ на русскія деньги. Петръ Великій подтвердилъ это постановленіе и оно имѣло силу почти въ продолженіе всего XVIII вѣка. Самая употребительная иностранная монета для платежа пошлинъ были Альбертовы талеры или ефимки, хотя принималась и другая высокопробная иностранная монета. Для того, чтобы монета была полновѣсная, требовалось не только принимать ее по цѣнѣ, но и по вѣсу; такъ ефимковъ должно было идти на фунтъ 14 съ довѣсомъ, что составляло отъ $14\,{}^{1}/_{4}$ до $14\,{}^{3}/_{4}$ въ фунтѣ.

Оцѣнка иностранной монеты, которою производились платежи таможенныхъ пошлинъ, оставалась почти въ теченіе всего XVIII вѣка неизмѣнною, не смотря на перемѣны въ русской монетной единицѣ. Такъ по тарифу 1724 года иностранцы должны были платить пошлину ефимками, считая каждый въ 50 копѣекъ, какъ и въ XVII столѣтіи, не смотря на то, что достоинство рубля уменьшено было на

половину. Только русскіе подданные получили льготу платить пошлины русскими деньгами, при чемъ талеры засчитывали имъ въ 125 копѣекъ; для русской активной торговли понижалась пошлина до $1/3$ и талеръ принимался въ 90 копѣекъ. Измѣненія въ этихъ оцѣнкахъ талера происходили иногда, но совершенно независимо отъ измѣненій достоинства русской монетной единицы, а смотря по льготамъ тому или другому роду торговли. Вслѣдствіе этого въ XVIII вѣкѣ вмѣстѣ съ пониженіемъ достоинства рубля, сама собою возвышалась таможенная пошлина.

Таможенный сборъ почти во все время XVIII вѣка до Екатерины II отдавался въ откупное содержаніе [a]).

Относительно количества таможенныхъ пошлинъ, поступавшихъ въ казну съ 1700 по 1742 годъ, мы также не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. Кошихинъ говоритъ, что въ его время въ приказѣ Большаго Прихода собиралось болѣе 500,000 рублей ежегодно. Цифры таможенныхъ доходовъ, поступившихъ только съ таможенъ балтійскихъ и бѣломорскихъ портовъ въ 1730, 1735 и 1740 гг., показываютъ, что доходы эти постепенно возрастали, такъ что въ 1742 году они равнялись почти милліону рублей.

Съ 1742 года по таблицѣ, составленной Шторхомъ, таможенные доходы представляютъ такія цифры [b]):

а) Портовыя таможни были впрочемъ въ казенномъ управленіи.

а) Въ 1732 году нѣкто Тиммерманъ предложилъ ввести правильное счетоводство и бухгалтерію на таможняхъ; формы книгъ были выписаны изъ Лондона, Амстердама и Парижа. Четыре года спустя явился указъ о введеніи во всѣхъ гаваняхъ Балтійскаго моря по даннымъ образцамъ вѣдомостей какъ о таможенныхъ пошлинахъ, такъ и о цѣнѣ привоза и отпуска. Вѣдомости эти велѣно было присылать въ Коммерцъ-Коммиссію. Мало по малу распоряженіе это распространялось и на другія гавани Полные вѣдомости даже въ Коммерцъ-Коллегіи находились только съ 1742 года.

См. Storch Gemälde, томъ 5, стр. 363 и Suppld стр. 3,

Годы	Альбертовы талеры по вѣсу			Русскія деньги		Альбертовы талеры на русскія деньги		Итого таможен. дохода	
	Пуд.	Ф.	Зол.	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.
1742	999	10	64¾	255,816	3¾	699,486	81¼	955,302	85
1743	1133	4	65¾	267,581	48¼	793,181	99	1,060,763	17¼
1744	1041	26	23½	272,558	27¾	729,159	29	1,001,717	56¾
1745	1062	35	39¾	287,826	18¾	744,019	75	1,031,845	93¾
1746	1108	23	93½	279,776	90	776,019	55	1,055,796	45
1747	1059	38	12	208,649	53½	741,967	20	950,616	73½
1748	935	24	42¾	233,705	90¾	654,927	77	888,633	67¾
1749	1071	22	32¼	302,436	26¾	750,090	97	1,052,527	23¾
1750	1291	38	51¾	323,382	75	904.374	42½	1,227,677	17½
1751	1340	4	35¼	291,994	60	938,076	42½	1,230,071	2½
1752	1468	22	70	399,612	33½	1,027,997	76	1,427,640	9½
1753	1437	10	71¼	454,317	15¼	1,006,088	—	1,460,405	15¼
1754	1350	28	94½	1,189,004	¼	945,507	22½	2,134,511	22¾
1755	1299	29	85¼	1,502,927	33	909,823	4¾	2,412,750	37¾
1756	1341	23	63	1,381,827	43	939,113	99	2,320,941	42
1757	1299	18	80¾	1,607,221	33¼	909,629	72½	3,516,851	5¾
1758	1301	37	47¼	1,648,279	91¼	911,356	12	2,559,736	3¼
1759	1361	—	92¾	1,701,833	13¾	952,716	87	2,654,550	¾
1760	1297	39	23	1,716,449	67¾	908,586	70	2,625,036	37¾
1761	1337	36	84¾	1,707,393	94¾	961.745	45	2,669.139	39¾
1762	1629	36	88	1,740,285	76½	1,140,946	4½	2,881.231	81

Приведенныя нами таблицы общаго оборота русской заграничной торговли и баланса, а также исчисленія таможенныхъ пошлинъ даютъ весьма важный матеріалъ для того, чтобы судить о состояніи металлическаго рынка Россіи сравнительно съ металлическимъ рынкомъ остальной Европы.

Въ теченіе всего разсматриваемаго нами періода, за немногими только исключеніями, мы замѣчаемъ постоянный приливъ благородныхъ металловъ въ Россію. Серебро приходило къ намъ не только изъ европейскихъ рынковъ, но также изъ Азіи [a]); если мы встрѣчаемъ иногда явленія про-

---

а) Послѣднее обстоятельство можетъ представлять сомнѣнія. Въ то время, когда съ европейскихъ рынковъ везли серебро въ Азію, на русскій рынокъ серебро и золото привозили изъ Азіи. Но сомнѣнія легко могутъ быть устранены если принять во вниманіе то, что изъ Китая мы получали золото, а не серебро; только послѣднее цѣнилось въ Азіи дороже чѣмъ въ Европѣ. Кромѣ того, Азія не могла представлять одного металлическаго

тивуположныя, то явленія эти остаются явленіями частными, и нисколько не могутъ характеризовать состоянія нашего металлическаго рынка въ разсматриваемый періодъ.

Справедливость такого заключенія подтверждается вполнѣ состояніемъ вексельнаго курса, какъ увидимъ далѣе.

Къ сожалѣнію, тѣ матеріалы, которыми мы пользовались для опредѣленія состоянія внѣшней торговли и торговаго баланса Россіи въ разсматриваемый нами періодъ, ручаются за справедливость только одного общаго заключенія о приливѣ серебра въ Россію. Болѣе точныя исчисленія о количествѣ благородныхъ металловъ приливавшихъ въ Россію изъ года въ годъ требуютъ также болѣе точныхъ данныхъ, какъ относительно торговли вообще, такъ и относительно состоянія финансовъ, кредита и вообще экономической жизни Россіи въ первые 62 года XVIII столѣтія, которыхъ мы пока не имѣемъ.

Принимая во вниманіе одни средніе выводы, приведенныхъ нами числовыхъ данныхъ можно сказать, что по балансу приходило въ Россію драгоцѣнныхъ металловъ приблизительно среднимъ числомъ отъ 1700 до 1742 года болѣе милліона рублей въ годъ; кромѣ того казна получала отъ таможенныхъ пошлинъ до 500,000 руб. въ годъ. Слѣдовательно приливъ благородныхъ металловъ въ Россію за все это время простирался ежегодно до 1 ½ милліона рублей, а всего за 42 года отъ 1700 - 1741 г. до 63 милліоновъ руб. — Съ 1742 и до конца разсматриваемаго нами періода выводы могутъ быть болѣе вѣрные. Здѣсь торговый балансъ

рынка: если серебро ввозили въ Индію и Китай, то изъ Персіи и Бухаріи его могли вывозить, особенно при тѣхъ политическихъ обстоятельствахъ, въ какихъ были пограничныя намъ азіятскія земли въ первую половину XVIII вѣка.

давалъ болѣе 1,448,000 руб. и пошлины болѣе 1,719,000 р.; вмѣстѣ болѣе 3,100,000 руб. въ годъ. За 21 годъ посредствомъ торговаго баланса ввезено въ Россію благородныхъ металловъ болѣе 30,416,000 руб., а посредствомъ пошлинъ, до 36,117,000 руб. всего болѣе 66 милліонорь рублей.

Слѣдовательно, въ теченіе всего разсматриваемаго нами періода общее приращеніе металлическаго рынка Россіи посредствомъ торговаго баланса и пошлинъ можно принять въ 127 милліоновъ рублей.

Если вычисленія общихъ оборотовъ внѣшней торговли и въ настоящее время, при обиліи данныхъ и болѣе правильномъ собириніи ихъ, имѣютъ характеръ только приблизительныхъ вычисленій, то тѣмъ болѣе должны представлять сомнѣній всякія точныя вычисленія по оборотамъ внѣшней торговли, балансу, ввозу металловъ, въ разсматриваемый нами періодъ.

Сомнѣнія могутъ возникать не только вслѣдствіе недостатка историческаго матеріала и невѣрности свѣдѣній, но также вслѣдствіе самаго характера торговыхъ нашихъ сношеній съ Европоы въ XVIII вѣкѣ и другихъ условій тогдашней экономической и общественной жизни.

Такъ прежде всего пассивный характеръ нашей торговли могъ въ значительной степени уменьшать приливъ къ намъ благородныхъ металловъ.

Иностранцы, имѣя свои конторы, своихъ агентовъ, и давая кредитъ русскимъ купцамъ, могли убивать цѣны на наши продукты и возвышать цѣны на свои. Вслѣдствіе этого ввозъ товаровъ хотя и могъ имѣть незначительную цѣнность, и вывозъ представлять напротивъ большія цифры, но при такихъ условіяхъ оффиціальныя свѣдѣнія о привозѣ и отпускѣ, какъ бы ни были они вѣрны и точны, могутъ

легко вводить въ заблужденіе относительно дѣйствительнаго прилива въ страну благородныхъ металловъ.

Еще въ XVII вѣкѣ русскіе купцы жаловались, что «они, Англичане, сами свои товары въ Москву привозятъ и покупаютъ русскіе товары своимъ заговоромъ и разсылають покупать по городамъ и въ уѣзды, закабаляя и заложа многихъ бѣдныхъ и должныхъ русскихъ людей; продаютъ товары тайно, въ выписяхъ не пишутъ и десятой доли, провозятъ въ свою землю безъ пошлины и оттого ихъ русскихъ людей безъ промысловъ учинили и все Московское государство оголодили» [a]). Правительство тогда еще запретило англичанамъ торговать внутри государства, а впослѣдствіи это запрещеніе распространено было и на всѣхъ инстранцевъ [b]). Въ разсматриваемый нами періодъ иностранные купцы могли жить и вести свои дѣла только въ столицахъ и нѣкоторыхъ городахъ. Екатерина II сняла это запрещеніе. Запрещеніямъ этимъ придавали въ то время и послѣ особенную важность. Такъ Колотовъ говоритъ, что при Екатеринѣ II не уходило бы заграницу золото, если бы между прочимъ «недопущены были иностранцы торговать во всей Россіи въ розницу въ лавкахъ своихъ, и скупать по деревнямъ наши товары изъ первыхъ рукъ, а чрезъ то умножая ввозъ своихъ роскошныхъ и прихотливыхъ товаровъ, цѣну на нихъ возвышать, а нашу унижать» [c]).

Мы говорили уже, почему ввозъ драгоцѣнныхъ металловъ въ Россію несомнѣнно долженъ былъ существовать во весь разсматриваемый нами періодъ.

Правительство само вело значительную часть загра-

---

a) См. Семеновъ, томъ 1, стр. 6

b) Тамъ же, стр. 15, 39, 53, 57, 131, 133, 145, 161 и 167.

c) Колотовъ, Дѣянія Екатерины II, томъ 1. стр. 12.

ничной торговли и платежи несомнѣнно получало серебромъ. Кромѣ того и частная заграничная торговля велась русскими откупщиками и купцами, которыхъ нельзя уже было закабалить. Напротивъ, при запрещеніи иностранцамъ вести внутри Россіи розничную торговлю, они скорѣе попадали въ зависимость отъ казны и откупщиковъ. Дѣйствительно только одни Англичане и отчасти Голландцы могли выдерживать стѣсненія; тогда какъ другія націи считали торговлю съ Россіею невыгодною и ограничивались однимъ транспортомъ.

Шереръ и Шторхъ такъ описываютъ вывозную торговлю изъ Петербурга. Русскіе купцы изъ внутреннихъ губерній являлись обыкновенно въ началѣ зимы въ Петербургъ, для того чтобы здѣсь заключить контракты съ иностранными коммиссіонерами о поставкѣ русскихъ произведеній слѣдующимъ лѣтомъ, такъ какъ большая часть товаровъ доставлялась Вышневолоцкимъ каналомъ. Контракты заключались на различныхъ условіяхъ: или вся слѣдуемая сумма денегъ уплачивалась напередъ, или только часть ея, съ условіемъ уплатить остальное по доставкѣ товара, которая могла послѣдовать только черезъ 7 или 8 мѣсяцевъ. Цѣны товаровъ по различію этихъ условій также разнились на 8 или 10%, т. е. товары, за которые уплачена напередъ вся сумма сполна, продавались на 8 или 10% дешевле, чѣмъ товары, по которымъ уплачена только часть суммы впередъ Прежде, говоритъ Шторхъ, контракты заключались, безъ исключенія, первымъ способомъ. Только получивши деньги впередъ отъ иностранныхъ коммиссіонеровъ, русскіе купцы закупали продукты внутри страны. Шереръ прибавляетъ, если русскій купецъ человѣкъ честный, — онъ держалъ слово; если нѣтъ, — то исчезалъ вмѣстѣ съ контрактомъ и не являлся больше.

Ввозная торговля, по Шторху, происходила слѣдующимъ образомъ: иностранные товары привозились отчасти по за-

казамъ русскихъ купцовъ, которые съ этою цѣлью обращались къ иностраннымъ коммиссіонерамъ; а отчасти высылались на коммиссію этимъ же коммиссіонерамъ. Уплата происходила не раньше 6, 12 и 18 мѣсяцевъ, и цѣны назначались сообразно съ отсрочкою уплаты [a]).

Мы находимъ доказательства у нѣкоторыхъ писателей, что иностранные купцы терпѣли большія стѣсненія, и что напротивъ русскіе купцы и откупщики получали большіе барыши. Такъ Щербатовъ говоритъ, что «выпускъ хлѣба въ чужіе края не толь есть выгоденъ для земледѣльцевъ, которые съ малымъ возвышеніемъ цѣнъ свои произведенія продаютъ; обогащаются тѣмъ единые купцы, дающіе впередъ задатки» [b]).

О томъ, что иностранцы довольствовались небольшими барышами мы находимъ свидѣтельство у Колотова: «производимая нами изъ сѣверныхъ портовъ въ Европу торговля, есть торговля страдательная», говоритъ онъ, «ибо почти всѣ наши товары вывозятся на чужихъ корабляхъ и за счетъ иностранцевъ: но какъ Англичане и другіе Европейскіе народы по связи коммерческаго ихъ мореплаванія покупая на мѣстѣ товары платятъ намъ такія цѣны, каковыхъ отправляя на своихъ корабляхъ и за собственный счетъ едва ли бы Россія въ генеральномъ расчетѣ пріобрѣтать могла: то и можно бы безъ зависти предоставить имъ мелкіе выгоды сопряженные съ морскимъ извозничествомъ» [c]).

Наконецъ кредитъ, который давали иностранцы русскимъ купцамъ не могъ представлять особенныхъ выгодъ: «каждую

---

a) См. Storch, Cours d'Économie politique, томъ 4, стр. 91 и Scherer, томъ 1, стр. 114.

b) См. соб. соч. К. Щербатова, стр. 88.

c) Колотовъ, Дѣяніе Екатерины II, томъ 4, стр. 321—322.

субботу», говоритъ Щербатовъ, «чужестранные купцы ходятъ въ Петербургѣ по гостинному двору, собирая сколько можно за проданные товары, съ должниковъ своихъ» [а]). Свидѣтельство приведенныхъ писателей относится уже собственно ко времени царствованія Екатерины II, но нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы въ предшествовавшія царствованія положеніе иностранныхъ купцовъ было выгоднѣе; напротивъ, въ царствованіе Екатерины уже не было монополій и откуповъ, и иностранцы получили право самимъ производить розничную торговлю, слѣдовательно пріобрѣли болѣе самостоятельное положеніе на русскомъ рынкѣ.

Мы можемъ по этому сказать, что пассивный характеръ нашей внѣшней торговли отъ 1700 до 1762 года мало могъ вредить выгодному торговому балансу.

Были другія причины, дѣйствительно уменьшавшія количество благородныхъ металловъ на нашемъ металлическомъ рынкѣ.

Такъ существовавшая и развивавшаяся контрабанда могла въ значительной степени подрывать достовѣрность числовыхъ данныхъ относительно баланса заграничной торговли и ввоза металловъ въ Россію; хотя вывозъ серебра и здѣсь не могъ быть особенно великъ, такъ какъ вексельный курсъ все таки оставался выгоднымъ для Россіи. Мы указали уже, что, въ разсматриваемый нами періодъ, контрабанда не могла получить широкихъ размѣровъ. Предметы роскоши, составлявшія главную статью контрабанднаго ввоза, были еще въ маломъ употребленіи, и только развѣ въ концѣ царствованія Елисаветы могли требовать значительной высылки металловъ изъ Россіи. Кромѣ того, на ряду съ контрабанднымъ ввозомъ развивался также и контрабандный

а) См. соб. соч. К. Щербатова, стр. 137.

вывозъ нашихъ товаровъ заграницу, и слѣдовательно уменьшалъ потери нашего металлическаго рынка.

Наконецъ кромѣ контрабанды, кредитъ во многихъ случаяхъ могъ устранять необходимость пересылки благородныхъ металловъ слѣдовавшихъ по торговому балансу, а также платежи заграницу во время войнъ, путешествій, посольствъ и т. д.

Что касается торговаго кредита, то онъ не могъ на такое продолжительное время уничтожать значеніе выгоднаго торговаго баланса относительно привоза благородныхъ металловъ; другихъ кредитныхъ сдѣлокъ, какъ государственныхъ такъ и частныхъ, въ то время еще не было. Что же касается войнъ и вообще заграничныхъ платежей, то объ этомъ мы будемъ говорить послѣ. Здѣсь же ограничимся замѣчаніемъ, что платежи наши заграницу, дѣйствительно оттягивали на время русскую монету, но за весь разсматриваемый нами періодъ мы знаемъ только одинъ случай, когда вексельный курсъ на Россію палъ ниже пари.

И такъ не смотря на всѣ причины уменьшающія значеніе выгоднаго торговаго баланса относительно металлическаго рынка Россіи, мы можемъ повторить свое общее заключеніе, что въ теченіе всего разсматриваемаго нами времени, за немногими только исключеніями, замѣчается постоянный приливъ благородныхъ металловъ въ Россію посредствомъ заграничной торговли.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Добыча золота и серебра въ Россіи съ 1704 по 1762 годъ.

Съ Петра Великаго начинается постоянная и правильная разработка золотыхъ и серебрянныхъ рудниковъ въ Россіи. Старые серебрянные рудники на Медвѣжьемъ островѣ Бѣлаго моря были потоплены послѣ незначительной добычи [a]). Еще въ 1491 году открыта была серебрянная руда возлѣ Печоры, но о разработкѣ ея, особенно въ XVIII вѣкѣ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Въ 1704 году открыты Нерчинскіе, золото и серебро содержащіе, свинцовые рудники, и съ этого времени разрабатывались постоянно, хотя не съ одинаковымъ успѣхомъ. Шлецеръ говоритъ, что съ 1704 по 1751 годъ всего добыто было 587 пуд. 7 фунт. 54 зол. серебра, изъ котораго не было раздѣлено золото; но съ 1752 по 1783 годъ привезено 9740 пуд. 7 ф. 49 зол. чистаго золотистаго серебра и въ Петербургѣ раздѣлено 28 пуд. 8 ф. 34 зол. золота [b]). Заводы эти принадлежали казнѣ.

---

a) Обзоръ горной производительности Россіи К. В. Чевкина и А. Д. Озерскаго. Сбор стат. Св. о Россіи. Кн. I 1851 г.

b) Schlözer. Münz - Geld- und Bergwerks - Geschichte des Russischen Kaiserthums von J. 1700 bis 1789. Meist aus Urkunden beschieben. Göttigen 1761, стр. 171.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ у Шодуара[a]) добыча изъ года въ годъ представляетъ слѣдующія цифры:

Годы	Серебра неочищеннаго			Годы	Серебра неочищеннаго			Годы	Серебра неочищеннаго		
	пуд	фун.	зол.		пуды	фун.	зол.		пуды	фун.	зол.
1704	—	1	24	1724	6	10	31	1744	14	37	$30\frac{1}{4}$
1705	1	22	36	1725	3	9	61	1745	16	39	$93\frac{1}{2}$
1706	3	19	$17\frac{1}{2}$	1726	1	15	48	1746	16	3	$51\frac{1}{4}$
1707	5	7	37	1727	—	4	$38\frac{1}{2}$	1747	35	2	67
1708	5	26		1728	—	23	15	1748	71	6	6
1709	2	3		1729	1	21	81	1749	82	7	94
1710	8	3	62	1730	—	35	—	1750	81	32	18
1711	8	14	71	1731	—	—	—	1751	39	27	2
1712	11	4	6	1732	—	—	—	1752	51	7	69
1713	11	26	14	1733	—	—	—	1753	100	25	29
1714	11	30	54	1734	—	28	48	1754	51	35	86
1715	2	16	39	1735	1	14	70	1755	139	16	86
1716	12	3	45	1736	2	14		1756	126	16	4
1717	15	13	72	1737	4	4	38	1757	100	2	$9\frac{1}{4}$
1718	10	9	3	1738	3	19	59	1758	134	34	21
1719	5	6	4	1739	7	24	78	1759	137	7	$44\frac{9}{11}$
1720	4	1	82	1740	13	17	39	1760	149	14	$23\frac{1}{2}$
1721	5	32	84	1741	12	20	11	1761	143	13	$45\frac{3}{4}$
1722	10	4	72	1742	9	32	90	1762	176	3	67
1723	7	17	80	1743	15	—	6				

По этой таблицѣ выходитъ, что съ 1703 по 1762 г. включительно добыто серебра неочищеннаго 1,892 пуд. 36 фунт. 66 зол. 32 д. Нѣтъ точныхъ данныхъ, кокое количество чистыхъ металловъ получено за все время, но по Шодуару съ 1700 по 1756 годъ получено чистаго золота 5 пуд. 11 фунт. 63 зол. 42 д. и 2,343 пуд. 12 ф. 36 з. 77 д. чистаго серебра изъ 1,425 п. 23 ф. 19 зол. 12 д. неочищеннаго серебра. Считая золото въ 15 разъ дороже

а) Обозрѣніе русскихъ денегъ и иностранныхъ монетъ, употреблявшихся въ Россіи съ древнихъ временъ. Сочиненіе барона Станислава де-Шодуара. Собраніе изображеній. СПб. 1837 года. Переводъ съ французскаго В.А.

серебра, а серебро оцѣнивая въ 960 руб. пудъ, получимъ, что золота добыто почти на 76,180 руб., а серебра на 1,289,576 руб.; вмѣстѣ на сумму 1,365,700 рублей. Оцѣнивая добычу за два послѣдніе года въ 469,820, получимъ общую сумму въ 1,834,500 руб.

Что касается издержекъ производства, то Шлецеръ говоритъ, что ихъ можно принимать въ 50%, но при этомъ вычисленіи принято во вниманіе то обстоятельство, что расходы велись мѣдною монетою, а позднѣе ассигнаціями.

Въ царствованіе Екатерины II при этихъ заводахъ считалось до 2,000 мастеровыхъ людей и до 13,000 приписныхъ крестьянъ [a]).

Не смотря на то, что съ теченіемъ времени рудники бѣднѣли, разработка расширялась постепенно, особенно во второй половинѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка.

Съ 1754 года начали разрабатываться Березовскіе рудники на Уралѣ, въ 15 верстахъ отъ Екатеринбурга, содержащіе жильное золото. Разработка этихъ рудниковъ достигла впрочемъ болѣе значительныхъ размѣровъ только въ царствованіе Екатерины II и особенно въ началѣ нынѣшняго вѣка. Золото получалось на заводахъ не совсѣмъ чистымъ; оно содержало отъ 7 до 8% серебра, и нѣсколько желѣза; на монетномъ дворѣ въ Петербургѣ его принимали по 2 р. 60 коп. золотникъ и здѣсь еще разъ очищали [b]).

---

a) См. Schlözer, Münz-Geld und Bergwerks-Geschichte. Стр. 172.

b) Schtorch, Gemälde, 2 т., пр 6.

По таблицѣ Шодуара его получалось:

Годы	Золото неочищенное				Золото чистое				Серебро чистое			
	пуд.	фун.	з.	д	пуд	фун.	з.	д.	пуд.	фун.	з	д.
7754	—	16	59	54	—	14	52	11	—	1	86	79
1755	—	9	46	54	—	8	28	7	—	1	8	32
1756	—	2	—	70	—	1	72	61	—	—	22	8
1757	—	29	5	24	—	25	40	57	—	3	31	57
1758	1	1	88	48	—	36	65	42	—	4	77	9
1759	1	—	46	22	—	35	40	43	—	4	61	28
1760	1	22	41	22	1	14	62	67	—	7	15	9
1761	1	22	64	11	1	13	30	70	—	6	95	32
1762	1	17	68	70	1	10	29	9	—	6	69	88

Итого въ теченіе 9 лѣтъ получено изъ 8 пуд. 2 фун. 12 зол. 2 д. неочищеннаго металла 7 пуд. 37 зол. 79 д. чистаго золота, 36 фун. 74 зол. 58 долей чистаго серебра. Приблизительно золота на 100,900 руб., серебра на 880 р., всего на 101,780 рублей.

На этихъ заводахъ ежедневно работало 1200 человѣкъ, говоритъ Шлецеръ, и, по его вычисленію, издержки производства простирались всего до 70%, но здѣсь онъ опять принимаетъ во вниманіе не только то обстоятельство, что издержки покрывались мѣдною монетою, но и передѣльный доходъ. Заводы эти принадлежали также казнѣ и первоначально на 1000 пудовъ руды давали 40, 50 и 60 золотниковъ чистаго золота; впослѣдствіи они сдѣлались болѣе обильными.

Воицкій рудникъ, Олонецкой губерніи, при озерѣ Выгъ, давалъ самородное золото, мѣдь, самородное серебро, — но въ незначительныхъ количествахъ. Открытъ онъ былъ еще въ 1737 году, но казна начала добывать изъ него сначала мѣдь только съ 1742 года. Въ 1744 году велѣно было Императрицею Елисаветою Петровною разрабатывать золото, и дѣйствительно, съ 1745 года началась разработка, но въ незначительномъ количествѣ, обходившемся дорого казнѣ, —

около 20 рублей золотникъ. Въ 1770 году велѣно было прекратить разработку этого рудника, которая впрочемъ до конца столѣтія возобновлялась еще два раза [a]).

Въ первую разработку съ 1745 по 1771 годъ добыто самороднаго золота 1 пуд. 21 фунт. 71 золотникъ, среднимъ числомъ въ годъ 2 фунт. $62^2/_3$ золотника; слѣдовательно на 18 лѣтъ отъ 1745 до 1762 года приходится около 1 пуда и 8 фунтовъ, на сумму 17,280 рублей.

Несравненно важнѣе всѣхъ этихъ рудниковъ были Колывановоскресенскіе рудники въ Алтайскихъ горахъ. Они открыты въ 1725 году отцомъ уральскаго горнаго дѣла статскимъ совѣтникомъ Акинфіемъ Демидовымъ [b]). Сначала открыта была мѣдь, и въ 1727 году на берегу озера Колывани устроенъ мѣдиплавильный заводъ; потомъ открыты заводы — Пихтенскій, Воскресенскій и Богоявленскій, также мѣдиплавильные. Въ 1732 году произведена была казною ревизія этихъ заводовъ, но они и послѣ ревизіи оставались во владѣніи Демидова. Въ 1743 году бѣжалъ изъ завода Штейгеръ Трегеръ съ богатыми образцами серебрянной и золотой руды; Демидовъ, боясь чтобы образцы эти не предъявлены были въ Петербургѣ, поспѣшилъ объявить самъ.

---

a) Путешествіе Ак. Н. Озерецковскаго по озерамъ Ладожскому, Онежскому и вокругъ Ильменя. СП. 1812 года. Издан. 2. Стр. 264, а также Обзоръ Гор. Пром. Россіи гг. Чевкина и Озерскаго въ Сб. ст. св. о Рос. Кн. 1.

b) Шлецеръ говоритъ, что Демидовъ получилъ извѣстіе о рудникахъ, которые, по расказамъ тамошнихъ дикарей, заложены были съ незапамятныхъ временъ чужестранцами, названными общимъ именемъ чудью, (вѣроятно монголами), а потомъ были оставлены.

Schlözer Münz-Geld. und B.-Geschichte. Стр. 132, пр. 2. О слѣдахъ древнѣйшей разработки металловъ въ Сибири говорятъ почти всѣ путешествовавшіе въ Сибирь Академики, Паласъ, Лепехинъ. Довольно подробно изложена первоначальная разработка Колыванскихъ рудниковъ въ XVIII вѣкѣ въ путешествіи Академика Фалька. См. Пол. Соб. учен. путеш. по Россіи т. 6, гл. XXIX, стр. 447 и сл.

Въ 1745 году наряжена была коммисія для изслѣдованія, и заводы были взяты въ Кабинетъ.

Въ 1749 году началась разработка серебра въ Змѣиной горѣ, потомъ количество рудниковъ увеличилось, но главнымъ оставался Змѣиногорскій «богатѣйшій изъ всѣхъ, какіе только знаетъ всемирная исторія» (Шлецеръ). Здѣсь добывалось ежегодно отъ $1^1/_2$ до 2 милліоновъ пудовъ руды. Послѣ Змѣиногорскаго, лучшими рудниками были Семеновскій и Филипповскій; въ послѣднемъ найдены были слѣды старой богатой разработки.

Демидовъ донесъ, что его бергмейстеръ выплавилъ 27 фунт. 18 зол. серебра. Коммиссія, посланная отъ Кабинета, сдѣлала пробы и выслала въ Петербургъ 44 пуда 6 фунт. 11 зол. серебра, въ которомъ содержалось 15 фунт. 38 зол. 57 д. чистаго золота и 41 пудъ 19 фунт. 83 зол 1 доля чистаго серебра.

Дальнѣйшая казенная разработка, по Шодуару, давала:

Годы	Серебра неочищеннаго				Золота чистаго				Серебра чистаго			
	пуд.	фун.	з.	д.	пуд.	фун.	з.	д.	пуд.	фун.	з.	д.
1745	44	6	21	—	—	15	38	57	41	19	83	1
1747—1748	237	13	33	2	3	37	95	43	205	4	41	52
1749	309	22	27	40	6	21	10	63	268	28	24	34
1750	209	29	84	36	4	18	17	24	179	11	3	32
1751	366	34	84	36	7	24	79	34	309	27	37	64
1752	304	25	74	—	8	15	56	83	266	10	13	79
4753	310	26	94	48	10	12	44	54	264	15	51	32
1754	334	19	15	—	10	14	20	44	280	3	29	73
1755	303	21	45	36	12	3	23	72	269	36	65	46
1756	321	17	95	—	10	19	53	25	290	28	94	11
1757	222	30	80	—	7	1	48	79	202	24	55	66
1758	264	2	88	—	9	16	43	83	237	22	10	20
1759	273	10	11	12	8	28	45	37	248	24	85	7
1760	264	22	16	—	8	31	—	51	244	14	9	81
4761	333	20	84	48	8	17	84	94	314	36	89	88
1762	405	27	4	12	12	23	41	$11^1/_2$	372	4	31	64

Всего съ 1745 по 1762 годъ включительно, изъ

4,500 пуд. 11 фунт. 78 зол. 42 д. неочищеннаго металла, добыто 129 пуд. 21 фунт. 32 зол. 87 долей чистаго золота и 3,995 пуд. 32 фунт. 50 зол. 88 долей чистаго серебра; слѣдовательно, золота на 1,765,300 рублей, серебра на 3,936,000 руб., а всего на 5,701,300 рублей.

Шлецеръ считаетъ издержки производства на этихъ рудникахъ почти въ 25%, принимая во вниманіе, что они покрывались мѣдью [a]). О богатствѣ рудниковъ вскорѣ послѣ ихъ открытія ходили самые преувеличенные разсказы, считали ихъ новымъ Потози. Дѣйствительно въ началѣ они были особенно обильны. Еще въ 1770 годахъ одинъ пудъ руды давалъ отъ 5 до 6 золотниковъ золотистаго серебра, но потомъ рудники сдѣлались бѣднѣе. Въ 1786 году при этихъ заводахъ находилось мастеровыхъ людей 5,401, офицеровъ 56, канцелярскихъ служителей 111, баталіонъ войска и 54,000 приписныхъ крестьянъ.

И такъ въ разсматриваемый нами періодъ добыто въ Россіи благородныхъ металловъ:

	Серебра		Золота		Итого на сумму
	вѣсомъ	на сумму	вѣсомъ	на сумму	
Изъ Нерчинскихъ завод.	1,748 п. 24 ф.	1,289,500 р. +469,800 „	6 п. 32⅔	76,100 р.	1,834,500р.
Изъ Екатеринбург. или Березовск.	36⅔ ф.	880 „	7 п. ⅓ ф.	100,900 „	101,700 „
Изъ Воицк.	—	—	1 п. 8 ф.	17,280 „	17,280 „
„ Колывано Воскресенскихъ	3,995 п. 32½ ф	3,936,000 „	129 п. 21½ ф.	1,765,300 „	5,701,300 „
Итого со всѣхъ	5,745 п. 14 ф.	5,696,380 ф.	144 п. 22 ф.	1,959,500 р.	7,655,000р.

a) Германъ же говоритъ, что казна выигрывала на Колыванскихъ рудникахъ $602_{,377}$%. Другіе высчитывали, что Россія изъ Сибири получаетъ золото на 80, а серебро на 50% дешевле, чѣмъ Испанія изъ Американскихъ колоній. См. Schlözer ст. 170.

Изъ этого количества металловъ въ первые 42 года XVIII столѣтія добыто всего до 200 пудовъ неочищеннаго серебра, на сумму до 200,000 рублей, что на 38 лѣтъ съ 1704 по 1742 годъ составитъ ежегодно около 5 пудовъ, на сумму до 5,000 руб., — цифра слишкомъ незначительная, чтобы оказывать на денежный рынокъ какое нибудь вліяніе. — Только въ царствованіе Елисаветы Петровны добыча золота и серебра въ Россіи получаетъ большіе размѣры, но и въ это время ежегодный приливъ металловъ среднимъ числомъ не превышаетъ 400,000 рублей. Такая сумма ежегоднаго прилива не могла вліять на цѣнность монеты въ странѣ и вызывать вывозъ ея изъ Россіи.

Издержки производства по добыванію золота и серебра были, какъ мы видѣли, на большинствѣ заводовъ, довольно значительны; притомъ по этому предмету, мы приводили вычисленія Шлецера, который придаетъ значеніе особой выгоды тому, что издержки покрывались мѣдною монетою. По нашему мнѣнію, это нисколько не уменьшало издержекъ производства, такъ какъ государство здѣсь вмѣсто платежей звонкимъ металломъ, пользовалось своимъ кредитомъ; если же считать мѣдную монету по номинальной ея цѣнѣ, т. е. по 10, 16 и даже 40 руб. въ пудѣ, а не по 5 и 6, то окажется, что издержки производства, выставленныя нами по Шлецеру, на дѣлѣ были вдвое больше. Правда, главнѣйшіе, Колыванскіе рудники, все таки и при этомъ условіи давали большую ренту, но сравнительно небольшіе размѣры ежегоднаго прилива, и монополія казны, державшей въ своихъ рукахъ всѣ заводы, могли уничтожить всякое вліяніе низкихъ издержекъ производства на цѣнность благородныхъ металловъ въ странѣ. Относительно издержекъ производства слѣдуетъ еще замѣтить, что исчисленіе ихъ затрудняется между прочимъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что разработка

рудниковъ производилась не свободнымъ трудомъ. Къ Сибирскимъ казеннымъ заводамъ еще при Петрѣ Великомъ велѣно было приписать слободы, съ которыхъ не взимали подушной подати деньгами, а заставляли зарабатывать ее на заводахъ. Въ лѣтнее время крестьянину съ лошадью засчитывали въ день по 10 коп., а безъ лошади по 5 коп.; въ зимніе же дни по 6 и 4 коп. Когда крестьяне отрабатывали подушную подать, то за дальнѣйшія работы имъ платили задѣльныя деньги. Какъ ни низка была цѣнность труда въ то время, при господствѣ крѣпостнаго права, но казенныя цѣны, существовавшія на заводахъ, были далеко ниже даже тогдашнихъ рыночныхъ цѣнъ; тѣмъ не менѣе однако же эти казенныя цѣны труда на заводахъ оставались до Екатерины II, когда, вслѣдствіе новыхъ налоговъ и обязанности зарабатывать ихъ по прежнимъ цѣнамъ, бѣдственное положеніе приписныхъ крестьянъ обратило на себя вниманіе правительства.

Въ 1759 и 1760 годахъ, для распространенія Колывано-воскресенскихъ, Нерчинскихъ и Екатеринбургскихъ золотыхъ и серебряныхъ казенныхъ заводовъ, велѣно было сразу переселить и приписать къ тѣмъ заводамъ 25,998 душъ крестьянъ и отсылать на Нерчинскіе заводы рекрутъ, взятыхъ въ Иркутской области. Кромѣ того, для умноженія числа рабочихъ назначено съ 1729 года отправлять въ Сибирскіе казенные заводы колодниковъ, осужденныхъ къ ссылкѣ или въ каторгу и приговоренныхъ къ смертной и политической казни [a]).

При такихъ условіяхъ издержки производства дѣйствительно могли казаться малыми.

Что касается казенной монополіи относительно добы-

---

a) См. Семеновъ, о Россійск. внѣш. тор. и пром., стр. 249.

ванія золота и серебра, то она вѣроятно установилась фактически, такъ какъ законодательныя распоряженія имѣютъ совершенно иной характеръ. Въ 1700 году изданъ законъ о приисканіи золотыхъ, серебрянныхъ, мѣдныхъ и иныхъ рудъ, и нашедшему руду обѣщано вознагражденіе. Въ 1719 году, съ учрежденіемъ Бергъ-Коллегіи, предоставлено право каждому на собственныхъ и на чужихъ земляхъ искать и плавить всякіе металлы, учреждать горные компаніи и товарищества. Отыскавшему въ своихъ земляхъ золото и серебро Коллегія могла выдавать пособіе на строеніе. Со всѣхъ частныхъ добычъ золота и серебра предполагалось взимать десятину и казна удерживала право преимущественной покупки, по назначеннымъ Бергъ-Коллегіею цѣнамъ. Въ 1720 году разрѣшено было купцамъ покупать деревни къ горнымъ заводамъ Въ 1727 году дозволено каждому свободно отыскивать золото., серебро и др. металлы въ отдаленныхъ мѣстахъ за Тобольскомъ, въ Иркутской и Енисейской областяхъ, устраивать заводы, не испрашивая даже, за отдаленностію, особаго разрѣшенія; правительство при этомъ отказывалось даже отъ преимущественной покупки и отъ десятины на десять лѣтъ со дня учрежденія завода; запрещено было только заводское золото и серебро отпускать заграницу. Уставомъ 1739 года вмѣсто десятинъ и пошлинъ велѣно принимать въ казну золотникъ золота по 1 руб 30 коп., а серебро по 14 копѣекъ. Для размноженія нерчинскихъ и другихъ рудъ, серебро и золото содержащихъ, въ 1757 году велѣно изыскивать вольныхъ промышленниковъ и снабжать ихъ на первый случай заимообразно изъ казны денежною ссудою; «ибо частные люди въ пріискѣ для себя руды прилежнѣе поступаютъ, нежели казенные искатели, и болѣе ея находятъ».

Не смотря однако же на всѣ эти льготы, предоставляе-

мыя закономъ частной промышленности по добыванію золота и серебра, всѣ заводы принадлежали казнѣ; разработки благородныхъ металловъ частными лицами мы не встрѣчаемъ; большинство приводимыхъ нами писателей того мнѣнія, что ее вовсе не было. Неизвѣстно, по какимъ причинамъ отобраны были Колыванскіе заводы у Демидова. Германъ говоритъ, что они взяты были потому, что тогда частныя лица не могли имѣть ни золотыхъ, ни серебрянныхъ рудниковъ. Шлецеръ спрашиваетъ, не было ли такого распоряженія при Елисаветѣ, но мы не находили ничего подобнаго. Шторхъ приводитъ нѣкоторыя доказательства въ пользу того, что у Демидова его заводы были куплены казною. Вѣроятнѣе же всего, что Кабинетъ за утайку отъ налоговъ металла отобралъ у Демидова лучшіе заводы — Колывано-Воскресенскіе, а впослѣдствіи при Екатеринѣ II и Нерчинскіе пранадлежали Кабинету, и потому не увеличивали даже средствъ казны, а развѣ способствовали развитію роскоши при дворѣ.

Изъ приведенныхъ данныхъ о количествѣ золота и серебра добытаго въ Россіи въ разсматриваемое нами время, можно вывести то заключеніе, что русскіе золотые и серебрянные рудники по незначительности добычи, не могли удовлетворять потребностямъ русскаго металлическаго рынка, а также не могли имѣть вліянія на цѣнность благородныхъ металловъ и денегъ въ Россіи. Слѣдовательно русскій металлическій рынокъ, относительно цѣнности благородныхъ металловъ находился въ зависимости отъ европейскаго металлическаго рынка, и главную массу серебра долженъ былъ получать путемъ заграничной торговли.

Приращенія металлическаго рынка Россіи другими пу-

---

a) См. Schlözer. Стр. 133., Шторхъ Gemälde, т. 2, стр. 623, прим. 4, а также пут. Академика Фалька. Стр. 453.

тями, кромѣ торговли и собственныхъ рудниковъ, намъ мало извѣстны. Изъ болѣе крупныхъ цифръ, извѣстныхъ намъ, можно указать слѣдующія: въ 1713 году взято съ Любека за отступленіе войскъ и за дарованіе ему права торговли на равнѣ съ Голландцами и Англичанами — 300,000 гульденовъ; съ Гамбурга 200,000 гульденовъ Въ 1733 году Минихъ взялъ съ Данцига контрибуцію въ два милліона талеровъ. Наконецъ по трактату съ Англіею въ 1747 году Россія получала ежегодно 2,000,000 талеровъ [a]).

Хотя мы не имѣемъ свѣдѣній, какое количество драгоцѣнныхъ металловъ оставалось въ Россіи отъ прежняго времени, какое количество золота и серебра потреблялось въ различныхъ предметахъ, кромѣ монеты, тѣмъ не менѣе можемъ сказать, что какъ бы ни былъ великъ или малъ русскій металлическій рынокъ, потребность въ драгоцѣнныхъ металлахъ могла получать полное удовлетвореніе, и потому цѣнность золота и серебра въ Россіи не могла представлять большихъ и продолжительныхъ отклоненій отъ цѣнности ихъ въ остальной Европѣ.

а) „При Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ заключенъ былъ трактатъ съ Англіей, чтобы Россія содержала всегда готовыхъ войскъ для Англіи сорокъ тысячъ человѣкъ, съ обязательствомъ Англіи платить по два милліона въ годъ на содержаніе ихъ, которые ефимками привозили. Сіи деньги ежегодно платились а только единожды были войска посыланы ...... Достойно воистину удивленія, что толь полезныя договоры мы сами отмѣнили; сказываютъ, что сіе учинено было будто бы для того, что непристойно Россійской Императрицѣ (Екатеринѣ II) брать жалованье отъ Англіи, якобы сіе жалованье брала Императрица. Сіе были субсиды, и яко дань платимая Англіей ради полученія защищенія себѣ отъ Россіи въ случаѣ нужны. И такъ софистическимъ разсужденіемъ Россія сей пользы лишилась, которую уже не удастся ей возвратить.“ См. Разныя Сочиненія князя М. М. Щербатова, стр. 84.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Монетная система въ Россіи отъ 1700 до 1762 года.

А) *Монетная единица.*

Въ началѣ XVIII вѣка монетное дѣло въ Россіи получаетъ строго регальный характеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ является и цѣлая система постановленій, направленныхъ на поддержаніе номинальной цѣнности монеты, въ видахъ упроченія казеннаго дохода.

До войны Петра I со Шведами монету чеканить могли всѣ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера подъ надзоромъ правительства и съ платежемъ пошлинъ въ казну. Впрочемъ казна имѣла также и свои монетные дворы, на которыхъ производство монеты отдавалось иногда по подрядамъ частнымъ лицамъ. Монетные дворы были сначала только въ Москвѣ, а потомъ и въ Петербургѣ. Мѣдная же монета чеканилась впослѣдствіи преимущественно въ Екатеринбургѣ.

Хотя нѣтъ точныхъ свѣдѣній о томъ, когда послѣдовало запрещеніе частнымъ лицамъ заниматься выдѣлкою монеты, но, судя по указу 11 марта 1700 года, гдѣ сказано: «впредь будутъ дѣлать на Москвѣ деньги тисненыя, а не литыя и не кованныя», можно думать, что выдѣлка монеты

частными лицами сама собою прекратилась, такъ какъ для чекана требовалась уже значительная затрата капиталовъ [a]).

Главною монетою въ Россіи въ XVIII вѣкѣ осталась какъ и прежде серебрянная, но монетною единицею сдѣлался серебрянный рубль.

Новая монетная система съ новою монетною единицею явилась не сразу, но складывалась постепенно почти во все царствованіе Петра Великаго.

До 1654 года слово рубль означало идеальную, счетную монету, какъ напр. фунтъ стерлинговъ.

Въ 1654 году Царь Алексѣй Михайловичъ, по случаю войнъ съ Швеціею и Польшею, приказалъ чеканить рубли. Рубли эти, по замѣчанію Шодуара, были собствено клейменые ефимки, для возвышенія нарицательной цѣны [b]).

Въ это же время ефимки раздѣляли на двѣ и на четыре части, и оставляя эти части безъ дальнѣйшей отдѣлки, клеймили изъ нихъ полтинники и четвертаки.

Ходячею же монетою и монетною единицею были копѣйки и полушки, хотя плохой формы, но большею частію чистаго серебра (96 пробы). Сто такихъ копѣекъ составляли рубль, а сто рублей при Иванѣ Грозномъ вѣсили $16^{11}/_{31}$ фунта; впослѣдствіи же, передъ началомъ XVIII вѣка, хотя проба и вѣсъ нѣсколько измѣнились, такъ что по Бюшингу копѣйки были 70 пробы и вѣсомъ по 14 р. 40 коп. въ фунтѣ, но до войны Петра I со Шведами сто рублей вѣ-

---

a) П. С. З. т. 4 № 1776. Schlözer Münz-Geld, und Bergwerks-Geschichte. Стр. 32.

b) Обозрѣніе русскихъ денегъ и иностранныхъ монетъ, употреблявшихся въ Россіи съ древнихъ временъ. Съ рисунками и таблицами. Сочиненіе барона Станислава де-Шодуара, разсмотрѣнное по приказанію г-на Министра финансовъ. Пер. съ французскаго В. А. СПб. 1837. Т. I, стр. 137.

сили большею частію 11 фунтовъ [a]). Вѣсъ впрочемъ былъ чрезвычайно неправиленъ, какъ отъ разнообразія монеты, такъ и отъ несовершенства выдѣлки частными лицами. Тѣмъ не менѣе пари русскаго идеальнаго рубля было почти 2 талера (ефимка) или одинъ червонецъ.

Послѣ битвы при Нарвѣ начались перемѣны въ монетной системѣ, которыя мало-по-малу привели къ совершенному измѣненію ея. Сначала старыя копѣйки начали переплавлять и чеканить полтины, а въ 1704 году явились первые Петровскіе рубли [b]). Какъ и рубли Алексѣя Михайловича, они содержали въ себѣ чистаго серебра на половину меньше противъ идеальнаго рубля, т. е. равнялись по содержанію всего 50 серебряннымъ копѣйкамъ, бывшимъ тогда въ обращеніи; по мнѣнію Шодуара, и эти рубли были тоже перепечатанные ефимки, а потому вѣсъ и проба рублей зависѣли отъ вѣса и пробы ефимковъ, изъ которыхъ они дѣлались.

Перепечатка ефимковъ въ рубли, сдѣланная Петромъ В. въ первые годы XVIII вѣка, является финансовою мѣрою — добыть средства для войнъ и при томъ мѣрою не новою.

Выпустивши эти рубли, Петръ I рѣшился привести и монетное дѣло въ новую систему. Уже въ 1711 году велѣно было пріостановить выдѣлку мелкой серебрянной монеты, и чеканить рубли 70 пробы. Неизвѣстно съ точностію, было ли это распоряженіе приведено въ исполненіе въ 1711 году, такъ какъ по мнѣнію Шодуара съ 1704 по 1718 годъ осо·

---

a) См. Шодуаръ, т. I, стр. 122 и 161. По таблицамъ приведеннымъ Шадуаромъ видно, что съ 1664 по 1682 чеканили серебрянную монету по 9 р. $21\frac{2}{3}$ коп. въ фунтѣ, съ 1683 по 1696 чеканили по 10 р. 24 коп. въ ф. а въ 1697 по 10 р. $84\frac{1}{4}$; въ 1698 по 13 р. $16\frac{1}{2}$ к.; съ 1699 по 1704 годъ по 14 р. 18 к. См. Шодуаръ, Собраніе изображеній таб. 6.

b) Schlözer стр. 48.

быхъ перемѣнъ въ монетѣ незамѣтно; но въ 1718 году сдѣлано опять пониженіе достоинства рубля, и съ этого времени рубли перестаютъ быть только перепечатанными ефимками, а являются самостоятельною русскою монетою.

Указомъ 1718 года 14 февраля назначена проба рублевой монеты 70, а вѣсъ, хотя въ указѣ и не означенъ, но, по вычисленіямъ Шодуара, равнялся почти $14^2/_3$ рубля въ фунтѣ, или чистаго серебра въ рублѣ 4 зол. и 83 доли [a]).

Можетъ быть и въ этотъ разъ пониженіе цѣнности рубля вызвано было желаніемъ поправить затруднительное финансовое положеніе, но теперь Петръ Великій рѣшился привести въ правильную систему русскія деньги, и рубль сдѣлался монетною единицею.

Въ указѣ сказано: сего 1718 года съ 1 февраля денегъ мелкихъ не чеканить и чеканы перевесть, а дѣлать тисненыя: рублевики, полтинники и гривенники дѣлать изъ серебра противъ семидесятой пробы; алтынники и копѣйки дѣлать съ мѣдью противъ тридцати осьмой пробы; а двурублевики дѣлать изъ золота противъ семидесятой пробы; а мѣдныя дѣлать полушки тонкія, дабы ворамъ отливать было нельзя, и какъ серебрянныя, такъ и мѣдныя по краямъ опечатывать, до которыхъ допустить возможность [b]).

Такова была новая денежная система по первоначальнымъ планамъ Петра Великаго. Хотя система эта подвергалась впослѣдствіи измѣненіямъ и установилась не скоро, — самъ Петръ, какъ увидимъ, значительно измѣнилъ ее, — но она послужила основаніемъ монетной систеты, существующей до настоящаго времени.

---

a) По Шодуару выходитъ въ новомъ рублѣ 4 з. $87^3/_{11}$ доли чистаго серебра.

b) П. С. З. т. 4 №№ 3148 и 3163.

Мы ограничились указаніемъ главнѣйшихъ перемѣнъ въ монетномъ дѣлѣ до 1718 года, не указывая на отдѣльныя, частныя распоряженія. Между тѣмъ этими отдѣльными перемѣнами подготовлялась новая монетная система. И до 1718 года чеканили рубли, полтины и мелкую серебрянную монету; были выпущены также и мѣдныя деньги; но всѣ эти перемѣны имѣютъ значеніе перемѣнъ частныхъ, вызванныхъ потребностями дня, или же представляютъ опыты создать новую систему, получившую, какъ мы видѣли, только въ 1718 году полную организацію.

Съ введеніемъ новой монетной единицы, нужно было всю монету, находившуюся въ обращеніи, привести въ одну систему. Дѣло это было сложное, требовало много времени и большихъ средствъ, а потому не только самъ Петръ Великій не успѣлъ окончить его, но оно затянулось на многіе годы и при его преемникахъ. Приведеніе всей монеты въ одну систему затруднялось еще и потому, что какъ самъ Петръ, такъ и его преемники дѣлали отступленія отъ первоначальнаго плана монетной системы.

Не смотря однако же на все это, монетная единица, установленная Петромъ Великимъ, оставалась почти неизмѣнною до Екатерины II. Такъ, при Екатеринѣ I удержаны были тѣ же проба и вѣсъ для рублевой монеты, и хотя въ 1726 году велѣно было бить рублевую монету 72 пробы, но эта перемѣна въ монетной единицѣ вѣроятно не приведена была въ исполненіе, такъ какъ въ слѣдующемъ году опять велѣно было бить рубли и полурубли обыкновенной пробы [a]).

При Петрѣ II удержана была безъ перемѣнъ монетная единица, а для приведенія монеты въ одну систему пред-

a) Schlözer. Стр. 93. Шодуаръ, т. I, стр. 171.

полагалось выкупить всю серебрянную монету, битую до 1721 года [a]). Въ началѣ царствованія Анны Іоанновны монетная единица оставалась безъ перемѣны, но потомъ указами 22 января и 23 марта 1731 года велѣно было бить серебрянную монету, даже мелкую, 77 пробы; вѣсъ же назначенъ былъ по 15 р. 84 коп. въ фунтѣ, слѣдовательно чистаго серебра въ рублѣ 4 зол. и $82^2/_3$ доли. Здѣсь мы видимъ перемѣну только въ пробѣ и вѣсѣ; достоинство же монетной единицы осталось почти неизмѣннымъ, такъ что въ обращеніи совершенно не было никакого различія между прежнею крупною серебрянною монетою и новою. Въ царствованіе Анны Іоанновны совершенъ былъ большой перечеканъ прежней монеты, особенно мелкой серебрянной, въ рубли и полтины 77 пробы [b]).

Въ позднѣйшія царствованія монетная единица оставалась безъ измѣненія. Монета, битая при Іоаннѣ Антоновичѣ, была вся изъята изъ обращенія при Елисаветѣ. Наконецъ при Петрѣ III въ 1762 году велѣно было перечеканить всю монету, битую съ 1700 года.

Шлецеръ говоритъ, что эта послѣдняя передѣлка какъ серебрянной, такъ и мѣдной монеты предпринята была Петромъ III въ виду войны съ Даніею. На этомъ основаніи, Шлецеръ приходилъ къ заключенію, что достоинство новой монеты было худшее, хотя въ указахъ и не сказано ничего о пробѣ и вѣсѣ новой монеты. Шодуаръ взвѣшивалъ и нашелъ, что вѣсъ рублей Петра III равняется почти $16^{16}/_{17}$ рубля въ фунтѣ. Но это врядъ ли справедливо. По тѣмъ мѣрамъ, которыя сопровождали этотъ перечеканъ монеты, слѣдуетъ полагать, что достоинство ея было уменьшено.

---

a) Schlözer стр. 93 и Шодуаръ, т. I, стр. 172.
b) Schlözer. Стр. 104.

Такъ напр., сверхъ обыкновенной цѣны, по которой приносителямъ платилось за серебро на монетныхъ дворахъ, назначено было прибавки 10%, — конечно въ виду большаго передѣльнаго дохода.

Велѣно было также привозимые изъ заграницы талеры не оставлять у частныхъ лицъ, а нести на монетные дворы. Шторхъ и Шлецеръ считаютъ новые рубли уже не 77 пробы а 72, и вѣсомъ по 17 р. $6^2/_3$ копѣйки въ фунтѣ [a]). Но каковы бы ни были вѣсъ и проба монетной единицы, установленной Петромъ III, для денежнаго рынка это остается безразличнымъ, такъ какъ при Петрѣ III успѣли оттиснуть всего 30 рублей, да и тѣ, не бывъ выпущены въ обращеніе, перепечатаны при Екатеринѣ, хотя пониженіе цѣнности единицы удержано.

Слѣдующая таблица представляетъ постепенное уменьшеніе достоинства рублевой монеты [b]).

	Проба	Число на фунтъ	Чист. сер. въ рублѣ	Цѣна зол. серебра въ монетѣ	На нынѣш. рубли	На Голл. штиверы
Рубли до 1654 года....	96		11 з. 40 д.	около 9 к.	2р. $70^1/_2$ к	100 шт.
Ефимки переп. въ рубли до 1718 года......			5 з. 67 д.	$17^3/_5$ к.	1р. 35 к	50 шт.
Рубли 1718 года......	70	$14^2/_3$ р.	4 з. 83 д.	$20^1/_2$ к.	1р. $15^1/_2$ к	$42^1/_2$ шт.
Рубли 1731 года......	77	15р. 84 к.	— з. 83 д.	$20^1/_2$ к.	1р. $15^1/_2$ к	$42^1/_2$ шт.
Рубли 1762 года......	72	17р. $6^2/_3$	4 з. 21 д.	$23^1/_3$ к.	1р. — к	$37^3/_5$ шт.

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ очевидно, что съ 1718 года монетная единица въ Россіи не подвергалась существеннымъ измѣненіямъ до вступленія на престолъ Екатерины II. Тѣ перемѣны, которыя послѣдовали при Аннѣ Іоанновнѣ, въ существѣ дѣла не измѣнили монетной еди-

---

a) Шодуаръ, т. I, стр. 180.

a) Storch Gemälde, т. 3, стр. 492.

ницы; если проба и увеличена была до 77, за то уменьшенъ вѣсъ монеты, и чистаго серебра оставалось въ рублѣ почти то же количество, или даже нѣсколько меньше: вмѣсто 4 зол. 83 д. чистаго серебра, какъ въ петровскомъ рублѣ 1718 года, аннинскій рубль долженъ былъ содержать по указу 4 зол. $82^{2}/_{3}$ доли, а въ дѣйствительности, по взвѣшиванію Шодуара, еще меньше, — именно 4 зол. 78 долей, потому что чеканили не по 15 руб. 84 коп. изъ фунта, а по 16 руб., при Елисаветѣ же Петровнѣ даже по 16 р, 94 к.[a]).

Дальнѣйшее пониженіе достоинства рублевой монеты, сдѣланное Петромъ III, относится собственно уже къ царствованію Екатерины II. Хотя и нѣтъ точныхъ свѣдѣній о степени ухудшенія рублевой монеты въ царствованіе Петра III, но для денежнаго рынка, какъ мы уже сказали, вопросъ этотъ не представляетъ важности. Основываясь на первыхъ узаконеніяхъ Екатерины II относительно серебрянной монеты, можно принять, что установленіе существующей до настоящаго времени монетной единицы сдѣлано Петромъ III. Екатерининскіе указы 1762 и 1763 годовъ подтверждаютъ только распоряженія Петра III относительно передекана монеты, и только въ 1764 году, установляя отношеніе между золотою и серебрянною монетою, указъ говоритъ о пробѣ и вѣсѣ серебрянной рублевой монеты, какъ о существующемъ фактѣ, при чемъ называетъ 72 пробу и вѣсъ 17 р. $6^{2}/_{3}$ к. въ фунтѣ, слѣдовательно чистаго серебра въ рублѣ 4 золотника 21 доля.

---

a) Шторхъ въ своихъ Gemälde считалъ рубли Анны Іоанновны по достоинству равными рублямъ Перта I, выпущенными послѣ 1718 года. Въ курсѣ же политической экономіи аннинскіе рубли онъ оцѣниваетъ не въ 1 р. $15^{1}/_{2}$ коп., а въ 1 р. $22^{1}/_{4}$; послѣдняя оцѣнка по нашему мнѣнію не вѣрна. Шлецеръ говоритъ, что аннинскіе рубли ни на одинъ ассъ не были лучше послѣднихъ петровскихъ рублей. См. Schlözer, стр. 104 и Storch, Cours d'économie politique, т. 4, стр. 298.

Мы не имѣемъ къ сожалѣнію свѣдѣній о состояніи государственныхъ приходовъ и расходовъ въ разсматриваемый нами періодъ; но можно съ увѣренностію предполагать, что постепенное уменьшеніе достоинства монетной единицы находится въ тѣсной связи съ дефицитами казны и вытекало изъ своеобразнаго воззрѣнія на монетную регалію. Правительство съ Петра Великаго удерживало за собою исключительное право производить монету, не въ тѣхъ только видахъ, чтобы обезпечить рынокъ хорошимъ орудіемъ обращенія и масштабомъ для измѣренія цѣнностей, но главнымъ образомъ, въ видахъ извлеченія государственнаго дохода [a]).

Во всѣхъ случаяхъ, когда государство нуждалось въ деньгахъ, монетное дѣло представлялось самымъ прямымъ и самымъ удобнымъ источникомъ. Если было въ запасѣ золото и серебро, — чеканили монету; при недостаткѣ же золота и серебра, старались достать — дома или заграницею, а въ крайнемъ случаѣ, перепечатывали бывшую въ обращеніи серебрянную и золотую монету, оставляя за нею тоже названіе, но уменьшая содержащееся въ ней количество чистаго металла; или же наконецъ прибѣгали къ выпускамъ мѣдной монеты.

Для поддержанія цѣнности монетной единицы употреблялись всѣ средства, извѣстныя тогдашней теоріи и практикѣ: заботились о торговомъ балансѣ, запрещали ввозъ

а) Впрочемъ Петръ Великій писалъ: „монетное дѣло и все что къ оному касается.. когда всякаго сорта о цѣнѣ и величинѣ монетъ случится нужда, тогда надлежитъ совѣтовать съ Комерцъ-Коллегіею и мнѣніе онаго о томъ выслушать, дабы Государю вмѣсто чаемой небольшой пирбыли, большой вреды коммерціямъ не происходило, и подлогами чужихъ націй, непотребными монетами не наполнялось, а старыя бы добрыя монеты изъ государства не вывозили. П. Е. З. томъ 5, № 3466.

русской монеты изъ заграницы, и слѣдили за тѣмъ, чтобы заграничные платежи въ Россію, особенно же таможенныя пошлины, производились хорошею иностранною монетою (ефимками); и наконецъ установляли цѣны не только на золото и серебро внутри страны, но и на другіе предметы.

Что касается заботъ правительства о торговомъ балансѣ, то мы, говоря о торговлѣ, указали на нѣкоторыя мѣры преслѣдованія такого рода цѣли.

Другія же мѣры, которыми поддерживался фискальный характеръ монетнаго дѣла, состояли главнымъ образомъ въ слѣдующемъ.

Правительство старалось изолировать русскій монетный рынокъ отъ иностранныхъ, и вся монета иностранная должна была поступать въ казну, изъ которой выдавались въ замѣнъ русскія деньги. Въ новоторговомъ уставѣ 1665 года было постановлено, чтобы всѣ золотые и ефимки, «привезенные изъза-моря и во всѣхъ порубежныхъ городахъ, отдавъ въ казну Великаго Государя, принявъ у иноземцевъ, а давать за нихъ русскія деньги мелкія — золотой по рублю, а за ефимокъ по полтинѣ, по четырнадцати ефимковъ въ фунтѣ». Если иностранецъ не объявлялъ въ таможнѣ о золотыхъ и ефимкахъ, привезенныхъ имъ, то платилъ пеню, а если тайно довозилъ до Москвы, то деньги отбирались на Государя. У своихъ людей велѣно также отбирать ефимки и золотые, платя имъ по вышеозначенной цѣнѣ.* Эти постановленія подтверждаются цѣлымъ рядомъ указовъ во весь разсматриваемый нами періодъ.

Вывозъ заграницу золота и серебра и привозъ изъ заграницы русской монеты были строго воспрещены [a]).

---

a) „Русскихъ серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ въ Россію не возить, товары продавать иноземцамъ на ихъ деньги, а не на Русскія; также се-

Изолировавши такимъ образомъ русскій рынокъ, правительство какъ до 1718 года, такъ и послѣ предписывало принимать новыя деньги по ихъ нарицательной цѣнѣ.

Весьма естественно, что всѣ эти мѣры, направленныя къ тому, чтобы поднять цѣнность серебра въ монетѣ выше рыночныхъ цѣнъ серебра, не имѣли никакого успѣха, хотя и въ регламентаціи рыночныхъ цѣнъ серебра не было недостатка.

По указу 1722 года мая 11 Мануфактуръ-Коллегія должна была вообще назначать продажныя цѣны изъ фабрикъ въ лавки. Но еще въ 1711 году, при учрежденіи купецкой палаты, для покупки золота и серебра въ казну установлены были казенныя цѣны. Въ томъ же году установлены были три пробы серебра: 1) плавленое чистое серебро безъ примѣси; 2) противъ ефимка въ 82 золотника, и 3) левковое въ 62 золотника въ фунтѣ [b]). Цѣны по пробамъ были назначены слѣдующія: за фунтъ чистаго серебра 13 рублей, за ефимочное 12 рублей и за левковое по 8 руб. 17 алтынъ и 4 деньги. Слѣдооательно золотникъ чистаго серебра смотря по пробѣ оцѣнивался въ $13^{13}/_{24}$ коп., въ $14^{26}/_{41}$ к. и въ $13^{22}/_{31}$ конѣйки. По этимъ цѣнамъ приказано было купецкой палатѣ покупать серебро у частныхъ лицъ; между

ребра въ дѣлѣ и въ лому заграницу не отпускать.“ Указъ 6 апрѣля 1714 г. Такія же распоряженія повторяются и въ слѣдующіе годы. См. Исторія Краткая Россійской торговли Москва, въ типографіи Пономарева 1788 года, стр. 62, 76, 90, а также А. Брикнеръ, матеріалъ для исторіи финансовъ въ Россіи. Пятикопѣечники 1723—1756 г. С. Пб. 1867, стр. 12.

Впрочемъ уже въ 1734 году русскую монету, уходившую заграницу на содержаніе войска и возвращавшуюся обратно въ Россію, дозволено пропускать; только мѣдную монету запрещено было привозить въ Россію. П. С. З. томъ 16, № 11,952.

а) Ламанскій, стр, 73.

тѣмъ въ рублевой монетѣ цѣна золотника серебра равнялась почти 21 копѣйкѣ.

Такой высокій передѣльный доходъ не могъ оставаться долго, такъ какъ цѣны на серебро, не смотря на запрещенія, должны были возвыситься. Петръ I покупалъ у иностранцевъ серебро по значительно высокимъ цѣнамъ. Такъ въ 1712 году въ Архангельскѣ покупали ефимки по 80 коп., а не по 50, какъ прежде. Въ 1718 году, со введеніемъ новой системы, правительство, понизивъ достоинство рубля, согласилось вскорѣ на соразмѣрное возвышеніе цѣны серебра на внутреннихъ рынкахъ: въ 1724 году внутри Россіи за ефимокъ платили уже 80 копѣекъ; а въ Архангельскѣ въ 1720 году принимали ефимокъ въ пошлину по 1 руб. 20 коп. [a]). При преемникахъ Петра Великаго цѣна серебра на внутреннихъ рынкахъ вскорѣ достигла почти монетной цѣны. Такъ въ царствованіе Екатерины I велѣно было принимать на монетныхъ дворахъ отъ приносителей серебро по $18\frac{1}{2}$ копѣекъ, а между тѣмъ секретно заключенъ былъ подрядъ съ компаніею купцовъ о поставкѣ на монетные дворы серебра по 20 копѣекъ золотникъ, но и эта цѣна оказалась низкою, такъ что подрядчики оказались неисправными, и правительство принуждено было продолжить срокъ подряда. При Петрѣ II въ 1729 году велѣно было за серебрянную монету, битую съ 1721 года, платить при выкупѣ на монетныхъ дворахъ по 18 коп. золотникъ. При Аннѣ Іоанновнѣ цѣна серебра для приносителей назначена была сначала по 18 коп. золотникъ; но въ 1732 году ве-

а) П. С. З. томъ 6, № 3748. Ламанскій, Историческій очеркъ денежнаго обращенія въ Россіи съ 1650 по 1817 годъ. Въ Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній о Россіи, изд. статист. отдѣл. Импер. русск. геогр. Общества книжка 11, стр. 74.

лѣно было платить за него не дороже 19 и 19½ коп.; а потомъ цѣна возвысилась опять до 20 коп

По такой цѣнѣ серебра, рублевая монета, по замѣчанію Шлецера, была слишкомъ высокой доброты, и за вычетомъ всѣхъ издержекъ чекана, оставалось только 1 руб. 53 коп. на пудѣ прибыли, — передѣльный доходъ весьма ничтожный, подобный которому найти можно было въ тогдашнее время развѣ только въ одной Англіи. Въ такихъ размѣрахъ передѣльный доходъ оставался до царствованія Екатерины II. Хотя указомъ 1741 года еще пробовали назначить цѣну серебра на монетныхъ дворахъ для приносителей въ 19 коп. золотникъ, но позже въ 1756 году, по случаю выдѣлки прусской монеты, на которой передѣльный доходъ былъ въ началѣ очень великъ, назначена цѣна по 19½ коп. за золотникъ. Наконецъ при Петрѣ III въ 1762 году января 17 назначена цѣна для приносителей 19½ и сверхъ того 10%.

Попытки правительства регулировать рыночныя цѣны серебра въ издѣліяхъ намъ мало извѣстны. Вѣроятно существовали по этому предмету частныя распоряженія, смотря по роду издѣлій изъ золота и серебра; такъ 1735 году выдана была привилегія компанейщикамъ Докучаеву съ товарищами, фабрикантамъ плащенаго и волочонаго золота и серебра, въ которой предписано, чтобы фабриканты свыше тогдашней указной цѣны, 18 коп. золотникъ, чистаго серебра, не покупали; въ случаѣ недостатка, они могли брать серебро на монетномъ дворѣ по передѣльной цѣнѣ, т. е. по $20^{32}/_{96}$ копѣйки; товаръ же свой должны были продавать въ ряды по 25 коп. золотникъ. Мы видимъ, что казна, предписывая покупать серебро по 18 коп. золотникъ, сама въ то же время платила по 19 и 19½ коп. Неудивительно, что иностранная

---

a) Schlözer. стр. 211. Шодуаръ, собр. изобр. таблицы 6 и 7.

монета сначала приносилась обыкновенно частными лицами на монетные дворы, а потомъ, не смотря на запрещенія, ее начали сплавлять и продавать фабрикантамъ.

Количество крупной серебрянной монеты, выпущенное монетными дворами въ теченіе всего разсматриваемаго нами періода, было довольно велико.

Нѣтъ точныхъ свѣдѣній о количествѣ рублей и полтинъ (перепечатанныхъ ефимковъ), выпущенныхъ Петромъ Великимъ до 1718 года. Впрочемъ, основываясь на числовыхъ данныхъ, сообщаемыхъ Шлецеромъ и Шодуаромъ, можно предполагать, что количество крупной серебрянной монеты могло простираться всего до пяти милліоновъ рублей. Отъ 1718 и до 1731 года, какъ при Петрѣ Великомъ, такъ и при его преемникахъ, мелкой серебрянной монеты выпускали мало, а чеканили по преимуществу рубли и полтины. По этому всю сумму, выпущенной въ это время серебрянной монеты, можно считать въ рубляхъ и полтинахъ. По таблицѣ Шодуара отъ 1718 до 1725 года выпущено болѣе 5,2 милліоновъ рублей, а съ 1725 по 1731 годъ болѣе 3,4 рублей серебрянной монеты; слѣдовательно до передѣла монеты въ 1731 году выпущено рублями и полтинами новой системы до 8 милліоновъ рублей. Съ 1731 г. и по 1762 годъ мы имѣемъ болѣе точныя данныя о количествѣ рублей и полтинъ, выпущенныхъ изъ монетныхъ дворовъ. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Шлецеромъ, отъ 1731 до 1741 года выпущено серебрянной монеты на сумму 21,134,919½ почти исключительно крупною монетою. Для послѣднихъ же десятилѣтій мы находимъ свѣдѣнія у Шодуара, изъ которыхъ видно, что съ 1742 по 1751 годъ выпущено рублей и полтинъ на 10,2 мил. рублей, а съ 1752 по 1761 годъ до 14,9 мил.

---

a) Schlözer, Beylag. стр. 95.

рублей. И такъ отъ введенія новой монетной системы въ 1718 году и до 1762 года выпущено изъ монетныхъ дворовъ въ народное обращеніе рублей и полтинъ на сумму болѣе $55,_2$ милліоновъ, а со времени перечекана 1731 года и до вступленія на престолъ Петра III выпущено 45 милліоновъ рублей.

В) *Золотая монета.*

При Петрѣ Великомъ золотая монета впервые введена въ русскую монетную систему въ 1718 году. До этого времени, съ 1701 года, велѣно было бить червонцы 92½ пробы, по 117 и 118 въ фунтѣ противъ голландскихъ, хотя нѣсколько хуже по достоинству. Съ 1703 года, по Витворту, били червонцы изъ китайскаго неочищеннаго золота, еще худшаго достоинства. Нѣсколько позже, именно въ 1711 году велѣно было дѣлать червонцы также и противъ имперскихъ: 94½ пробы и по 118 и 119 въ фунтѣ, наконецъ по указу 1712 года ограничились выдѣлкою только послѣднихъ. Въ 1714 году, кромѣ простыхъ червонцевъ дѣлали также и двойные [a]).

Вся эта монета предназначалась вѣроятно для заграничныхъ платежей и не входила въ русскую монетную систему. Можетъ быть на этомъ основаніи правительство, перепечатывая ефимки въ рубли, не считало нужнымъ опредѣлять курсъ своей золотой монеты. Указы прошлыхъ годовъ, которыми за иностранный золотой назначалась цѣна по рублю, не были отмѣнены [b]); новыхъ указовъ о цѣнѣ

---

a) Шодуаръ, томъ 1 стр. 148 и Schlözer, стр. 46.

b) П. С. З. томъ 3, 1681 п. 4 и п. 48 на золотые добрые угорскаго чистаго золота противъ прежнихъ добрыхъ золотыхъ.... противъ московской гирьки во 100 золотыхъ по 83 золотника, а цѣною по рублю золотой.

русскихъ червонцевъ на новые рубли, достоинствомъ на половину худшіе, не было; по этому отношеніе между золотомъ и серебромъ на внутреннихъ рынкахъ должно было установиться какъ 1 : 7½, такъ какъ золотникъ золота въ монетѣ по прежней казенной цѣнѣ равнялся почти 1 руб. 25 коп., а золотникъ серебра въ рубляхъ 1704 — 1718 годъ (перепечатанные ефимки) равнялся по цѣнѣ почти 17½ коп. Между тѣмъ само правительство въ 1711 году покупало золото на ярмаркахъ по 1 руб. 80 коп. золотникъ, а въ 1712 году по 1 руб. 90 коп. [a]).

Если и при такихъ условіяхъ казна находила возможнымъ допускать въ обращеніе внутри государства золотую монету, не измѣняя прежняго законнаго курса, то позднѣйшее болѣе правильное опредѣленіе отношенія между золотою и серебрянною монетою, хотя все еще малое сравнительно съ другими европейскими рынками, должно было вызвать затрудненія въ обращеніи и повліять на дальнѣйшее значеніе золотой монеты на нашемъ рынкѣ.

Въ 1718 году впервые введена была въ русскую монетную систему золотая монета, — сдѣланы были двухърублевики, такъ называемые андреевскіе, 75 пробы по 100 въ фунтѣ. Слѣдовательно отношеніе между золотомъ и серебромъ сразу установлено почти какъ 1 : 12½, считая золотникъ золота въ 2 руб. 66⅔ коп., а золотникъ серебра въ новой монетной единицѣ въ 21 копѣйку. Въ 1723 году уже сама казна платила за золотникъ золота по 2 р. 60 коп. [b]).

Мы видимъ, что и съ новою монетною системою отно-

а) П. С. З. томъ 4, № 2378. „А золото на Москвѣ и на ярмаркахъ покупать по рублю по 26 алтынъ по 4 деньги и по рублю 23 алтына по 2 деньги золотникъ — смотря по золоту. См. также П. С. З. томъ 4, № 2393 о цѣнѣ китайскаго золота у Архангельска; также см. Ламанскій, стр. 74

b) Ламанскій, стр. 74.

шеніе цѣнности золота къ серебру въ монетѣ было опредѣлено сравнительно весьма низко; не говоря уже объ Англіи, гдѣ, какъ мы видѣли, существовало отношеніе 1 : 15, ни одинъ европейскій рынокъ не представлялъ ничего подобнаго. И не смотря однако же на это, на русскомъ рынкѣ, быстрый переходъ отъ отношенія 1 : 7½ на 1 : 12½ вызвалъ недовѣріе къ новой монетѣ и потребовалось особое подтвержденіе о свободномъ обращеніи ея въ народѣ [a]). Недовѣріе было тѣмъ болѣе естественно, что на рынкѣ существовали одновременно два и даже болѣе отношенія цѣнности золота къ серебру, такъ какъ старое не было уничтожено [b]).

Неизвѣстно, какое значеніе Петръ Великій хотѣлъ дать золотой монетѣ въ своей новой монетной системѣ; но уже одна низкая оцѣнка золота должна была повести къ утвержденію серебряной единицы въ Россіи, какъ въ Англіи, вслѣдствіе высокой оцѣнки золота, пришли къ золотой [c]).

При преемникахъ Петра Великаго продолжали бить золотую монету какъ червонцы (противъ голландскихъ и имперскихъ), такъ и андреевскіе двухрублевики. Покупная цѣна золота на монетные дворы назначена была по 2 руб. 60 коп. золотникъ. Такъ было при Екатеринѣ I и при Петрѣ II [d]).

---

a) См. Шодуаръ, стр. 150.

b) Съ пониженіемъ достоинства рубля въ 1718 году дѣйствительно должно было существовать на рынкѣ четыре отношенія золота къ серебру въ монетѣ: въ старыхъ червонцахъ и рубляхъ (перепечатанныхъ изъ ефимковъ) существовало одно отношеніе; въ старыхъ червонцахъ и новыхъ рубляхъ съ 1718 года — другое; въ андреевскихъ червонцахъ и старыхъ и новыхъ рубляхъ должно было быть также два различныя отношенія золота къ серебру.

c) Петръ велѣлъ также чеканить и золотые рубли. Шодуаръ считаетъ ихъ медальонами; указъ въ которомъ говорится о нихъ не вполнѣ ясенъ, см. П. С. З. № 3347.

d) Шодуаръ, стр. 151.

При Аннѣ Іоанновнѣ являются новыя распоряженія относительно золотой монеты. Главнымъ руководителемъ монетнаго дѣла въ это царствованіе былъ директоръ монетнаго двора Баронъ Минихъ. По его представленію была опредѣлена цѣна червонцевъ битыхъ противъ голландскихъ въ 2 руб. 20 коп., и закономъ установлено отношеніе золота къ серебру какъ 1 : 14; это отношеніе впрочемъ существовало только по казеннымъ цѣнамъ золота и серебра на монетныхъ дворахъ, но по передѣльной цѣнѣ этого отношенія не выходило; да и въ покупныхъ цѣнахъ должны были сдѣлать значительныя перемѣны, такъ какъ отношеніе 1 : 14 не могло удержаться. Сначала цѣна золоту назначена была 2 р. 52 коп. золотникъ, но такъ какъ приносителей не было, то цѣна тайно возвышена до 2 руб. 65 коп. Андреевскихъ двухрублевиковъ очевидно нельзя было дѣлать по прежнимъ пробѣ и вѣсу, а потому ихъ въ это царствованіе совсѣмъ не чеканили [a]). Не смотря на всѣ эти мѣры, золотая монета не могла получить важнаго значенія на нашемъ рынкѣ; при низкой оцѣнкѣ золота въ монетѣ, покупка металла и чеканъ обходились правительству дорого, да и не могли получить значительныхъ размѣровъ, потому что золотая монета на рынкѣ ходила выше казеннаго курса [b]).

Въ 1741 году 14 марта Минихъ подалъ докладъ Сенату, изъ котораго видно, что было въ то время предположеніе возвысить отношеніе между золотомъ и серебромъ въ монетѣ. Для этого слѣдовало перечеканить всѣ червонцы въ низшую пробу. Самъ Минихъ былъ противъ этой мѣры, указывая на то, что изъза-границы иностранцы будутъ привозить поддѣльные. Съ своей стороны Минихъ совѣтовалъ че-

---

a) Schlözer, стр. 103 и въ особенности Beylagen, стр. 74—96.

b) Шодуаръ, томъ 1, стр. 153, а также Schlözer, стр. 135.

канить червонцы всѣ по одной системѣ и перечеканить всѣ двухрублевики, такъ какъ золото въ нихъ было слишкомъ низко оцѣнено. Всѣ проекты Миниха въ царствованіе Елисаветы Петровны не имѣли успѣха. До 1754 года продолжали бить червонцы противъ голландскихъ, но не былъ опредѣленъ ихъ курсъ. Только въ 1754 году 6 мая велѣно было всѣ червонцы, печатанные съ 1701 года, принимать по 2 руб. 30 коп., исключая двухрублевики, которые должны были ходить по своей нарицательной цѣнѣ. Правительство угрожало даже конфискаціею тому, кто будетъ возвышать цѣну золотой монеты. Цѣна золоту на монетныхъ дворахъ для приносителей назначена была въ 2 руб. 60 коп. золотникъ [a]).

Распоряженія эти не измѣняли существа дѣла; по этому въ слѣдующемъ 1755 году 12 ноября, по плану новаго директора монетнаго двора Графа Шувалова, предположено было привести золотую монету въ однообразную систему. Рѣшено было: 1) чеканить имперіалы въ 10 рублей и полуимперіалы въ 5 рублей, 88 пробы, вѣсомъ имперіалъ въ $3^{85}/_{96}$ золотника, а полуимперіалъ въ $1^{90}/_{96}$ зол. лигатурнаго золота; 2) всѣмъ червонцамъ, битымъ противъ голландскихъ и имперскихъ, ходить по 2 руб. 25 коп.; слѣдовательно на 5 копѣекъ меньше, чѣмъ въ предшествовавшемъ году; наконецъ въ 3) всѣ андреевскіе двухрублевики, чеканенные съ 1718 по 1730 годъ, изъять изъ обращенія и перепечатать въ имперіалы. Этими мѣрами дѣйствительно вся золотая монета введена была въ общую русскую монетную систему; но по отношенію къ серебрянной монетѣ золото по прежнему

a) Указомъ 1754 года мая 2 предписано было, чтобы на рынкахъ не возвышали цѣны на золотую монету подъ опасеніемъ конфискаціи. Шодуаръ томъ 1, стр. 153. Ламанскій говоритъ, что курсъ золотой монеты былъ постоянно выше назначенной ему цѣны, стр. 87.

было низко оцѣнено. Въ импер:алахъ по Шлецеру, отношеніе было какъ 1 : 13_{402}, а въ курсѣ червонцевъ, сдѣланныхъ по образцу голландскихъ, почти какъ 1 : 13¾. Такое отношеніе цѣнности золота къ серебру въ монетѣ продолжало существовать до Екатерины II безъ замѣтныхъ измѣненій и только въ 1764 году оно установлено какъ 1 : 15. Впрочемъ при Петрѣ III было распоряженіе опять чеканить червонцы противъ голландскихъ и цѣна имъ назначена по 2 р. 45 к. [a]).

Основываясь на словахъ Миниха въ его докладѣ Сенату въ 1741 году, золотая монета, при дороговизнѣ выдѣлки ея, получила спеціальное назначеніе для частныхъ расходовъ Императрицы, и потому держалась преимущественно при дворѣ. Въ 1756 году при дворѣ даже мелкая серебрянная монета была изгнана изъ употребленія; въ этомъ именно году велѣно было чеканить золотые двухрублевики, рубли, полтины и даже четвертаки пробою и вѣсомъ почти противъ имперіаловъ [b]).

Въ монетной же системѣ и народномъ обращеніи золото не могло получить значенія. Золотая монета ходила всегда выше законнаго курса, и скорѣе другой монеты могла уходить заграницу, гдѣ для нея особенно въ Англіи былъ болѣе выгодный рынокъ.

Главною причиною такого явленія слѣдуетъ считать низкій курсъ золотой монеты, установленный закономъ, и существовавшій въ теченіе всего разсматриваемаго нами времени. Не говоря уже объ Англіи, гдѣ, какъ мы видѣли, существовало отношеніе между золотомъ и серебромъ какъ

---

a) По азіятскому тарифу, изданному въ 1761 году, чистое золото принималось при платежѣ пошлинъ по 2 руб. 75 коп. золотникъ, а серебро 19½ коп. золотникъ, см. Семеновъ, томъ 1, стр. 171.

b) Шодуаръ, томъ 1, стр. 153.

1 : 15, и другія страны Европы представляли болѣе высокую цѣнность золота. Сравнивая цѣнность золота по гамбургскому биржевому листку и опредѣленія нашего монетнаго устава, увидимъ весьма значительное отклоненіе.

	Гамбургъ.	Россія.		Гамбургъ.	Россія.
1700	$14,_{80}$	14	1730	$14,_{82}$	$13^1/_2$
1710	$15,_{23}$	$7^1/_2$	1740	$14,_{48}$	$13^1/_2$
1720	$15,_{06}$	$12^1/_2$	1750	$14,_{47}$	$13^3/_4$

Нормальное отношеніе между цѣнностію золота и серебра для начала столѣтія 1 : $14,_{96}$ и для конца 1 : $15,_{42}$ (по Гельфериху) представляетъ также далеко высшую оцѣнку золота.

Неудивительно, что золотая монета въ Россіи не могла держаться въ обращеніи и что ее должно было находиться на рынкѣ незначительное количество. Въ 1744 году, на проэктъ ассесора монетной канцеляріи Шлатера замѣнить мѣдную монету золотою, Сенатъ отвѣчалъ: «не малая польза была бы, ежели бы вмѣсто мѣдной тяжелой ходила легкая золотая монета, но какъ такой суммы золота (умалчивая уже о не достаткѣ казенной суммы) достать нельзя, а здѣсь въ Россіи и малаго числа золота и червонныхъ золотыхъ сыскать нельзя».... [a]).

Чеканъ золотой монеты обходился правительству дорого, такъ какъ золото приходилось покупать заграницею, и выпуски золотой монеты изъ монетныхъ дворовъ были незначительны. По Шторху выпущено золотой монеты за все разсматриваемое нами время до $3,_4$ милл. рублей, а по таблицамъ Шодуара выходитъ всего $2,_8$ милліоновъ рублей.

---

a) Ламанскій, стр. 107.

a) Storch, Cours d'économie politique, томъ 4, стр. 299. Шторхъ оцѣниваетъ на нынѣшнюю монетную единицу. Шодуаръ собр. изображеній табл. 5.

C) *Мелкая серебряная монета.*

Новая монетная единица, введенная Петромъ Великимъ, была слишкомъ велика для тогдашняго рынка, чтобы занять на немъ мѣсто главной торговой монеты. Торговля удовлетворялась еще старыми копѣйками, а потребность въ болѣе крупной монетѣ чувствовало развѣ одно правительство. Если главная монета должна соотвѣтствовать средней покупкѣ, то переходъ отъ копѣекъ къ рублевой монетѣ долженъ былъ необходимо вызвать затрудненія на рынкѣ. Хотя старыя копѣйки были вдвое и даже втрое выше новыхъ по достоинству, но переходъ все таки былъ рѣзокъ въ тогдашнемъ натуральномъ хозяйствѣ. По существующимъ въ то время цѣнамъ на первые потребности можно судить, что средняя покупка была далеко меньше рубля; денежные налоги начали развиваться только съ этого времени и въ отдѣльныхъ платежныхъ доляхъ были также меньше рубля; большая часть торговыхъ оборотовъ производилась путемъ непосредственной мѣны и повинности государственныя, земскія и частныя отбывались преимущественно также натурою. Монета на рынкѣ больше служила для сбереженія и накопленія капиталовъ, чѣмъ для обращенія; при отсутствіи же средняго класса, при господствѣ крѣпостнаго права, сбереженія въ низшемъ классѣ населенія должны были быть весьма малы, такъ что и въ этомъ случаѣ рублевая монета была очень велика.

Всѣ эти причины должны были вызывать потребность въ болѣе мелкомъ дѣленіи монетной единицы и въ размѣнной монетѣ.

Существовавшія въ обращеніи старыя копѣйки предстояло изъять изъ обращенія, при введеніи новой монетной единицы.

Нельзя опредѣлить, какое количество старыхъ копѣекъ оставалось въ народѣ отъ прежнихъ столѣтій. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ видно, что съ 1664 по 1703 годъ выпущено серебрянныхъ копѣекъ изъ монетныхъ дворовъ 26,302,691 рубль 33 коп., независимо отъ выдѣлки частными лицами. Потомъ отъ 1703 до 1712 года выпущено было еще 4,420,708 руб. 50 коп. мелкой монеты. Неизвѣстно, какое количество изъ этой послѣдней суммы выпущено копѣйками. Но вообще казна считала все количество старыхъ копѣекъ выпущенныхъ съ 1664 г. въ 30,723,399 р. 84 копѣйки [a]. Уже съ 1711 года перестали дѣлать серебрянныя копѣйки и денежки, а мѣсто ихъ стали заступать мало-по-малу мѣдная монета. Въ этомъ же году явилась мелкая серебрянная монета 70 пробы, но въ слѣдующіе годы выпуски ея были ограничены и чеканили главнымъ образомъ крупную монету [b]. Послѣ Нарвской битвы, Петръ велѣлъ чеканить полтины, равнявшіяся по мнѣнію Шодуара полуталеру; чеканили также полуполтины или четвертаки, гривенники, пятаки и алтыны изъ ефимковъ, одновременно съ перепечаткою ефимковъ въ рубли [c].

Большая часть мелкой серебрянной монеты, выпущенной до 1732 года, была высокопробная и полновѣсная; при введеніи новой монетной системы, нужно было перепечатать и замѣнить всю массу, обращавшихся въ народѣ, старыхъ серебрянныхъ копѣекъ и высокопробной мелкой монеты новою, подходящею подъ новую монетную единицу.

Казна должна была получить отъ передѣлки монеты въ новую систему значительный доходъ, и правительство рев-

---

a) Schlözer Beylag. стр. 99.

b) П. С. З. томъ 4, № 2359, № 2444, томъ 5, № 2850.

c) Шодуаръ, томъ 1, стр. 164 и слѣд.

ностно заботилось о вымѣнѣ старыхъ копѣекъ; но публика не охотно разставалась съ хорошею монетою, такъ что вымѣнъ шелъ весьма плохо и, какъ извѣстно, продолжался почти во весь разсматриваемый нами періодъ.

Провести строго монетную систему 1718 года, особенно въ размѣнной монетѣ, правительство не могло. Между тѣмъ, новые выпуски низкопробной мелкой серебрянной монеты, при постоянныхъ перемѣнахъ въ вѣсѣ и пробѣ, иногда весьма низкой, при обнаружившихся поддѣлкахъ и порчѣ, повели къ тому, что на рынкахъ ходила въ одно и тоже время мелкая монета самыхъ разнообразныхъ достоинствъ. Неудивительно, что старыя копѣйки и вообще мелкая высокопробная монета, бывшая не только лучшею монетою, сравнительно съ новыми размѣнными деньгами, но и превосходившая по достоинству почти вдвое монетную единицу, при вынужденномъ низкомъ курсѣ сдѣлалась предметомъ спекуляціи и изъ монеты превратилась въ товаръ, который вывозили, переплавляли, прятали и вообще устраняли изъ обращеніи.

Новая же низкопробная размѣнная монета, не смотря на желаніе правительства, при незначительности выпусковъ, не могла вполнѣ удовлетворить потребности въ размѣнной монетѣ, такъ что мѣдныя деньги, выпущенныя сначала только въ полушкахъ, начали мало-по-малу, при усилившихся выпускахъ, получать значеніе главной размѣнной монеты и постепенно являлись въ монетахъ, представлявшихъ все большія и большія части монетной единицы.

По первоначальному плану 1718 года, какъ мы видѣли, размѣнная монета должна была состоять, кромѣ гривенниковъ 70 пробы, составлявшихъ $1/_{10}$ часть монетной единицы, изъ алтыновъ и копѣекъ 38 пробы (биліона). Серебрянныя копѣйки чеканили кажется только въ 1717 году, а алтыны

также перестали дѣлать уже съ 1721 года. Къ концу царствованія Петра Великаго серебрянными монетами меньше рубля оставались только полтины и гривенники, какъ части монетной единицы; кредитная же размѣнная монета состояла изъ мѣди [a]).

При преемникахъ Петра Великаго попытки ввести снова серебряную размѣнную монету были неудачны. Такъ, при Екатеринѣ I сначала чеканили, не только гривенники, но и алтынники; но съ 1726 года перестали дѣлать алтынники, и выпустили въ значительномъ количествѣ низкопробные гривенники 42 пробы (худая гривна Меньшикова); въ слѣдующемъ же году, при Петрѣ II, гривенники эти изъяты были изъ обращенія. Какъ при Екатеринѣ I, такъ и при Петрѣ II, начали было чеканить четвертаки, но выпущено ихъ незначительное количество [b]).

При Аннѣ Іоановнѣ указомъ 1731 года, которымъ измѣнена проба монетной единицы, велѣно бить, не только рубли и полтины, но также гривенники и пятикопѣечники 77 пробы. Гривенниковъ и пятикопѣечниковъ предполагалось выпустить на милліонъ рублей, причемъ казна должна была получить самый незначительный передѣльный доходъ; но дѣйствительно выпущено было въ обращеніе не болѣе 70,000 р., и такъ какъ эта новая монета, гривенники по преимуществу, была очень похожа по внѣшнему виду на старую низкопробную, то ихъ велѣно было перепечатать, — изъ 70,000 р. возвратилось для перепечатки всего 31,619 рублей. Хотя при Аннѣ Іоанновнѣ отъ 1731 до 1741 года сдѣланъ былъ

a) Гривенники чеканили впрочемъ низкой пробы; четвертаки перестали чеканить съ 1713 г. См. Шодуаръ, томъ 1, стр. 162 и слѣд. и Schlözer, стр. 42, 43 и слѣд. Съ прекращеніемъ чекана алтыновъ, гривенники начали выпускать низкой пробы.

b) Шодуаръ, томъ 1, стр. 171 и 172.

большой перечеканъ крупной монеты, но мелкой выпущено было мало [a]).

При Елисаветѣ Петровнѣ велѣно было при денежныхъ передѣлахъ дѣлать пятую часть гривенниковъ и полуполтинниковъ, а съ 1756 года велѣно чеканить и серебрянные пятикопѣечники, но по случаю войны, само правительство нуждалось больше въ крупной монетѣ, и потому мелкой сдѣлано было мало [b]).

Наконецъ, при Петрѣ III велѣно было возвратить на монетный дворъ всю серебрянную монету, выпущенную съ 1700 года, и привести ее въ слѣдующіе четыре вида: рубли, полтины, двугривенники и пятиалтынники [c]).

Какъ постепенно выходила изъ обращенія мелкая серебрянная монета, и какъ ничтожно было количество ея въ обращеніи съ 1731 года, можно видѣть изъ слѣдующихъ, хотя не полныхъ, но достовѣрныхъ числовыхъ данныхъ.

Мы уже сказали, что съ 1664 по 1712 годъ выпущено было въ народное обращеніе всего до 30,723,399 руб. копѣйками и другою мелкою монетою. Эти деньги вмѣстѣ съ мѣдною монетою составляли главный запасъ размѣнной монеты. Правительство, выпуская новую серебрянную мелкую монету, не только не увеличивало сказаннаго запаса, но и постоянно уменьшало его.

Такъ, еще при Петрѣ I въ 1701 году велѣно было «чтобы люди всякихъ чиновъ несли старыя деньги на денежный дворъ, а имъ на тѣ деньги наддачи будетъ 10 коп.». Съ учрежденіемъ купецкой палаты въ 1711 году, для покупки золота, серебра и мѣди на монетные дворы, начи-

a) Schlözer, стр. 105, 106 и 107.
b) Ламанскій, стр. 103.
c) Шодуаръ, стр. 179.

наются постоянные выкупы старой монеты [a]). Не можетъ быть сомнѣнія также и въ томъ, что всѣ мелкія серебряныя деньги прежней системы, поступавшія въ казну при взносѣ податей, не выпускались уже больше въ обращеніе.

Указомъ 1729 года велѣно было выкупить всю монету, битую до 1721 года, но только при Аннѣ Іоанновнѣ выкупъ старой мелкой монеты получаетъ большіе размѣры. Въ 1731 году выкупъ старыхъ денегъ отданъ былъ по подряду Карикалову съ товарищами, при чемъ назначены выкупныя цѣны старой монеты. Подрядчики обязались выбить изъ мелкой монеты полурубли 77 пробы и дать казнѣ пользы на каждый пудъ по 1 руб. 83 коп. По 1733 годъ подрядчики выкупили болѣе, чѣмъ на 4½ милліона рублей, но казна отобрала у подрядчиковъ весь доходъ, полученный ими, и передала подрядъ другимъ лицамъ — Дудыреву съ товарищами. До 1741 года выкуплено было еще болѣе, чѣмъ на 4 милл., такъ что въ теченіе 10 лѣтъ около 8,674,608 руб. мелкой монеты обращено было въ рубли и полтины. Правительство впрочемъ находило операцію выкупа не оконченною и въ 1741 году считало 17 милліоновъ старой мелкой монеты, остававшимися еще въ народномъ обращеніи и продолжало заботиться о выкупѣ. Въ 1754 году считалось уже мелкой старой монеты, подлежащей выкупу, 11,600,000 и еще въ 1757 году назначенъ былъ двухгодичный срокъ, для взноса на монетный дворъ старыхъ серебрянныхъ копѣекъ, подъ опасеніемъ конфискаціи. Наконецъ, при Петрѣ III является вышеупомянутое распоряженіе о выкупѣ вообще всей старой монеты, битой съ 1700 года [b]).

Нужно удивляться тому, что при выкупѣ монеты, су-

---

a) Брикнеръ, стр. 7.

b) Schlözer, стр. 106 и 107.

ществовавшей на рынкѣ болѣе 60 лѣтъ, изъ тридцати миллiоновъ рублей правительство недосчитывало всего 11 миллiоновъ, а успѣло выкупить и перечеканить до 20 милл., тогда какъ переплавъ, даже противъ монетной единицы, представлялъ барышъ иногда больше 25%. Между тѣмъ, достовѣрно извѣстно, что и частныя лица, не смотря на строжайшiя запрещенiя правительства, спекулировали на переплавѣ старой мелкой монеты.

Въ мнѣнiи Демидова, поданномъ Сенату въ 1744 году, говорится: «самыя тяжеловѣсныя деньги дѣланы по 7,206 (1698) годъ по 8 и по 10 рублей изъ фунта, а потомъ уже по 14 и по 15 рублей изъ фунта, и тогда же какъ въ народѣ примѣчено, что новыя деньги легче старыхъ, то, какъ во всемъ государствѣ всѣмъ извѣстно, съ 1700 года въ рядахъ и въ торговыхъ лавкахъ почали деньги разбирать, и старыя отъ новыхъ отдѣлять, сдѣланными деревянными нарочно для того машинами, и отобравъ старыя, продавали какъ другой товаръ въ рядахъ, а паче въ серебрянныхъ, съ прибылью по 10 коп. и больше на рубль, которые употребляемы были во всякiя серебрянныя работы, а запрещенiе въ томъ учинено уже въ 1721 году первое, и такъ слишкомъ черезъ 20 лѣтъ старыя и всякiя тяжеловѣсныя отбирали и сливали, въ тоже время и мѣдныя копѣйки, денежки и полушки уже сдѣланы были, то безъ сомнѣнiя всѣ старыя и новыя тяжеловѣсныя внутрь государства сплавлены и во всякiя вещи передѣланы и на мѣдным проданы и изъ государства вывезены, а сiе не въ одной Москвѣ, но и во всемъ государствѣ было [a]).

Изъ этого видно, что частныя лица и само правительство весьма дѣятельно уменьшали количество старой мелкой

а) А. Брикнеръ, Пятикопѣечники 1723—1756 гг. стр. 17 и 18.

монеты на рынкѣ. Между тѣмъ, выпуски новой размѣнной монеты были ничтожны, потому что выкупленная старая обыкновенно передѣлывалась въ полтины и рубли.

Къ сожалѣнію, нѣтъ точныхъ свѣдѣній о количествѣ мелкой серебрянной монеты, выпущенной съ 1712 и особенно съ 1718 г. Во всякомъ случаѣ количество было сравнительно весьма незначительное, и главные выпуски были только при Аннѣ и Елисаветѣ [b]). Въ 1755 году монетная канцелярія доносила Сенату, что въ народномъ обращеніи по ея счету, кромѣ старыхъ мелкихъ денегъ, находилось на 815,645 руб. полуполтинниковъ и на 959,824 рубля гривенниковъ. Сюда не включена только мелкая серебрянная монета (гривенники, алтыны и копѣйки), выпущенная въ первые годы новой монетной системы. Послѣ 1755 до 1762 года выпущено было серебрянныхъ пятикопѣечниковъ около 500,000 да четвертаковъ и гривенниковъ около 300,000 руб.

Такимъ образомъ, новая мелкая серебрянная монета, хотя и продолжала держаться въ народномъ обращеніи, но количество ея было слишкомъ ничтожно, чтобы удовлетворить спросу на размѣнную монету.

При существованіи старой мелкой монеты, обратившейся въ контрабандный товаръ, благодаря вынужденному курсу, новая монета, часто низкопробная, если и не могла причи-

---

а) При Аннѣ Іоанновнѣ, хотя и предполагалось выбить милліонъ мелкой монеты, но выпущено было всего 70 тысячъ рублей, такъ говоритъ Шлецеръ. При Елисаветѣ Петровнѣ, основываясь на таблицахъ Шодуара, выпуски мелкой монеты представляли слѣдующія цифры: съ 1742 по 1761 годъ выпущено четвертаковъ 1,663,669 р. 50 коп.; гривенниковъ 1,338,465 р. 60 коп. и пятаковъ 505,144 руб. 70 коп., итого 3,507,279 руб. 80 коп. Главные выпуски сдѣланы были въ первое десятилѣтіе; съ 1742 по 1751 годъ выпущено четвертаковъ 928,861 руб. 25 коп., гривенниковъ 1,058,005 руб. 60 коп. См. Шодуаръ, соб. изображ. таблицы 7.

нять особыхъ затрудненій на рынкѣ, то была во всякомъ случаѣ излишнею, такъ какъ мѣдная монета, по мѣрѣ уменьшенія старой серебрянной, все болѣе и болѣе дѣлалась главною размѣнною монетою и лучше другой соотвѣтствовала требованіямъ тогдашняго рынка.

D) *Мѣдная монета.*

Чеканъ мѣдной монеты доставлялъ правительству самый большой передѣльный доходъ и представлялъ легчайшій способъ бороться съ дефицитами и чрезвычайными расходами; но опытъ прошлаго столѣтія былъ еще у всѣхъ на памяти, и потому введеніе мѣдныхъ денегъ въ народное обращеніе должно было происходить медленно и осторожно.

Поводомъ къ введенію мѣдной монеты были выпуски крупной монеты и оказавшійся недостатокъ въ монетѣ размѣнной.

Въ 1700 году въ нѣкорыхъ мѣстностяхъ Россіи «за скудостію денежекъ на размѣну въ мелкихъ торгахъ пересѣкаютъ серебрянныя копѣйки на двое и на трое», — а въ Калугѣ начали торговать кожаными жеребьями; на этомъ основаніи «Великій Государь указалъ дѣлать мѣдныя денежки, полушки и полуполушки»; при чемъ велѣно мѣнять безъ прибавки копѣйку серебрянную на 2 денежки, 4 полушки и 8 полуполушекъ [a]). Впрочемъ полуполушекъ выбито было только нѣсколько для пробы [b]). Хотя въ обращеніи были и серебрянныя денежки, и имъ велѣно ходить на равнѣ съ мѣдными, но само правительство уже не выпускало въ обращеніе серебрянныхъ денежекъ, попадавшихъ въ его кассы, а потому они зскорѣ исчезли на рынкѣ.

---

a) П. С. З. томъ 4, № 1776.

b) Шодуаръ, стр. 102, томъ 1.

Въ 1704 году выпущены въ первый разъ мѣдныя копѣйки. Копѣйки труднѣе было провести въ народное обращеніе, такъ какъ они, не столько были размѣнною монетою, сколько представительнымъ знакомъ монетной единицы, которая была еще въ большемъ количествѣ на рынкѣ, и слѣдовательно должны были ходить на равнѣ съ серебрянными копѣйками. Правительство понимало это и вводило мѣдныя копѣйки весьма осторожно. Впрочемъ въ 1706 году велѣно было $^1/_{10}$ часть жалованья въ Москвѣ выдать мѣдными деньгами, казна же въ платежахъ принимала мѣдными деньгами только $^1/_{15}$ долю. Въ 1714 году велѣно въ полки посылать жалованье и на расходъ въ разныя присутственныя мѣста двѣ трети серебромъ, а одну треть мѣдью [a]) Только подъ 1712 годомъ находимъ одинъ указъ, подтверждающій приказаніе о свободномъ хожденіи мѣдной монеты [b]). Между тѣмъ, какъ до этого времени и послѣ правительство сдѣлало уже значительныя выпуски мѣди. Въ 1713 году выпущено было на полмилліона рублей, а также велѣно было чеканить «сверхъ заводныхъ денегъ прибыльныхъ по 200,000 р. въ. годъ» [c]). Вообще же съ 1704 по 1718 годъ выпущено было на 2,273,602 руб. мѣдныхъ денегъ изъ 115,398 пуд· мѣди [d]). Нѣтъ свѣдѣній о томъ, на какую сумму выпущено было мѣдныхъ денежекъ и полушекъ съ 1700 по 1704 годъ, но сумма эта не могла быть значительна. Въ 1714 году находимъ указъ, въ которомъ говорится, что «мѣдныхъ денегъ не дѣлать больше», но трудно рѣшить, имѣетъ ли этотъ указъ общее или частное значеніе [e]), такъ какъ нѣтъ точ-

---

a) См. А. Брикнеръ. Пятикопѣечники, стр. 20 и 21.
b) П. С. З. томъ 4, № 2553.
c) П. С. З. томъ 5, № 2672.
d) Шодуаръ, томъ 1, стр. 198.
e) П. С. З. томъ 5, № 2762.

ныхъ свѣдѣній о мѣдной монетѣ, выпущенной 1714 по 1718 годъ. Вѣрнѣе всего слѣдуетъ предполагать, что этимъ указомъ прекращена выдѣлка не вообще денегъ, а денежекъ.

Въ этотъ первый періодъ выпуска мѣдныхъ денегъ, мѣдная монета была довольно тяжеловѣсна. Денежки и полушки 1700 года чеканились по 12 руб. 80 коп. изъ пуда. Въ 1702 и 1703 гг. дѣлали ихъ по 13 руб. 40 коп. изъ пуда, а съ 1704 по 1718 годъ копѣйки, денежки и полушки по 20 руб. изъ пуда [a]).

Грубость чекана и самая тяжеловѣсность монеты облегчали поддѣлку. Не смотря на строгость наказаній за выдѣлку фальшивой монеты, вскорѣ по выпускѣ мѣдныхъ денегъ, явились и фальшивыя. Уже въ 1711 году было арестовано 33 фальшивыхъ монетчика [b]).

Вѣроятнѣе всего, что именно боязнь поддѣлки мѣдной монеты навела Петра I на мысль ограничить ея употребленіе и ввести биллонъ.

Въ монетной системѣ 1718 года, какъ мы видѣли, алтынники и копѣйки велѣно чеканить серебрянныя 38 пробы, а мѣдныя сдѣлать одни полушки тонкія, дабы ворамъ отливать было нельзя, и какъ серебрянныя, такъ и мѣдныя по краямъ опечатывать, до которыхъ допустить возможность«. Въ инструкціи воеводамъ, данной въ январѣ 1719 года, предписано смотрѣть, «чтобы деньги и монеты были правдивыя и постороннихъ бы фальшивыхъ денегъ и монетъ въ провинціи не привозили» [c]). Слѣдовательно, по системѣ 1718 года размѣнная монета въ своемъ послѣднемъ дѣленіи должна была состоять изъ алтыновъ, копѣекъ низкой, 38 пробы,

---

a) Ламанскій, стр. 75.

b) См. Брикнеръ. Пятикоп., стр. 30, а также П. С. З. томъ 4, № 2553

c) П. С. З. томъ 5, № 3294.

и мѣдныхъ полушекъ по 40 руб. изъ пуда, но лучшаго чекана, въ видахъ предотвращенія поддѣлки. Въ обращеніи оставалась впрочемъ и прежняя мѣдная монета, копѣйки, денежки и полушки, и только въ 1724 году является распоряженіе о вымѣнѣ, затянувшемся впрочемъ на многіе годы.

Система 1718 года не была строго проведена въ жизнь и серебрянныя копѣйки, какъ кажется, чеканили только въ 1718 году, а въ слѣдующемъ уже опять чеканили мѣдныя, хотя въ маломъ количествѣ [a]). Дѣйствительно, введеніе биллона не только не устранило поддѣлки монеты, но повело, какъ оказалось, къ поддѣлкѣ алтыновъ и копѣекъ серебрянныхъ, вмѣсто прежней поддѣлки мѣдныхъ копѣекъ. Уже въ 1721 году Сенатъ заявлялъ, что «не худобъ алтынники отставить и вмѣсто ихъ пятикопѣечники по 70 пробѣ дѣлать; ибо такіе отъ фальшивыхъ скорѣе отличатся, нежели нынѣшняго дѣла, которыя по 38 пробѣ дѣлаются, къ томужъ и въ счетахъ облегченіе будетъ» [b]). Въ 1722 году велѣно уже было «смотрѣть накрѣпко, чтобы между серебрянными мелкими деньгами не было мѣдныхъ, стальныхъ и оловяныхъ, и для подлаго народу во всѣхъ церквахъ читать сей указъ и послать воровскія деньги по малому числу Губернаторамъ

---

a) Шодуаръ говоритъ, что въ собраніяхъ монетъ онъ нигдѣ не находилъ серебрянныхъ копѣекъ 1719 и слѣд. годовъ. Шлецеръ же (по Мюллеру) говоритъ, что Петръ I запретилъ дѣлать серебрянныя копѣйки въ 1724 году, потому что ихъ поддѣлывали изъ свинца и олова. Мнѣніе Шодуара намъ кажется болѣе справедливымъ, потому что въ таблицахъ Шуберта мы находимъ мѣдныя копѣйки 1719 года. Хотя позднѣе, въ 1721 году, на докладъ Сената, что „полезно есть копѣйки и полушки изъ мѣди чеканить и оныя къ мѣлкому расходу или на обмѣнъ большихъ денегъ держать", Петръ отвѣчалъ: мѣдныхъ денегъ не дѣлать, а дѣлать только полушки, и то противъ серебрянныхъ $^1/_{10}$ часть.

См. П. С. З. томъ 6, № 3748. Шодуаръ, томъ 1, стр 168. Monnayes Russes des derniers trois siècles par T. F. de Schubert. Atlas.

b) П. С. З. томъ 6, № 3748, п. 12.

и Воеводамъ, дабы священникамъ при чтеніи о томъ сего указа народу объявлять [a]).

Такая неудача съ биллономъ, представленія Сената и общее несочувствіе, а особенно развивавшаяся поддѣлка заставили Петра измѣнить свою систему. Уже въ 1721 году перестали дѣлать и серебрянные алтыны, а въ 1723 году, при недостаткѣ средствъ на военные расходы, велѣно было выпустить мѣдные пятикопѣечники по 40 рублей въ пудѣ, вмѣсто серебрянныхъ 70 пробы, какъ представлялъ Сенатъ [b]).

Такимъ образомъ, уже въ концѣ царствованія Петра Великаго мѣдная монета вполнѣ получила значеніе размѣнной монеты, а пятикопѣечники, ближе всего подходившіе по цѣнѣ къ старымъ серебряннымъ копѣйкамъ и къ потребностямъ рынка, должны были получить весьма важное значеніе въ денежномъ обращеніи.

Количество пятикопѣечниковъ, выпущенное при Петрѣ Великомъ, было впрочемъ не велико, — всего на 500,000 р. При томъ, на выдѣлку пятаковъ въ 1624 году велѣно было употребить денежки и полушки, битыя съ 1700 по 1704 годъ; а также денежки и полушки, битыя съ 1704 по 1718 годъ; копѣйки же, выбитые по 1718 годъ, предположено передѣлать въ копѣйки новаго рисунка по 40 рублей съ пуда [c]). Впрочемъ, старыхъ мѣдныхъ денегъ при Петрѣ не успѣли передѣлать всѣхъ въ пятаки и новыя копѣйки.

При Екатеринѣ I правительство снова хотѣло возвратиться къ серебрянной размѣнной монетѣ и начало бить мелкую серебрянную монету: четвертаки, гривенники и даже

---

a) См. П. С. З. томъ 6, № 4076 и А. Брикнеръ. Пятикопѣечники, стран. 23 и 24.

b) См. А. Брикнеръ. Пятикопѣьчники, стр. 23 и 24.

c) См. А. Брикнеръ, стр. 24. Шодуаръ, стр. 194.

алтыны; но, какъ мы видѣли, выдѣлка четвертаковъ и алтыновъ вскорѣ пріостановлена, а гривенники выпущены плохой, 42 пробы [a]).

Между тѣмъ, уже въ 1727 году въ указѣ заявлено, что армія находится въ великой неисправности, запасныхъ магазиновъ нигдѣ не имѣется, а казеннаго денежнаго капитала никакого нѣтъ; увеличеніе налоговъ представлялось дѣломъ невозможнымъ, а особенно въ денежной формѣ, такъ какъ и подушный сборъ производится неисправно и постоянно накопляется недоимка, и что оставалось одно средство «денегъ умножить». Между тѣмъ серебра не было; подрядчики на поставку серебра оказались неисправными, и не было никакой надежды на скорое полученіе его, «а мѣди, какъ своей, такъ и со стороны получить можно», по этому приказано было тотчасъ же приступить къ выпуску пятикопѣечниковъ на 2 милліона рублей [b]).

Кромѣ того, въ этомъ же году, но уже при Петрѣ II велѣно выпустить одинъ милліонъ мѣдныхъ копѣекъ и на полмилліона полушекъ. Какъ копѣйки, такъ и полушки, предполагалось перечеканить изъ старой мѣдной монеты, вступившей въ подушный сборъ. Но копѣекъ было передѣлано на полмилліона, остальная сумма и полушки поступили на выдѣлку пятикопѣечниковъ, которыхъ въ 1729 г. велѣно сдѣлать еще на одинъ милліонъ [c]).

И такъ, въ теченіе шести лѣтъ, съ 1723 по 1729

---

a) Въ 1726 году чеканили мѣдныя плиты по десяти рублей изъ пуда; рубли, полтины, полуполтины и гривенники „дабы въ тѣхъ плитахъ не было народнаго убытку, а воровствомъ бы такихъ же плитовъ дѣлать было невозможно и ходить имъ въ народѣ и въ подати въ казну“ но выдѣлка плитъ вскорѣ оставлена. См. Брикнеръ, стр. 22 и Ламанскій, стр. 87 и 88.

b) См. Ламанскій, стр. 88 и А. Брикнеръ, стр. 25.

c) См. Шодуаръ, томъ 1, стр. 195 и Брикнеръ, стр, 23 и 27.

годъ, выпущено было въ обращеніе около $3\frac{1}{2}$ милліоновъ пятикопѣечниковъ, но уменьшилось количество старой мѣдной монеты, употреблявшейся, какъ мы видимъ, на выдѣлку новой.

Впрочемъ, еще въ 1727 году казна жаловалась на то, что старыхъ мѣдныхъ денегъ мало приносять на денежные дворы. Въ 1729 году былъ опредѣленъ даже двухмѣсячный срокъ для взноса, послѣ котораго старыя мѣдныя деньги должны были приниматься по вѣсу и по цѣнѣ мѣди. Но старыя мѣдныя денежки и полушки ходили въ народѣ свободно, даже послѣ запрещенія принимать ихъ въ подати и казенные сборы, до окончательнаго вымѣна всѣхъ мѣдныхъ денегъ, послѣдовавшаго въ 1731 году [a]).

Такъ какъ мѣдная монета не вывозилась заграницу, а оставалась внутри Имперіи, въ народномъ обращеніи, то количество ея, выпущенное казною въ разное время до 1730 года и находившееся на русскомъ денежномъ рынкѣ, поддается хотя приблизительному исчисленію, конечно не вполнѣ вѣрному, такъ какъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній о перечеканахъ одной и той же монеты.

Неизвѣстна сумма денежекъ и полушекъ, выпущенныхъ съ 1700 по 1704 годъ и по указу 1724 года передѣланныхъ въ пятаки.

Съ 1704 по 1718 годъ выпущено на 2,273,000 руб., съ 1718 по 1727 годъ копѣйками и полушками около 100,000 руб. Въ 1728 и 1720 годахъ копѣекъ на $\frac{1}{2}$ милл. и съ 1724 — 1731 годъ пятаковъ около $3\frac{1}{2}$ милліоновъ.

Слѣдовательно, можно считать, что къ 1718 году находилось въ обращеніи мѣдной монеты на $2\frac{1}{2}$ милліона. Къ концу царствованія Петра Великаго на $3\frac{1}{2}$ милліона.

---

a) Ламанскій, стр. 93.

принимая во вниманіе то, что съ 1724 года новыя выпуски мѣдной монеты состояли отчасти изъ перечеканенной старой. Наконецъ въ 1731 году, по свѣдѣніямъ сообщаемымъ Шодуаромъ, мѣдной монеты было въ обращеніи на 5,861,205 р.[a]).

Но эти цифры, опредѣляющія точно количество монеты, выпущенное казною, далеко не могутъ дать точнаго понятія о массѣ мѣдныхъ денегъ, находившихся дѣйствительно въ народномъ обращеніи.

Легковѣсность монеты, съ 1718 года чеканеной по 40 рублей изъ пуда, и грубость самаго чекана вызывали поддѣлку, о размѣрахъ которой судить весьма трудно. Уже въ первомъ указѣ, о выпускѣ мѣдныхъ полушекъ по 40 р. изъ пуда въ 1718 году, обращено было, какъ мы видѣли, особенное вниманіе на чеканъ, въ видахъ пресѣченія существовавшей поддѣлки. И дѣйствительно, поддѣлка мѣдной монеты вслѣдствіе этой мѣры должна была уменьшиться, но за то начали являться въ народѣ и въ кассахъ казны въ значительномъ количествѣ фальшивые алтыны. Въ указахъ съ 1718 года сначала говорится главнымъ образомъ о фальшивой серебряной монетѣ, а потомъ о мѣдной; но поддѣлка серебряныхъ алтыновъ и копѣекъ не могла быть выгодна, особенно алтыновъ, гдѣ грубый матеріалъ легко обличалъ фальшивую монету, а потому и поддѣлка не могла принять особенно большихъ размѣровъ. За то съ выпускомъ мѣдныхъ пятикопѣечниковъ явилась сильная приманка къ поддѣлкѣ: на поддѣльной монетѣ, можно было, по мнѣнію казны, получить на пудѣ 30 рублей прибыли, а по мнѣнію Миниха до 400%; при томъ трудно и иногда даже совсѣмъ было невозможно отличить фальшивую монету отъ настоящей,

---

а) См. Schlözer, стр. 212. Ламанскій, стр. 93 и 94 и Шодуаръ, стр. 198.

такъ что правительство предостерегало своихъ кассировъ, чтобы они казенныхъ денегъ не обзывали воровскими.

Поддѣлкою пятаковъ занимались внутри Россіи цѣлыми компаніями. «Воры русскіе тысячъ по пяти рублей многими компаніями сдѣлали и по одному дѣлу съ 140 человѣкъ казнено около 1727 года». Но кромѣ того, начали и изъ заграницъ привозить фальшивые пятикопѣечники; — этимъ особенно занимались евреи на польской границѣ.

Впослѣдствіи привозъ фальшивыхъ пятикопѣечниковъ началъ производиться, не только по всей европейской границѣ, но также изъ Кавказа, Персіи и даже Калмыками [a]). Фальшивую монету выгоднѣе всего было обмѣнивать на золото и старыя мелкія серебрянныя деньги для вывоза заграницу, хотя конечно могли вывозить и всякую другую серебрянную монету.

Не смотря на оффиціальныя свидѣтельства о значительной поддѣлкѣ мѣдной монеты, трудно однако же допустить, чтобы она была такъ велика и такъ вредно дѣйствовала на народное хозяйство и денежное обращеніе, какъ говорятъ писатели, основывающіе свои мнѣнія на указахъ и распоряженіяхъ правительства того времениосноcительно прекращенія поддѣлки мѣдной монеты.

Несомнѣнно, что неудобства отъ увеличенія мѣдной монеты въ народѣ чувствовало прежде всѣхъ и больше всѣхъ само правительство.

Во весь разсматриваемый нами періодъ, не смотря на выпуски казенной мѣдной монеты и на приливъ фальшивой, товарный рынокъ оставался совершенно спокойнымъ, и если временныя колебанія цѣнъ и были, то происходили отъ пе-

---

а) Свѣдѣнія о поддѣлкѣ монеты довольно подробно изложены у Брикнера, стр. 29 и слѣд.

ремѣнъ въ монетной единицѣ и отъ другихъ причинъ, но никакъ не отъ излишняго наплыва въ народномъ обращеніи мѣдной монеты.

Потребность въ мелкой монетѣ въ народѣ была значительно велика, сравнительно со всѣмъ количествомъ мѣдной монеты, находившейся въ обращеніи; но потребность эта, не столько вызывалась потребностями обращенія и развитіемъ денежнаго хозяйства, сколько денежными налогами. Кредитъ мѣдной монеты опирался на пріемъ ее въ податные платежи, и, вмѣстѣ съ развитіемъ денежныхъ налоговъ, явилась возможность мѣдной монетѣ держаться въ русской монетной системѣ XVIII вѣка [b]).

Въ кассахъ правительства накоплялась по преимуществу мѣдная монета и это не потому, чтобы на рынкѣ она имѣла только такое спеціальное назначеніе, какъ платежъ податей, и чтобы народъ избѣгалъ платежей въ казну серебромъ: но потому что мелкой серебрянной монеты оставалось въ народномъ обращеніи все меньше и меньше. На старую мелкую монету, благодаря вынужденному низкому курсу, спекулировали, и существовалъ лажъ, вслѣдствіе чего ее невыгодно было взносить по номинальной цѣнѣ въ платежъ податей, хотя правительство и этимъ путемъ, кромѣ закупокъ, вѣроятно также получило значительное количество ея. Новой же мелкой серебрянной монеты было слишкомъ мало. Рублевая монета, какъ мы указали выше, была велика; налоги въ отдѣльныхъ платежныхъ доляхъ представляли гораздо меньшія суммы, а потому мѣдь являлась почти исключительнымъ орудіемъ платежа податей. Позднѣе нѣсколько мы встрѣчаемъ заявленіе Сената, близко знакомаго

---

b) Постояннаго размѣна мѣдной монеты на серебрянную правительство не производило, хотя не было и запрещеній производить такой размѣнъ.

съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ: «не безизвѣстно есть, что во всемъ государствѣ въ главные сборы, а именно въ подушный и въ кабацкій, а особливо въ чарочную продажу, большею частію приходятъ мѣдные пятикопѣечники, ибо другой мелкой монеты, яко то: денежекъ и полушекъ не довольно находится» [a]).

Были со стороны правительства попытки ограничить пріемъ мѣди только нѣкоторыми сборами, а въ остальныхъ требовать платежа серебромъ, но эти опыты были весьма опасны. Такъ, изъ Казани въ 1726 году жаловались нѣкоторыя лица, получившія жалованье мѣдью, «что купецкіе люди мѣдныя деньги низачто не берутъ, а отговариваются тѣмъ, что у нихъ въ подушный платежъ тѣхъ мѣдныхъ денегъ не принимаютъ, а требуютъ все серебрянныхъ, и за тѣмъ въ покупкѣ всякихъ припасовъ и матеріаловъ чинится остановка и продолженіе» [b]).

Періодически повторявшіеся взносы мѣдной монеты въ казну составляли весьма значительную часть всей мѣдной монеты, находившейся въ обращеніи. Достаточно указать напр на то, что одной подушной подати поступало каждые полгода, по первой ревизіи 1723 года, около двухъ милліоновъ рублей [c]). При томъ, платежъ пудушной подати требовалъ денегъ гораздо больше полугодовой окладной суммы. Въ то время, какъ одинъ полугодовой окладъ взносился въ

---

a) См. Брикнеръ, стр. 48.

b) См. А. Брикнеръ, стр. 51.

c) По первой ревизіи 1723 года считалось 5,794,928 ревизскихъ душъ, кромѣ татаръ, жителей остзейскихъ провинцій и Малороссіи. При второй ревизіи 1743 года считалось 7,363,348 ревизскихъ душъ Подушная подать при Петрѣ I сначала равнялась 80 коп., а потомъ 74; при Екатеринѣ I уменьшенъ сборъ 4 копѣйками, а при Елисаветѣ въ 1754 году уменьшенъ опять 6 копѣйками. См. Storch Gemälde, томъ 1, стр. 313. и Исторію финансовыхъ учрежденій графа Толстаго, стр. 35.

казну, для другого предстоявшаго платежа приходилось плательщикамъ накоплять постепенно монету для будущаго платежа, такъ какъ, при маломъ числѣ рынковъ постоянныхъ и при слабомъ развитіи денежнаго хозяйства, обмѣнъ сырыхъ продуктовъ на деньги не всегда представлялся возможнымъ. Но не одна только подушная подать требовала значительной суммы мѣдныхъ денегъ; другіе налоги, какъ винный, соляной, платились также мѣдью [a]).

Слѣдуетъ замѣтить при томъ, что не смотря на незначительное количество мѣдной монеты на рынкѣ вся сравнительно большая сумма государственныхъ доходовъ могла взноситься исключительно одною мѣдною монетою: правительство получало доходы въ теченіе всего года, и въ теченіе же всего года производило расходы, по этому одна и таже монета могла въ теченіе года нѣсколько разъ поступать и выходить изъ государственныхъ кассъ.

а) Интересны заявленія князя Щербатова по этому вопросу, хотя они и относятся къ позднѣйшему времени. Онъ говоритъ: „Уставомъ о винѣ „повелѣно, чтобы откупщики платили таковыми деньгами, каковые у нихъ „въ сборѣ бываютъ. На кабакахъ пьютъ на алтынъ, или на гривну, а никогда „не только на пятирублевую ассигнацію, но ниже на рубль кто выпиваетъ. „Сихъ откупныхъ денегъ въ Москвѣ можетъ собраться до милліона двухъ„сотъ тысячъ рублевъ, слѣдственно, около ста тысячъ рублевъ будетъ каж„дый мѣсяцъ . . . .

„Соль также, ежели бы и всѣ кулями покупали, и тутъ нѣтъ такой ассигнаціи, которая бы могла за куль соли быть заплачена . . . . . а соль мало кулями покупаютъ, но берутъ ее пудами а иногда и фунтами; сихъ денегъ я щитаю, по многонародію Москвы, сберется до шестидесяти тысячъ рублевъ.

„Такъ по моему счету, и конечно я не во многомъ ошибаюсь, приходитъ вдругъ на подкрѣпленіе банка легкой монеты, съ убавкою ее цѣны, слишкомъ милліонъ, да ежемѣсячнаго подкрѣпленія по сту, по шестидесяти тысячъ; да еще годоваго до ста тысячъ. Но кажется мнѣ, и сего еще мало, дабы учинить безтрудное обращеніе мѣдныхъ денегъ въ Москвѣ, и дороговизнь промѣну отмѣнить". Смотр. Разныя сочиненія князя М. М. Щербатова, стран. 132.

Въ обыкновенное время, когда правительство не особенно нуждалось въ звонкой монетѣ, мѣдныя деньги наполнявшія его кассы представляли большія затрудненія. Одна пересылка требовала большихъ расходовъ и сопряжена была съ затрудненіями и остановками. Мѣдную казенную монету развозили обыкновенно партіями, поджидая случая, тысячъ по 20 и болѣе рублей, подъ особымъ конвоемъ. Иногда отдавали поставку монеты по подрядамъ частнымъ лицамъ, а иногда казна перевозила сама. Издержки провоза были довольно значительны. Такъ напр. въ 1760 году доставка мѣдной монеты изъ Екатеринбурга обошлась въ 23 коп. пудъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для пересылки подушной подати и другихъ суммъ, собиравшихся мѣдною монетою, мѣстное начальство вводило особые накладные сборы спеціально для покрытія издержекъ провоза мѣдной монеты. Кромѣ пересылки монеты, счетъ и храненіе ея представляли также затрудненія. Требовался часто особый штатъ лицъ счетчиковъ, мѣшконосцевъ и др., а также для храненія удобныя и обширныя помѣщенія. Для устраненія всѣхъ этихъ неудобствъ, а особенно затрудненій, возникавшихъ отъ медленной, дорогой и не своевременной пересылки монеты, принимались различныя мѣры. Такъ пересылка податныхъ сборовъ въ Петербургъ была во многихъ случаяхъ отмѣняема. По особымъ ассигновкамъ (ассигнаціямъ) суммы переводились прямо изъ мѣстъ полученія въ мѣста расходованія, что значительно сокращало перевозку мѣдной монеты. Съ изданіемъ вексельнаго устава въ 1729 году являются распоряженія о переводѣ платежей по векселямъ на казенныя мѣста или на частныхъ лицъ.

Но всѣ затрудненія отъ обращенія мѣдной монеты, выпадавшія на долю казны, нисколько не вліяли на цѣнность

мѣдной монеты и были не особенно чувствительны, если казнѣ предстояло дѣлать расходы внутри страны.

Не то было въ военное время. Содержаніе войска на границахъ Имперіи или заграницею требовало серебра. Правительство принуждено было обмѣнивать мѣдь на серебро, а для болѣе скораго и вѣрнаго вымѣна само назначало лажъ. Эта покупка серебряной монеты на мѣдную, для экстренныхъ расходовъ, началась еще при Петрѣ I, по случаю войны, и повторяется почти во весь XVIII вѣкъ. Знаменитымъ указомъ 23 апрѣля 1711 года, гдѣ предписывается «денегъ какъ возможно собирать, понеже деньги суть артеріею войны», учреждена купецкая палата, съ исключительною цѣлью покупки серебра на монетные дворы, и велѣно платить за металлъ и за старыя деньги «по цѣнамъ безъ чего миновать будетъ невозможно, а больше этимъ дѣломъ никому не заниматься». Тоже повторялось даже въ царствованіе Екатерины II.

Въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ напр. въ 1735 году, правительство ограничивалось тѣмъ, что запрещало всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ производить платежи внутри Имперіи серебромъ, безъ предварительныхъ справокъ въ Кригсъ-комиссаріатѣ.

Такимъ образомъ, главные и почти единственные случаи лажа, при размѣнѣ мѣдной монеты на серебро, вызывались, какъ мы видимъ, самимъ правительствомъ.

Правда, мы встрѣчаемъ, что и частныя лица, особенно фабриканты золотыхъ и серебрянныхъ издѣлій, платили иногда лажъ, при покупкѣ серебрянной монеты, а особенно старыхъ денегъ. Но и въ этихъ случаяхъ правительство само, своими запретительными мѣрами, вызывало подобныя явленія. Казна сама покупала старыя копѣйки съ надда-

чею 10%, а частнымъ лицамъ запрещено было заниматься этимъ дѣломъ.

Фабрикантамъ же золотыхъ и серебрянныхъ издѣлій дозволялось выписывать золото и серебро изъ заграницы по весьма низкимъ, казною опредѣленнымъ цѣнамъ, или же покупать въ небольшихъ размѣрахъ на монетныхъ дворахъ по передѣльной цѣнѣ. На такихъ условіяхъ или совершенно нельзя было достать золота и серебра, что испытывали и казенные подрядчики, или же оно доставалось очень дорого, такъ что продажа фабричныхъ издѣлій, по цѣнамъ, при томъ опредѣлявшимся казною, была совершенно невозможна. Но и въ этихъ случаяхъ лажъ существовалъ при покупкѣ старыхъ денегъ. Неудивительно по этому, что никакія запрещенія не могли удержать отъ переплава старыхъ серебрянныхъ денегъ и отъ лажа при покупкѣ ихъ, какъ на новое серебро, такъ и на мѣдь. «Нынѣ Ея Императорскому Величеству извѣстно учинилось, говоритъ указъ 1730 года, что позументные фабриканты и серебряннаго дѣла мастера, вымѣнивая изъ народу серебрянную монету и старыя мелкія деньги, на мѣдныя деньги съ придачею, и употребляютъ сплавливая въ позументы и прочее. А понеже оное Ея Императорскаго Величества указамъ и интересу весьма противно и ко всенародному убытку принадлежитъ, такимъ народнымъ разорителямъ чинить смертную казнь». Это не единственный указъ въ своемъ родѣ, а ихъ былъ цѣлый рядъ [a]).

Кромѣ этихъ причинъ, вызывавшихъ иногда лажъ при обмѣнѣ мѣди на серебро, или лучше, старой монеты на новую, можно допустить и еще нѣкоторыя, также временно и случайно вызывавшіе лажъ. Поддѣлыватели фальшивой монеты, особенно вывозившіе ее изъ заграницы, могли платить

а) См. особенно у Брикнера, стр. 11.

лажъ, не смотря на запрещенія вывоза и сплава серебряныхъ денегъ, несомнѣнно дѣйствовавшихъ на по..иженіе ихъ цѣнности. Но поддѣлка фальшивой монеты оказалась, какъ увидимъ, далеко меньше тѣхъ предположеній, которыя дѣлало само правительство и нѣкоторыя частныя лица. Вывозъ серебра въ обмѣнъ на фальшивую монету былъ слишкомъ ничтоженъ, чтобы влiять на пониженіе цѣнности мѣдной монеты, при томъ серебро опять же и возвращалось въ Россію. Въ этомъ случаѣ лажъ былъ явленіемъ временнымъ и случайнымъ, и ни сколько не можетъ, какъ и въ вышеприведенныхъ случаяхъ, служить доказательствомъ упадка кредита и цѣнности мѣдной монеты.

Поддѣлка мѣдной монеты дѣйствительно могла быть весьма вредною для денежнаго рынка Россіи. Правительство прежде всѣхъ должно было почувствовать опасность. Уже одно то, что рынокъ снабжался мѣдною монетою не только правительствомъ но и посторонними лицами, было убыточно для казны и являлось «посягательствомъ на права, коронѣ принадлежащія».

И безъ того мѣдь почти исключительно наполняла кассы правительства, а при дальнѣйшемъ развитіи поддѣлки, могъ пасть кредитъ мѣдной монеты, и въ случаѣ войны, правительство не имѣло бы возможности безъ большихъ пожертвованій достать серебра, такъ какъ оно постоянно и безвозвратно исчезало изъ его рукъ.

Но эта опасность могла предстоять только въ будущемъ. Правительство же, получая всѣ доходы мѣдною монетою, не могло объяснить такого явленія иначе, какъ наплывомъ въ народѣ фальшивыхъ денегъ. Оно знало, что казенной монеты выпущено было небольшое количество, а между тѣмъ всѣ доходы получало мѣдью, не смотря на то,

что доходы эти въ годовой сложности превосходили вдвое или втрое всю массу казенной мѣдной монеты.

Въ 1730 году 4 мая изданъ былъ указъ, въ которомъ сказано: «Понеже отъ умноженія мелкихъ денегъ, которыя въ прошедшіе годы дѣланы разными пробами, а иныя и безъ пробъ, къ тому же въ прошедшую долговременную войну за умаленіемъ серебрянной монеты, дѣланы мѣдныя монеты, а именно полушки, денежки, копѣйки и пятикопѣечники, и какъ въ серебрянныхъ, такъ и въ мѣдныхъ монетахъ, которыя въ разныхъ сортахъ и достоинствахъ состоятъ, въ народѣ между казенными являются и воровскія, а особливо въ мѣдныхъ монетахъ, и не точію внутри государства воровски дѣлаютъ, но изъ заграницъ чужихъ привозятъ тайно и въ народъ пускаютъ, а вмѣсто того, золотыя и серебрянныя монеты изъ государства вонъ вывозятъ, отъ чего государственный вредъ и народная тягость происходитъ; о чемъ и монетная контора многое представленіе чинила. Того ради правительствующій Сенатъ, слушавъ монетной канцеляріи представленія о вымѣнѣ изъ народа мелкихъ серебрянныхъ денегъ и о дѣлѣ вмѣсто оныхъ рублевой монеты, разсуждая при томъ и о мѣдныхъ монетахъ, какимъ бы образомъ оныхъ также изъ народа вымѣнять, приказали: понеже оное дѣло важное и требуетъ разсужденія довольнаго и чрезъ многое число голосовъ, дабы могли быть всѣ того дѣла, обстоятельства изслѣдованы и истолкованы», составить для разсужденія объ этомъ предметѣ особую коммиссію [a]).

Коммиссія эта должна была обсудись и изыскать мѣры «какимъ образомъ безъ дальнаго казеннаго убытка и народной тягости прежнія мелкія серебрянныя и мѣдныя деньги изъ народа вымѣнять можно и впредъ какимъ монетамъ въ

---

a) См. Брикнеръ, стр 52.

народѣ ходить потребно и воровскія пресѣчь, и разсмотря, подать въ Сенатъ».

Въ своемъ мѣстѣ мы указали на тѣ перемѣны въ серебрянной и золотой монетѣ, которыя сдѣланы были въ это время.

Что же касается мѣдной монеты, то коренное изъятіе ея изъ обращенія требовало большихъ средствъ со стороны государства, да и врядъ ли было особенно желательно; хотя неизвѣстно, къ какимъ рѣшеніямъ пришла коммиссія относительно мѣдной монеты, и въ чемъ видѣла она причину дурнаго вліянія мѣдной монеты на народное хозяйство, но судя по тѣмъ мѣрамъ, на которыя рѣшилось правительство, видно, что главное зло приписывали излишнему количеству мѣдной монеты, вслѣдствіе наплыва фальшивой, а лучшимъ средствомъ устранить это зло считали приведеніе номинальной цѣнности мѣдной монеты въ соотвѣтствіе съ ея внутреннею цѣнностію, т. е. съ цѣною мѣди.

Слѣдуя этому, правительство рѣшилось замѣнить существовавшую въ обращеніи мѣдную монету новою, болѣе тяжеловѣсною, по 10 руб. въ пудѣ. Этою мѣрою казна надѣялась главнымъ образомъ отвратить поддѣлку, не полагаясь на другія средства устранить это зло (надзоръ, лучшій чеканъ).

Сначала приступили къ вымѣну всей мелкой монеты — копѣекъ, денежекъ и полушекъ. Уже съ декабря 1730 года, начали чеканить новыя денежки и полушки по 10 руб. въ пудѣ. «Это была солиднѣйшая мѣдная монета во всей тогдашней Европѣ!» говоритъ Шлецеръ.

Мѣдныя денежки и полушки, еще съ 1700 года остававшіяся въ народѣ, не смотря на запрещеніе ихъ принимать въ платежъ податей, дозволено было снова принимать до 1731 года въ питейные сборы и отсылать на монетные

дворы. Копѣйки предписано было представить къ обмѣну на новыя, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Въ 1731 году вся эта старая монета была объявлена изъятою изъ обращенія, и публика поощрялась даже переливать оставшуюся старую монету въ посуду, или же приносить на монетные дворы по цѣнѣ мѣди. За пудъ настоящихъ копѣекъ платили 6 руб. 75 копѣекъ, а за пудъ полушекъ и фальшивыхъ копѣекъ платили по 5 руб. 50 копѣекъ.

Новыхъ денежекъ и полушекъ 10 рублеваго въ пудѣ вѣсу въ 1734 году велѣно было умножить всего до 3,000,000 рублей [a]). Такимъ образомъ, на рынкѣ оставались послѣ передѣла старой монеты только пятикопѣечники и новые денежки и полушки.

Слѣдуя принятой системѣ, нужно было и пятикопѣечники перепечатать въ однообразный вѣсъ. Сенатъ имѣлъ уже готовый проэктъ, по которому предполагалось до мая 1731 года изъять изъ обращенія и пятикопѣечники, принимая ихъ во всякіе сборы и обмѣнивая на серебрянныя деньги и новыя денежки и полушки; потомъ перепечатать ихъ въ копѣйки по 8 рублей съ пуда, «чтобы ворамъ поддѣлывать было неизчего», и пустить опять въ народное обращеніе. Но такъ какъ въ это время количество пятаковъ, выпущенныхъ въ народное обращеніе казною въ разное время считали на 3,172,929 рублей, а по перепечаткѣ ихъ въ копѣйки оказалось бы всего 648,344 рубля, то выполненіе такого проэкта обошлось бы казнѣ въ 2,524,585 рублей [b]).

Жертва для правительства, при его тогдашнихъ сред-

---

a) По Шторху съ 1735 по 1751 годъ выпущено было всего на 2,809,670 рублей мѣдной монеты Cours d'économie politique, томъ 4, стр. 302 Смотр. также Ламанскій, стр. 96.

b) Брикнеръ, стр. 72.

ствахъ, была слишкомъ велика, и потому проэктъ оставленъ безъ исполненія. Къ тому же возникалъ еще вопросъ о томъ, какъ поступить съ фальшивыми пятикопѣечниками, которыхъ часто нельзя было совсѣмъ отличить отъ настоящихъ; а вопросъ о томъ, какое количество ихъ находилось въ обращеніи, рѣшить было трудно. Одни думали, что фальшивыхъ пятаковъ было весьма мало въ народѣ; другіе же, какъ напр. Минихъ, предполагалъ, что однихъ фальшивыхъ пятаковъ обращается въ народѣ не меньше 6 милліоновъ рублей, — вмѣстѣ съ настоящими вся сумма пятаковъ, по его мнѣнію, простиралась до 10 милліоновъ рублей. Въ виду такихъ случайностей, правительство не рѣшалось, ни само брать на себя потери выкупа, ни взваливать эти потери на народъ.

По этому во все царствованіе Анны Іоанновны не было принято никакихъ рѣшительныхъ мѣръ относительно дальнѣйшей судьбы пятикопѣечниковъ. Взяты были только нѣкоторыя предосторожности для отвращенія дальнѣйшей подделки: усиленъ надзоръ за привозомъ монеты изъ заграницы, улучшенъ чеканъ пятаковъ, и даже велѣно было устранить ихъ изъ обращенія въ пограничныхъ городахъ [a]).

Заботы правительства объ изъятіи изъ обращенія пятикопѣечниковъ обратили вниманіе и частныхъ лицъ. Управительства накоплялись различные проэкты относительно дальнѣйшей судьбы пятаковъ. Но до самой смерти Анны Іоанновны правительство не успѣло прійти ни къ какимъ окончательнымъ рѣшеніямъ по этому дѣлу.

Баронъ Минихъ, бывшій главнымъ директоромъ монетныхъ дворовъ, усердно занимавшійся вопросомъ о пятикопѣечникахъ, написавшій нѣсколько проэктовъ, успѣлъ было во время регенства Анны Леопольдовны поднять опять вопросъ

а) Шодуаръ, стр. 196.

о пятикопѣечникахъ, но только при Елисаветѣ Петровнѣ правительство приступило къ окончательному рѣшенію его.

По обсужденію всѣхъ проэктовъ, накопившихся въ Сенатѣ, (а ихъ было 9), Сенатъ остановился на проэктѣ найденномъ въ бумагахъ покойнаго графа Ягужинскаго. Въ этомъ проэктѣ предполагалось превратить пятаки въ копѣйки посредствомъ сбавки цѣнности пятаковъ въ 4 пріема, каждый разъ уменьшая цѣнность на одну копѣйку.

О приведеніи этого плана въ исполненіе объявленъ указъ 11 мая 1744 года, по которому пятикопѣечники съ 1 августа того же года должны были ходить въ народѣ и приниматься въ казну по 4 копѣйки Съ 10 октября 1745 понижена цѣнность пятаковъ еще на одну копѣйку, и наконецъ съ августа 1746 года они должны были ходить по 2 копѣйки или по грошу. Такъ пятикопѣечники превращены были въ грошевики.

Очевидно, что потеря отъ этой операціи падала на тѣхъ лицъ, въ рукахъ которыхъ находились пятикопѣечники во время пониженія ихъ цѣнности, и составляла при первомъ пониженіи 20%, при второмъ 25%, а при третьемъ 33⅓%. Дальнѣйшее пониженіе пятикопѣечниковъ-грошевиковъ въ копѣйки было пріостановлено.

Какія причины вызвали эту остановку на цѣлые десять лѣтъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ.

Прежде всего при пониженіи цѣнности пятикопѣечниковъ три года подрядъ потери несли, какъ частныя лица, такъ и правительство, а при тогдашнихъ скромныхъ средствахъ казны, эти потери должны были быть чувствительными. Къ тому еще «за умаленіемъ въ народѣ мелкихъ денегъ» оказалось, «въ сборѣ подушныхъ денегъ конечное медленіе и остановка» [a]). Несомнѣнно также, что и на на-

а) См. Ламанскій, стр. 108.

родномъ хозяйствѣ пониженіе цѣнности пятаковъ, должно было отразиться неблагопріятно. Весьма замѣчательно разсужденіе Сената на замѣчаніе Демидова: «какъ всѣмъ извѣстно, что мѣдныхъ пятикопѣечниковъ у знатныхъ персонъ и у прочаго шляхетства мало въ употребленіи бываетъ, а большею частію обращаются у купечества, у крестьянства и у прочаго подлаго народа, отъ которыхъ и въ казну въ подати, пошлины и на кабакахъ за винную продажу приходятъ... отъ убавки по 80 коп. у рубля знатные персоны убытка почти вовсе не понесутъ, напротивъ купечество и крестьянство и прочій подлый народъ невозвратное разореніе понесетъ. У котораго купца мѣдныхъ пятикопѣечниковъ случится 100 руб., въ которыхъ почти весь его торгъ состоитъ, у котораго 1,000 или 10,000 руб. и такъ оные отъ того придутъ въ крайнее убожество и торговъ совершенно лишатся... бѣдное крестьянство, которое никакихъ торговъ и промысловъ не имѣютъ, а какъ на государственное, такъ и на помѣщиковы подати деньги достаютъ продажею приготовленнаго трудами своего хлѣба, сѣна, дровъ и прочихъ домашнихъ вещей, у которыхъ по малымъ ихъ продажамъ весьма мало рублевой монеты, но больше мѣдныхъ пятикопѣечниковъ въ рукахъ обращается, которыя ихъ въ такомъ маломъ числѣ лучше другихъ и браковать умѣютъ. Въ какомъ же худомъ состояніи Россійское купечество и крестьянство и нынѣ находится, того пространно описывать не для чего, ибо и безъ того довольно всѣмъ о ихъ состояніи извѣстно [a]).

Справедливость сказаннаго Сенатомъ подтвердилась вскорѣ. Недостатокъ въ размѣнной монетѣ такъ сталъ великъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ явился лажъ при раз-

---

а) Брикнеръ, стр. 64 и 65.

мѣнѣ крупной серебряной монеты на мѣдь. Уже въ 1747 году явился указъ, чтобы всѣ правительственныя кассы, подъ страхомъ наказанія за неисполненіе, обмѣнивали безъ лажа крупную серебряную монету на мѣдь, находившуюся у нихъ въ запасѣ, такъ какъ для казны такой размѣнъ выгоденъ по легкости перевозки серебряной монеты [a]).

Уменьшеніе цѣнности пятикопѣечниковъ быть можетъ само по себѣ и не имѣло бы такихъ стѣснительныхъ для денежнаго рынка послѣдствій, такъ какъ количество размѣнной монеты отъ этой операціи уменьшилось всего на 2 мил. рублей, если бы это пониженіе цѣнности пятаковъ не совпало съ большимъ вымѣномъ мелкой серебряной монеты, перечеканенной большею частію въ рубли и полтины.

Въ 1755 году монетная канцелярія доносила Сенату, «что въ мелкихъ деньгахъ въ народѣ обстоялъ крайній недостатокъ: ибо по нынѣшнее время въ нарадномъ обращеніи находилось всего мелкихъ денегъ:

Серебряныхъ копѣекъ	30,723,399	руб.
Полуполтинниковъ	815,645	»
Гривенниковъ	959,824	»
Стараго дѣла мѣдныхъ копѣекъ, денежекъ и полушекъ	2,368,906	»
Мѣдныхъ пятикопѣечниковъ . . .	3,492,299	»
Денежекъ и полушекъ сдѣланныхъ съ 1734 года	3,330,241	»
Всего . .	41,690,314	руб.

Кромѣ прежнихъ лѣтъ гривенниковъ, алтынниковъ и круглыхъ копѣекъ, о которыхъ при монетныхъ дворахъ извѣстія сколько ихъ сдѣлано, не имѣется».

---

a) Schlözer, стр. 129 и Beylg. стр. 117—128.

«Изъ того числа, изъ народнаго хожденія выбыло вымѣномъ, запрещеніемъ не ходить и убавленіемъ цѣны 35,187,685 руб., за тѣмъ въ народѣ осталось для размѣна крупной монеты, считая съ тѣмъ числомъ, что нынѣ велѣно сдѣлать мѣдныхъ копѣекъ (3,500,000 р.) — всего 9,304,170 рублей и противъ прежней суммы недостаетъ 32,386,144 р.»[a]).

Но и это исчисленіе согласное съ цифрами приводимыми нами представляетъ большую сумму мелкой монеты, чѣмъ сколько ея дѣйствительно было на рынкѣ, такъ какъ не приняты во вниманіе ни порча, ни потери монеты.

Не смотря на очевидныя затрудненія, какъ для казны, такъ и для народнаго хозяйства, происходившія отъ недостатка мелкой монеты, правительство все таки не оставляло своего первоначальнаго плана и рѣшилось провести его до конца. Для этого нужно было сдѣлать еще разъ сбавку въ цѣнности пятикопѣечниковъ-грошевиковъ и привести ихъ такимъ образомъ въ рублевый съ пуда вѣсъ, что почти соотвѣтствовало бы тогдашней цѣнѣ мѣди. Въ этотъ разъ владѣльцамъ пятаковъ предстояло потерять 50%.

Люди ближе знакомые съ дѣломъ. въ то время указывали на совершенную нелѣпость и даже опаеность основной мысли всей операціи передѣла мѣдной монеты въ 8 рублевый съ пуда вѣсъ — сдѣлать мѣдную монету соотвѣтствующею внутренней своей цѣнности, т. е, цѣнѣ мѣди. Такъ баронъ Минихъ указывалъ еще въ 1746 году на то, что рыночная цѣна мѣди, уже въ то время равнялась почти 7 рублямъ за пудъ; и что при возвышеніи цѣны мѣди еще на нѣсколько процентовъ мѣдную монету будутъ переплавлять для продажи на своихъ рынкахъ и для вывоза заграницу; что неудобство обращенія монеты, которой 8 рублей вѣситъ пудъ,

---

а) См. Ламанскій. Стр. 110.

само собою очевидно; что при хорошемъ чеканѣ, весьма достаточенъ 16 рублевый съ пуда вѣсъ, для того чтобы гарантировать рынокъ отъ фальшивой монеты; что наконецъ примѣромъ могли служить другія страны, какъ напр. Англія, гдѣ мѣдная монета имѣла въ то время вѣсъ 16 р. $60^{2}/_{3}$ к. съ пуда; въ Швеціи размѣнная монета равнялась 13 руб. $13^{1}/_{2}$ коп. съ пуда. Но всѣ эти представленія не имѣли успѣха [a]).

Въ 1755 году, вмѣсто окончательнаго пониженія цѣнности пятаковъ до копѣекъ, послѣдовало распоряженіе о вымѣнѣ пятаковъ. Благодаря главному руководителю этою послѣднею операціею, графу Шувалову, всю потерю казна взяла отчасти на себя, а отчасти переложила на владѣльцевъ мѣдныхъ заводовъ.

Докладомъ Сената, утвержденнымъ 9 марта 1855 года проэктъ предложенный графомъ Шуваловымъ велѣно было привести въ исполненіе.

Для вымѣна пятикопѣечниковъ — грошевиковъ велѣно было надѣлать мѣдныхъ копѣекъ по 8 рублей изъ пуда всего до 3,500,000 рублей. Вся мѣдь казенная (пушечная и въ разномъ оружіи) была перечеканена; кромѣ того вся мѣдь какъ съ казенныхъ такъ и съ частныхъ заводовъ была доставлена по 5 и по 6 рублей за пудъ на монетные дворы и передѣлана въ копѣйки. Передѣльнымъ доходомъ (3 и 2 рубля на пудѣ) предполагалось покрыть убытки казны, которые должны были простираться до 698,459 рублей не считая фальшивой монеты. Срокъ вымѣна пятикопѣечниковъ — грошевиковъ назначенъ былъ по 1 сентября 1756 года, послѣ котораго монетные дворы должны были принимать пятаки по 5 рублей за пудъ [b]).

---

a) Schlözer. Стр. 129 и Beylag. Стр. 117—128.

в) См. Schlözer. Стр. 128 и Брикнеръ. Стр. 72.

По истеченіи срока вымѣна оказалось, что къ обмѣну явилось пятаковъ на 205,723 рубля меньше, чѣмъ было выпущено казною.

Такой результатъ вымѣна пятикопѣечниковъ былъ неожиданнымъ и показалъ, что всѣ мѣры принитыя противъ наплыва фальшивой монеты вызваны были ложнымъ страхомъ и не только не повели къ улучшенію въ денежномъ обращеніи, но напротивъ были причиною новыхъ затрудненій, какъ въ народномъ хозяйствѣ вообще, такъ и въ финансахъ.

Правительство судило о народномъ рынкѣ по своимъ собственнымъ кассамъ. Мѣдная монета, кредитъ которой по преимуществу поддерживался пріемомъ въ податные платежи, постоянно приливала въ кассы правительства; и такъ какъ сумма мѣдной монеты поступавшей ежегодно въ казну составляла бóльшую часть всей мѣдной монеты находившейся въ обращеніи, то вѣроятно, что и фальшивая монета, попадавшая въ кассы правительства, должна была составлять весьма значительную часть всей фальшивой монеты, бывшей на рынкѣ.

Между тѣмъ правительство считало, что не только его кассы, но и весь рынокъ переполненъ легковѣсною мѣдною монетою, въ особенности фальшивою; что серебрянная монета ушла заграницу, и что ее совсѣмъ пѣтъ на рынкѣ, а потому не попадаетъ она и въ кассы правительства.

При такомъ пониманіи положенія дѣла, естественно, что легковѣсность монеты представлялась главною причиною подкѣлки и увеличенія количеетва монеты на рынкѣ. Естественно что передѣлка монеты въ такой вѣсъ, при которомъ она соотвѣтствовала бы рыночной цѣнѣ мѣди, должна была казаться самымъ лучшимъ средствомъ выйти изъ затрудненія.

Всѣ колебанія цѣнъ на рынкѣ, пониженіе вексельнаго

курса, — спѣшили приписывать легкости мѣдной монеты, и несмотря на затрудненія отъ уменьшенія мелкой монеты, казна неуклонно продолжала передѣлывать легковѣсную монету въ тяжеловѣсную.

Вымѣнъ пятикопѣечниковъ раскрылъ наконецъ на сколько правительство заблуждалось, основывая свои заключенія о состояніи всего денежнаго рынка Россіи на состояніи своихъ собственныхъ кассъ. Факты убѣдили, что не только не было большаго наплыва мѣдной монеты на рынкѣ, но что напротивъ, ее недоставало даже для исправнаго платежа податей; что серебрянная монета не вносилась въ казну потому, что при слабомъ экономическомъ развитіи всего общества, она не столько служила орудіемъ обращенія, сколько орудіемъ накопленія и сбереженія, а потому мало обращалось въ народѣ.

Вымѣнъ пятикопѣечниковъ представляетъ важную эпоху въ нашемъ денежномъ обращеніи XVIII вѣка. Съ этого времени исчезаетъ всякое предубѣжденіе противъ легковѣсной мѣдной монеты и проходятъ всѣ опасенія относительно наплыва фальшивыхъ денегъ.

Правительство пришло къ убѣжденію, что серебро не вносится въ казну потому, что мѣдь по своей тяжеловѣсности имѣетъ мало «циркуляціи» въ народѣ. Теперь всѣ мѣры направлены были на то чтобы усилить циркуляцію мѣдной монеты. Всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ предписано было: «стараться, чтобы серебрянная и золотая монета въ казнѣ Ея Императорскаго Величества оставалась, а мѣдныя деньги циркуляцію имѣли и посему, гдѣ случатся расходы такіе по которымъ не оговорено какою монетою платить, то

а) П. С. З. т. XIV № 10,777.

употреблять преимущественно мѣдную монету [a])». Указомъ 3 февраля 1757 года предписывалось всѣмъ сословіямъ употреблять въ обращеніи мѣдь, а не золото и серебро, и мѣнять свободно золото и серебро на мѣдь, дабы обращеніе не было стѣснено. Одна соляная контора обязана была слѣдуемую къ Императорскому двору сумму присылать серебряною монетою [b]).

Тяжеловѣсность мѣдной монеты, о которой такъ ревностно заботились въ теченіе двадцати пяти лѣть, оказалась теперь главнымъ и существеннымъ недостаткомъ. Поэтому всѣдъ за окончаніемъ передѣла легковѣсной монеты въ тяжеловѣсную, слѣдовало теперь обратно передѣлать тяжеловѣсную въ легковѣсную и совершенно отказаться отъ мысли держать мѣдную монету въ соотвѣтствіи съ ея внутреннею цѣнностію, мысли можетъ быть и благонамѣренной, но неисполнимой и ложной.

Не прошло и года со времени окончательнаго вымѣна пятикопѣечниковъ, какъ сдѣлано было распоряженіе указомъ 8 апрѣля 1757 года дѣлать впредь мѣдныя деньги по 16 рублей изъ пуда; копѣйки сдѣланныя по 8 руб. изъ пуда, а также перепечатанные изъ пятаковъ, велѣно было перепечатать въ грошевики и обмѣнять въ полтора года отъ обнародованія указа. Оставлены были въ народномъ обращеніи только прежнія денежки и полушки сдѣланныя по 10 рублей изъ пуда [c]).

Этотъ новый передѣлъ монеты Шлецеръ ставитъ въ тѣсную связь съ расходами по случаю прусской войны;

---

a) Ламанскій. Стр. 111.

b) Schlözer. Стр. 142.

c) П. С. З. т. XIV № 10,777.

Указъ этотъ весьма замѣчателенъ. Въ немъ довольно вѣрно мотивированы распоряженія о передѣлѣ монеты въ 16 рублевый вѣсъ; нѣсколько подслащены только, какъ говоритъ Шлецеръ.

можно думать однакоже, что война въ этотъ разъ ускорила только переходъ къ новой системѣ въ выпускѣ мѣдной монеты. Правительство убѣдилось въ несостоятельности своихъ прежнихъ намерѣній придать мѣднымъ деньгамъ самостоятельную цѣнность, и раньше или позже должно было прибѣгнуть къ выпуску легковѣсныхъ денегъ, — другой исходъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ врядъ ли былъ возможенъ. Шуваловъ прямо указываетъ причину передѣла мѣдной монеты въ 16 рублей вѣсъ: «тѣ обстоятельства чтобы серебрянную монету въ казнѣ Ея Императорскаго Величества больше удержать, а мѣдную въ обращеніе народное внутрь государства употребить, но тѣмъ и коммерцію не отяготить, причиною были дѣлать мѣдную монету по 16 рублей изъ пуда [b]).

На рынкѣ оставались: до 3 милліоновъ денежекъ и полушекъ десятирублеваго вѣса, да кромѣ того подлежавшихъ перепечаткѣ мѣдныхъ копѣекъ 8 рублеваго вѣса до 3½ милліоновъ и наконецъ пятикопѣечниковъ — копѣекъ на 436,802 рубля.

При перепечаткѣ копѣекъ и бывшихъ пятаковъ въ 16 рублевый вѣсъ на рынкѣ должно было оказаться до 11 милліоновъ рублей всей мѣдной монеты, но такого количества вѣроятно небыло выпущено. По исчисленію Шторха и по таблицамъ Шодуара видно, что съ 1757 по 1761 годъ выпущено всего изъ монетныхъ дворовъ мѣдныхъ денегъ на 6,846.886 рублей, что составитъ вмѣстѣ съ денежками и полушками десятирублеваго вѣса болѣе девяти съ половиною милліоновъ рублей. Для ускоренія выдѣлки мѣдныхъ денегъ уже въ 1758 году начали чеканить опять пятаки по 16 рублей въ пудѣ. Выпускъ мѣдной монеты въ этотъ разъ

a) П. С. З. т. XIV № 10,777.

достигъ самыхъ большихъ размѣровъ во весь разсматриваемый нами періодъ.

Теперь мало заботились уже о количествѣ монеты, о ея легковѣсности, а главное вниманіе обращено было на усиленіе ея обращенія въ народѣ и на изысканіе средствъ привлечь золотую и серебрянную монету въ кассы казны.

Въ 1757 году уже графъ Шуваловъ предложилъ развезти мѣдную монету въ количествѣ до 2 милліоновъ руб. въ 50 городовъ и отдать ее магистратамъ, для раздачи по векселямъ съ уплатою въ Петербургѣ, а также для перевода денегъ по векселямъ изъ Петербурга въ означенные города. Посредствомъ этихъ конторъ вексельнаго производства Шуваловъ надѣялся, что мѣдная монета будетъ «удовольственнымъ образомъ» удерживаться въ народномъ обращеніи, «а напротивъ того серебрянная монета для государственныхъ расходовъ въ казнѣ соблюдена будетъ [a])».

Въ слѣдующемъ 1758 году также для поддержанія въ обращеніи мѣдной монеты основанъ былъ мѣдный банкъ, который долженъ былъ раздавать мѣдныя деньги на векселя, за 6% въ годъ; въ послѣдствіи предоставлены были льготы тѣмъ должникамъ которые возвращали занятую сумму серебрянною монетою [b]).

Въ 1760 г. Шуваловъ предлагалъ сенату устроить «Банкъ Артиллерійскаго и Инженернаго корпусовъ, въ отвращеніе на будущее время недостатка въ денежныхъ суммахъ [c]).

Наконецъ при Петрѣ III въ 1862 г. является мысль учредить банковыя конторы, съ выпускомъ банковыхъ билетовъ на 5 милліоновъ рублей серебра [d]).

---

a) Тамъ же

b) Ламанскій 114.

c) Тамъ же 115.

d) См. Банки и другія кредитныя установленія въ Россіи и иностранныхъ земляхъ. С.-ПБ. 1840 въ типогр. Фишера. Стр. 167 и 168,

Неизвѣстно въ какой степени всѣ эти мѣры вели къ предположенной цѣли, — слѣдуетъ полагать, что мѣдная монета по прежнему оставалась главною монетою въ платежахъ податей. Уже въ 1760 году предписано было всѣ мѣдныя деньги, имѣющіяся въ главномъ коммисаріатѣ и въ С.-Петербургѣ, подлежащія до коммисаріата и впредь привозимыя изъ городовъ, во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ, гдѣ есть, на серебрянныя обмѣнивать; этотъ усиленный обмѣнъ продолжался до 1763 года [a]).

Послѣдняя перемѣна въ мѣдной монетѣ въ разсматриваемый нами періодъ произведена была Петромъ III. Въ 1762 году генваря 17, по случаю войны, велѣно было всю мѣдную монету перепечатать въ 32 рублевый съ пуда вѣсъ, и назначенъ годичный срокъ для этой операціи. Пятаки должны были быть перепечатаны въ гривны, гроши въ четырехъ копѣечники и копѣйки въ гроши. Только денежки и полушки оставлены были безъ перемѣны.

Въ кратковременное царствованіе Петра III успѣли перепечатать всего на 2,337,075 рублей; съ возшествіемъ же на престолъ Екатерины II перепечатка пріостановлена и перепечатанныя деньги 32 рублеваго въ пудѣ вѣса вымѣняны.

Мы указали въ общихъ чертахъ на всѣ главнѣйшія перемѣны въ мѣдной монетѣ, происходившія въ теченіе всего разсматриваемаго нами періода.

Все каличество мѣдной монеты, которое должно было находится въ обращеніи въ разное время, судя по выпускамъ сдѣланнымъ казною, представляетъ слѣдующія цифры;

Къ 1718 г. должно было находиться въ обращеніи 2 ½ мил. р.
» 1725 . . . : . . . . 3 ½ » »

a) П. С. З. т. 16 № 11,805.
b) П. С. З. т, 16 № 11,741.

» 1731 . . . . 5$_{,861}$ » »
» 1744 . . . . 5$_{,982}$ » »
» 1755 . . . . 4$_{,106}$ » »
» 1782 . . . . 9$_{,656}$ » »

Это исчисленіе почти во всемъ согласно съ исчисленіями другихъ писателей, и основано большею частію на оффиціальныхъ источникахъ.

Независимо отъ мѣдной монеты выпущенной казною, въ теченіе всего разсматриваемаго нами времени, была въ обращеніи также и фальшивая монета; но нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что количество ея было значительно и могло имѣть какое нибудь вліяніе на цѣнность мѣдныхъ денегъ вообще. Вымѣнъ пятаковъ далъ лучшее доказательство, какъ невѣрны были всѣ предположенія о чрезмѣрномъ наплывѣ фальшивыхъ денегъ.

Сравнивая количество звонкой и мѣдной монеты, которое должно было находиться на рынкѣ въ разное время, судя по выпускамъ изъ монетныхъ дворовъ, получимъ слѣдующія приблизительныя цифры.

	Золотой	Серебрянной	Мѣдной
Де перечекана сер. монеты 1731 г.			
къ 1718 „	80,000 р.	35 мил. р.	2$_{,6}$ мил. р.
„ 1725 „	770,000 „	40$_{,2}$ „ „	3$_{,5}$ „ „
„ 1731 „	880,000 „	43.$_{6}$ „ „	5$_{,8}$ „ „
Съ началомъ перечекана сереб. монеты въ 1731 г.		Выпуски новой монеты изъ сыраго металла и старой монеты.	
къ 1741 „	1,010,000 „	21 мил. р.	5$_{,9}$ „ „
„ 1751 „	1,180,000 „	(+ 14$_{,3}$) = 35$_{,3}$ „ „	4.$_{1}$(1753) „
„ 1761 „	2,800,000 „	(+ 16$_{,4}$) = 51$_{,9}$ „ „	9$_{,6}$ „

Изъ этихъ приблительныхъ вычисленій видно [a]), что

---

a) По таблицѣ Шторха выпуски звонкой монеты отъ 1700 до 1762 года простирались: золотой 2,797,330 р.; серебрянной 61,768,633 руб. Въ послѣдней суммѣ не приняты разумѣется въ счетъ серебрянныя деньги выпущенныя до 1700 года. См Storch Cours d'écon pol. т. 4 стр. 299.

мѣдной монеты должно было находиться на рынкѣ весьма не большое количество сравнительно съ количествомъ звонкой монеты.

Если при этомъ обратимъ вниманіе, что во второй половинѣ XVIII вѣка количество мѣдной монеты, выпущенной монетными дворами къ концу столѣтія превосходило 80 милліоновъ рублей (Шторхъ), то тѣ суммы, которыя находились на рынкѣ въ разсматриваемый нами періодъ должны казаться сравнительно ничтожными.

Между тѣмъ всѣ изслѣдователи денежной системы въ Россіи первой половины XVIII столѣтія говорятъ о чревычайномъ наплывѣ мѣдной монеты; о томъ что мѣдная монета вытѣснила золото и серебро заграницу, и сдѣлавшись самостоятельнымъ маштабомъ цѣнности на рынкѣ, была причиною сильныхъ колебаній цѣнъ и вексельнаго курса.

Такое мѣніе о состояніи денежнаго рынка въ Россіи въ первую половину XVIII вѣка установлено въ наукѣ Шлецеромъ, въ его сочиненіи, которое мы цитируемъ часто Сочиненіе это, богатѣйшее по матеріалу, несмотря на несомненныя достоинства, въ своихъ главныхъ выводахъ основано на мнѣніяхъ барона Миниха, бывшаго директоромъ монетныхъ дворовъ при Аннѣ Іоановнѣ, мнѣніяхъ совершенно ложныхъ. Минихъ принадлежалъ къ числу дѣятелей по перепечаткѣ пятаковъ; приписывалъ особенно важное значеніе фальшивой монетѣ, однихъ фальшивыхъ пятаковъ насчитывалъ онъ до 6 милліоновъ, писалъ проэкты о вымѣнѣ пятаковъ посредствомъ лотареи, и потомъ, когда оказалось что въ обращеніи пятаковъ было меньше чѣмъ сколько выпущено казною, придумывалъ всевозможныя оправданія для своихъ прежнихъ предположеній. Изслѣдованіе Шлецера, при которомъ приложены проэкты Миниха, мало извѣстно въ русской литературѣ; но имъ пользовался Шторхъ, авторъ весьма из-

вѣстный, мнѣніе котораго всегда будетъ пользоваться авторитетомъ и не въ одной только Россіи. Къ сожелѣнію Шторхъ, становясь въ противорѣчіе своимъ собственнымъ теоретическимъ и историческимъ изслѣдованіямъ, удержалъ заблужденія Шлецера относительно денежнаго рынка въ Россіи въ разсматриваемый нами періодъ, а позднѣйшіе писатели продолжаютъ только развивать эти заблужденія [a]).

При отсутствіи мелкой серебрянной монеты, мѣдная монета должна была имѣть важное значеніе въ денежномъ обращеніи. Безполезны всякія вычисленія о томъ, въ какоиъ количествѣ мѣдной монеты нуждался тогдашній рынокъ; можно однакоже сказать, что потребность въ ней сравнительно съ казенными выпусками, была весьма велика, такъ что на

---

a) Вотъ собственныя слова Шторха о мѣдной монетѣ и о денажномъ рынкѣ вообще при Петрѣ I и его преемникахъ до Екатерины II: „этотъ государь (Петръ I) уменьшившн на половину цѣнность серебряннаго рубля, началъ бить мѣдную монету шести сортовъ отъ полуполушки до пятикопѣечника. Законный вѣсъ этой монеты сильно измѣнялся въ разные періоды его царствованія. Въ 1704 году назначенъ былъ 20 рублевый съ пуда вѣсъ"... „Вы видите что Императоръ придалъ мѣдной монетѣ цѣнность въ три раза большую т. е. на 300%, съ 1718 года велѣно дѣлать мѣдную монету въ 40 рублей съ пуда, этотъ вѣсъ удержанъ Екатериною I и Петромъ II. Здѣсь мѣдная монета оцѣнена была выше на 566⅔% и рубль мѣдный въ дѣйствительности стоялъ 15 копѣекъ. Какъ ни чрезвычайно отступленіе это отъ дѣйствительной цѣны мѣдной монеты, она можетъ быть удержала бы свою номинальную цѣнность, если бы за нею сохранили характеръ размѣнной монеты; но ее не только чеканили въ большихъ монетахъ, но и выпускали въ такомъ чрезвычайномъ киличествѣ, что она немедленно изгнала изъ обращенія часть серебрянной монеты.... Слѣдствія такой системы должны были быть несчастны. Пока мѣдная монета сохраняла свою номинальную цѣнность, рынокъ былъ затопленъ фальшивою монетою поддѣланною въ сосѣднихъ странахъ" (далѣе Шторхъ говоритъ о шести милліонахъ фальшивыхъ пятаковъ, слѣдуя Миниху). „На все количество фальшивой монеты иностранцы закупили серебрянную монету и товары въ Россіи, съ барышомъ 560%: Россія обѣднѣла на всю эту сумму и лишилась серебрянной монеты. Эти обстоятельства не замедлили понизить номинальную цѣнность мѣдной монеты, а

рынкѣ постоянно чувствовался скорѣе недостатокъ чѣмъ изобиліе мѣдной монеты. Пріемъ ее при взносѣ податей (главная гарантія кредита мѣдной монеты) существовалъ въ теченіи всего разсматриваемаго нами періода, и правительство, не смотря на всѣ неудобства отъ полученія доходовъ мѣдью, изыскививало различныя мѣры удержать мѣдную монету въ народномъ обращеніи, но васьма рѣдко прибѣгало къ ограниченіямъ въ пріемѣ при платежахъ податей; тѣ немногіе случаи, въ которыхъ правительство при взносѣ нѣкоторыхъ налоговъ требовало звонкой монеты, не могли имѣть никакого вліянія на цѣнность мѣди, такъ какъ количество послѣдней было весьма мало. Размѣнъ мѣдной монеты на серебро производился на рынкѣ свободно, покрайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ признаковъ существованія лажа; если же мы не встрѣчаемъ правильнаго размѣна мѣдной монеты на серебро въ кассахъ правительства, то это можетъ только служить доказательствомъ, что количество мѣдной монеты не превышало потребностей рынка, такъ что одинъ пріемъ въ податяхъ былъ совершенно достаточною гарантіею ея кредита.

по мѣрѣ того какъ она приближалась къ своей внутренней цѣнности, всѣ товары въ мелкой продажѣ пропорціонально дорожали, народъ страдалъ, и правительство, принимая эту монету по ея номинальной цѣнѣ, испытывало чувствительное уменьшеніе доходовъ.

Эти бѣдствія раскрыли наконецъ глаза администрація: въ 1735 году Импер. Анна велѣла выпускать новую монету по 10 рублей изъ пуда. Эта монета имѣла номинальную цѣнность только на 53 $^{4}/_{8}$% выше дѣйствительной; но такъ какъ прежняя монета оставалась въ обращеніи, то на нее покупали хорошую монету, исчезавшую такимъ озразомъ немедленно по выходѣ изъ подъ молотка“. См. Cours d'écon. pol. т. 4 стр. 81 и сл.

Во всемъ этомъ описаніи денежнаго рынка Шторхъ слѣдовалъ Миниху и даже повторяетъ предположеніе Миниха о покупкѣ новой мѣдной монеты на старую, предположеніе изобрѣтенное Минихомъ для оправданія своихъ проэктовъ и исчисленій фальшивой монеты.

Представляя собою кредитный знакъ, мѣдная монета, выпущенная даже въ большомъ количествѣ, но не потерпѣвшая обезцѣненія, могла на мало развитомъ рынкѣ замѣнять золотую и серебрянную монету, какъ это бываетъ при замѣнѣ металлическаго обращенія кредитнымъ.

Но мѣдная монета въ такомъ случаѣ не могла исключать потребности въ звонкой монетѣ, какъ въ масштабѣ цѣнности и орудіи накопленія, а могла замѣнить ее только какъ орудіе обращенія и то въ мелкихъ платежахъ.

Мы указали какъ мѣдная монета, въ избранный нами періодъ, мало по малу вытѣсняла изъ обращенія мелкую серебрянную монету, вслѣдствіе недостатковъ монетной системы и потребностей рынка въ мелкой монетѣ.

При монетной единицѣ, не соотвѣтствовавшей потребностямъ слабо развитаго хозяйства, при отсутствіи мелкой серебрянной монеты и малой средней покупкѣ на рынкѣ, мѣдная монета дѣйствительно могла являться самымъ употребительнымъ орудіемъ обращенія, тѣмъ болѣе, что звонкая монета, при слабомъ развитіи денежнаго хозяйства, политическихъ смутахъ, крѣпостномъ правѣ, должна была служить въ народномъ хозяйствѣ не столько орудіемъ обращенія, сколько орудіемъ сбереженія капиталовъ. Но какъ ни мало развито было въ то время денежное хозяйство, все же потребность даже въ орудіяхъ обращенія была значительно больше всего количества мѣдной монеты обращавшейся въ народѣ. Мы указали, что одинъ взносъ податей требовалъ весьма значительныхъ суммъ, за исключеніемъ которыхъ, для торговли и размѣна должно было оставаться небольшое количество мѣдной монеты; такъ что она не только не могла вытѣснить звонкой монеты, какъ орудія измѣренія и накопленія цѣнностей, но даже какъ орудіе обращенія пополняла только недостатки въ мелкой монетѣ.

Мы знаемъ, что при дворѣ обращалось преимущественно золото, а въ высшемъ классѣ, у дворянства, вообще звонкая монета. Только въ мелкихъ покупкахъ и въ низшемъ классѣ населенія мѣдь могла являться самымъ общеупотребительнымъ орудіемъ обращенія.

Лучшимъ подтвержденіемъ такого мнѣнія могутъ служить слова Шувалова относительно той роли, какую играла звонкая монета на рынкѣ въ его время: «выпущенная изъ казны многихъ милліоновъ рублевая монета (правительство считало тогда серебрянной монеты въ обращеніи до 50 мил.) большая часть въ рукахъ партикулярныхъ внутри Государства обращается, а у нихъ оставшіе тамо за употребленіемъ ихъ надобностей нѣсколько, иногда отъ разныхъ приключеній въ землѣ, въ водѣ и въ огнѣ пропадали, и пропадаютъ, а у другихъ безъ всякой пользы лежатъ» [a]).

Накопленіе капиталовъ въ звонкой монетѣ могло существовать въ то время во всѣхъ классахъ общества и требовать весьма большихъ суммъ. Высшіе сановники занимались откупами и при слабомъ развитіи роскоши, при неблагопріятныхъ условіяхъ для кредита, должны были сохранять значительныя суммы. Накопленіе капиталовъ въ возникавшемъ тогда среднемъ сословіи было также значительно. Если соціальныя условія для развитія торговаго класса были въ то время весьма невыгодны, то развитіе денежнаго хозяйства, возникавшая фабричная и заводская промышленность, поощренія правительства, казенные подряды и вообще всѣ экономическія условія были весьма благопріятны. Щербатовъ, жалуясь на то, что въ его время правительство давало купцамъ чины и дворянство, говоритъ что «немалую бы можно было написать тетрадь имянъ тѣхъ богатѣйшихъ въ

а) П. С. З. томъ XIV, — 10,777.

Россіи купцовъ, которые съ большими капиталами вышли изъ торговли» .... «если всѣхъ счесть, то по крайней мѣрѣ, будетъ такого вышедшаго изъ торгу капиталу болѣе десяти милліоновъ, и не считая множества заводчиковъ и ихъ дѣтей яко Турченинова, Походяшина и прочихъ» Замѣтимъ, что въ разсматриваемое нами время является фамилія Демидовыхъ. Между тѣмъ, не только накопленіе капиталовъ, но большая часть торговыхъ оборотовъ производилась при посредствѣ звонкой монеты. Торговый кредитъ былъ слабо развитъ. Шереръ говоритъ, что московскіе купцы никогда не платили по векселямъ денегъ, а предлагали или товаръ брать или записать на счетъ, — вообще не охотно разставались съ звонкою монетою.

Наконецъ относительно роли звонкой монеты въ низшемъ, крѣпостномъ населеніи, мы заимствуемъ выписки изъ разныхъ авторовъ, приводимые Шлецеромъ.

Такъ Перри говоритъ, «что касается сбереженій, то у простаго народа существуетъ обычай прятать въ землю, такъ что вѣроятно теряется этимъ путемъ весьма большая сумма, вслѣдствіе смерти тѣхъ, которые прятали». Бюшингъ того же мнѣнія: «совершенно вѣроятно, что въ Россіи денегъ больше въ землю зарыто, чѣмъ находится на поверхности. Крестьяне очень боятся насилій, которыя ихъ деньги могутъ навлечь имъ. Наконецъ авторъ Essai sur le Comm. de Russ. говоритъ: «Монета всегда была рѣдка въ Россіи, отъ различныхъ причинъ. У Русскихъ существуетъ обычай секретно прятать собранныя деньги, чтобы избѣгнуть алчности господъ». Шлецеръ смѣется надъ этими разсказами, и говоритъ, что еще въ 1764 году былъ какой-то пасторъ Эйзенъ, написавшій сто проэктовъ, которыми хотѣлъ ощастливить Россію; между прочимъ, онъ предлагалъ средства «милліоны скрытые въ русской землѣ возвратить на свѣтъ».

Но Шлецеръ отказывая во всякомъ значенiи тому что деньги прятали въ землю и защищая мнѣнiе, что въ Россiи звонкой монеты совсѣмъ не было, приводитъ невѣрныя доказательства и впадаетъ въ противорѣчiя.

Онъ говоритъ, что въ Германiи тоже были свои образцы грабителей воеводъ, а неслышно, чтобы тамъ зарывали деньги; между тѣмъ, по свидѣтельству Гельфериха въ XVIII вѣкѣ и въ Германiи существовалъ еще этотъ обычай. Далѣе, доказывая, что въ Россiи у частныхъ людей не могло быть звонкой монеты, Шлецеръ сознается, что при Петрѣ I и первыхъ четырехъ его преемникахъ въ Россiи не замѣтно никакой нужды въ деньгахъ (Geld-Not).

Изъ приведенныхъ соображенiй относительно той роли, какую играла звонкая монета на русскомъ денежномъ рынкѣ, можно прiйти къ тому заключенiю, что въ самой монетной системѣ не было никакихъ причинъ, которыя вызывали бы переплавъ или отливъ звонкой монеты заграницу.

Между тѣмъ писатели, занимавшiеся исторiею денегъ въ Россiи въ XVIII столѣтiи, утверждаютъ, что серебро уходило изъ Россiи заграницу, и на рынкѣ почти исключительно оставалась мѣдная монета. Такое явленiе объясняютъ излишнимъ наплывомъ фальшивой монеты, вслѣдствiе чего происходило будтобы обезцѣненiе мѣдной монеты и вытѣсненiе звонкой изъ обращенiя. Таково было мнѣнiе правительства при Аннѣ Iоанновнѣ, во время перепечатки мѣдной монеты въ тяжеловѣсную. Впослѣдствiи при Елисаветѣ Петровнѣ, какъ мы видѣли, правительство успѣло разубѣдиться во вредномъ влiянiи легковѣсной монеты и въ мнимомъ наплывѣ фалршивыхъ денегъ, а также и въ томъ, что звонкая монета ушла заграницу, и что ее совсѣмъ нѣтъ въ народномъ обращенiи. Только въ наукѣ благодаря Миниху и

Шлецеру, а отчасти указамъ временъ Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны существуетъ еще это заблужденіе.

Не находя признаковъ обезцѣненія мѣдныхъ денегъ въ разсматриваемый нами періодъ, мы можемъ сказать, что въ монетной системѣ нельзя искать причинъ выхода звонкой монеты заграницу, и что выходъ всей монеты подходившей подъ общую систему, могъ происходить только въ такомъ случаѣ, если бы состояніе металлическаго рынка Россіи представляло необходимыя для того условія, т. е. если бы цѣнность благородныхъ металловъ въ Россіи была ниже чѣмъ на другихъ европейскихъ рынкахъ.

Правда, вслѣдствіе недостатковъ монетной системы, могли уходить заграницу золотая монета и старыя высокопробныя серебряныя деньги.

Что касается вывоза золотой монеты, то если бы даже она вся ушла, — потеря для рынка 3 милліоновъ рублей въ теченіе 60 лѣтъ не могла имѣть важнаго значенія.

Мелкая же серебрянная монета, какъ мы видѣли, была перепечатана правительствомъ почти вся, за исключеніемъ одинадцати милліоновъ рублей, которыхъ недосчитывала казна, и которые могли быть отчасти вывезены, отчасти переплавлены и оставались на русскомъ металлическомъ рынкѣ; наконецъ часть могла быть совершенно потеряна въ теченіе сорокалѣтняго обращенія. На долю заграничнаго вывоза приходится слѣдовательно незначительная сумма. Но и относительно этой суммы, а также золотой монеты, слѣдуетъ еще замѣтить, что спекуляція на разность между рыночною цѣнностью этой монеты и ея законнымъ курсомъ могла представлять значительные барыши только въ такомъ случаѣ, если бы на русскомъ рынкѣ монета эта ходила только по законному курсу, но такъ какъ на нее былъ лажъ, то вывозъ не могъ давать особыхъ барышей. Наконецъ при вы-

сокомъ вексельномъ курсѣ платежи заграницу золотомъ и старымъ серебромъ не могли представлять выгодъ.

И такъ, изъ всего сказаннаго относительно монетной системы, слѣдуетъ, что только одно пониженіе достоинства монетной единицы должно было уменьшить цѣнность денегъ; другихъ же причинъ обезцѣненія денегъ въ монетной системѣ не было.

Золотая и высокопробная серебрянная монета, вслѣдствіе низкаго законнаго курса не могла удержаться въ монетной системѣ, и, потерявши значеніе денегъ, превратилась въ товаръ.

Наконецъ мѣдная монета, во весь разсматриваемый нами періодъ, не смотря на всѣ превращенія, которымъ она подвергалась, пользовалась полнымъ кредитомъ въ народѣ. Количество ея бывшее въ обращеніи въ разное время не только не превосходило потребностей рынка, но не всегда даже удовлетворяло потребности въ мелкой монетѣ, и потому не могло имѣть никакого вліянія ни на ея кредитъ, ни на ея цѣнность. Во весь разсматриваемый нами періодъ, мы не находимъ никакихъ признаковъ обезцѣненія мѣдныхъ денегъ. При слабо развитомъ денежномъ хозяйствѣ мѣдная монета не могла представлять особыхъ неудобствъ для рынка; одно правительство, пользуясь доходомъ при выпускѣ мѣди, чувствовало большія неудобства отъ наплыва мѣдной монеты въ его кассы. По этому всѣ мѣры противъ мнимо вреднаго вліянія мѣдныхъ денегъ на народное хозяйство, въ основаніи своемъ вытекали изъ желанія устранить мѣдь изъ казенныхъ сборовъ. На народное же хозяйство безъ сомнѣнія вредно дѣйствовали частыя перемѣны въ мѣдной монетѣ, при чемъ не только затруднялось обращеніе, но какъ мы видѣли, владѣльцы монеты несли иногда значительныя потери.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Состояніе вексельнаго курса и общія замѣчанія относительно цѣнъ на хлѣбъ.

Возраставшая потребность въ драгоцѣнныхъ металлахъ на развивавшемся русскомъ металлическомъ рынкѣ, и незначительная разработка собственныхъ рудниковъ вели къ тому; что Россія должна была удовлетворять спросу на золото и серебро путемъ внѣшней торговли. Такъ какъ торговыя сношенія съ западною Европою были правильны и постоянны, то цѣнность драгоцѣнныхъ металловъ въ Россіи, при спокойномъ состояніи металлическаго рынка западной Европы, не могла представлять значительныхъ и продолжительныхъ колебаній; вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣнность денегъ, находящаяся въ тѣсной зависимости отъ цѣнности драгоцѣнныхъ металловъ, могла подвергаться колебаніямъ только вслѣдствіе перемѣнъ, происходившихъ въ монетной системѣ.

Мы видѣли, что единственная перемѣна въ монетной системѣ, имѣвшая вліяніе на пониженіе цѣнности денегъ состояла въ пониженіи монетной единицы, — другихъ причинъ измѣненія цѣнности денегъ въ монетной системѣ не было. По этому слѣдуетъ прійти къ заключенію, что цѣнность денегъ въ Рвссіи отъ 1700 до 1762 года оставалась неизмѣнною, за исключеніемъ незначительнаго пониженія

цѣнности ихъ, послѣдовавшаго послѣ уменьшенія достоинства монетной единицы въ 1718 году.

Подтвержденіемъ такого вывода можетъ служить состояніе вексельнаго курса и цѣнъ на хлѣбъ во весь разсматриваемый нами періодъ.

Свѣдѣнія о состояніи вексельнаго курса въ Россіи отъ 1700 до 1762 года мы заимствуемъ изъ таблицъ приводимыхъ Шторхомъ [a]).

Годы	Пари рубля на штиверы	Вексельный курсъ			Годы	Пари рубля на штиверы	Вексельный курсъ		
		высш.	средн.	низш.			высш.	средн.	низш.
1700	50	„	50	—	1738	42 1/2	50 1/2	49	47 1/2
1704	„	„	54	—	1739	„	50	48 1/3	47
1710	„	80 3/8	74 1/2	68 1/2	1740	„	50	48 3/8	47 1/2
1716	„	59	56	53	1741	„	50	48 3/4	47 1/2
1717	„	56	54 1/2	53	1742	„	49	47 3/4	46 1/2
1718	42 1/2	61	60	59	1743	„	47	45 3/4	44 1/2
1719	„	60	58 1/2	57	1744	„	48 1/2	46 1/2	44 1/2
1720	„	63	59 1/2	56	1745	„	47 7/8	46 1/7	44 1/2
1721	„	56	56	56	1746	„	50 1/2	48 1/4	46
1722	„	55	52 1/2	50	1747	„	50 1/2	45 1/4	40
7723	„	54	52	50	1748	„	48 3/4	46 3/4	44
1724	„	57	54	51	1749	„	45 1/2	44 5/8	44
1725	„	57 1/2	55 1/4	53	1750	„	47 3/4	47 1/4	47
1726	„	56	53 1/2	51	1751	„	47 3/4	46 3/4	46
1727	„	53 1/2	51	48 1/2	1752	„	50	48 3/16	47 1/2
1728	„	57	52 3/4	48 1/2	1753	„	53	51	49 1/4
1729	„	59 1/4	56 1/4	53 1/4	1754	„	53	51	49 1/4
1730	„	53	51	49	1755	„	51	50	49
1731	„	58	58	58	1756	„	51 3/4	49 3/4	48 3/4
1732	„	50	48 1/2	47	1757	„	49 1/4	47 1/2	44 1/2
1733	„	53 1/2	50	46 1/2	1758	„	45 3/4	44 3/4	43 3/4
1734	„	53 1/2	50	46 1/2	1859	„	44	43 1/2	41
1735	„	51 1/2	50	48 1/2	1760	„	42	40	38 1/4
1736	„	51 3/4	49 3/4	47 3/4	1761	„	44 3/4	43 5/7	42
1737	„	53 1/2	51 7/8	50 1/4	1762	„	47	43 7/8	40 3/4

a) Storch Cours d'écon. pol. т. 4 стр. 313 и Suppebd. zum Gemälde стр. 5 Мы сдѣлали отступленія въ исчисленіи пари рубля, Свѣдѣнія о вексель-

Изъ этой таблицы видно, что вексельный курсъ во все разсматриваемое нами время былъ выгоденъ для Россіи и только въ 1760 году, одинъ разъ теченіи всего 62 лѣтняго періода онъ упалъ ниже пари. Высшая точка до которой достигалъ вексельный курсъ была 74½ штив. въ 1710 году; низшая — 38¼ штив. въ 1760 году. Среднiй курсъ отъ 1700 до 1718 — 57 шт.; + 14%

1717 »	1724 —	56	»	+ 31%
1725 »	1734 —	52½	»	+ 23%
1735 »	1744 —	48½	»	+ 14%
1745 »	1754 —	47½	»	+ 11
1655 »	1764 —	45¼	»	+ 6%

Хотя цифры эти представляютъ весьма сильныя колебанія вексельнаго курса, но мы видимъ, что онъ постоянно оставался выгоднымъ и свидѣтельствуетъ о постоянномъ приливѣ драгоцѣнныхъ металловъ на русскій металлическій рынокъ первой половины XVIII вѣка. Въ этомъ отношеніи состояніе вексельнаго курса подтверждаетъ только справедливость общаго заключенія сдѣланнаго нами относительно нашей заграничной торговли. Но мы видимъ, что вексельный курсъ въ большенствѣ годовъ достигалъ такой высоты, которая должна была далеко превосходить издержки провоза, какъ бы велики они нибыли, поэтому однимъ выгоднымъ балансомъ заграничной торговли нельзя объяснить ни такого высокаго состоянія, ни всѣхъ колебаній вексельнаго курса. Уже Шторхъ замѣчалъ, что съ сороковыхъ годовъ вексельный курсъ падалъ, тогда какъ выгодный торговый балансъ возрасталъ [a]). Слѣдовательно должны были суще-

номъ курсѣ отъ 1700 до 1702 заимствованы Шторхомъ у Перри; за 1704 г. у Марпергера; за 1710 у Витворта. Съ 1716 года вексельный курсъ означенъ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ изъ архивовъ Коммерцъ-коллегіи.

а) Storch Gemälde, т. 5, стр. 407.

ствовать другія причины, подъ вліяніемъ которыхъ устанавливался вексельный курсъ.

Самымъ легкимъ объясненіемъ высокаго состоянія вексельнаго курса было бы предположеніе, что цѣнность благородныхъ металловъ и денегъ въ Россіи была выше цѣнности ихъ на европейскомъ рынкѣ. Но мы думаемъ, что не прибѣгая къ такому объясненію можно найти достаточно другихъ причины, вліявшихъ на состояніе вексельнаго курса, совершенно независимо отъ перемѣнъ въ цѣнности денегъ.

Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что казна, нуждаясь постоянно въ звонкой монетѣ весьма часто производила покупку серебра заграницею. Весьма вѣроятно, что покупки эти производились на такихъ условіяхъ, на кикихъ можно было достать серебро и на внутреннихъ рынкахъ, и даже быть можетъ дома купить было можно на условіяхъ болѣе выгодныхъ, но этого нельзя было сдѣлать, не подрывая цѣнности мѣдной монеты и тѣхъ таксъ, которыя установляло само правительство. Эти постоянныя покупки серебра и ефимкомъ должны были сильно поднимать вексельный курсъ при соворшенно спокойномъ состояніи денежнаго рынка Россіи, тѣмъ болѣе, что установленіе вексельнаго курса больше всего зависило отъ казны, торговля которой составсяла, какъ мы видѣли, почти двѣ трети всей русской заграничной торговли. Субсидіи, контрибуціи и другія вывозы благородныхъ металловъ изъ заграницы въ Россію могли также способствовать возвышенію вексельнаго курса.

Изъ причинъ же вліявшихъ на пониженіе вексельнаго курса, кромѣ перемѣнъ въ торговомъ балансѣ, неурожаевъ, какъ напр· въ 1722 году, по случаю ввоза хлѣба въ Рос-

сію изъ за-границы, слѣдуетъ прежде всего указать на пониженіе достоинства монетной единицы

Если въ приведенной таблицѣ мы не замѣчаемъ рѣзкихъ перемѣнъ въ вексельномъ курсѣ, слѣдовавшемъ непосредственно за пониженіемъ монетной единицы въ 1718 г., а видимъ даже противное, т. е. что вексельный курсъ, вмѣсто того чтобы понизиться, возвысился, то это слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что пониженіе цѣнности монетной единицы не вдругъ обнаруживалось даже и на цѣнахъ товаровъ внутри Россіи, и такъ какъ вывозъ монеты изъ Россіи былъ не великъ, то и на вексельномъ курсѣ пониженіе монетной единицы обнаруживалось такъ же не вдругъ, а по мѣрѣ вздорожанія товаровъ на внутреннихъ рынкахъ. Впрочемъ уже съ 1722 и даже 1721 года мы замѣчаемъ паденіе вексельнаго курса, которое можно приписать между прочимъ и пониженію достоинства монетной единицы, тѣмъ болѣе, что впослѣдствіи вексельный курсъ ни разу не достигалъ такой высоты какъ въ 1718, 1719 и 1720 годахъ. Какъ ни медленно обнаруживалось вліяніе пониженія достоинства рубля на товарномъ рынкѣ Россіи, мы не можемъ отказать пониженію монетной единицы во всякомъ вліяніи на соотвѣтственное пониженіе вексельнаго курса, хотя конечно другія причины могли усиливать или уменьшать и даже совершенно парализировать это вліяніе. Между тѣмъ изслѣдователи денежной системы въ Россіи въ первую половину XVIII вѣка, приписывающіе выпускамъ мѣди причину пониженія цѣнности денегъ, не находя подтвержденія своего мнѣнія въ состояніи вексельнаго курса, приходятъ къ тому заключенію, что всѣ перемѣны въ монетной системѣ съ 1700 года, даже пониженіе монетной единицы, не имѣли никакого вліянія на вексельный курсъ. Такъ Шлецеръ говоритъ: «иностранецъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о томъ, что се-

ребрянный рубль Екатерины II содержалъ на 57 ассовъ меньше серебра чѣмъ прежніе, выпущены съ 1718 года, и на векселяхъ считалъ ихъ равными; также мало безпокоили его и вновь сдѣланные мѣдные рубли, не смотря на то, что они едва имѣли половину цѣнности новыхъ серебряныхъ рублей. Въ самой Россіи мѣдь ходила также какъ серебро и золото; а иностранцы при невыгодномъ для нихъ торговомъ балансѣ, не брали отъ Русскихъ ни одного лота благородныхъ металловъ, и должны были только сводить счеты и ежегодно въ общемъ итогѣ еще приплачивать милліоны; по этому имъ было все равно, чтобы ни называлось рублемъ, было ли это серебро или мѣдь, или какъ въ старомъ Новгородѣ куницы и лобки бѣльи. Еще меньше интересовали ихъ бумажныя деньги, такъ какъ послѣднія были совсѣмъ запрещены въ заграничной торговлѣ». Такого же мнѣнія держался и Шторхъ. [a]) Хотя эти доводы относятся къ позднѣйшему времени, но очевидно они могутъ быть отнесены и къ разсматриваемому нами періоду, и вообще приводятся изъ желанія доказать обезцѣненіе мѣдной монеты. Шлецеръ и Шторхъ совершенно умалчиваютъ о вліяніи пониженія монетной единицы на состояніе вексельнаго курса отъ 1700 до 1762 г., потому что существуютъ свидѣтельства современниковъ о томъ впечатлѣніи, какое произвело пониженіе монетной единицы на состояніе вексельнаго курса. Такъ Перри, бывшій въ Россіи въ самомъ началѣ XVIII столѣтія, разсказываетъ, какъ отнесся рынокъ и заграничная торговля къ перепечаткѣ ефимковъ въ рубли. «Эта перемѣна, говоритъ онъ», повела къ тому, что талеръ, монета которою иностранцы платятъ

---

a) Schlözer Münz-G. und Bergwerks-Geschichte стр. 202 и 203 Storch Gemälde т. 6 стр. 312.

таможенныя пошлины за всѣ ввозные товары, стоявшая на старую монету едва 55 копѣекъ, теперь послѣ перемѣнъ стояла 100 копѣекъ. Вексель, имѣющій такое важное вліяніе на торговлю, палъ сразу отъ 30 до 40%, и цѣны всѣхъ товаровъ, особенно иностранныхъ, возрасли пропорціонально паденію векселя. Думаютъ, что главною причиною этого бѣдствія слѣдуетъ считать фальшивую монету; но отъ какихъ бы причинъ оно ни происходило, все же страдаетъ вексель и съ каждымъ днемъ будетъ страдать больше, пока дѣло само собою не исправится». Витвартъ, говоря объ этой же перемѣнѣ монетной единицы, и указывая на то что ефимки въ пошлину принимались по старой оцѣнкѣ, въ 50 копѣекъ, замѣчаетъ: «въ 1710 году вексельный курсъ былъ 3 руб 10 коп. за фунтъ стерлинговъ (слѣд. 73_{17} штив.) тогда какъ по внутреннему достоинству слѣдовало бы 4½ рубля (50½ штив.). Но такъ какъ вывозъ ежегодно превышаетъ ввозъ почти на 2000 рублей, то кредитъ Русской монеты высокъ; онъ долженъ однакоже пасть до своей дѣйствительной цѣнности, если будутъ высылать за границу суммы, превышающія выгодный балансъ». [b]) Весьма естественно, что пониженіе монетной единицы послѣдовавшее въ 1718 г. не могло произвести такого сильнаго впечатлѣнія на заграничную торговлю, такъ какъ пониженіе въ этотъ разъ было сравнительно малое, меньше 20%, и монета удерживала свою номинальную цѣнность на внутреннихъ рынкахъ болѣе продолжительное время. Позднѣе, мы встрѣчаемъ заявленіе Миниха о томъ, что вексельный курсъ писался не на фиктивную, а на дѣйствительную русскую монетную единицу. Свидѣтельство Миниха особенно важно, такъ какъ онъ самъ принадлежалъ къ главнымъ преслѣдователямъ мѣдной монеты.

---

b) Schlözer стр. 38 и 40.

«Цѣна нашихъ рублей», говоритъ Минихъ, «не зависитъ отъ ихъ внутренней цѣнности, а отъ того, что купцы, за русскіе товары должны платить большія суммы, и для облегченія, когда недостаетъ звонкой монеты, принуждены предлагать векселя». [a]). Да и не могло быть иначе. Если Шлецеръ могъ высказать экономически невѣрную мысль, то странно встрѣчать повтореніе чужихъ ложныхъ мнѣній у такого писателя какъ Шторхъ [b]).

---

a) Schlözer стр. 203 и Beylg стр. 10.

b) Еще менѣе справедливо мнѣніе Шерера о русскомъ вексельномъ курсѣ. "Вексельный курсъ въ Россіи„, говоритъ онъ, "пишется на Амстердамъ, и голландскій талеръ считается за 50 копѣекъ или рубль въ 5 флориковъ. Здѣсь рубль оцѣнивается по старой монетной единицѣ, когда 37½ копѣйки составляли марку чистаго металла, а сто копѣекъ составляли рубль, т. е. когда онъ былъ въ двое больше настоящаго по достоинству. Старыя копѣйки и рубли, о которыхъ я говорю, слѣдуетъ считать монетою идеальною, какъ французскій ливръ или англійскій фунтъ стерлинговъ, монетою, которая употребляется только для счета. Всѣ товары платятъ пошлины ввозныя и вывозныя Голландскими талерами, которые принимаются по вѣсу и отсылаются на монетный дворъ въ Петербургъ. Англичане составляютъ исключеніе въ этомъ отношеніи: они одни пользуются привилегіею платить пошлины русскими деньгами при недостаткѣ талеровъ; это важная льгота для англичанъ, и ненавистная для другихъ націй, которыя должны пріобрѣтать голландскіе талеры, платить за нихъ дорого и часто терять 15 и 20% на каждой монетѣ„. Scherer т. 1 стр. 125. Справедливо, что при платежѣ пошлинъ ефимокъ считали въ 50 копѣекъ; это показываетъ только, что таможенныя пошлины были выше номинальнаго оклада, но нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что вексельный курсъ писался на ефимки или на старые рубли. Относительно льготы англичанъ въ платежѣ пошлинъ, мы находимъ свѣдѣнія у Щербатова, подтверждающія вѣрность вышеприведенной таблицы вексельнаго курса. „При заключеніи трактата съ Англіею въ (1731) году положено было Англинскіе подданные будутъ платить пошлину, какими деньгами они захотятъ привозимымъ ли серебромъ или и Россійскою ходячею монетою. Григорій Николаевичъ Тепловъ, бывшій участникъ въ семъ трактатѣ сказывалъ мнѣ причины такого положенія. Курсъ тогда стоялъ 42½ штивровъ, они же цѣну ефимковъ положили по 40 штивровъ, слѣдовательно корона получая Россійскую монету въ платежѣ пошлинъ выигрывала еще болѣе 5%, которыя собираемыя деньги тогда же было опредѣлено переводить

Если Шлецеръ и Шторхъ, для того чтобы устранить всякія противорѣчія мнимаго обезцѣненія мѣдной монеты отрицаютъ всякую связь русской монетной системы съ вексельнымъ курсомъ, то за то нѣтъ недостатка въ такихъ мнѣніяхъ, которыя пониженіе вексельнаго курса прямо приписываютъ мѣдной монетѣ. Заблужденіе это мы встрѣчаемъ у новѣйшихъ писателей и въ законодательныхъ памятникахъ Такъ напр. въ Указѣ 1744 года сказано: «что же касается вексельнаго курса, то, когда вредительная пятикопѣечная монета въ настоящую доброту хотя по малу приведена будетъ, Сенатъ несомнѣнно надѣется, что и вексель въ прежнее достоинство приходить будетъ, ибо такое векселя пониженіе не отъ иного чего, какъ по большей части отъ тѣхъ пятикопѣечниковъ послѣдовало, что же въ 1723 году вексель былъ высокъ и то каждый понять можетъ, отъ того, что пятикопѣечниковъ тогда почти еще ничего или весьма мало въ народѣ выпущено было». Достаточно одного поверхностнаго сличенія выпусковъ мѣдной монеты съ состояніемъ вексельнаго курса, чтобы убѣдиться, что вредительные пятикопѣечники не имѣли ни какого вліянія на вексельный курсъ. Такъ мы видимъ, что отъ 1726 до 1734 года, когда выпущена была въ народное обращеніе главная масса пятаковъ, когда вообще всей казенной монеты обращалось почти на $5,_{9}$ мил. рублей, и фальшивыхъ пятаковъ насчитывали больше 6 милліоновъ, когда наконецъ приступили къ передѣлкѣ мѣдной монеты въ десяти рублевый вѣсъ, средній вексельный курсъ за все время равнялся $52\frac{1}{2}$ штив., — слѣдовательно стоялъ выше

въ Голландію, и выписывать на оные серебро для монотнаго двора см. соч. К. М. М. Щербатова 118. Дѣйствителано ефимки оцѣнены были ниже, и за ефимокъ Англичане должны былъ въ пошлину платить 125 коп. русскими деньгами.

чѣмъ въ 1723 году, когда пятаковъ «почти еще ничего или весьма мало въ народъ выпущено было». Напротивъ, во все время перепечатки легковѣсной мѣдной монеты въ тяжеловѣсную, и обратнаго превращенія, вексельный курсъ постоянно понижался; такъ съ 1735 по 1744 онъ равнялся 48½ шт.; съ 1745 по 1754 г.—47½ шт., и съ 1755 по 1762 годъ—45⅓ штив., хотя во все время вексельный курсъ стоялъ выше пари. Этихъ данныхъ по нашему мнѣнію совершенно достаточно, чтобы устранить всякую мысль о вліяніи мѣдной монеты на пониженіе вексельнаго курса въ разсматриваемое нами время.

Кромѣ пониженія цѣнности монетной единицы, на пониженіе вексельнаго курса вліяла быть можетъ отчасти усилившаяся разработка золота и серебра, особенно съ сороковыхъ годовъ, когда открыты были Колывано-Воскресенскіе рудники; но разработка русскихъ рудниковъ могла уменьшать спросъ правительства на ефимки и понижать вексельный курсъ, ни сколько не измѣняя цѣнности денегъ внутри страны.

Наконецъ на пониженіе вексельного курса могли вліять звонкіе платежи за-границу. Частные платежи въ это время не могли быть велики, а главное значеніе должны были имѣть казенные заграничные расходы. Само правительство понимало вліяніе заграничныхъ платежей на состояніе вексельнаго курса и внимательно слѣдило за тѣмъ чтобы не унизить вексельнаго курса. Такъ по Ништадтскому миру Россія обязалась уплатить 2 милліона рублей, «то къ изобрѣтенію способовъ перевести оную сумму безъ униженія въ Россіи вексельнаго курса, Коммерцъ-Коллегіи велѣно имѣть разсужденіе, на что и поданы разныя мнѣнія и способы, отъ совѣтниковъ оныя» [a]).

---

a) См. исторія краткая Россійской торговли ст. 74.

Обыкновенные платежи за границу, какъ напр. содержаніе посольствъ, расходы на путешествія и др. въ то время не могли имѣть важнаго вліянія на вексельный курсъ. Гораздо большее значеніе должны были имѣть платежи чрезвычайные, особенно послучаю войнъ. Нѣкоторые писатели, слѣдуя Миниху и Шлецеру приписываютъ важное вліяніе всѣмъ безъ различія расходамъ по случнию войнъ не только на пониженіе вексельнаго курса, вслѣдстіе вывоза звонкой монеты за границу, но и на паденіе цѣнности денегъ въ Россіи.

Вообще о заграничныхъ платежахъ можно сказать, что если покрытіе ихъ не вызываетъ новыхъ выпусковъ кредитныхъ орудій обращенія, то не смотря на пониженіе вексельнаго курса, цѣнность денегъ въ странѣ можетъ оставаться совершенно неизмѣнною; если и возможно допустить какое нибудь вліяніе такихъ платежей на цѣнность денегъ внутри страны, то скорѣе слѣдуетъ предполагать не уменьшеніе, а увеличеніе цѣнности денегъ, вслѣдствіе уменьшенія денежнаго и вообще металлическаго рынка. Хотя на самомъ дѣлѣ врядъ ли возможна и такая перемѣна.

Что касается исключительно военныхъ расходовъ, на которые указываютъ обыкновенно какъ на главную причину удаленія изъ Россіи звонкой монеты и паденія цѣнности денегъ, вслѣдствіе того что въ обращеніи оставалась одна мѣдная монета, то они, какъ и всякіе заграничные платежи могли вліять на пониженіе вексельнаго курса; пониженіе же цѣнности денегъ внутри страны могло происходить только въ такомъ случаѣ, если бы для военныхъ расходовъ дѣлались выпуски обезцѣненныхъ кредитныхъ орудій обращенія съ вынужденнымъ курсомъ. Въ послѣднемъ случаѣ безразлично происходила ли война внутри страны или заграницею, — могъ падать вексельный курсъ и цѣнность денегъ въ странѣ. Если же для покрытія военныхъ расходовъ не

дѣлалось излишнихъ, подрывающихъ кридитъ выпусковъ представителей монеты, то, при расходахъ внутри страны, не было причинъ для отлива звонкой монетыза границу, для паденія вексельнаго курса и пониженія цѣнности денегъ на внутреннихъ рынкахъ. Деньги, употребляемыя на военные расходы переходили въ такомъ случаѣ изъ рукъ плательщиковъ податей въ руки правительства и возвращались обратно на рынокъ. Если же война велась за предѣлами страны, тогда дѣйствительно могъ происходить вывозъ звонкой монеты заграницу, и вызывать паденіе вексельнаго курса, но этотъ временный вывозъ не только не могъ понизить цѣнности денегъ оставвшихся на рынкѣ, а скорѣе, на оборотъ, долженъ былъ повысить ее[a]). Обыкновенно послѣ войны, и даже во время ея, монета, расходуемая за границею возвращается обратно въ страну, если того требуетъ состояніе металлическаго рынка, международная торговля, кредитъ и вообще условія вызывающія возвышеніе вексельнаго курса.

Весьма вѣроятно, что военные расходы въ первой половинѣ XVIII вѣка вызвали въ Россіи порчу серебрянной монеты и выпускъ мѣди; но порча серебрянной монеты привела только къ измѣненію монетной единицы и къ удаленію изъ обращенія старой высокопробной монеты. Выпуски же мѣди были, какъ мы видѣли, весьма умѣренны, отвѣчали потребностямъ рынка, и не могли имѣть вліянія на цѣнность денегъ, хотя платежи за границу на содержаніе войскъ и могли понижать вексельный курсъ.

Въ началѣ столѣтія самая прдолжительная, сѣверная война, ведена была преимущественно внутри Россіи. Правда, русскія войска занимали въ это время бывшія шведскія про-

---

а) См. Tooke und Neumarch. т. I стр. 42 слѣд.

винціи: Ливонію, Ингрію, Карелію и часть Финляндіи, провинціи присоединенныя въ послѣдствіи къ Россіи; въ 1711 были въ Литвѣ, а также въ Турціи. Кромѣ того нашъ флотъ и войка были въ Швеціи, Персіи, — но во всѣхъ этихъ заграничныхъ походахъ или было небольшое число войска, или же войско оставалось за границею на не продолжительное время, — слѣдовательно вывозъ звонкой монеты не могъ быть особенно великъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ теченіе всего царствованія Петра Великаго вексельный курсъ стоялъ весьма высоко, и даже тѣ небольшія колебанія, которыя мы замѣчаемъ въ это время въ вексельномъ курсѣ, слѣдуетъ приписывать не однимъ военнымъ расходамъ за границею, но и другимъ причинамъ, а особенно торговлѣ и неурожаямъ. Въ слѣдовавшія царствованія русскія войска, при Аннѣ Іоанновнѣ, осаждали Данцигъ, были потомъ въ Крыму, осаждали Очаковъ, Хотинъ и въ 1739 году переходили Прутъ. Въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны въ 1742 и 1743 годахъ занимали Финляндію. Въ теченіе всѣхъ этихъ войнъ мы замѣчаемъ колебанія вексельнаго курса, вызванныя быть можетъ отчасти военными расходами за границами Имперіи, но колебанія эти не всегда совпадаютъ по времени съ военными расходами и потому для объясненія ихъ нужно искать другихъ причинъ.

Только въ послѣднюю семилѣтнюю войну, отъ 1757 года, когда, стотысячная русская армія почти постоянно находилась заграницею, мы замѣчаемъ постепенное пониженіе до 1760 года и потомъ съ 1761 года возвышеніе вексельнаго курса. Можно съ большою вѣроятностію предполагать, что въ этотъ разъ главною причиною паденія вексельнаго курса были платежи заграницу по случаю войны.

И такъ мы видимъ, что не всѣ войны первой половины XVIII вѣка вызывали паденіе вексельнаго курса; если же

платежи заграницу на покрытіе военныхъ расходовъ и происходили, то платежи эти имѣли характеръ временныхъ отливовъ серебра изъ русскаго рынка и обыкновенно съ прекращеніемъ войнъ, и даже быть можетъ во время ихъ, русская монета вывозимая заграницу на содержаніе войска обратно, путемъ торговли, возвращалась въ Россію. Въ 1735 году возникъ вопросъ допускать ли къ привозу въ Россію русскую серебряную монету, уходившую во время войнъ заграницу. Тотъ же вопросъ поднятъ былъ опять и послѣ семилѣтней войны. Что же касается вліянія войнъ на цѣнность денегъ внутри страны, то вопросъ разрѣшается самъ собою: такъ какъ на рынкѣ не было излишнихъ выпусковъ кредитныхъ знаковъ, то вывозъ звонкой монеты по случаю войнъ могъ скорѣе возвышать, а не уменьшать цѣнность денегъ на внутреннихъ рынкахъ Россіи. Къ тому же хотя вексельный курсъ и подвергался колебаніямъ но за исключеніемъ 1760 года онъ стоялъ выше пари.

Изъ сказаннаго о состояніи вексельнаго курса въ Россіи отъ 1700 до 1762 года слѣдуетъ, что колебанія вексельнаго курса могли происходить отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ, но что кромѣ пониженія цѣнности монетной единицы колебанія эти совершенно независили отъ перемѣнъ въ денежной системѣ.

Мало того, мы не только не видимъ въ вексельномъ курсѣ признаковъ обезцѣненія денегъ, но напротивъ вексельный курсъ могъ бы служить доказательствомъ совершенно противуположнаго, т. е. что цѣнность денегъ и драгоцѣнныхъ металловъ вообще въ Россіи отъ 1700 до 1762 года, за исключеніемъ одного 1760 года, стояла выше цѣнности драгоцѣнныхъ металловъ и денегъ на остальномъ европейскомъ рынкѣ, если бы возможно было допустить существованіе такой продолжительной разности въ цѣнности драго-

цѣнныхъ металловъ на рынкахъ, связанныхъ постоянными торговыми сношеніями, и если бы не было другихъ причинъ которыя достаточно, по нашему мнѣнію, объясняютъ высокое состояніе вексельнаго курса въ Россіи, не смотря на то, что цѣнность драгоцѣнныхъ металловъ въ Россіи, какъ въ остальной Европѣ оставалаеь неизмѣнною [b]).

Лучшимъ подтвержденіемъ нашихъ доказательствъ спокойнаго состоянія денежнаго рынка Россіи отъ 1700 до 1762 года могло бы служить состояніе цѣнъ хлѣба. Но для того, чтобы на состояніи хлѣбнаго рынка основывать заключенія о цѣнности денегъ, нужны, по крайней мѣрѣ, подробныя свѣдѣнія о среднихъ хлѣбныхъ цѣнахъ, а таковыхъ къ сожалѣнію мы не имѣемъ. Тѣ немногія числовыя данныя, которыя извѣстны намъ, представляютъ отрывочныя свѣдѣнія о цѣнѣ хлѣба въ той или другой мѣстности Россіи, въ томъ или другомъ году и не могутъ дать вѣрнаго понятія о среднихъ цѣнахъ на хлѣбъ. Громадное пространство Россіи, разнообразіе физическихъ и экономическихъ условій, опредѣлявшихъ цѣны хлѣба въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, дожны были ироизводить большія отклоненія въ среднихъ цѣнахъ хлѣба. Шторхъ говоритъ, что средняя цѣна пуда хлѣба отъ

---

b) Изъ иностранныхъ писателей весьма вѣрно по нашему мнѣнію, объясняетъ состояніе вексельнаго курса въ Россіи Пейсонель. Онъ говоритъ: "трудно и даже невозможно опредѣлить съ точностію цѣнность русскаго рубля на французскія деньги, потому что она зависитъ отъ состоянія вексельнаго курса на то мѣсто, на которое въ Россіи выдаютъ векселя, преимущественно на Амстердамъ. Война или миръ, правительственные займы спросъ на талеры, время покупки товаровъ, обыкновенно въ январѣ и маѣ до сентября, производятъ частыя измѣненія цѣнности рубля". Замѣтимъ, что Пейсонель былъ весьма компетентный судья. Онъ занимался изученіемъ черноморской торговли, какъ самъ говоритъ, съ 1750 года; а въ 1753 году былъ назначенъ французскимъ консуломъ къ Крымскому Хану, гдѣ могъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія о русской торговлѣ и деньгахъ. См. Peyssonel Traité sur le commerce de la mer noire т. 1, стр. 277.

1797 до 1803 года равнялась въ Кіевѣ 23 коп., въ Тамбовѣ 27 коп., въ Астрахани 46 коп., въ Москвѣ 62 коп., а въ Петербургѣ 90 коп. ассигнаціями. По отчету министра внутреннихъ дѣлъ за 1804 годъ значится, что среднія цѣны на хлѣбъ въ послѣдніе четыре мѣсяца этого года по различнымъ мѣстностямъ измѣняются отъ 1 руб. 95 коп. до 12 руб. 50 коп. или какъ 1 : $6^{41}/_{100}$. Еще большее разнообразіе цѣнъ представляла Сибирь, такъ въ 1772 году въ Красноярскѣ цѣна ржаной муки равнялась 3 коп. пудъ; пшеничной 5 коп. пудъ, тогда какъ въ Табольскѣ ржаная стояла $11\frac{1}{2}$ коп., а пшеничная 23 коп. [a]). Не можетъ быть сомнѣнія, что и въ первую воловину XVIII вѣка среднія цѣны на хлѣбъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ представляли такое же, если не большее, разнообразіе. При такихъ условіяхъ даже средняя цѣна хлѣба для цѣлой Россіи не могла бы давать вѣрнаго масштаба для опредѣленія цѣнности денегъ, и только таблицы цѣнъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ могли бы представлять болѣе надежныя основанія для справедливыхъ заключеній. Принимать же отрывочныя свѣдѣнія о цѣнахъ хлѣба въ какой нибудь отдѣльной мѣстности за мѣрило цѣнности денегъ въ цѣлой Россіи было бы большою ошибкою. По этому мы, въ виду недостатка статистическаго матеріала, должны ограничиться общими замѣчаніями о состояніи хлѣбнаго рынка Россіи первой половины XVIII вѣка, надѣясь и при тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя мы имѣемъ, если не опредѣлить состояніе денежнаго рынка то по крайней мѣрѣ, указать, что и въ колебаніяхъ хлѣбныхъ цѣнъ нельзя искать признаковъ обезцѣненія денегъ.

Мы видѣли, что въ западной Европѣ главною причиною колебанія цѣнъ хлѣба были періодическіе урожаи и неуро-

---

a) Storch, Cours d'économie politique, томъ 1, стр. 483.

жаи. Хотя урожайные и неурожайные годы случались не всегда одновременно на континентѣ и въ Англіи, однако же хлѣбный рынокъ западной Европы, въ XVIII вѣкѣ, а особенно въ первую половину его, представляетъ много общаго. Тукъ, разсматривая хлѣбный рынокъ XVIII вѣка во Франціи, приводитъ мнѣніе J. Lowe, который говоритъ, что въ различныхъ мѣстностяхъ Европы лежащихъ подъ одними градусами широты, смотря при томъ по особенностямъ климата, замѣчается одинаковость урожаевъ; что мѣстности Европы между 45 и 55 градусами, производящія по преимуществу хлѣбъ, какъ Британія, Ирландія, сѣверная Франція, Нидерланды, Данія, сѣверная и сѣверо-восточная Германія и Польша представляютъ одновременность урожаевъ, такъ что при недостаткѣ свѣдѣній о состояніи урожаевъ на континентѣ, достаточно сравнить цѣны хлѣба съ англійскими, чтобы знать состояніе жатвъ на континентѣ [a]).

Справедливость этого мнѣнія лучше всего подтверждается сравненіемъ общаго состоянія хлѣбнаго рынка Россіи съ состояніемъ хлѣбныхъ рынковъ западной Европы.

Мы видѣли, что хлѣбные рынки западной Европы представляютъ одну общую характеристическую особенность въ XVIII вѣкѣ. Съ начала столѣтія, въ первые 15 — 25 лѣтъ повторяются довольно частые неурожаи и цѣны на хлѣбъ стоятъ довольно высоко; потомъ до 60-хъ годовъ столѣтія слѣдуетъ цѣлый періодъ урожайныхъ годовъ и дешевизны, прерываемый немногими неурожайными годами.

Наконецъ съ шестидесятыхъ годовъ столѣтія наступаютъ частые почти періодическіе неурожаи; цѣны хлѣба достигаютъ чрезвычайной высоты и подвергаются при томъ сильнымъ колебаніямъ Этотъ періодъ дороговизны не только

а) Tooke und Neumarch, томъ 1, стр, 29.

продолжается до конца XVIII столѣтія, но переходитъ и въ XIX столѣтіе и оканчивается 1819 годомъ.

Какъ ни разнообразны климатическія условія въ самой Россіи, по отдѣльнымъ мѣстностямъ, и какъ ни велика въ этомъ отношеніи разница между ею и остальною Европою, мы замѣчаемъ однако же, что состояніе хлѣбныхъ рынковъ западной Европы можетъ вполнѣ характеризовать и состояніе хлѣбнаго рынка Россіи. И здѣсь мы замѣчаемъ ту же періодичность неурожаевъ и высокихъ цѣнъ въ началѣ столѣтія, до конца царствованія Петра Великаго, и потомъ съ 1766 года, и до конца столѣтія; время же отъ 1725 до 1762 года, какъ и на западѣ Европы, представляетъ періодъ урожаевъ, обилія и дешевизны хлѣба.

Весьма естественно, что въ государствахъ западной Евроны, при незначительномъ пространствѣ рынковъ, мы замѣчаемъ рѣзкое отличіе урожайныхъ отъ неурожайныхъ годовъ. Тогда какъ въ Россіи, при обширности пространства, повсемѣстные неурожаи представляютъ весьма рѣдкое явленіе, за то и въ самые благопріятные годы, всегда попадаются отдѣльныя мѣстности, страдающія отъ скудныхъ жатвъ. Для общей же характеристики хлѣбнаго рынка Россіи мы принимаемъ состояніе урожаевъ въ центральныхъ и южныхъ губерніяхъ.

Попытаемся нѣсколько подробнѣе разсмотрѣть состояніе хлѣбнаго рынка Россіи въ первую половину XVIII вѣка на основаніи того скуднаго матеріала, который мы имѣемъ [a]).

---

a) Мы пользовались главнымъ образомъ слѣдующими сочиненіями:

Историческое и статистическое обозрѣніе неурожаевъ въ Россіи священника Словцова. Въ сборникѣ стат. свѣд. о росс. Им. русск. геогра. Общества, книжка III. Семенова изученіе историч. свѣд. о россійской внѣш ней торговлѣ и промышл., томъ I, и III. Исторія краткая Россійской торговли, Москва 1788.

На канунѣ XVIII вѣка въ Россіи были довольно частые неурожаи, но о нихъ мы имѣемъ мало свѣдѣній. Извѣстно, что въ 1690 году былъ неурожай въ южной полосѣ Россіи и въ сосѣднихъ великорусскихъ губерніяхъ; причиною неурожая была саранча. Въ 1696 и 1697 годахъ были неурожаи въ Сибири, преимущественно въ Тобольской губерніи, «пашенные земли и стѣпные покосы вешнею водою топило».

Съ началомъ XVIII вѣка начинается періодъ неурожайныхъ годовъ и дороговизны хлѣба.

Въ 1705 году запрещенъ былъ отпускъ хлѣба изъ Россіи за море подъ страхомъ смерти; хотя причины такого запрещенія съ точностію неизвѣстны, но самая вѣроятная, безъ сомнѣнія, неурожай.

Въ 1710 году оказался голодъ въ Петербургѣ отъ недостатка рабочихъ рукъ, а вслѣдствіе того и отъ худаго ухода за посѣвами; люди въ большомъ количествѣ падали отъ мороваго повѣтрія и умирали. Слѣдующіе годы отъ 1711—1715 г. вѣроятно были благопріятны, судя по нѣкоторымъ распоряженіямъ относительно хлѣбной торговли. Такъ въ 1711 году велѣно было отъ казны торговать хлѣбомъ изъ Архангельска. Въ 1713 году является первая общая мѣра относительно заграничной торговли хлѣбомъ: дозволено было отпускать хлѣбъ за море, если въ Московской губерніи и въ окружныхъ городахъ цѣна четверти ржи равнялась рублю или меньше. Въ 1714 году Выборгу дозволено торговать хлѣбомъ съ платежемъ пошлинъ.

Въ 1716 году является неурожай почти повсемѣстный. Петръ Великій изъ Парижа прислалъ запрещеніе вывозить хлѣбъ изъ Архангельска, Петербурга, Риги и Ревеля. Въ слѣдующемъ, 1717 году было уже дозволено вывозить хлѣбъ за пошлину; а въ 1718 году велѣно не задерживать въ Ригѣ отпуска хлѣба, дабы тѣмъ не испортить торговли.

Вѣроятно слѣдствія неурожайныхъ годовъ были весьма чувствительны. Въ 1720 году Петръ Великій велѣлъ «учинить экономіи генеральнаго, котораго должность первая надъ хлѣбомъ, чтобъ вездѣ запасный былъ, дабы въ неурожайные годы народъ голоду не терпѣлъ»; и приказано было учредить запасные хлѣбные магазины. Мѣры эти вскорѣ оказались весьма полезными; въ 1721 году оказался неурожай въ Соликамской провинціи, а въ 1722 году всеобщій.

Недостатокъ хлѣба въ 1722 году былъ очень великъ. Сначала запрещенъ былъ вывозъ хлѣба изъ Россіи; но этой мѣры было недостаточно, и потому дозволено иностранцамъ привозить хлѣбъ въ Петербургъ свободно и безпошлинно Этотъ свободный ввозъ хлѣба «для продолжавшагося еще въ Россіи неурожая» дозволенъ былъ также въ 1723 и 1724 годахъ. Въ послѣднемъ году иностранцамъ дозволено было даже торговать хлѣбомъ въ Петербургѣ оптомъ и врозвь. Наконецъ въ 1725 году при Екатеринѣ I «для недовольствія въ хлѣбѣ», дозволено было возить хлѣбъ изъ за моря.

Послѣ этого ряда неурожаевъ, особенно сильныхъ въ 1716 и 1722 годахъ, наступаетъ періодъ благопріятныхъ жатвъ и дешевизны хлѣба. Если и въ этотъ періодъ встрѣчаемъ недороды хлѣба, то они ограничиваются небольшими мѣстностями. Такъ напр. въ 1731 году былъ неурожай въ Эстляндіи, въ 1732 году въ Лифляндіи, повсемѣстные же неурожаи въ средней и южной полосѣ Россіи случаются рѣдко.

Въ 1733 и 1734 годахъ неурожаи оказались почти во всей средней полосѣ Россіи: въ Смоленской, Московской, Нижегородской губерніяхъ; въ Алаторской, Тверской и Углицкой провинціяхъ. Причиною неурожая 1733 года была засуха. Правительство разослало указы о молебствіяхъ по случаю бездождія. Недостатокъ же сѣмянъ по случаю неу-

рожая 1733 года былъ причиною того, что рабочій классъ людей разбѣжался, оставивъ поля незасѣянными и необработанными, вслѣдствіе чего продолжался голодъ и въ 1734 г.

Въ 1733 году обнаружились волненія въ низшемъ классѣ. Крестьяне Смоленской губерніи отказались платить подушную подать и экзекуцныя кормовыя деньги. Въ Москвѣ и около Москвы, по Нижегородской дорогѣ явились безчисленныя толпы нищихъ, «во многихъ мѣстахъ крестьяне пухли и лежали больны, а нѣкоторые и умирали». Въ Москвѣ Твери и Смоленскѣ выдавали хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ. Дозволено было изъ Польши, Лифляндіи и Эстляндіи привозить хлѣбъ безпошлинно и въ пострадавшихъ отъ голода мѣстахъ сложены были недоимки.

Послѣ неурожаевъ 1733 и 1734 годовъ, вліяніе которыхъ должно было обнаружиться на всемъ хлѣбномъ рынкѣ Россіи, слѣдуютъ годы хорошихъ жатвъ. По временамъ являлись только недороды хлѣба въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ.

Въ 1738 году запрещенъ былъ отпускъ хлѣба изъ Архангельска впредъ до указа, а въ слѣдующемъ году подтверждено было прежнее дозволеніе возить хлѣбъ изъ Архангельска, когда на Москвѣ цѣна его будетъ ниже рубля или рубль за четверть. Въ 1740 году отпускъ хлѣба въ началѣ года былъ запрещенъ, но въ концѣ года опять разрѣшенъ. Вообще 1739 и 1740 годы были, какъ кажется, неблагопріятны для посѣвовъ почти во всей Европѣ.

Съ 1740 и до 1762 года, въ теченіе 22 лѣтъ, мы встрѣчаемъ одинъ только разъ 1748 и 1749 году жалобы на недостатокъ хлѣба и голодъ въ средней и южной полосѣ Россіи.

Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и до 1749 года обнаруживался иногда недостатокъ въ хлѣбѣ отъ неурожаевъ и отъ другихъ причинъ. Такъ въ 1741 году «отпущено было

изъ Россіи хлѣба непомѣрное количество, а особливо въ Лифляндіи; ибо крестьяне льстясь на прибыль, продали за море весь хлѣбъ безъ остатку, а отъ того и учинился тамо голодъ»; вслѣдствіе этого запрещенъ былъ отпускъ хлѣба только изъ однихъ Остзейскихъ провинцій, отпускъ же изъ Петербурга дозволенъ; напротивъ въ 1744 году отпускъ изъ Петербурга былъ запрещенъ, а изъ Остзейскихъ провинцій дозволенъ.

Годы 1748 и 1749 должны были вызвать дороговизну хлѣба въ большей части Россіи. Въ 1748 году явилась саранча въ Малороссіи (четвертый разъ) «въ такомъ множествѣ, что еще будучи пѣшею закрывала всѣ поля, и не смотря на то что правительство распорядилось окапывать поля рвами и сожигать въ оныхъ саранчу соломою, топтать скотомъ и употреблять другія разныя средства, она однакоже окрылившись избѣгала усилій человѣческихъ и губительно переносилась съ нивы на ниву.» Опасались голода особенно зимою, такъ какъ оказался недостатокъ въ хлѣбѣ и кормѣ скоту. И дѣйствительно люди «ѣли лебеду, траву и толченую древесную кору, отъ чего разумѣется пухли и умирали.» Развилось нищенство, «и не смотря на строгія мѣры правительства, нищіе явились въ числѣ 406 человѣкъ и запрудили улицы Бѣлгорода.» Вся Малороссія на три года была освобождена отъ безденежнаго продовольствія полковъ провіантомъ и фуражемъ и отъ индукты. Въ слѣдующемъ, 1749 году оказался неурожай въ Московкой, Бѣлогородской (нынѣ Курская) и Смоленской губерніяхъ, а также въ Рижскомъ, Венденскомъ и Перпавскомъ уѣздахъ Лифляндіи, «ржанному урожаю не было, а вмѣсто ржи родилась лебеда.» Послѣ 1749 года мы встрѣчаемъ до 1765 года одинъ только мѣстные недороды хлѣба. Такъ въ 1754 году Воронежская губернія пострадала отъ града, въ 1766 году

была большая стужа у татаръ возлѣ Днѣпра, отчего пало много скота, а въ 1756 году по случаю неурожая и военныхъ обстоятельствъ запрещенъ былъ отпустъ хлѣба изъ Риги. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказался неурожай и въ 1762 г.

Вотъ всѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ объ урожаяхъ въ первую половину XVIII вѣка. Мы видѣли, что самое большое количество неурожаевъ выпадаетъ на время царствованія Петра Великаго; особенно сильны неурожаи были въ 1716 и 1722 году. Несравненно меньшее количество неурожаевъ мы замѣчаемъ въ остальные 38 лѣтъ Здѣсь только 1733, 1734, 1748 и 1749 годы можно считать годами общихъ неурожаевъ.

Несомнѣнно, что неурожаи вызывали возвышеніе и колебанія цѣнъ хлѣба, и судя по количеству неурожаевъ можно предполагать, что цѣны хлѣба въ царствованіе Петра Великаго были болѣе высоки чѣмъ при его преемникахъ, хотя разница въ цѣнахъ не могла быть особенно велика.

Къ такимъ же заключеніямъ приводятъ и тѣ немногія числовыя данныя, которыя мы имѣемъ. Такъ по табели о полевой арміи, составленной въ 1720 году, цѣна провіанту и фуражу опредѣлена была для всего государства одна:

муки ржаной четверть 1 р. 50 к.
крупъ . . . . . . 2 » –
овса . . . . — 50 к.
сѣна за пудъ . . . — 3 к.

По этимъ цѣнамъ продовольствовалась армія до 1731 г. [a]). Въ этомъ году по проэкту военной коммиссіи цѣны на предметы продовольствія арміи измѣнены. Военная коммиссія находила, что «во время составленія табели (1720) цѣна хлѣбу была высокая, и отъ году до году прибавлялась; а послѣ

a) П. С. З. томъ XLIII, часть 1, книга Штатовъ, стр. 15 и 90.

того при благополучныхъ хлѣбородныхъ временахъ цѣна унизилась, а табельная цѣна по обстоятельствамъ такихъ благополучныхъ лѣтъ непремѣнена» вслѣдствіе чего оказались остатки провіанта и денегъ неизрасходованными, «и такой великой остатокъ какъ провіанту, такъ и деньгамъ ни отъ инаго чего, токмо отъ дешевыхъ цѣнъ»... «Того ради коммиссія положила, на приготовленіе на армію и гарнизоны провіанта и фуража назначить во всемъ государствѣ генерально посредственную цѣну противъ оной табели съ убавкою», и именно: четверть муки . . . . 1 р. 20 к.
крупъ. . . . . 1 » 50 »
овса . . . . — 45 »
сѣна пудъ . . . . . . — 3 »

По этимъ цѣнамъ армія продовольствовалась до Екатерины II.

При недостаткѣ свѣдѣній о цѣнахъ мы думаемъ, что приведенныя нами цѣны провіанта и фуража могутъ представлять среднія цѣны хлѣба въ Россіи за первую половину столѣтія. Основываясь на нихъ можно сказать, что хлѣбный рынокъ Россіи представляетъ тѣ же явленія, какія мы замѣчали и въ западной Европѣ: въ началѣ столѣтія до 1725 г. цѣны хлѣба вслѣдствіе неурожаевъ стоятъ выше чѣмъ въ слѣдующій, до 1765 года періодъ урожаевъ и дешевизны [b]). Если во все это время и могли случаться колебанія цѣнъ,

---

а) Нѣсколько цифръ изъ таблицы приводимой Семеновымъ могутъ также служить подтвержденіемъ такого заключенія.

Цѣна отпускныхъ товаровъ заграницу.

	1710 г.	1724 г.	1731 г.	1754 г.	1760 г.
Пенки берк.	9 р.	9 р.	9 р.	9 р.	12¼ р.
Льна берк.	11 р.	10—15 р.	10—15 р.	10—15 р.	18 р.
Пшеницы четв.	„	3 р. 50 к.	2 р.	„	3 р. 60
Ржи четв.		2 р. 50 к.	1 р.	„	„
Масла сем. берк. . . .	10 р. 60	10 р.	10 р.	10 р.	10 р.

См. Семеновъ, томъ III, стр. 503.

то приписывать их измѣненію цѣнности денегъ, нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ колебанія эти были кратковременны, рѣдки и объясняются неурожаями. Конечно пониженіе монетной единицы должно было вызвать возвышеніе цѣнъ, но вліяніе денегъ на перемѣны хлѣба тѣмъ только и ограничивалось; что же касается мѣдной монеты, то мы видимъ, что періодъ дешевизны хлѣба совпадаетъ съ большими выпусками мѣдной монеты, и слѣдовательно приписывать мѣднымъ деньгамъ возвышеніе цѣнъ нѣтъ никакихъ основаній. Вообще же первая половина XVIII столѣтія представляетъ періодъ дешевизны и постоянства цѣнъ хлѣба.

Не то мы видимъ во второй половинѣ столѣтія. Съ 1765 года, какъ и въ западной Европѣ, начинаются частые неурожаи, дороговизна хлѣба и сильныя колебанія цѣнъ. Уже и въ прошломъ вѣкѣ нѣкоторые писатели обращали вниманіе на рѣзкое измѣненія цѣнъ хлѣба начиная съ 1765 г., и искали причинъ для разъясненія такого явленія. Замѣчательно «разсужденіе» князя Щербатова «о нынѣшнемъ въ 1787 году почти повсемѣстномъ голодѣ къ Россіи, о способахъ тому помочь и впредъ предупредить подобное же несчастіе». Изъ этого разсужденія мы узнаемъ, что въ 1760 году рожь въ Московской губерніи въ Гжатской пристани была по 86 коп. четверть; въ 1763 году поднялась до 95 копѣекъ, «а потомъ часъ-отъ-часу подымаясь цѣною, уже въ 1773 году вошла въ 2 руб. 19 коп., а нынѣ (1787) уже и до семи рублевъ дошла, безъ надежды чтобы могла и унизиться. Равно сему и во всѣхъ другихъ городахъ.»

Замѣчательно, что во второй половинѣ прошлаго вѣка, не смотря на громадные выпуски мѣди и ассигнацій, дороговизну хлѣба объясняли не измѣненіемъ цѣнности денегъ, а другими обстоятельствами. Такъ Тепловъ представлялъ сенату, что дороговизна хлѣба происходитъ «отъ излишнихъ

поборовъ со крестьянъ». Шторхъ между прочимъ приписывалъ тому, что ослабѣла барщинная обработка земли, и что крестьяне отпускаются на оброкъ. Многіе причину зла видѣли въ отобраніи монастырскихъ крестьянъ; Щербатовъ жалуется на «вкравшееся сластолюбіе во всѣ чины государственные даже и до крестьянъ» и т. д.

Возвышеніе цѣнъ хлѣба, начавшееся съ 1765 года продолжалось и въ XIX столѣтіе. Въ 1826 году академія наукъ назначила конкурсъ на разрѣшеніе задачи: «извѣстно, что ходячая цѣна земледѣльческихъ произведеній Россіи, постоянно возвышавшаяся съ половины XVII столѣтія въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ понизилась. Опредѣлить въ точности время, съ котораго началось сіе измѣненіе въ цѣнахъ каждаго изъ важнѣйшихъ произведеній, объяснивъ при томъ какія причины сего явленія»... Рѣшенія относительно времени прекращенія дороговизны почти сходятся въ томъ, что съ 1819 г. прекращается періодъ высокихъ цѣнъ [a]). Этимъ годомъ, какъ мы видѣли, прекращается дороговизна и въ западной Европѣ.

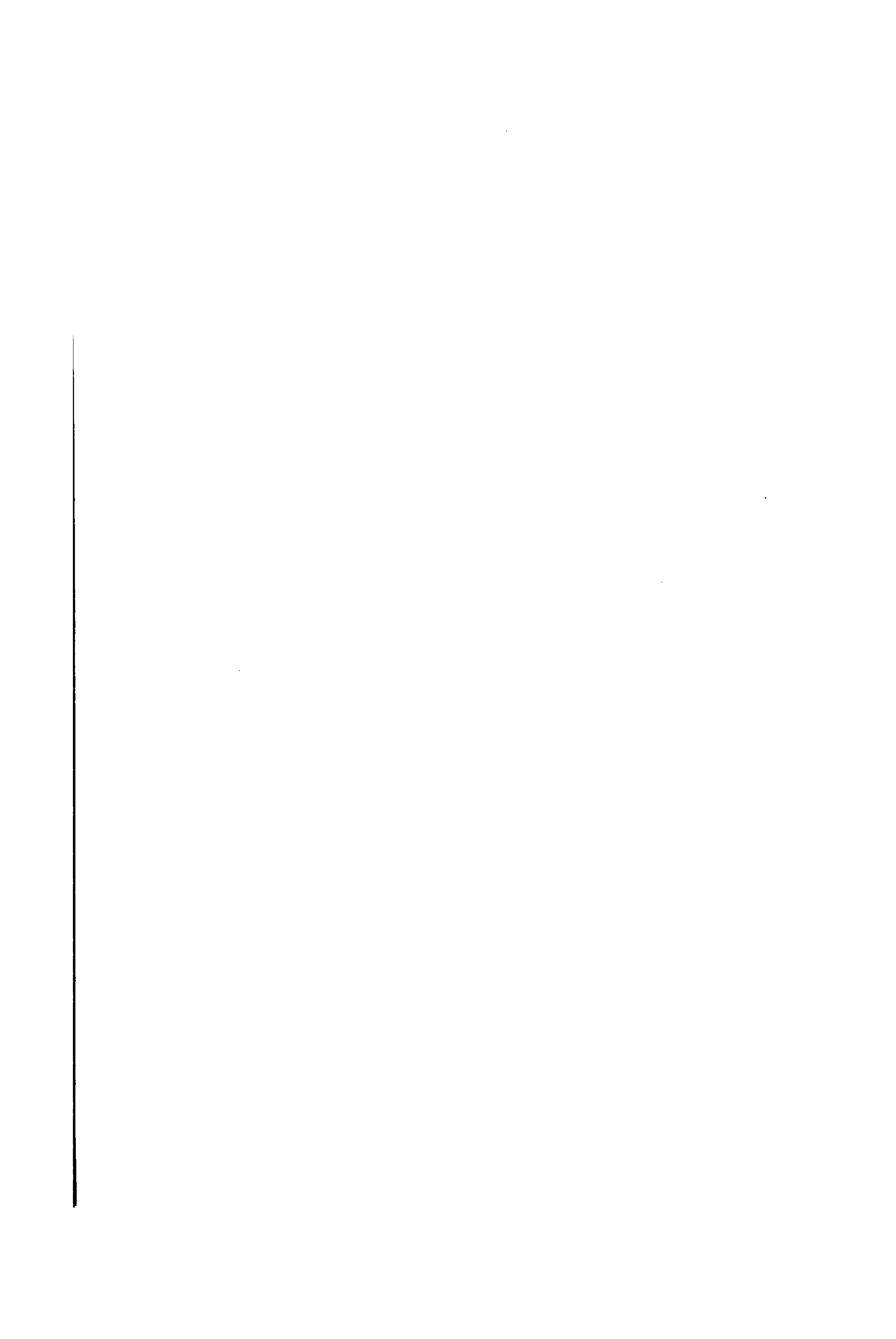
а) См. Фомина о пониженіи цѣнъ на земледѣльческія произведенія Россіи, С.-Пб. 1829 г.

1. «Записки Императорскаго Новороссійскаго университета» выходятъ въ неопредѣленное время, по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, отдѣльными выпусками отъ 5 до 6 листовъ. Каждые 6 такихъ выпусковъ составляютъ одинъ томъ.

2. Въ запискахъ помѣщаются ученые труды лицъ, принадлежащихъ къ университету, по одобреніи ихъ всякій разъ къ печати подлежащимъ факультетомъ.

Примѣч. Члены факультетовъ могутъ представлять въ факультетъ и статьи постороннихъ лицъ для напечатанія въ запискахъ, также съ одобренія факультета.

3. Помѣщаемыя въ запискахъ статьи могутъ быть печатаемы, по желанію авторовъ, какъ на русскомъ, такъ и на латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.



A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

SMALL-STUDY
CHARGE
CANCELLED

Widener Library
3 2044 092 554 021